

СССР ФЭНДЭР АКАДЕМИЯҢЫ
БАШКОРТОСТАН ФИЛИАЛЫ
ТАРИХ, ТЕЛ ҺӘМ ЭЗЭБИӘТ ИНСТИТУТЫ

БАШКОРТОСТАН
АРХЕОЛОГИЯҢЫ
һәм
ЭТНОГРАФИЯҢЫ

I

Р. Ф. КУЗЕЕВ һәм К. В. САЛЬНИКОВ

редакцияһында

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
БАШКИРСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

АРХЕОЛОГИЯ
и
ЭТНОГРАФИЯ
БАШКИРИИ

I

Под редакцией

Р. Г. КУЗЕЕВА и К. В. САЛЬНИКОВА

902.6 (С 17 БАШК) + 902.7 (С 17 БАШК)
А87

Археология и этнография Башкирии, I. Уфа, ВФАН СССР, 1962.
368 стр. с илл. 1000 экз. 2 руб. 66 коп.

В книгу включены работы, написанные на материалах археологических и этнографических экспедиций на территории Башкирии, Челябинской, Курганской и Свердловской областей. Археологические работы посвящены исследованиям памятников эпохи неолита и бронзы на Южном Урале, курганных могильников сарматских племен в южной Башкирии, а также памятников бахмутинской культуры по нижнему течению р. Белой. Этнографические исследования касаются этнической истории, материальной и духовной культуры башкир. В книге дается характеристика состояния изученности башкиро-мадьярской проблемы и этнографической коллекции по башкирам, хранящейся в Венгерском этнографическом музее.

902.6 (С 17 БАШК) + 902.7 (С 17 БАШК)
А87

Наданием настоящего сборника Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР начинает систематическую публикацию археологических и этнографических материалов, накопленных и изученных за последние годы.

Содержание книги составляют работы, подготовленные в основном научными сотрудниками сектора археологии, этнографии и искусства ИИЯЛ ВФАН СССР. В сборник включены также статьи ученых Москвы, Ленинграда и Челябинска, написанные на основе полевых материалов, собранных во время экспедиционных исследований на территории Башкирии и соседних с ней областей.

Публикуемые здесь результаты изучения некоторых фактов и явлений из истории материальной и духовной культуры народов Башкирии сгруппированы в три раздела.

Первый, археологический раздел, посвящен исследованиям древнейших памятников на Южном Урале, восходящих к эпохам палеолита, неолита, бронзы и железа. Значительная часть помещенных в данном разделе материалов продолжает публикацию новых открытий в области древней истории Башкирии, начало которой было положено вышедшим ранее «Башкирским археологическим сборником» (Уфа, 1959).

Этнографический раздел книги содержит статьи по материальной и духовной культуре, а также по некоторым вопросам этнической истории зауральских башкир. Здесь же впервые подробно описываются башкирские коллекции Государственного музея этнографии народов СССР в Ленинграде и Венгерского этнографического музея в Будапеште.

Особый раздел составляют антропологические материалы, которые имеют важное значение для выяснения этногенетических процессов, связанных с происхождением башкир.

Коллектив авторов выражает свою признательность М. В. Суриной и А. Х. Пшеничнюку, которые провели большую и кропотливую работу по техническому оформлению сборника, а также Г. И. Мухаметшину и Ю. Г. Трофимову, выполнившим рисунки к статье сборника.

АРХЕОЛОГИЯ

О. Н. БАДЕР

СЛЕДЫ ПАЛЕОЛИТА НА ЮЖНОМ УРАЛЕ ¹

На всем огромном протяжении Урала до сего времени известна лишь одна палеолитическая стоянка, раскопки которой дали комплекс остатков материальной культуры, достаточно обширный для того, чтобы судить об особенностях верхнепалеолитической культуры Среднего Урала; это — стоянка Талицкого в низовьях р. Чусовой ².

На Южном Урале следы палеолитического человека уже довольно многочисленны, но, несмотря на это, характер палеолитической культуры продолжает оставаться здесь совершенно неясным.

Давно известно довольно неясное местонахождение кремневых орудий и фауны верхнепалеолитического характера у с. Идельбаева на р. Губерле ³ и еще менее достоверная находка якобы неандерталондного черепа у Илецкой защиты ⁴.

В 1913 г. С. И. Руденко детально обследовал большую Игнатьеву пещеру (Ямазы-Таш) у с. Серпиевки на р. Сим и вскрыл в ней пробную траншею, в которой обнаружил расколотые кости и почти полный скелет пещерного

медведя. При раскопках и на поверхности пещеры найдено несколько кремней, но без характерных следов обработки; они служили скорее для высекания огня ¹.

Впоследствии, как будет показано ниже, в Игнатьевой пещере были открыты следы палеолита.

После случайного открытия в 1936 г. Усть-Катавской пещеры с палеолитической фауной и раскопок ее в 1937 г. С. Н. Бибиковым ² в 1937—1939 гг. были произведены рекогносцировочные исследования во многих пещерах по берегам рр. Юрюзани, Сима и Катава и в некоторых из них были обнаружены несомненные следы временных палеолитических стоянок ³.

Но во всех обследованных пещерах найдено всего 11 кремневых отщепов (в Ключевой — 6, в Бурановской — 3, в Кочкарях — 2). Палеолитическая культура Южного Урала осталась неясной.

Уже во время Великой Отечественной войны, в 1942 г. или несколько ранее, геологом Н. А. Преображенским в разведочном раскопе в Мурадымовской пещере на р. Большой Ик были найдены кости животных и кремневый скребок верхнепалеолитического типа из серой

¹ Из доклада автора на совместном заседании Института истории, языка и литературы и Горно-геологического института Башкирского филиала АН СССР 23 сентября 1960 г.

² О. Н. Бадер, Первоначальное заселение Урала и Волгокамья человеком, УЗ Пермского университета, т. V, вып. 2, 1947; его же, Основные этапы этнокультурной истории и палеогеографии Урала, МИА, 79, 1960.

³ П. П. Ефименко, Первообытное общество, Киев, 1953, стр. 590.

⁴ В. В. Богачев, Об одной утраченной палеонтологической находке, «Природа», 1940, № 9, стр. 94.

¹ С. И. Руденко, Лаклинская и Игнатьева пещеры Южного Урала, «Труды Общества землеведения при Петербургском университете», т. III, СПб., 1914.

² С. Н. Бибинов, Раскопки Усть-Катавской костеносной пещеры и археологическое обследование правобережья р. Катав в районе поселка Усть-Катав (Южный Урал), МИА, 2, 1941.

³ С. Н. Бибинов, Пещерные палеолитические местонахождения в нагорной полосе Южного Урала, СА, XII, 1950.

яшмы с восточного склона Южного Урала, переданный затем В. И. Грому¹.

Это местонахождение, будучи известно Б. А. Кошчевскому, позволило ему в сводке об археологических памятниках Башкирии отнести Мурадымовскую пещеру к числу палеолитических². Туда же попала и Идрисовская пещера с рисунками, сделанными красной краской и похожими на азийские рисунки Западной Европы³.

В 1948 г. студентом Пермского университета Игорем Захаржевским по поручению автора было произведено археологическое обследование Мурадымовской пещеры, при этом в пробном шурфе найдена кремневая ножевидная пластина⁴.

Далее, в 1951 г. М. А. Бадер обследовала Игнатиеву и Идрисову пещеры. В обеих собрана четвертичная фауна, многие кости расколоты. Зафиксированы нанесенные на стену красной краской у входа в Идрисову пещеру человеческие фигуры; их трудно датировать, но мезолитический возраст их возможен⁵.

В 1956 г. на р. Сим автором статьи была направлена разведочная группа в составе С. Н. Астахова и П. О. Бадера, обследовавшая берега этой реки от ст. Вавилово (Аша) до устья, но палеолита не обнаружившая⁶.

Наконец, в 1959 г. А. П. Шокуровым у дер. Горново, близ Уфы, открыто и тогда же обследовано совместно с В. Л. Яхимович и автором очень интересное палеолитическое местонахождение в аллювии р. Белой⁷.

В том же году сотрудником Башкирского государственного заповедника А. В. Рюминым были обнаружены древние рисунки в Каповой пещере, в верхнем течении р. Белой, которые он отнес к эпохе палеолита и чрезвычайно широко популяризировал в газетной и журнальной прессе¹. При этом были опубликованы в

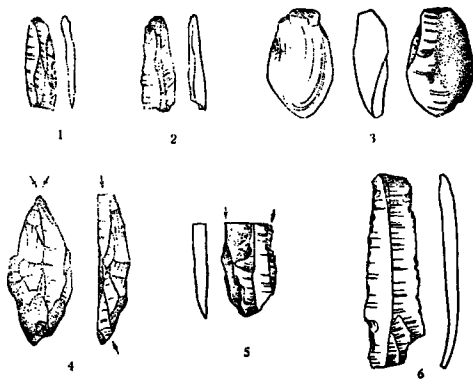

Рис. 1. Кремневые предметы из палеолитических местонахождений: 1—3—Мурадымовская пещера; 4—местонахождение у дер. Горново; 5—6—пещера Димасы-Таш.

прорисы изображения лошади, мамонта и пещерного медведя и в подретушированных фотоснимках — двух медведей, «львицы» и той же лошади².

Доклады А. В. Рюмина в Государственном историческом музее и в Институте археологии АН СССР возбудили интерес, но встретили и немало критических замечаний. Так, например, автором³ было указано, что первый этаж Каповой пещеры, находящийся на высоте всего 7—8 м над уровнем р. Белой, геологически молод и в эпоху палеолита мог быть еще не дос-

¹ Из письма Н. А. Преображенского к автору от 4 апреля 1942 г.

² Б. А. Кошчевский. Итоги археологического изучения Башкирской АССР, «Историко-археологический сборник» Научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы, М., 1948, стр. 164.

³ Там же.

⁴ О. Н. Бадер. Палеолитические и неолитические пещеры Урала, Доклады Общества естественных наук при Пермском университете, вып. 1, 1951, стр. 23.

⁵ О. П. Бадер, В. А. Оборин, На заре истории Прикамья, Пермь, 1958, рис. 7.

⁶ О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1956 году, КСИИМ, 74, 1957, стр. 111, рис. 46.

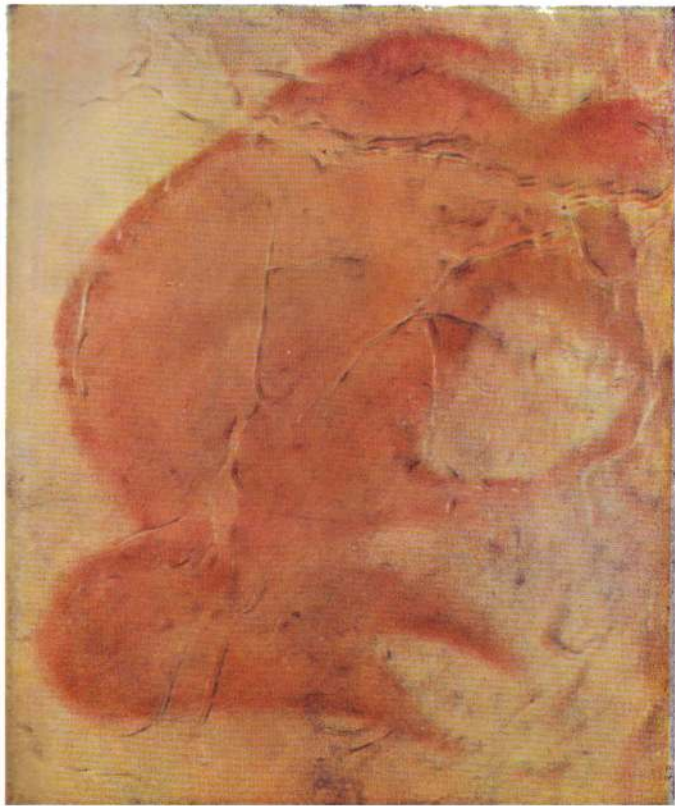
⁷ А. П. Шокуров, О. П. Бадер. Палеолитическое местонахождение на р. Белой. Сб. «Вопросы геологии восточной окраины Русской платформы и Южного Урала», вып. 5, Уфа, 1960, стр. 139.

¹ А. В. Рюмин, Тайна древнего Урала, Журн. «Вокруг света», 1960, № 4, стр. 44; Ю. Гурьев, «Эрмитаж» пещерного человека, Газета «Известия», № 306 от 27 декабря 1959 г. и др.

² Н. Мец, Рисовал первобытный человек, Журн. «Огонек», 1960, № 1, стр. 29; А. Рюмин, Первобытный человек на Южном Урале, Газета «Магнитогорский металл», № 95 (3025) от 12 августа 1959 г.; А. Рюмин, Древнейший художник земли, журн. «Вокруг света», 1960, № 3, стр. 64.

³ О. Н. Бадер, Экспедиция даст ответ, Журн. «Вокруг света», 1960, № 4, стр. 44.

Р и с. 3. Первая фигура мамонта в пещере Шульган-Таш.
Рис. К. Н. Исахаров по целлофану А. К. Тарасевич.

Р и с. 4. Первая фигура лошади в пещере Шульган-Таш.
Цветная фотография А. К. Тарасевича.

тупен человеку и животным; что человек не мог рисовать в пещере саблезубого тигра, которого определил среди рисунков А. В. Рюмин, т. к. этот древний хищник исчез на земле задолго до появления живописи в верхнем палеолите и т. д.

Для проверки открытия А. В. Рюмина Институтом археологии АН СССР была организована специальная экспедиция под руководством автора¹, которая провела свою работу в течение сентября 1960 г.

Желая застраховать экспедицию от полной неудачи в случае отрицательных результатов обследования Каповой пещеры, я по пути в эту пещеру начал, а по возвращении из Каповой пещеры закончил рекогносцировочные раскопки Мурадымовской пещеры на правом берегу р. Большой Ик, в бассейне р. Урал, в 3 км от дер. Юлдыбаева 3-я (Мурадымова тож). Учитывая находки Н. А. Преображенским и И. Захаржевским в этой пещере расщепленных костей животных, каменного скребка и ножевидной пластины, я рассчитывал здесь на более обильные следы палеолита и не ошибся.

В Мурадымовской пещере мы вскрыли площадь в 42 м², расположенную в передней части пещеры под линией навеса и у самого края крутого склона в речную долину. Северная стенка раскопа дала нам поперечный разрез наслоений пещеры.

Здесь, в древних желтых суглинках, насыщенном обвалочном каменным материалом и прослеженных до глубины свыше 3 м до скалистого дна пещеры, были обнаружены между отметками 1,62 и 2,02 м от поверхности темные очаговые линзы с углем, красной пережженной глиной, костями животных и четырнадцатью кремневыми отщепами, среди которых имеются две хорошо ограниченные ножевидные пластины (рис. 1, 1—2). Принимая во внимание

Рис. 2. Вход в Шульганову (Капову) пещеру.

С. Н. Бибиковым, дали всего 11 кремневых отщепов, и по сравнению с ними 17 кремневых предметов, уже найденных в Мурадымовской пещере, в том числе 1 скребок и 3 ножевидные пластинки, выделяют ее из других пещерных стоянок Урала и создают особенно благоприятные перспективы для ее дальнейшего исследования.

Обследование Шульгановой (Каповой) пещеры явилось центральным пунктом работ экспедиции в 1960 г. Считаю своим долгом отметить действительную помощь, оказанную нам при этом Башкирским филиалом АН СССР и отдельными его сотрудниками-геологами, а также полезную консультацию со стороны Г. В. Вахрушева.

Шульганова пещера отличается необычайной эффектной входом и грандиозностью (рис. 2). Ей посвящена большая литература,

¹ В экспедиции приняли участие лаборанты института М. П. Шахматова, Л. В. Кольцов и Н. О. Бадер, а также Башкирский республиканский музей и Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР, прикомандировавший к экспедиции младшего научного сотрудника Н. А. Мажитова.

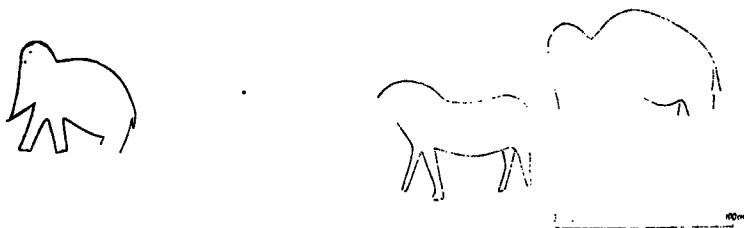

Рис. 5. Рисунки мамонтов и лошади из Шульгановей пещеры (по наброскам из полевой книжки).

что освобождает меня от необходимости ее описания, тем более, что незадолго до начала наших работ в Уфе вышла брошюра Г. В. Вахрушева «Загадки Каповой пещеры», к которой и отсылаю интересующихся¹.

Обследование первого этажа пещеры разочаровало нас: все «рисунки», указанные здесь А. В. Рюминим, оказались игрой природы и воображения.

Так, основные из них — головы медведя и волка — демонстрируют случайное сходство с этими животными двух из многочисленных причудливых пятен сохранившейся коричневатой корки известнякового натека на стене пещеры, выделяющихся на светлом фоне более свежей поверхности, где эта корка уже отслоилась и упала.

Зато на первом этаже мы обнаружили подлинные рисунки, нанесенные сочной красной краской, изображающие геометрические фигуры и относящиеся к эпохе мезолита(?).

Результаты обследования первого этажа пещеры находятся в полном соответствии с его геологической молодостью: формирование нижней пещеры происходило одновременно с накоплением аллювия первой надпойменной террасы р. Белой, а ее осушение — при последнем понижении базиса эрозии местных рек, т. е. 12—13 тыс. лет до н. э.² Следовательно, нижний этаж пещеры обсох не раньше эпохи мезолита.

Но во втором этаже пещеры, геологически гораздо более древнем и соответствующем эпохе верхнего палеолита, удалось констатиро-

вать безусловно искусственные и очень древние рисунки, в центре которых находится фигура лошади, описанная А. В. Рюминим. По бокам ее видны фигуры трех мамонтов, идущих в том же (влево от зрителя) и обратном направлении, а на той же плите — обширные закрашенные поля, среди которых можно различить еще несколько фигур животных. К сожалению, значительная часть стены с рисунками сильно испорчена надписями туристов.

Обследованные нами рисунки находятся на расстоянии около 300 м от входа в пещеру и в 150 м от начала подъема во второй этаж пещеры, на гладкой стене светлого, желтовато-коричневатого оттенка. Все рисунки нанесены сочной красной краской, скорее всего мумией или светлым суриком. Рисунки силуэтные, хотя контуры их выделяются более темными, неоднократно наведенными линиями, а внутри контуров местами проступает желтоватый фон скалы (рис. 3 и 4).

Длина фигуры первого слева мамонта от лба до кончика хвоста 72 см, длина лошади от морды до хвоста 1,02 м, длина второго мамонта 1,0 м. Фигуры выполнены не в одном масштабе и на неодинаковой высоте от пола, и, следовательно, не представляют единой композиции (рис. 5).

Верхнепалеолитический возраст рисунков определяется самим сюжетом их — присутствием изображений мамонтов. Возможность современной фальсификации исключается известняковыми новообразованиями и густой сетью трещинки, заполненных белым кальцитом, имеющихся на поверхности силуэтов животных и закрашенных полей.

Уточнению даты в пределах верхнепалеолитической эпохи мешает полное отсутствие ана-

¹ Г. В. Вахрушев. Загадки Каповой пещеры. Уфа, 1960.

² Там же.

логий для этих уникальных рисунков на сопредельных территориях. Если же обращаться к западноевропейским аналогиям, то развитие монохромной силуэтной живописи относится там ко времени раннего мадлена, которым мы и определяем пока дату нашей уральской живописи.

В то же время нельзя не обратить внимания на особенную близость рисунка первого шульгановского мамонта к рисунку мамонта из Мальты (Сибирь), выгравированному на кости: эта близость сказывается прежде всего в манере передачи хоботной части и бивней.

••

Были продолжены раскопки палеолитического местонахождения у дер. Горново, на левом берегу р. Белой, начатые в 1959 г.¹

Основной раскоп 1959 г., лежащий выше устья оврага, был увеличен на 60 м². Таким образом, за два года на местонахождении вскрыто 90 м². В последних раскопках на всех участках снова встречены в серо-голубом суглинке кости животных (преимущественно быка и лошади), залегавшие в тех же условиях, т. е. перекрытые 13-метровой толщей красных суглинков. Кремня не найдено, но снова многие кости оказались разбитыми, расщепленными, без следов погрызов хищниками. Таким образом, подтверждается участие, присутствие человека, но характер памятника не стал более ясным.

Одновременно Николаем Бадером и сотрудником Башкирского республиканского музея А. А. Блау обследовано местонахождение четвертичной фауны в карьере кирпичного завода в северной части Уфы, где кости залегают в условиях, аналогичных Горнову.

Стратиграфия обоих местонахождений крайне интересна по той причине, что в общих чертах соответствует стратиграфии аллювиальных отложений нижнего течения р. Чусовой у Пещерного лога и стоянки Талицкого, так же как еще нескольких пунктов Западного Приуралья, отмеченных В. Л. Якимович². Во всех случаях многометровая толща красных аллювиально-делювиальных суглинков 2-й надпойменной террасы покоится на цоколе голубовато-серых плотных глин, которые и В. И. Громов и В. Л. Якимович определяют как отложения размытой 3-ей надпойменной террасы.

Но на р. Чусовой, у Пещерного лога в этих

серо-голубых глинах обнаружены остатки до-рисской или раннерисской, хазарской фауны и мустьерские кремневые изделия, а в красных суглинках на стоянке Талицкого — верхнепалеолитические остатки. На р. Белой же у Горнова верхний горизонт докольных голубовато-серых глин содержит вместе с фауной палеолитического облика единичные кремневые орудия, среди которых имеется весьма типичный верхнепалеолитический дублированный срединный резец (рис. 1, 4).

Таким образом, в Горнове верхний палеолит геологически датируется рисским оледенением, что очень важно в свете происходящей дискуссии о возрасте мустьерской культуры и верхнего палеолита. Кремневые орудия из Горнова могут относиться к ориньякскому времени.

Первое на берегах р. Белой палеолитическое местонахождение у Горнова рисует благоприятную перспективу дальнейшего изучения палеолитических памятников в террасовых отложениях Башкирии. Поиск и изучению их, как памятников, крайне важных в стратиграфическом отношении, нужно уделить много внимания в будущем.

••

В заключение работ 1960 г. были произведены разведочные раскопки пещеры Ямазы-Таш на р. Сим, в Челябинской области, обследованной в свое время С. И. Руденко и М. А. Бадер (Игнатиева пещера).

Была вскрыта площадь в 39 м² в восточной части пещеры, и получен продольный разрез пещеры длиной 15 м.

Пещера Ямазы-Таш, расположенная на правом берегу р. Сим в 8 км ниже с. Серпиевки, велика и эффектна. Ее широкий вход, обращенный на восток-юго-восток, находится на высоте 13—14 м над современным руслом р. Сим и господствует над уединенной долиной (рис. 6).

Как выяснено раскопками, до глубины 25—30 см на поверхности дна пещеры лежит культурный слой с остатками железного века; ниже, до глубины свыше 2 м залегают слои пещерного суглинка различных оттенков, преимущественно красного, с включением известняковых камней и щебня; суглинок отличается сравнительной рыхлостью и совершенно сухой, как и вся передняя часть пещеры. На разной глубине, но преимущественно до 1,1 м, в нем встречаются зольные линзы, а по всей толще пещерного суглинка под верхним культурным слоем встречаются кости животных, залега-

¹ А. П. Шокуров, О. Н. Бадер, Указ. соч.

² В. Л. Якимович, Кайнозой Башкирского Предуралья, т. II, ч. I, Уфа, 1958, стр. 50—51.

ющие особенно густо на глубине до 1 м. Фауна из последних раскопок еще не определена, но в трех шурфах размером 1×1 м каждый, вырытых в 1951 г. М. А. Бадер, найдены кости пещерного медведя, дикой лошади, быка, северного оленя, лося, дикой козы, дикого кабана и птиц (определения Э. А. Вангенгейм).

Присутствие костей пещерного медведя, северного оленя и некоторых других видов

сами по себе не могут служить надежным основанием для датировки, но не противоречат верхнепалеолитическому возрасту основных отложений пещеры.

В целом разведочными работами 1960 г. в пещере Ямазы-Таш, вопреки мнению С. Н. Бибикова¹, можно считать установленным наличие следов пребывания в ней верхнепалеолитического человека, что указывает на целе-

Рис. 6. Пещера Ямазы-Таш (Игнатова). У подножия скалы течет р. Сим.

определяет этот фаунистический комплекс как палеолитический, вероятнее всего — как верхнепалеолитический.

Обилие расщепленных костей и золистые, очажные линзы в слое позволяют предполагать пребывание в пещере палеолитического человека, а находка четырех кремневых предметов утверждает это предположение. Один из них — кремневый отщеп — найден у контакта верхнего культурного слоя с подстилающим суглинком, все остальные — в древнем суглинке, содержащем палеолитическую фауну; одна ножевидная пластина лежала на глубине 52 см от поверхности.

Среди кремневых предметов следует отметить две ножевидные пластины с хорошо ограниченной спинкой; одна из них — из темно-серого кремнистого сланца, с подобием двух резцовых сколов (рис. 1, б); другая из яшмовидного кремня, длиной 7 см, с концевой ретушью на узком конце и боковой по смежному краю (рис. 1, а).

Кремневые предметы из пещеры Ямазы-Таш

сообразность постановки в ней широких археологических раскопок.

••

В 2—2,5 км выше Серпиевки по течению р. Сим, на его правом берегу, метров на 100 ниже Колокольной пещеры, известной местному населению, у очень живописного большого каменного кольца, напоминающего известное кольцо у Кысловодска, нами был обнаружен очень удобный грот.

Грот у Каменного кольца расположен на высоте 11—12 м над современным уровнем р. Сим состоит из двух различной глубины и ширины ниш, защищенных общим широким навесом, и обращен на юго-восток, к солнцу. Грот необычайно удобен для человека, в связи с чем он и был в двух местах прошурфован

¹ С. Н. Биби́ков, Пещерные палеолитические местонахождения в нагорной полосе Южного Урала, стр. 102.

нами. В древнем желтом суглинке, имеющем толщину свыше 1 м, найдено много раздробленных и расколотых костей животных и кремневый отщеп с хорошо ограненной сплюскакой.

Пока не определены кости, трудно судить о времени обнаруженных остатков. Наиболее вероятен их палеолитический возраст. Грот у Каменного кольца должен быть исследован раскопками.

••

Помимо перечисленных памятников экспедицией произведено обследование многих пещер и скалистых навесов в различных районах Южного Урала, и в некоторых из них обнаружены кости животных четвертичного периода.

Таковы Колокольная пещера на р. Сим близ Серпиевки и соседний ей большой навес; перед пещерой и навесом были произведены пробные раскопки, обнаружившие наносы древнего желтого суглинка с известняковой щебенкой и расщепленными костями животных.

У дер. Хазино, к востоку от Ишимбая, в известной Хазинской пещере обнаружены на поверхности кости пещерного медведя, а на полу третьего этажа пещеры — кости медведя, лошади и, вероятно, других животных в известняковых катках. Тщательное вырубание их при постановке специальных раскопок может дать значительную коллекцию костей. Рядом есть еще одна пещера, неглубокая, и скалистый навес, начатую шурфовку которых экспедиция не смогла закончить.

Весьма перспективны разведки пещер, начатые экспедицией по берегам р. Зилим, выше дд. Имендяшева и Таш-Асты. Над последней, в огромной скале Уклы-Кая было осмотрено несколько пещер и навесов, и в четы-

рех из них произведены пробные раскопки, в трех случаях давшие кости животных. Особенно интересна большая пещера над Таш-Асты; в ней обнажается 5-метровая толща совершенно сухого, красноватого пещерного суглинка с крупными, обвалившимися с потолка камнями; в нем найден обломок челюсти медведя.

Огромное обнажение скалы Уклы-Кая над Таш-Асты характерно в том отношении, что демонстрирует крайнюю непрочность известняка, подверженного очень быстрому процессу выветривания. Об этом свидетельствуют чрезвычайно большие каменные осыпи над обнажением, достигающие чуть ли не половины его высоты; почти везде поверхность скалы ломается пальцами. В этих условиях пещеры здесь, при выходе р. Зилим из гор на равнину (в которых, несомненно, обитал палеолитический человек) могли разрушиться без следа или быть погребенными под осыпью; с другой стороны, многие современные пещеры могут быть относительно молодыми.

Разрушение пещер в этом районе иллюстрируются несколькими наглядными примерами: такова пещера Суал-Таш в нескольких километрах выше по р. Зилим, на его левом берегу — задняя часть ее сводов обвалилась внутрь, и сквозь зияющее отверстие видно небо.

Обследование местонахождения сильно патинизированного кремня у Демского совхоза в Бижбулякском районе, произведенное экспедицией по просьбе Уфимского музея, привело к открытию большого селища срубной культуры. Материал на нем собран учителем Н. П. Аверьяновым.

Не только изучение Шульгановой пещеры и продолжение начатых экспедицией раскопок, но и развертывание дальнейших поисков палеолита на Южном Урале и, прежде всего, в Башкирии обещают быть успешными.

К. В. САЛЬНИКОВ

ЮЖНЫЙ УРАЛ В ЭПОХУ НЕОЛИТА И РАННЕЙ БРОНЗЫ

Под Южным Уралом в данной работе понимается обширная территория, где южный отрезок горного хребта служит центром, к которому с востока, юга и запада примыкают районы низменных степей и лесостепей. Археологические памятники в горах изучены много слабее тех, которые расположены на прилегающей низменности. В степной и лесостепной полосе мы видим больше следов древнего населения, причем культура Предуралья в известной мере отличается от культуры Зауралья. Горы затрудняли общение племен европейского склона Урала с племенами восточного склона, но не исключали его полностью. Особенно интенсивны были сношения европейских племен с азиатскими в Южном Приуралье, где условия рельефа благоприятствовали передвижениям древнего населения.

По ряду причин состав населения Южного Урала в древности был не однороден. Условия обитания в степной и лесостепной полосе в корне отличались от условий жизни в лесах и горах, что накладывало свой отпечаток на хозяйственную деятельность и этнографические особенности племен, живших в различных природных зонах Южного Урала. Не меньшую роль играло различие культурно-исторических связей. Племена Зауралья развивались в зависимости от исторических путей древнего населения Западной Сибири и Средней Азии. Обитатели юго-западного Приуралья разделяли исторические судьбы племен Поволжья и Прикамья. Взаимосвязи этих разнородных элементов создавали очень сложную обстановку

в историческом развитии древнего населения Южного Урала. В каждую эпоху эти взаимоотношения складывались по-разному, отличались своими особенностями. Кроме того, и степень изученности археологических памятников различных эпох не одинакова. По состоянию наших знаний историю племен Южного Урала в широком плане можно излагать начиная лишь с эпохи бронзы. В то время здесь обитали племена ряда археологических культур: абашевской, срубной, андроновской, горбуновской. Но если эпоха поздней бронзы представлена значительным количеством разнородных памятников всех культур, то начальный этап бронзового века Южного Урала, как и предшествующее неолитическое время, освещается далеко не столь полно и совсем неравномерно.

И все же необходимо сделать попытку представить состояние южноуральского населения в конце каменного века, в эпоху перехода в период металла, без чего история племен бронзового века была бы лишена своего фундамента.

Исследование этих ранних периодов истории Южного Урала сопряжено с большими трудностями из-за слабой изученности археологии Южного Урала вообще и памятников каменного века и ранней бронзы в особенности.

Первые шаги в области знакомства с археологическими памятниками Южного Урала были сделаны еще в XVIII в. академиками Палласом, Лепехиным, Рычковым. Позлутно с другими, не археологическими проблемами их

интересовали уральские пещеры, первобытные рудники. Паллас раскопал один курган возле Говосергиевки в Оренбургской области¹. В середине XIX столетия появляются любители-археологи из числа местных жителей. Уральский чиновник Р. Г. Игнатьев произвел в горах Южного Урала первые археологические раскопки с научными целями и опубликовал обширный список памятников. Краевед А. Н. Зырянов обследовал и опубликовал ряд памятников в районе Шадринска. В 70-х и 80-х гг. обширные археологические исследования в Башкирии и Оренбургской области провел московский археолог Ф. Д. Нефедов, а И. С. Поляков опубликовал коллекцию каменных орудий, собранных в Курганском округе чиновником П. И. Пузик. М. В. Малахов раскопал курганы на озере Багаряк и интересовался «чудскими» рудниками. Д. Н. Мамин-Сибиряк совершил в 1888 г. археологическую поездку по Южному Уралу, а сысельный поляк К. А. Шишковский произвел обследование стоянки на озере Кысы-Куль близ г. Миасса. С 1892 по 1895 г. на восточном склоне Южного Урала вел исследование московский археолог В. Г. Дружинин. В 1893 г. член финно-угорского общества в Гельсингфорсе А. Гейкель раскопал несколько курганов в Курганской области. На начало XX в. падают весьма интенсивные работы в Южном Зауралье местных археологов В. Я. Толмачева, В. П. Бирокова, Ю. П. Аргентовского, Н. К. Мякя. На территории Оренбуржья в это время археологические памятники изучали врач А. В. Попов, инженер П. С. Назаров, учитель И. А. Кастанье, а также В. Я. Толмачев. Значительное число памятников Южного Урала ввел в научный оборот А. А. Спицын, публикуя материалы местных исследователей и случайные находки. Изучению неолитических памятников уделил внимание П. П. Ефименко, совершивший в 1907 г. поездку на озера Южного Урала². Можно назвать еще ряд имен, главным образом археологов-любителей, причастных в той или иной мере к изучению Южного Урала, но работы их, так же как и подавляющее большинство перечисленных выше, были сосредоточены на памятниках преимущественно поздних.

Для изучения эпохи неолита и энеолита могли бы представлять интерес только единицы памятников, затронутые исследователями дореволюционного времени: коллекции П. П. Ефименко, И. С. Полякова, К. А. Шишковского, стоянка с каменными орудиями и

¹ П. С. Паллас, Путешествие по разным провинциям Российской империи. ч. I. СПб., 1773.

² Район работ П. П. Ефименко установить не удалось.

костями северного оленя у дер. Идельбаево на р. Губерле, открытая П. С. Назаровым, и сборы К. П. Архангельского изделий из кремня на дюнах у с. Усть-Миасское.

В области изучения ранних памятников Южного Урала значительных изменений не произошло и в послеоктябрьское время. Над изучением археологии Южного Урала трудились А. В. Шмидт, М. П. Грязнов, П. А. Дмитриев, Б. Н. Граков, Г. В. Подгаецкий, В. В. Гольмстен, И. А. Зарецкий, В. П. Бироков, Н. Н. Бортвин, С. Н. Дурылин, С. И. Руденко, С. Н. Бибииков, К. Ф. Смирнов, Н. П. Кипарисова, А. А. Формозов, Л. Я. Крижевская, Н. А. Мажитов, М. Х. Садыкова, В. И. Фомина, В. П. Викторов, А. И. Россадович, С. А. Попов, В. С. Стоколос, краеведы М. И. Касьянов, П. Ф. Ищериков, П. Х. Михайлов, А. П. Шокуров, Г. Н. Матюшин, М. С. Смирнов, А. С. Новиченко и др. Но лишь С. Н. Бибииков, Л. Я. Крижевская и Н. П. Кипарисова уделили много внимания каменному веку, и ряд курганов ранней бронзы изучен В. В. Гольмстен и К. Ф. Смирновым. Памятники этих эпох исследовались и автором. В этих условиях неизбежно приходится привлекать и все небольшие находки и отрывочные сведения.

Несмотря на весьма ограниченные материалы, незрела необходимость подвести некоторые предварительные итоги, выяснить результаты исследований памятников эпохи неолита и ранней бронзы и попытаться представить в общих чертах историческую обстановку в тот период. Автор ясно отдаёт себе отчет, что накопленные данные слишком скудны для окончательных и уверенных выводов, но думается, что наша работа облегчит дальнейшие исследования этого важного этапа в развитии древнего общества Южного Урала.

Южный Урал заселен был уже в эпоху позднего палеолита, на что указывают стоянки этого времени на р. Юрюзани¹ и на р. Малый Кызыл у пос. Смеловского близ Магнитогорска². Не исключено и более ранее обитание, поскольку на Среднем Урале мы имеем стоянки мустерского времени: Пещерный лог на р. Чусовой и Медведь-Камень на р. Тагил³.

¹ С. Н. Бибииков, Пещерные палеолитические местонахождения в нагорной полосе Южного Урала, СА, XII, 1950.

² К. В. Сальников, Южно-Уральская археологическая экспедиция, КСИИМК, 45, 1952, стр. 60. См. также статью О. Н. Баевца «Следы палеолита на Южном Урале» в настоящем сборнике.

³ О. Н. Баевца, К этнокультурной истории донесолитического Урала и Вологодья, Сб. «Из истории Урала», Свердловск, 1961.

Вопрос о путях заселения Урала человеком остается не совсем ясным. Пограничность между Европой и Азией допускает проникновение сюда человека и с востока, и с запада, а также и с юга, где в Средней Азии известны находки неандертальца (Тешик-Таш).

Находя в орудиях позднепалеолитических стоянок Прикамья черты, родственные сибирскому палеолиту, О. Н. Бадер видит в этом доказательство проникновения на Урал и дальше в Волгокамье азиатских элементов и допускает скрещение монголоидных и европеоидных антропологических типов на Урале еще в эпоху верхнего палеолита¹.

При отсутствии палеолитических погребений вопрос о расовом составе населения Урала того времени остается в области предположений.

В эпоху мезолита начинают намечаться значительные различия материальной культуры населения Урала. Мезолитические памятники Прикамья обнаруживают, правда, слабые признаки родственности с микrolитическими стоянками Нижнего Поволжья, что дало основание О. Н. Бадеру говорить о приходе мезолитических племен Прикамья с юга. Предположительно синхронные памятники Среднего Зауралья со своим макrolитическим инвентарем наоборот обнаруживают близость к Сибири². Основываясь на находках в памятниках эпохи энеолита на западной границе Оренбургской области микrolитических орудий геометрических форм, аналогичных синхронным памятникам Нижнего Поволжья, можно думать, что эти пережиточные формы свидетельствуют об обитании в мезолите на юго-западе Приуралья племен, родственных мезолитическому населению степей Причерноморья. Наоборот, племена юго-восточного Зауралья, где энеолитические памятники не содержат геометрических форм, и в мезолите должны были тяготеть к среднеазиатской культурной области.

Более определенно о районировании древней культуры Урала можно говорить, начиная с эпохи неолита, от которой мы имеем уже значительное число поселений и некоторое количество антропологических данных.

Еще в 1941 г. А. П. Окладников наметил на неолитическом Урале две культурные области — камскую и восточноуральскую³. Это деление поддерживает О. Н. Бадер⁴, а В. Н. Чернецов расширяет круг родственных культур,

считая, что «на широких лесостепных и степных просторах Казахстана, Зауралья и Приуралья в течение неолита и энеолита, т. е. в конце IV, III и начале II тысячелетий, существовали очень близкие между собой культуры, являвшиеся генетически родственными локальными вариантами единой культурно-этнической общности»⁵.

Накопленный за последнее время материал, в частности раскопки Н. П. Кипарисовой и автором ряда неолитических и энеолитических памятников на Южном Урале, позволяют приступить к некоторым предварительным обобщениям. Сейчас, нам кажется, совершенно уверенно можно говорить, что в период неолита (конец IV — начало и середина III тысячелетий до н. э.) и энеолита (конец III — начало II тысячелетий до н. э.) на Южном Урале сталкиваются племена двух этнокультурных областей: 1) уральско-казахстанской в двух вариантах: восточном — с волнисто-гребенчатой керамикой и западном — с гребенчатой керамикой и 2) нижеволжской, представленной памятниками ямной и полтавкнской культур.

Хотя в каждой этнической группе передающиеся из поколения в поколение традиции отражаются на формах орудий труда, особенности последних в большей мере зависят от характера хозяйственной деятельности их творцов. Наиболее ярко этнические различия в материальной культуре проявляются в области керамики. Преимущество керамики как показателя этнических связей заключаются и в массовости ее находок. Поэтому в дальнейшем изложении мы предпочтением отдаем анализу керамического материала.

Племена тех двух этнокультурных или историко-культурных областей, представители которых обитали в эпоху неолита и энеолита на Южном Урале, хотя и сталкивались друг с другом, все же жили довольно обособленно. Поэтому удобнее проследить развитие от этапа к этапу представителей каждой области по отдельности. Начнем с уральско-казахстанской области.

В эпоху неолита на севере Южного Зауралья обитали племена с волнисто-гребенчатой керамикой. Этот тип керамики, впервые открытый О. Н. Бадером близ Нижнего Тагила на Полуденковской стоянке⁶, широко распространен в Среднем Зауралье, но не чужд он и Южному Зауралью. Такая посуда часто встре-

¹ В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья, МИА, 35, 1953, стр. 86.

² О. Н. Бадер. Новые раскопки близ Тагила в 1944 г., КСИИМК, XVI, 1947.

¹ О. Н. Бадер, Указ. соч.

² Там же.

³ А. П. Окладников, Неолитические памятники как источник по этнографии Сибири и Дальнего Востока, КСИИМК, IX, 1941, стр. 7, карта.

⁴ О. Н. Бадер, Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции, УЗ Пермского университета, т. IX, вып. 3, 1953, стр. 42.

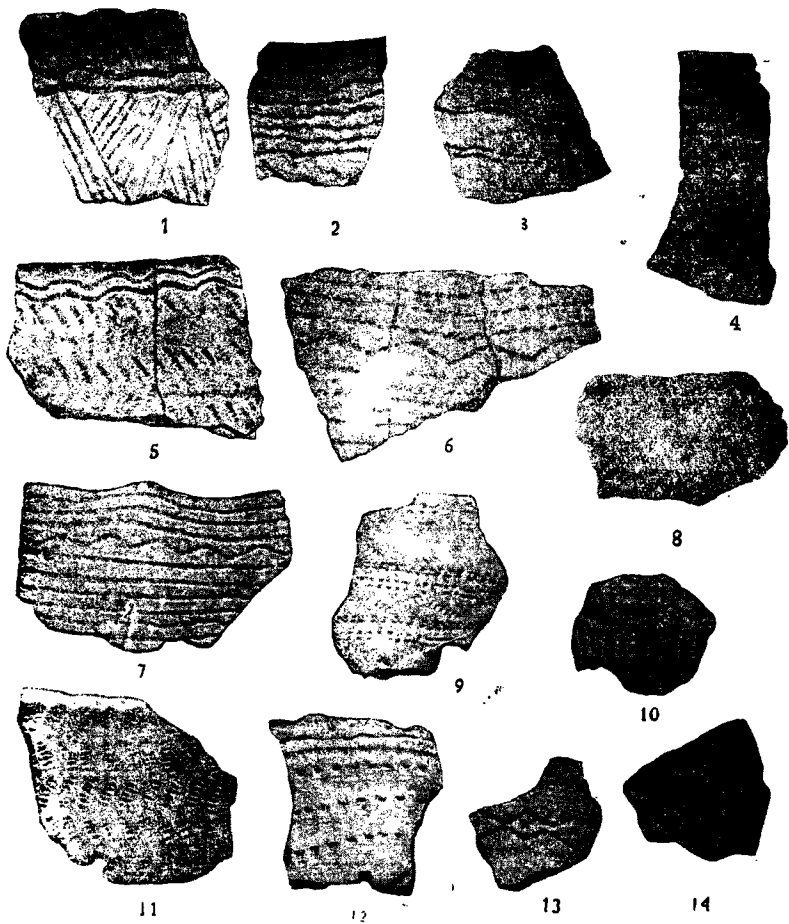

Рис. 1. Керамика эпохи неолита и энеолита. Поселение Боборыкино II.

чается на стоянках северных районов Челябинской и Курганской областей. Как и в Среднем Зауралье, здесь древние поселения обычно содержат несколько разновременных культурных напластований, часто в смешанном состоянии. Все же удается на отдельных участках установить, что волнисто-гребенчатая керамика залегает в нижних горизонтах. Н. П. Кипарисовой это удалось проследить на севере Челябинской области на стоянках Чебаркульской¹, Абселямовской, Иткульской I и II².

Такая же картина наблюдалась нами в 1957 и 1958 гг. при раскопках на р. Исети близ

г. Шадринска на донном поселении Боборыкино II. Древнейшую керамику этого памятника можно разбить на две хронологические группы. Сосуды более ранней неолитической группы имеют характерную для лесного Зауралья и Прикамья форму: острое дно, наклон края внутрь, карнизик или наплыв по краю изнутри сосуда (рис. 1, 1—8; 2). Орнаментация покрывает всю внешнюю поверхность и карнизик. Орнамент нанесен путем прочерчивания (рис. 1, 1, 3, 4; 2, 1) или методом «отступающей палочки»¹ (рис. 1, 6, 7; 2, 2, 3, 5, 6), реже отсками гребенчатого штампа (рис. 1, 5) и располагался зонально. Элементы орнамента: горизонтальная линия, волна, зигзаг, елочка, взаимопроникающие заштрихованные треугольники; реже — «шагающая гребенка» (рис. 1, 8).

Среди сосудов, орнаментированных «отступающей палочкой» и особенно «шагающей гребенкой», встречаются экземпляры более открытой формы и с менее выраженным карнизиком внутреннего края. Эту форму надо рассматривать как переходную к формам второй группы сосудов. Последняя представлена прямыми с острым дном (рис. 3). На внутреннем крае карнизик сменится скосом, который делает край тоньше толщины стенок, как бы заостряет его. Иногда край несколько отогнут наружу (рис. 3, 1). Орнаментация сосудов второй группы также зональная, но нанесена только гребенчатым штампом и состоит из рядов вертикальных и наклонных оттисков, елочка, зигзагов, редко ромбической сетки (рис. 1, 9—14). На отдельных сосудах нижняя часть стенок лишена

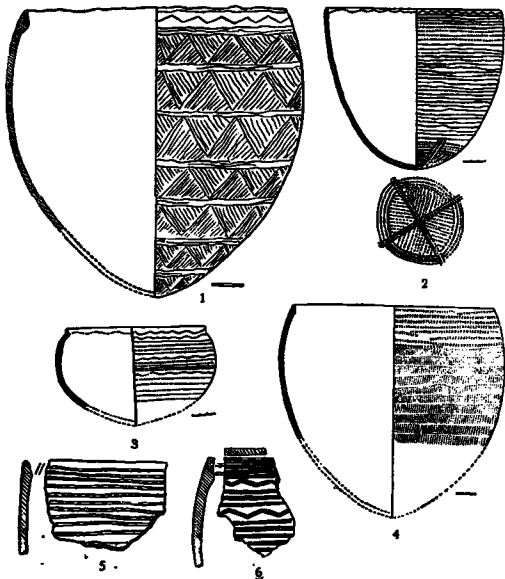

Рис. 2. Неолитические сосуды. Поселение Боборыкино II.

¹ А. П. Окладников называет такой орнамент струйчатым — «в виде узких желобков, проведенных скрученной на конце палочкой, которую вели не отрывая ее конца от глины, но ритмически надавливая через известные промежутки» — и считает его особенно характерным для восточно-уральской неолитической керамики. А. П. Окладников, К изучению неолита Восточного Урала и Западной Сибири, Сб. «Первое Уральское археологическое совещание», Пермь, 1949.

¹ Н. П. Кипарисова, Чебаркульская неолитическая стоянка, КСИИМК, 59, 1955.

² Н. П. Кипарисова, О культурах лесного Зауралья, СА, 1960, № 2.

орнамента. Скошенный внутренний край сосудов покрыт наклонными оттисками гребенки. На внутренней поверхности некоторых экземпляров видны штрихи от заглаживания, но чаще они тщательно выровнены.

Сосуды второй группы явно представляют собою дальнейшее развитие неолитических форм. Они сохраняют острое дно, карнизик заменится скосом, стенки становятся отвесными, в орнаментации прочерчивание и «отступающая палочка» сменяются оттисками гребенчатого штампа, появляется штриховое заглаживание, но в орнаментации сохраняется зональное расположение и те же элементы рисунка. Разреженности орнамента еще нет, хотя он не всегда уже достигает дна. Очень важно, что на поселении Боборыкино II удалось проследить указанную смену типов керамики и стратиграфически. На дзюне вскрыто две прямоугольные землянки и небольшая яма нечетких очертаний. В то время как на межземляночных участках оба типа керамики залегают смешанно, в землянках найдены фрагменты только второго типа сосудов. Заполнение землянок сверху перекрыто отложениями сарматского времени. Следовательно, землянки с керамикой второго типа прорезали неолитический культурный слой. И, наоборот, в яме, перекрытой культурным слоем с одновременной керамикой, оказались обломки неолитических сосудов, с орнаментом из «отступающей палочки» и резных волнистых линий. Повидимому, яма является остатком древнего неолитического жилища.

Обращает на себя внимание то, что неолитические сосуды редко орнаментировались гребенкой, а сосуды второй группы, наоборот, открыты исключительно оттисками гребенчатого штампа.

Поскольку стратиграфические наблюдения позволяют поставить описанные два типа керамики в определенную хронологическую по-

следовательность, в различии их орнаментации, как и формы, надо усматривать также признак хронологический. Керамика с волнисто-резным орнаментом имеет много общего с посудой таких ранних памятников, как стоянка Стрелка на Горбуновском торфянике, убедительно датированная А. Я. Брюсовым, по стратиграфическим данным, концом IV — первой половиной III тысячелетий до н. э.¹ По-

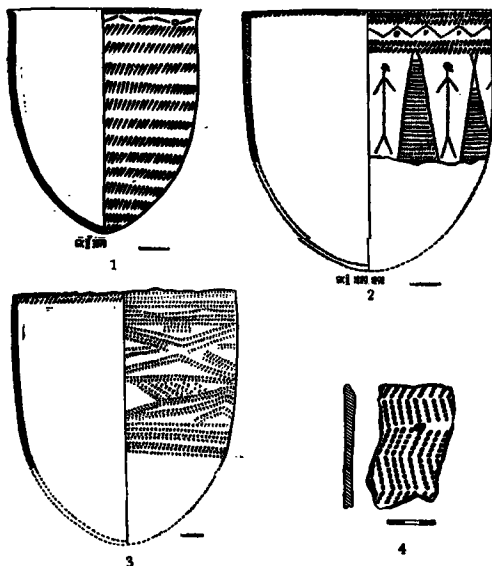

Рис. 3. Энеолитические сосуды. Поселение Боборыкино II.

этому керамику первой группы следует датировать тем же временем, а развивающиеся из этого типа прямостенные сосуды с гребенчатым орнаментом относятся к концу III — началу II тысячелетий до н. э., когда южноуральские племена вступают в эпоху энеолита.

Волнисто-гребенчатая керамика в Южном Зауралье имеет широкое распространение. В лесной и лесостепной зонах она прослежена в

¹ А. Я. Брюсов, Уральская археологическая экспедиция, КСИИМК, XXXVII, стр. 74.

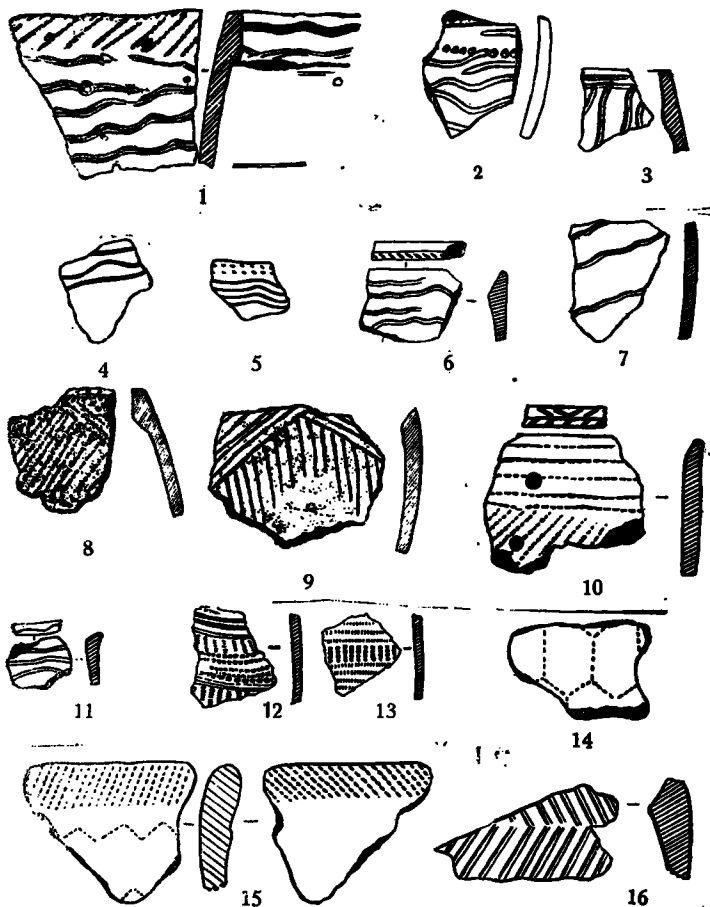

Рис. 4. Керамика эпохи неолита и неолита с зауральских стоянок.

1-3 - Чебаркуль; 4-5 - Златоуст; 6 - Кушники; 7 - Ново-Воробьевская; 8-9 - Мало-Казаньская; 10 - Мысок; 11-13 - Чернышковский брод; 14 - Джарам; 15 - «Четырнадцатый километр»; 16 - Кушбей.

нижних горизонтах стоянок Чебаркульская (рис. 4, 1—3), Абселямовская, Иткульская I и II¹, Боборыкин II², Черкаскуль I³, Мало-Казхабская⁴, известна среди находок в окрестностях Златоуста⁵ (рис. 4, 4, 5).

Того же характера керамика входит в состав ранних слоев ряда дойных стоянок по берегам среднего течения р. Исети в районе г. Шадринска и низовьев р. Миасс. У дер. Квашиной на р. Исети найдены черепки с карнизиком на внутреннем крае, покрытые орнаментом из резной волны (рис. 4, б) и с применением «отступающей палочки», и наконецники стрел: один из ножевидной пластинки с черешком, другой — с пильчатой ретушью. Керамику неолитического облика собрал в 1917 г. Ю. П. Аргентовский на дюнах у дер. Грабеловой⁶. Автором она найдена в составе древнего слоя поселения на озере Березовом⁷, на Ново-Воробьевской стоянке близ Шадринска⁸ (рис. 4, 7), в раннем слое селища близ с. Никитинского на р. Синаре, в 0,5 км от ее впадения в р. Исеть⁹. Несколько более поздняя керамика обнаружена в районе с. Долматова на р. Исети в урочищах Индеево и Лопарево¹⁰. Этот список надо дополнить указанием на находки на озере Аргазы¹¹.

Аналогичная картина рисуется и на дюнах по нижнему течению р. Миасс. У с. Усть-Миасского найдены обломки прямостенных сосудов с карнизиком у края изнутри, покрытые сплошным орнаментом из оттисков гребенчатого штампа и легкой волнистой резьбой и мелкими ямками, а также ножевидные пластинки, наконецники стрел¹².

На дюнах «Татарский бор» у дер. Барсуковой на р. Миасс к неолитической слою относятся прямостенные полуячевиной формы сосуды со сплошным покрытием стенок и два зональным орнаментом из гребенчатых оттисков и мелких ямок. Вдоль края многие

сосуды снабжены рядом крупных глубоких круглых ямок. Кремень представлен большим числом ножевидных пластинок, есть наконецники стрел из пластинок¹.

В 1913 г. В. П. Бирюков вел раскопки курганов в урочище «Остров» на правом берегу р. Миасс близ с. Долговского. Курганы оказались насыпанными из культурного слоя, в состав которого входит несколько десятков ножевидных пластинок, обломки сосудов со сплошной зональной орнаментацией волнистыми линиями и отгисками «шагающей гребенки».

••

В противоположность лесной и лесостепной полосам Зауралья степные стоянки, встречающиеся вдоль восточного склона Урала, отличаются исключительной малочисленностью находок, в особенности керамики. На них преобладают изделия из кремневых пластинок. Изредка и здесь обнаруживается керамика неолитического типа. На стоянке Черняховский брод в 4—5 км к востоку от пос. Смеловского, близ Магнитогорска, на скалистом мысе, вдающемся в пойму р. Малый Кызыл, оказался венчик сосуда с несколько утолщенным, выступающим наружу и скошенным внутрь краем, покрытый резным орнаментом из волнистых узких леги (рис. 4, 11). На обресе сосуда также проведена волнистая линия.

На крайнем юго-востоке Оренбургской области на р. Киямбай краеведом А. С. Новиченко на стоянке с большим количеством микролитического кремня найден обломок сосуда с карнизиком на внутренней стороне наклоненного внутрь венчика совершенно неолитического облика. Обломок покрыт резным орнаментом в виде «елочки» (рис. 4, 16).

Находки волнисто-гребенчатой керамики вдоль восточного склона Урала уходят далеко на юг, в Казахстан, где известная родственность с уральской керамикой наблюдается у посуды стоянок кельтеминарского облика Приаралья и Западного Казахстана. Сюда надо отнести волнистые линии на черепках со стоянок Саксаульская и Приаральские Каракумы².

К несколько более позднему времени относится столь же характерный для Урала орнамент, выполненный «шагающей гребен-

¹ Н. П. Кипарисова, О культурах лесного Зауралья.

² Раскопки автора 1957 и 1958 гг.

³ Исследована в 1953 г. Н. П. Кипарисовой, в 1956 г. — автором. Коллекция в Челябинском музее.

⁴ Исследована в 1951 г. автором. Коллекция в Челябинском музее.

⁵ Сборы Златоустовского музея.

⁶ Коллекция Шадринского музея.

⁷ К. В. Сальников, Раскопки на озере Березовом, КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 124.

⁸ К. В. Сальников, Исетские древние поселения, СА, XXV, 1956, стр. 195, 210, рис. 16, 1.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Коллекция в музее Ильменского заповедника, Собрание В. А. Оборина.

¹² Коллекция Шадринского музея; СОГА, фонд В. Я. Толмачева; ГИМ, инв. № 55428, раскопки Уварова.

¹ Коллекция Шадринского музея; фото в фонде В. Я. Толмачева.

² А. А. Формозов, Кельтеминарская культура в Западном Казахстане, КСИИМК, XXV, 1949, стр. 51, рис. 17, б.

кой», встреченный на приаральской стоянке Агиспе¹.

Очень интересен фрагмент сосуда из Актюбинской области со стоянки Сага на р. Кумжарган, орнамент на котором нанесен, по-видимому, «отступающей палочкой» в виде нескольких рядов зигзагов со спускающейся от нижнего ряда «бахромой»². Этот орнамент близок к рисунку на черепке от сосуда той же ранней формы со скошенным внутрь краем с Мало-Казахбаевской стоянки на р. Караболке на севере Челябинской области (рис. 4, 9). Техника нанесения орнамента и форма этих сосудов позволяет датировать их серединой III тысячелетия до н. э.³

Памятники с керамикой уральского типа известны и в более восточных районах. Близ Тюмени неолитическая керамика ничем не отличается от зауральской⁴. В обнаруженных Новосибирской экспедицией ИИМК 1952—1953 гг. стоянках по берегам р. Оби между Барнаулом и Новосибирском М. Н. Комарова⁵ совершенно справедливо усматривает многие общие черты, главным образом в керамике, с уральскими памятниками. Исходя из уральских масштабов, керамика со стоянки у с. Киприна по наличию орнамента из волнистых линий, прочерченных методом «отступающей палочки», должна датироваться не позднее середины III тысячелетия до н. э. Много в посуде этого поселения и своего. Прежде всего в этом отношении бросается в глаза частое включение в орнаментальный мотив глубоких круглых ямок, что сближает верхнеобскую керамику скорее с посудой Нижнего Приобья, нежели Урала, хотя пояски из круглых ямок не чужды и уральской керамике.

Тот же характер, по-видимому, имеет неолитическая керамика верхнего Иртыша. Описывая находки на дюнах под Семипалатинском и из Зайсанского района, А. А. Формозов отмечает, что на посуде здесь «очень распространен орнамент в виде желобков с углублениями внутри, нанесенный путем прочерыва-

ния палочкой с нажимом через определенные промежутки»¹. В этой характеристике не трудно видеть орнамент, нанесенный «отступающей палочкой», столь типичный для восточно-уральского неолита.

Нам представляется, что население восточного Зауралья было теснее связано с областями, расположенными к востоку и югу, нежели с соседним Прикамьем, где преобладал свой способ нанесения орнамента на неолитическую керамику — при помощи гребенчатого штампа. Прочерченный волнистый орнамент, столь типичный для неолита Зауралья, у прикамских племен эпохи неолита встречается редко и носит зауральский характер². В связях с Зауральем, по-видимому, свидетельствуют редкие находки в Прикамье сосудов со сплошным резным орнаментом из взаимопроникающих заштрихованных крупных треугольников, к тому же в состав глины некоторых из них входит примесь талька³. Такой тип орнамента, как взаимопроникающие треугольники, известен в Зауралье уже в конце IV тысячелетия до н. э., а памятники, среди керамики которых подобных орнамент изредка встречается в Прикамье, относятся к их исследователями лишь к середине III тысячелетия до н. э. Метод «отступающей палочки», широко применявшийся при нанесении орнамента неолитическими племенами Зауралья, в Прикамье был также неизвестен. Все это позволяет выделить Прикамье в особый, отличный от Зауралья район. Вместе с тем некоторые формы орнамента из Зауралья проникали к населению Прикамья, и поскольку они встречаются на сосудах с примесью талька, то здесь можно предполагать и живую связь с Зауральем. По-видимому, более тесные связи между Зауральем и Прикамьем устанавливаются несколько позднее, когда в неолитической керамике восточного склона Урала появляется орнаментация «шагающей гребенкой». Этот мотив широко распространен был и в Прикамье.

Подытоживая изложенное выше, можно сказать, что родственные неолитические культуры с волнисто-гребенчатой керамикой распространены были на огромной территории: от Алтая на востоке, Хорезма на юге до Прикамья на северо-западе и Южного Урала на западе, составляя особую урало-казахстанскую историко-культурную область.

¹ А. А. Формозов, К вопросу о происхождении андроновской культуры, стр. 13.

² О. Н. Бадер, Стоянки Нижнеднестровская и Боровое озеро I на реке Чусовой, МИА, 22, 1961, стр. 20.

³ Там же, стр. 12, стр. 24; О. Н. Бадер и В. А. Оберьян, На заре истории Прикамья, Пермь, 1968, стр. 48.

¹ А. А. Формозов, Кельтеминарская культура в Западном Казахстане, рис. 17, 4; его же. К вопросу о происхождении андроновской культуры, КСИИМК, XXXIX 1961, рис. 3 I.

² А. А. Формозов, Кельтеминарская культура в Западном Казахстане, рис. 17, I.

³ В. Н. Чернецов в своей статье (МИА, 35, (табл. XX, 95) дает реконструкцию сосуда со стоянки Сага, на которой орнамент показан как сделанный при помощи гребенчатого штампа, а столь яркая деталь, как «бахрома», совсем не приведена, что отдаляет реконструкцию от истинного вида этого интересного сосуда.

⁴ В. Н. Чернецов, Древняя история Нижнего Приобья, стр. 30.

⁵ М. Н. Комарова, Неолит верхнего Приобья, КСИИМК, 64, 1956.

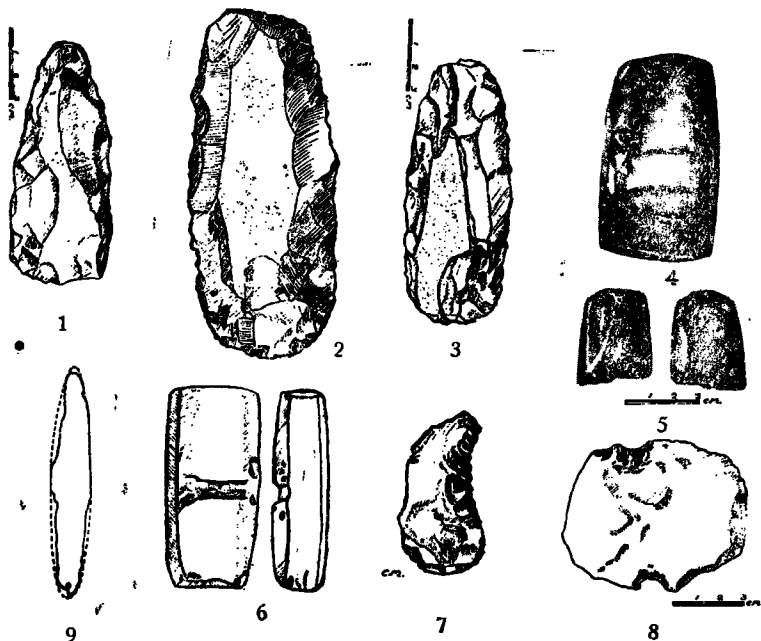

Рис. 5. Каменные и медные орудия. Стоянка Кысы-Куль.
 1-3 — заготовки топоров; 4-5 — шифованные топор и долото; 6 — суктожак; 7 — прямой нож; 8 — грузило; 9 — медный нож.

В конце III— начале II тысячелетий до н. э. южноуральские племена вступают в эпоху энеолита. На Южном Урале в памятниках этого времени известна только одна находка металлического предмета. Со стоянки Кысы-Куль происходит медный ланцетовидный бесчерешковый нож (рис. 5, 9). Но косвенное доказательство достаточно широкого знакомства южноуральского населения в ту эпоху с медными изделиями заключается в находках их на синхронных стоянках Прикамья: Левшинской, Чернашке¹, на североказахстанских кельте-

минарских памятниках¹ и в погребениях ямной и полтавкинской культур по соседству с юго-западным Приуральем.

На Южном Урале и в прилегающих районах на базе древней неолитической волнисто-гребенчатой керамики в это время формируются локальные варианты поздненеолитической и энеолитической посуды, отражающие своеобразие развития населения отдельных районов.

В лесных районах Южного Урала, примыкающих к хребту, на таких стоянках, как Чебаркульская, Абселямовская, Иткульские, для энеолитических слоев характерны прямостоящие круглодонные сосуды без карнизика

¹ О. Н. Бадер, Камская археологическая экспедиция в 1956 г., КСИИМК, 74, 1959, рис. 47, 1.

¹ А. А. Формозов, К вопросу о происхождении андроновской культуры, стр. 13.

вдоль внутреннего края, орнаментированные оттисками гребчатого штампа. Типична для этих сосудов разреженность орнамента, иногда он не доходит до дна. Характерна вертикальная зональность орнамента, состоящего из вертикально вытянутых треугольников, ромбов, зигзагов, вертикальных широких полос. Орнамент из шагающей гребенки не встречается¹.

Как особый вариант неолитической кера-

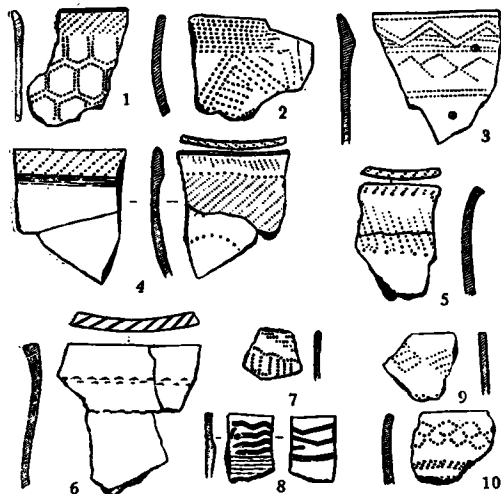

Рис. 6. Керамика стоянки Кысы-Куль.

мики лесной полосы Южного Урала мы рассматриваем находки на стоянке, расположенной на берегу озера Кысы-Куль, в горах к северу от г. Миасса². На этом памятнике найден древнейший металлический предмет Южного Урала — листовидный ножичек (рис. 5, 9). Типологически основная масса керамики на этом памятнике, как и каменные изделия, носят черты эпохи неолита и могут быть датированы первой половиной II тысячелетия до н. э. Среди свыше 1000 обломков керамики абсо-

лютно не встречаются плоские днища и, наоборот, имеются острые, покрытые орнаментом. Часть сосудов сохраняет и такую неолитическую черту, как скошенные утолщения у края сосуда изнутри — карнизик (рис. 6, 3, 4). Изредка встречаются сосуды с суженным краем, но больше прямостенных или с несколькими отогнутым краем, а иногда и с замечающимся горлом, хотя при этом сохраняется утолщение верха, правда без карнизика изнутри (рис. 6, 6). Следовательно, форма в большинстве случаев отошла от чисто неолитической.

Ту же картину дает и орнамент. Только один черепок представляет собою венчик прямостенного сосуда, орнаментированного широкой волнистой резьбой и рядами, прерываемыми «отступающей палочкой» (рис. 6, 8). Немного фрагментов и с горизонтальными поясами из «шагающей гребенки». Большинство сосудов покрыто орнаментом из отпечатков гребчатого штампа, которые образуют весьма разнообразные рисунки: ряды наклонных и горизонтальных оттисков (рис. 6, 2—5), зигзаги, чаще двойные (рис. 6, 3), незаштрихованные ромбы в один и в два ряда (рис. 6, 3, 10), ромбы заштрихованные (рис. 6, 9), горизонтальные или наклонные «лесенки» (рис. 6, 7), «сотовый» рисунок (рис. 6, 1), «елочку», характерны ряды наклонных оттисков, сделанных по очереди двумя штампами — длинным и коротким в 3—5 зубцов (рис. 6, 4, 5).

Нередко орнамент ограничен верхней полойной сосуда. Для эпохи неолита в лесном Зауралье, как и в Прикамье, характерна техника заглаживания внутренней поверхности гребчатым штампом. Штрихи от этого заглаживания хорошо заметны на ряде фрагментов сосудов со стоянки Кысы-Куль. Отсутствие керамики с резной волной и «отступающей палочкой», разреженность орнаментального поля, наличие многих геометрических фигур в орнаменте позволяют считать стоянку Кысы-Куль памятником в значительной части более поздним, нежели поселение Боборыкино II. Ранние формы кысы-кульской посуды могут быть отнесены к грани III и II тысячелетий, но основная мас-

¹ Н. П. Кипарисова. О культурах лесного Зауралья.

² Раскопки автора по поручению Челябинского музея в 1937 г.

за вполне энеолитическая, первой половины II тысячелетия до н. э.

Нельзя не отметить некоторые черты керамики стоянки Кысы-Куль, которые находят себе аналогию в памятниках Прикамья. Таковы утолщение венчика без напыла, чередование рядов наклонных оттопок длинного штампа с короткими (рис. 6, 4—5)¹. Имеется общее и с Левшинской стоянкой не только в керамике, но и в удивительном совпадении формы грузил (рис. 5, 8), сделанных из галек².

С другой стороны, керамика западного Предуралья, входя в круг камской гребенчатой керамики, обнаруживает иногда зауральские черты в виде тальковой примеси, а на стоянке Саузовская I найден глиняный «утожек» штиргского типа. Здесь сказывалось близкое соседство двух групп племен. Камско-Чусовского характера позднеолитические и энеолитические памятники доходят на юге до низовьев р. Белой (Саузовские и открытые А. П. Шокуровым), а на востоке до среднего течения р. Уфы (Усть-Айская, Черкасовская)³.

Таким образом, позднеолитические и энеолитические племена Предуралья и Зауралья находились во взаимных связях. Наравне с зауральскими чертами, проявляющимися в предуральской керамике, наблюдаются камские элементы орнамента на посуде энеолитических памятников Южного Зауралья, в частности на стоянке Кысы-Куль. Следует все же отметить, что расположенная западнее Кысы-Куля, в горах, стоянка на правом берегу среднего течения р. Ай близ с. Айлино содержит энеолитическую керамику типа Чебаркульской и Абсе-

лямовской стоянок, следовательно, восточно-уральского типа⁴.

Весьма своеобразным вариантом энеолитической керамики на севере Южного Зауралья является тип, найденный только на стоянке Боборыкино II. Выше описаны два вида керамики с этого памятника: волнисто-гребенчатый неолитический и гребенчатый энеолитический. Оба эти вида керамики были сосредото-

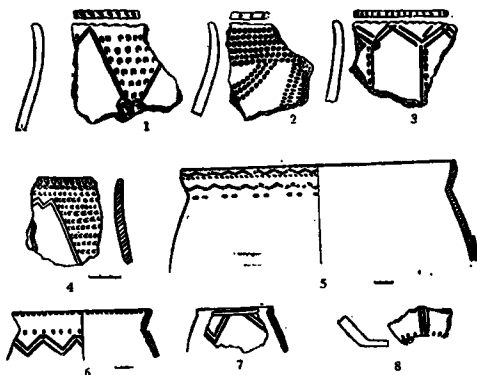

Рис. 7. Энеолитическая керамика с разным орнаментом боборыкинского типа. Исследование Боборыкино II.

чены на дне. У основания дюны, ближе к реке, встречена керамика совершенно иного типа, названного нами боборыкинским. Он представлен несколькими видами плоскостенных сосудов из глины, лишенной примесей. Наиболее распространенными являются сосуды со слегка отогнутым венчиком и слабо выпуклыми плечиками, менее часты сосуды более профилированные. Найдено также несколько маленьких чашечек. Объединяющим все виды посуды элементом служат насечки по краю горла и дна (рис. 7).

Орнамент покрывает только узкую, не больше одной четверти высоты сосуда, полоску. Иногда имеется также ряд зигзагов у дна. Бросятся в глаза полное отсутствие гребенчатого орнамента. Рисунок наносился острием и состоит из резных линий, образующих вертикальные или горизонтальные зигзаги

⁴ Э. М. Медникова, Отчет о разведке на Златоустовском Урале, 1955. Научный архив Челябинского музея.

¹ Ср. О. Н. Бадер, Стоянка Нижнеолитическая и Борное озеро I на р. Чусовой, МИА, 22, рис. 13, 5.

² Ср. Н. А. Прокошев, К вопросу о неолитических памятниках Камского Приуралья, МИА, 1, 1940, табл. IV, 1—4.

³ А. В. Збруева, Итоги и задачи археологического изучения территории Башкирии, Сб. «400-летие присоединения Башкирии к Русскому государству», Уфа, 1958; О. Н. Бадер, Камская археологическая экспедиция в 1956 году, ҚСНИМК, 74, 1959; Л. Я. Крижевская, Новые неолитические стоянки Южного Предуралья, ҚСНИМК, 74, 1959; Г. Н. Матюшин, Памятники каменного века на территории БАССР, «Башкирский археологический сборник», Уфа, 1959.

(рис. 7, 3—6), вертикальные или наклонные ряды отрезков линий (рис. 7, 8), горизонтальные ряды насечек или ямок (рис. 7, 1, 2, 4, 6), заштрихованные треугольники, треугольные и прямоугольные лопасти. Треугольники и лопасти в большинстве случаев заполнены ямками (рис. 7, 1, 4). Иногда зигзаги выполнены методом «отступающей палочки» (рис. 7, 5). Ямчатые вдавления часто нанесены острием, поставленным наклонно по ходу движения инструмента (рис. 7, 4), в чем нельзя не усмотреть отзвук метода «отступающей палочки» эпохи неолита. 60 процентов боборыкинской керамики обнаружено в землянках № 5 и 6, причем в землянке № 5 она составила половину находок, а в землянке № 6 почти не отсутствовала керамика иных типов. Землянка № 6 перекрывалась зольником мощностью до 0,55 м с андроновской керамикой. Зольник отделен от пола землянки толщиной запыля в 0,80—1,0 м. Следовательно, со времени гибели боборыкинского жилища до появления андроновского поселения протекло немало времени. Боборыкинский слой следует датировать временем не ближе грани III и II тысячелетий до н. э. Этой дате не противоречат и состав керамики в землянке № 5, где наравне с боборыкинскими оказались обломки энеолитических сосудов с гребенчатой орнаментацией. При сохранении, по сравнению с гребенчатой энеолитической керамикой, архаичных приемов орнаментации в виде метода «отступающей палочки», правда представленной в «затухающем» виде, боборыкинские сосуды форму, наоборот, имеют более позднюю.

Сопровождающий боборыкинскую керамику кремль дает ряд своеобразных форм, также неизвестных на Урале: пластины со скошенным концом, пластины с выемками, острия из пластинок со скошенным притупляющей ретушью краем. Аналогии этим орудиям можно найти лишь на юге, в памятниках кельтеминарской культуры и на синхронных с последней стоянках Нижнего Поволжья и Западного Казахстана.

Кремневые изделия южного микролитического типа в Зауралье встречались неоднократно и раньше. Таковы прежде всего наконечники стрел с боковой выемкой, сделанные из ножевидных пластинок. Они найдены на неолитических стоянках: Первой и Второй Андреевской, Палкино, Татарский бор¹, Чебаркульская², Черкаскуль³, дюны у дер. Квашинной

близ Шадринска⁴. Но все это были единичные предметы. На поселении Боборыкино II присутствует целый слой микролитического инвентаря южного типа, сопровождаемый своеобразной керамикой с некоторыми южными чертами. Вертикальные боборыкинские зигзаги находят себе полную аналогию в Хорезме⁵.

Боборыкинская культура, по-видимому, сложилась в более южных районах, но на базе одного из вариантов волнисто-гребенчатого Неолита Урало-Казахстанской области.

Следовательно, для эпохи энеолита в лесной и лесостепной полосе Южного Урала выделяется несколько своеобразных вариантов керамики: абселямовско-чебаркульский, кысы-кульский, боборыкинский круглодонный с гребенчатым орнаментом, боборыкинский плоскодонный с резным орнаментом. Сейчас нет достаточных данных для суждения о том, являются ли их различия локальными или хронологическими. В качестве рабочей гипотезы можно высказать следующие предположения. Гребенчатый боборыкинский и абселямовско-чебаркульский типы представляют собою синхронные локальные варианты — восточный (лесостепной) и западный (лесной). На основе последнего развивается кысы-кульский. Боборыкинский плоскодонный вариант, тяготеющий к кельтеминару, по-видимому, близок по времени к боборыкинскому гребенчатому.

••

Отличие неолитических степных стоянок восточного склона Южного Урала от лесных и лесостепных, выражающееся в малочисленности находок, сохраняется и в эпоху энеолита. Керамика этого времени имеет черты, характерные для более северных районов Зауралья: пряموленность, иногда со слегка отогнутым краем, густая орнаментация премушественно оттисками гребенки, сохраняется волнистая резьба, но разреженная, нанесенная очень тонкими линиями. Часто обломки этой керамики отличаются тонкостью стенок, что, по-видимому, является местной особенностью. В районе Магнитогорска известны две стоянки с керамикой описанного вида, разделенные интервалом в 2—3 км. Стоянка «Мысок» находится на левом берегу р. Малый Кызыл в 3 км выше пос. Супряжского балластного карьера⁶. Наши разведочные траншеи

¹ Коллекция Шадринского музея.

² А. В. Виноградов, К вопросу о южных тязях кельтеминарской культуры, СЗ, 1957, № 1, рис. 6, 1.

³ Открыта в 1948 г. сотрудниками экспедиции Магнитогорского музея В. П. Бирюловым.

⁴ П. А. Дмитриев, Вторая Андреевская стоянка, Труды ГИИМ, вып. VIII, 1938, стр. 99.

⁵ Н. П. Кипаридова, Чебаркульская неолитическая стоянка.

⁶ Раскопки К. В. Сальникова 1956 г.

1950 г. показали, что на стоянке имеются разновременные отложения культурного слоя.

Древний культурный слой представлен несколькими ножевидными пластинками, скребком и обломком венчика прямостенного сосуда неолитического типа. Фрагмент покрыт сплошным орнаментом из гребенчатых оттисков, образующих несколько горизонтальных поясков вдоль края, которые ниже сменяются наклонными оттисками. Гребенчатые отпечатки дополняются бессистемно расположенными ямками. Орнамент переходит на обрз и на внутренний срез скащенного края сосуда (рис. 4, 10).

Вторая стоянка находится в 4—5 км к востоку от пос. Смеловского в урочище «Черняховский брод» на скалистом высоте 6 м мысе, вдающемся в пойму р. Малый Кизыл с левого берега¹. Мыс, сложенный из известняков, покрыт тонким слоем чернозема. На размываемой поверхности найдено 6 ножевидных пластинок и их сечений микролитического облика, 13 отщепов кремня, обломок грубого призматического нуклеуса и несколько небольших черепков от двух-трех тонкостенных сплошь орнаментированных сосудов неолитического облика. Один черепок представляет собою венчик сосуда с несколько утолщенным и выступающим наружу и скошенным внутрь краем. Он покрыт резным орнаментом из волнистых узких лент. На обрзе сосуда также проведена волнистая линия (рис. 4, 11). Два других черепка относятся к слабо изогнутым стенкам средней части сосудов. Зональный орнамент покрывает сплошь всю их поверхность, как, видимо, и вообще всю поверхность сосудов в целом. Рисунок состоит из горизонтальных, резных и гребенчатых поясков, чередующихся с поясами вертикальных оттисков гребенчатого штампа (рис. 4, 12, 13). Трудно судить по небольшим фрагментам о форме сосудов, но они оставляют впечатление частей прямостенных яйцевидных сосудов без выраженной шейки, что особенно хорошо видно по обломку венчика.

Черепки с р. Малый Кизыл можно датировать гранью III и II тысячелетий до н. э.

Из более южных районов также известны находки отдельных черепков. На р. Джарлы в Адамовском районе Оренбургской области С. А. Попов в 1955 г. нашел черепок от тонкостенного сосуда с «сотовым» орнаментом (рис. 4, 14), ближайшую аналогию которому можно указать среди керамики стоянки Кысы-Куль. Орнамент и следы затертого гребенча-

того заглаживания на внутренней поверхности позволяют отнести черепок к эпохе энеолита.

Этим же временем надо датировать еще одно местонахождение близ г. Орск. В 1936 г. Орской экспедицией ГАИМК на 14 км железнодорожной ветки Орск — Ново-Аккермановка был раскопан сарматский курган. В насыпи встретились три черепка с примесью в глине дресвы и талька. Самый крупный из них представляет собою венчик сосуда, покрытый орнаментом, состоящим из поясков наклонных оттисков гребенчатого штампа, которые чередуются с зигзагами, сделанными тем же штампом. На внутреннем краю сосуда также имеется пояс наклонных оттисков (рис. 4, 15)². Характер узора, зональность, орнаментация внутреннего края — все это типично для энеолита. Отсутствует венчика не позволяет датировать его эпохой неолита. Находку надо отнести к началу II тысячелетия до н. э. и поставить ее близко к стоянке Кысы-Куль, с керамикой которой у описанного черепка много общего в орнаменте.

Курган на 14 км расположен на краю небольшой возвышенности на коренном берегу р. Урал³. По-видимому, его расположение совпало со стоянкой энеолитического типа. Малочисленность находок свидетельствует о том, что стоянка носила характер кратковременных становищ степных охотников и рыболовов.

В степях, примыкающих к Южному Уралу с востока и юга, выявлены энеолитические памятники, отражающие культуру, весьма близкую культуре населения восточного склона Южного Урала. А. А. Формозов сделал попытку объединить их в две культуры, относимые, более южные, примыкающие к Приаралью, к кельтеминарской культуре, а расположенные севернее — к южноуральской, включая в последнюю и стоянку Кысы-Куль⁴.

Не отрицая наличия общих черт в керамике некоторых стоянок Кустанайской области и стоянки Кысы-Куль, все же считаю, что объединение ее с памятниками Кустанайской степи основано на недоразумении, что объясняется открытостью сведений, которые имелись в распоряжении А. А. Формозова об этом памятнике и остались неопубликованными. Стоянка Кысы-Куль является типично лесной. Она и территориально расположена совсем не на границе с Казахстаном, как это считает А. А. Формозов, помещая ее на своей карте к югу от Челябинска⁴. Озеро Кысы-Куль нахо-

¹ Оренбургский музей, инв. № 3468/51.

² Архив ИИМК, д. 293 за 1936 г.

³ А. А. Формозов, К вопросу о происхождении андрогорской культуры.

⁴ Там же.

¹ Открыта в 1950 г. сотрудником Магнитогорского музея М. Р. Уфимцевым.

дятся в 90 км к западу от Челябинска, и ближайшая граница Казахстана отстоит от него в 150 км.

Поэтому группу стоянок северного Казахстана правильно было бы по территориальному признаку называть кустанайской. Для этих памятников, по наблюдению А. А. Формозова, типична керамика с ямочным, гусеничным и гребенчатым орнаментом при отсутствии нарезного рисунка¹. Нельзя же согласиться с А. А. Формозовым, что стоянки эти носят энеолитический характер. «Шагающая гребенка» («гребенчатая качалка»), гусенички, пояс ямок под венчиком, гребенчатые зигзаги в орнаменте, а также следы бороздчатого заглаживания на внутренних стенках, яйцевидность формы, округлость дна — все это действительно роднит кустанайскую керамику с уральской энеолитической. Она является синхронной со стоянкой Кысы-Куль, с которой ее связывает общий характер рисунка: нарушение типичной для III тысячелетия до н. э. зональности, большая расчлененность рисунка, учащение геометрических мотивов².

Все это позволяет кустанайские стоянки датировать первой половиной II тысячелетия до н. э. На то же время указывает ряд находок на стоянках изделий из меди.

Таким образом, кельтеминарские стоянки Приаралья обнаруживают более древние взаимоотношения с Уралом, нежели соседняя с последним Кустанайская область, но они не прерываются и в начале II тысячелетия до н. э. На стоянке Саксаульская наравне с черепками, орнаментированными резным волнистым орнаментом, встречены обломки посуды и этого более позднего времени. Такова, например, горизонтальная «лесенка» из оттисков гребенчатого штампа³, совпадающая с орнаментом на керамике кустанайской стоянки Терсек-Карагай⁴. Этот мотив нередок на энеолитических стоянках лесной полосы Южного Урала, в том числе и на стоянке Кысы-Куль.

В итоге, следовательно, можно сказать, что как кустанайская группа стоянок, так и более южные кельтеминарские стоянки входили в одну большую этнокультурную область с южноуральскими памятниками. Несколько большая, по сравнению с кельтеминарскими, близость кустанайских памятников к стоянке Кы-

сы-Куль проистекает не из большей между ними родственности и территориальной близости, а из синхронности: и Кысы-Куль, и кустанайские стоянки относятся к энеолиту. В кельтеминарских же прослеживается и более древний пласт, который все же перекалывается с одновременными ему неолитическими памятниками лесной полосы восточных склонов Урала. Поэтому нельзя согласиться с А. А. Формозовым, который приписывает кельтеминарским памятникам как какую-то культурную особенность резной орнамент на керамике, а кустанайским — гребенчатый. Это признак не культурный и не локальный, а хронологический. В этом не трудно убедиться, обратившись хотя бы к опубликованному А. А. Формозовым фрагменту посуды с орнаментом из «шагающей гребенки» со стоянки Агисле. Гребенчатый орнамент нередок и на кельтеминарской керамике, как явствует из последних публикаций⁵. Керамика Приаралья все же отличается от посуды стоянок Южного Урала. В частности, здесь не отмечены карнизники или напыльы на внутреннем крае венчика. Приаральскую керамику надо рассматривать как особый вариант волнисто-гребенчатой керамики.

Раннекельтеминарские памятники Хорезма богато орнаментированы прочерченным волнистым орнаментом, но он носит особый, отличный от уральского характер и связан, наоборот, с югом⁶. Более тесные связи Урала с кельтеминарской культурой прослеживаются только до Приаралья. Здесь еще встречается орнамент, нанесенный «отступающей палочкой».

••

Значительная близость керамики с верховьев Оби и Иртыша к уральской, наблюдавшаяся в III тысячелетии до н. э., в более поздних памятниках этого района отмечена быть не может. Из родственных уральским элементам можно отметить лишь «шагающую гребенку» на части керамики со стоянки у дер. Кротово⁷ и волнистые линии, нанесенные «отступающей палочкой» среди керамики со стоянки у дер. Ирбы⁸. Остальные элементы орнамента на обеих стоянках отличны от уральских и во многих случаях напоминают некоторые сосуды из нео-

¹ А. А. Формозов, Энеолитические стоянки Кустанайской области и их связь с ландшафтом, Бюллетень КИЧП. 1950, № 15, стр. 70.

² А. А. Формозов, К вопросу о происхождении андроновской культуры, рис. 4.

³ Там же, рис. 3, б.

⁴ А. А. Формозов, Энеолитические стоянки Кустанайской области и их связь с ландшафтом, рис. IV, 13.

⁵ А. В. Виноградов, К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры, стр. 31, рис. 4.

⁶ Там же, стр. 39.

⁷ М. Н. Комарова, Негреты верхнего Приобья, КСИИМК, 64, 1956, рис. 42, 1, 4, б.

⁸ Там же, рис. 41, 20.

литической стоянки у пос. Железинка в Павлодарской области, которые находят себе аналогию на востоке, в Прибайкалье¹.

По-видимому, керамика из Усть-Нарымской стоянки, которую С. С. Черников датирует концом III — началом II тысячелетий до н. э. и выделяет как особый вариант неолитической культуры², будет относиться к той же группе. С другой стороны, вкладываемый кинжал и ряд изделий из камня с Усть-Нарымской стоянки тянут к Уралу. Так называемые «утюжки» штирского типа³ широко известны в области распространения энеолитической керамики в Зауралье. Заготовка топора⁴ и клювовидная ножевидная пластинка⁵ весьма близки соответствующим находкам на стоянке Кысы-Куль (рис. 5, 1—3, 7).

Существование связи между племенами лесной и лесостепной полосы Зауралья и Казахстана в первой половине II тысячелетия до н. э. доказывается находками каменных «утюжков», довольно часто встречающихся на той и другой территории. На Урале можно указать такие пункты, где были найдены эти изделия: озеро Черное, Первое Карасье озеро, Горбуновский торфяник⁶, озеро Мелкое⁷, стоянка Калмацкий брод⁸, с. Песчано-Колединское в бывшем Шадринском округе (хранится в Шадринском музее). В Зауралье, кроме того, встречаются функционально, видимо, родственные «утюжкам» изделия из талькового камня в виде кирпичика также с поперечным желобком (Чебаркуль, Черкаскуль I, Сайма 3, Кысы-Куль). На территории Казахстана «утюжки» встречаются чаще, хотя почти все происходят из случайных находок. Кажется, единственным исключением служат «утюжки» со стоянки Усть-Нарымской, которые и позволяют отнести эти находки к определенной эпохе. Два целых «утюжка» и три обломка других найдены на Джаман-Каргалинской стоянке под Актюбинском, обломки «утюжка» на стоянке

Терсек-Карагай¹. По одному экземпляру «утюжки» найдены на стоянке Светлый Джар-Куль², на Калбинском хребте³, в Кокчетавской области на р. Чаглинке в составе инвентаря известного доандроновского погребения⁴, в окрестностях г. Кокчетав. В 1955 г. во время обследования на востоке Оренбургской области андроновского поселения Джарлы IV С. А. Поповым на поверхности было найдено такое же изделие⁵. Связывать его с андроновским культурным слоем нет основания. По-видимому, в какой-то части стоянка Джарлы IV совпадает с более ранним поселением, на что указывает находка среди андроновской керамики уже упоминавшегося выше черепка энеолитического типа, орнаментированного соточными ячейками.

В итоге на основании анализа находок керамики можно сказать, что в эпоху неолита и энеолита, в конце IV, в III и в начале II тысячелетий до н. э., родственные уральским племенам распространялись на восток до верховьев Иртыша и Оби, где они граничили с иными синхронными племенами афанасьевской культуры, а на юг — до северных районов Средней Азии.

В эпоху неолита и энеолита стоянки степных и отчасти лесостепных районов Южного Зауралья не только по керамике, но и по кремневому инвентарю были близки микролитическим стоянкам кельтемянарского типа Казахстана, на которых отсутствуют трапеции и другие геометрические фигуры. На одних найден только кремьен, на других изделия из камня сопровождаются керамикой.

Остановимся сначала на бескерамических стоянках.

Давно известна стоянка на озере Смолине на окраине Челябинска с находками микролитического инвентаря. Отсутствие на ней керамики дало повод относить ее к раннему неолиту⁶, но обнаружение ее на площади, осво-

¹ Е. И. Агеева, А. Г. Максимова, Отчет Павлодарской экспедиции 1955 года, ТИИАЭ АИ Казахской ССР, т. 7, 1959, стр. 35 и табл. 1, 9 и 17.

² С. С. Черников, Работы Восточно-Казахстанской археологической экспедиции в 1956 г., КСИИМК 73, 1956.

³ Там же, рис. 38, 1, 2.

⁴ Там же, рис. 38, 15.

⁵ Там же, рис. 38, 10.

⁶ П. А. Дмитриев, Штирская культура на восточном склоне Урала, МИА, 21, 1952, стр. 48, рис. 2, 2.

⁷ Е. М. Берс, Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей, МИА, 21, стр. 215, рис. 1, 13.

⁸ В. М. Раушенбах, Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы, М., 1956, стр. 29.

¹ А. А. Формозов, К вопросу о происхождении андроновской культуры, рис. 6, 2, 3.

² А. А. Формозов, Энеолитические стоянки Кустанайской области и их связь с ландшафтом, табл. 1, 20.

³ С. С. Черников, Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая, Алма-Ата, табл. IX, 1, 2.

⁴ Сообщение С. А. Попова. Хранится в Кокчетавском музее.

⁵ Хранится в Оренбургском музее.

⁶ А. В. Шмидт, Работы по истории материальной культуры на Урале за 15 лет, Проблемы истории материальной культуры, 1933, № 9—10, стр. 20.

бодившейся из-под воды во время необычно низкого уровня последней в 1925 засушливом году, определяет ее датировку суббореальным периодом. Следовательно, вряд ли эта стоянка будет древнее конца III тысячелетия до н. э.

В 15 км к западу от Магнитогорска близ пос. Смеловского в 1952 г. была обследована Смеловская II пещера, расположенная на р. Малый Кызыл на высоте 6 м от уровня воды. В разведочном шурфе 2X2 м, на площадке перед входом в пещеру, было вскрыто несколько культурных горизонтов. Верхние слои представляли черноезем до глубины 0,65—0,75 м и подстилающим его буроватым гумусом мощностью 0,20—0,30 м. В нижних горизонтах чернозема и в слое буроватого гумуса найдены пять кремневых ножевидных пластинок, два отщепы, осколок кремния, галька, напоминающая формой подвески из погребения в Бурановской пещере, обожженные и сырые мелкие обломки костей, редкие угольки и закопченные куски щебенки. Ниже в желтой глине, на глубине 1,33 м обнаружена кучка разной формы кусков и подделок из талька со сверлинами. Залегающие эти предметы в слое глины как будто препятствуют датировке их эпохой неолита, в то же время применение сверления говорит скорее в пользу отнесения к этому времени. Одна из подделок представляет собою обломок круглой, несколько выпуклой с одной стороны бляхи с круглой сквозной сверлиной в середине и несколькими маленькими сверлинами по краям. Последние несомненно служили для пришивания предмета, вероятно, к одежде. Украшения из каменных подвесок были весьма распространены у неолитического населения Урала, достаточно вспомнить неолитические погребения в Юрюзанских пещерах, в которых найдены также микролитические пластинки¹.

Кремневые подделки в верхних горизонтах Смеловской II пещеры также следует датировать эпохой неолита или энеолита.

Над пещерой на плато на поверхностной стоянке собрано 18 ножевидных пластинок, 5 сечений, два скребка, два призматических нуклеуса и более 50 отщепов. Никаких признаков керамики здесь не оказалось. Кремьен и по цвету, и по качеству, и по типу изделий аналогичен находкам в гумусированных верхних слоях раскопа на площадке перед пещерой. По-видимому, мы здесь имеем стоянку, синхронную находкам неолитического времени в пещере. Залегание на поверхности не может

препятствовать столь ранней датировке, так как стоянка расположена на скалистом плато, где тонкий дерновый слой покрывает непосредственно скалистую поверхность.

Пещера с бедным кремневым неолитическим инвентарем при отсутствии керамики открыта также на р. Урал между поселениями Ново-Никольским и Зубочистенским².

Стоянки с микролитическим кремнем при отсутствии на них керамики известны также в бассейне р. Ори, в 100 км к югу от г. Орска, на берегах маленькой степной речки Киимбай³, в Домбаровском районе Оренбургской области.

В 2 км выше аула Джайлан А. А. Формозовым в 1949 г. на левом берегу реки обнаружена микролитическая стоянка с кремневыми ножевидными пластинками, концевыми и округлыми скребками⁴, по-видимому, без керамики.

Две другие подобного типа стоянки обследованы автором в 1950 г. в 3,5 км выше с. Еленовки на берегах той же реки.

На поверхности дюны левого берега р. Киимбай было собрано несколько изделий из кремня и яшмы. Интересны среди них три предмета: ножевидная пластинка с односторонней ретушью, обломок концевого скребка и сечение тонкой, узкой ножевидной пластинки микролитического типа длиной 1 см, шириной 0,8 см без ретуши. Местным краеведом А. С. Новиченко здесь также находились кремневые пластинки и отщепы.

Более интересной оказалась другая дюнная стоянка, расположенная на правом берегу, почти напротив первой. На глубине 0,55—0,80 м в толще гумусированного супеска культурный слой мощностью 0,15—0,20 м содержал кости и изделия из кремнисто-глинистого сланца. Кости оказались весьма плохой сохранности. Местами встречались микроскопические кальцинированные костные крупинки, а в средней части траншеи последние залегали довольно ясным гнездом, являясь, видимо, остатком осяга.

Находки из камня, обнаруженные в культурном слое, представлены отщепами и ножевидными пластинками, вернее, сечениями последних длиной 1—1,8 см, при ширине 0,6—0,9 см. Только одна пластинка сделана из красной окремнелой породы, все остальные изготовлены из кремнисто-глинистого сланца желтоватого или сероватого цвета.

В 10 м к юго-востоку от траншеи на по-

¹ А. А. Формозов, Археологические памятники в районе Орска, КСИИМК, XXXVI, 1951.

² Приток р. Камск, впадающей в р. Орь.

³ А. А. Формозов, Археологические памятники в районе Орска.

¹ С. Н. Бибяков, Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала, СА, XIII, 1950, стр. 99, рис. 4.

верхности найден андроновский черепок, и далее в том же направлении идут более густые следы Книмбаевского андроновского поселения. Следовательно, траншея, по существу, находится на окраине селища, но в траншее ни одного черепка встречено не было. Если еще учесть, что культурный слой, обнаруженный в траншее, перекрывается стерильным слоем толщиной свыше 0,50 м, то не будет никаких оснований связывать находки в траншее с андроновским поселением.

Таким образом, описанный культурный слой представляет собою следы обитания людей в эпоху более раннюю, чем андроновская. Это положение легко доказывается стратиграфически. В то время, как находки на левобережной стоянке происходят из сборов на поверхности и являются результатом разрушения культурного слоя, на правобережной культурный слой не потревожен, залегает на солидной глубине. Обе стоянки мы считаем возможным отнести к одному времени. По типам изделий из камня и по топографическим условиям обе Книмбаевские стоянки должны входить в тот широкий круг микролитических стоянок, к которому относятся теперь уже многочисленные стоянки западного и центрального Казахстана¹.

Экспедицией Оренбургского музея под руководством Н. П. Кипарисовой во время обследования в 1954 г. памятников по берегам р. Книмбай открыт еще один пункт с находками кремневых изделий на левом берегу реки ниже с. Верхний Книмбай. Здесь собрано 6 отщепов, круглый высокой формы скребочек, нуклеус из светло-желтого окремнелого сланца с гранями 0,3—0,5 см шириной, обломок рабочей части шлифованного топорика шириной 4 см². Материал нуклеуса и топорика, а также ширина пластинок одинаковы с находками на правобережной Книмбаевской стоянке, что позволяет рассматривать эти памятники как синхронные и однокультурные.

Того же типа два памятника открыты в 1955 г. С. А. Поповым в Адамовском районе Оренбургской области на р. Джарлы, причем на обоих, кроме кремня, найдено по очкам маленькому обломку тонкой глиняной посуды без орнамента с тщательно сглаженными обеими поверхностями³. Этой чертой они сбли-

жаются с энеолитическим черепком с сотовым орнаментом с поселения Джарлы IV, что позволяет их датировать тем же временем.

На бескерамической стоянке, открытой А. С. Новиченко на юго-востоке Оренбургской области на берегу маленького всевежного озера близ озера Буруктал, найдено около 30 маленьких пластинок и их сечений, иногда меньше 1 см² (одна шириной всего 2 мм), 3 концевых скребка, 3 полупризматических нуклеуса с узкими гранями и до 30 отщепов (сообщение А. С. Новиченко).

Таналыкские стоянки «Б» и «Г», открытые в 1933 г. Б. Н. Граковым¹ у с. Таналык на берегу р. Суундук, близ впадения ее в р. Урал, повторно обследованные в 1949 г. А. А. Формозовым², относятся к тому же кругу памятников. На стоянках собраны сотни отщепов, десятки ножевидных пластинок, отдельные скребки, нуклеусы и листовидные с двусторонней обработкой наконечники стрел, один из них с небольшим черешком. На таналыкских стоянках встречены в очень незначительном количестве мелкие обломки керамики, с преобладанием в тесте примеси талька.

Из всех описанных выше стоянок юго-восточного Приуралья наиболее древними представляются находки в гумусном слое Сметелской II пещеры и стоянки на плато над этой пещерой. И все же по всей сумме признаков их нельзя далеко отрывать от остальных ранних памятников этого района. Несмотря на отсутствие на них керамики, находки кремня не имеют выраженного мезолитического облика, что при значительном числе находок на стоянке над пещерой должно бы было выявиться. Больше основания кремневый комплекс пещерной стоянки датировать по найденным тут же тальковому привескам эпохи энеолита — III — началом II тысячелетия до н. э. Однородность кремня и типов изделий верхней стоянки с достаточным основанием позволяют рассматривать ее одновременной с пещерной, а, может быть, они являются частью одного поселения. Тем более нельзя датировать мезолитом стоянки на р. Книмбай, хотя на них также отсутствует керамика. Сопоставление находок со всех книмбаевских памятников позволяет отнести их к одному времени — концу III — началу II тысячелетия до н. э. Обломок лезвия шлифованного топо-

¹ А. А. Формозов, Кельтеминарская культура в Зыбном Казахстане.

² Н. П. Кипарисова, Отчет о работах археологической экспедиции Оренбургского областного краеведческого музея в 1954 году (рукопись). Научный архив Оренбургского музея.

³ Благодарю С. А. Попова за разрешение упомянуть его находки.

¹ Б. Н. Граков, Работы в районе проектируемых южно-уральских гидроэлектростанций, Сб. «Археологические работы на новостройках», вып. II, М.—Л., 1935, стр. 110—111.

² А. А. Формозов, Археологические памятники в районе Орска, стр. 116.

ра у с. Верхний Книмбай подтверждает эту дату; сделано же это орудие из одного материала с происходящим с того же местонахождения нуклеусом и ножевидными пластинками из правобережной Книмбаевской стоянки. Таким образом, последняя стоянка должна относиться к тому же времени. Что касается левобережной Книмбаевской и стоянки аула Джангал, то по топографическим условиям они не могут быть старше правобережной. Джарлинские стоянки по хроному однородны с книмбаевскими. Таналыкские стоянки «Б» и «Г», а также стоянки «Мысок» и у Черняховского брода расположены в удивительно однородных условиях — все на невысоких мысах небольших речек с культурным слоем на поверхности или почти на поверхности. Объединяют их между собой и с джарлинскими стоянками также находки керамики. Правда, фрагменты последней на таналыкских и джарлинских стоянках маловыразительны, но присутствие в тесте талька характерно для уральских памятников и сближает их с керамикой стоянки «Мысок», которая наравне со стоянкой Черняховский брод, как показано было выше, хорошо датируется.

Таким образом, степные стоянки Южного Зауралья, как и кельтеминарские стоянки Казахстана, почти не имеют крупных каменных орудий. Но в отличие от последних, характеризующихся почти исключительно изделиями из пластинок¹, на зауральских стоянках пластинки почти всегда сочетаются с отщепами. В ряде зауральских стоянок, как например, Таналыкская стоянка «Б», отщепы решительно преобладают над пластинками².

Пользование орудиями и на пластинах, и на отщепе характерно и для кустанайских³, и для лесных южно-уральских стоянок (Кысы-Куль, Чебаркульская, Черкаскуль I, Абселямовская и др.).

Состав каменного инвентаря на стоянках лесной и отчасти лесостепной полосы Южного Зауралья значительно отличается от орудий микролитического типа более южных районов. На северных стоянках нередки находки крупных рубящих орудий — шлифованных топоров, тесел, долотцев, но есть и грубо оббитые, в которых скорее надо видеть заготовки для

шлифования. Выделяется два типа: узкообушечные и широкообушечные. У последних обушек лишь слегка уступает по ширине лезвию. Оба типа, возможно, сосуществовали: найдены они совместно, правда, на стоянках не односторонних: Чебаркуль, Кысы-Куль, Боборыкино II. По форме поперечного разреза намечается три разновидности: линзовидные, трапецевидные и шестигранные. Имеется одна находка шлифованного топора с выступами (дер. Чусовая, Катайского района, Курганской области)⁴. Ряд шлифованных топоров происходит из случайных находок на территории Челябинской и Курганской областей: у с. Пепелина Куртамышского района, у с. Алабуга Бродо-калмацкого района, на берегу озера Кремень-куль⁵. В состав культурного слоя стоянок лесной полосы Южного Зауралья входят песты, терочные камни, клинья, наконечники стрел, дротиков, копий с двусторонней обработкой. Но подавляющее большинство изделий на севере Южного Зауралья изготовлено из ножевидных пластинок и отщепов, встречаются и наконечники стрел на пластинках. Нам думается, что столь категорично связывать микролитичность инвентаря степных поселений с охотничьим хозяйством и противопоставлять его рыболовецким лесным стоянкам с крупными орудиями — топорами, долотами, как это делает А. А. Формозов⁶, вряд ли будет правильным. Скорее, большее распространение крупных каменных рубящих орудий надо объяснить природной обстановкой. Лесным обитателям чаще требовались деревообрабатывающие инструменты, чем степнякам, вне зависимости от типа хозяйственной деятельности.

Основное отличие северных стоянок Южного Урала от степных заключается в том, что они являются местами долговременного оседлого обитания. Культурный слой на них насыщен большим количеством орудий и керамики. На некоторых обнаружены и землянки, хотя наравне с этими постоянными жилищами, бытовали и переносные, типа чумов. На стоянке Боборыкино II открыты жилища-землянки, а на ряде сосудов оказались изображения чумов, чередующиеся с антропоморфными фигурами (рис. 3, 2). Стоянки Чебаркуль, Черкаскуль I, Кысы-Куль, Абселямовская расположены на берегах больших озер, в лесистой местности, Боборыкино II — в лесостепи на р. Исети. Местоположение и инвентарь стоянок (грузила от сетей, наконечники копий и стрел) указы-

¹ А. А. Формозов, Микролитические памятники азиатской части СССР, СА, 1959, № 2, стр. 48.

² А. А. Формозов, Археологические памятники в районе Орск, стр. 116.

³ А. А. Формозов, К вопросу о происхождении андроновской культуры, стр. 11.

⁴ Хранится в Шадринском музее.

⁵ Хранится в Челябинском музее.

⁶ А. А. Формозов, Микролитические памятники азиатской части СССР, стр. 57.

вают на рыболовецко-охотничий тип хозяйства.

У обитателей степных стоянок хозяйство имело другой характер. Малые размеры, присущие всем этим стоянкам, малочисленность керамики, расположение в большинстве по берегам мелких рек отличают их от богатых находками стоянок оседлых рыболовов-охотников на берегах крупных озер лесного Зауралья. Стоянки юго-восточного Приуралья оставляют впечатление скорее кратковременных стойбищ бродячих охотников. Хотя в некоторых случаях, как, например, стоянки у пос. Таналыкского, судя по обилию находок, могли быть обитаемы продолжительное время. В данном случае имело значение расположение в устье небольшой речки Сууидук, впадающей в крупную реку Урал, что обеспечивало достаточную добычливость рыболовства. Обитатели же поселений по берегам таких мелких степных речек, как Малый Кизыл, Джарлы, Книмбай, не могли существовать за счет рыболовства. Их хозяйственная деятельность не отличалась от экономики бродячих охотников степей Казахстана и Приаралья.

По-видимому, уже в первой половине II тысячелетия до н. э. может быть в начале этого тысячелетия, часть племен юго-восточного Приуралья переходила к скотоводству. Кости домашних животных найденны на стоянках Светлый Джар-Куль, Затобольская, Саксаульская¹. Правда, происхождение коллекций с этих памятников из сборов на людах, в выдувах не гарантирует от примеси поздних материалов. Но развитое скотоводство у ранних андроновских племен середины II тысячелетия до н. э. заставляет предполагать возникновение его на предыдущем этапе, если не допустить заселения степей Казахстана андроновскими племенами со стороны.

Мелкие, с бедным культурным слоем стоянки верховьев Урала типа «Мысок», Черняховский брод, видимо, все же оставлены племенами, среди которых скотоводство еще не распространилось. Следовательно, различие в каменном инвентаре обуславливалось природной обстановкой. Наоборот, различия в природных условиях не служили помехой близости керамического материала на огромной территории.

В родственности керамики Урала с керамикой Казахстана и Приаралья особенно ярко проявляется существование тесных систематических связей между населением этих двух областей. Но и среди изделий из камня встречаются отдельные весьма сходные формы, на

что А. В. Збруева обратила внимание еще в 1946 г.² Еще убедительнее об этих связях говорят находки в Казахстане каменных изделий из уральских пород. На р. Ирғиз встречены пластины из уральского кремня, в Приаралье, на озере Джаман-Клыч — микролиты, из уральской яшмы и кварцита³. Но если можно допустить проникновение уральского материала для изготовления каменных орудий путем обмена далеко на юг, то транспортровка на такие расстояния глиняной посуды ничем не может быть оправдана. Больше оснований думать о передвижении на большие расстояния бродячих групп охотников. Редкое население, отсутствие прочной оседлости, что доказываются малочисленностью находок на стоянках, способствовали взаимопроникновению поселений различных племен, а последнее закреплялось практикой экзогамных браков.

В итоге можно сказать, что Урал с Прикамьем, Казахстан и Приаралье в эпоху неолита и энеолита — в конце IV, III — начале II тысячелетий до н. э. были заселены рядом групп, в той или иной мере родственных племен охотников и рыболовов, родственность которых между собой определяется главным образом по близости орнамента керамики. В зависимости от природных условий каждого конкретного района в хозяйстве преобладало рыболовство, охота или оба занятия сочетались. В одних случаях характер хозяйства вел к прочной долговременной оседлости, в других господствовал бродячий образ жизни. Несмотря на такое разнообразие в хозяйстве и образе жизни, на различия природной обстановки (лес, лесостепь, полупустыня), люди покрывали свою посуду узорами одного типа, что можно объяснить только этнической близостью. Это будет еще убедительнее, если мы примем во внимание, что указанный огромный этнокультурный массив окружали представители других племен, которые часто стояли на той же ступени развития, имели тот же хозяйственный тип, а их этнографический облик, прежде всего выражающийся в материальной культуре, был совсем иным.

На очерченном огромном пространстве, образующем Урало-Казахстанскую этнокультурную область, намечается несколько локальных вариантов, но различия между ними не столь велики, как отличия всего этого комплекса родственных культур от соседней с востока (афанасьевские племена), запада (ямно-полтавские племена) и юга (культура крашеной керамики юга Средней Азии).

¹ А. В. Збруева, Древние культурные связи Средней Азии и Приуралья. ВДИ 1946, № 3.

² А. А. Формозов, Кельтеминарская культура в Западном Казахстане, стр. 55—56.

¹ А. А. Формозов, К вопросу о происхождении андроновской культуры, стр. 7 и 11.

Описанный урало-казахстанский этнокультурный массив непосредственно соседствовал с другим — ямно-полтавским, памятники которого открыты в юго-западном Приуралье, а местами вклиниваются в среду стоянок уральско-казахстанского типа, отражая проникновение западных племен в эпоху ранней бронзы в Зауралье (см. карту, рис. 13).

Прежде чем перейти к ознакомлению с этой западной этнокультурной областью, рассмотрим погребальные памятники Южного Урала, оставленные представителями первого этнокультурного массива.

Древнейшие антропологические остатки на Урале относятся к эпохе неолита. Мы подразумеваем две находки: череп юности, обнаруженный в 1892 г. на глубине 7 аршин в песках речки Ташкутарган в Миасском округе, и череп девушки из Курьинского прииска Шигирского торфяника, найденный в 1887 г. на глубине 5 аршин под слоем торфа. Возле последней находки оказался обломок деревянного весла и черепок глиняного сосуда¹. Условья находки черепа девушки заставляют относить его ко времени неолита. Большая глубина залегания черепа юности из-под Миасса и принадлежность его к одному антропологическому типу с девушкой дает некоторое основание для их синхронизации².

Вследствие малочисленности антропологических материалов с Южного Урала считаем целесообразным привести полностью характеристику черепа юности из Миасского округа, данную М. М. Герасимовым.

«По своему антропологическому типу данный череп обладает основными признаками европеоида с малой головой (субдolioхотраный), очень низким маленьким лицом, относительно сильно развитой глабеллой, очень тонко очерченными, но вместе с тем уплощенными скуловыми костями, укороченными пропорциями носового отверстия и чуть заметной prognathism верхней челюсти.

Все эти признаки в основе своей, конечно, восходят к европеоидному типу, но одновременно с этим видны, несомненно, черты легкой монголизации, которую можно назвать ранним вариантом субуральского типа... Это какой-то

своеобразный, видимо метисный, местный вариант, характерный для неолитического населения Урала¹.

Ни в Европейской части СССР, ни в Сибири М. М. Герасимов подобного типа не усматривает. Следовательно, метизация происходила, видимо, на месте через проникновение некоторого числа монголоидных элементов в среду древнего европеоидного населения Урала. Метизированное население продолжало обитать в северной полосе Южного Урала и в эпоху позднего неолита. Так, череп из погребения возле с. Боборыкина близ г. Шадринска на р. Исети, датируемого концом III тысячелетия до н. э. (см. ниже), М. М. Герасимов при осмотре его в личной беседе со мной характеризовал как имеющий также черты примеси монголоидности. Но на западный склон Южного Урала этот процесс метизации не распространился. Синхронные с боборыкинским погребением захоронения в пещерах на р. Юрюзани относятся к чистому европеоидному антропологическому типу. Антропологи согласно относят череп из Бурановской пещеры к европеоидной расе, но более детальная характеристика вызывает разногласия. Е. В. Жиров считает, что бурановский череп «ничем существенным не отличается от андроновских черепов»². Г. Ф. Дебец возражает против столь категоричного отнесения бурановского черепа к андроновскому антропологическому типу, ссылаясь на низкий рост бурановского скелета, несмотря на мужеподобное строение его таза, в то время как для андроновцев характерен высокий рост. Отличны от андроновцев у бурановского черепа и некоторые черты в строении лицевых костей. Впрочем, Г. Ф. Дебец обращает внимание на сомнительность определения пола бурановца.

«Если сравнить бурановский череп с женскими черепами андроновской культуры или восточноевропейского неолита, то различия были бы менее резки»³. В данном случае для нас важно основное определение: череп из Бурановской пещеры с западного склона Южного Урала — европеоидного типа, в то время как черепа добронзово-эпохи на восточном склоне определяются как лапоноидные.

Можно высказать предположение, что, несмотря на территориальную близость от зауральских находок, обитатели горной полосы Южного Урала находились в эпоху неолита в

¹ Д. П. Никольский, О черепе человека, найденном на золотых приисках Верхисетского округа Екатеринбургского уезда, ЗВОЛЕ, т. XV, вып. 1, Екатеринбург, 1895.

² М. М. Герасимов, Восстановление лица по черепу, ТИЭ, XXVIII, М., 1955, стр. 413—414.

¹ М. М. Герасимов, Восстановление лица по черепу, стр. 413—414.

² С. Н. Бибиков, Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала.

³ Г. Ф. Дебец, К палеантропологии Урала, КСИЭ, XVIII, 1953, стр. 67.

относительной изоляции. К ним не проникали с востока те, по всей видимости, вообще немногочисленные монголоидные группы, смешение с которыми наложило своеобразный отпечаток на потомков древних европеоидов Южного Зауралья.

Если учесть и значительное различие в погребальном обряде неолитических племен западного склона Южного Урала, с одной стороны, и их современников в Южном Зауралье, то можно более уверенно говорить о принадлежности их к разным племенам. Для доказательства этого положения необходимо обратиться к рассмотрению самих погребальных памятников того и другого районов.

Особое значение для познания неолита горной полосы Южного Урала имеют погребения в пещерах, открытые С. Н. Бибииковым на р. Юрюзани¹. Погребения в пещере Бурановская и под скальным навесом Старичный Гребень дали во многом сходную картину. В обоих случаях отсутствовала могильная яма, умершие были лишь слегка присыпаны землей. Костяки лежат вытянуто на спине, с руками, положенными вдоль туловища. В погребальный обряд входила посыпка красной краской. Погребения не сопровождалась ни керамикой, ни другим инвентарем. При костяках найдены только в большом числе великолепно выработанные шлифованные каменные бляхи из мезовика, снабженные отверстиями для прикрепления к одежде.

К несколько более позднему времени автор раскопок относит погребение в пещере Усть-Катавская II. Здесь обряд оказался более сложным, хотя погребенным был ребенок 5—7 лет. Остатки неполного трупосожжения, окрашенные красной охрой, заполняли мелкое (15—20 см) углубление, заваленное сверху камнями. Над камнями был разложен костер. К погребению ребенка надо отнести большое число предметов украшения, рассеянных в районе расположения костяк. Одни украшения носят слабые следы действия огня, другие сильно окрашены красной охрой. В их состав входили: 20 резцов байбака, 53 раковины *Dentalium*, 36 бус-кружочков, сделанных из раковин (*Pectunculus?*), пронизки из тонких птичьих костей и 32 каменные подвески, близкие по форме к найденным при костяках в погребениях пещеры Бурановская и навеса Старичный Гребень. В отличие от последних подвески из пещеры Усть-Катавская II сделаны из серого сланца, много меньше размером, и своей формой многие из них имитируют клык оленя.

¹ С. Н. Бибииков, Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала.

Существенное отличие погребения в пещере Усть-Катавская от двух других погребений заключается лишь в том, что здесь мы имеем неполное трупосожжение, в то время как в тех случаях погребения совершены по способу труположения. Поскольку посыпка красной краской также часто символизирует огонь, отмеченное различие в погребальном обряде смягчается. Во всем прочем все три погребения имеют много общего: безымянное захоронение, отсутствие керамики, ограничение погребального инвентаря предметами украшения, в особенности наличие среди последних значительного числа каменных привесок. Все изложенное позволяет отнести первые погребения на р. Юрюзани к одной племенной культуре. Варианты того же погребального обряда в эпоху неолита были широко распространены на территории нашей страны, главным образом в лесной полосе. На многие из них указывает в своей статье С. Н. Бибииков², что избавляет нас от необходимости останавливаться на этом вопросе.

К той же племенной культуре, очевидно, следует отнести погребение, обнаруженное в 1958 г. экспедицией Башкирского филиала АН СССР к северу от Уфы на территории срубного поселения Ахметова I. Костяк, вытянутый на спине, сопровождался лишь ожерельем из раковин и костяных подвесок, имитирующих зубы оленя (сообщение А. В. Збруевой).

Близкие к описанным, но не аналогичные погребения известны и на восточном склоне Урала. В Свердловском музее хранятся кости нескольких человек, найденные на Ирбитском озере, в урочище Горелки, в слое озерной глыны. В архивных материалах В. Я. Толмачева упоминается, что кости сопровождалась красной охрой, амулетом из камня и кремневым ножом. К северу от Свердловска на Аятском озере Е. М. Берс в 1959 г. открыла неолитическое засыпанное красной охрой погребение, покрытое каменными амулетами, близкими к форме зубов оленя³.

В 1951 г. у с. Боборыкина близ г. Шаллинска в обрыве левого берега р. Исети найдено было полуразрушенное рекой погребение⁴. Костяк субъекта лет 60 лежал на спине в вытянутом положении. Вокруг шейных позвонков были расположены 26 хорошо отшлифованных костяных привесок (рис. 8, 7), справа от

¹ С. Н. Бибииков, Указ. соч.

² Газета «Уральский рабочий», 20 сентября 1959 г.

³ Могла обнаружена местным учителем И. А. Лобановым и обследована научным сотрудником Шадринского музея В. П. Тимофеевым.

череп лежали 20 крупных кремневых ножевидных пластинок длиной до 20 см, несколько концевых скребков, два каменных топорика (рис. 8, 1, 2) и три костяные бусинки. Одна ножевидная пластинка лежала на груди. Правее черепа оказался плохо сохранившийся другой череп и половина нижней челюсти ребенка лет 10—12, а в кромке обрыва встречена часть костяка молодого взрослого человека¹. Кости перекрывал культурный слой эпохи поздней бронзы, что повело к ошибочному заключе-

нистого сланца путем грубой оббивки, на значительных участках их поверхности сохранилась «рубашка» галек. На орудиях заметны следы красной краски.

Положение костяка, вытянутого на спине, сопровождение каменными изделиями, ожерелье из костяных привесок, следы посыпки красной краской убеждают нас в неолитической дате погребения. Более того, только наличие погребального инвентаря отличает Боборыкинское погребение от юрюзанских. Все прочие черты погребального обряда совпадают. Костяные привески ожерелья Боборыкинского погребения аналогизируются по форме с каменными привесками погребения в пещере Усть-Катавская II и с костяной привеской из культурного слоя навеса Старичный Гребень.

Приведенный перечень неолитических погребений Южного Урала следует дополнить указанием на находку у с. Пеган юго-восточнее г. Кургана. Погребенный в вертикальном (по словам находчика) положении сопровождался двумя костяными вкладышевыми орудиями, массивной костяной иглой и каменным шлифованным топором с округлым лезвием и линзовидным сечением (рис. 8, 3). Многочисленные аналогии, на которые уже указывалось², можно дополнить ссылкой на топор со стоянка Полуденка I, весьма близкий к пеганскому. Нам представляется недостаточно обоснованным отнесение Пеганского погребения к шигирской культуре (по В. М. Раушенбах) на том основании, что изделия из кости близки находкам в Шигирском торфянике³. Нет никаких оснований к столь раннему времени относить топор пеганского погребения, а сопровождающие его изделия из кости носят также поздний характер. Мы имеем находки костяных вкладышевых орудий в памятниках значительно более молодых по сравнению с датой шигирской культуры В. М. Раушенбах. Орудия этого типа найдены в Оленеостровском могильнике, который датируется второй половиной III тысячелетия до н. э.⁴, вкладышевый кинжал упоминается С. С. Черниковым среди инвентаря Усть-Нарымской неолитической стоянки конца III — начала II тысячелетий до н. э.⁴, следовательно, времени неолити-

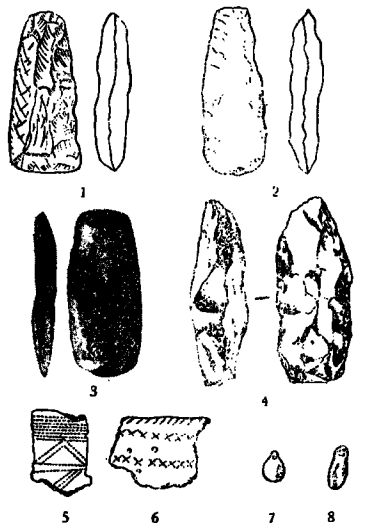

Рис. 8.

1, 2, 4 — заготовки топором; 3 — шлифованный топор; 5, 6 — обложки сосудов; 7—8 — костяные привески; 1, 2, 7, — погребение у с. Воробьикина; 3 — погребение у с. Пеган; 4, 8 — поселение Боборыкино II (неолитический слой); 5—6 — Вурановская пещера.

нию В. Тимофеева о том, что костяки относятся к обитателям этого селения. Мне удалось видеть отдельные предметы из этой находки: топорики, ножевидную пластинку и концевой скребок. Топорики с суженным обухом и трапещевидным разрезом скорее представляют собою заготовки, сделанные из гальки крем-

¹ К. В. Сальников, К вопросу о неолите степного Зауралья, КСИММК, 47, 1952.

² В. М. Раушенбах, Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. Труды ГИМ, вып. 23, М., 1956, стр. 105—106.

³ Н. Н. Гурина, Оленеостровский могильник, МИА, 47, 1956, стр. 258.

⁴ С. С. Черников, Работы восточноказахстанской археологической экспедиции в 1956 году. КСИММК, 73, 1959.

¹ В. Тимофеев, Стоянка первобытного человека. Газета «Шадринский рабочий», № 87. 3 июня 1951 г.

ческих погребений на Южном Урале. Исключительность сопровождающего инвентаря в сочетании с оригинальностью положения костяка можно объяснить по аналогии с Оленеостровским могильником, выдающейся ролью погребенного в обществе. Впрочем, настаивать на полной синхронности Пеганского погребения с Боборыкинским рискованно. Первые выглядят несколько более ранним. Но нельзя его относить к шигирской (по В. М. Раушенбах) культуре.

Не отрицая заключения С. Н. Бибикова о родственности керамики из Бурановской пещеры с посудой Левшинской стоянки и о более поздней дате первой по сравнению со второй, нельзя согласиться с абсолютной датировкой культурных слоев Бурановской и других пещер на р. Юрюзани, как и пещерных захоронений. Неясные иллюстрации керамики в статье С. Н. Бибикова, к сожалению, лишают возможности подвергнуть ее исчерпывающему анализу. Насколько можно судить по орнаменту отдельных черепков и описанию формы сосудов, керамика из пещер неодновременна.

Преобладание плоских дниц, резкая профилировка, орнаментирование только верхних частей сосудов — все эти черты выводят керамику юрюзанских пещер за пределы неолита и энеолита, но отрывать весь комплекс так далеко от левшинского времени, как это делает С. Н. Бибиков, датируя керамику началом I тысячелетия до н. э., нельзя. Ряд обломков сосудов из Бурановской пещеры, в особенности изображенный на рис. 3, д в статье С. Н. Бибикова (рис. 8, б), находят почти полную аналогию в стоянке Кысы-Куль. На керамике этого памятника рисунки нередко состоят из двойных зигзагов, которые чередуются с рядами горизонтальных линий, оттиснутых гребенчатым штампом. Профилировка сосудов со стоянки Кысы-Куль, орнаментированных описанным рисунком, сравнительно древняя — энеолитическая. Вместе с тем отнесение такого фрагмента, как венчик сосуда из Бурановской пещеры, орнаментированный рядами резных коротких линий, которые скрещиваются в виде знака умножения и чередуются с рядами ямок (рис. 8, б)¹ к грани II и I тысячелетий до н. э. вполне обосновано. Такая датировка подтверждается находками подобной керамики на Усть-Юрюзанской стоянке². Известная часть керамики из Бурановской пещеры следовательно синхронна кысыкульской энеоли-

тической стоянке и может датироваться первой половиной II тысячелетия до н. э. Нижележащее погребение, стратиграфически предшествующее слою с керамикой, нужно отнести к началу II тысячелетия до н. э., если не к концу III тысячелетия, так же как и другие юрюзанские пещерные захоронения, а вместе с ними и погребение на р. Исети у с. Боборыкино. Последнее датируется и независимо от находок на Юрюзани. Заготовки острообушных топоров из Боборыкинского погребения очень близки подобным изделиям со стоянки Кысы-Куль. Следует также иметь в виду, что погребение находится в 200 м от энеолитического (конец III тысячелетия до н. э.) донного поселения Боборыкино II, на котором также найдены заготовки топоров (рис. 8, 4) и костяная привеска (рис. 8, 8), имитирующая форму зубов оленя. Очевидно, в погребении покоится обитатель донной стоянки.

При всей близости по обряду и по времени зауральских энеолитических погребений к юрюзанским они оставлены, по-видимому, разными племенами. И там и тут мы видим положение вытатуно на спине, посыпку красной краской, отсутствие керамики, большое число украшений, некоторые виды которых относятся к одной категории (имитация зубов оленя). Но в то время как погребения из Юрюзанских пещер и Ахметовское лишены инвентаря, все зауральские сопровождаются каменными и костяными орудиями.

Таким образом, и антропологический тип тех немногих костяков, которые имеются в нашем распоряжении от эпохи неолита и энеолита, и погребальный обряд того времени свидетельствуют об известных культурно-этнических различиях обитателей восточного склона Урала от населения его западного склона в до-бронзовый период.

Следует упомянуть еще об одном бескурганном погребении того же времени. Это погребение было обнаружено близ г. Кустаяна на берегу озера Светлый Джар-Куль. При остатках костяка оказались кремневые орудия из пластин и каменный сверленный молот, которые определяют дату памятника началом II тысячелетия до н. э. и позволяют связать его с кустаянскими энеолитическими стоянками. Положение костяка, его ориентировка и антропологический тип погребенного остались невыясненными¹. Поэтому весьма условно, лишь на основании наличия сопровождающего инвентаря это погребение можно рассматри-

¹ С. Н. Бибиков, Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала. рис. 3, е.

² Л. Я. Крижевская, Археологические работы в Башкирии, КСИИМК, 51, 1953, рис. 34, 2.

¹ А. А. Формозов, Доандроновское погребение в Казахстане, КСИИМК, 63, 1956, стр. 153—155.

вать как тяготеющее к восточной группе уральских энеолитических погребений.

Отсутствие во всех рассмотренных погребениях керамики лишает возможности с полной уверенностью связывать их с племенами, обитавшими на энеолитических поселениях. И все же синхронность обоих видов памятников, совпадение территории, в особенности близкое соседство погребения у с. Боборыкино с люнным поселением, на котором встречены некоторые вещи, аналогичные происходящим из погребения, дают право относить погребения к племенам охотников и рыболовов, оставившим энеолитические стоянки Южного Урала. Вместе с тем следует напомнить те особенности в погребальном обряде и антропологическом типе, которые заставляют предполагать различие племен Зауралья и Предуралья.

Погребения, как и энеолитические поселения Южного Зауралья, датируются концом III — началом II тысячелетий до н. э., временем, когда в быт южноуральского населения начинают проникать изделия из металла, когда местные племена приступают к разработке меднорудных богатств Урала. Первые, редкие металлические изделия не вносят в производственную деятельность древних племен существенных изменений и не изменяют их культуру. Но именно здесь залегают корни тех крупных изменений в развитии производительных сил и общественных отношений, которыми характеризуется эпоха развитой бронзы середины и второй половины II тысячелетия до н. э.

* *

На севере Южного Урала и в Южном Зауралье население в эпоху неолита и энеолита было представлено племенами, которые, как мы выше видели, все входили в одну уральско-казахстанскую историко-культурную область. Сложные обстановка, рисуемая по памятникам юго-западного Приуралья. Здесь прошла граница между двумя историко-культурными областями. Со стороны Урала и Прикамья сюда достигали поселения урало-казахстанских племен. Видно, что к ним со стороны Нижнего и Среднего Поволжья в III тысячелетии до н. э. подходили районы, занятые племенами, тяготеющими к югу Восточной Европы, племенами ямной культуры.

Памятники ямной культуры: курганные погребения и стоянки с микролитическим инвентарем геометрических форм лучше изучены и шире представлены в Нижнем Поволжье. Стоянки эти, как правило, располагаются на прибрежных дюнах озер и рек. На большин-

стве таких поселений культурные остатки ямной культуры в результате развешивания дюн перемешаны с вещами других эпох. Но все же удалось встретить и чисто ямные памятники. В 20-х гг. П. Д. Рау и Т. М. Минаева нашли ямную керамику совместно с микролитами на дюнах у хутора Крахмал на р. Торгуни¹. В последние годы подобные открытия сделаны И. В. Сяниным, которому удалось обнаружить дюнные стоянки в низовьях р. М. Уезнь у с. Джангалы (Новая Казанка), где ямная керамика залежала без поздних примесей².

Еще важнее в этом отношении находка И. В. Сяниным в 1954 г. комплекса кремневых микролитических орудий в погребении ямной культуры в кургане № 9 II Березновского могильника³.

В более северных районах, прилегающих к юго-западу к Уралу, дюны с микролитическим инвентарем известны на р. Самарке в районе г. Бузулука. Из этих мест происходит небольшая коллекция, хранящаяся в Государственном историческом музее (колл. № 44657), доставленная в 1907 г. Миллером из сборов у ст. Марычевка. Позднее, в 20-х гг., дюны близ Марычевки, как и ряд других по берегам р. Самарки между Куйбышевым и Бузулуком, служили объектом исследований В. В. Гольмстен, которой посчастливилось встретить в урочище Захар-Калма ненарушенный участок дюн. В плотном гумусированном слое залегали совместно угли, кости диких животных, микролитические орудия геометрических форм, осколки кремня, получившиеся при их обработке, и керамика «древнейшего местного типа в виде остродонных яйцеобразных сосудов с орнаментированными зубцами краем, а также в виде обломков сосудов, сплошь орнаментированных с уплощенным дном»⁴.

Микролитический инвентарь бузулукских дюн характеризуется орудиями геометрических форм — сегментовидными, трапециевидными, стрелами с поперечным лезвием, концевыми скребками, при большом количестве мелких пластинок отжимной техники⁵. В. В. Гольмстен обоснованно видит в кремневом микроли-

¹ Т. М. Минаева, Кремневая индустрия Н. Поволжья, Труды Нижне-Волжского общества краеведения, вып. 36, ч. I, Саратов, 1929.

² И. В. Сянин, Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане, КСИИМК, 45, стр. 63.

³ И. В. Сянин, Археологические исследования Заволжского отряда, МИА, 60, 1959, стр. 184.

⁴ В. В. Гольмстен, Археологические памятники Самарской губернии, Труды секции археологии РАНИОН, IV, М., 1928, стр. 130.

⁵ В. В. Гольмстен, Музей ОАИЗЕ при Самарском госуниверситете, Бюллетень ОАИЗЕ, № 4.

тическом инвентаре с бузулукских дном пережитки более ранних эпох. Формы и техника изготовления этих орудий возникли много ранее оформления ямной культуры. Керамике же она сближалась с сосудами ямных погребений, исследованных ею в том же районе.

Наличие в культурном слое дюны Захар-Калма сосудов с уплощенным дном, которые в другой своей работе В. В. Гольмстен называет боченкообразными¹, позволяет ставить вопрос о датировке этого памятника более поздним временем, нежели эпоха ямной культуры. О. А. Кривцова-Гракова² и Т. В. Попова³ видят в дюне Захар-Калма полтавкинское поселение. Памятка, что для дном обычно скопление разновременных культурных наслоений, рискованно видеть в дюнном поселении памятник одной эпохи. Это относится и к дюне Захар-Калма. Находки на ней остроногих яйцеобразных сосудов позволяют считать, что и в ямное время она была обитаема.

В 1940 г. автором также на дюнах р. Самарки близ с. Палимовки к западу от г. Бузулука была собрана подобная же коллекция из кремневых изделий и обломков остроногих сосудов⁴.

Благодаря работам П. С. Рыкова, П. Д. Рау, И. В. Сивилицына, К. Ф. Смирнова шире известны и лучше изучены погребальные сооружения племен, оставивших описанные стоянки с микролитическим инвентарем, — курганы ямной культуры. Погребения ямной культуры представляют собою в Поволжье и Приуралье древнейшие курганные захоронения и отличаются исключительной стойкостью погребального ритуала. В курганах с разновременными могилами они всегда оказываются основными. Для могильных ям этих погребений характерна форма овально-круглая или четырехугольная со скругленными углами. Сверху могила обычно имела деревянное покрытие. Покойник в большинстве случаев укладывался на спину с вытянутыми вдоль туловища руками и приподнятыми коленями. Ноги впоследствии или падали на одну сторону, создавая впечатление скорченности костя-

ха, или разваливались на обе стороны, образуя ромбообразную фигуру. Преобладает положение покойника головой к северо-востоку и востоку. Известны единичные случаи захоронения на спине с вытянутыми, а не согнутыми ногами, в чем К. Ф. Смирнов, мне кажется, справедливо усматривает традиции эпохи неолита¹.

Обязательной чертой погребального ритуала служит обильное посыпание дна могилы, а часто и трупа красной краской. Сопровождающий инвентарь нередко совсем отсутствует или он чрезвычайно малочислен. Чаще всего покойника сопровождает в могилу глиняная посуда с округлым дном. Изредка в наиболее поздних погребениях встречаются медные шилья, кованые ножи, бусы. Также редки находки в могилах костей домашних животных.

Ямные погребения в Приуралье известны в тех же местах, где обнаружены и поселения этой культуры. В районе Бузулук-Бугуруслава В. В. Гольмстен в 20-х гг. текущего столетия исследовано известное парное погребение у совхоза Березянки. В могиле овальной формы находились два костяка в положении на спине, головой к северо-востоку, со слегка поджатыми ногами. Кисти рук мужчины помещались на тазу, женщины — на груди. На дне могилы и на костях — обильная посыпка красной краской. Погребенных сопровождал необычайно многочисленный инвентарь. Возле костяков, кроме крупных комков краски, лежала раковина *ggrhaea*, кусок песчаника, имитирующий каменный топор, и два глиняных сосуда: остродонный яйцевидный без орнамента и круглодонная реповидная чашечка, покрытая сплошь орнаментом из рядов наклонных насечек, частично образующих елочку. По верхней части сосуда, кроме того, расположено восемь бугорков. Обряд погребения и тип керамики позволяют отнести этот памятник к ямной культуре². В других курганах той же группы погребенные сопровождался также круглодонными сосудами³. Тот же обряд встречен на р. Малий Кинель в кургане близ пос. Микулинно

¹ К. Ф. Смирнов, МИА, 60, 1959, стр. 30.

² В. В. Гольмстен, Материалы по археологии Самарской губернии, Бюллетень ОАИЭ, № 2, Самара, 1925.

³ О. А. Кривцова-Гракова, Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, рис. 1. 1—4; в подлиннике к рис. с Березянки отнесено к Саратовской области ошибочно, Березянки находится на востоке Куйбышевской области, в 2 км от границы с Оренбургской областью.

¹ В. В. Гольмстен, Доисторическое прошлое Самарского края, Сборник «Краеведение», ч. I. Природа и население Самарского края, Губиздат, Самара, 1924, стр. 156—157.

² О. А. Кривцова-Гракова, Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, МИА, 46, 1955, стр. 23.

³ Т. В. Попова, Керамика мелекесских курганов, Труды ГИМ, XXII, 1953, стр. 58.

⁴ Коллекция сдана в Оренбургский музей.

Бугурусланского уезда¹ и в верховьях р. Большой Ирғиз у с. Канаевка².

Последние годы обогатили перечень ямных памятников Приуралья двумя новыми погребениями. В 1956 и 1957 гг. экспедицией ИИМЖ под руководством К. Ф. Смирнова открыты погребения ямного типа на юге Оренбургской области на р. Илеке у поселка Увакского³ и близ ст. Угльной⁴.

Древнейшие племена обитали на протяжении, по-видимому, всего III тысячелетия до н. э. В начале II тысячелетия их культура трансформировалась настолько, что погребальные сооружения и инвентарь приобретают новые черты, заметно отличающиеся от этнографического облика ямных племен. Новая культура, сложившаяся в процессе дальнейшего развития производительных сил культуры ямных племен, одними исследователями именуется полтавкинской (П. Д. Рау, О. А. Гракова), другими рассматривается как ранний этап срубной культуры (И. В. Силицын). Те и другие убедительно доказывают преемственность новой культуры от ямной. Нам думается, что термин «полтавкинская культура» более удачный и удобный, он прочно вошел в обиход у советских археологов. К тому же никаких нет оснований проводить какую-то более резкую грань между ямными и полтавкинскими памятниками, относя их к различным культурам, а грань между полтавкинскими и срубными стирать, именуя первые раннесрубными. Никто не отрицает, что носителями всех этих трех культур были, по существу, одни и те же племена на разных этапах их развития. Называя первый этап ямной культурой, надо быть последовательными и признать и за двумя другими этапами право именоваться также культурами.

Полтавкинские памятники выделены в 1928 г. П. Д. Рау из среды курганов, которые до того относились все к ямной культуре. Полтавкинские могилы дают, хотя довольно редко, изделия из меди: ножи, шилья, плоские топоры, долотья, спиральные привески, бусы. Костяки в этих могилах лежат или вытянуто на спине с ногами, согнутыми сильнее, чем в ямных погребениях, или на боку скорченно. Окраска костяков и присутствие красной краски в полтавкинских погребениях меньше, чем

в ямных; изредка встречается мёд, известие. При довольно устойчивой, такой же как в ямных могилах, ориентировке головой к северовостоку и востоку, есть и отклонения.

Советскими исследователями полтавкинские погребения изучены хорошо. Они всегда дают плоскодонную посуду, орнаментирован-

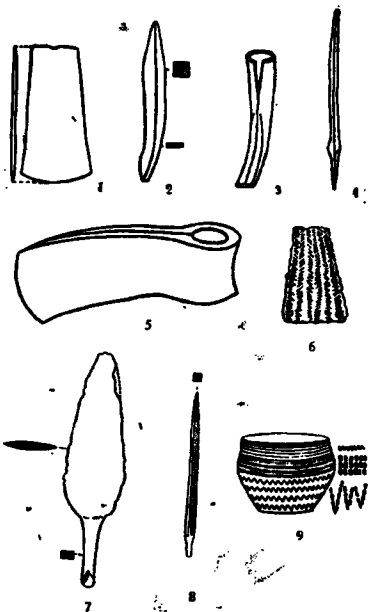

Рис. 9. Металлические изделия и сосуд полтавкинской культуры.

1-6 — Контубанка; 7-8 — II Мало-Кизильский могильник; 9 — Азерьяновка.

ную веревочным или мелкозубчатым гребенчатым штампом. В целом полтавкинские погребения носят явно переходный характер: в них сохраняется ряд черт ямной и возникают черты новые, окончательно оформляющиеся в эпоху срубных погребений¹.

¹ О. А. Кривцова-Гракова, Стенное Гювожье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.

¹ В. В. Гольмстедт, Материалы по археологии Самарской губернии, Материалы по изучению Самарского края, № 5, Самара, 1928.

² В. В. Гольмстедт, Материалы по археологии Самарской губернии, Бюллетень ОАИЗЕ, № 2, стр. 10.

³ С. А. Попов, Заметка, СА, № 4, 1957.

⁴ Сообщение К. Ф. Смирнова.

Сложение полтавкинской культуры протекало наравне с Нижним Поволжьем, и на территории юго-западного Приуралья, По-видимому, переходным к полтавкинской культуре надо рассматривать один из курганов у совхоза Березняки. Найденное в этом кургане погребение с костяком на спине, с сильно поджатыми ногами и круглодонный сосуд характерны для ямной культуры, но ориентировка погребенного головой к северо-западу и выпуклой, а не основной характер могилы несвойственны для этой культуры и указывают на более позднее время.

На р. Кутулук близ с. Аверьяновка, бывшего Бузулукского уезда, в разрушенной могиле, что не позволило установить погребальный обряд, найден горшок, который «по своей общей форме напоминает сосуды катакомбных погребений Украины, с которыми его сближает и прямая шейка, украшенная несколькими рядами веревочки и сплошной орнаментацией тела мелким чеканом»¹. Форма этого плоскодонного сосуда с прямым горлышком, отделенным от плечиков резким уступчиком, весьма типична для посуды из полтавкинских погребений. Особого внимания заслуживает его орнамент (рис. 9, 9). В. В. Гольмстен характеризует орнамент очень коротко и потому не совсем точно. О. А. Кривцова-Гракова обратила внимание на интересную деталь: нижняя половина сосуда покрыта оттисками «шагающей гребенки»². Подобный мотив известен только еще на одном сосуде полтавкинского времени, происходящем из погребения № 9 кургана № 3 I Березньковского могильника на Нижней Волге³. Затем орнаментация «шагающим штампом» обнаружена на ряде черепков с дьяны Захар-Калма у с. Марычевка Бузулукского района на р. Самарке, которую О. А. Кривцова-Гракова и Т. Б. Попова относят к полтавкинской культуре. Но можно ли признать находку такой орнаментации в трех пунктах достаточным основанием для того, чтобы считать ее характерной для полтавкинской культуры? Не надо забывать, что орнаментирование керамики «шагающим штампом» — весьма распространенный прием в культурах Урала и Прикамья в конце III — начале II тысячелетий до н. э.

Для решения этого вопроса надо обратиться к рассмотрению ряда количественно неболь-

ших, но чрезвычайно важных находок керамики в юго-западном Приуралье и прилегающих районах Поволжья, находок, синхронных ямно-полтавкинским памятникам, но чуждых для этих культур.

Керамика эта в большинстве найдена на поселениях эпохи поздней бронзы, происходит из нижних горизонтов культурного слоя. На Самарской луке, на р. Усе, в песке, подстилающем срубный культурный слой поселения Моечное озеро, была обнаружена керамика. Напоминающая по заключению исследователя полтавкинскую. «Аналогичные фрагменты встречались в разных местах всегда в нижних горизонтах, по берегу Моечного озера. По-видимому, жизнь на берегу современного Моечного озера возникла очень рано, в начале II тысячелетия до н. э., но культурный слой того времени до нас не сохранился»¹. На наш взгляд, керамика из нижних горизонтов на Моечном озере² покрыта орнаментом из густых оттисков «шагающей гребенки», типичной для эпохи энеолита начала II тысячелетия до н. э. на Урале. Подобный орнамент мы видели в памятниках того же времени в районе Казани, в свою очередь переключившихся с неолитом Прикамья и Урала³. Несмотря на весьма ограниченные находки, нижний горизонт поселения Моечного озера позволяет границу распространения камско-уральских памятников эпохи энеолита продвинуть далеко на юг, захватив Самарскую Луку.

Восточнее то же явление отражает орнаментация шагающим штампом керамики с дьяны Захар-Калма. Отсутствие, за единичными исключениями, этого элемента в орнаменте сосудов из погребальных памятников полтавкинской культуры делает маловероятным предположение о принадлежности его полтавкинским племенам. Сомнительность сохранения на дьяне хороших стратиграфических данных, весьма вероятная смешанность культурных слоев позволяет скорее думать о присутствии у с. Марычевка тех же поздненеолитических наслоений, как у Моечного озера. Они могли спутствоваться и полтавкинской керамикой, отражая проникновение групп полтавкинской культуры в среду местных племен камско-уральского типа. Растительная примесь к глине керамики с Марычевской дьяны обычна для этого времени в Прикамье и возможно отражает в юго-западном Приуралье влияние с севера.

¹ В. В. Гольмстен, Материалы по археологии Самарской губернии, Материалы по изучению Самарского края, № 5.

² О. А. Кривцова-Гракова, Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, стр. 23, рис. 1—15.

³ И. В. Синицын, Археологические исследования Заволжского отряда, рис. 9, 7.

¹ Н. В. Трубишкова, Некоторые итоги археологических исследований по р. Усе, МИА, 61, 1958, стр. 197.

² Там же, стр. 196, рис. 11, 7, 8.

³ А. Х. Халиков, Неолитические памятники в Казанском Поволжье, МИА, 61, 1958.

На ряде памятников срубной культуры по среднему течению р. Белой, так же как на озере Моечном, встречены отдельные черепки с камско-уральскими чертами. В этом отношении особенно примечательны керамические находки, орнаментированные тонкой резной волной в сочетании с горизонтальными линиями

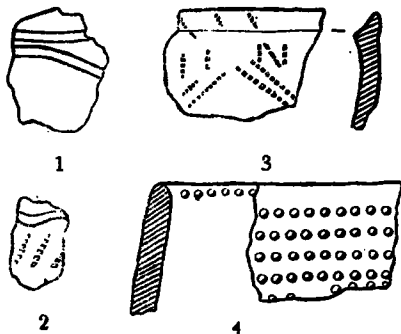

Рис. 10. Керамика уральского и нижнекамского типа. 1 — Салихово II; 2 — Туманча (овраг); 3 — Захар-Калима; 4 — Усть-Ток.

или с вертикальными отрисками гребенчатого штампа. Керамика первого типа найдена в 1953 г. в смеси со срубной на поселении Салихово II на р. Белой. Она имеет в глине растительную примесь (рис. 10, 1). Фрагмент, орнаментированный резной волной и вертикальными отрисками гребенчатого штампа, обнаружен в 1955 г. на дне оврага, вдающегося в р. Белую близ с. Туманча. Он изготовлен из глины с большой примесью мелкотолченого талька, что типично для уральской керамики (рис. 10, 2). Оба описанные вида керамики по характеру орнамента можно отнести ко второй половине III тысячелетия до н. э.

Особую группу составляет керамика с ямочным орнаментом. На селище Береговское I¹ в слое срубной культуры несколько черепков выделялись необычным орнаментом: вдоль края сосуда располагались два ряда круглых крупных ямок, на другом ямки заполняли какую-то геометрическую фигуру, образованную отрисками тонкого гребенчатого штампа (рис. 11). Керамика сплошь покрытая кругло-ямочным орнаментом, найдена так-

же к западу от Оренбурга на песчаной отмели близ устья р. Ток¹ (рис. 10, 4).

Ямочный орнамент этого типа мы видим на керамике неолитических стоянок Казанского Поволжья². Еще ближе ямочная керамика юго-западного Приуралья к подобной керамике на неолитических стоянках в окрестностях г. Изюма³. И под Казанью, и под Изюмом ямочная орнаментация объясняется обитанием в этих районах окраинных племен этнокультурного массива ямочно-гребенчатой керамики лесной полосы Восточной Европы. В Казанском Поволжье они смешивались с представителями камских племен. Более вероятным нам кажется, что кругло-ямочная керамика в юго-западном Приуралье отражает те же северные связи, как и керамика, орнаментированная «шагающей гребенкой». На пути к проникновению в Приуралье ямочной керамики из Подонья стояли племена ямно-полтавской культуры Нижнего Поволжья.

В находках обломков сосудов с орнаментом из «шагающей гребенки» и круглых ямок, несмотря на их малочисленность, надо видеть следы пребывания в этих местах племен, родственных уральским и нижнекамским. Эта трактовка делает понятным такой, исключительный для описываемой территории памятник, как погребение на р. Чагре у с. Криволючья⁴. Исходя из существующих датировок южных памятников, таких, как Нальчирок⁵

Рис. 11. Керамика нижнекамского типа. Селище Береговское I.

¹ Доставлена в Оренбургский музей В. Д. Черновым, холл. № 2527.

² А. Х. Халиков, Неолитические памятники Казанского Поволжья.

³ А. А. Формозов, О времени возникновения различий между северными и южными культурами каменного века. КСИИМК, 59, 1955, рис. 2, 1—4.

⁴ В. В. Гольмстен, Погребение у Криволючья. Сообщение ГАИМК, 1931, № 6.

⁵ А. П. Круглов, В. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий, Могилище в г. Нальчике, МИА, 3, 1941.

¹ Раскопки В. П. Викторова, 1954 г.

и Мариупольский могильник¹, с которыми у Криволучского погребения много общего в области инвентаря, его следует отнести ко второй половине III тысячелетия до н. э. Таким образом, он оказывается синхронным ямным погребением. А между тем, при отсутствии определенных данных о положении костяка, только интенсивная посылка красной краской связывает могилу у с. Криволучья с ямными погребениями. Но эта черта носит стадильный характер и в данную эпоху широко распространена в могильниках на огромной территории. В остальном погребальный обряд — бескурганность и инвентарь, сопровождавший костяк у с. Криволучья, имеет настолько своеобразный характер, что причислить этот памятник к ямной культуре нет оснований. Совершенно определенно он оставлен другой этнической группой. Как же объяснить его нахождение на территории ямных племен? Для ответа на этот вопрос следует рассмотреть состав инвентаря в данном погребении. В него входили: шесть каменных наконечники копий, нож из кремневой пластины, скребкообразное кремневое орудие, молоток со сверлиной и цапфами из порфирита, браслеты из талькового камня, обломок браслета из рога оленя, ожерелье, состоявшее из раковин Dentalium и Pectunculus, бусинок в виде кружочков из тех же раковин Pectunculus, зубов оленя и бусины из железняка. Опубликовавшая этот комплекс В. В. Гольмстен, по существу, делит его на три части: 1) вещи «кромполитического» характера, куда включаются каменные орудия, за исключением сверленого молотка; 2) в последнее она видит предмет северного происхождения; 3) браслетам и предметам из ожерелья она находит аналогии в Нальчикском могильнике и других памятниках Северного Кавказа (Майкоп, Костромская) и в заключение приходит к выводу, что можно «говорить об общности культуры памятников» юга с погребением у Криволучья². Близок к этой точке зрения Н. Я. Мерперт, который считает, что рассматриваемый комплекс «включает вещи, тяготеющие к различным культурным областям, но в основном к Кавказу» и видит в людях, оставивших погребение у Криволучья, «далеких пришельцев» в Среднее Поволжье³. Но так ли много оснований для того, чтобы приписывать погребение у Криволучья пришельцам с юга? Оставим, вслед за

В. В. Гольмстен, наконечники копий, нож и скребкообразное орудие без рассмотрения. Они ничего не говорят ни за ни против южного происхождения данного комплекса. Постараемся доказать, что прочий могильный инвентарь находит себе аналогии не только на юге, но и на севере, а некоторые вещи бесспорно северного происхождения. К последним В. В. Гольмстен причисляет только сверленный молоток. Бесспорно уральское происхождение браслетов из талька. Зубы оленя нередко входили в состав ожерелья в могильниках лесной полосы в эпоху неолита и ранней бронзы: в культурах Прибайкалья⁴, в Оленеостровском могильнике (зубы лося). Ближайшие к Криволучью памятники с подобными украшениями находятся на Урале: погребение в пещере Усть-Катавская II⁵, Боборыкинское погребение, поселение Боборыкино II (энеолитический слой). В погребении пещеры Усть-Катавская II мы видим, как и в Криволучье, раковины Dentalium и Pectunculus. В обоих районах — и на Урале, и в Криволучье — обряд захоронения бескурганый. Урал несравненно ближе к Криволучью, чем Кавказ. Еще важнее, что их связывает близость материнской культуры, а вероятно, и этническое родство населения. Криволучское погребение еще десять лет назад С. Н. Бибииков включалось в единый культурно-исторический ареал с памятниками Южно-Уральского нагорья⁶. Разделяя мнение С. Н. Бибиикова, мы имеем возможность конкретизировать пути связи Криволучья с Уралом.

Мы рассматриваем погребение у Криволучья, как памятник, оставленный племенами лесной зоны, поселения которых, как теперь выясняется, по правому лесистому берегу Волги спускались к югу по крайней мере до Самарской луки. Погребение у Криволучья находится в Заволжье, всего в 40 км к югу от Самарской луки и на таком же расстоянии от Волги, на ее левом притоке — р. Чагре. Ямные и полтавкинские курганы известны к югу и востоку отсюда. Таким образом, сосуществование их с племенами эпохи неолита и энеолита северного облика было вполне возможно. Принимая во внимание, что последние, по всей видимости, были охотниками и рыболовами, а ямно-полтавкинские преимущественно скотоводами, они могли безболезненно мирно соседить. Можно высказать предположение,

¹ А. Д. Столяр, Мариупольский могильник как этнокультурный источник, СА, XXIII, 1955.

² В. В. Гольмстен, Погребение у Криволучья, стр. 9.

³ Н. Я. Мерперт, Из древнейшей истории Среднего Поволжья, МИА, 61, 1958, стр. 61.

⁴ А. П. Окладников, Неолит и бронзовый век Прибайкалья, МИА, 18, 1950; 43, 1955.

⁵ С. Н. Бибииков, Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала, стр. 113—119.

⁶ Там же, стр. 130—131.

что по правобережью северные племена распространялись в начале II тысячелетия до н. э. ещё южнее. Связями с ними только и можно объяснить уникальный по типу орнамента сосуд из погребения № 9 кургана № 3 I Бережновского могильника¹. Погребение сохранило кость подростка, лежавший на спине с вытянутыми вдоль туловища руками и упавшими на сторону ногами — положение, типичное для ямной культуры. Но отсутствующие посылки краской и полтавкий тип плоскодонного сосуда заставляют отнести это погребение к раннеполтавкинскому времени. Сосуд покрыт оттисками «шагающей гребенки», которые в верхней части сосуда образуют горизонтальный зигзаг, такой же, как на обломках керамики с Моечного озера, а на нижней части сосуда оттиски идут вертикально.

Следует обратить внимание, что и штамп, которым орнаментировался сосуд из Бережновского кургана, выглядит другим, не схожим с типичными для полтавкийской культуры. Он оставляет на глине довольно крупные ячейки того типа, который мы видим на керамике из нижних горизонтов стоянки на Моечном озере, в то время как на полтавкийских сосудах орнамент обычно наносился чрезвычайно тонкой гребенкой с мелкими зубчиками. Орнамент бережновского сосуда имеет вполне камско-уральский облик.

Таким образом, поселения камско-уральских племен в III — начале II тысячелетий до н. э. доходили на юге до р. Самарки, а по р. Волге, главным образом по правобережью, обнаруживаются ниже г. Куйбышева. Здесь в III тысячелетии до н. э. пролегла граница между двумя этнокультурными массивами. В начале II тысячелетия до н. э. полтавкинские племена продвигаются к северу и востоку, частично впитывая аборигенное ипокультурное население и заимствуя у последнего некоторые приемы украшения посуды. Отражение этого процесса мы видим в орнаментации «шагающей гребенкой» сосуда полтавкийского типа из кургана у с. Аверьяновки, в ямочном орнаменте сосуда из полтавкийского погребения у с. Светлое Озеро².

В ямно-полтавкинское время — в конце III — начале II тысячелетий до н. э. — племена нижнего Поволжья и Южного Приуралья уже пользовались металлом, получая его с Север-

ного Кавказа. Все типичные для этого времени медные изделия: плоские топоры, листовидные ножи-кинжалы без выступов, долота, шилья и т. п. — находят себе полную аналогию в памятниках Северного Кавказа и в тесно с ним связанной катакомбной культуре. Племена Северного Кавказа раньше своих северных соседей освоили обработку металла. Здесь известен целый ряд кладов и погребений с комплексами орудий, состоящими из указанных форм. А. А. Иессен¹ считает, что эти предметы на Северном Кавказе производились на месте, но допускает возникновение северокавказской металлургии III тысячелетия до н. э. под влиянием Закавказья и Месопотамии, где в связи с ранним общественным развитием, переходом в классовое общество, рано возникает металлургия.

Широкое проникновение кавказской меди к северо-востоку — на Нижнюю Волгу и в Южное Приуралье падает на полтавкинское время — первую половину II тысячелетия до н. э.² В Нижнем Поволжье пользовались не только готовыми привозными медными орудиями, но начинало возникать и местное производство по привозным образцам. В 1952 г. в кургане № 55 у с. Калиновка В. П. Шиловым найдено погребение литейщика полтавкийского времени. Возле мужского костяка, лежавшего на спине с подогнутыми ногами, головой к востоку, череп и стопы ног которого были густо окрашены красной охрой, найдены рядом с медным шилом и точильным камнем сопло и предмет, условно рассматриваемый как литейная формочка³. При отсутствии на Волге своих месторождений меди, для изготовления медных изделий полтавкинские племена должны были пользоваться привозной рудой или металлом. Что касается направления этого импорта, то прежде всего надо учитывать связи с Северным Кавказом. Повидимому, и приуральские полтавкины пользовались тем же источником. Но позволительно высказать предположение, что еще в рамках первой половины II тысячелетия до н. э. должна была установиться связь и с уральскими месторождениями меди.

Ямно-полтавкинское время в Южном Приуралье — переломный этап в развитии местных племен, переходивших из неолита в век бронзы.

¹ А. А. Иессен, К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, Известия ГАИМК, 120, М.—Л., 1935.

² О. А. Кривцова-Гракова, Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, стр. 51.

³ В. П. Шилов, О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье, МИА, 60, 1959, стр. 13.

¹ И. В. Сивяцки, Археологические исследования Заволжского отряда, стр. 55, рис. 9, 7.

² Н. Я. Мерперт, Из древнейшей истории Среднего Поволжья, стр. 69, рис. 2.

Решающим, важным достижением этой эпохи было не столько знакомство и распространение нового материала для изготовления орудий труда и предметов вооружения, сколько переход к новому виду хозяйственной деятельности. Ямные племена из рыболово-охотников превращались в скотоводов, от присвоения форм хозяйства переходили к производящим. Скотоводство для ямных племен было новой отраслью хозяйственной деятельности и не единственной. Еще играла известную роль охота. В ямных погребениях встречаются находки черепов сайги¹. Только на позднем этапе своего развития ямные племена стали осваивать разведение скота. Находки костей овцы и коровы в ряде могил сопровождались медными ножами. У с. Политотдельского в погребении 13 кургана № 4 оказался асимметричный кованый нож редкой формы, датирующийся второй половиной III тысячелетия до н. э.² А в погребении 3 кургана № 5 у с. Скатовка наравне с костями овцы оказался нож еще более поздней формы, приближающийся к катакомбному типу³.

Поздним возникновением скотоводства чуждо объяснять редкость находок костей домашних животных в ямных погребениях. Вместе с тем наличие этого рода напутственной пищи возле покойника свидетельствует о глубоком проникновении питания мясом домашних животных в быт. Прошло, надо думать, немало времени, прежде чем бытовая практика получила отражение в погребальном ритуале. Существовавший в нашей литературе взгляд на ямные племена, как на племена рыболовов, охотников и собирателей, с «незначительным скотоводством»⁴ основан на ошибочной интерпретации могильных находок. Исследователи (А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий), ссылаясь на исключительную редкость находок костей домашних животных в ямных погребениях, не учитывают отставания надгробных явлений, к которым относятся и погребальный ритуал, от формы производственной деятельности соответствующего общества.

Если единичные случаи находок костей домашних животных в ямных погребениях заставляли до сих пор говорить, что знакомство племен ямной культуры со скотоводством уже

произошло, то открытие А. И. Тереножкиным на Украине в 1949 г. в кургане «Сторожевая могила»¹ и в 1952 г. у совхоза Аккермень² ямных погребений с остатками деревянных колес от арбы свидетельствует о высокой форме развития скотоводства, когда домашние животные стали использоваться не только как средства питания, но и в качестве тягловой силы³.

Правда, ямные племена на Днепре были ближайшими соседями с племенами такой высокой культуры, как трипольская, где скотоводство имело глубокие давние корни⁴. Можно согласиться, что ямные племена Поволжья и Приуралья несколько отставали в своем развитии от племен Приднепровья, но это различие не могло быть большим. Парное погребение, совместное захоронение мужчины и женщины в одной могиле, изученное В. В. Гольмстен⁵ у совхоза Березняки, указывает на начало крупных сдвигов и в общественном строе поздних ямных племен Приуралья. Но перехода к скотоводческому хозяйству, как основной отрасли трудовой деятельности, все же в эпоху ямной культуры не произошло. Лишь на полтавкинском этапе скотоводство сделалось обычным занятием.

Тяготение поселений полтавкинских племен к приречным дюнам вряд ли будет правильным объяснять связью с рыболовством. Раннее скотоводство, как известно, тесно связано с пойменными пастбищами, в особенности в условиях ксеротермического времени. Известную роль играла и привычка в выборе мест для поселения, сохранившаяся со времен неолита.

В. В. Гольмстен упоминает находки на дюнах Захар-Калма костей диких животных, ничего не говоря об остатках домашнего скота. Из работы В. В. Гольмстен не видно, что остеологический материал с указанного памятника подвергался изучению специалистами, что позволяет сомневаться в правильности определения костей. Очевидно, отсюда это поселение к ямной культуре, В. В. Гольмстен, в силу господствовавшего еще до недавнего времени мнения, что ямные племена были охотниками и рыболовами, все кости рассматривала как

¹ А. И. Тереножкин, Курган Сторожевая могила, Археология, V, Киев, 1951.

² А. И. Тереножкин, Раскопки курганов в долине реки Молочной в 1952 г., КСИИМК, 63, 1956, стр. 71, рис. 28.

³ А. И. Тереножкин, Скифская Днепровская Правобережная экспедиция, КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 117.

⁴ С. И. Бибииков, Поселение Лука-Врублельская, МИА, 38, М., 1953.

⁵ В. В. Гольмстен, Материалы по археологии Самарской губернии, Бюллетень ОАИЗЕ, вып. 2.

¹ И. В. Свияцкая, Археологические исследования Заволжского отряда, стр. 183.

² К. Ф. Смирнов, МИА, 60, 1959, стр. 308, рис. 15, 3.

³ И. В. Свияцкая, Археологические исследования Заволжского отряда, стр. 183, рис. 56, 4.

⁴ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий, Родовое общество степей Восточной Европы, М.—Л., 1935, стр. 138.

принадлежащие представителям диких животных. В то же время очень плохая сохранность костей с дюны Захар-Калма не позволила, как, ссылался на отчет В. В. Гольмстен, отмечают А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий, выяснить состав остеологических остатков¹. В противном случае, если не ямный, то полтавкинский слой на дюне должен был бы сохранить доказательства скотоводства. Скотоводческий характер хозяйства полтавкинских племен хорошо прослеживается по находкам в погребениях.

Хотя на полтавкинских памятниках бесспорных доказательств существования земледелия не обнаружено, но, основываясь на этом, отрицать возможность занятия им нельзя. Почти полное отсутствие изученных полтавкинских поселений, чрезвычайно редкое помещение земледельческих орудий в могилы и у потомков полтавкинцев — племен срубной культуры, занятые земледелием у которых ни у кого не вызывает сомнения, делают понятным, почему в нашем распоряжении нет явных признаков знакомства полтавкинских племен с возделыванием хлебных растений. Между тем у ряда современных их племен земледелие было известно: для трипольских племен в Приднепровье возделывание хлебных злаков являлось ведущей отраслью в хозяйстве, в погребениях катакомбной культуры южных степей известны случаи находок зерен проса.

При наличии у полтавкинских племен связей с племенами катакомбной культуры трудно допустить, чтобы земледелие в зачаточной форме не распространилось в I половине II тысячелетия до н. э. в поймах рек Нижнего Поволжья и Южного Приуралья.

Основным фактором в области значительных изменений производительных сил ямных племен, приведших к сложению полтавкинской культуры, было прежде всего скотоводство, и отчасти может быть примитивное мотыжное земледелие. На базе этих новых видов хозяйства укрепляется оседлость, что получило свое отражение в замене остродонной керамики плоскодонной.

Для понимания уровня развития полтавкинских племен юго-западного Приуралья большое значение имеет богатое погребение, раскопанное в 1926 г. у ст. Колтубанка на западе Оренбургской области. К сожалению, находка была сделана случайно при земляных работах, и погребальный обряд остался невыясненным. В Самарский музей поступил из

этого погребения лишь металлический инвентарь, куда входили: клиновидный топор, массивный проушный топор, крупное четырехгранное шило, долотообразное орудие из пластики, свернутой в трубку, массивное четырехгранное, с загнутым одним концом — орудие из тонкая бронзовая пластинка со штампованным зубчатым орнаментом и рядом отверстий по краям¹ (рис. 9, 1—6).

Предметы этого комплекса хорошо датируются рядом аналогий, которые все укладываются в границы — конца III — начала II тысячелетия до н. э. Клиновидные широкие медные топоры типичны для памятников ранней бронзы Северного Кавказа. Они найдены в кургане у станицы Новосободной (б. Царской)², в кургане у станицы Андрюковской³, в могилах у станицы Костромской⁴ и станицы Махощевской⁵, причем во всех четырех комплексах они сопровождалась проушными топорами без вислого обуха, близкими по форме к Колтубанскому. В Нижнем Поволжье такой же клиновидный топор обнаружен П. Д. Рау у с. Ровное в погребении Д-37 с керамикой полтавкинского типа⁶.

Весьма характерно также крупное четырехгранное шило с коротким круглым черешком, отделенным от рабочей части утолщением. Находки таких шилей известны в Южном Приуралье. Одно происходит из кургана полтавкинское время из-под Магнитогорска (рис. 9, 8)⁷, другое неизвестного происхождения хранится в Оренбургском музее. Их дата хорошо определяется находками в причерноморских степях, где они происходят из катакомбных курганов⁸. Следовательно, принадлежность колтубанского погребения к полтавкинскому времени не вызывает сомнения. Весьма показателен в этом отношении также рисунок на медной пластинке. Он выглядит как имитация елочного орнамента полтавкинских сосудов. Колтубанское погребение в сопоставлении с большинством полтавкинских могил, для которых характерна бедность погребального ин-

¹ В. В. Гольмстен, Археологические памятники Самарской губернии, рис. 34—37.

² ОАК, 1898, табл. III, 35.

³ ОАК, 1896, рис. 265.

⁴ ОАК, 1897, рис. 16.

⁵ А. А. Иессен, Из истории древней металлургии Кавказа, рис. 4.

⁶ Paul Rau, Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Voigaugebietes im Jahre 1920, Pöckrowsk, 1927, рис. 63—65.

⁷ К. В. Сальников, Археологические исследования в Курганской и Челябинской областях, КСИИМК, XXXVI, 1951, рис. 32, 2.

⁸ В. А. Городцов, Результаты археологических исследований в Ижмском уезде, Труды XII АС, т. I, М., 1905, табл. VII, 8.

¹ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий, Родовое общество степей Восточной Европы, стр. 57, примечание.

вентаря, указывает на возникшую и достигшую значительных размеров имущественную дифференциацию. В среде полтавкинских племен выделились богатые семейства, надо полагать, вождей, один из которых и был захоронен под Колтубанкой. Это богатство поколось не на частной собственности, а составляло собственность больших патриархальных семейных общин. В условиях того времени имущественная дифференциация могла возникнуть лишь на базе развитого скотоводства, причем скот сделался уже собственностью отдельных патриархальных семей. О патриархальной форме семейно-брачных отношений у полтавкинских племен Приуралья убедительно говорят погребения во II Мало-Кизыльском могильнике под Магнитогорском (см. ниже).

Все это позволяет рассматривать полтавкинские племена, как племена с достаточно развитым скотоводческим хозяйством, стоявшие на начальной стадии патриархально-родовых отношений. Было бы ошибкой думать, что элементы матриархата уже исчезли в то время из общественных отношений, но новые патриархальные черты явно уже вторглись в общественную жизнь.

Рост производительных сил полтавкинских племен на базе развития скотоводства привел к более быстрому размножению населения и вызвал необходимость сегментации племен. В условиях первобытно-общинного строя, в особенности на сравнительно ранних ступенях его развития, как в данном случае, увеличение численности племени возможно было лишь в определенных пределах. Наступал момент, когда кормовая территория делалась недостаточной. Из племени выделялось дочернее племя, выселявшееся на новую территорию, что приводило к расширению площади обитания группы родственных племен. Именно на полтавкинском этапе племена начинают распространяться на запад, север и восток. Они достигают пределов города Воронежа¹, проникают в низовья Оки², в районы, ранее заселенные неолитическими племенами. Территория, занятая полтавкинскими племенами в Приуралья, также расширяется по сравнению с площадью распространения ямных племен, северная граница обитания которых проходила приблизительно по линии Куйбышев — Бугуруслан.

В течение первой половины II тысячелетия до н. э. полтавкинские племена с левых притоков Волги: М. Кинеля, Кутулука, Самарки распространялись на восток в бассейн р. Урала и на среднее течение р. Белой. Они достигли окрестностей Актюбинска в Казахстане и Магнитогорска в Зауралье, другие родовые группы этих ранних скотоводов проникли в Башкирию на берега р. Белой. Удачно расположенная речная система облегчала проникновение полтавкинских племен к востоку. Они должны были передвигаться по долинам рек Урал, Илек, с правых притоков Урала переходили на притоки р. Белой. Поймы рек в степях Южного Приуралья, местами очень широкие, надо полагать, и в то время, как в наши дни, давали приток полосам леса, кустарника и травянистому покрову. Здесь по речным долинам находилось достаточно корма для стад. По речным долинам шло расширение кормовой территории.

При слабой изученности археологии Башкирии и Оренбургской области следы пребывания представителей полтавкинской культуры в этих местах обнаруживаются лишь по находкам керамики. На ряде памятников эпохи поздней бронзы в Южной Башкирии по среднему течению р. Белой встречено небольшое количество обломков посуды, отличающейся от керамики основного слоя. Такая керамика найдена на поселениях срубной культуры Ишеево II, Салихово II (1953 г.), Тюляково II, Туманча (1955 г.). Отличаются они от срубной керамики тем, что для них характерна примесь растительных волокон, делающая черепок пористым, хрупким. Несколько черепков с поселения Тюляково II и один с селища Туманча покрыты елочным орнаментом, нанесенным оттисками тонкого гребенчатого штампа полтавкинского типа. Однако, если орнамент на этих фрагментах носит полтавкинский характер, не чужда полтавкинской посуде и примесь к глине растительных волокон, то форма отдельных сосудов скорее связывает их с уральскими и камскими культурами. Венчик черепка из Тюляково II несколько утоплен со скосом внутрь. Утолщение и скос внутрь венчика, не встречающиеся на посуде из полтавкинских погребений, надо рассматривать как отражение местной керамики уральско-камских племен, в среду которых вторглись полтавкинские племена. Правда, подобный профиль имеют некоторые черепки с полтавкинских стоянок Подгоры¹ и Захар-

¹ О. А. Кривцова-Гракова, Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, стр. 86.
² А. В. Збруева, Мало-Окуловские курганы, СА, IX, 1947; А. П. Брюсов, Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, М., 1952, стр. 249.

¹ О. А. Кривцова-Гракова, Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, рис. 2, 13, 15.

Калма у с. Марычевки (рис. 10, 3)¹, но оба эти памятника находятся в зоне смыкания полтавских племен с урало-камскими. Они также не свободны от проникновения в керамику северных черт. В более южных, основных районах полтавской культуры эти особенности в посуде не известны.

Следует упомянуть еще один памятник, который в некоторой степени дает представление о варианте полтавской культуры юго-западного Приуралья.

На территории юго-западной Башкирии известно также одно погребение, которое, на наш взгляд, более всего имеет оснований отнести к полтавскому этапу.

В 1934 г. Уфимской археологической экспедицией Государственной академии истории материальной культуры у с. Кишки, в 20 км к югу от Уфы, был раскопан сарматско-прохоровский многомогильный курган, основное погребение которого содержало лишенный инвентаря костью, лежавший скорченно на правом боку, головой к востоку. Около ступни левой ноги найден кусок мела, а справа от таза — кости барана². Для развитой срубной культуры в северных районах ее распространения положение на правом боку и головой к востоку нехарактерно, так же как и отсутствие инвентаря. Из более 100 погребений, исследованных Н. Я. Мерпертом в срубных курганах у сс. Ягодное и Хрящевка, только 5 костью лежало на правом боку и только 4 — головой к востоку. Наоборот, и восточная ориентировка, и скорченность на правом боку, а также отсутствие могильного инвентаря довольно обычные явления в полтавских погребениях. Видеть в данном погребении памятник какой-либо иной культуры абсолютно нет никаких оснований. Наличие костей барана и скорченное положение костью исключает отнесение погребения ко времени более раннему, чем эпоха бронзы. В эпоху железа мы также не знаем в этом районе скорченных погребений. Из культур эпохи бронзы здесь можно ожидать, помимо срубных погребений, только абашевские племена или культуру Курман-тау. Но подробности погребального обряда исключают и это предположение. Наоборот, такая деталь, как кусок мела, — лишнее подтверждение в пользу отнесения основного погребения в Кишкинском кургане к полтавскому этапу.

Расселению полтавских племен на север способствовали изменения в климате в

ксеротермический период. Характерное для того времени смещение природных зон к северу привело к тому, что для низовьев р. Белой, по видимому, типичным стал степной ландшафт. В конечном результате это позволило скотоводам срубной культуры достичь берегов нижнего течения р. Белой. Но в том же направлении устремлялись уже их предки — племена полтавской культуры. Основная причина продвижения скотоводов на север заключалась, конечно, не в изменении климата. В основе описанных передвижений лежали экономические причины. Как уже отмечалось выше, быстрый рост населения на базе развитого скотоводства понудил полтавские племена искать новых территорий для расселения, искать новых пастбищ. Ничто не говорит за то, чтобы на севере, по берегам р. Белой и ее притоков, в это время было густое население. В свете имеющихся материалов местное население в отношении уровня развития производительных сил, вида хозяйственной деятельности и быта выглядело примерно так, как синхронное население юго-восточного Приуралья. Это были также степные охотники и рыболовы, не располагавшие долговременными местами обитания. Для хозяйственной деятельности охотничьи племена нуждаются в обширной кормовой территории. Население при этом естественно чрезвычайно редкое. При этих условиях для устремления скотоводов полтавской культуры к северу имелась благоприятная обстановка. Первоначально их поселения могли располагаться череполосно со стойбищами аборигенных охотников. Создавались условия, способствующие ассимиляции пришельцами древнего местного населения.

Продвижение полтавских племен к северу имело место и на Волге, их курганы исследованы Н. Я. Мерпертом на левобережье в 150 км севернее Куйбышева, в районе с. Ягодного и дер. Светлое Озеро¹. Сюда надо присоединить погребение, встреченное при земляных работах в 1938 г. на Царевом кургане, близ Куйбышева на Волге². Отсутствие вещей, северо-восточная ориентировка, положение: скорченно, на правом боку — все это весьма типично для полтавского времени.

Продвижение скотоводов полтавской культуры шло не только к северу, но и к востоку, где до них обитали мелкие подвижные группы охотников и рыболовов уральских племен. В частности, в районе Магнитогорска

¹ Н. Я. Мерперт, Из древнейшей истории Среднего Поволжья, стр. 66—73.

² А. Збруева, А. Смирнов, Археологические исследования на строительстве Куйбышевского гидроузла, ВДИ, 1939, № 4.

¹ Государственный Эрмитаж, коллекция № 607.
² П. А. Дмитриев, К. В. Сальников, Уфа — Ишимово, «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», М.—Л., 1941, стр. 138.

памятниками аборигенного населения конца III — начала II тысячелетий до н. э. являются стоянки Мысок и Черняховский брод на р. Малый Кизыл. Керамика этих стоянок ничего общего не имеет ни с ямной, ни с полтавkinской посудой.

Редкое бродячее или полубродячее охотничье население верховьев р. Урала и его притоков, обитавшее на таких стоянках, не могло препятствовать распространению полтавkinских племен, которые появляются в окрестностях Магянтгорска в первой половине II тысячелетия до н. э. Поселений последних в

Зуралье пока не известно. Единственным памятником, свидетельствующим о их пребывании здесь, являются исследованные нами в 1949—1950 гг. на левом берегу р. Малый Кизыл в четырех курганах (№ 1, 2, 4 и 6) шесть погребений полтавkinского типа. Курганы входили во второй Мало-Кизыльский могильник, расположенный в 2 км от стоянки Мысок. Десять насыпей могильника содержат разновременные захоронения: эпохи ранней и поздней бронзы, разных этапов сарматской культуры. Древнейшими среди них являются погребения ямно-полтавkinского типа. Для установления

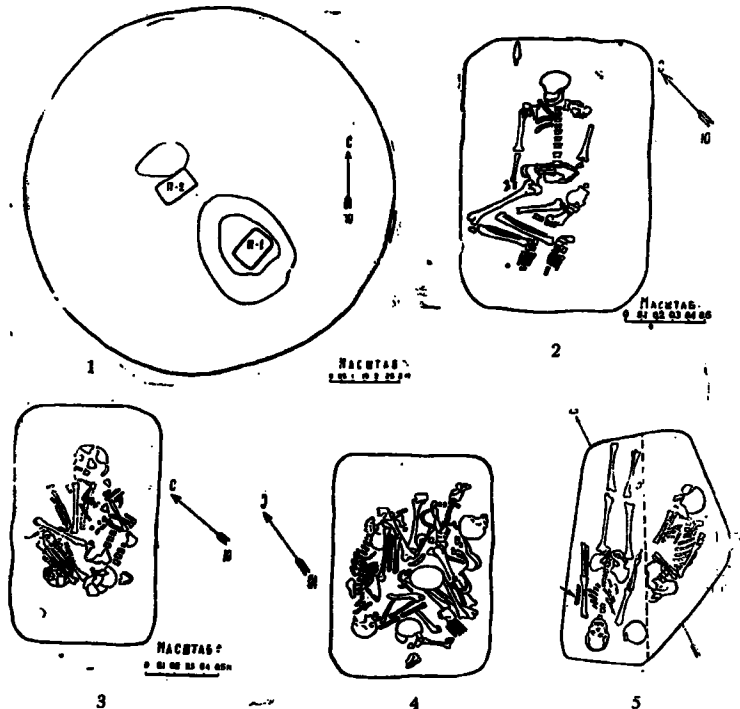

Рис. 12. II Мало-Кизыльский могильник полтавkinской культуры.

1 — план кургана № 1; 2 — погребение № 1 кургана № 1; 3 — погребение № 2 кургана № 1; 4 — погребение № 1 кургана № 2; 5 — погребение кургана № 4, нарушенное сарматским погребением.

более точной даты их необходимо подробнее ознакомиться с обрядом, отраженным в этих могилках, поскольку инвентарь их слишком скуден.

Курганы имели весьма распычатую форму, высота их не превышала 0,60—0,70 м при диаметре 12—16 м. Из четырех раскопанных курганов только в одном погребения относилась исключительно к ямно-полтавкинскому времени, будучи представлены двумя последовательными вырытыми могилками. Три кургана содержали, кроме основного полтавкинского погребения, впускные могилы позднейших эпох. Рассмотрены полтавкинские погребения.

В кургане № 1 находились две грунтовые могилы (рис. 12, 1).

Погребение № 1 (рис. 12, 2). Вокруг могильной ямы подпрямоугольной формы со скругленными углами, ориентированной по линии СВ-ЮЗ, углубленной от уровня древней поверхности на 1,20 м, лежала сплошная кольцевидная полоса выкида. На дне могильной ямы лежал костяк взрослого мужчины, ориентированный головой к СВ, на спине, с ногами скорченными вправо. Голеня подогнуты так сильно, что пятки почти касаются таза. Правая рука вытянута вдоль туловища. Левая рука согнута в локте под прямым углом таким образом, что плечевая кость лежит вдоль туловища, а кости предплечья находятся на животе. Череп склонен вправо. Ступни и кисти рук окрашены красной краской. К северу от черепа лежал бронзовый листовидный нож-кинжал (рис. 9, 7), который острием примыкал к СВ стенке. Может быть, это изделие из бронзы служило наконечником копья. В могильной засыпке на глубине 0,63 м от уровня древней поверхности над центром погребения найдено длинное бронзовое четырехгранное шило с круглым черешком (рис. 9, 8). Этими двумя предметами исчерпывается могильный инвентарь.

Погребение № 2 (рис. 12, 3). Могильная яма подпрямоугольной формы с округлыми углами, ориентированная по линии СВ-ЮЗ, углублена от уровня древней поверхности на 1 м. На СЗ краю могильной ямы большая груда выкида. На дне могилы костяк взрослого, скорченный на правом боку, ориентированный головой к СВ. Руки согнуты, кисти перед лицом. Ноги подогнуты очень сильно: бедряные кости образуют с позвоночником острый угол, кости голени лежат почти параллельно бедру, а пятки примыкают к тазу. Череп сильно раздавлен. Кости черепа, рук, ног и верхние ребра густо окрашены суриком в красный цвет.

За спиной взрослого костяк ребенка лет 7—10 (с молочными зубами), на левом боку,

скорченно, ориентированный головой к ЮЗ. Череп ребенка оказался частично под тазом взрослого. Кости ног ребенка налегают на ребра взрослого. Правая нога ребенка согнута под прямым углом к позвоночнику, левая сильнее, так что пятка пододта к тазу.

Под костями ног взрослого лежал костяк совсем маленького ребенка (1—2 лет), ориентированный головой к ЮЗ, скорченно, на левом боку. Кости рук и череп окрашены красной краской.

По всему дну могилы и особенно под черепом взрослого много краски. Никаких вещей в могиле не найдено.

Курган № 2. Под насыпью в центре этого кургана оказались две грунтовые могилы.

Погребение № 1 (рис. 12, 4). Могильная яма подпрямоугольной формы глубиной от уровня древней поверхности 0,70 м, ориентирована по линии СВ-ЮЗ. К ЮВ от могилы груда выкида. Почти все дно могильной ямы занято человеческими костями. Большинство их лежит в беспорядке. Только вдоль СЗ стенки могилы находится почти непотревоженный костяк женщины в возрасте около 50 лет (определение М. М. Герасимова), на правом боку, скорченно, ориентированный головой к ЮЗ. Положение рук не установлено; ноги очень сильно подогнуты: колено левой ноги касается грудной клетки, правая согнута меньше, пятки примыкают к тазовым костям. Под костяком много красной краски. Местами краска заметна и поверх костей.

Перед сохранившимся костяком почти $\frac{2}{3}$ могилы покрыты завалом костей от четырех костяков взрослых, лежавших грудой без упорядоченного порядка. В восточном углу могильной ямы прослеживается в сочлененном состоянии позвоночный хребет, как бы переломленный пополам. Две его части лежат под прямым углом друг к другу. Возле находится крупный (мужской) череп. Видеть в таком расположении костей результат разграбления погребения оснований мало. Надо учесть, что размеры могильной ямы не позволяют разместить в ней в положении лежа пяти покойников. Не является ли беспорядочное расположение костей результатом разрушения сидячих трупов? Положение под прямым углом друг к другу двух частей позвоночника одного из костяков в восточном углу могильной ямы скорее говорит за падение еще не совсем разложившегося сидячего трупа. Сохранность костяка у северо-западной стенки также говорит не в пользу разграбления могилы. Никаких вещей в могиле не оказалось.

Погребение № 2 расположено к юго-востоку от первого погребения. Могильная яма

подпрямоугольной формы ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ. Глубина могилы от уровня древней поверхности 0,75 м. К ЮЗ от могильной ямы большая груды выкида.

В засыпке могилы встречались отдельные гнилушки, шедшие поперек ямы, — остатки провалившегося накатника. На дне в центральной части могильной ямы в беспорядочной груды — кости одного взрослого человека. Отдельные кости разбросаны по всему дну. Никаких вещей в могиле не обнаружено.

В 1950 г. было раскопано еще два погребения того же времени в курганах № 4 и № 6. В каждом из этих курганов находилось по одной могиле описываемого типа и по одному впускному сарматскому погребению.

Курган № 4 (рис. 12, 5). В кургане № 4 впускное сарматское погребение разрушило западную часть могильной ямы основного погребения и уничтожило кости ног и правого предплечья и кисти. Сохранившаяся часть костяка лежит на спине, головой к северо-востоку, череп на правой щеке. Плечевая кость левой руки — вдоль туловища, предплечье, согнутое под прямым углом к плечевой, лежит на животе. Правая плечевая — вдоль туловища. Таз — в положении на спине. Вещей при костяке нет.

Курган № 6. Погребение № 1 находилось несколько к западу от центра. Могильная яма подпрямоугольной формы, вытянутая с ВСВ на ЗЮЗ, глубиной 1,35 м от поверхности кургана. Возле могилы с севера и юга большие груды выкида. На дне могильной ямы оказалась парное погребение.

Костяк № 1, судя по мощности костей, — мужской, положен вдоль южной стенки могилы на правый бок, головой к северо-востоку, с сильно изогнутым позвоночником. Бедренные кости подогнуты под острым углом к позвоночнику. Пятки поджаты к тазовым костям. Правая рука вытянута вдоль туловища и оказалась под костями грудной клетки. Левая плечевая также вытянута вдоль туловища, а предплечье согнуто в локте под прямым углом так, что кисть обращена к северу.

Костяк № 2 находился к северу от первого и принадлежал, видимо, женщине. Кости его мельче костей первого и худшей сохранности. Костяк положен также на правый бок, но ориентирован головой к югу. Его череп находился в области живота первого покойника, на костях предплечья левой руки — последнего. Позвоночник и этого костяка сильно согнут, может быть, переломлен. Кости туловища покрывают колени первого костяка. Руки подогнуты к лицу. Бедряные кости согнуты под прямым углом к позвоночнику, а голень под

прямым углом к бедру, причем колено находится перед лицом первого покойника. Положение второй ноги не прослежено. Никаких вещей при погребении не оказалось.

Малочисленность погребального инвентаря, в особенности отсутствие керамики, чрезвычайно затрудняет решение вопроса о принадлежности к той или иной культуре описываемых погребений. Но в данном случае этот отрицательный фактор имеет положительное значение. Ближайшие и полные аналоги этим погребениям мы находим на Нижней и Средней Волге в курганах ямного и полтавкинского времени.

Погребения II Мало-Кизыльского могильника дают больше черт второй эпохи. Элементы ямной культуры здесь выражаются лишь в положении на спине с вытянутыми руками (к. 1, п. 1) и в присутствии значительного количества красной краски (к. 1, п. 1 и п. 2; к. 2, п. 1) на дне могил, но костяки были окрашены не столь сильно, как в ямных. Один (к. № 4) из двух костяков, лежащих на спине, не сопровождался краской, а его левая рука покоилась на животе, что типично для погребенных на правый бок. Женский костяк в погребении № 2 кургана № 1, хотя и сопровождался посыпкой краской, лежал на боку, а кисти рук находились перед лицом, последнее изредка встречается в полтавкинских погребениях¹, а в ямных полностью отсутствует. Из 8 костяков в описываемом могильнике 6 лежали на боку — преобладающее положение в могилах полтавкинской культуры. Положение на спине не чуждо этой эпохе, хотя и редко встречается. Северо-восточная ориентировка типична в Поволжье, как для ямного, так и для полтавкинского времени. Двулезвийный нож катакомбного типа из погребения № 1 кургана № 1 полную аналогию находит в полтавкинском погребении № 9 кургана № 10 Калиновского могильника на Нижней Волге², близок он и ножи из полтавкинского погребения, раскопанного П. Рау на Иловле³, хотя подобные формы начали появляться еще в ямное время⁴. Еще лучше датирует мужское погребение в кургане № 1 крупное четырехгранное шило с

¹ См. К. Ф. Смирнов, МИА. 60, 1959, стр. 309 и рис. 23, 7.

² В. П. Шилов, Калиновский курганный могильник, МИА, 60, рис. 37, 1.

³ Paul Rau, Hoeskergräber der Wolgasteppe, Rostow, 1928, табл. III, рис. 3.

⁴ И. В. Сидицын, Археологические исследования Заволжского отряда, стр. 163, 4; его же. Памятники родового общества Степного Заволжья, УЗ Саратовского университета, т. 66, Саратов, 1958, рис. 2, 3.

круглым насадом. Их дата хорошо определяется находками в катакомбных курганах причерноморских степей¹. Такое шило, среди ближайших к Магнитогорску памятников, найдено в полтавкинском погребении у с. Колтубанки². Следовательно, как обряд погребения, так и могильный инвентарь позволяют отнести погребения эпохи ранней бронзы II Мало-Кизильского могильника к раннеполтавкинскому времени.

Исключительна в этих курганах устойчивость погребального ритуала. Из шести раскопанных могил одна оказалась разрушенной и не может поэтому учитываться. В остальных пяти могилах удалось в деталях проследить положение 8 костяков. На первый взгляд обращает на себя внимание разнохарактерность положения костяков: на спине с подтянутыми ногами, на правом боку, на левом боку, сидя; различна и ориентировка: СВ, ЮЗ, Ю. Но если рассматривать каждый костяк не как нечто самостоятельное, а во взаимосвязи с соседними и с учетом половой и возрастной принадлежности каждого погребения, а также семейно-общественного положения, то получается весьма стройная картина.

Основной ориентировкой была, очевидно, северо-восточная. Она придана мужчинам в погребении № 1 кургана № 1 и в парном погребении кургана № 6. Таково же положение одиночного захоронения в кургане № 4 и женщины в отдельной могиле № 2 кургана № 1. Во всех случаях, где мы видим или можем предполагать подчиненное или неравноправное положение погребенных в обществе, наблюдается иная ориентировка — на ЮЗ или Ю. Здесь мы наблюдаем то же явление, которое для эпохи бронзы Причерноморья отметил в свое время В. А. Городцов, назвав его «правильно антитезис». Головой к юго-западу положены два детских костяка в могиле № 2 кургана № 1. Их отличие от взрослых подчеркивается также положением на левый бок, в то время как ни одного взрослого захоронения на левом боку не встречено. На юго-запад головой лежал один костяк в погребении № 1 кургана № 2, в то время как остатки других взрослых костяков в той же могиле позволяют предполагать сидячее положение. Не может быть сомнения, что при допущении общественного неравенства погребенных в этой коллективной могиле, сидячее положение, конечно, было придано людям высшего ранга. У их же

ног была положена женщина, может быть, рабыня. Отсюда понятна ориентировка на ЮЗ. Из двух других женщин каждая имеет особую ориентировку, но в обоих случаях эти особенности понятны. В кургане № 6 женский костяк являлся сопровождающим при мужском в парном погребении. Женщина эта не только была насильственно умерщвлена, но довольно небрежно сброшена в могилу. Отчего ее труп перекрывал колени мужчины, голова покоилась на его животе, а ногам не было придано устойчивого положения. Не заботились, по-видимому, о строгости ориентировки, обеспечив лишь значительное отличие от положения костяка мужчины.

Июно наблюдается в женском погребении кургана № 1 (могила № 2). Здесь женщина с двумя детьми покоилась в отдельной от мужчины могиле, хотя бесспорно была связана с ним. Обе могилы кургана № 1 имели одинаковую северо-восточную ориентировку, были расположены параллельно относительно друг друга, но вырыты не одновременно. Первоначальным погребением является мужское. Вокруг этой могилы выкид лежит кольцеобразно. Могила № 2 была сооружена спустя некоторое время, при этом выкид отбрасывался в противоположную по отношению первой могилы сторону. Явно, что при этом стремились не тревожить, не засыпать надмогильного сооружения первого погребения. Был ли это первоначальный небольшой курган, и тогда вторая могила вырывалась у основания его и над ней была сделана присыпка к первому, или первая могила до сооружения второй не имела насыпи — не устанавливается и не меняет социальной сущности погребального обряда. И в том и в другом случае законченным погребальное сооружение становилось после того, как под общей насыпью были зарыты оба супруга. В данном случае мы видим тот вид парных погребений, которые А. П. Окладников наблюдал на могильниках глазковского времени в Прибайкалье и которые он очень удачно назвал «соседскими»¹.

Женщины, покоящиеся в таких «соседских» погребениях, не умерщвлялись при смерти мужа, а умирали позднее естественной смертью. Это была свободная, полноправная женщина. Отсюда, ее ориентировка не отличалась от ориентировки мужчины.

Таким образом, особенности положения каждого костяка находят себе объяснение и

¹ В. А. Городцов, Результаты археологических исследований в Изюмском уезде, табл. VII, 8.

² В. В. Гольмстен, Археологические памятники Самарской губернии, рис. 39.

¹ А. П. Окладников, Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. III (Глазковское время), МИА, 43, М.—Л., 1955, стр. 234.

вместе с тем рисуют общественный и семейный строй общества, оставившего основные, древнейшие погребения во II Мало-Кизыльском могильнике.

По всей вероятности, А. П. Окладников прав, усматривая в парных — с одной стороны, и соседских погребениях — с другой, отражение различных форм отношения между погребенными в них мужчинами и женщинами. Но и в том и другом случае мы имеем дело с отношениями, характерными для раннего патриархально-родового общества. И в том и другом случае мужчина — ведущая фигура в обществе. Зависимость от него женщины подчеркивается даже в погребальном обряде. Не только рабыня-наложница (курган № 6), но и свободная женщина (курган № 1) навсегда, даже в загробной жизни, связаны с мужчиной, правда в разной форме. В этом сказывается ранний этап патриархальных отношений. Патриархальный брак уже установился, женщина погребается под одной курганной насыпью с мужем на его родовом кладбище, но она не утратила своей свободы и известных связей со своим родом, не лишалась защиты с его стороны. Поэтому она не лишается жизни при смерти мужа. Эта судьба уготована только для жен-пленниц, наложниц. Но и свободная женщина настолько зависима от мужчины, что сохраняет эту зависимость до самой смерти, когда оказывается под одной курганной насыпью с ранее умершим мужем. По-видимому, переход к патрилокальности, протекавший в форме прежде всего насильственного захвата женщин, породил взгляд на женщину, как на собственность мужчины, как на существо ему подчиненное даже и в том случае, когда женщина не являлась пленницей.

Зарождение патриархальных отношений в условиях обитания в степи могло возникнуть лишь на базе развития скотоводческого хозяйства, следовательно, той хозяйственной формы, которая явилась причиной продвижения ранне-скотоводческих племен Поволжья на север и восток.

О том же процессе расселения полтавкинских племен из Поволжья к востоку и северо-востоку свидетельствуют еще два памятника. В 1955 г. В. С. Сорокин обнаружил в могильнике Ак-Джар близ Актюбинска погребения близкие к Мало-Кизыльским.

Менее уверенно можно говорить как о полтавкинском погребении о находке у с. Муслюмово (50 км к северу от Челябинска). В 1895 г. здесь Державиным под насыпью расплывшейся насыпью кургана в небольшой грунтовой яме был обнаружен, лишенный инвентаря, сильно истлевший костяк в скорчен-

ном положении, на правом боку, ориентированный головой к северо-востоку¹. Слабая сохранность костей, на которую обратил внимание исследователь, говорит о большой древности; отсутствие инвентаря и положение на правом боку противоречат погребальному обряду андроновской культуры, обычной для этого района и, наоборот, характерны для полтавкинских захоронений, как и северо-восточная ориентировка.

Так скотоводы эпохи ранней бронзы из Поволжья проникают на Южный Урал и в Зауралье, достигая пределов современных Уфы, Магнитогорска и Актюбинска, а может быть, и Челябинска. Полтавкинские племена в этих районах были пришельцами, а не сформировались на месте, это видно из того факта, что погребений ямной культуры, из которой вырастает полтавкинская, здесь не известно, а полтавкинские погребения являлись в курганах этих районов основными. В Зауралье и на р. Белой в Башкирии курганов древнее полтавкинских нет. Этот обряд погребения принесен сюда с запада, из Поволжья.

••

Мы старались показать, что коренным населением Южного Урала в эпоху неолита и ранней бронзы были племена, входящие в огромную Урало-Казахстанскую этнокультурную область. Они обитали в различных природных условиях, чем обуславливался различный характер хозяйственной деятельности и быта: на севере — оседлый охотничье-рыболовецкий, на юге, в степях, — подвижный охотничий. Наблюдаются локальные особенности, главным образом в эпоху энеолита. Это проявляется в известном различии погребального обряда, антропологическом составе населения, некоторых особенностях в керамике. Но, отвлекаясь от подробностей, можно уверенно сказать, что население Южного Урала составляло со своими северными, южными и восточными соседями единый этнокультурный массив. Лишь в юго-западной Башкирии, наравне с уральскими элементами, прослеживается влияние нижнекамских племен, у которых наблюдаются некоторые черты западных племен с ямочно-гребенчатой керамикой (рис. 13).

На грани III и II тысячелетий до н. э. происходят важные изменения в составе населения крайнего юга Урала. Ямно-полтавкинские племена ранних скотоводов, относящиеся к иной этнокультурной области, вытесняются

¹ ОАК, 1895.

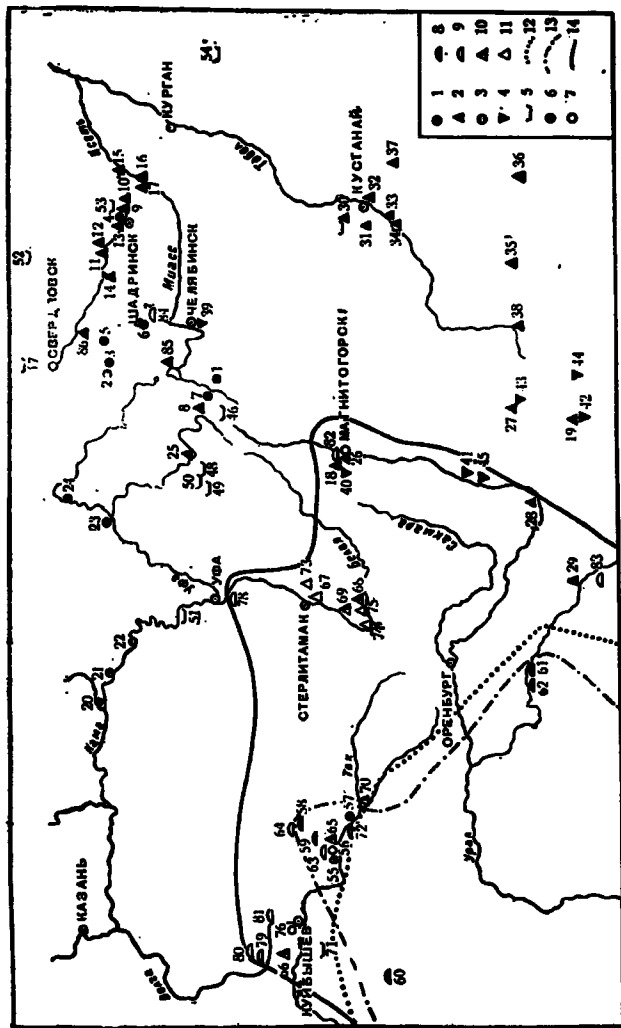

Рис. 13. Карта памятников эпохи эолита и ранней бронзы.

1. Стоянки урало-казахстанского типа.

1 — Челябинская; 2 — Итумская I и II; 4 — Борозинская; П 6 — Чарыкутская; 32 — Челябинская; 33 — Итумская; 34 — Борозинская; 35 — Челябинская; 36 — Челябинская; 37 — Челябинская; 38 — Челябинская; 39 — Челябинская; 40 — Челябинская; 41 — Челябинская; 42 — Челябинская; 43 — Челябинская; 44 — Челябинская; 45 — Челябинская; 46 — Челябинская; 47 — Челябинская; 48 — Челябинская; 49 — Челябинская; 50 — Челябинская; 51 — Челябинская; 52 — Челябинская; 53 — Челябинская; 54 — Челябинская; 55 — Челябинская; 56 — Челябинская; 57 — Челябинская; 58 — Челябинская; 59 — Челябинская; 60 — Челябинская; 61 — Челябинская; 62 — Челябинская; 63 — Челябинская; 64 — Челябинская; 65 — Челябинская; 66 — Челябинская; 67 — Челябинская; 68 — Челябинская; 69 — Челябинская; 70 — Челябинская; 71 — Челябинская; 72 — Челябинская; 73 — Челябинская; 74 — Челябинская; 75 — Челябинская; 76 — Челябинская; 77 — Челябинская; 78 — Челябинская; 79 — Челябинская; 80 — Челябинская; 81 — Челябинская; 82 — Челябинская; 83 — Челябинская; 84 — Челябинская; 85 — Челябинская; 86 — Челябинская; 87 — Челябинская; 88 — Челябинская; 89 — Челябинская; 90 — Челябинская; 91 — Челябинская; 92 — Челябинская; 93 — Челябинская; 94 — Челябинская; 95 — Челябинская; 96 — Челябинская; 97 — Челябинская; 98 — Челябинская; 99 — Челябинская; 100 — Челябинская.

среди населения Южного Урала, оттесняя и поглотив аборигенов.

Так представляется нам состав населения Южного Урала в преддверии бронзового века, на протяжении которого совершались важней-

шие события, связанные с дальнейшим развитием производительных сил, повлекшими за собой сложение и перегруппировку ряда новых племенных общностей.

А. В. СЕРУЕВА

ЗАТОНСКОЕ СЕЛИЩЕ

К северо-западу от г. Уфы, близ переправы через р. Белую расположен затон имени Октябрьской революции, где производится ремонт речных судов. Вокруг затона находится большой поселок, который ежегодно затопляется во время весенних разливов р. Белой. К северо-востоку от поселка, на заливаемой весной площади, с болотами и озерами — остатками стариц р. Белой — располагалось древнее поселение, следы которого в виде подъемного материала — наконечников стрел и обломков глиняной посуды — были неоднократно обнаружены на площади, примыкающей к озеру Коноплянному и к северу от него.

Археологи — сотрудники Башкирского музея краеведения и ИИЯЛ Башкирского филиала Академии наук СССР несколько раз посещали место древнего поселения у затона, собирали с поверхности подъемный материал — кремневые орудия и обломки глиняной посуды — и иногда закладывали там небольшие шурфы.

В течение последних лет в Башкирском музее краеведения образовалась коллекция с затонского поселения, состоящая из большого количества кремневых наконечников стрел и копий (свыше сорока экземпляров) и обломков глиняной посуды. Особенно много находок на поверхности древнего поселения было собрано в 1957—1958 гг.

На рис. 1 изображены типы наконечников. Большинство их — плоские листовидные, внизу округлые, без черешка, в поперечном сечении дугообразные (тип 1). Наиболее крупные

орудия — наконечники копий и дротиков этого типа — достигают длины в 7—8 см при наибольшей ширине около 3 см (от 3,5 до 2,8 см). Изредка встречаются более выпуклые формы и орудия с намечающимся черешком (тип 2),

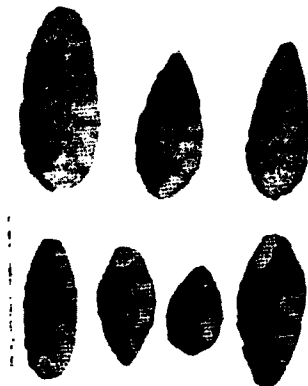

Рис. 1. Кремневые наконечники стрел и копий, хранящиеся в Башкирском музее краеведения.

а в одном случае черешок хорошо выражен и имеет вид подтреугольного выступа (тип 3). Кремль в большинстве случаев темно-серый,

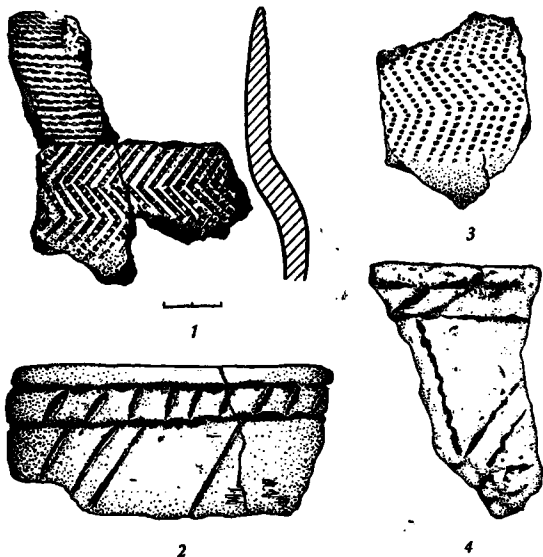

Таблица 1. Образцы керамики Затонского селища.

1 — найден в шурфе вместе с кремневыми наконечниками; 2 — сбор в первой зоне селища; 3—4 — из шурфов второй зоны.

иногда черной и коричневатой. Обработаны орудия с обеих сторон отжимной, иногда довольно крупной и плоской ретушью.

Во время как кремневые орудия примерно синхроничны и сделаны в большинстве случаев одинаковой или близкой техникой из однородного серого или черного кремня, черепки разнообразны и принадлежат к сосудам различного времени.

Однако, по словам директора Башкирского музея краеведения Р. Б. Ахмерова, в одном из шурфов на берегу озера Коноплянное, вместе с каменными орудиями встречалась в единичных экземплярах лишь определенная керамика. Обломок последней, хранящийся в музее вместе с кремневыми наконечниками, имеет примесь талька в глиняном тесте и представляет собою обломок верхней части сосуда. Орнамент на нем состоит из горизонтальных полос, оттиснутых веревочкой вокруг шейки, ниже которых расположена зона зигзагов, на-

несенных зубчатым штампом. Нижняя часть сосуда гладкая (табл. 1, 1).

К сожалению, находки на территории древнего поселения у затона представляют собой в подавляющем большинстве случаев подъемный материал, не связанный с определенным культурным слоем. Получалось впечатление, что находки происходят из размытого весенними паводками культурного слоя, который, кроме того, был поврежден многолетней распашкой.

Поэтому для выяснения вопроса о стратиграфии памятника М. Х. Садыхова, которая раньше участвовала в сборах подъемного материала, по поручению начальника Башкирской Археологической экспедиции в 1959 г. произвела археологическое обследование площади древнего поселения.

Во время обследования был снят план местности. Согласно данным обследования, всю площадь селища можно разделить на две зоны.

Первая зона расположена между кладбищем, улицей Малыгина затона и северо-восточной частью озера Коноплянное. Здесь, кроме раскопанных раньше, было заложено семь шурфов 1X1 м (см. план рис. 2). В шурфах никаких находок не обнаружено. Слой чернозема колеблется здесь от 5 до 25 см, ниже лежит подстилающий слой — плотная красная глина. Эта часть селища постоянно заливается внешними водами, и культурный слой, по-видимому, смыт. Здесь был собран подъемный материал, состоящий из пяти целых и двух обломков наконечников стрел (рис. 3) и тридцати трех фрагментов разнородной посуды, среди которых интересны три обломка с примесью талька в глиняном тесте и орнаментом из горизонтальных полос и зоны зигзагов, которые совпадают с фрагментом сосуда, найденным вместе с кремнем и изображенным выше (табл. 1, 1); один из этих обломков изображен на табл. 1, 3.

Вторая зона расположена севернее — между дорогами, идущими от кладбища и от с. Михайловки к озеру Коноплянное. С востока она ограничена лесом (см. план рис. 2). Здесь было заложено восемь шурфов 1X1 м. Стратиграфия на этом участке следующая: до 40 см — чернозем, содержащий культурные остатки, 40—60 см — суглинок без культурных остатков и ниже подстилающая глина. В культурном слое шурфов второй зоны найдены кости домашних животных и облом-

ки разновременной глиняной посуды. Наиболее мощный культурный слой находился между четырнадцатым и пятнадцатым шурфами.

Из находок в шурфах второй зоны интересны фрагменты толстостенных сосудов с орнаментом из ямок, резных линий и отпечатков зубчатого штампа (табл. 1, 2, 4).

Таким образом, обследование 1959 г. обнаружило, что в северной части территории селища имеется культурный слой с находками керамики и костей животных, хотя наиболее интересные предметы — кремневые орудия — были обнаружены опять-таки только в подъемном материале близ озера Коноплянное. Коллекция, хранящаяся в музее краеведения, состоит в основном также из подъемного материала, однако там имеется и неболь-

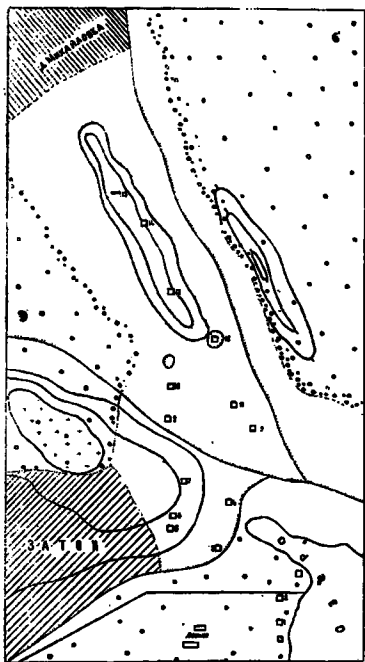

Рис. 2. План Затонского селища.

Рис. 3. Кремневые наконечники — подъемный материал из первой зоны.

шое количество предметов из шурфов, заложённых по берегам озера Коноплянное (на плане 1959 г. некоторые из них нанесены).

Если можно считать, что кремневые наконечники находились в культурном слое вместе с описанной керамикой, следует отнести коллекцию, собранную на Затонском селище, к эпохе бронзы. Очень желательно более углубленное исследование памятника, которое позволит выяснить его характер и уточнить эту дату.

К. В. САЛЬНИКОВ

К ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ МЕТАЛЛУРГИИ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

(*Металлургия абашевских племен*)

Древней металлургии Урала в археологической литературе посвящено всего несколько небольших статей, относящихся главным образом к Прикамью и Среднему Уралу¹. Южный Урал, хотя и рассматривается как один из важнейших и древнейших очагов металлургии², остается все-таки неизученным. Весьма обстоятельное исследование Б. Г. Тихонова представлено пока только авторефератом³.

Настоящая статья не претендует на исчерпывающую характеристику древней металлургии Южного Урала. В ней автор стремился лишь выделить абашевские формы металлургических изделий и выяснить их место в культуре племен эпохи бронзы.

В эпоху бронзы на Южном Урале и в прилегающих районах обитали абашевские, ан-

дроновские, срубные и отчасти шигирские (горбуновские) племена. Они находились в постоянном общении друг с другом. Происходили изменения территорий обитания этих племен, отдельные группы проникали в районы расселения соседей, а иногда и вытесняли их, в пограничных районах складывалось смешанное население. Все это приводило к взаимному обмену предметами материальной культуры, в том числе и металлическими изделиями. Отсюда понятна однотипность некоторых металлических орудий и украшений у племен различных культур. И все же отдельные типы предметов характерны лишь для определенной культуры. Мы знаем ножи срубного типа, со срубной культурой можно уверенно связать крючковые серпы. Андроновскими считают желобчатые браслеты. Абашевскими формами признаются бляшки-розетки, тонкие браслеты с несомкнутыми концами. На наш взгляд, этот перечень можно продлить.

Абашевские памятники открыты по обе стороны Южного Урала: и на запад, и на восток от хребта. Надо ожидать, что абашевцы обитали и в горах Южного Урала. Следовательно, они не могли не принимать активного участия в разработке его недр. О роли абашевских племен в развитии древнейшей металлургии свидетельствуют находки на их поселениях и в могилках, а также распространение изделий абашевских типов в районы, лишенные месторождений меди.

¹ А. А. Иессен, Уральский очаг древней металлургии, Первое Уральское археологическое совещание, Пермь, 1947; К. В. Сальников, Следы древней металлургии меди в районе Свердловска, Материалы второй научной конференции по истории Екатеринбурга — Свердловска, Свердловск, 1950; его же, К вопросу о древней металлургии в Зауралье, КСИИМК, вып. 29, М., 1949; Л. И. Каштанов, А. П. Смирнов, Из истории металлургии Среднего Поволжья и Урала, КСИИМК, 72, 1958.

² А. А. Иессен, Указ. соч., стр. 62.

³ Б. Г. Тихонов, Металлические изделия в бронзовую эпоху на Урале и в Приуралье, Автореферат. М., 1956. Работа Б. Г. Тихонова «Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Прикамье» (МИА, 90, 1960), вышедшая, когда настоящая статья находилась в печати, не могла быть использована.

На Южном Урале сейчас известно и изучено пять поселений абашевской культуры: Балабаш, Мало-Кизыльское¹, Урняк², Береговское I (равнинный слой)³, Береговское II⁴. Сюда надо присоединить могильник у с. Метев-Тамак⁵. А. В. Збруева определяет его как памятник смешанной культуры⁶, усматривая в нем черты андроновской, абашевской и срубной культур. На наш взгляд, лишь обкладка стенок могилы каменными плитами и браслеты из бус на ногах не находят себе аналогий в абашевских памятниках. Мелкие медные круглые бусы, спиральные и реберчатые бронзовые перстни со спиральными завитками и несомкнутые браслеты, аналоги которых А. В. Збруева видит в находках Алексеевского могильника, столь же обычны и в абашевских погребениях⁷. К тому же браслетов с несомкнутыми концами, того типа, что в могильнике Метев-Тамак, в андроновских погребениях нет.

Такой важный элемент культуры, как керамика, А. В. Збруевой справедливо отнесена к абашевской культуре. Медный крючок и костяной кружок также находят аналогию в абашевских памятниках. Наконец, большая роль огневых в погребальном ритуале⁸ весьма характерна для абашевских могильников.

Таким образом, имеются основания для отнесения Метев-Тамакского могильника к абашевским памятникам, не отрицая некоторого влияния соседних культур.

С территории Южного Урала и Приуралья проследить также ряд кладов и находок металлических изделий, среди которых много своеобразных форм, не характерных для срубной и андроновской культур. Есть достаточно оснований видеть в них произведения абашев-

ских мастеров. Кроме хорошо известного Верхне-Кизыльскогоклада¹, мы рассматриваем как абашевские клад из дер. Красный Яр на р. Белой, в 15 км от г. Стерлитамака, доставленный в Государственный исторический музей в 1895 г. Ф. Х. Мандисом²; клад, найденный Я. Е. Усенью у Долгой горы (Куш-тау) в Макаровском районе Башкирии в 1945 г.³; находки на Царевом кургане на Волге близ г. Куйбышева⁴.

Верхне-Кизыльский клад, как установлено в 1948 г., найден на территории абашевского поселения⁵. В его состав входил острореберный сосуд, аналогии которому можно найти почти во всех абашевских памятниках.

Клад на с. Красный Яр может быть связан с поселением Балабаш, находящимся на окраине этого села. Не исключено, что бронзовые вещи найдены на самом селении, которое интенсивно в прошлом размывалось р. Белой. Две кованные ножевидные пластинки, входящие в состав клада, во многом близки орудиям из Верхне-Кизыльского клада.

Клад, обнаруженный у Долгой Горы, найден в 1,5—2 км от абашевского селища Урняк, лежащего по другую сторону той же горы. В районе находки клада, по среднему течению р. Белой, в настоящее время известно несколько десятков срубных и четыре абашевских поселений. Бронзовые орудия срубной культуры хорошо известны, но среди них нельзя указать ни одного предмета, сходного с вещами, входящими в клад Долгой Горы. Наконецники копья и дротика из клада ближе всего к фатьяновскому наконечнику из Ош-пандо⁶.

Находки на Царевом кургане обнаружены при земляных работах. Кроме отдельных изделий, здесь найдены две группы бронзовых предметов. В первую входили вислообушный топор, два ножа и дежаший по близости браслет из круглого прута. Во второй группе было три серпа своеобразной формы, два плоских тесла (киновидных топоров), два браслета из толстого прута, желобчатое долото и костяной наконечник стрелы⁷.

Если рассматривать эти группы как два

¹ N. N. Bortvin. The Verkhny — Kizil find, ESA, III, 1928.

² ГИМ, инв. №№ 30887—30889.

³ Р. Б. Ахмеров, Новые археологические находки в Башкирии, КСИИМК, 39.

⁴ А. Збруева, А. Смирнов, Археологические находки на строительстве Куйбышевского гидроузла, ВДИ, 1939, № 4.

⁵ К. В. Сальников, Памятники абашевской культуры близ Магнитогорска, КСИИМК, XXXV, 1960.

⁶ П. Д. Степанов, Фатьяновские поселения на Средней Суре, КСИИМК, XXXII, 1960, рис. 17.

⁷ А. Збруева, А. Смирнов, Указ. соч.

¹ К. В. Сальников, Абашевская культура на Южном Урале, СА, XXI, 1954.

² К. В. Сальников, Новые памятники абашевской культуры в Южной Башкирии, КСИИМК, вып. 67, 1957.

³ Раскопки Южно-Уральской археологической экспедиции Уральского университета под руководством К. В. Сальникова, 1956 г.

⁴ То же, под руководством В. П. Викторова, 1954 г.

⁵ А. В. Збруева, Могильник Метев-Тамак, КСИИМК, 72, 1958.

⁶ Там же, стр. 36.

⁷ С. В. Ф. Смоляк, Абашевский могильник в Чувашской республике, Чебоксары, 1928; М. С. Акимов, Курганский могильник около дер. Тауш-Касы в Чувашии, «Записки Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы и истории», вып. IV, Чебоксары, 1960, стр. 178, рис. 15, 3, 7; А. Е. Аляхова, Абашевские курганы близ села Земского Рязанской области, КСИИМК, 64, 1956.

⁸ Кострица на дне, обугленный череп в могиле № 4,

комплекса синхроничных предметов, то вопрос о их культурной принадлежности решается довольно просто. Часть орудий: нож с выступами, плоские тесла, желобчатое долото, нередки в памятниках срубной культуры. Но эти орудия не чужды и абашевским комплексам; все они входят в Верхне-Кизыльский клад. Зато другие вещи тех же групп изделий из Царева кургана типичны только для абашевской культуры. Аналогичный царевокурганскому костяной наконечник стрелы с длинным черешком и пером с шипами найден в Башкирии на селище Уряк. Браслеты из круглого прута с несомкнутыми заостренными концами¹ найдены на селищах Уряк и Мало-Кизыльское, в курганах у с. Тюнина, в абашевских курганах Чувашии. Узкий ланцетовидный нож близок находке 1954 г. на селище Береговское II. Вислобушные топоры того типа, что найден на Царевом кургане, характерны для лесной полосы, точнее для Среднего Поволжья и Приуралья².

Из отдельных находок на Царевом кургане бронзовый нож с двумя параллельными лезвиями, округлым концом и асимметричным черешком³, своей редкой формой повторяет нож из Метев-Тамакского могильника⁴. Подобное орудие, но с симметричным черешком, известно среди предметов Верхне-Кизыльского клада.

Таким образом, обе группы бронзовых изделий и отдельно найденный нож на Царевом кургане можно отнести к абашевской культуре. Оригинальной формы серпам, входящим в один из этих комплексов, имеются некоторые аналогии на абашевской территории.

О. А. Крицова-Гракова царевокурганские находки безоговорочно рассматривает как вещи срубной культуры, видимо, на том основании, что они обнаружены на территории расселения срубных племен. Можно спорить о том, кто оставил на Царевом кургане описываемые вещи: представители срубных или абашевских племен, но нет сомнения, что в составе этих находок представлены и срубные и абашевские типы. Причем все предметы, кото-

рые мы относим к абашевской культуре, неизвестны на срубных памятниках. Вещи же срубных форм встречаются в абашевских комплексах.

Металлические изделия абашевских форм известны и за пределами абашевских памятников. Нельзя обойти молчанием замечания А. В. Шмидта¹ и А. А. Спицына о близости Верхне-Кизыльского клада к кладу, найденному у дер. Коршуновой в Вятской губернии. А. А. Спицын даже конструирует коршуновскую культуру², к которой относит, кроме Коршуновского и Верхне-Кизыльского кладов, еще ряд кладов: 1) М. А. Веселовского из Троицкого уезда, 2) Москательникова из дер. Ильдеряковой Бирского уезда, 3) из с. Красный Яр Стерлитамакского уезда, 4) из пос. Морозовского Бельского уезда. При этом А. А. Спицын считал весьма возможным, что «по накоплению материала придется коршуновскую культуру близко примкнуть к абашевской».

Перечисленные клады в той или иной степени связаны с абашевской культурой. Из шести кладов «коршуновской культуры» два — Верхне-Кизыльский и Красноярский — несомненно, как показано выше, оставлены абашевскими племенами. Заслуживает внимания почти полная аналогия формы наконечников копий из Верхне-Кизыльского и Коршуновского кладов, вплоть до такой детали, как точечный орнамент на втулке. Сближение с абашевской культурой увеличится, если действительно «с этими вещами найден был медный топор» галлического типа, о чем предположительно говорит А. А. Спицын. Остальные клады остались для нас недоступными. Впрочем, на клade из Троицкого уезда надо остановиться. По-видимому, вещи собраны и доставлены не М. А. Веселовским, как пишет А. А. Спицын, а М. А. Веселовым. В 1888 г. на золотых приисках в Балдуке, Тунгатаровской волости, Троицкого уезда, Оренбургской губернии (50 км к югу от г. Миасса) у М. А. Веселова, проездом на гору Ирмель, был Д. Н. Мамин-Сибиряк и видел у него коллекцию бронзы: ножи, копы и т. п., собранную в разных местах при работах на приисках. М. А. Веселов собирался выслать ее в Московское археологическое общество³. Если это собрание (или часть его) поступило в Антропологический музей Московского университета, где, по А. А. Спицыну, хранится клад М. А. Веселовского, то кладом рассматривать эти вещи нельзя. Но место находки весьма обнаддеживает в отношении возмож-

¹ На рисунках в статье А. В. Збруевой и А. П. Смирнова изображен только браслет из толстого прута с тупыми концами, типичный для срубных памятников. О. А. Крицова-Гракова публикует наравне с этим другой браслет из более тонкого прута с заостренным концом. О. А. Крицова-Гракова, Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, МИА, 46, рис. 15, 19.

² В. А. Городцов, Культура бронзово-железного Средней России, Отчет Российского исторического музея за 1914 г., М., 1916, стр. 152—153, табл. VIII, 20—21.

³ А. Збруева, А. Смирнов, Указ. соч., табл. I, 14.

⁴ Башкирский республиканский музей краеведения.

¹ ESA, III, стр. 122—131.

² А. А. Спицын, Археологические заметки. Труды сенции археологии РАНИОН, IV, 1928.

³ «Древности», т. XIV, вып. I, протоколы.

ности встретить здесь абашевские памятники. Бывшая Тунгатаровская волость лежит близ истока р. Урал, на 100 км севернее места находки Верхне-Казыльского клада. Некоторые предметы из этого собрания и по описанию А. А. Спицына весьма схожи с абашевскими формами: «прямой серп» (типа Верхне-Казыльского? — К. С.), «кривой нож».

Клад у дер. Ильдериной Бирского уезда найден также вблизи границ обитания абашевских племен. Прочие клады «коршунювской культуры» А. А. Спицына — Коршунювский и Морозовский — можно рассматривать лишь как влияние, как доказательство широкого распространения продукции абашевских литических в среде других племен.

Особого внимания заслуживает Галичский клад¹. Много лет его культурная принадлежность служит объектом споров и истоничком различных предположений. Отдельные голоса раздавались и в пользу уральского происхождения вещей Галичского клада². П. Н. Третьяков в 1931 г. видел в этом кладе один из памятников абашевской культуры³. Но взгляд этот не получил общего признания. Галичский клад до сих пор остается странным чужеродным телом, неразгаданной загадкой на фоне окружающих археологических памятников. Связать его с абашевской культурой мешает его удаленность от традиционной абашевской территории, которую долгое время видели лишь в районах Чувашской АССР. Но если близость от места находки Галичского клада не открыты абашевские памятники, то соседство его с территорией фатьяновской культуры уже заставляет отнестись к нему с особым вниманием. Не случайно по всей фатьяновской территории разбросаны следы обитания абашевских племен.

Галичский клад, найденный в 1835 г. вблизи от Галичского озера у с. Туровского, сохранил изделия из меди, бронзы и серебра: вислообушные топоры, ножи, браслеты, бляхи, пронизки, медные пластины, очковидные привески, изображения животных, человекообразные фигуры. Многие из них имеют аналогии среди инвентаря абашевских памятников. Вислообушные топоры относятся к тому типу, который распространен преимущественно

но в лесной полосе на территории фатьяновских, абашевских и горбуновских племен. Ланцетовидный нож⁴ находит себе аналогично в воже из абашевского поселения Береговское II. Их сближает и ланцетовидная форма, и четырехгранный стержень для насада на рукоятку. А. А. Спицын считает, что ножи Галичского клада изготовлены путемковки. Нож из Береговского II также, по-видимому, кованный, на что указывает продольная горизонтальная расщепленность его лезвия.

Браслеты Галичского клада представлены двумя видами: желобчатым и круглым, с заходящими заостренными концами. Желобчатые браслеты весьма обычны в памятниках абашевской культуры. Браслеты из круглого прута с заостренными концами теснейшим образом связываются с абашевскими памятниками. Браслеты с заходящими заостренными концами найдены на Мало-Казыльском поселении⁵. Полушарные мелкие бляшки, спиральки и очковидные привески также нередки в абашевских памятниках Урала⁶. Может быть такую черту скульптурной каменной головки с селища Уряка, как плоская форма темени в виде горизонтальной площадки⁷, позволительно аналогизировать с подобной детально человекообразных бронзовых изображений из Галичского клада. Не случайно, конечно, совпадение формы «полумящев» на голове одной из галичских человекообразных фигур и такого нигде, кроме абашевской керамики, не встречающегося элемента в орнаментике, как сечковидные лопасти. В обоих случаях, надо полагать, мы имеем дело с передачей какого-то одинакового символа.

Таким образом, среди предметов Галичского клада многие находят себе аналогично в инвентаре абашевских памятников Урала.

Допущенное отступление в сторону подробной характеристики некоторых кладов за пределами интересующей нас территории вызвано тем, что клады абашевских медно-бронзовых изделий, где бы они ни были найдены, имеют уральское происхождение. Источником металла для племен II тысячелетия до н. э. северной части Восточной Европы давно считается Урал⁸.

¹ А. А. Спицын, Галичский клад, табл. XXXI, в.

² К. В. Сальников, Южно-Уральская археологическая экспедиция, КСИИМК, 45, 1952, рис. 23, 10, 22.

³ Там же, рис. 23; N. N. Bortvin, The Verkhny-Kizil find, ESA, III, 1928.

⁴ К. В. Сальников, Новые памятники абашевской культуры в Южной Башкирии, стр. 84, рис. 35.

⁵ М. Е. Фосс, О терминах «неолит», «бронза», «культура», КСИИМК, XXI, 1949, стр. 40.

¹ А. А. Спицын, Галичский клад, ЗРАО, т. V, вып. 1.

² В. А. Городнов, Галичский клад и стоянка, Труды секции археологии РАНИОН, III, стр. 51.

³ П. Н. Третьяков, К истории доклассового общества Верхне-Полужья, Из истории родового общества на территории СССР. М.—Л., 1934, стр. 133.

Второй очаг древней металлургии определяется в районе устья Камы¹. Но, несмотря на большое число происходящих из этого района медно-бронзовых изделий, лишь единицы имеют абашевские формы. Следовательно, последние происходят из другого очага, надо полагать уральского.

У абашевского населения Урала высоко стояло искусство обработки меди и бронзы. Места разработки руд остаются невыясненными. По всей вероятности, разработки велись во многих пунктах, на что указывает разнообразность найденных в абашевских памятниках руд. На селище Баланбаш встречены кусочки медистого песчаника, а на поселения Урняк — конгломерат. Подобно андроновцам абашевцы вели плавку руды не на месте добычи, а на поселениях. Мы не можем указать ни одного абашевского поселения, которое не дало бы следов высокого уровня развития мастерства по плавке руды и изготовлению медных и бронзовых изделий. Кусочки медной руды и медного шлака, обломки плавильных чаш, обломки глиняных вкладышей («шишке») встречены на всех поселениях. Особенно часты находки обломков плавильных чаш, иногда с ошлакованными краями. Часть кусочков шлака также носит следы образования на краю побочных чаш. О размерах металлургического производства говорит такой факт, как находка на селище Баланбаш в раскопках 1951 г. на ограниченной площади 71 обломка плавильных чаш, которые относились не менее чем к 50 сосудам. На то же указывают случаи обнаружения кладов медно-бронзовых вещей абашевских типов на Урале (Верхне-Кизыльский, у Долгой Горы, Красноярский и др.) и за его пределами (Коршуновский, Галичский), а также нередкие находки металлических изделий на поселениях. На селище Баланбаш найдены бронзовые² серп, нож, шильце, «шпиль», спиральное колечко, крючок, на селище Урняк — браслет, бляшка-розетка, на Мало-Кизыльском — вислообушный топор, клиновидный топор, поделка в виде зигзага из ленты, два шлака, обломки стержней, крючок, разнообразные украшения: пронизки, бляшки-розетки, полусаранье, овалы и других форм бляшки, браслеты, спиральные височные кольца. Встречены металлические орудия и при раскопках абашевских поселений у с. Береговки. На Ма-

ло-Кизыльском селище оказались также серебряные височные спиральные кольца и браслет из свинца.

Свинцовый браслет является, по-видимому, уникальной находкой для памятников эпохи бронзы Урала и соседних территорий и служит лишним доказательством весьма высокогорного уровня развития металлообработки у абашевских племен Урала. Свинец добывался, вероятно, на Урале. Такая ценная составная часть бронзы, если бы свинец привозился со стороны, не стала бы тратиться в столь большом количестве для изготовления браслета. Некоторые топонимические данные могут служить косвенным доказательством наличия на Южном Урале месторождений свинца, которые были известны еще до расселения в этих местах русских. На северо-западе Челябинской области имеются рр. Большой и Малый Кургаш близ Нязе-Петровска и дер. Кургаш-Ялга в 35—40 км к северо-западу от Сатки. На территории обитания абашевских племен в южной Башкирии протекает речка Кургашла, впадающая в р. Белую справа, несколько южнее г. Ишимбая. На тюркских языках, в частности на башкирском, слово «кургаш» обозначает олово, и свинец (ак кургаш — олово; кара кургаш — свинец), а кургашла значит — свинцовая или оловянная.

Серебро было в большом ходу у абашевских племен, что выделяет их из среды современников — племен андроновской и срубной культур. В состав Верхне-Кизыльскогоклада входила желобчатая гривна, обложенная тонким серебряным листом. Галичский клад также содержит ряд серебряных изделий. На многих памятниках от Урала до Чувашии встречены оригинальной формы спиральные височные колечки, изготовлявшиеся из серебра.

Приведенные факты указывают на то, что для абашевских племен металл был широко доступен.

Значительное число абашевских памятников открыто в двух районах — в Чувашии и на Урале. Источником металла мог быть только Урал. На Урале должны были на базе его рудных богатств сложиться и развиваться многие формы металлических изделий, распространенных в среде абашевских племен далеко на запад. Урал и Приуралье были родиной и некоторых форм, которые, с другой стороны, шли на восток к соседним андроновским племенам. Не случайно, что целый ряд металлических предметов у этих двух групп племен был одинаков. Не случайно, что по богатству и разнообразию набора украшений с абашев-

¹ А. В. Збруева, *Культуры поздней бронзы в Прикамье в связи с вопросом о сложении ананьинской культуры*. СА, 1957, № 2.

² Называем бронзовыми условно, так как анализы металлических изделий не производились.

ским женским костюмом¹ может соперничать лишь костюм андроновских женщин².

Урал давал металл и срубным племенам. Все это не могло не сказаться на близости форм металлического инвентаря у абашевских, срубных и андроновских племен. Мы видим немало предметов, которые совершенно одинаковы в памятниках этих племен. Далеко не всегда можно установить, какие племена создали ту или иную форму, которая затем была воспринята соседями. В других случаях удается определить исходную территорию, откуда распространилась данная форма. И, наконец, существуют чисто племенные формы, которые широко представлены в среде племен данной культуры, а абсолютно отсутствуют или встречаются единицами на территории других культур.

Абашевцы создали и развили свои формы металлических изделий, используя уральский металл. На Урале в районе расселения абашевских племен сложился особый очаг металлургии. Из абашевских памятников, а также из района расселения абашевских племен, происходит ряд типов медно-бронзовых орудий труда, оружия и личных украшений, которые несвойственны другим соседним племенам. Находки этих изделий наиболее часты на Урале и в Приуралье (рис. 1).

Значительную группу среди абашевских предметов составляют орудия, сделанные из слегка изогнутых пластин типа «серпов» и ножей Верхне-Кизильского клада, опубликованных Н. Н. Бортвиным³. Просмотр этих орудий в Свердловском музее убедил нас, что ни тот, ни другой термин не применим к четырем изделиям, изображенным у Н. Н. Бортвина на рис. 1—4 таблицы II. На наш взгляд, все эти четыре изделия имеют прямое отношение к обработке шкур и кожи и могут рассматриваться как скобели-тупики. Особенно выразительно орудие, изображенное на рис. 2, 2 работы Н. Н. Бортвина. Это слабо изогнутая пластинка, заточенная с вогнутой стороны, длиной 20 см, шириной в средней части около 3 см. Оба конца на протяжении 2—2,5 см сужены проковкой с вогнутой стороны до ширины в 2 см. Естественно, направляется предположе-

ние, что концы сужены для укрепления в двух рукоятках. Двуручность обязательна для скобеля-тупики (рис. 2, 1). Два других изделия несколько длиннее и уже описанного и также заточены с вогнутой стороны. На них незаметны следы крепления с рукоятками, что, впрочем, не дает основания отрицать наличие такого крепления (рис. 2, 2, 4). Изделия могли тыльной стороной полностью вставляться в деревянную основу, как это делают со своими

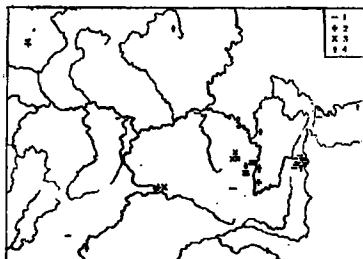

Рис. 1. Карта распространения медно-бронзовых орудий абашевского типа.

1 — пластичные орудия; 2 — ланкетоподобные ножи; 3 — тупиковые наконечники; 4 — наконечники копий.

железными скобелями ханты¹. Четвертое орудие длиной 20 см, шириной 3 см несколько сужается к одному концу. Заточены у него вогнутая сторона и широкий конец. Это изделие изогнуто значительно сильнее прочих, что либуидило Н. Н. Бортвина видеть в нем серп. Такому определению противоречит заточка широкого конца, перпендикулярного вогнутому лезвию. По-видимому, описываемый предмет представляет собою сложное орудие: соединяние скобеля со стругом. В качестве струга и мог служить заточенный конец (рис. 2, 3). У хантов, по свидетельству Н. Ф. Прытковой, стругом для очистки шкур от мездры служили узкие металлические пластинки, вставленные в длинную двуручную рукоятку². Два предмета из Верхне-Кизильского клада, несмотря на изогнутость, являются двулезвийными ножами. У одного из них хорошо выражена рукоятка, отделенная от лезвия перехватом (рис. 2, 6), у второго вогнутый край заточен на всю длину, а противоположная сторона лишь до перехвата, от которого начинается рукоятка (рис.

¹ Н. Ф. Прыткова, Одежда хантов, Сборник МАЭ, XV, 1953, стр. 127—128, рис. 1, 6.

² Там же, стр. 126, рис. 1, 2.

¹ В. Ф. Смолин, Абашевский могильник в Чувашской республике, рис. 11; П. П. Ефименко, Средне-Волжская экспедиция 1926—1927 гг., Сообщения ГАИМК, II, Л. 1929, стр. 171—172; К. В. Сальников, Южно-Уральская археологическая экспедиция, рис. 23.

² О. А. Кривцова-Гракова, Алексеевское поселение и могильник, рис. 7; К. В. Сальников, Курганы на озере Алакуль, МИА, 24, 1952, стр. 58, рис. 8.

³ N. N. Bortvin, The Verkhny — Kizil, find, ESA, III, 1928.

2, 5). В обоих случаях рукоятка, по-видимому, обматывалась кожей, вряд ли можно здесь предполагать деревянную обкладку.

Сопоставление конструкции всех Верхне-Кизыльских пластины заставляет предполагать, что некоторые из них выполняли различные

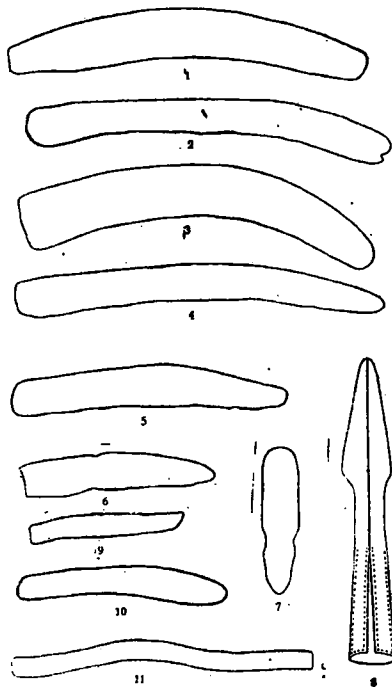

Рис. 2. Медно-бронзовые орудия.

1-8 — Верхне-Кизыльский клад близ Магнитогорска;
9 — селище Балабаш близ Стерлитамаки;
10 — погребение на Мало-Кизыльском селище близ Магнитогорска;
11 — клад из дер. Красный Яр на р. Белой.

функции. По мере надобности они употреблялись и как ножи, и как тупики-скобеля, и, может быть, как серпы.

К той же категории вещей относится оружие из Красноярского клада, представляющее собою пластинку длиной 18,5 см, шириной

1 см, отлитую в односторонней форме. У этого орудия наиболее острой частью является середина выгнутой стороны. Вогнутая сторона более тупая, но несет на себе как будто следы сглаженности от работы. По-видимому, прямые концы орудия закреплялись в рукоятках¹. Следовательно, и это орудие может быть тупиком (рис. 2, 11). Однолезвийный изогнутый нож с лезвием, заточенным на всю длину, найден на селище Балабаш (рис. 2, 9). Более оформлен нож из погребения на Мало-Кизыльском селище. Он представляет собою отлитую в односторонней форме слегка изогнутую пластинку с округлыми концами. На половину длины к одному концу образована рукоятка путем сплющивания краев ковкой. Лезвие, наоборот, несколько оттянуто проковкой, причем с вогнутой стороны лезвие длиннее, чем с выгнутой (рис. 2, 10).

Абашевским серпом надо признать орудие, найденное на селище Балабаш (рис. 3, 1). Оно во многом напоминает пластины Верхне-Кизыльского клада, но отличается от них большей асимметричностью, явным следом отлома рукоятки. Близкой к серпу из Балабаша является вторая пластинка из Красноярского клада (рис. 3, 2)². Она также отлита в односторонней форме, имеет длину 18 см, ширину 2 см и утолщенную тыльную сторону в 0,3 см (у серпа из Балабаша 0,3—0,4 см), но конец для скрепления с рукояткой оформлен иначе. Он приострен, чем напоминает одно из орудий Верхне-Кизыльского клада (рис. 2, 3), более других похожее на серп.

Можно указать еще находки пластинчатых орудий в районе Южного Урала. В Оренбургском музее хранится обломок сильно деформированного изогнутого пластинчатого орудия, найденный на севере Оренбургской области у с. Зобова Шарлыкского района. Другая подобная пластинка из находок в районе Златоустовского Урала имеется среди коллекций Миасского музея.

Орудия, подобные описанным, не бытовали у племени андроновской и срубной культуры. Вне абашевских памятников известен лишь один случай находки пластинчатого орудия абашевского типа. Это нож из кургана срубной культуры, исследованного у г. Аткарска Саратовской области³, весьма близкий ножу из погребения на Мало-Кизыльском селище. Таким образом, имеются все основания счи-

¹ ГИМ, инв. № 30889/95.

² Там же.

³ О. А. Кривонова-Гракова, Степное Полюрье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, рис. 12, 12.

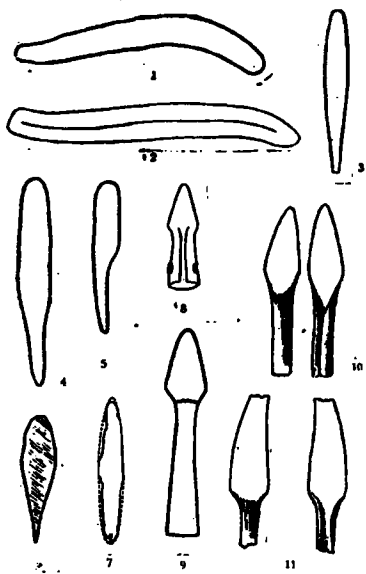

Рис. 3. Медно-бронзовые орудия.

1 — селища Великий; 2 — клад на дер. Красный Яр на р. Белой; 3 — находка на Царевом кургане близ г. Куйбышева; 4 — селища Береговское II близ Мелеуза на р. Белой; 5 — могильник Метев-Тамак в Башкирии; 7 — стоянка Кысы-Куль близ г. Миасса; 8 — Балазовский могильник в Чувашии; 9 — клад у Дождей горы на р. Белой; 10 — городище Ош-наво на Мордовской АССР; 11 — г. Копейск близ Челябинска.

тать, что пластинчатые орудия созданы были абашевскими племенами, возникли на уральской почве, восприняв свою форму от более ранних каменных пластин.

Другой формой, сложившейся в пределах абашевской культуры, надо признать ланцетовидные ножи разных вариантов. Объединяющим признаком здесь служит такая профилировка орудия, при которой лезвие незаметно переходит в черешок рукоятки. Грань между лезвием и черешком улавливается только по заточенности лезвия. Ланцетовидные ножи резко отличаются не только от ножей с выступами срубного типа, но и от полтавкинско-катакомбных. Простейшая форма ланцетовид-

ного ножа представлена в кладе Царева кургана (рис. 3, 8). Сильнее выделяется черешок у ножей из Галичского клада и с селища Береговское II (рис. 3, 4). Кроме того, у ножа с селища конец сильно расширяется, делается тупым, что сближает его с другим типом абашевских ножей — широкими тупоконечными ножами. Они найдены в могильнике у с. Метев-Тамак на западе Башкирии (рис. 3, 6) и в кладе Царева кургана (рис. 3, 5). Много общего с метев-тамакским ножом имеет маленький нож с тупым концом и параллельными лезвиями из Верхне-Кизильского клада (рис. 2, 7), хотя здесь черешок четко отделен от лезвия.

И ланцетовидные, и тупоконечные ножи совершенно не схожи с ножами Нижнего Поволжья ямно-полтавкинского времени начала II тысячелетия до н. э., которые ведут свое происхождение с Северного Кавказа. Для ямно-полтавкинских ножей характерен резко отделившийся от клинка черешок и заостренный конец. Эти более ранние по времени орудия не могут служить исходной формой для абашевских ножей. Происхождение последних не связано с Нижним Поволжьем и Северным Кавказом. У них местные уральские корни. Исходную форму абашевских ножей надо видеть в аналогичной форме бесчерешкового ножа из энеолитической стоянки Кысы-Куль близ г. Миасса (рис. 3, 7)², которая датируется первой половиной II тысячелетия до н. э.

Бронзовые наконечники копий, происходящие с территории абашевской культуры, по всей вероятности, имеют также местное происхождение. Этих предметов известно немного. Объединяющим для них признаком является несомкнутость кованой ступки (рис. 2, 8). И в этом отношении они сближаются с фатьяновскими копиями из Балазовского могильника (рис. 3, 8)³ и из поселения Ош-наво (рис. 3, 10)⁴. Самыми близкими к последнему из числа найденных на Урале являются: копия из клада у Долгой Горы (рис. 3, 9) и из случайной находки у г. Копейска близ Челябинска (рис. 3, 11). Прочие абашевские копия имеют более развитую форму. Наконечники из Верхне-Кизильского и Коршуновского кладов почти идентичны.

¹ А. В. Збруева, Могильник Метев-Тамак, рис. 5, 14.

² Раскопки автора 1937 г., материалы хранятся в Челябинском музее.

³ О. А. Кривцова-Гракова, Хронология памятников фатьяновской культуры, КСИИМК, XVI, 1947, рис. 9, 12.

⁴ П. Д. Степанов, Фатьяновские поселения на средней Суре, КСИИМК, XXXII, 1960, рис. 17.

Абашевским надо считать и более сложной формы копье, происходящее из Красноярского клада (рис. 4, 1). Оно отличается очень крупными размерами, его длина почти вдвое превышает длину верхне-кизыльского копья (рис. 2, 3). У этого копья намечается на середине пера в продолжении втулки образование трубки, которая типична для позднейших литых копий. Аналогичное копье найдено в низовьях р. Уфы у с. Бахмутино (рис. 4, 2)¹.

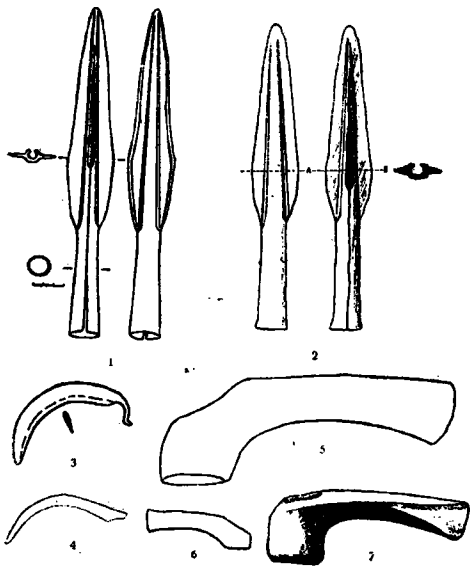

Рис. 4. Медно-бронзовые орудия.

1 — клад у дер. Красный Яр на р. Белой; 2 — находка у с. Бахмутино на р. Уфе; 3 — находка на Царевом кургане близ г. Кудымшара; 4 — находка у с. Абашево в Чувашии; 5 — дер. Малюка близ г. Уфы; 6 — Мало-Кизыльское селение близ Магнитогорска; 7 — пос. Майорский близ г. Оренбурга.

Особенность красноярского и бахмутинского копий состоит также и в том, что сужение пера к втулке происходит постепенно и не так резко, как на верхне-кизыльском наконечнике.

Несмотря на некоторые различия, все наконечники копий абашевских памятников да-

тируются одним временем, поскольку в состав кладов, их содержащих, входят другие одностипные предметы. Клады Верхне-Кизыльский и Красноярский связываются через пластинчатые орудия. Коршунковский клад, включающий копье верхне-кизыльского типа, содержит клинки ножей, одинаковые с найденными в составе клада у Долгой горы. Несколько кованых копий с несомкнутой втулкой известны среди находок на территории Чувашии и Татарии¹.

Формы некоторых из них близки к абашевским. Все они не связаны с определенными комплексами и могут происходить из памятников абашевской культуры.

Большая примитивность фатьяновско-балаановских наконечников копий по сравнению с абашевскими породила мнение о генетической зависимости последних от первых². Не оспаривая развития абашевских копий из наконечников типа Ош-пандо, в особенности той формы, которую имеет копье, найденное в кладах у Долгой горы, мы не можем не высказать предположения, что наконечники типа Ош-пандо сами корнями уходят в абашевско-уральскую территорию. Совершенно аналогичный наконечник найден и по другую сторону Уральского хребта, близ Челябинска в г. Копейске при закладке новой шахты (рис. 3, 11)³. В обоих наконечниках — ош-пандинском и копейском образуют на себя внимание две характерные черты: примитивность формовки втулки и асимметричность пера. Первое должно указывать на древность формы, второе, может быть, можно объяснить происхождением от слабо изогнутых пластин, из которых, как показано выше, абашевцы изготовляли разнообразные предметы. На территории срубной культуры копия, близкие верхне-кизыльскому типу, входили в состав инвентаря Покровского мо-

¹ Хранится в Стерлитамакском музее. За сообщение об этой находке принишу глубокую благодарность П. Х. Михайлову.

¹ П. Н. Третьяков, Древнейшая история Чувашского Поволжья, рис. 20. 13, А. М. Tallgren. Collection Zaoussaiyov, Helsingfors, 1916, IV, 7, VIII, 5; А. А. Штукемберг, Материалы по изучению медного (бронзового) века восточной полосы Европейской России, Казань, 1901, табл. I, 3; табл. II, 5 и 9.

² В. Г. Тихонов, Автореферат.
³ Хранится в Челябинском музее.

гильника¹. Последний содержит и другие предметы сейминско-абашевских типов и, таким образом, отражает северные связи срубных племен.

Несколько особняком стоят три серпа, найденные на Царевом кургане (рис. 4, 3) вместе с абашевскими предметами. Они характеризуются сильной изогнутостью и снабжены на месте рукоятки стерженьками оригинальной формы. Серпы такой развитой формы трудно признать одновременными с абашевскими серпами баланбашского типа. Но они также сильно отличаются и от серпов срубной культуры. О. А. Кривонова-Гракова все находки на Царевом кургане относит к срубной культуре. Но вместе с тем ею отмечается странность, нетипичность для этой культуры формы рассматриваемых серпов.

Царевокурганским серпам имеются аналоги на абашевской территории. В Чувашии найден серп той же формы, включая характерную выемку у рукоятки, но крючок на рукоятке отсутствует², может быть, вследствие фрагментарности изделия (рис. 4, 4). Тогда принадлежность серпов подобного типа к абашевской культуре делается еще вероятнее, тем более, что опубликованный А. М. Тальгренем экземпляр найден в районе с. Абашева³, и, весьма возможно, на поселении, обитатели которого погребены в известных Абашевских курганах.

Не рассматривая редкие в абашевских памятниках находки металлургических орудий таких форм, которые встречаются и в других культурах (шилья, крючки, долота, клиновидные топоры, ножи-кинжалы с выступами у основания рукоятки), остановимся несколько подробнее на вислобушных топорах.

Непосредственно из памятников абашевской культуры происходит только один вислобушный топор, найденный на территории Мало-Кизмыльского поселения (рис. 4, 6). Он относится к тому типу, который В. А. Городнов именует узковислобушными⁴, а Б. Г. Тихонов включает в понятие камского типа⁵. Эта разновидность рядом переходных форм связывается с предшествующим ему по времени фатьяновским вислобушным топором. По-видимому, между ними имеется и генетическая связь. Волго-Камье в археологической литера-

туре давно выделяется в особую область с густыми находками вислобушных топоров⁶. Сейчас число находок на Урале увеличилось. Б. Г. Тихонов найденные на Урале и в Приуралье вислобушные топоры делит на три типа: фатьяновский (первая половина II тысячелетия до н. э.), камский (конец II четверти II тысячелетия — начало I тысячелетия до н. э.) и южно-уральский (вторая половина II тысячелетия до н. э.). Наличие переходных форм между первым и вторым типом затрудняет их разграничение. Их можно слить, учитывая район преимущественного распространения, в понятие северного фатьяно-камского типа и противопоставить южноуральскому. Для первого типа при значительном числе разновидностей объединяющим признаком будет косой срез верха втулки, в то время как у южноуральских топоров верх втулки находится в одной или почти в одной плоскости с верхней гранью топора. Нет четкой границы между районами распространения этих двух типов, на которые мы предлагаем разделить найденные на Урале вислобушные топоры, но она все же чувствуется и проходит не с запада на восток в соответствии с природными зонами, а с юго-запада на северо-восток. Большинство топоров фатьяно-камского типа тяготеет к европейскому склону Урала, южноуральские больше распространены в южном Приуралье и юго-восточном Зауралье (рис. 4, 7). Различно, по-видимому, и их происхождение.

Фатьяно-камский тип возник из кавказских форм⁷. На Кавказе имеются близкие по форме втулки экземпляры⁸. Дальнейшее развитие эта форма получила в Волго-Камье. О. Н. Бадер совершенно прав, связывая такие топоры с баланбашскими культурными комплексами⁹. Через них эта форма проникла к абашевским племенам. На широкое распространение таких топоров в районах абашевской культуры указывает О. А. Кривонова-Гракова¹⁰. Производство их абашевцами доказывается находками овальных в сечении глиняных вкладышей («шишек») на селищах Баланбаш, Берегов-

¹ А. А. Спицын, Археологические заметки, стр. 483, рис. 1.

² О. А. Кривонова-Гракова, Хронология памятников фатьяновской культуры, стр. 59—60.

³ Б. А. Куфтия, О древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе, Вестник Государственного музея Грузии, т. XII-V, Тбилиси, 1944, табл. II, 3—4; О. М. Джапаридзе, Краткий отчет об археологических раскопках в Грузии в 1948 г., КСИИМК, 39, 1951, рис. 3а.

⁴ О. Н. Бадер, К изучению эпохи бронзы в Прикамье. Ученые записки Пермского университета, т. X, вып. 3, стр. 180.

⁵ О. А. Кривонова-Гракова, Хронология памятников фатьяновской культуры, стр. 60.

¹ П. Рыков, К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье, Саратов, 1927, рис. 24.

² А. М. Tallgren, Collection Zaoussailov, Helsingfors, pl. XV—3.

³ Там же.

⁴ В. А. Городнов, Культура эпохи бронзы Средней России.

⁵ Б. Г. Тихонов, Металлические изделия в бронзовую эпоху на Урале и в Приуралье, стр. 10.

ское I, Мало-Кизыльское. Фатьяно-камского типа топоры найдены в ряде комплексов, территориально близких к абашевским памятникам или связанных с ними по своему происхождению: у дер. Миловка близ Уфы (рис. 4, 5)¹, в имении Соловка Бугурусланского уезда², в Горбуновском торфянике, в Галичском кладе, на Царевом кургане, на Ананьинской дюне и в других пунктах устья Камы³.

Иная территория распространения и иное происхождение топоров южноуральского типа. Топоры с прямым срезом верха втулки также есть на Кавказе⁴, но они характеризуются более широким лезвием в сравнении с южноуральскими и, может быть, являют собою, так же как и южноуральские, особую ветвь развития от общего месоппотамского корня. Древнейшие месоппотамские трубчато-вислообушные топоры имеют прямой срез верха втулки⁵. Ссылаясь на наличие общих черт южноуральских топоров со среднеазиатскими гребневислообушными, В. Г. Тихонов высказывает предположение о влиянии Средней Азии. Можно думать, что южноуральский тип развился из месоппотамских форм через Среднюю Азию. В то время, как фатьяно-камский вырос из того же корня, но при посредстве Кавказа. Есть достаточно оснований видеть в вислообушных топорах лесного типа орудия фатьяно-баландских, абашевских и приказанских племен. Южноуральский тип связан с более южными уральскими источниками меди, которые разрабатывались срубными и андроновскими племенами. Абашевские племена топорами этого типа, по-видимому, не пользовались, как неизвестны были им и кельты. Кельты сейминского типа бытовали на Урале и в Прикамье севернее района обитания абашевских племен, а южнее их территории известны находки других типов кельтов, связанных со срубной культурой.

Значительное число металлических изделий в памятниках абашевской культуры представлено украшениями. В подавляющем большинстве они происходят из погребений, а последние на Урале и в Приуралье почти неизвестны. Состав абашевских металлических украшений хорошо устанавливается по материалам из могильников на территории Чувашии. Если мы обратимся к тем немногим абашевским памятникам Урала, где встречены металлические

украшения, то картина несколько не изменится. Все без исключения предметы, известные с территории Чувашии, мы видим и в уральских памятниках: в Верхне-Кизыльском кладе, на селищах Урняк и Мало-Кизыльское, в могильнике у с. Метев-Тамак. Все украшения можно признать типичными для абашевской культуры, настолько часты их находки. Но в одну категорию надо отнести такие типы предметов, которые абсолютно несвойственны другим культурам эпохи бронзы, к другой относятся предметы, встречающиеся и в соседних культурах. Чисто абашевскими надо считать бляшки-розетки (Абашево, Алгаши, Катергино, Яндышево, Огубь, Кусеево, Мало-Кизыльское селище, Верхне-Кизыльский клад, Урняк), височные спиральные серебряные колечки (Абашево, Алгаши, Катергино, Васюково. Круши, погребение на Мало-Кизыльском селище), пронизи с ребристыми концами (Абашево, Алгаши, Верхне-Кизыльский клад, Мало-Кизыльское селище), браслеты круглые или овальные в сечении с несомкнутыми заостренными концами (Абашево, Алгаши, Катергино, Тюнино, Царев курган, Метев-Тамак, Урняк).

Перечисленные четыре вида украшений в андроновских памятниках совершенно неизвестны. В среде срубных племен Поволжья зарегистрировано только три случая проникновения абашевских бронзовых украшений. В Покровском могильнике и в кургане у г. Аткарка найдены браслеты описанного выше типа. Их абашевское происхождение признает и О. А. Кривцова-Гракова¹.

В Покровском могильнике и в Аткарских курганах северное влияние сказывается, как отмечалось выше, и в находках орудий абашевских типов. В одном из срубных погребений у с. Бережновки оказались абашевского типа цилиндрические пронизи с поперечными рубчиками на концах². Интересно, что глиняный сосуд, входящий в инвентарь той же могилы своим орнаментом из глубоких желобков также тянет к абашевской культуре, а браслету из круглого прута с заходящими один за другой концами имеются аналогии в находках на Мало-Кизыльском селище и в Галичском кладе.

Более многочисленна группа украшений, которые бытовали, наравне с абашевскими племенами, также и у андроновских. Сюда относятся: желобчатые браслеты, очковидные

¹ ГИМ.

² ГЭ, колл. № 65.

³ Опубликованы Тальгеном и Штуценбергом.

⁴ Ср. Б. А. Куфтин, Указ. соч., рис. 8, 5; Е. И. Крупнов, Материалы по археологии Северной Осетии доколоссального периода, МИА, 23, рис. 7, 6.

⁵ Б. А. Куфтин, Указ. соч., рис. 7.

¹ О. А. Кривцова-Гракова, Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. рис. 15, 17, 18.

² И. В. Сеницын, КСИИМК, 55, рис. 31, 6.

иривески, полушарные бляшки с отверстиями, трубочки-спиральки, спиральные перстни, а также более редкие — желобчатые гривны, полные браслеты, гладкие пронизки, согнутые из пластинок, кольцевидные бусинки из проволоки.

Более того, за некоторыми из перечисленных предметов украшения закрепились представления об их андроновском происхождении. Таковы, прежде всего, желобчатые браслеты. Поставляя находки таких браслетов в памятниках срубной культуры, О. А. Кривцова-Гракова сделала наблюдение, что желобчатые браслеты в срубных погребениях встречаются тем реже, чем далее удален срубный могильник к западу, а поскольку такие браслеты обычны в андроновских погребениях, то, следовательно, нужно признать их андроновское происхождение¹. Между тем желобчатые браслеты известны лишь в западных районах распространения андроновской культуры, на востоке их нет. С. В. Киселев при перечислении андроновских украшений Южной Сибири браслетов совсем не упоминает². Поскольку желобчатые браслеты обычны и в абашевских памятниках, в том числе и таких удаленных от территории андроновских племен, как Галичский клад и курганы у с. Тюнино, племена абашевской культуры, на наш взгляд, имеют больше основания считаться творцом этого типа украшений. В абашевских памятниках их находки не менее часты, чем в андроновских. Но в то время, как последние описаны много, первые в печати представлены чрезвычайно слабо. Это обстоятельство и способствовало тому, что создавалось представление о принадлежности описанной формы украшений андроновским племенам. Между тем желобчатые браслеты представлены почти в каждом абашевском могильнике (Абашево, Алгаш, Катергино, Тюнино, Тауш-Касы), входят в состав кладов (Верхне-Кизыльский, Галичский), найдены на Мало-Кизыльском селище. Нет сомнения, что многие, если не все, описываемые типы украшений изготовлялись и западноандоновскими племенами. Это хорошо доказываются находками матриц на Алексеевском селище. Но по насыщенности такими украшениями абашевские памятники богаче андроновских. Если сейчас ограниченность материала еще не позволяет установить, в среде каких племен вырабатывались эти формы, то

рассматривать все их как типичные только для андроновской культуры все же нельзя.

С большим основанием можно отнести к андроновским формам бусы кольцевидные, согнутые из отрезков проволоки и трубочатые браслеты на деревянном каркасе. Первые встречены только в одном абашевском памятнике-могильнике Метев-Тамак, а для андроновских погребений являются весьма обычными. Браслеты на деревянном каркасе найдены лишь на Мало-Кизыльском селище, в то время как с андроновской территории они известны шире.

Таким образом, устанавливается большая насыщенность абашевских памятников металлическими изделиями, что в первую очередь объясняется благоприятными природными условиями одного из районов обитания абашевских племен. Не подлежит сомнению, что Урал питал значительную, если не сказать огромную, территорию металлом. В разработке медных месторождений Южного Приуралья в эпоху бронзы участвовали андроновские и срубные племена. В более северных районах Южного Урала ведущая роль, по-видимому, принадлежала абашевским племенам. Уже сейчас при наличии весьма ограниченного материала выделяется значительное число форм орудий и предметов украшений, которые с полным основанием можно назвать абашевскими: орудия из изогнутых пластин, тупики, скобели и ножи верхнекизыльского типа, серпы баланбашского типа, ланцетовидные и тулоконечные ножи, копья верхнекизыльского и красноярского типа, бляшки-розетки, височные спиральные серебряные колечки, пронизки с ребристыми концами, круглые или овальные в сечении браслеты с несомкнутыми заостренными концами. Возможно абашевское происхождение желобчатых браслетов и серпов царвокурганского типа.

Абашевские металлурги создали ряд своеобразных форм орудий и предметов украшения из меди и бронзы. С абашевской культурой тесно связан и один из способов плавки руды — плавка в плоских чашах на ножках.

Этот способ от абашевских племен был заимствован их соседями — племенами среднего и южного Зауралья, которые также пользовались медными месторождениями Урала. Единичные находки обломков плавильных чаш баланбашского типа известны на андроновском поселении у с. Кипель, на стоянках эпохи бронзы близ Свердловска: Коптяки 2, Коптяки 5, Палкино. На стоянке Коптяки 5 найден обломок ошлакованного края такой чаши¹.

¹ О. А. Кривцова-Гракова, Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, стр. 66—69.

² С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М., 1951.

¹ Коллекция Свердловского музея.

Вопрос об источниках металла, о месторождениях меди, которыми пользовались абашевские племена, остается открытым за отсутствием достаточного количества химических анализов металлических изделий. Вещи из Коршуновского клада содержат примесь никеля (до 2%) и цинка и не содержит алюминия, что заставляет предполагать происхождение металла с Уральского хребта или из Зауралья¹. Характерно, что химический анализ ранних медно-бронзовых изделий турбинской культуры Прикамья указывает на их уральское происхождение и исключает использование для их изготовления ближайших к месту находки месторождений пермских медистых песчаников². Находки медистых песчаников и конгломератов на абашевских поселениях, на берегах среднего течения р. Белой, наравне с обломками плавильных чаш, указывают на использование вместе с тем и местных ресурсов. Анализ шлаков с селища Балабанаш³ обнаружил в них примесь наравне с никелем и мышьяком также алюминия. Таким образом, абашевские племена добывали металл из разных месторождений.

Добыча металла и производство металлических изделий абашевскими племенами на Урале не ограничивались внутренними потребностями, а в известной мере были рассчитаны на обмен и не только с соседними племенами. Достаточно напомнить о знаменитом Галичском кладе, не говоря уже о таких более территориально близких комплексах абашевских изделий, как Коршуновский клад и находки на Царевом кургане. Отдельные абашевские изделия проникали в среду племен срубной

культуры Нижнего Поволжья. По лесной полосе уральские изделия абашевских форм доходили до Прибалтики. В Эстонии, в могильнике Кивисааре, относящемся к концу II тысячелетия до н. э., найден серп или кривой нож⁴, аналогичный орудиям из абашевских памятников Урала.

Приведенные примеры с полной несомненностью свидетельствуют о степени мощи уральского металлургического очага, связанного с деятельностью в этой области, прежде всего, абашевских племен. Возникновение абашевской металлургии нужно относить к сравнительно раннему времени. Пластинчатые орудия и абашевские ножи выглядят весьма архаично и своеобразно. У абашевской металлургии два источника. Одни формы металлических изделий развиваются в тесной связи с фатьяно-балановскими, другие возникают на уральской почве, по-видимому, даже ранее первых. Все металлические предметы абашевских памятников Урала относятся к середине II тысячелетия до н. э. и не выходят за пределы третьей четверти. Это не совпадает с датировкой, принятой для абашевской культуры исследователями ее на территории Чувашии⁵, но согласуется с данными, полученными при изучении абашевских поселений Башкирии⁶.

Таким образом, абашевские металлические изделия являются самыми древними представителями металлургии Южного Урала, если не считать единичных находок типа ножа со стоянки Кысы-Куль.

¹ Л. Янитс, *Появление неолитические могильники в Эстонской ССР*, КСИИМК, 42, 1952, рис. 15, 6.

² О. А. Кравцов-Граков, *Абашевский могильник*, КСИИМК, XVII, 1947, стр. 98.

³ К. В. Салынский, *О датировке культур эпохи бронзы в юго-западной Башкирии*, «Научные исследования исторического факультета Уральского государственного университета за 1958 учебный год» (тезисы научной конференции), Свердловск, 1959, стр. 31—33; К. В. Салынский, *Некоторые сведения об эпохе бронзы Южной Башкирии*, «Башкирский археологический сборник», Уфа, 1959, стр. 44—45.

¹ Л. М. Каштанов, А. П. Смирнов, *Из истории металлургии Среднего Поволжья и Урала*, КСИИМК, 72, стр. 9.

² О. Н. Бадер, *Усть-Гайванский могильник и Подгремьянское местонахождение*, Ученые записки Молотовского университета, т. IX, вып. 3, Харьков, 1953, стр. 143—144.

³ Аппалз кафедры химии Уральского университета, 1952.

Л. Я. КРИЖЕВСКАЯ

ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ ЖЕЛЕЗА НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ БАШКИРИИ

В течение ряда лет, начиная с 1951 г., неолитический отряд Башкирской экспедиции Института археологии АН СССР проводил исследования на северо-востоке Башкирии, в бассейне р. Уфы, в ее среднем течении.

В результате этих исследований был выявлен и раскопан ряд многослойных памятников, нижние слои которых относятся к неолитическому времени, верхние же — к различным периодам эпохи железа. Публикация последних и является задачей настоящей статьи.

Наиболее интересны поселения, расположенные в устьях двух самых крупных притоков р. Уфы — Юрюзани и Ая. Оба они в большей степени, чем остальные, сохранили остатки, характеризующие некоторые стороны культуры и быта племен, населявших исследуемую территорию в разные отрезки времени.

Усть-Айское поселение (рис. 1, б) содержит наиболее отчетливо выраженные остатки двух периодов эпохи металла. Этот памятник расположен на мысе высокой 2-й террасы правого берега р. Уфы, против устья р. Ай. Описание его местоположения и внешнего облика уже было произведено в связи с публикацией неолитических поселений Южного Предуралья¹. Здесь же следует лишь подчеркнуть, что культурные остатки различных эпох его находились в относительно тонком слое в перемешанном состоянии. Это обстоятельство

затрудняет расчленение во времени некоторых остатков, в особенности керамики, часть которой не всегда удается с достоверностью отнести к тому или иному комплексу.

Изделия из металла представляют собой два одновременных комплекса: один из них содержит изделия из бронзы, другой — изделия из железа. К первому относятся два наконечника копий и бляха (рис. 2, 1—3). Наконечники копий — оба втульчатые. Один из них 16 см длины имеет плоское перо в форме вытянутого овала, в основании которого симметрично расположены сегментовидные прорезы, орнаментированные тремя тонкими рельефными полосками. Конусовидная втулка его округлая в поперечном сечении у основания и овальная у вершины, в отличие от основной массы подобных наконечников, у которых она, как правило, ромбическая в верхней своей части. Перо окаймлено несколько более массивной полосой с режущими краями. Между нею и втулкой расположены тонкие, слегка углубленные части пера, украшенные в верхней своей части, так же как и прорезы, тремя тонкими слегка наклонными рельефными полосками (рис. 2, 2). У второго наконечника длиной 11,6 см перо также плоское, в виде двух овальных выступов, но в отличие от первого оно цельнолитое, без прорезей. Конусообразная втулка, так же как у вышеописанного, округлая и овальная в сечении, от основания до острия (рис. 2, 1). Круглая бронзовая бляшка выпукло-вогнутая, с дуговидной петлей на внутренней поверхности. Диаметр ее 5,5 см

¹ Л. Я. Крижевская, Новые неолитические поселения Южного Предуралья, КСНИМК, 74, М., 1959, стр. 37—40.

(рис. 2, 3). Как показал качественный спектральный анализ, все три изделия сделаны из бронзы, примесь олова к меди составляет 1—5 процентов.

Все они имеют достаточно многочисленные и хорошо датированные аналоги. Так, наконечник большого размера, относящийся по классификации А. В. Збруевой к группе прорезных¹, весьма сходен, например, с наконеч-

выделенной А. В. Збруевой, группе ананьинских наконечников. Он так же, как и бляха находит прямые аналоги в погребениях 7 и 8 Морквашинского могильника¹. Таким образом, комплекс бронзовых вещей, по-видимому, отражает предананьинский (позднебронзовый) и раннеананьинский период существования поселения, т. е. относится к IX—VII вв. до н. э.

Возможно, что к этому же комплексу следует отнести обломок бронзового ножа, аналогии к которому подобрать затруднительно. Он представляет собой тонкую пластинку (длина 3,5 см) с приклепаным на конце болтиком, вставленную в бронзовую обкладку.

Помимо описанных изделий из бронзы, на поселении найдено несколько бронзовых пластинок, обломок оплывшего бронзового изделия неясного назначения и многочисленные бронзовые шлаки.

Керамика, относящаяся к этому периоду, представлена различной посудой. Так, она включает сосуды, имеющие ясно выраженные андроновские традиции в ее орнаментике. Среди них — небольшой тонкостенный сосуд (фрагменты) из глины с примесью талька, с небольшим резко отогнутым венчиком и выпуклыми плечиками. Орнамент его состоит из одного ряда треугольников, лежащих через один вершинами в противоположные стороны. Треугольники, лежащие вершинами вниз, заштрихованы рядами мелкого зубчатого штампа, противоположно направленными заполнены круглыми ямками. Ниже треугольников идет ряд насечек «елочкой» (рис. 3, 3, 5). Другой, также тонкостенный бомбовидный сосудик изготовлен из глины с примесью растительных остатков; высота его 5 см; диаметр верхнего края 4,7 см, наиболее широкой части 8,5 см. Орнамент, расположенный по верхней части, состоит из зигзагообразных вертикально направленных тонких насечек. Сосудик этот отличается от другой, найденной здесь посуды, некоторой небрежностью изготовления — отсутствием законченности верхнего края, неряшливо нанесенным орнаментом, что, возможно, связано с его назначением. Скорее всего это — детская игрушка (рис. 4, 1).

Другой тип посуды представлен обломками, преимущественно венчиков, не позволяющих полностью воспроизвести форму сосудов. Можно лишь отметить, что сам венчик относительно высокий (высота 3,5 см). Изготовлен он из глины с примесью песка широко распространенным, в частности, в ананьинской культуре приемом заглаживания травой или

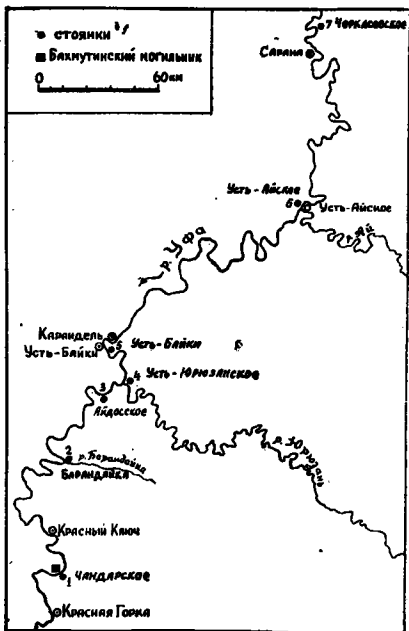

Рис. 1. Карта распространения поселений эпохи железа. 1 — Чандарское; 2 — Барандайка; 3 — Айдосское; 4 — Усть-Юрлязское; 5 — Усть-Байки; 6 — Усть-Айское; 7 — Черкасовское; 1—7 поселения с керамикой бахмутинского типа.

ником изклада, найденного у г. Бирска, хорошо датированного благодаря присутствию в нем вислобушного топора рубежом II и I тысячелетий до н. э.² Напоминает он также наконечник из могильника Маклашеевка II. Другой наконечник копья относится ко второй,

¹ А. В. Збруева, История населения Прикамья в ананьинскую эпоху, МИА, 30, М., 1952, стр. 93—97.

² А. П. Смирнов, Железный век Башкирии, МИА, 58, гл. I, табл. III, 1, 2, М., 1957, стр. 20—22.

¹ А. В. Збруева, Указ. соч., стр. 313—314, рис. 59а и 60е.

щетки внутренней, а иногда и наружной поверхности, что оставило на стенках сосудов штрихи, беспорядочно идущие в разных направлениях. Орнамент этой посуды состоит из коротких насечек (косых и в елочку) зубчатого штампа в комбинации с расположенными в один ряд выпуклинами (рис. 3, 1, 2, 4, 6, 7). Орнамент этот, судя по описанию, встречен на посуде Ядрарковского городища, относящегося к кара-абызской культуре¹. Вообще же выпуклины как элемент орнамента характерны для начала I тысячелетия до н. э.

По-видимому, к этой же поре относится и керамика, найденная в скоплениях на окраине поселения (кв. 54 и 55). Здесь оказалась масса обломков от разных сосудов, сходных между собой по тесту и орнаменту. Они принадлежат, судя по фрагментам, к довольно крупным широкогорлым сосудам, имеющим небольшой (высоты 2 см) относительно слабоотогнутый венчик. Орнамент их состоит из одного ряда крупных ямок, расположенных в основании венчика (рис. 3, 8). Отсутствие более определенных датирующих признаков заставляет относить эту посуду к тому или иному комплексу с некоторой долей вероятности. В то же время несомненно сходство ее с вышеописанной как по тесту, так и по манере изготовления (заглаживанием).

Итак, один из этапов существования Усть-Айского поселения относится к рубежу эпохи бронзы и железа и началу раннего железного века. Металлический инвентарь представлен апаьинскими формами, в то же время еще сохраняются некоторые традиции предшествующей эпохи, прослеживающиеся, в частности, в андроновских мотивах орнаментации посуды.

Что касается хозяйственной деятельности обитателей поселения, то дошедшие до нас материальные остатки, по-видимому, представляют ее несколько однообразно. Костные остатки домашних животных (лошади и домашне-го быка) говорят о занятиях скотоводством. Очевидно, имело место и земледелие, неразрывно связанное со скотоводством. Многочисленные шлаки, обмазки горна, кусочки брон-

зовых пластинок свидетельствуют о развитой металлургии меди и бронзы.

Ко времени Усть-Айского поселения, очевидно, относится небольшая стоянка в Гилевской пещере, расположенной на левом берегу р. Уфы против дер. Усть-Байки Карандельского района (рис. 1, 5). М. Д. Гвоздовер, посе-

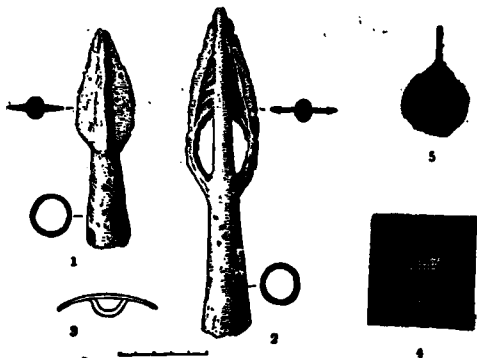

Рис. 2. Усть-Айское поселение.

—3, 5 — наделки из бронзы; 4 — хрустальная булавка.

тившая пещеру в 1951 г., сообщает следующее: «Пещера расположена на высоте 25—30 метров над уровнем реки в массиве известняков. Входом она обращена на Ю-ЗЗ. Площадка перед пещерой имеет протяжение около 2-х метров. На этой площадке недалеко от входа в пещеру был заложен шурф 6 кв. м (3×2 м). На глубине 1 м оказались мелкие обломки керамики, сосредоточенные, преимущественно, вокруг остатков очага, в виде обожженных камней, угля и золы. Керамика имеет следы заглаживания с обеих поверхностей зубчатой лопаточкой. Преимущественная примесь к глине — тальк. Некоторые фрагменты сплошь орнаментированы коротким зубчатым штампом, на некоторых имеются цилиндрические ямки, на других — полукруглые и бобовидные вдавления. В двух случаях на шейке сосуда прослеживается нарезной орнамент».

Керамика из Гилевской пещеры, по мнению М. Д. Гвоздовер, не находит себе прямых аналогий. Однако характер ее орнаментики, насколько можно проследить, форма сосудов и состав глиняного теста позволяют отнести ее к самому концу эпохи бронзы, а может и к

¹ А. П. Смирнов, Указ. соч., стр. 30.

самому началу эпохи железа¹. Из других поселений наиболее близким Усть-Айскому по времени являются, очевидно, Усть-Юрюзанское (основной его комплекс) и Черкасовское.

Усть-Юрюзанское поселение располагалось на второй террасе левого берега р. Уфы в 1 км выше устья р. Юрюзани (рис. 1, 4). Общие сведения о поселении изложены в связи с публикацией неолитического слоя². Укажем тол-

вались и основные культурные комплексы — очаги, выложенные из камней, очажные слои и скопления обломков керамики, принадлежащие иногда одному, иногда разным сосудам.

Пять очагов, выложенные плоскими плитками известняка, в основных чертах однотипны. Все они сложены в основании культурного слоя или несколько ниже (на 10—12 см), в небольшом углублении. Толщина слоя камней 12—15 см. Форма очагов приближается к овалу размером около 1,25×0,5 м. Камни очагов обожжены, вокруг них и между ними земля сильно прокалена. У края одного из очагов обнаружено скопление обломков сосудов, среди которых находилась почти целая круглодонная чашка. На расстоянии одного метра от этого очага оказался мощный очажный слой (до 40 см толщины), состоящий из массы угля, золы и обожженной земли, содержащей большое скопление обломков различных сосудов.

Все это свидетельствует о существовании здесь длительного, постоянно обитаемого поселения, сохранившего, судя по его очертаниям (200×6—8 м), лишь узкую окраинную полосу некогда очень большого селища.

Основным видом культурных остатков является керамика, представленная большим количеством (около 4000 обломков) разных сосудов. Кроме нее, найдены изделия из железа и кости животных.

Мы предполагаем, что в Усть-Юрюзанском поселении, так же как в Усть-Айском, имеется два разновременных комплекса. Выражены они не столь отчетливо потому, что хорошо датированные изделия из

железа относятся только к одному комплексу, другой же представлен лишь керамикой, труднее поддающейся определению во времени, благодаря длительному переживанию архаических черт. Последний, более древний комплекс содержит около 90 процентов всей обнаруженной керамики. С ним, судя по количеству находок и распространению их по всей площади памятника, и связано основное время существования селища.

Рис. 3. Усть-Айское поселение. Керамика.

ко, что поселение занимало центральную часть террасы, общая площадь его составляла около 850 м². В центре поселения, где слой был наиболее мощным и насыщенным, сосредоточи-

¹ М. Д. Гвоздовер, Отчет к открытому листу № 105 за 1951 г., Архив ИА.

² См., например, Л. Я. Крижевская, Кремнеобработывающая неолитическая мастерская и поселение на северо-востоке Башкирии, МИА, 79, М.-Л., 1960, стр. 247—251.

Керамика древнего комплекса представлена двумя типами сосудов: невысокими круглодонными чашками и более крупными широкогорлыми круглодонными, либо со слегка уплощенным дном горшками.

Керамическое тесто подавляющего большинства сосудов, в основном крупных, изготовлено с примесью растительных веществ. Приемом отделки посуды, сделанной из этого теста, являлось заглаживание травой или щеткой внутренней, а иногда и внешней поверхности, оставившее, так же как на сосудах Усть-Айского поселения, штрихи, идущие в различных направлениях.

Для горшков, представленных несколькими целыми экземплярами и крупными частями сосудов, характерен невысокий, как правило, несколько отогнутый венчик, слегка выпуклые плечики, округлое или чуть-чуть приплюснутое днище. Диаметр верхнего края их колеблется в пределах 23—30 см, толщина стенок 0,6—0,9 см при общей высоте 21—23 см (рис. 5, 2, 3).

Около 15 процентов посуды, состоящей почти сплошь из невысоких чашек, изготовлено из глины с примесью большого количества талька. Они также представлены, помимо обломков, несколькими целыми (реставрированными) экземплярами (рис. 5, 1 и 6, 1, 3). Чашки имеют 7—9 см высоты при диаметре верхнего края 11—12 см. Небольшой венчик (1,5—2 см) незначительно отогнут, плечики выпуклые слегка и значительно. Кроме двух основных типов посуды, имеются еще миниатюрные сосульки, аналогичные по величине усть-айскому. Высота одного из них, найденного целым, 4,5 см, диаметр по венчику 8 см. В остальном он повторяет форму чашки (рис. 6, 2).

Для орнаментации усть-юрюзанской посуды характерно расположение узора в верхней части сосуда или же только по венчику. Из общего количества обломков венчиков в 430 экземпляров без орнамента только 5 обломков; из общего количества обломков стенок орнаментировано 147, причем все они принадлежат частям сосудов, непосредственно прилегающим к венчику.

Орнамент довольно разнообразен, хотя элементов его немного и разнообразие является следствием различной композиции узора. В основе орнамента каждого сосуда лежит ряд ямок, расположенных в основании венчика. Среди крупных сосудов имеется группа, у ко-

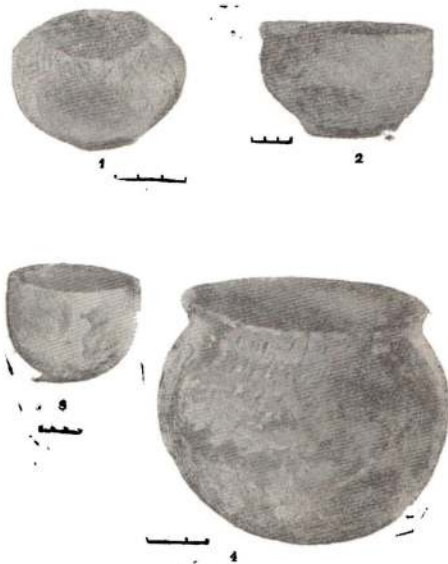

Рис. 4. Усть-Айское поселение. Сосуды.

торой орнамент и ограничивается таким рядом ямок, расположенных на равном друг от друга расстоянии или сгруппированных по две и по три (рис. 7, 1, 5, 6). Большая же часть посуды имеет комбинированные, порою сложные узоры, образованные сочетанием ямок и оттисков различных штампов.

Простейшим из них является орнамент из ямок в сочетании с несколькими рядами коротких насечек, расположенных по венчику и плечикам (рис. 8, 1—6). Весьма распространена в качестве составной части узора волнистая рельефная полоса в основании венчика, по двум сторонам которой, в вогнутой ее части,

располагаются в шахматном порядке два ряда ямок (рис. 8, 5 и 9, 5, 8, 9).

Не менее широко применялись в комбинации с ямками шнуровые узоры, являющиеся наиболее разнообразными и сложными в усть-юрюзанской керамике. Шнуровой орна-

широкие пояса, расположенные по венчику и направленные, как это часто можно видеть на уральской керамике, под углом друг к другу. Короткие косо поставленные витки спускаются до плечиков (рис. 9, 9).

На ряде сосудов шнуром воспроизведен геометрический узор из ромбов (рис. 9, 3, 5). Наиболее сложным узором, выполненным при помощи шнура, является комбинация из прямых и наклонных линий, углов и треугольников в сочетании с рядами ямок, иногда еще и с волнистой рельефной линией в основании венчика (рис. 9, 6, 8, 10). Этот орнамент, придающий керамике весьма нарядный облик, в большинстве случаев принадлежит небольшим сосудам, изготовленным из талькового теста, и лишь в единичных случаях он прослеживается на крупных горшках.

Наименее распространенным элементом орнамента, но все же присутствующим в комбинированных узорах, является зубчатый (гребенчатый) штамп. Им нанесены короткие косые насечки, сочетающиеся с ямками, а иногда с отрисками шнура (рис. 7, 3, 7).

Кроме керамики, объединенной в большие и небольшие группы, имеется несколько фрагментов оригинально орнаментированной посуды из глины с примесью большого количества талька. Они принадлежат низким широкогорлым сосудам с относительно высоким, сильно отогнутым венчиком.

Орнамент состоит из рядов коротких перекрещивающихся в виде знака умножения насечек. В основании венчика расположены 2 ряда крупных ямок, нанесенных в шахматном порядке.

Керамика эта как по тесту, так и по орнаменту находит прямые аналогии в Зауралье, в посуде так называемого гамаюнского типа, распространенной преимущественно в Свердловской области в поселениях, относящихся к концу эпохи бронзы и началу железа¹.

¹ Е. М. Берс. Памятники и керамика Гамаюнской культуры. Сб. «Из истории Урала», Свердловск, 1960, стр. 75—86, рис. 1, 1—5.

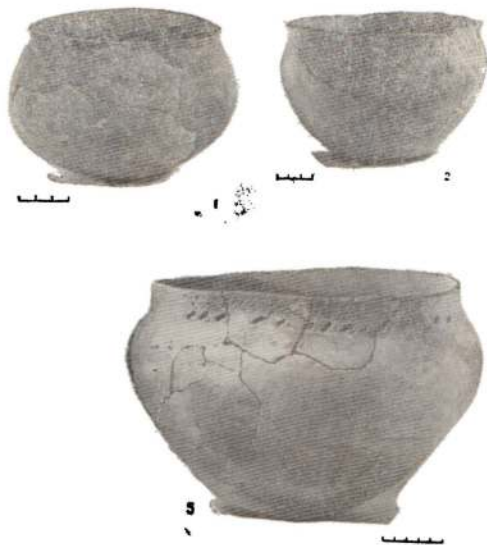

Рис. 5. Усть-Юрюзанское поселение. Сосуды.

мент разнообразен не только по своей композиции, но и по применению для его нанесения различных нитей — тонкой и толстой, простой и крученой. Оттиски шнура, расположенные под различным углом к поверхности сосуда, напоминают на первый взгляд иногда треугольный штамп, иногда неолитический «струйчатый» орнамент. Однако при более детальном рассмотрении узора совершенно очевидно, что это не что иное, как разнообразные отпечатки шнура. Наиболее простая композиция состоит из ряда ямок, окаймленных двумя-тремя горизонтальными рядами шнура (рис. 7, 8). Более сложный узор, выполненный толстой крученой веревкой, представляет собой

Итак, для усть-юрюзанской керамики характерно два типа посуды, небольшое количество элементов орнамента (ямки, шпур, насечки, редко «гребенка») и повторяемость с небольшими вариациями нескольких узоров. Наиболее близкие аналогии усть-юрюзанская посуда имеет в ананьинской керамике, пожалуй, больше в собственно ананьинской, чем в кара-абызской, от которой ее отличает, помимо состава теста, техника изготовления — отсутствие ангоба и лощения поверхности. Аналогии с ананьинским прослеживаются в основных чертах — форме (ананьинская низкая чашка) и в орнаменте (ямки и шпуровые мотивы)¹. Правда, керамика нашего селища не тождественна ананьинской; основное, что отличает ее от последней, — это состав керамического теста. В юрюзанской керамике отсутствует в качестве примеси к глине толченая раковина, широко применяемая ананьинцами и караабызцами. Здесь она заменена другими органическими остатками, которые, исчезнув со временем, оставили на обеих поверхностях сосудов пустоты и выщербины. Имеются также отличия в деталях орнамента, отсутствует ананьинский «воротничок», не совпадает и композиция сложных узоров. Подобные различия, однако, имеют место и в различных группах памятников самой ананьинской культуры и вполне закономерны в керамике селища, расположенного столь отдаленно от собственно ананьинской территории.

Нам представляется, таким образом, что усть-юрюзанское поселение отражает ананьинское время на северо-востоке Башкирии и расширяет представление о башкирском варианте этой культуры, уже известном по Кара-Абызскому² и другим городищам, а также по ряду случайных находок, среди которых особенно интересными, в связи с нашим селищем, являются бронзовые вещи ананьинской эпохи, найденные на р. Уфе, близ дер. Чандар³.

Следует, однако, заметить, что датировка этого комплекса ананьинским временем делается нами с некоторой оговоркой. Известно, что уральская керамика очень консервативна. Она претерпевает мало изменений и на протяжении тысячелетий сохраняет свои архаические черты. М. В. Талицкий при исследовании Роданова городища убедительно показал длительное переживание одних и тех же форм

керамики в эпоху раннего, среднего и позднего железа⁴.

Поскольку в слое нашего селища содержится изделия из железа явно значительно более позднего времени, имеется некоторая возможность рассматривать целиком всю керамику как пережиточную и составляющую единый комплекс с железными предметами. Против такой трактовки говорит, однако, то обстоятельство, что, как мы увидим ниже, здесь имеется другая посуда, вполне соответствующая по времени изделиям из железа. Она хорошо из-

Рис. 6. Усть-Юрюзанское поселение. Сосуды.

вестна по многим другим памятникам и нигде не встречается в комплексе с нашей основной керамикой. Исходя из этого, так же как из прямых вышеприведенных аналогий, мы склонны все же считать, что описанная керамика относится к ананьинскому времени на территории северо-востока Башкирии.

Остается сказать несколько слов о хозяйственной деятельности обитателей поселения, данные о которой у нас крайне ограничены: костные остатки свидетельствуют о занятии жителей скотоводством, несколько более разнообразным, чем в Усть-Айском поселении.

¹ А. В. Збруева, История населения Прикамья, т. III, стр. 66—74, табл. XIV, XV.

² А. В. Шмидт, Археологические изыскания Башкирской экспедиции АН, Приложение к журн. «Хозяйство Башкирии», № 8—9, Уфа, 1929, стр. 1—15.

³ А. П. Смирнов, Указ. соч., стр. 31.

⁴ М. В. Талицкий, Верхнее Прикамье в X—XIV вв., МИА, 22, М., 1951, стр. 55, 69, 75, рис. 34.

Из общего количества определимых костей больше всего принадлежит домашнему быку (31 экз.). Кроме того, имеются кости лошади (9 экз.), козы или овцы (12 экз.) и свиньи (3 экз.)¹. Земледелие можно лишь предполагать.

Некоторые данные свидетельствуют и о занятии металлургическим производством; об

камне в поселениях эпохи бронзы, и ананьинских; они единодушно рассматриваются исследователями как инструмент для дробления руды. Здесь же найден и сосуд-лячок, применявшийся, как показал спектральный анализ его ошлакированной поверхности, для выплавки олова. Он свидетельствует о применении простейших приемов плавки на открытом воздухе¹. Как сосуд-лячок, так и молот говорят также в пользу датировки поселения ананьинским временем.

По-видимому, к этому же времени относится верхний слой Черкасовской стоянки² (рис. 1, 7), в котором обнаружено довольно большое количество очень мелких обломков сосудов. Судя по общему облику этой керамики, его тесту (с примесью растительных остатков или же талька) и орнаменту (один ряд ямок по венчику или комбинация их с оттисками шнура), керамика очень сходна с усть-юрюзанской (рис. 7, 2, 4 и 9, 1, 4).

Второй комплекс Усть-Юрюзанского поселения значительно меньший по количеству изделий и по площади их распространения. Находятся лишь в северной части поселения и не связываются с очагами и очажными пятнами. Очевидно, во второй период своего существования поселение было значительно более кратковременным, чем в первый. Этот комплекс содержит изделия из железа и керамику.

Среди изделий из железа имеется 4 наконечника стрелы. Два из них плоские, небольших размеров. Длина одного 5 см, другого 5,3 см (черешок обломан). Два других, имея грань по центральной линной оси, ромбические в сечении. Один из них 8,7 см длиной, другой 9,6 см (рис. 10, 1—4). У первого черешок четырехгранный, постепенно заостряющийся книзу. У пера в месте соединения с черешком образованы выступы. У второго черешок плоский, с овальными выступами по бокам.

Кроме наконечников, найдено 2 ножа. Один из них 17 см длины с узким, сильно сточенным лезвием, узким коротким черешком и

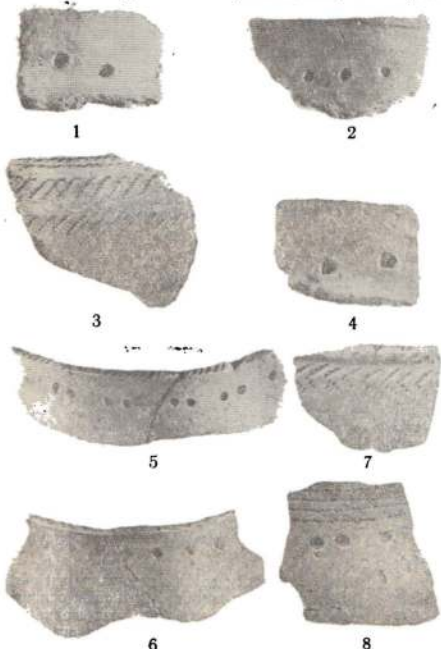

Рис. 7. Керамика с ямочным, гребенчатым и веревочным орнаментом.
1, 3, 5, 6, 7, 8 — Усть-Юрюзанская; 2, 4 — Черкасовская.

этом говорит находка массивного каменного молота с каменной же рукоятью, имеющего следы сильной сработанности рабочей части. Подобные молоты хорошо известны в При-

¹ Бесспорных доказательства принадлежности костных остатков данному комплексу не имеется. Они связываются лишь предположительно, в частности, на основании распространения костей животных по площади поселения вместе с ананьинской керамикой.

¹ Л. Я. Крижевская, Сосуд для плавки металла ананьинского времени, КСИИМК, 77, М., 1959, стр. 109—111.

² Г. Н. Матюшин, Памятники каменного века на территории БАССР, «Башкирский археологический сборник», Уфа, 1959, стр. 18—19.

двумя симметрично расположенными небольшими выступами в месте соединения лезвия с черешком (рис. 10, 6). Аналогичный ему нож имеется в инвентаре Бахмутинского могильника¹. Второй нож найден в обломке (длина 11,5 см). В черешковой части его имеется небольшой приклепанный гвоздь (рис. 10, 9). Среди железных изделий имеется еще псаля, один (прямой) конец которой расплюсчен, другой, утолщенный, согнут под прямым углом. В центре — два отверстия² для скрепления ее с другой частью упряжи (рис. 10, 5).

Наконечники стрел, особенно более крупные, имея отчетливо выраженную форму, хорошо датируются концом I тысячелетия н. э., приблизительно VIII в. Этой дате соответствует и керамика, которая несет все черты известной бахмутинской посуды. Она изготовлена из глины с примесью крупной дресвы и украшена типичным бахмутинским орнаментом: рядами редко расположенных ямок, беспорядочно покрывающих всю поверхность сосуда (рис. 11, 3; 7). Керамика представлена только стенками сосудов, верхний край их отсутствует. Это не дает возможности воспроизвести форму посуды. Лишь два фрагмента венчиков имеют относительно большую высоту и прямые очертания.

Таким образом, второй усть-юрюзанский комплекс относится к бахмутинской культуре, судя по формам наконечников стрел, к самому последнему периоду ее существования.

Одновременными ему являются селища у мыса Айдос³ и на р. Барандайке. Оба они, так же как и Усть-Юрюзанское, невелики по размерам занимаемой площади и по количеству сохранившихся остатков. Оба содержат керамику бахмутинского типа с характерным для нее орнаментом. На Айдосском поселении (рис. 1, 3) вместе с керамикой найден железный наконечник остроги (обломок) с одним небольшим округлым зубом и литой втулкой (рис. 10, 10) (длина обломка ее 7 см). Керамика, собранная на Айдосском поселении, очень фрагментарна и не дает представления о форме сосудов (рис. 11, 2, 5).

Поселение на р. Барандайке (рис. 1, 2) расположено в устье этой речушки, впадающей с левого берега в р. Уфу напротив мыса Ельдяк. Оно занимало небольшую мыс третьей террасы, образованный левым берегом Барандайки и Уфимки, и содержало немногочисленную, но выразительную бахмутинскую керамику

ку (рис. 11, 1, 6), среди которой имеется один крупный сосуд (обломок) с широким горлом. Диаметр верхнего края равен 23 см, венчик относительно высокий (3 см высоты), нерезко отогнутый, плечики слегка выпуклы. Орнаментирован он рядами ямок (рис. 11, 1). Обломок

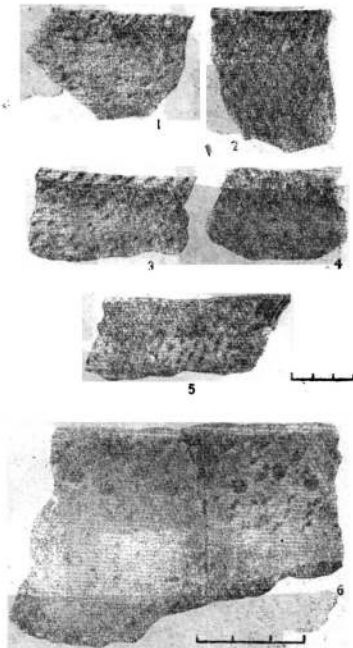

Рис. 8. Усть-Юрюзанское поселение. Керамика.

другого сосуда принадлежит керамике, редко встречающейся в бахмутинской культуре и обнаруженной в единичных черепках А. В. Шмидтом в бахмутинском могильнике. Ее отличает орнамент, состоящий из пояaska насечек в елочку и рубчика по верху сосуда (рис. 11, 4). Видимому, посуда бахмутинского типа была обнаружена на Барандайке и М. Д. Гвоздовер, которая пишет следующее: «Примесь в глиняном тесте — грубая дресва, стенки сосу-

¹ А. В. Шмидт, Указ. соч., стр. 21, табл. I, 11.

² Одно отверстие заплыло и на фотографии не видно.

³ Г. Н. Матюшин, Указ. соч., стр. 22—24.

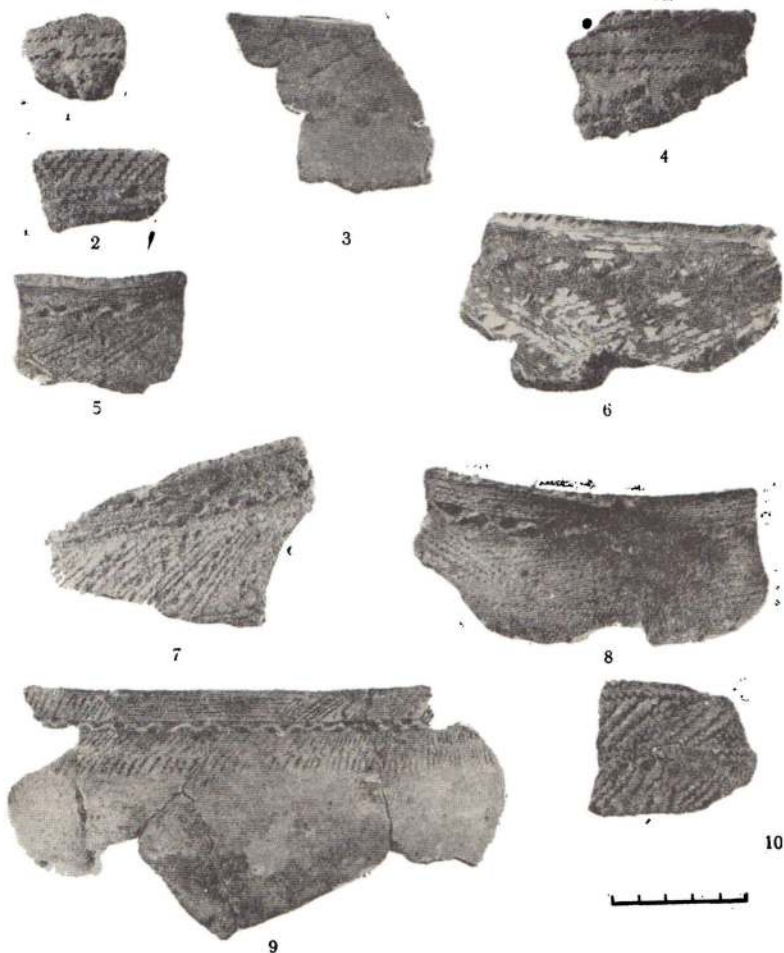

Рис. 9. Керамика с «веревочным» орнаментом.
 2, 3, 5-10 — Усть-Юрюзанская; 1, 4 — Черкасовская.

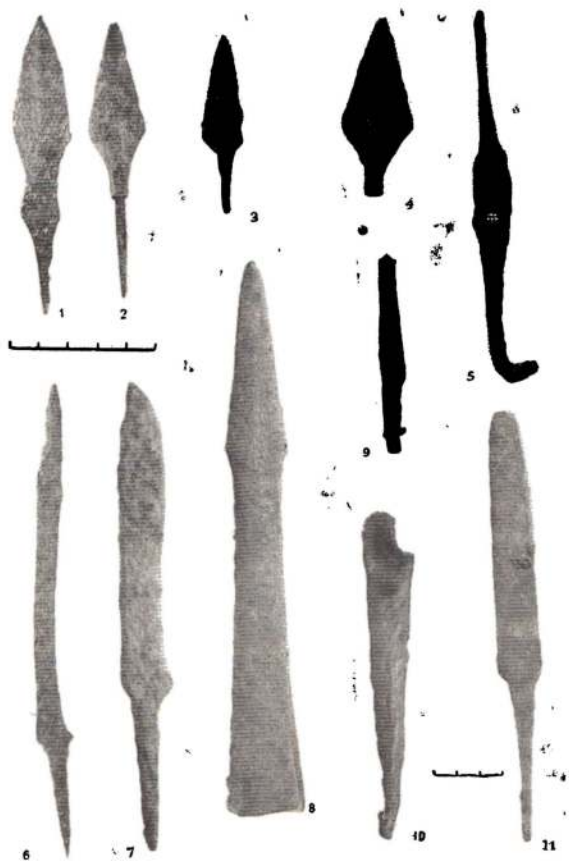

Рис. 10. Изделия из железа.

1-6, 9 — Усть-Юризавское; 7, 8, 11 — Усть-Айское; 10 — Айловское.

дов имеют толщину 0,7—0,2 см. Орументированы сосуды рядами редко расположенных цилиндрических ямок различного диаметра. М. Д. Гвоздовер отмечает также сходство этой керамики с частью усть-юрюзанской посуды¹.

Итак, в среднем течении р. Уфы, на относительно близком расстоянии друг от друга располагалась группа поселений: (4 селища, включая Чандарское (рис. 1, 1), относящихся к бахмутинской культуре. Они содержат керамику, поразительная однородность которой

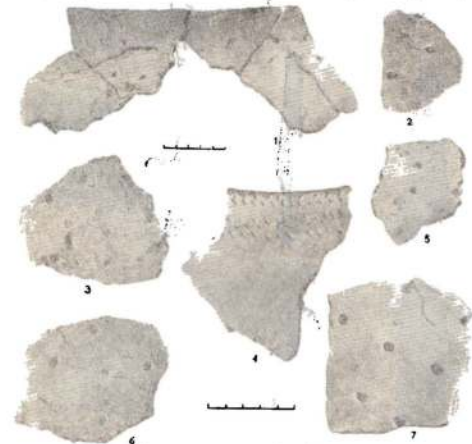

Рис. 11. Керамика бахмутинского типа.
1, 4, 6—Барандайка; 3, 7—Усть-Юрюзанская; 2, 5—Айдосская.

уже неоднократно отмечалась исследователями².

Их родовым кладбищем, очевидно, был бахмутинский могильник. Интересно отметить, что все поселения расположены на левом берегу Уфы, могильник — на правом ее берегу. При захоронении, следовательно, обязательно перевозили покойного через реку. Надо полагать это обстоятельство не случайным, а связанным с религиозными верованиями носителей бахмутинской культуры, восходящими к глубокой древности.

¹ М. Д. Гвоздовер, Отчет на открытый лист № 105, 1951 г.

² Н. А. Мажитов, Поселения бахмутинской культуры, «Башкирский археологический сборник», Уфа, 1959, стр. 143—151.

Известно, что еще в эпоху неолита места родовых кладбищ отделялись водой. Это, очевидно, было связано с представлением неолитического человека о местонахождении мира мертвых «за водой». Подобное представление о загробном мире, о связи его с водой было присуще почти всем народам. Оно нашло отражение в их легендах и сказаниях. Так, в карельском эпосе «Калевала» Герой его добирается в царство мертвых «Через реку и через пролив»¹. В фольклоре некоторых сибирских народов, например, манси, фигурирует легендарный перевозчик душ умерших². Представление об отделении мира мертвых людей породило обычай многих народов Сибири хоронить покойников в лодках³.

Можно было бы еще увеличить количество примеров, но и приведенных достаточно, чтобы представить себе, насколько широко у первобытных народов было распространено представление о связи мира мертвых с рекой, о необходимости отделения его водой от реального мира. Вполне вероятно, что не избегли этого представления и носители бахмутинской культуры, с чем связано расположение их кладбища на противоположном поселением берегу реки.

Чтобы закончить описание памятников, нужно еще коснуться второго комплекса находок Усть-Айского поселения. Он содержит изделия из железа — ножи и наконечники копья и предметы украшений.

Утульчатый наконечник копья имеет 23 см длины. Утулка его, округлая в сечении, относительно длинная (14,5 см), переходит в четырехгранное в сечении перо, имеющие небольшие выступы в основании (рис. 10, 8). Железные ножи — один 18,5, другой 14,5 см длины, оба однолезвийные (рис. 10, 7, 11). Грань, противолежащая лезвию, относительно широкая (0,4 см ширины). У ножа меньших размеров лезвие сильно сточено, конец проти-

¹ Н. Н. Гурьина, Оленеостровский могильник, МИА, 47, гл. Верования, М., 1956, стр. 233—234.

² Д. Н. Анучин, Саян, лада и кони как принадлежности похоронного обряда, гл. II, Древности, т. XIV. М., 1890, стр. 102.

³ В. И. Анучин, Очерки шаманства у енисейских остяков, Сб. МАЭ, т. II, вып. 2, 1914, стр. 12.

воположный рукоятке, заострен (у второго ножа он обломан). Черенки у обоих плоские, заостряющиеся к наружному концу. В целом, ножи имеют почти современную форму. Помимо изделий из железа, на поселения найдены многочисленные железные шлаки, свидетельствующие о занятиях обитателей селища металлургией железа.

Из украшений одно является бронзовой подвеской, состоящей из тонкой круглой пластинки диаметром 2 см с приклепанным к нему небольшим проволочным ушком (рис. 2, 5), другое — шаровидной, слегка приплюснутой с двух сторон, просверленной хрустальной бусиной (диаметр 2 см) (рис. 2, 4). К этому же комплексу относится глиняное плоское биконическое прясло, наибольший диаметр которого 4 см.

Что касается найденной на поселения керамики, явно отличающейся от керамики эпохи раннего металла, то она скорее относится ко второму комплексу, чем представляет собой нечто самостоятельное, хотя хорошо датированных признаков она не имеет. Эта керамика представлена тремя типами сосудов, найденных целыми и в обломках.

Один сосуд, изготовленный из глины с примесью органических остатков, 12 см высотой имеет бомбовидную форму и округлое днище. Диаметр верхнего края его 11,5 см, венчик невысокий (высота 1,5 см), слегка отогнутый, плечики незначительно выпуклые. Диаметр сосуда по плечикам 14,5 см. Орнамент его состоит из нескольких рядов коротких насечек, нанесенных по венчику и плечикам (рис. 4, 4). Два других сосуда сделаны из глины с примесью талька. Один из них представляет собой невысокую широкогорлую чашку, высота ее 9 см, диаметр горла, являющегося наиболее широкой частью сосуда, 13,5 см. Небольшой венчик слабо отогнут, плечики почти не выделены. Округлое днище имеет едва заметное утолщение. На стенках сосуда сохранилось свидетельство реставрации его в древности: три бронзовые пластинки-скрепки, каждая из которых пропущена с наружной стороны, и 2 специально высверленные по обсем сторонам залома дырочки (рис. 4, 2).

Третий сосуд имеет полуяйцевидную форму. Высота его 8,5 см, диаметр горла 9,5 см. Стенки прямые, заканчиваются прямым краем. Венчик не выделен, бережок ровный, 0,3 см ширины. На стенках сосуда имеются 2 просверленные дырочки по бокам залома, служащие для скрепления его частей. Оба сосуда не орнаментированы (рис. 4, 3).

Более или менее точная датировка этого комплекса затруднительна из-за отсутствия

хорошо датированных предметов. Правда, наконечник копья имеет довольно широко распространенную форму. Аналогия ему можно встретить в некоторых культурах середины и конца I тысячелетия н. э. в Прикамье¹. Однако эти аналогии слишком общи и точности датировки не способствуют. Во всяком случае, исходя из формы железных вещей и в особенности ножей, по-видимому, наиболее правильным будет отнести этот последний этап существования Усть-Айского поселения к концу I тысячелетия н. э., VII—IX вв. Этой дате не противоречит как форма прясла, так и бронзовая подвеска. Что касается керамики, то выше мы уже отмечали возможность длительного переживания ею архаических форм. Обращает внимание отсутствие бахмутинской посуды, что говорит скорее всего о послебахмутинском времени селища, хотя не исключена принадлежность его к иной культуре.

Итак, многослойные поселения на северо-востоке Башкирии представляют в наше распоряжение новые данные о заселенности этой территории с конца 3 тысячелетия до н. э. в непрерывном развитии здесь культуры в течение почти трех тысячелетий, о переходе, в частности, охотничье-рыболовческого хозяйства к оседлому скотоводческому.

Эти данные свидетельствуют в то же время, что предки башкир отнюдь не были только кочевниками-скотоводами. Очевидно, что появившиеся на территории Башкирии в середине I тысячелетия н. э. кочевые племена, вошедшие впоследствии в состав башкирского народа, столкнулись с местной прогрессивной развивающейся культурой издавна проживавших здесь оседлых племен охотников и скотоводов. Подобные соображения высказывал С. И. Руденко², рассматривая вопросы занятий и образа жизни башкир.

В этой же связи любопытны свидетельства путешественников последней трети XVIII в. о некоторых признаках оседлости башкир, расселившихся по рр. Уфе и Аю, а именно о навах землячества и наличии у них постоянных деревень³.

Нельзя ли в этом увидеть подтверждение того, что культура местных племен, уходящая своими корнями в глубокую древность, сыграла определенную роль в формировании современного башкирского народа.

¹ См., например, О. Н. Бадер, Археологические памятники Прикамья, Пермь, 1950, гл. IV, § 7, стр. 62, рис. 22, 3; В. Ф. Геленг, Археологические памятники Удмуртии, Ижевск, 1958, гл. III, §3, стр. 97—99, рис. 34, 7 и 43, 2.

² С. И. Руденко, Башкирия, гл. IV, М., 1955, стр. 61—65.

³ Там же, стр. 63.

М. Х. САДЫКОВА

САРМАТСКИЙ КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК У ДЕР. СТАРЫЕ КИШКИ

Археологической экспедицией Института истории, языка и литературы БФАН СССР с 1957 г. возобновлены раскопки курганного могильника у дер. Старые Кишки Кармаскалинского района Башкирской АССР.

Исследование этого могильника было начато в 1934 г. Уфимской археологической экспедицией ГАИМК, работавшей по трассе строительства железнодорожной линии Уфа — ст. Ишимбаево. В том году из курганной группы, насчитывавшей 15 насыпей, был раскопан один курган IX (рис. 1), отнесенный автором раскопок П. А. Дмитриевым к памятникам раннесарматской культуры IV—I вв. до н. э.¹ В 1957—1958 гг. было раскопано еще четыре кургана XI, XIII, XIV, XX (рис. 1), относящихся к тому же времени. Курганный могильник у дер. Старые Кишки представляет собою памятник раннесарматской культуры, слабо изученной на территории Башкирии.

Целью данной статьи является путем полной публикации ввести в научный оборот материал раскопок 1957—1958 гг., представляющий интерес не только для вопроса о пребывании сарматов в Южной Башкирии, но и для изучения истории и культуры сарматов в целом.

Курганный могильник у дер. Старые Киш-

ки, состоящий из 20 насыпей¹, расположен на второй надпойменной террасе левого берега р. Белой. Курганы находятся на поле (I—II), на кладбище (III—VIII), на выгоне (IX—XI), на улицах деревни (XII—XV, XVII, XIX—XX) и на огородах (XVI, XVIII). Все они имеют форму шарового сегмента высотой от 0,10 до 2,10 м, диаметром от 18 до 30 м.

Насыпи некоторых курганов были нарушены бышими на них постройками (XI, XIII, XIV, XX) и современными захоронениями (III—VIII). В первую очередь были раскопаны курганы, которые намечались колхозом к срытию при постройке дороги (XI, XX), и курганы, вошедшие в участок, дополнительно выделенный колхозникам под индивидуальные огороды (XIII, XIV). Снятие насыпи курганов проводилось частично с помощью бульдозера. Курган XIII был раскопан вручную, методом кольцевых траншей.

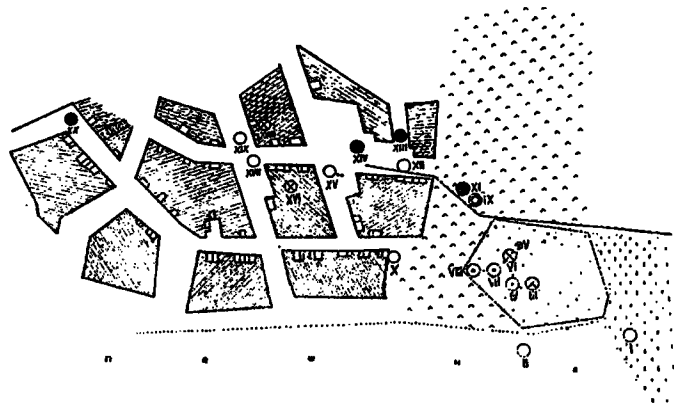
КУРГАН XI

Находится на восточной окраине деревни (рис. 1). Высота кургана 1,70 м, диаметр 22 м. На кургане когда-то стояла кузница, при постройке которой были нарушены центральная часть насыпи и погребение 20 (табл. I, 1). Курган содержал 20 погребений: 8 мужских, 6 женских, 4 детских, одно погребение с костяком, пол которого не был определен, и одно погребение содержало один женский и один

¹ Курганы III, V, VI, XVI, XVIII открыты экспедицией 1957 г.

¹ П. А. Дмитриев и К. В. Сальников, Башкирская АССР, г. Уфа — станция Ишимбаево, «Археологические исследования в РСФСР 1934—1938 гг.», М.—Л., 1941, стр. 135—145.

Условные обозначения:

	- луговина		- курган, раскопанный в 1934 г.
	- поле		- курганы, раскопанные в 1957-58 гг.
	- современное кладбище		- курганы, выявленные в 1957 г.

Рис. 1. План курганной группы у дер. Ст. Княжки (1957 г.).

мужской костяки; 12 погребений было грунтовыми, 8 — в насыпи.

Погребение 1 (юго-западный сектор). Узкая могильная яма ориентирована с запада на восток с небольшим отклонением. Длина ее 1,42 м, ширина 55 см, глубина 2,25 м. В могиле лежал вытянуто на спине костяк очень плохой сохранности. У ног костяка обнаружена лопаточная кость барана, под ней куски мела. Из инвентаря найдены лишь четыре бусины: две стеклянные, круглые, с круглой широкой просверлиной, одна пастовая, такой же формы, и одна костяная, полусферическая.

Погребение 2 обнаружено в юго-западном секторе. На глубине 2,22 м от центра насыпи выявлена могильная яма, направленная с запада на восток с небольшим отклонением. Она имела форму четырехугольника длиной 2,45 м, шириной 1,25 м, с округлыми углами, несколько суженную в восточной части. На

дне могилы найден скелет коня, который лежал головой на восток, ближе к северной стенке могилы. В юго-восточном углу могилы были найдены несколько кусочков угля (табл. 1, 2, А). При обследовании дна ямы, в которой лежал скелет коня, оказалось, что, начиная от середины и далее к западной стенке, глина была нарушена, а при углублении в северной и в южной стенках ямы обнаружились подбой. На глубине 63 см от дна могилы с конем обнаружился человеческий костяк, голова и ноги которого помещались в подбоях. Общая глубина могилы с костяком от вершины насыпи составляла 3,18 м. Могильная яма, в которой, судя по инвентарю, похоронен костяк женщины, была ориентирована с северо-запада на юго-восток и, таким образом, находилась как бы в перпендикулярном отношении к погребению с конем (табл. 1, 2, Б). Погребенная лежала на спине с вытянутыми руками и ногами, головой на юго-восток (табл. 1, 2, В). Длина костяка

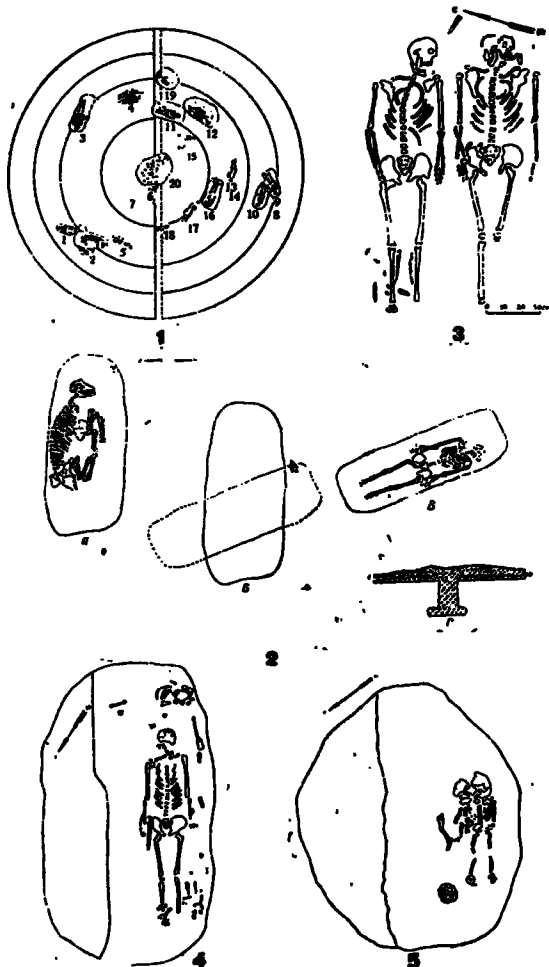

Таблица I. Планы кургана XI и погребений (дер. Ст. Книжки. 1958 г.).
 1 — курган XI (1—40 — номера погребений); 2 — погребение 2; 3 — погребение 4;
 4 — погребение 12; 5 — погребение 19.

1,66 м. Под костяком прослеживался тлен желтоватого цвета, вероятно, от подстилки. У правого виска найдена серьга в полтора оборота (табл. II, 4), у левого виска стоял толстостенный глиняный сосудик на высокою поддоне (табл. II, 5). Глина в изломе черная, с примесью шамота и талька. Поверхность сосуда довольно хорошо заглаженная. У кистей обеих рук найдены бусины в количестве 12 штук из лигнита, цилиндрической формы, рубленые (табл. II, 6). Под спинными позвонками (шестым и седьмым) лежало зеркало, очевидно, из серебрястой бронзы, с чуть выступающим бортиком и небольшой прямоугольной ручкой (табл. II, 7). Диаметр зеркала 11,5 см. Между плечевой костью и грудной клеткой лежал железный стерженек, из круглого в сечении прута, изломанного на несколько частей. Назначение его неопределенное. У правой руки обнаружено пряслице из талька, плоское, круглой формы (табл. II, 8). Диаметр его 3,2 см.

Погребение 3 было обнаружено в северо-западном секторе, на глубине 3,30 м. Длина четырехугольной с округлыми углами могилы 3 м, ширина 1,10 м. Ориентирована могила с северо-востока на юго-запад. Западная часть могильной ямы сильно нарушена грызунами, в северной стенке был обнаружен подбой, в котором помещались ноги костяка ниже колен.

В могиле № 3 лежал на спине, с вытянутыми руками и ногами, голову на юго-запад, женский костяк. Кисть левой руки находилась под тазовой костью. На уровне левого локтя, в небольшом углублении стоял гончарный красноглиняный горшок, с сильно отогнутым профилированным венчиком и удлиненным шаровидным туловом на широком устойчивом дне (табл. II, 9). Высота его 19 см, диаметр устья 7 см, диаметр дна 16 см. Горшок был покрыт красным ангобом и залощен. Глина плотная, прекрасно отмученная, хорошего обжига, с примесью, по-видимому, очень мелко толченого шамота. Под затылочной костью черепа была найдена сняя стеклянная бусина с белыми глазками. У правого виска, под горшком, обнаружена серьга (табл. II, 10). Вокруг шейных позвонков и на костях обеих рук найдены 88 бусинок из лигнита, две круглые стеклянные, две каменные граненые, четыре пастовые, четыре стеклянные синего и зеленого цветов (табл. II, 11, 12, 13). У правого плеча найдена раковина с отверстием (табл. II, 14); у левой бедренной кости лежало пряслице, диаметром в 4,6 см, сделанное из обломка глиняного сосуда из грубой с примесью шамота пористой глины плохого обжига

(табл. II, 15). У стопы левой ноги найдена грубая поделка из мела в виде миниатюрного ритуального сосуда.

Погребение 4 (северо-западный сектор). Погребение совершено в насыпи, на глубине 1 м. В могиле на одном уровне лежали вытянуто на спине, головами на северо-восток, лицом друг к другу два костяка. Ноги костяка № 1 (справа) раздвинуты, а у костяка № 2 (слева) — сдвинуты в коленах. Длина костяка № 1—1,5 м, костяка № 2—1,6 м. Между черепами погребенных лежала кость от ноги барана. У бедра костяка № 1, ближе к голени, находились обращенные остриями в разные направления трехгранные бронзовые наконечники стрел: два с внутренней втулкой и опущенными допастями; один — с выступающей втулкой (табл. II, 16). Длина наконечников от 1,8 см до 2,5 см. У правой голени этого костяка найден железный нож с прямым лезвием и выпуклой спинкой (табл. II, 1, 7). Между ног обнаружен оселок из серого песчаника с обломанным концом (табл. II, 18); на сохранившемся конце имеется круглое отверстие.

У костяка № 2 между тазовой костью и костью правой руки найден тонкий круглый в сечении железный прут (табл. II, 19). Длина сохранившейся части 7,5 см. Возможно, это была проколка.

Погребение 5 (юго-западный сектор). Находилась в насыпи и содержало два костяка.

Костяк № 1 лежал головой на юго-восток, лицом на запад, несколько склонен на левый бок, с вытянутыми руками и ногами. Кисть левой руки находилась под тазом. Длина костяка 1,50 м. На черепе найдено большое количество лигнитовых и пастовых бус. Подобные же бусы встречены на кисти правой руки (табл. III, 1, 2), а пастовые бусины также обнаружены в виде низки в 40 см справа от черепа. Между ног, ближе к стопам, лежали кости ног барана. У правой ноги — железный нож с прямым лезвием и горбатой спинкой (табл. III, 3). У левой берцовой кости, с наружной стороны, обнаружено пряслице полусферической формы, сделанное из стенки толстостенного сосуда (табл. III, 4). Глина серая, с примесью большого количества шамота. Под берцовой костью правой ноги найден лепной глиняный горшок, с шаровидным туловом, невысокой шейкой, отогнутым венчиком и округлым дном (табл. III, 5). Цвет сосуда красноватый, поверхность хорошо сглаженная. Глина в изломе темная, с примесью толченой ракушки. Высота сосуда 12 см, диаметр устья 6,5 см. Под горшком оказался обломок второго железного ножа (табл. III, 6).

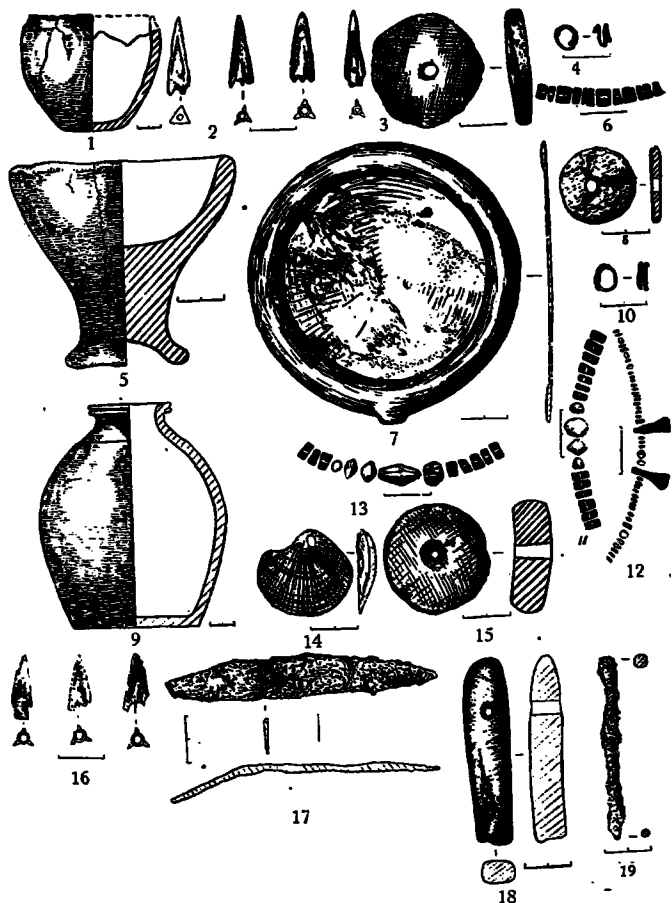

Таблица II. Предметы из насыпи и из погребений 2-4 (курган XI).

1, 3 — глиняные сосуды; 2, 16 — бронзовые наконечники стрел; 3, 8, 15 — янтаря; 4, 10 — сераги; 5 — курляндка; 6, 11-13 — бусы из легиты, позолоченного стекла, рагты и камня; 7 — бронзовое зеркало; 14 — раковина; 17 — железный нож; 18 — оселок; 19 — железная проколка (1-3 — из насыпи кургана; 4-8 — из погребения 2; 9-13 — из погребения 3; 16-19 — из погребения 4).

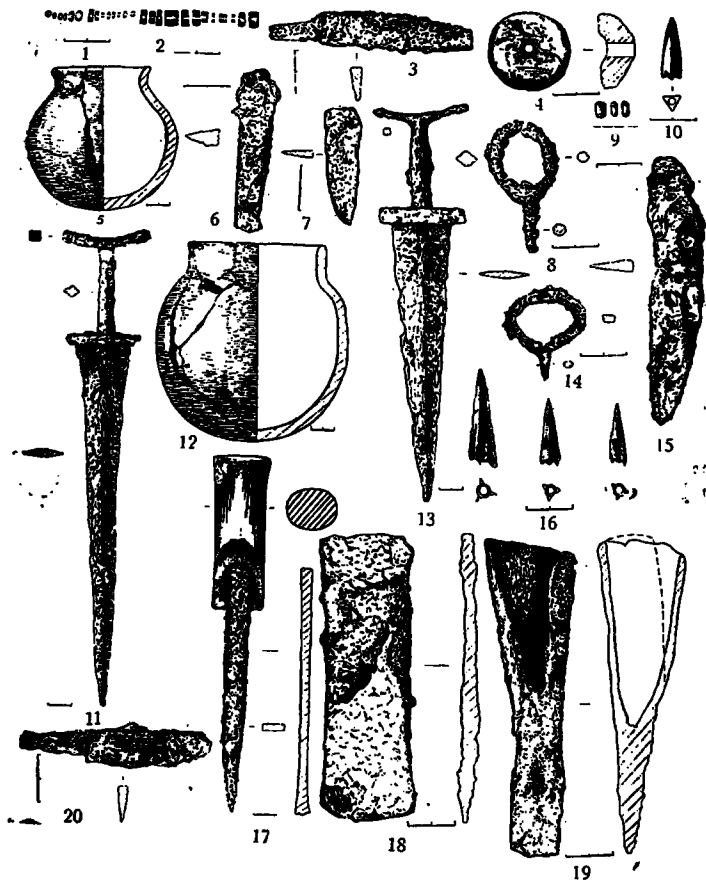

Таблица III. Предметы из погребений 5, 9, 10, 11, 12 (хурган XI).

1, 2, 9 — бусы из пасты, агата, стекла; 3, 6, 7, 16, 20 — железные ножи; 4 — глиняное приспание; 5, 12 — глиняные сосуды; 8, 14 — железные пряжки; 10, 18 — бронзовые наконечники стрел; 11, 13 — железные сигналы; 17—19 — железные орудия труда (1—5 — из погребения 5; 7—9 — из погребения 9; 10 — из погребения 10; 11 — из погребения 11; 12—20 — из погребения 12).

От костяка № 2 сохранились лишь нижняя челюсть и обломки других частей скелета, лежавшие на кисти правой руки костяка № 1. К погребальному инвентарю костяка № 2 могут быть отнесены белые и синие пастовые бусины, лежавшие в россыпи возле остатка черепа, а также обломки металлического кольца серого цвета из овальной в сечении проволоки.

Погребение 6 обнаружено в насыпи юго-западного сектора, в 1 м к югу от центра кургана на глубине 1,65 м. От костяка сохранились лишь берцовые кости обеих ног, кости стопы и фаланги пальцев. По положению сохранившихся частей скелета видно, что костяк головою лежал на восток. К востоку от ног найдена лопаточная кость овцы.

Погребение 7 (юго-западный сектор) совершено в насыпи на глубине 1,25 м. От костяка, по всей вероятности детского, сохранились лишь мелкие обломки костей, лежавшие в беспорядке.

Погребение 8 (юго-восточный сектор) обнаружено в насыпи на глубине 1 м. От детского костяка сохранились лишь отдельные кости, лежавшие в беспорядке.

Погребение 9 большей своей частью находилось в юго-восточном секторе, на глубине 1,98 м. Длина четырехугольной с округлыми углами могильной ямы 1,90 м, ширина 86 см. Западная стенка могильной ямы в средней части соприкасается с погребением 10. На дне могильной ямы обнаружен костяк взрослого человека, длиной 1,65 м, лежащий на спине, с вытянутыми конечностями, головой на юго-восток, лицом на запад. Кисть левой руки лежала на левом бедре. Левая половина грудной клетки и кости левой руки, за исключением лучевой, отсутствуют. С правой стороны костяка найдены кости барана (две лопатки и нога). Среди них — обломок железного ножа с прямой спинкой и скошенным лезвием (табл. III, 7). Между ногами обнаружена железная пряжка с неподвижным язычком (табл. III, 8), здесь же обломок железного предмета неизвестного назначения. На лучевой кости левой руки найдена в обломке бусинка темно-синего стекла с зелеными и оранжевыми глазками (табл. III, 9).

Погребение 10 своей юго-восточной стенкой вплотную соприкасается с погребением 9. Глубина могилы 2,10 м, длина 2 м, ширина 80 см. В могильной яме четырехугольной формы с округлыми углами лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад, мужской костяк. Кисти рук — на бедрах. Длина костяка 1,65 м. Костяк очень плохой

сохранности, был в древности потревожен. Лопаточная кость человека обнаружена под ногами, несколько ребер и части костей рук найдены у пятки левой ноги. Возможно, это повреждение было сделано при совершении погребения 9, так как последнее залегало несколько выше, чем погребение 10. У восточной стенки могильной ямы на уровне кисти правой руки найден бронзовый наконечник стрелы, трехгранный, с внутренней втулкой (табл. III, 10).

Погребение 11 открыто в северо-восточном секторе. Могила четырехугольной формы, с округлыми углами ориентирована с северо-запада на юго-восток. Длина могильной ямы 2,50 м, ширина 1,30 м, глубина 1,78 м. Мужской костяк лежал ближе к южной стенке, вытянуто на спине, головою на восток, с небольшим отклонением на юг. В погребении был найден почти полный костяк барана без головы, части которого лежали в разных местах в области ног.

Из инвентаря в погребении найдены железный кинжал с серповидным навершием и прямым перекрестием (табл. III, 11) и обломок железного ножа.

Погребение 12 обнаружено в северо-восточном секторе на глубине 2,47 м. Длина ямы 2,80 м, ширина 1,55 м. В довольно широкой прямоугольной, близкой к овальной форме яме с округлыми углами по всей длине восточной стенки шла ступенька высотой над дном могилы 0,45 м, шириной в 40 см. На дне могилы лежал мужской костяк на спине, с вытянутыми руками и ногами, головою на юго-восток, лицом на юго-запад. Костяк хорошей сохранности. В юго-восточном углу могилы за головой костяка найден лепной толстостенный горшок с коричневой поверхностью, на которой сохранились следы копыт и сажи (табл. III, 12). Глина грубая, плохого обжига, в изломе черная, со следами примеси шамота. Высота горшка 17 см. Под горшком находились части костяка барана: ребра, лопатки, позвонки, кости ног. Вдоль правого бедра лежал железный кинжал с серповидным навершием и прямым перекрестием, со следами дерева на рукоятке (табл. III, 13). Длина кинжала 33 см. Ниже пальцев правой руки обнаружена железная пряжка с неподвижным язычком (табл. III, 14). На берцовой кости правой ноги найдены кости барана. Под стопой правой ноги обнаружен железный нож с прямым лезвием, выпуклой спинкой и обломанной рукоятью, на которой местами сохранились следы деревянной обкладки (табл. III, 15). У пятки правой ноги лежало несколько бронзовых наконечников.

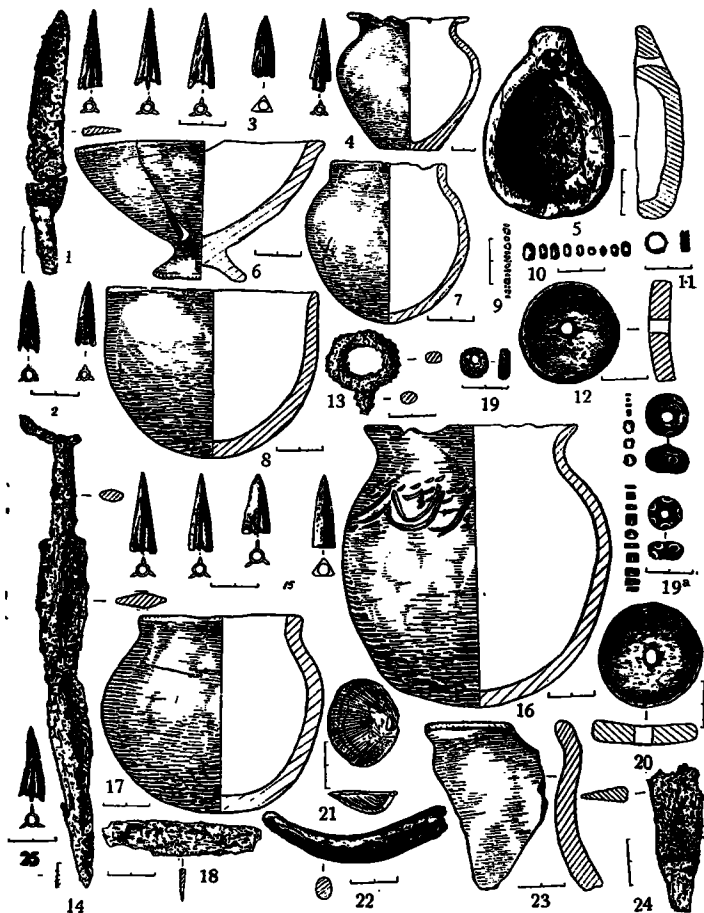

Таблица IV. Предметы из погребений 13, 15, 16, 17, 18 19, 20 (курган XI).

1, 18, 24 — железные ножи; 2, 3, 15, 25 — бронзовые наконечники стрел; 4, 7, 8, 16, 17, 23 — глиняные сосуды; 5, 6 — курчавинцы; 9, 10, 19a — бусы из стекла, янтаря и агата; 11 — высокое кольцо; 12, 20 — керамические присылца; 13 — железная пряжка; 14 — железный нож; 17 — бронзовый наконечник стрелы; 19 — костяной расчес; 21 — расческа; 22 — костяной амулет (1—2 — из погребения 13; 3 — из погребения 16; 4—12 — из погребения 16; 13—15 — из погребения 17; 16—17 — из погребения 18; 18—22 — из погребения 19; 23—25 — из погребения 20).

мечников трехлопастных стрел, с внутренними втулками (табл. III, 16). С левой стороны костяка от черепа до локтя найдено несколько железных орудий труда: долото с костяной массивной, частью обломанной рукоятью (табл. III, 17), стамеска (табл. III, 18) и пешня, или тесло (табл. III, 19). Ниже пальцев левой руки обнаружены следы окиси железа и железный в двух обломках ножичек со скошенным лезвием и прямой спинкой (табл. III, 20). У голени левой ноги найдено еще несколько бронзовых наконечников стрел описанной формы, лежащих остриями вверх. В юго-западном углу могилы лежали в кучке кости овцы и отдельные кости человеческого скелета (кости стопы и фаланги ног). Между ними обнаружен бронзовый наконечник стрелы. Такой же наконечник оказался в сурчине, обнаруженной в юго-западной стенке могилы.

Погребение 13 выявлено в насыпи, на глубине 1,53 м. Костяк лежал вытянуто на спине, головою на юг, с отклонением на запад. Длина костяка 1,75 м. Ниже правой голени погребенного найдены кости барана, под которыми лежал в двух обломках железный нож с вогнутым лезвием и горбатой спинкой (табл. IV, 1). На одной стороне рукоятки ножа сохранились следы двух маленьких гвоздиков. Среди костей человека был найден небольшой кусочек бересты с маленьким отверстием посередине. В разных местах: между голениями, у правой ступни человека и под костями барана — найдено семь бронзовых трехлопастных наконечников стрел, с опущенными лопастями и внутренними втулками (табл. IV, 2).

Погребение 14 было совершено в насыпи юго-восточного сектора на глубине 1,50 м. В нарушенном погребении сохранились лишь отдельные кости человеческого скелета (зубы, лопатка, кости ног), лежавшие в беспорядке. Около костей ног лежали кости барана и обломки двух глиняных сосудов. Один сосуд бачоного типа с округлым дном, с хорошо сглаженной красноватого цвета поверхностью. В изломе черепок серого цвета. На внутренних стенках следы нагара. Примесь к глине — толченная раковина, выступающая на внутренних стенках. Другой сосуд представлен закраиной большого лепного серолиняного горшка, с чуть отогнутым венчиком. Глина содержит большое количество толченых раковин. У края венчика имеется сквозное круглое отверстие. На дне могилы найдены были также железный нож, очень плохой сохранности, и железный трехгранный черешковый наконечник стрелы.

Погребение 15 выявлено в северо-восточном секторе, в насыпи на глубине 1,50 м. Судя по сохранившимся частям скелета, костяк лежал головой на юго-запад. Среди костей обнаружено 14 бронзовых трехлопастных наконечников стрел (табл. IV, рис. 3).

Погребение 16 открыто в юго-восточном секторе, на глубине 2,39 м. Четырехугольная с округлыми углами могила ориентирована с северо-востока на юго-запад. Длина ее 2,2 м, ширина 1 м. В могиле обнаружен женский костяк, лежащий на спине, с вытянутыми конечностями, головою на юго-запад. Костяк плохой сохранности. Длина его 1,75 м. У левого плеча костяка найден гончарный шаровидный горшок с невысокой шейкой, отогнутым венчиком и прямым дном (табл. IV, 4), сделанный из хорошо отмученной глины с примесью извести. Поверхность сосуда покрыта красным ангобом, местами нарушенным. Высота сосуда 11,8 см. У стопы правой ноги найдена курильница, или светильник в виде глубокой ложечки с широкими бортиками. На боковых стенках с внутренней стороны заметны следы от какого-то узкого острого предмета. Дно неровное, против ручки в стенке имеется желобок, может быть, результат излома. Длина светильника 8,7 см, высота 2 см (табл. IV, 5). Рядом с ним лежала кость ноги барана, под которой найден сосудик в виде широкой плоски на поддоне с ассиметричными сторонами. Поверхность сосуда желтовато-красного цвета, неровная, бугристая. Глина в изломе черная, среднего обжига, с большой примесью толченых раковин. Высота его 6,3—6,5 см, диаметр 10,8 см (табл. IV, 6). Близ левой ноги обнаружен миниатюрный лепной сосудик с ровным низким горлом, шаровидным туловом и округлым, неустойчивым дном. Поверхность желтовато-красная, бугристая. Глина в изломе черная с примесью ракушки. Высота его 7 см, диаметр устья 5 см (табл. IV, 7). В ногах найдено несколько костей барана, которые лежали на лепном круглодонном тонкостенном горшочке с прямыми стенками (табл. VI, 8). Поверхность его плохо сглажена, желтовато-темного цвета. Глина черная, довольно хорошо отмученная, с примесью ракушки. Обжиг средний. Внутри стенки также заглажены. Высота его 7,5 см. На костяке было найдено очень много пастовых и стеклянных бус (370 экз.), которые лежали возле шейных позвонков, на грудной клетке, на костях обеих рук (табл. IV, 9, 10). Подобные бусы были найдены и под костяком. Под черепом обнаружена серьга (табл. IV, 11). Под костяком были найдены железный нож в обломках и пряслице, сделанное из стенки глиняного со-

суда коричнево-красного цвета с очень большой примесью толченых раковин (табл. IV, 12).

Погребение 17 совершено в насыпи, на глубине 1,40 м, в юго-восточном секторе кургана. Мужской костяк лежал на спине, головою на юго-запад, с вытянутыми руками и ногами. Сохраняемость костяка плохая. У правой ноги костяка лежали лопатка и кости ноги овцы. Между ногами найдена железная пряжка с неподвижным язычком (табл. IV, 13). С наружной стороны левого бедра лежал сохранившийся частично железный кинжал с серповидным навершием без перекрестия (табл. IV, 14). Длина его 38 см. С наружной стороны правой стопы найдены в кучке бронзовые трехлопастные наконечники стрел с внутренней втулкой (табл. IV, 15). Длина перьев 2,3—3,5 см. Один наконечник трехгранный (табл. IV, 15, первый справа). Наконечники стрел, должно быть, лежали в колчане, от которого сохранилось несколько кусочков бересты. По-видимому, это был воин, погибший в бою, так как среди костей грудной клетки и в фаланге пальца были найдены наконечники стрел.

Погребение 18 открыто в юго-восточном секторе на глубине 1,50 м. Костяк длиною в 1,50 м лежал на спине, с вытянутыми руками и ногами, головою на северо-восток. От скелета сохранились лишь отдельные кости. С левой стороны черепа лежали куски мела. Под черепом, на тазовых костях и на правой берцовой кости найдены лигнитовые и пастовые бусы. В ногах костяка лежали два лепных горшка. Один — с желтой, хорошо заглаженной, сильно закопченной поверхностью (табл. IV, 16). Тулово сосуда шаровидное, асимметричной формы, венчик резко отогнут, дно утолщено. Сосуд орнаментирован по плечу рядом волнистых глубоких и широких насечек, от которых идут вдавления широких полукругов, между которыми расположены такие же насечки, или косые бороздки. Высота сосуда 11,8—12,4 см. Другой сосуд лежал вверх дном. Это небольшой плохо обожженный горшочек также асимметричной формы с округлым, неустойчивым дном (табл. IV, 17). Глина черная, плохо перемешанная, с примесью большого количества толченой раковины. Высота его 8,3 см.

Погребение 19 (северо-восточный сектор; табл. I, 5) выявлено на глубине 2,15 м. Могила имела почти круглую размером 1,70×1,45 форму, вытянутую с северо-запада на юго-восток. Вдоль всей северо-восточной стенки на высоте 10 см от дна могилы оказалась ступенька шириною в 39 см. У юго-западной стенки могилы был обнаружен плохой сохраннос-

ти детский костяк, лежащий на спине, с вытянутыми конечностями, головою на юго-восток. В засыпке могильной ямы и на дне были найдены мелкие кусочки угля. Под костями прослеживается беловатый глин или меловая подсыпка. С правой стороны костяка обнаружены кости барана (лопатка и нога), на них лежал железный нож с прямой спинкой и скошенным лезвием (табл. IV, 18). У стопы правой ноги найден глиняный сосуд в обломках. Сосуд небольшой, с отогнутым венчиком, в глине примесь толченой раковины. Между левой плечевой костью и ребрами найдены две бусины из синего стекла. На грудной клетке, на кистях обеих рук, на позвонках и в области таза находились бусы из лигнита, пасты и из синего стекла (табл. IV, 19). Среди бус из синего стекла имеются две глазчатые, остальные в виде бисера. Пастовые бусы лежали у плеча в форме шестилучевой звезды. С правой стороны костяка обнаружено плоское керамическое пряслице (табл. IV, 20). В глине содержится большое количество талька, обжиг хороший. На грудной клетке лежал обломок железного предмета неопределенного назначения. С правой стороны грудной клетки, между ребрами, лежала раковина (табл. IV, 21). В области поясицы найден амулет-подвеска из лыка дикого животного, с отверстием на одном конце (табл. IV, 22). Амулет тщательно отполирован. Вместе с ним обнаружена сильно ирризированная янтарная бусина в виде колесика с широкой сверлиной (табл. IV, 19).

Погребение 20 открыто в центре кургана на глубине 2,14 м. Погребение было нарушено при устройстве горна кузницы. В насыпь кургана над этим погребением включены были комки пережженной глины, жженые кости и шлак. Нарушенная могильная яма имела округлую форму размером в 2,80×2,20 м. В могиле, главным образом вдоль северной стены и в юго-западном углу, были обнаружены человеческие кости в мелких обломках, смешанные с обломками железных предметов, горшков, кусками пережженной глины, обожженными костями и шлаком.

Из находок надо отметить обломок глиняного лепного толстостенного сосуда с чуть отогнутым венчиком, сделанного из черной глины с примесью большого количества талька (табл. IV, 23), фрагмент закрытого от большого лепного сосуда, в глине которого содержалось много толченой раковины. По всей яме были разбросаны обломки древков от железных наконечников стрел, небольшие кусочки мела, железный нож с прямым лезвием и горбатой спинкой (табл. IV, 24). В северо-западной стенке могилы был найден бронзовый

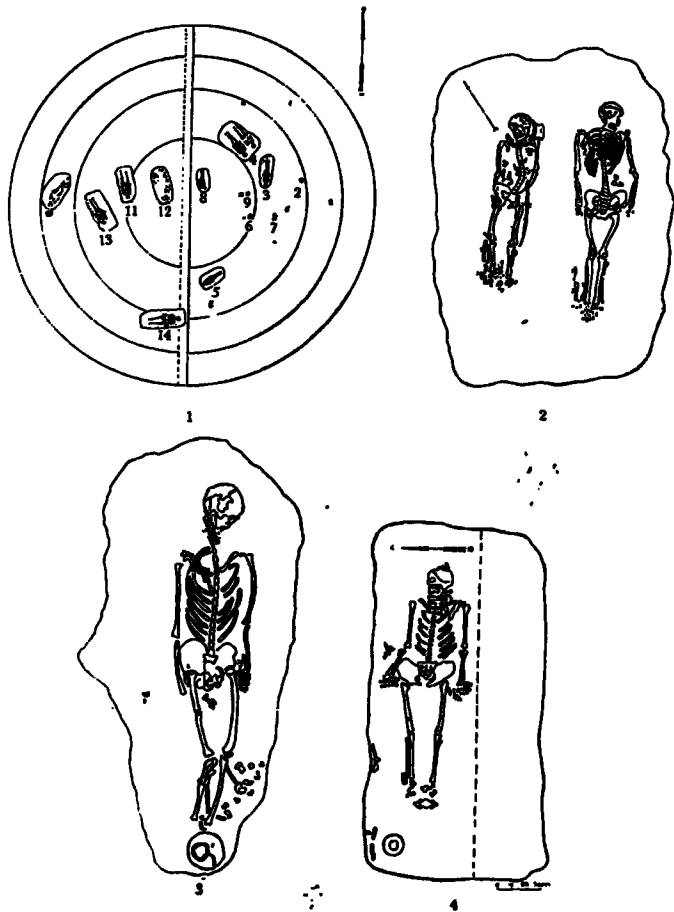

Таблица V. Планы кургана XIII и погребений.

1 — план кургана (цифрами обозначены номера погребений); Стрелками — места входов в насыпь;
 а — скорлупа янч; б — зерноотара с терраситными; в — железные ушки с пшеницами; 2 — погребение 4;
 3 — погребение 5; 4 — погребение 14.

трехперый наконечник стрелы, с внутренней втулкой. Наконечник имел изогнутую форму, по-видимому, он побывал в огне (табл. IV, 25).

Кроме вещей, найденных в погребениях, в насыпи кургана XI были обнаружены глиняный горшок, наконечники стрел и пряслице. Горшок представляет собою толстостенный левый сосуд с почти прямыми стенками и широким уплощенным дном (табл. II, 1). Глина черная, плотная, с примесью шамота и небольшого количества талька. Высота сосуда 10 см. Наконечники стрел бронзовые, трехперые. с опущенными гранями. Три из них с внутренней втулкой, а один — с выступающей (табл. II, 2). Пряслице плоское, сделано из стенки лепного сосуда, в глине которого содержится примесь толченой раковины (табл. II, 3).

КУРГАН XIII

Расположен в восточной части деревни, за огородами колхозников (рис. 1). Высота кургана 60 см, диаметр 22 м. Насыпь состояла из чернозема, в котором встретились кости животных в мелких обломках, скорлупа яиц и несколько подолок; каменная зернотерка с терочником (табл. VI, 1); железные кольчатые удила с крестообразными псалиями (табл. VI, 2). В выбросе земли из внешнего кольца северо-западного сектора найдена также бляшка из тонкой золотой пластинки, украшенная ложной зернью (табл. VI, 3).

Курган XIII содержал 14 погребений (табл. V, 1).

Погребение 1 обнаружено в северо-восточном секторе, в черноземе, на глубине 63 см. Погребение нарушено. От него сохранились лишь обломки детского черепа и кость барана.

Погребение 2 находилось в северо-восточном секторе на глубине 1,20 м. От детского костяка сохранились лишь один зуб и череп в мелких обломках.

Погребение 3 — женское, находилось в северо-восточном секторе. Могильное платно обнаружено на глубине 1,54 м от вершины насыпи. Длинной стороной оно было ориентировано с юга на север. Могила поверх засыпана была перекрыта деревом, тлен от которого сохранился и располагался в продольном направлении. Ниже его, на глубине до 1,54 м шла могильная засыпка, состоящая из чернозема и суглинка. Форма могильной ямы — четырехугольная, суживающаяся к ногам. Углы ямы закруглены. Длина ямы 2,05 м, ширина в центре 90 см, глубина 1,74 м. Женский костяк лежал на спине, с вытянутыми конечностями. Правая рука тесно прижата к туловищу, левая — чуть откинута. Ноги в коленях тесно

сдвинуты. Костяк лежит *in situ*, за исключение нижней челюсти и левой берцовой кости, которые были оттащены грызунами. Голова костяка ориентирована на юг, с незначительным отклонением на запад.

С обеих сторон черепа лежали кусочки песчаника. На шейных позвонках и грудной кости найдены лигнитовые и стеклянные с легкой позолотой бусы в количестве 171 экземпляра; на правой локтевой кости лежал костяной амулет-подвеска с резным орнаментом (табл. VI, 4); с наружной стороны правой берцовой кости найдено пряслице, сделанное из стенки гончарного сосуда (табл. VI, 5); на запястье обеих рук также найдены бусы, лигнитовые и стеклянные, позолоченные; с наружной стороны левого бедра найдена еще одна стеклянная бусина, а в 12 см от нее в сторону западной стенки найден кусок красного песчаника; на левом бедре костяка лежал маленький кусок мела; между стопами ног обнаружен железный нож с чуть выпуклой спинкой и вогнутым лезвием (табл. VI, 6); на берцовых костях левой ноги прослеживается беловатый налет, возможно, от меловой посыпки.

Погребение 4 обнаружено в северо-восточном секторе на глубине 1,70 м (табл. V, 1, 2). Могильная яма в форме четырехугольника с округлыми углами ориентирована с юго-востока на северо-запад. Длина ее 2,5 м, ширина 1,60 м, глубина ниже уровня грунта 20 см.

В могиле обнаружено два костяка, лежащие на спине с вытянутыми конечностями, головою на юго-восток. Ноги мужского костяка широко раздвинуты, у женского сдвинуты в колени, левая рука чуть откинута.

Слева от черепа мужского костяка лежал на боку светильник на высоком поддоне, с широким орнаментированным краем (табл. VI, 7). Глина черная, грубая, с примесью талька, раковин и шамота. У пояса, с левой стороны, найден железный меч, в трех обломках (табл. VI, 8), со следами ножен. Между ногами, у левой ступни, лежали в кучке 10 железных трехгранных черешковых наконечников стрел, с сохранившимися обломками древков (табл. VI, 9). У голени правой ноги с наружной стороны найдены кости барана и железный нож (табл. VI, 10). Под ступней левой ноги лежали обломки тонкой каменной плитки, а под ними бронзовый трехгранный втульчатый наконечник стрелы (табл. VI, 9, крайний справа). Под тазовой костью обнаружен обломок круглой железной пряжки, другой обломок которой лежал с наружной стороны правой голени.

Женский костяк лежал слева от мужского в 28 см. На правой тазовой кости скелета най-

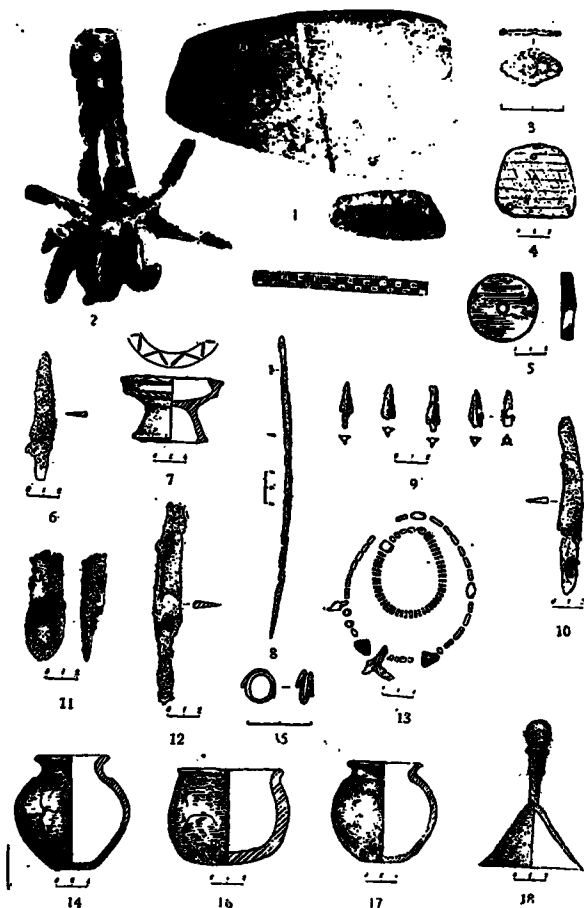

Таблица VI. Предметы из насыпи и погребений 3,4,5,6,7 (курган XIII)

1 — зернотерка с терочником; 2 — железные удила; 3 — золотая бляшка; 4 — костяной амулет;
 5 — пряжка; 6, 10, 13 — железные подки; 7 — глиняный сосудчик; 8 — железный меч; 9 — железные
 и бронзовые наконечники; 11 — железная коронка; 12 — бусы из лигнита, пасты, сердолика и
 жемчуга; 14, 16, 17 — глиняные сосуды; 15 — серьга; 18 — железный колокольчик (1—3 — из насыпи
 кургана; 4—6 — из погребения 3; 7—13 — из погребения 4; 13—15 — из погребения 5; 16 — из погребения 6;
 17—18 — из погребения 7).

дена железная корнекопалка (табл. VI, 11); у правой голени — железная пряжка в обломках; у правой берцовой кости лежала кость ноги овцы и железный нож (табл. VI, 12).

Погребение 5 находится в юго-восточном секторе. Могильное пятно, ориентированное с юго-запада на северо-восток, выявлено на глубине 1,20 м от вершины кургана. Форма могильной ямы — неправильный четырехугольник с закругленными углами, несколько суживающийся к ногам. Длина ямы 1,60 м, ширина 75 см, глубина 1,05 м ниже уровня грунта. Женский костяк хорошей сохранности лежал на спине, с вытянутыми руками и ногами, сдвинутыми в коленах, головой на юго-запад (табл. V, 3). В могильной засыпке у черепа и под ступою правой ноги были найдены мелкие угольки. По-видимому, погребенная была положена на подстилку, тлен от которой в виде перетного густо-черного цвета сохранился под костяком. Особенно четко он проступает в области тазовых костей и ног. Под шейными позвонками, под правой стороной грудной клетки, на правых берцовых костях и вдоль левой ноги костяка найдены кости овец.

В области шейных позвонков костяка найдено ожерелье из 33 бусин: 2 — из лигнита, 5 — из коралла, 2 — из сердолика и 24 — из пасты (табл. VI, 13). Между бедром и кистью левой руки также обнаружено 50 подобных бусин. У правой ноги и под стопами обеих ног лежали куски мела. В ногах погребенной, у восточной стенки стоял глиняный лепной горшок с биколическим туловом, сильно отогнутым венчиком и небольшим дном. Глина черная, грубая, с примесью большого количества шамота и толченых раковин. Высота его 14,6 см, диаметр тулова 15 см (табл. VI, 14). После извлечения черепа, с правой его стороны, у первого и второго шейных позвонков найдена серьга (табл. VI, 15).

Погребение 6 — детское, находится в юго-восточном секторе. На глубине одного метра, в черноземе обнаружены два сосуда. Один сосуд черного цвета, лепной, массивный, толстостенный, с уплощенным дном. Поверхность шероховатая от выступающей примеси раковины. Высота его 8,2 см, диаметр 9,2 см (табл. VI, 16). Другой сосуд коричневого цвета из довольно плотной глины с примесью раковины и, может быть, дресвы. Обжиг плохой. Высота его 4 см, диаметр устья 10,2 см.

На сосуде видны следы облома высокого поддона. Под вторым сосудом оказался череп младенца, рядом кости ног барана. Череп лежал теменем к западу. Под находками и возле них на почве слабо заметен беловатый налет.

Погребение 7 — детское, совершенно в

юго-восточном секторе, в насыпи. От костяка сохранились отдельные куски черепа и несколько костей грудной клетки. Из инвентаря найдены горшочек и железный колокольчик. Горшочек лепной, с отогнутым венчиком, уплощенным дном и раздутым туловом (табл. VI, 17), сделан из глины с примесью мелкотолченой раковины и слюды. На плечке сосуда нанесен орнамент в виде небрежно выполненного зигзага. Горшок хорошо обожжен. Железный колокольчик имеет высокую ручку с круглой головкой. На ручке сохранились следы дерева (табл. VI, 18).

Погребение 8 выявлено в северо-восточном секторе кургана. Форма могилы — четырехугольник с округлыми углами. Длина могильной ямы, ориентированной с севера на юг, 1,40 м, ширина 75 см, глубина 50 см ниже уровня грунта. Костяк лежал на спине, с вытянутыми руками и ногами, сомкнутыми в коленах, головой на юг, с незначительным отклонением на восток. Левая рука чуть откинута в сторону. Длина костяка 1,18 м. Кости хорошей сохранности. Череп раздавлен.

В головах костяка, в юго-восточном углу могилы стоял глиняный красно-желтого цвета круглодонный с шаровидным туловом и прямым невысоким горлом горшок (табл. VII, 1). Глина серая, с примесью большого количества толченой раковины. Сосуд украшен по плечикам двумя желобками, ниже которых идут треугольники, направленные вершинами вниз. Высота его 20,6 см, диаметр 20 см.

У бедренного сочленения левой ноги найдена железная пряжка в двух обломках (табл. VII, 2); в ногах лежала кучка наконечников стрел, состоящих из 25 железных черешковых с древками (табл. VII, 3) и 5 бронзовых, трехгранных, втульчатых. Стрелы лежали остриями вниз. Вдоль восточной стенки могилы, на уровне правой бедренной кости лежали кости ног барана. Под ступою ноги найден железный нож (табл. VII, 4).

Погребение 9 обнаружено в северо-восточном секторе на глубине 80 см в черноземе. От него сохранились лишь глиняный сосуд и обломок бусины из хрусталя. Сосуд лепной, плохого обжига, колоколовидной формы, с чуть отогнутым венчиком и неустойчивым дном (табл. VII, 5). Поверхность коричневая, с темными пятнами, заглажена плохо. В глине большая примесь толченой раковины. Высота сосуда 9,2 см, диаметр устья 10,4 см.

Погребение 10 обнаружено в северо-западном и частично юго-западном секторах. Могильная яма прямоугольной, близкой к овальной формы ориентирована с северо-востока на

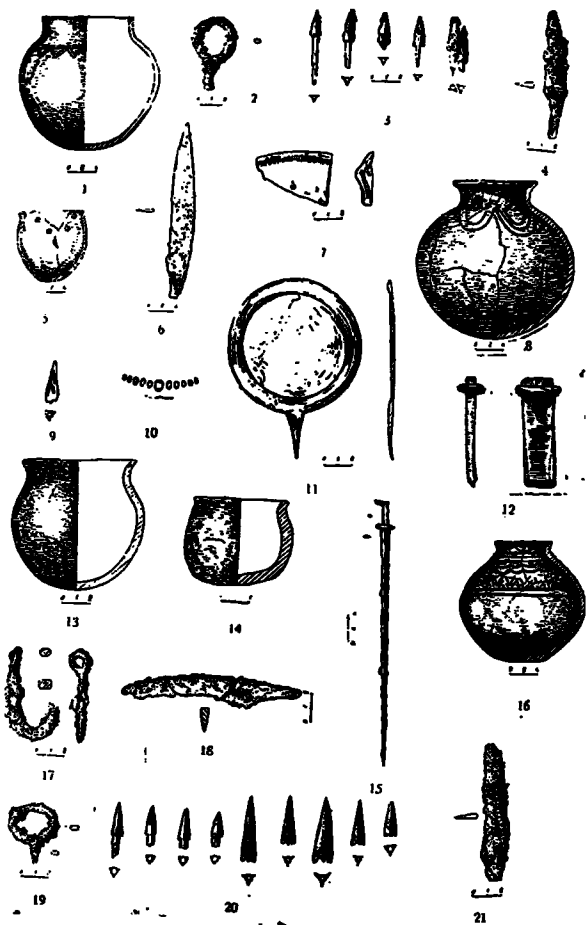

Таблица VII. Предметы из погребений 8,9,10,11 (хурган XIII).

1, 2, 3, 13, 14, 16 — глиняные сосуды; 2, 19 — железные приемы; 4, 5, 20 — железные в бронзовых наконечниках стрел; 4, 6, 18, 21 — железные ножи; 7 — обломок керамического сосуда; 9 — мечило; 10 — бусы стеклянные с ахалологой; 12 — рукоять пикала; 16 — железный меч; 17 — железный крючок (8-4 — из погребения 8; 5 — из погребения 9; 6-14 — из погребения 10; 16-21 — из погребения 11).

юго-запад. Длина ее 2,30 м, ширина в северной части 1,13 м, в южной — 1,20 м, глубина 1,80 м. Женский костяк лежал на спине, вытянуто, с тесно сомкнутыми в коленях ногами, головою на юго-запад. Под костяком сохранился тлен от подстилки густо-темного цвета, поверх которого прослеживается беловатый налет. В могильной засыпке найдена нижняя челюсть лошади, а на костях ног погребенной — кости ног и лопатка барана. Под костями барана найден железный нож (табл. VII, 6). Под черепом костяка и у правого виска лежали куски мела, фрагмент закраины от красноглиняного сосуда (табл. VII, 7), бронзовый наконечник стрелы с внутренней втулкой (табл. VII, 9). В юго-восточном углу могилы обнаружен лепной круглодонный сосуд шаровидной формы (табл. VII, 8). Сосуд по плечикам орнаментирован горизонтальным пояском, состоящим из глубоких косых вдавленных, расположенных на небольшом выступе. Ниже их спускаются тройные вдавленные полукруги. Глина черная. Поверхность серовато-желтая, заглаженная. Высота его 23 см. Под шейными позвонками, у левого плеча и в области 6 и 7 спинных позвонков обнаружены круглые стеклянные позолоченные бусины (табл. VII, 10). На запястье правой руки лежало бронзовое литое зеркало с утолщенным ободком и плоским заостренным черенком (табл. VII, 11). На зеркале сохранились следы деревянного футляра с кожаной прокладкой изнутри. Рядом с зеркалом найдена рукоятка кинжала или ножа (табл. VII, 12) в виде прямоугольного в сечении бруска, длиной 7,6 см и шириной 2,2 см. С одного конца на брусок была надета обойма, другой конец обрублен. У левой голени обнаружено два ритуальных лепных сосудика. Один из них темно-серого цвета, с круглым дном, невысокой шейкой и отогнутым венчиком (табл. VII, 13), сделан из глины с большой примесью толченой раковины. Высота его 9,8 см, диаметр устья 7,8 см, диаметр дна 2—2,5 см. Другой сосуд асимметричной формы, с уплощенным дном (табл. VII, 14). Высота 6,8 см, диаметр 7,6 см.

Погребение 11 расположено в северо-западном и юго-западном секторах. Могильная яма четырехугольной формы, с округлыми углами, ориентирована с северо-запада на юго-восток. Длина могилы 2,15 м, ширина 87 см, глубина 1,6 м. Мужской костяк длиной в 1,72 м лежал у западной стенки на спине, с вытянутыми конечностями, головою на юго-восток. Кисть правой руки костяка находилась под рукоятку меча, лежавшего вдоль правой ноги. Меч длиной 106 см имеет серповидное навершие и прямое перекрестие (табл. VII, 15).

Под мечом лежал железный кинжал аналогичной формы, длиной 37,5 см. У стопы правой ноги стоял лепной сосуд шаровидной формы, с небольшим уплощенным дном (табл. VII, 16). Поверхность сосуда розоватая, местами закопченная, хорошо заглаженная. Глина в изломе серая, с примесью большого количества талька. Высота сосуда 16,6 см, диаметр 16,8 см. Плечики сосуда украшены довольно сложным узором, состоящим из прямых и зигзагообразных вдавленных линий, с небольшими ямочками между ними. У правого бедра найден железный крючок, сделанный из прямоугольного в сечении стержня (табл. VII, 17). Между ногами обнаружен железный нож с выпуклой спинкой и вогнутым лезвием (табл. VII, 18). На рукоятки его заметны следы дерева. У левого бедра лежала железная пряжка с неподвижным язычком (табл. VII, 19), а у берцовых костей левой ноги — кучка бронзовых трехпалых наконечников стрел с внутренней и с выступающей втулкой (табл. VII, 20) и среди них два железных черешковых наконечника. Здесь же лежал второй железный нож с прямым лезвием (табл. VII, 21). На берцовых костях правой ноги найдены кости барана, а между стопами и у берцовых костей обнаружены позвонки рыб.

Погребение 12 обнаружено в северо-западном секторе на глубине 1,25 м. Могила четырехугольной формы, с округлыми углами, ориентирована с северо-запада на юго-восток. Длина ее 2,20 м, ширина 0,5 м. Погребение нарушено. Кости лежали в беспорядке по всей могиле, преимущественно у восточной стенки. Череп найден в северо-западном углу могилы, на глубине 68 см. Между костями человеческого скелета были обнаружены лопатка овцы и ребро коровы. В погребении найден большой лепной шаровидный сосуд с прямым горлом и плоским дном (табл. VIII, 1). Глина черная, с примесью большого количества шамота, плохого обжига. Высота сосуда 18,4 см, диаметр 18 см, диаметр дна 10,4 см. Сосуд орнаментирован по плечикам двумя неглубокими линиями, от которых отходят три пучка глубоких вертикальных борозд. В могиле найдены серга (табл. VIII, 2), три небольших бронзовых обломка, по-видимому, зеркала со следами позолоты и 150 бусин. Среди них лигнитовые цилиндрической формы, стеклянные, с внутренней позолотой и одна пастовая.

Погребение 13 находится в юго-западном и северо-западном секторах. Могильная яма удлиненной четырехугольной формы, с округлыми углами, ориентирована с северо-запада на юго-восток. Длина могилы 2,55 м, ширина 1,10 м, глубина 90 см. Почти во всю

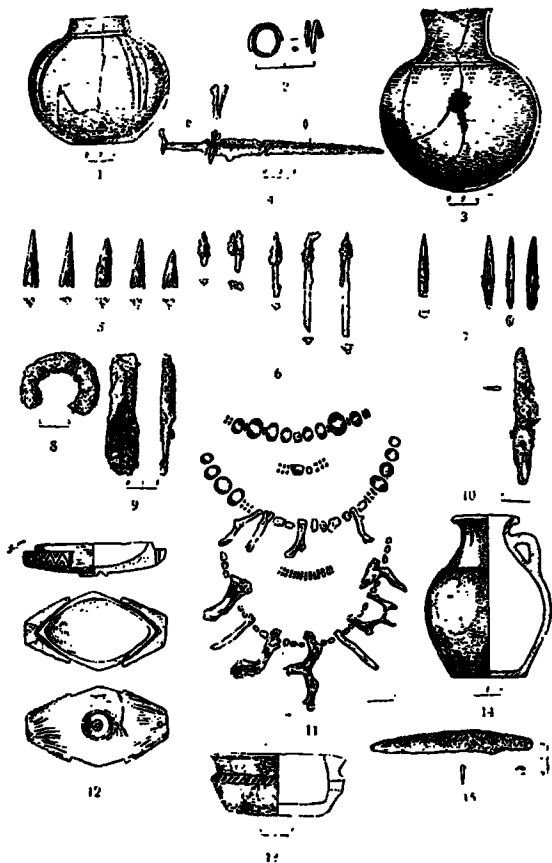

Таблица VIII. Предметы из погребений 12, 13, 14 (курган XIII).

1, 3, 14 — глиняные сосуды; 2 — серьга; 4 — железный ножик; 5, 6, 7 — наконечники стрел;
 8 — обломок железной пряжки; 9 — железная наконечник; 10, 15 — железные ножи; 11 — бусы
 серпантиновые, лигитовые и коралловые; 12—13 — курьальницы (1—2 — из погребения 12; 3—10 — из
 погребения 13; 11—15 — из погребения 14).

длину западной стенки на высоте 18 см от дна могилы имеется ступенька шириной в 19 см. Костяк мужчины лежал вплотную к западной стенке, на спине, с вытянутыми и тесно прижатыми к туловищу руками. Ноги вытянуты. Голова костяка ориентирована на юго-восток. Сохранность костяка плохая (кости распались при прикосновении щетки). Между ног, близ ступней, лежали кости ног овцы. В юго-западном углу могилы выше черепа найден большой, лепной хорошего обжига сосуд, с прямым высоким горлом, с отогнутым венчиком, с шаровидным туловом и круглым дном (табл. VIII, 3). Поверхность сосуда коричнево-розовая, с темными пятнами от копоти. Глина темно-серая, с большим количеством толченой раковины. Сосуд по плечикам украшен двумя горизонтальными линиями, ниже их — треугольники, составленные из подтреугольных вдавлений. Вдоль правого бедра лежал железный кинжал с серповидным навершием и прямым перекрестием, длиной 33 см (табл. VIII, 4). Между голени в кучке найдены бронзовые втульчатые наконечники стрел с суженными у большинства гранями (табл. VIII, 5), железные черешковые с мелкими головками и длинными черешками (табл. VIII, 6) и два костяных наконечника стрел (табл. VIII, 7). У ступни левой ноги обнаружено небольшое круглое пятно тлена алого цвета. На пальцах левой ноги лежала в обломках железная пряжка (табл. VIII, 8). У правого бедра под тазовой костью найдена железная корнекопалка (табл. VIII, 9), а возле нее набор железных и бронзовых наконечников стрел. Между ногами, у правой голени, найден железный нож с горбатой спинкой и прямым лезвием (табл. VIII, 10).

Погребение 14 выявлено в юго-западном секторе. Могильная яма в форме удлиненного четырехугольника, с округлыми углами, ориентирована почти прямо к западу на восток. Длина ее 2,60 м, ширина 1,27 м, глубина 1,80 м. Вдоль южной стенки на высоте 64 см от дна могилы имеется ступенька шириной в 50 см. Женский костяк лежал на спине, с вытянутыми конечностями, головою на восток (табл. V, 4). У черепа найдены куски мела. Вокруг шейных позвонков обнаружены бусы из розового коралла (табл. VIII, 11). На правой руке, чуть ниже локтя, лежали бусы из коралла, сердолика и лигнита и кость барана. Подобные бусы найдены были у левой руки и ноги. У ступи левой ноги был обнаружен ритуальный сосуд на кольцевом поддоне, сделанный из мергеля в форме ладьи (табл. VIII, 12). Сосуд украшен по бокам резными треугольниками. На одном из боковых крыль-

ев имеется круглое отверстие, а на другом — какие-то резные знаки. Чуть ниже его обнаружен лепной ритуальный сосудик хорошего обжига в виде плошки, сделанный из глины с большой примесью талька (табл. VIII, 13). Посредине сосуда идет пояс, украшенный резными косыми глубокими нарезками. Внут-

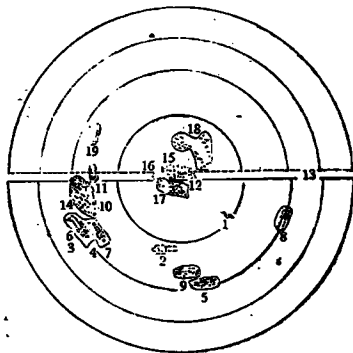

Рис. 2. План кургана XIV (дер. Ст. Книжки, 1958 г.). 1—13 — номера погребений; а — обломки мелких костей животного; б — место накладки глиняного блюда.

ри сосуда сохранились темные пятна. Сбоку сосуда, на уровне пояса, имеется круглое отверстие. В северо-западном углу могилы стоял красноглиняный гончарный кувшин с ручкой и плоским широким дном (табл. VIII, 14). Поверхность сосуда ангобирована, глина хорошо обжигана, довольно хорошо отмученная, с примесью красного шамота. По плечикам сосуда идет рельефная линия. У северо-западной стенки могилы лежали кости барана и возле них в землю воткнул железный нож (табл. VIII, 15).

КУРГАН XIV

Высота кургана 2,10 м, диаметр 24 м (рис. 2). Весной 1958 г. курган был распахан под огород. Из-за этого форма его была сильно изменена. Насыпь кургана состояла из чернозема, в котором местами, особенно в центральной части, встречались комки глины, уголь, зола, обломки костей и щебень. По словам местных жителей, на кургане когда-то стоял крестьянский дом, при постройке которого были нарушены насыпь кургана и ряд

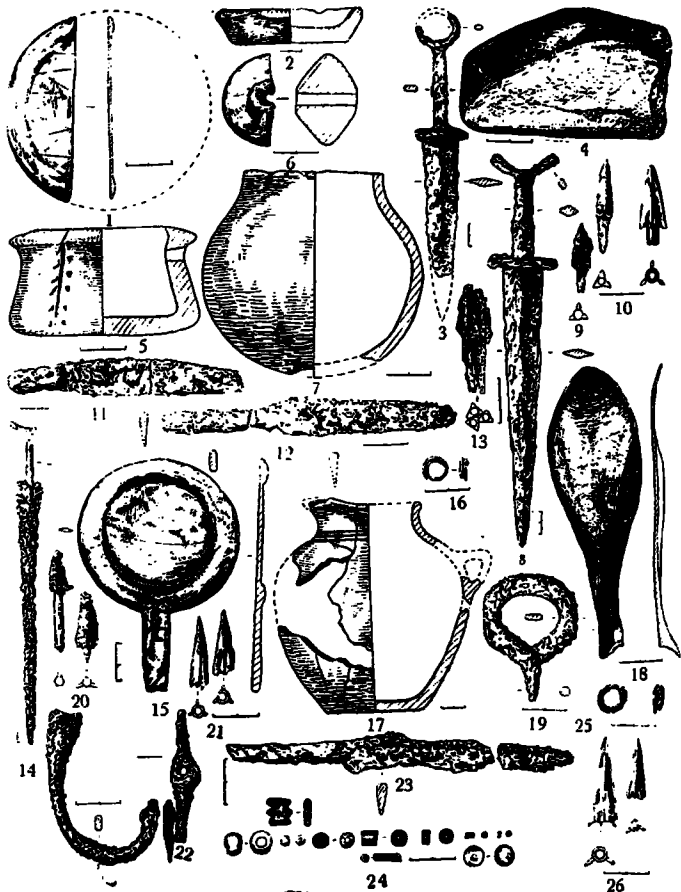

Таблица IX. Предметы из насыпи и из погребений 1—3, 5—9, 11, 14, 16 (курган XIV).
 1, 16 — бронзовые зеркала; 2, 7, 17 — глиняные сосуды; 3, 8 — железные кинжалы; 4 — каменный
 торожок; 5 — глиняная курьяница; 6 — обломок курьяницы; 9, 10, 21 — железные наконечники стрел.
 10, 20, 25 — бронзовые наконечники стрел; 11, 12, 22 — железные ножи; 14 — железный меч; 16, 23 —
 серпы; 18 — костяная ложечка; 19 — железная пряжка; 22 — железный крючок; 24 — бусы из
 позолоченного стекла, лигнита, сердолика и пасты (1—2 — из насыпи; 3 — из погребения 1,
 4—6 — из погребения 2; 7 — из погребения 3; 8—11 — из погребения 5; 12—14 — из погребения 6;
 14—16 — из погребения 7; 17 — из погребения 8; 18 — из погребения 9; 19—21 — из погребения 11,
 22—25 — из погребения 14; 26 — из погребения 16).

погребений. Найденные в насыпи кургана обломок бронзового зеркала прохоровского типа (табл. IX, 1) и глиняное блюдо, должно быть, относились к разрушенным погребениям. Блюдо сделано из дна большого гончарного сосуда (табл. IX, 2).

Курган содержал 19 погребений (рис. 2). Из них мужских погребений — 6, женских — 5, детских — 3, 4 погребения, пол которых из-за плохой сохранности не мог быть определен; в одном погребении обнаружены женский и детский костяки. Грунтовых могил — 9, в насыпи — 10.

Погребение 1 обнаружено в юго-восточном секторе насыпи на глубине 1,30 м. Очертания могильной ямы определены не были, так как захоронение совершенно в черной насыпи кургана. Костяк плохой сохранности лежал головой на юго-восток. От черепа сохранилось несколько обломков. На месте сохранились лишь кости ног. Правая нога была вытянута, на ней лежала левая нога, согнута в колене. У правой руки погребенного найден железный кинжал с кольцевым навершием и прямым перекрестием (табл. IX, 3). Конечник кинжала отломан. Длина сохранившейся части 21 см.

Погребение 2 открыто в насыпи юго-западного сектора на глубине 1,10 м. Костяк, по всей вероятности, женский, лежал на спине, с вытянутыми конечностями, головой на запад. Сохранность костяка очень плохая (кости рассыпались при прикосновении щетки). Справа от черепа найден разбитый горшок. Чуть выше его лежал каменный терочник (табл. IX, 4). На грудной клетке обнаружен небольшой ритуальный сосудик с широкими краями и почти плоским дном, с отверстием на одном боку (табл. IX, 5). Глина с примесью мелкого шамота и кусочков кварца. Сосудик орнаментирован вертикальными врезанными линиями, по обе стороны которых сделаны углубления в виде вдавленных треугольников. У левой бедренной кости обнаружен обломок глиняного двускатного пряслица (табл. IX, 6).

Погребение 3 совершенно в насыпи на глубине 1,30 м. Детский костяк очень плохой сохранности лежал головой на юго-запад. При костяке был найден лишь лепной асимметричный горшочек грушевидной формы (табл. IX, 7). Поверхность серая, очень шероховатая, глина черная, с большой примесью толченой раковины. Обжиг плохой. Высота горшочка 9 см, диаметр устья 6,2 см.

Погребение 4 выявлено в насыпи юго-западного сектора на глубине 1,20 м. От костяка сохранилось лишь несколько обломков черепной коробки и несколько ребер. Вещей нет.

Погребение 5 расположено в юго-восточном секторе. Могильная яма четырехугольной формы, с закругленными углами, ориентирована с запада на восток. Длина 1,80 м, ширина 80 см, глубина 2,20 м. Мужской костяк длиной 1,75 м лежал на спине с вытянутыми руками и ногами, головой на восток. Ноги в пятках тесно сдвинуты. Вдоль правого бедра был найден железный кинжал с серповидным навершием и прямым перекрестием (табл. IX, 8). Длина его 34 см. Близ стопы левой ноги обнаружены два железных черешковых наконечника стрел (табл. IX, 9) и один бронзовый, трехперый с выступающей втулкой (табл. IX, 10). Рядом с ними лежали лопатка барана и железный нож (табл. IX, 11).

Погребение 6 найдено также в юго-западном секторе на глубине 2,47 м. Могильная яма в форме четырехугольника, с округлыми углами в северо-западной части и с прямыми — в юго-восточном конце, ориентирована с северо-запада на юго-восток. Длина ее 2,35 м, ширина 1,10 м. Могила своей северо-восточной стенкой соприкасается с погребением 7.

Мужской костяк хорошей сохранности лежал на спине, головой на юго-восток; правая рука прижата к туловищу, левая чуть-чуть откинута, ноги широко раставлены, левая нога чуть согнута. Длина костяка 1,70 м. Слева от черепа лежали куски мела, под кистью левой руки — лопатка барана. У левой стопы найдены еще две лопатки барана, чуть поодаль от них — железный нож (табл. IX, 12) и кости ног барана. У кисти левой руки лежала кучка железных трехлопастных черешковых наконечников стрел (табл. IX, 13). Большинство стрел сильно окислено и спеклось в сплошную массу. У правого бедра лежал плохой сохранности железный меч, длиной 54,5 см, с серповидным навершием без перекрестия (табл. IX, 14). Под рукоятью обнаружился тлен очень яркого желтого цвета, а под всем мечом — древесный тлен от ножен.

Погребение 7 частью своей юго-западной стенки соприкасается с погребением 6. Могила прямоугольной формы, вытянута с северо-запада на юго-восток. Длина ее 1,93 м, ширина 90 см, глубина 2,40 м.

Женский костяк длиной 1,56 м плохой сохранности лежал на спине, головой на юго-восток, с вытянутыми руками и ногами. У левой ноги найден обломок неопределенной кости со следами медной окиси. В головах покойной, у самой юго-восточной стенки найдено бронзовое зеркало с выпуклым валиком на одной стороне и длинной плоской ручкой (табл. IX, 15). Возле лежал сосулек красной

песчаника. На левом плече, вдоль всей правой руки и на фалангах пальцев ее найдены лигнитовые цилиндрические бусы, а у кисти левой руки — куски мела. Куски красного песчаника и мела найдены между ногами костяка. Пастовая круглая бусина лежала выше левой тазовой кости. У ступни левой ноги обнаружены кости ног барана и лопатка. Под черепом костяка найдена серьга. Другая такая же серьга лежала под спинным позвонком. Близ тазовой кости (табл. IX, 16).

Погребение 8 открыто в юго-восточном секторе. Могильная яма четырехугольной с округлыми углами формы, вытянута с северо-востока на юго-запад. Длина ее 1,65 м, ширина 80 см, глубина 2,43 м. Костяк, по всей вероятности мальчика-подростка, лежал на спине, с вытянутыми конечностями, головою на северо-восток. В юго-западном углу могилы обнаружен глиняный горшок с сильно раздутым туловом, прямым горлом, с чуть отогнутым венчиком, со сливом и прямым дном (табл. IX, 17). Горло отделяется от тулова тремя довольно глубокими вдавленными линиями. От этого сосудика сохранился также небольшой обломок петлевидной ручки. Глина плотная, черного цвета. Поверхность сосуда хорошо заглажена.

Погребение 9 выявлено в юго-восточном секторе на глубине 2,33 м. Узкая четырехугольная могильная яма с округлыми углами ориентирована с запада на восток с небольшим отклонением. Длина ее 1,65 м, ширина 75 см. Детский костяк (девочки) лежал на спине, с вытянутыми конечностями, головою на восток, с незначительным отклонением на север. Сохранность костяка плохая. Часть костей была сдвинута и лежала в груде у юго-западной стенки могилы. В головах костяка найдена костяная туалетная ложечка (табл. IX, 18). Между ног лежало несколько кусков мела, а у правой ноги — кости ног барана.

Погребение 10 обнаружено в юго-западном секторе на глубине 2,43 м. Четырехугольная, с округлыми углами могильная яма ориентирована с северо-запада на юго-восток. Длина могилы 2,40 м, ширина 1 м. Погребение нарушено, и обломки вещей были разбросаны по всей могиле, в глиняной засыпке и в стенках могилы. Большая часть костей была покрыта окисью зеленоватого цвета, но поделок из бронзы найти не удалось. В северо-восточном углу был найден небольшой обломок глиняного сосуда и стеклянная позолоченная бусина. Под дном северо-восточной части могилы находилось также разрушенное погребение 14.

Погребение 11 расположено в насыпи

юго-западного и северо-западного секторов на глубине 1,58 м. Мужской костяк лежал на спине, с вытянутыми руками, головою на юг. Справа от таза найден небольшой обломок коричневого песчаника. Одна сторона его как-будто сработана и заполнена. У левой голени обнаружены железная пряжка с неподвижным язычком (табл. IX, 19) и наконечники стрел: железные, черешковые, трехгранные и бронзовые трехперые с внутренней втулкой и чуть опущенными лопастями (табл. IX, 20, 21). Среди наконечников найден железный колчаный крючок из прямоугольного стержня, раскопанного в верхнем конце, где сделано отверстие (табл. IX, 22). Вблизи от остатков колчана были найдены кости ног барана, а на левой бедренной кости — железный нож со следами гвоздя на рукоятки (табл. IX, 23).

Погребение 12 найдено в насыпи центральной части кургана на глубине 1,75 м. Оно было разрушено при постройке хозяйственных сооружений. Хорошо сохранились лишь бедренные кости, лежащие друг на друге. Между костей найдены мелкие обломки поделок из железа и бронзы, две стеклянные бусины с внутренней позолотой и кости барана.

Погребение 13 совершено в насыпи юго-восточного сектора на глубине 1,60 м. Костяк принадлежал, по-видимому, девочке небольшого возраста, так как в нижней челюсти сохранился один молочный зуб. Длина костяка 72 см. Сохранность скелета плохая, но по расположению костей можно судить, что костяк лежал на спине, с вытянутыми руками и ногами, тесно сдвинутыми в коленах. Найдена лишь одна плоская круглая с широкой сверлиной лигнитовая бусина.

Погребение 14 выявлено под погребением 10 на глубине 2,48 м. Погребение нарушено. Костяк взрослого человека, судя по вещам, — женщины, сосредоточены в северной части могилы. Череп лежал на левом боку, в оградке, образованной длинными костями рук и ног. В северо-восточном углу могилы у самой стенки найдена груда медких детских костей. Кости от этого скелета находились также вдоль западной стенки погребения. Среди костей обнаружены (табл. IX, 24) стеклянные с внутренней позолотой и лигнитовые бусы различной формы: фигурные с двумя отверстиями, круглые и продолговатые из синего стекла, круглая сердоликовая, пастовая в виде колесика. Между костями найдены мелкие обрывки тонкой кожи, на некоторых из них следы окиси меди. Внутри черепа была обнаружена серьга обычной для описываемых погребений формы (табл. IX, 25).

Погребение 15 было совершено в на-

сыпи северо-восточного сектора. Погребение разрушено. Среди разбросанных костей обнаружен лишь неопределенной формы обломок железного предмета.

Погребение 16 открыто в центре кургана. Погребение также разрушено. Среди лежащих в беспорядке поломанных костей человека найдены кости барана, нижняя челюсть лошади и два бронзовых трехперых наконечника стрел с внутренней втулкой (табл. IX, 26).

Погребение 17 расположено в южной половине центральной части кургана. Глубина могилы 2,20 м. Форма могильной ямы сильно нарушена. Кости плохой сохранности, лежали в беспорядке в основном в юго-восточной половине могильной ямы. Находок нет.

Погребение 18 обнаружено в северо-восточном секторе кургана в насыпи на глубине 1,60 м. Форма могильной ямы сильно нарушена при сооружении погребения, вырытого в прошлом на этом месте. Кости, принадлежавшие взрослому человеку, были поломаны и лежали в беспорядке. Среди костей много мелких железных обломков и остатков деревянных древков стрел.

Погребение 19 открыто в северо-западном секторе. Узкая могильная яма овальной формы вытянута почти прямо с севера на юг. Длина ее 1,30 м, ширина 70 см, глубина 2,20 м. От детского костяка сохранилась лишь правая половина скелета с черепом, раздавленным на мелкие кусочки. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на юг, с небольшим отклонением на запад. Находок нет.

КУРГАН XX

Находится на улице в западном конце деревни (рис. 1). Высота кургана 1,60 м, диаметр 23 м. Форма кургана круглая, ров не прослеживается. К югу от вершины насыпь кургана нарушена хозяйственными постройками бывшей на ней крестьянской усадьбы. Насыпь в этой части кургана перемешана с глиной, обломками кирпича, щебня, костей. В западном секторе, на глубине 60 см от вершины, в насыпи найдена каменная зернотерка круглой формы.

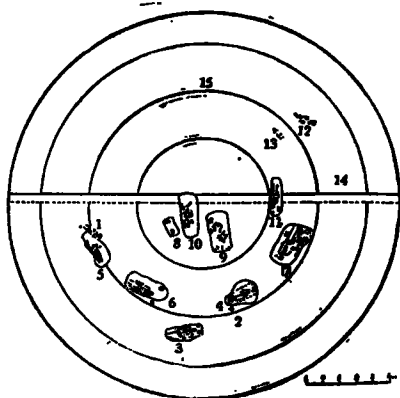
В кургане обнаружено 15 погребений (табл. X, 1): 5 мужских, 5 женских, 2 детских и 3 неопределенных. Грунтовых могил — 9, в насыпи — 6.

Погребение 1 обнаружено в юго-западном секторе в насыпи на глубине 60 см. Костяк плохой сохранности, по-видимому, мужской, лежал вытянуто на спине, головой на юго-восток. На левом бедре костяка был об-

наружен оселок из серого песчаника с отверстием, сделанным двухсторонним сверлением (табл. XI, 1). Рядом с ним — обломок молоткообразного предмета из камня (табл. XI, 2).

Погребение 2 открыто в юго-восточном секторе в насыпи на глубине 60 см. Костяк сохранился. Из вещей была найдена лишь лепная массивная толстостенная глиняная курлыница желтоватого цвета с шероховатой поверхностью, изнутри имеются следы колоти и каких-то жирных пятен (табл. XI, 3). В нижней части стенки проделано сквозное отверстие. Глина с примесью талька и слюдяной массы, слабого обжига. На курлынице лежала лопатка и кости ног барана.

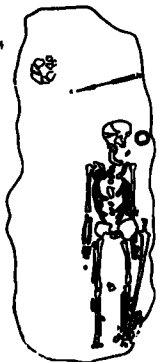
Погребение 3 обнаружено в юго-западном и частично в юго-восточном секторах. Могильная яма прямоугольной формы ориентирована с юго-запада на северо-восток. Длина ее 2,2 м, ширина 75—85 см, глубина 2,15 м. Мужской костяк лежал вытянуто, голову на северо-восток. Правая рука прижата к туловищу, левая — чуть откинута, ноги раздвинуты в колени и сближены в ступнях (табл. X, 2). Погребенный лежал на подстилке из ткани, тлен от которой хорошо прослеживается под костяком. Слева от черепа найдены лопатка и ребра барана и обломок железного ножа с прямым лезвием и выгнутой спинкой (табл. XI, 4). С другой стороны черепа обнаружен лепной шаровидный горшок с невысоким отогнутым венчиком и небольшим поддоном. Поверхность красновато-розовая, хорошо заглаженная. Сосуд по плечикам и середине тулова орнаментирован углубленными желобками и ямочками в виде полумесяца, ниже которых — ряды зигзагов. Глина серая, плотная, с примесью большого количества талька, обжиг плохой (табл. XI, 5). У правого плеча и частично на правой ноге лежал железный меч длиной 75 см, с широким лезвием овальной формы, с изогнутым перекрестием. Рукоять узкая, ромбическая, без навершия (табл. XI, 6). У пальцев правой руки найдено железное кольцо, вероятно, от пряжки (табл. IX, 7). У голени правой ноги обнаружена лепная курлыница в виде плоски с широким краем, орнаментированная вдавленными зигзагом (табл. XI, 8). Поверхность желтая, заглаженная, со следами нагара изнутри и снаружи; глина в изломе черная, с примесью извести и шамота, обжиг слабый. Возле курлыницы лежали три железных черешковых трехперых наконечника стрел. На грудной клетке найдена стеклянная позолоченная бусина (табл. XI, 9). С внутренней стороны правой бедренной кости найдена часть бронзовой бляшки с изображением головы горного козла (табл. XI, 10).

1

2

3

4

5

6

Таблица X. Планы кургана XX и погребений.

1 — курган XX (1—15 номера погребений); 2 — погребение 3; 3 — погребение 6; 4 — погребение 7;
5 — погребение 11; 6 — погребение 12.

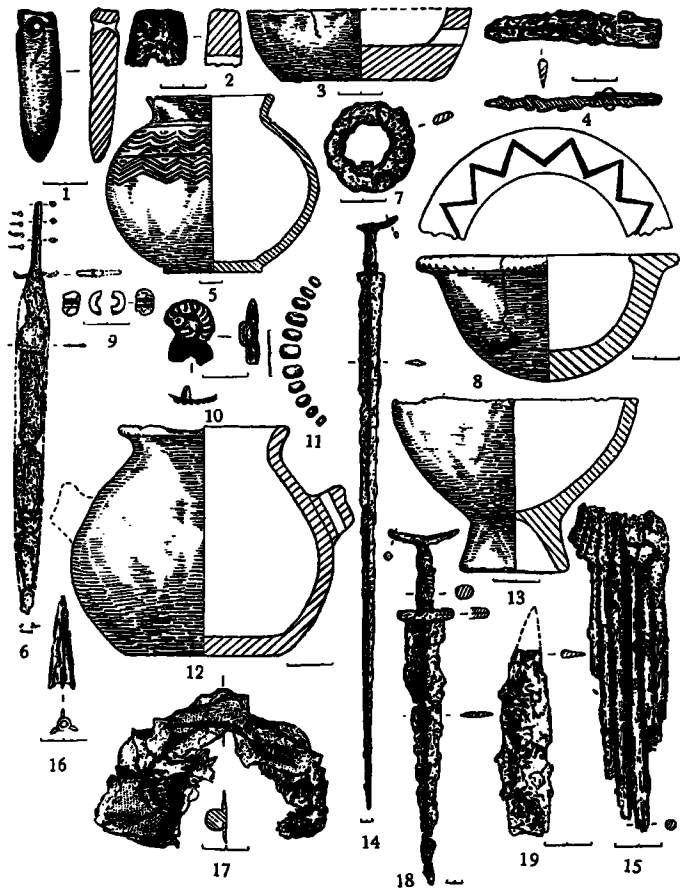

Таблица XI. Предметы из погребений, 1, 2, 3, 4, 6 (курган XX).

1 — осалок; 2 — подставка из камня; 3, 8, 13 — ритуальные сосуды; 4, 19 — железные ножи; 5, 12 — глиняные сосуды; 6, 14, 18 — железные мечи; 7, 17 — железные кольца; 9, 11 — стеклянные бусы; 10 — бронзовая бляшка; 15 — железные наконечники стрел; 16 — бронзовый наконечник стрелы (1, 2 — из погребения 1; 3 — из погребения 2; 4—10 — из погребения 3; 11 — из погребения 4; 12—19 — из погребения 6).

Погребение 4 выявлено в юго-восточном секторе. Могильная яма неправильной формы вытянута с юго-запада на северо-восток. Длина могильной ямы 1,80 м, глубина 1,70 м. Ко дну могилы приобрела форму узкой, прямоугольной ямы, в которой был обнаружен костяк девочки, лежавший на спине, с вытянутыми и плотно прижатыми к туловищу руками и тесно сдвинутыми ногами. Голова ориентирована на юго-запад. Длина костяка 1,15 м. На груди, на плечах и на запястьях обеих рук найдены стеклянные с внутренней позолотой бусы и одна лигнитовая (табл. XI, 11). В ногах костяка лежали кости ног и лопатка барана. В северо-западном углу стоял красноглинный гончарный сосуд с двумя маленькими петлевидными ручками, плоским дном и отогнутым венчиком (табл. XI, 12). Снаружи сосуд покрыт бурым ангобом. Глина плотная, хорошо обожженная и хорошо отмученная, с примесью слюды и мелкозернистого песка.

Погребение 5 обнаружено в юго-западном секторе. Могильная яма четырехугольной формы, с округлыми углами, ориентирована с северо-запада на юго-восток. Длина ее 2,35 м, ширина 95 см, глубина 1,80 м. Костяк женщины лежал на спине, с вытянутыми руками и ногами, головой на юго-восток. У правого локтя найдены кости барана. На обоих плечах и на тазовых костях лежали бусы из лигнита, пасты, сердолика и розового коралла.

Погребение 6 обнаружено в юго-западном секторе (табл. X, 3). Могильная яма четырехугольной, с округлыми углами формы, ориентирована с северо-запада на юго-восток. Длина могилы 2,70 м, ширина 1,10 м, глубина 2,30 м.

Мужской костяк лежал вплотную к южной стенке могильной ямы, на спине, с вытянутыми руками и ногами, головой на юго-восток. Левая рука тесно прижата к туловищу, правая откинута. Длина костяка 1,70 м. У левой стопы лежали кости барана. Слева от черепа найден ритуальный сосудик в виде асимметричной плошки с высоким поддоном (табл. XI, 13). Поверхность розоватая, с темными пятнами, шероховатая. В изломе черепок коричневатый, с примесью крупнотолченых раковин. Обжиг плохой. Высота сосудика 7,4 см, диаметр горла 6,5 см. У левого локтя найдены кусочки ткани и красной краски. Вдоль левой ноги лежал железный меч с узким лезвием и серповидным навершием. Перекрестие отсутствует (табл. XI, 14). Длина меча 1,03 м. У конца клинка находился набор из 40 спескижских черешковых трехперых железных наконечников стрел (табл. XI, 15). Вместе с ними ока-

зались три бронзовых трехперых наконечника стрел с внутренней втулкой (табл. XI, 16). На тазовых костях лежал обломок сильно окисленного железного предмета в виде круглого полого стержня. В юго-восточном углу могилы обнаружен круглодонный горшочек с розовой шероховатой поверхностью. Глина с примесью большого количества толченых раковин. У правой кисти лежал железный предмет, похожий на кольцо, сохранившийся неполностью (табл. XI, 17). Предмет сверху покрыт тканью и как будто берестой, которые пропитались окисью железа. Ниже кольца, у правого бедра, найден в обломках железный кинжал с серповидным навершием и прямым перекрестием (табл. XI, 18). На клинке и рукояти сохранились кусочки ткани и дерева. Длина кинжала 44 см. У правой берцовой кости обнаружен железный нож (табл. XI, 19).

Погребение 7 выявлено в юго-восточном секторе. Могильная яма в форме широкого четырехугольника с округлыми углами. Ориентирована с юго-запада на северо-восток. Длина ее 2,85 см, ширина 1,05 м, глубина 2,40 м. В засыпке сохранились следы древесного тлена. На дне могилы лежал на спине с вытянутыми руками и ногами, головой на юго-запад костяк взрослого мужчины (табл. X, 4). Левая рука прижата к туловищу, правая — чуть откинута. Верхняя часть туловища несколько приподнята. У левого плеча найден в обломках лепной ритуальный сосудик в виде невысокой чаши (табл. XII, 1). Поверхность сосудика красного цвета, с темными пятнами. Глина в изломе темная, с примесью талька. У локтя левой руки лежал обломок железной овальной в сечении пряжки. У левого бедра сохранились следы колчана с 25 железными черешковыми наконечниками стрел, снабженными длинными круглыми в сечении черешками (табл. XII, 2). У стопы левой ноги лежали кости барана. У правого бедра обнаружен короткий меч с прямым перекрестием и серповидным навершием (табл. XII, 3). Длина меча 46 см. На правом бедре найдена бронзовая восьмеркообразная пряжка с неподвижным крючком и следами кожи (табл. XII, 4). У левого бедра обнаружены массивные литые кольца (табл. XII, 5) и большая темно-синяя стеклянная бусина (табл. XII, 6). Между ногами обнаружен обломок челюсти барана, а на берцовых костях правой ноги — мелкие куски угля. В ногах костяка лежала красноглинная гончарная фляга с узким горлом, отогнутым венчиком, с ручками-петельками по бокам. Одна сторона фляги выпуклая, другая — плоская. На выпуклой стороне нанесены концентрические круги, внутри которых проведены верти-

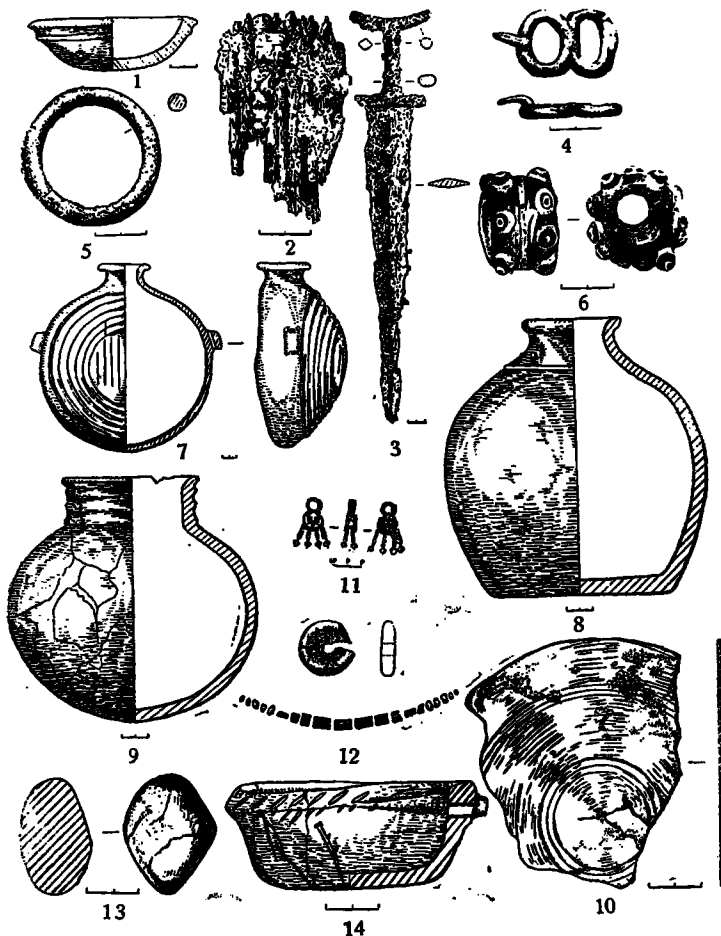

Таблица XII. Предметы из погребений 7, 11, 14 (курган XX).

1, 14 — глиняные купальнища; 2 — железные наконечники стрел; 3 — железный меч; 4 — бронзовый восьмерикобразная пряжка; 5 — металлическое кольцо; 6, 12 — бусы из стекла, агата и янтаря; 7—9 — глиняные сосуды; 10 — обломок серебряного зеркала; 11 — золотые серьги; 13 — галка (1—7 — из погребения 7; 8—13 — из погребения 11; 14 — из погребения 14).

кальные полосы. Поверхность сосуда покрыта красно-бурым ангобом. Глина прекрасно отмученная, с примесью каких-то темных включений. Высота сосуда 29,2 см (табл. XII, 7). Около него найдено несколько ребер лошади.

Погребение 8 обнаружено в юго-западном секторе. Могильная яма четырехугольной формы с округлыми углами, вытянута с северо-запада на юго-восток. Длина ее 1,20 м, ширина 70 см, глубина 2,05 м. Засыпка могилы состояла из песка и глины. От детского костяка сохранились лишь несколько мелких обломков черепа в юго-восточном конце могилы. Около них лежала баранья лопатка. В северо-западном углу могилы найден гончарный красноглиняный массивный, толстостенный сосуд с узким горлом, раздутым туловом и широким прямым дном (табл. XII, 8). Глина красная, прекрасно обожженная, с примесью мелкотолченого шамота и мельчайших вкраплений слюды. Поверхность покрыта красно-бурым ангобом. Высота сосуда 21,2 см, диаметр 20 см, диаметр дна 14 см. Около горшка обнаружены мелкие угольки.

Погребение 9 выявлено в юго-восточном секторе. Могильная яма в виде широкого прямоугольника ориентирована с севера на юг. Погребение нарушено, кости лежали в беспорядке. Могильная засыпка перемешана с пережженной глиной и кусками угля, но на костях следов пребывания в огне не видно. В северо-восточном углу могилы были обнаружены мелкие обломки неопределимых изделий из железа. Найдены также кости барана и лошади.

Погребение 10, обнаруженное в юго-западном секторе, занимало центральное положение в кургане. Могильная яма четырехугольной с округлыми углами формы ориентирована с севера на юг. Погребение также было нарушено. Кости человека лежали в беспорядке в глине, перемешанной с кусочками угля. В южной стенке могильной ямы были обнаружены обгоревшие камни и земля, но кости человеческого скелета не носили следов пребывания в огне.

Оба последних погребения — № 9 и № 10 — были нарушены при постройке, причем в могильные засыпки попали куски глины, земли и угля.

Погребение 11 выявлено в восточной части кургана. Могила в виде длинной четырехугольной ямы с округлыми углами, ориентированная с севера на юг, несколько суживалась к северу. Длина ее 2,30 м, ширина 70 см, глубина 2,35 м. Женский костяк лежал на спине, с вытянутыми ногами и руками, головой на юг (табл. X, 5). Под костяком прослеживаются

тлен коричневатого-бурого цвета, вероятно, от подстилки. В могильной засылке встречались угольки. В юго-восточном углу могилы был найден лепной сосуд с шаровидным туловом и прямым высоким горлом, с двумя рельефными поясками (табл. XII, 9). Глина черная, пористая, с примесью толченых раковин. Высота сосуда 15,8 см, диаметр устья 11,2 см. На горшке лежала кость барана, а вокруг сосуда прослежено скопление углей. Рядом с горшком близ черепа найден обломок плоского серебряного зеркала с прекрасно отполированной лицевой частью светло-золотистого цвета. На оборотной стороне зеркала врезаны концентрические круги (табл. XII, 10). Между горшком и восточной стенкой найдена золотая серга. Вторая такая же серга была обнаружена слева от черепа (табл. XII, 11). На груди и под шейными позвонками были найдены 60 экземпляров бусин из черного дигнита цилиндрической формы, несколько бусин из желтого стекла, одна кольцевидная, янтарная и синий бисер (табл. XII, 12). У ступни правой ноги найдены две гальки из хорошо окатанного песчанника (табл. XII, 13) с темными пятнами на поверхности. Под горшком были обнаружены мелкие обломки железного ножа.

Погребение 12 открыто в насыпи (табл. X, 6). Костяк взрослого человека, по всей вероятности мужской, лежал на спине, но в несколько необычном положении. Руки его, судя по сохранившемуся тлену, были согнуты в локтях и как бы упирались в бока. Левая, согнутая в колене нога, лежала поверх вытянутой правой. Голова ориентирована на юго-восток. Кости очень плохой сохранности, рассыпались при прикосновении шетки. Из вещей найдены лишь мелкие обломки древков стрел, сильно пропитавшихся окисью железа.

Погребение 13 совершенно в насыпи северо-восточного сектора. Костяк детский, очень плохой сохранности (кости рассыпались при прикосновении шетки), лежал на спине, с вытянутыми конечностями, головой на северо-запад. Вещей обнаружено не было.

Погребение 14 обнаружено в северо-восточном секторе. В могильной яме были найдены лишь кости ног барана и небольшая лепная ритуальная плоскдонная чашечка (табл. XII, 14). На боку чашечки имеется отверстие, по обе стороны от которого видны небольшие выступы. Курильница орнаментирована насечками. Глина серовато-темная, с примесью слюды.

Погребение 15 выявлено в северо-восточном секторе, в насыпи. От детского костя-

ка сохранились лишь мелкие обломки костей, ориентированные с северо-запада на юго-восток. Находок нет.

••

Всего в 1957 и 1958 гг. в четырех курганах (XI, XIII, XIV, XX) было вскрыто 68 погребений. В большинстве погребений находилось по одному костяку и только в четырех — по два (к. XI, п. 4, 5; к. XIII п. 4; к. XIV, п. 14).

Подавляющее большинство грунтовых могил имело четырехугольную форму, с округлыми углами. Две могилы выглядели в плане как широкий (к. XX, п. 7, 9) и одна — как удлинённый прямоугольник (к. XX, п. 11). Одно погребение имело форму, близкую к овалу (к. XI, п. 19). В некоторых могилах вдоль стенок встречены ступеньки (к. XI, п. 12; к. XIII, п. 13; к. XX, п. 4). В двух погребениях оказались подбой, в которых помещались черепа и ноги костяков (к. XI, п. 2) или только ноги костяка (к. XI, п. 3). Могильная засыпка состояла из глины или чернозема. В редких случаях могилы были перекрыты деревом (к. XIII, п. 3; к. XX, п. 7).

Костяки большей частью лежали прямо на грунте, изредка прослеживался глен, возможно, от подстилки (к. XI, п. 2; к. XIV, п. 14; к. XX, п. 3).

Погребенные лежали на спине, с вытянутыми ногами и руками. Особенностью большинства погребений является то, что женские костяки лежат со сдвинутыми ногами, мужские — с широко расставленными. Иногда встречаются костяки с тесно прижатой к туловищу одной рукой, а другой чуть откинутой. В двух случаях (к. XIV, п. 1; к. XX, п. 12) костяки лежали с руками, упирающимися в бока, а на правой вытянутой ноге лежала согнутая левая нога. Ориентировка костяков довольно неустойчивая, но преобладает южная с отклонением большей частью на восток, иногда на запад. Совершенно отсутствует северная ориентировка.

Ритуальную особенность погребений составляют находки костей жертвенных животных, чаще это кости барана, в единичных случаях — нижняя челюсть лошади (к. XX, п. 10), ребра лошади (к. XX, п. 7), ребро коровы (к. XIII, п. 12), позвонки осетровой рыбы (к. XIII, п. 13). Иногда в могилах встречались угольки (к. XI, п. 19, 20; к. XX, п. 7—11), куски мела или меловой подсыпка (к. XI, п. 16, 18; к. XIII, п. 10; к. XIV, п. 6—9; к. XX, п. 11); в одном погребении обнаружен обломок красноглиняного сосуда (к. XX, п. 10).

Описанный погребальный обряд в основных своих чертах аналогичен обряду захоро-

нения, имеющему место в раннесарматских памятниках Нижнего Поволжья¹, Западного Казахстана² и Южного Приуралья³. Встреченные при раскопке курганов у дер. Старые Кишки подбой в погребениях 2 и 3 кургана XI и захоронение коня над погребением женщины в могиле 2 кургана XI не имеют себе аналогий в перечисленных выше ранних сарматских памятниках.

Инвентарь, сопровождающий погребенных, весьма устойчив. В мужских погребениях он состоит из предметов вооружения. В женских найдены украшения и бытовые предметы: керамические и каменные пряслица, бронзовые и серебряные зеркала, костяная ложечка, раковины. В двух погребениях встречены костяные амулеты. Из орудий труда найдены коренкопалки, стамеска, наконечник пещи и долото. Обязательными находками в каждом погребении, как в мужском, так и в женском, являются железные ножи и глиняные сосуды.

Керамический материал разделяется на сосуды, сделанные от руки и изготовленные на гончарном круге. Лепные сосуды представлены горшками в основном с шаровидным туловом, округлым дном, невысокой шейкой и отогнутым венчиком (табл. III, 5, 12; табл. IV, 16; табл. VII, 13; табл. XII, 9). Редко встречаются горшки с высокими (табл. VIII, 3) или прямыми (табл. VII, 1) вогнутым (табл. II, 1) горлом и плоским дном (табл. VII, 16; табл. VIII, 1; табл. XI, 5). Один сосуд имеет округлое дно и узкое горло с невысокой шейкой и отогнутым венчиком. Тулово его раздутое, так называемой бомбовидной формы (табл. VII, 8). Сосуды сделаны из глины, содержащей в большинстве случаев примесь толченой раковины и слюдянистой массы. Встречаются примеси талька, шамота, дресвы. Поверхность сосудов шероховатая, неровная, редко сглаженная, обычно серого или темно-красного цвета. Орнамент на стенках сосудов редок. Чаще всего он располагается на плечиках сосуда, иногда заходя на верхнюю часть тулова, и состоит из вдавленных волнистых линий или треугольников (табл. IV, 16; табл. VII, 1, 8, 16; табл. XI, 5;

¹ И. В. Смирницкий, Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, Саратов, 1947, кург. у дер. Бородаевка 1, погр. 1, 2; с. Макаровка, кург. 2, погр. 2; его же с. МИА, 60, 1959, стр. 198, примечание 68.

² Архив Института археологии АН СССР. Отчет И. В. Смирницкого об экспедиции в Саратовскую область и Западный Казахстан за 1948 г. (с. Джангалы, кург. 3, погр. 2; кург. 4, погр. 2, 3).

³ М. И. Ростовцев, Курганые находки в Оренбургской области, МАР, 37; Б. Н. Граков, Курган в окрестностях поселка Нежинского Оренбургского уезда по раскопкам 1927 г., ТСРАНИОН, IV, 1928.

табл. VIII, 3), горизонтальных или вертикальных бороздок (табл. VIII, 1; табл. XII, 9).

Значительную часть лепных сосудов составляют разнообразные ритуальные сосудики. Они имеют форму мисочек и плошек с отверстием на одном боку (табл. VIII, 13; табл. IX, 5; табл. XI, 3, 8; табл. XII, 1, 14) или плошек с высоким или низким поддоном (табл. II, 5; табл. VI, 7; табл. XI, 13), в виде ложки (табл. IV, 5) и в виде ладны (табл. VIII, 12). Сделаны они из глины с примесью шамота и слюды (табл. II, 5; табл. XI, 13), из мела (к. XI, п. 3), из мергеля (табл. VIII, 12). Некоторые из них ornamentированы треугольниками по бортику (табл. VI, 11; табл. XI, 8); вдавленным елочным узором (табл. IX, 5), выпуклыми поясками с косыми линиями (табл. VIII, 11). Из числа ритуальных сосудов наибольший интерес представляет курильница, или светильник, найденный в п. 14, к. XIII (табл. VIII, 12). Ее отличает оригинальная форма и тщательность исполнения. Обращает на себя внимание то, что на одном из бортиков ее имеются какие-то линии, которые могут означать тамгу, или знак мастера¹. Все перечисленные сосуды местного производства. Исключение представляет курильница (или светильник), изображенная на табл. IV, 5. Она сделана из тальково-силицистового сланца, встречающегося лишь в Зауралье. Поэтому можно считать, что этот предмет был завезен отсюда.

Все перечисленные сосуды, найденные в курганах могильника у дер. Старые Книшки, имеют аналогию в сарматских памятниках первых веков до н. э.: Нижнего Поволжья², Южного Приуралья³, а также в ранее раскопанном кургане IX у дер. Старые Книшки⁴.

Особую группу составляет керамика, изготовленная на гончарном кругу из хорошо отмученной плотной глины красного цвета, очень хорошего обжига (табл. II, 9; табл. IV, 4, табл. VIII, 14; табл. XI, 12; табл. XII, 7, 8). Поверхность сосудов покрыта красным ангобом. Примесь к глине состоит из мелкотолченого

шамота, песка, извести с вкраплениями слюды. Горшки этой группы плоскодонные, узкогорлые, с раздутым туловом, невысокой шейкой и отогнутым венчиком. Исключение составляют горшки, найденные в курганах XI (табл. IV, 4) и XX (табл. XI, 12), которые имеют широкие горла. У некоторых на туловах сделаны петлевидные ручки (табл. XI, 12; табл. XII, 7). По форме гончарные сосуды разделяются на горшки (табл. IV, 4; табл. IX, 17), корчаги небольших размеров (табл. II, 9; табл. XII, 8), фляги (табл. XII, 7), кувшины с ручкой (табл. VIII, 14) и блюда (табл. IX, 2). Большая их часть не ornamentирована. Изредка встречающийся орнамент состоит из уступчиков по плечикам, концентрических выпуклых кругов и вертикальных кривых линий. Описанные гончарные сосуды имеют аналогию в хорезмских памятниках Кангуйского времени (IV в. до нашей эры и I в. н. э.)⁵. Железные ножи, встречающиеся обычно среди костей жертвенного животного, представлены тремя типами: с прямым лезвием и горбатой спинкой (табл. II, 17; табл. III, 3, 20; табл. IV, 24; табл. VI, 2; табл. VII, 4, 6; табл. VIII, 10, 15; табл. IX, II, табл. XI, 19), с выгнутой лезвием и выгнутой спинкой, так называемой «серповидной» (табл. IV, 1; табл. VI, 6, 10; табл. VII, 18) и реже встречающиеся ножи с прямым лезвием и прямой спинкой (табл. IV, 18; табл. IX, 12). На черенках ножей наблюдаются следы дерева.

Вооружение в мужских погребениях представлено железными мечами, кинжалами, наконечниками стрел из бронзы, железа и, редко, из кости.

Мечи и кинжалы в подавляющем большинстве имеют серповидное навершие и прямое перекрестие. На рукоятки часто сохраняются следы деревянной накладки. Длина мечей 75—106 см, кинжалов — 23—46 см. Все они относятся к так называемому прохордовскому типу, широко распространенному в погребениях III—II вв. до н. э. Южного Приуралья⁶, в Башкирии (кург. 9, погр. 1, 10, раскопки П. А. Дмитриева, 1934 г.)⁷; в курганах Гафуринского⁸ и Кармаскалинского⁹ районов, а

¹ Тамга, или знак мастера, прочерченная подобным приемом, нам встретилась на костяном орудии, найденном при раскопках 1957 г. (Бугор II, «Убалар») в Гафуринском районе (см. настоящее изд., стр. 126).

² И. В. Сидякин. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, рис. 20, 65, 73; табл. 13; его же. Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане, КСИИМК, XLV, 1952, рис. 29; его же, МИА, 60, 1959, рис. 36, 4, 5 и 37, 13.

³ В. Н. Граков, Указ. соч., рис. 5, 6; К. В. Сальяков, Сарматские курганы близ г. Орск, МИА, вып. 1, М.—Л., 1940, табл. 1, 5.

⁴ Г. Э., колл. № 1698/133.

⁵ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 110, рис. 23, 10, 13; его же. Древний Хорезм. М., 1948, рис. 21 а.

⁶ М. И. Ростовцев. Указ. соч., табл. V, 11; табл. VII, 9, 16/172; К. В. Сальяков. Указ. соч., рис. 5; В. Н. Граков, Указ. соч., рис. 1.

⁷ Г. Э., колл. № 1693, 1, 67, 68; Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг., М.—Л., 1941, стр. 131.

⁸ Башкирский республиканский музей краеведения, колл. №№ 336, 386а, 456а.

⁹ Там же. нив. № 3315.

также в Нижнем Поволжье¹. Происходящий из кургана XIV (табл. IX, 3) железный кинжал с кольцевым навершием также может быть датирован прохоровским временем, т. к. ряд мечей и кинжалов с подобным навершием найден в Западном Казахстане и Волгоградской области² в погребениях с комплексом вещей III—II вв. до н. э.

Оригинальную форму имеют мечи, найденные в погребении 4 кургана XIII и в погребении 3 кургана XX. Оружие, найденное в кургане XIII (табл. VI, 8), отличается от обычных мечей тем, что клинок его не прямой, а слегка изогнут и имеет только одно лезвие на вогнутой стороне. Общая длина меча 75 см, длина лезвия 66 см, ширина 2 см. Узкая рукоять его составляет одну линию со спинкой и находится под небольшим углом к лезвию. На рукояти имеются металлические шпешки; с помощью их прикреплялась деревянная накладка, следы от которой сохранились на железе.

Другой меч, встреченный в погребении 3 кургана XX (табл. XI, 6), двулезвийный, но клинок его необычной формы — он сильно расширен в середине. Оригинально и перекрестие этого меча. Оно изогнуто кверху и состоит из двух пластинок, которые на одном конце расщеплены для вдевания на рукоять с последующей склепкой. Рукоять этого меча имеет ромбическое сечение, а в конце — округлое. Навершие отсутствует. Рядом с рукоятью меча лежали четыре гвоздика со шляпками, служившие для прикрепления деревянной обкладки. Длина меча 75 см, ширина лезвия у перекрестия 3 см, в средней части 6 см и к концу лезвия сужающаяся.

Среди сарматских памятников оружие подобной формы нам неизвестно.

Наконечники стрел относятся к числу наиболее многочисленных находок, которые встречены преимущественно в мужских погребениях, и лишь один бронзовый наконечник стрелы найден в женской могиле (погребение 10, курган XIII).

Всего найдено 296 металлических наконечников стрел. По курганам они распределяются таким образом: в кургане XI бронзовых наконечников 88, железных — 1; в кургане XIII бронзовых наконечников 54, железных — 42; в кургане XIV бронзовых наконечников 5, железных — 38; в кургане XX бронзовых наконечников 3, железных — 65.

Бронзовые наконечники трехперые, очень

редко трехгранные, иногда с опущенными гранями, втулка у большинства внутренняя, длина пера от 2 до 3,4 см. У некоторых на боковых гранях имеются отверстия (табл. II, 2; табл. III, 10, 16; табл. IV, 2, 3, 15; табл. VII, 20; табл. VIII, 5; табл. IX, 10, 20, 21; табл. XI, 16).

Железные наконечники трехперые черешковые. В большинстве случаев мелкие, длина пера 1,7—2,3 см (табл. VI, 9; табл. VII, 3; табл. VIII, 6; табл. IX, 9, 13, 21); только один наконечник (курган XI, погр. 11) имел длину пера 3 см. Все они плохо сохранились и находятся в виде спекшихся комков. Бронзовые и железные наконечники стрел обычно находятся вместе в одном колчане. Лишь в кургане XI, во всех погребениях, за исключением могилы 14, были найдены только бронзовые наконечники стрел (табл. II, 2, 16; табл. III, 10, 16; табл. IV, 2, 15, 25).

Находка костяных наконечников стрел, подобных происходящим из погребения 13 кургана XIII, для сарматских памятников — явление редкое.

Описанные типы бронзовых и железных наконечников стрел широко распространены в сарматских погребениях IV—II вв. до н. э.¹ Они встречаются в курганах Южного Приуралья², Орска³, Нижнего Поволжья⁴. В Башкирии подобные стрелы найдены в ранее раскопанном кургане у дер. Старые Киньки (к. IX, раскопки 1934 г.)⁵ и в Баймакском районе⁶.

Мечи и кинжалы обычно находились с правой стороны, острием вниз. И только в погребении 6 (к. XX) меч был положен слева от погребенного. Наконечники стрел лежали с левой стороны в рассыпанном виде или в кучках. В последнем случае они находились в колчанах, от которых до нас дошли лишь кусочки дерева и кожи. Ножи и колчаны к поясам прикреплялись с помощью железных крючков. Один из таких крючков найден в погребении 11 кургана XIII.

¹ Б. Н. Граков, Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов, ТСАРИИИИ, V, М., 1930, стр. 72—74, рис. 3, 6.

² М. И. Ростовцев, Указ. соч., табл. V, 10; табл. VII, 5, 8.

³ К. В. Сальников, Указ. соч., стр. 132, рис. 10.

⁴ И. В. Смирнов, Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, с. Усатово, кург. 9/19, погр. 2; К. Ф. Смирнов, Указ. соч., рис. 19, 5; 29, 2, 6.

⁵ Архив Ленинградского отделения Института археологии, отчет П. А. Дмитриева за 1934 г., дело № 273, стр. 17—19; Г. Э., колл. № 1693, погр. 1, 3, 10.

⁶ Башкирский республиканский музей краеведения, колл. № 3042.

¹ И. В. Смирнов, Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, стр. 63, рис. 38.

² К. Ф. Смирнов, МИА, 60, 1969, рис. 16, 18.

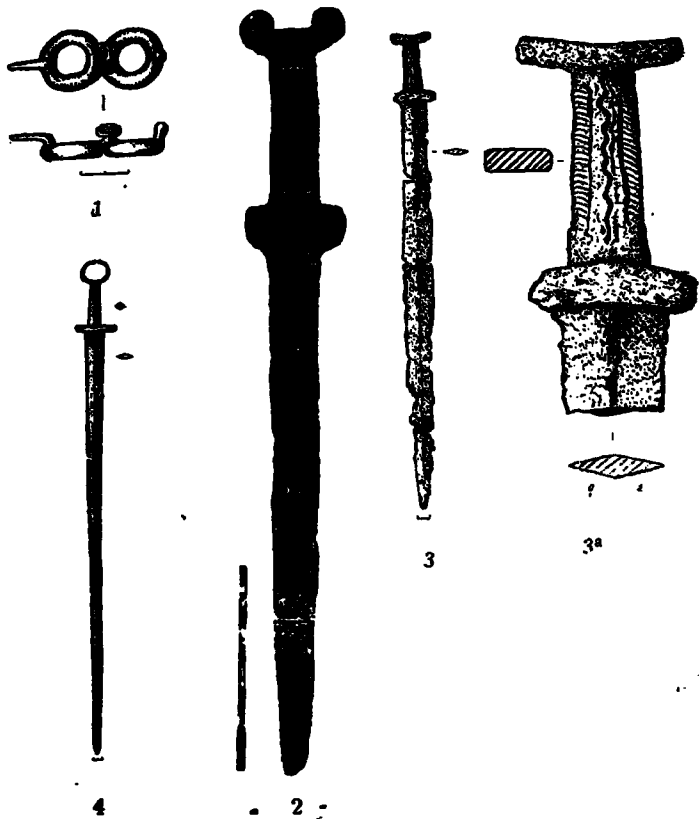

Таблица XIII. Случайные находки из сарматских памятников Башкирии.

1 — бронзовая пряжка; 2 — железный шпиль; 3, 3а, 4 — железные иглы; 1/ — курган у дер. Иштуганово Кармаскалинского района; 2 — дер. Берлячев; ср. течение р. Белой 3, 3а — г. Курман-Тлау Гафурийского района; 4 — Кулорганский район.

В большинстве мужских погребений найдены железные пряжки в виде круглых колец с неподвижными язычками (к. II, п. 12, 17, табл. III, 8, 14; к. XIV, п. 11, 13, табл. VII, 2, 19; к. XIV, п. 11, табл. IX, 19; к. XX, п. 7). По месту нахождения пряжек у костяков

можно сделать вывод, что они, по всей вероятности, служили для застёжки поясных ремей и отчасти обуви. В погребении № 7 (курган XX) найдена пряжка иной формы: бронзовая, восьмеркообразная. Оба типа пряжек относятся к числу распространенных находок в

раннесарматских погребениях Казахстана¹ и в Волгоградской области². В Заволжье такого типа пряжки обнаружены в ранне- и среднесарматских³ погребениях. В Башкирии восьмеркообразная бронзовая пряжка входила в состав случайных находок у дер. Ильтуганова⁴ в комплексе с вещами IV—II вв. до н. э. Отличие последней от найденной в кургане XX заключается в том, что в середине у нее имеется грубо выполненное лицо человека (табл. XIII, 1).

Орудия труда из курганов дер. Старые Кишки представлены разнообразными типами. Среди них: оселки, проколки, ножи, долото, стамеска, пешня, корнекопалки и зернотерка. Короткие, брусковидные, прямоугольные или овальные с отверстием в верхнем конце оселки часто находятся в погребениях мужчин (табл. II, 18; табл. XI, 1).

Интересный и редко встречающийся в сарматских погребениях набор инструментов представлен в погребении 12 кургана XI (табл. III, 17—19). Это, по всей вероятности, столярные орудия. Таким образом, эти находки значительно расширяют ассортимент орудий труда, используемых сарматами, и указывают на значительное место столярного ремесла в быту мужчины-сармата.

В женских погребениях из орудий обычной находкой являются керамические пряслицы плоской (табл. II, 3, 8, 15; табл. IV, 12, 20; табл. VI, 5), реже полусферической (табл. III, 4) и биконической (табл. IX, 6) формы, лишь одно пряслице (табл. II, 8) сделано из камня.

К орудиям труда, свидетельствующим о наличии земледелия, относятся каменные зернотерки и терочки. Возможно, что для этой же цели служили найденные в погребениях железные корнекопалки. Корнекопалки имеют округлое лезвие и овальную в сечении втулку. Найдены они как в женском (к. XIII, п. 4), так и в мужском погребении (к. XIII, п. 13). По-видимому, обнаруженные нами корнекопалки являются пока единственными орудиями этого рода в раннесарматских погребениях.

Зернотерки происходят из насыпей курганов XIII, XIV и XX. Они имеют круглую и продолговатую форму с углублением в середине.

Терочниц найдено две: одна вместе с зернотеркой в кургане XIII, другая — в женском погребении (к. XIV, п. 2). Последняя сделана из розовато-серого песчаника. Узкая рабочая часть ее сильно стерта (табл. IX, 4).

Предметы украшения встречаются преимущественно в женских погребениях. Они состоят из разнообразных бус, золотых височных подвесок и серег. Всего найдено 2527 экземпляров разнообразных бусин. Самую большую группу (1276) составляют лигнитовые бусины, рубленые, цилиндрической формы (табл. IV, 19) и круглые, диаметром от 2 до 7 мм, изредка — фигурные (табл. II, 12; табл. IX, 24); затем круглые стеклянные позолоченные (717) (табл. IV, 9, 10), сердоликовые (33), круглые, диаметром 3—14 мм (табл. VIII, 11). Большое количество (351) встречено круглых пастовых бусин (табл. III, 1). В двух погребениях (к. XIII, п. 5, 14) найдены ожерелья из коралловых бус круглой и ветвистой формы (143) (табл. VIII, 11). К редким экземплярам относятся бусины из синего стекла с зелено-оранжевыми глазками (к. XI, п. 9 и 19; табл. III, 9 и табл. IV, 19). Уникальная крупная (3,2×3 см) бусина или навершие из темно-синего стекла с белыми прожилками и выпуклыми глазками (к. XX, п. 7; табл. XII, 6)

Большой частью бусины встречаются у кистей рук, в области грудной клетки, редко вокруг шейных позвонков. Следовательно, ими обшивались рукава и грудь одежды, реже они входили в состав ожерелья. Перечисленные виды бусин являются обычными в женских погребениях Нижнего Поволжья¹ и Южного Приуралья², где они встречаются в различных стадиях развития сарматской культуры.

Встреченные в женских погребениях серьги или височные подвески в форме колец в 1,5 оборота сделаны из круглой в сечении бронзовой проволоки, обернутой золотым листом (табл. II, 4, 10; табл. VI, 15; табл. IX, 16, 25). Подобные серьги известны из сарматских погребений Нижнего Поволжья³. В Башкирии такие изделия найдены в кургане IX у дер. Старые Кишки (раскопки 1934 г.)⁴. По технике

¹ Архив Института археологии АН СССР, дело № 240. отчет И. В. Смирнова об экспедиции в Саратовскую область и Западный Казахстан, 1948 г. (жур. 35, подр. 7, рис. 126, 133).

² К. Ф. Смирнов, Указ. соч., рис. 16, 4; рис. 32, 2, 7.

³ И. В. Смирнов, МИА, 60, 1959, рис. 2, 2; 25, 2.

⁴ Башкирский республиканский музей краеведения, колл. № 5817.

¹ И. В. Смирнов, Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, с. Боролаевка, кург. Г 6, погр. 1, 4, 5; совхоз «Красный Октябрь», кург. Г 7, погр. 5, 11; с. Усатово, кург. Г 18, погр. 2; кург. Г 19, погр. 1, 21; кург. 1 20, погр. 1, 2; с. Макарово, кург. Г 5, погр. 1, 3, 7, 12; с. Усатово, кург. Г 16.

² Б. Н. Граков, Курганы в окрестностях посёлка Нежинского, Оренбургского уезда по раскопкам 1927 г.

³ И. В. Смирнов, Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, стр. 58, рис. 31.

⁴ Архив Ленинградского отделения Института археологии, см. отчет П. А. Дмитриева за 1934 г., стр. 21.

исполнения описанные серьги повторяют традицию изделий прохоровских курганов III—II вв. до н. э., где обкладка листовым золотом широко применялась как на оружии, так и на предметах украшения¹.

Уникальной находкой, не имеющей пока себе аналогий, являются золотые серьги из погребения II кургана XX (табл. XII, 11). Они состоят как бы из трех частей. Верхняя представляет собою колечко, аналогичное вышеописанным серьгам. С помощью дужки к этому колечку прикреплены полулунные сдвоенные щитки, украшенные перегородчатым орнаментом в виде треугольников, заполненных синей и красной пастой. Щитки скреплены друг с другом полыми золотыми трубочками. На верхних углах щитка припаяны миниатюрные пирамидки из золотых шариков. К нижней части полулунных щитков прикреплено по четыре петельки с каждой стороны, от которых идут витые цепочки в три звена, заканчивающиеся полыми шариками.

Точные аналогии этим серьгам нам неизвестны. Характер цепочек и шариков в точности повторяют подобные детали на серьгах, найденных в одной из древних могил Сибири². Звено от подобной цепочки имеется в погребении I кургана 9 Ново-Кумакского могильника (В. Троицкий район Оренбургской области³), относящегося к сарматскому времени V—начала IV вв. до н. э.

Особую группу составляют зеркала, раковины, костяные ложечки.

Зеркала найдены в четырех погребениях (к. XI, п. 2; к. XIII, п. 10; к. XIV, п. 7; к. XX, п. II и в насыпи к. XIV). Зеркала представляют собою диски диаметром 6,8—11,5 см, у некоторых на одной стороне вдоль края имеется выпуклый валик (табл. II, 7; табл. VII, 11; табл. IX, 1, 15). Ручки зеркал неодинаковы. У одних они короткие (табл. II, 7), у других длинные, заостренные (табл. VII, 11) или широкой прямоугольной формы (табл. IX, 15). На обратной стороне зеркал встречается процерченный орнамент в виде концентрических кругов или зигзагов (зеркала из погребения II кургана XX и из насыпи кургана XIV). Большинство описанных зеркал относятся к типу прохоровских, часто встречающихся в памятниках сарматской культуры Южного При-

уралья и Поволжья IV—I вв. до н. э.¹ Из этой группы выделяется лишь обломок тонкого пластинчатого серебряного зеркала, найденного в погребении II кургана XX. Подобные зеркала характерны для Поволжья, начиная со II в. до н. э. по II в. н. э.²

Широко распространенный в погребениях сармат обычай класть в могилу намеренно сложенные предметы встречен и в курганах у дер. Старые Кишки. Обломки зеркал найдены в насыпи кургана XIV и в погребении II кургана XX. В одном случае в женском погребении 10 кургана XIII найдена рукоять кияжала или ножа, которая также была намеренно отрублена от клинка³.

Частыми находками в погребениях сармат являются костяные ложечки и раковины⁴. В наших раскопках они встретились три раза (к. XIV, п. 9; к. XI, пп. 3 и 19).

Заканчивая описание находок из курганов у дер. Старые Кишки, следует остановиться на одном предмете, назначение которого остается неясным. Это найденный в мужском погребении кургана XX обломок молоткообразного предмета из талька с круглым отверстием (табл. XI, рис. 2) и небрежно обработанной поверхностью. Подобные находки встречены еще в двух сарматских памятниках из раскопок И. В. Сивинца в Западном Казахстане: в женском погребении кургана 9 могильника Кара-Оба и в мужском погребении III—II вв. до н. э. у Джангалы⁵ и в Волгоградской области⁶. Назначение их автором раскопок не определено.

••

Археологические исследования курганной группы у дер. Старые Кишки не закончены. Всего в течение 1934, 1957, 1958 гг. раскопано 5 курганов. Раскопки показали, что все они связаны устойчивой общностью погребального обряда и могильного инвентаря.

Все могилы группируются в виде полукруга вокруг одного из погребений, расположенных под центральной частью курганной насы-

¹ М. И. Ростовцев, Указ. соч., табл. IV, 2, 9; табл. V, 5; М. П. Абрамова, Сарматская культура II в. до н. э.—I в. н. э., СА, I, 1959, стр. 60 (II Бережковский могильник, кург. 14, погр. 21).

² М. П. Абрамова, Указ. соч., стр. 60, рис. 2, 3.

³ Тип и особенно степень сохранности этого предмета ставят под серьезное сомнение его древность (Ред.)

⁴ В. Н. Грахов, Пережитки матриархата у сарматов, ВДИ, № 3, 1947, стр. 111.

⁵ И. В. Сивинца, Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане, Указ. соч., 1952, стр. 70—71, рис. 28, 4.

⁶ Саратовский областной музей, колл. № 2121, 2124, кург. с Бережкова, кург. 14, погр. 19, 22 (раскопки И. В. Сивинца, 1954 г.).

¹ М. И. Ростовцев, Указ. соч., табл. II, 3; табл. III, 1—4.

² В. Радлов, Сибирские древности, МАР, 15, СПб., 1894, т. I, стр. 131, рис. II.

³ Принято глубокою благодарностью М. Г. Мошковой за разрешение использовать неопубликованный материал раскопок 1959 г.

ли. По-видимому, последние и были основными. Неустойчивость ориентировки погребенных может быть и объясняется расположением погребений вокруг центральной могилы. Обращает внимание и тот факт, что при сравнительно большом количестве исследованных погребений мы имеем лишь единственный случай, когда одно погребение нарушило другое (кург. XI, погр. 9, 10). Следовательно, люди, хоронившие своих умерших, знали расположение могил. Из этого можно заключить, что каждый курган был кладбищем или отдельной патриархальной семьей, или очень близких родственников.

Могильный инвентарь исследованных курганов отличается большим однообразием. Особенно это проявляется в устойчивом наборе предметов вооружения и украшений.

Характер погребального обряда и инвентаря и приведенные аналогии позволяют отнести раскопанные курганы к могильникам сарматской культуры.

Таким образом, раскопки 1957—1958 гг. подтвердили вывод П. А. Дмитриева о принадлежности курганов у дер. Старые Кишки к памятникам раннесарматской культуры. В результате этих раскопок мы получили значительный материал, который позволяет уже более точно определить время совершения захоронений, чем это было сделано названным автором (IV—I вв. до н. э.).

Близость погребального обряда и могильного инвентаря дают основание предполагать, что все погребения хронологически близки между собой, а продолжительность существования могильника может быть определена в пределах 100—150 лет. Не ставя перед собой цель точно определить время совершения погребений, все же укажу, что наиболее ранним по времени может быть курган XI, в котором, как указывалось выше, во всех погребениях, за исключением погребения 14, были найдены наконечники стрел только из бронзы. Время совершения в нем захоронения может быть определено по типу наконечников стрел концом IV — началом III вв. до н. э. Курганы XIII, XIV и XX, особенно два последних, могут быть датированы III—II вв. до н. э.

Сравнивая археологический материал, добытый в курганах у дер. Старые Кишки, с материалом памятников сарматской культуры Нижнего Поволжья, Западного Казахстана и Южного Приуралья (Прохоровские курганы), мы приходим к выводу о большом культурном единстве сарматских племен, живших в IV—II вв. до н. э. на всей этой обширной территории. Следовательно, эти области были заселе-

ны родственными между собою племенами. Имея в виду описанные курганы у дер. Старые Кишки Кармаскалинского района и случайные обнаруженные сарматские погребения в дер. Ильтуганова того же района¹, а также отдельные находки сарматских вещей в Аураганском², Гафурийском³, Баймакском⁴ районах и в одном из районов восточной Башкирии (в бывшем Тамьян-Катайском кантоне)⁵, можно сделать вывод, что в IV—II вв. до н. э. сарматские племена занимали значительную часть южной Башкирии. Есть основание время появления сарматских племен в Башкирии еще более удревнить, так как ряд находок может быть отнесен к памятникам савроматской культуры, таковы: кинжал, найденный близ дер. Берлячевой на среднем течении р. Белой, и меч с Курман-Тау Гафурийского района. Первый имеет навершие — брусок, концы которого загнуты в виде коготков, рукоять с двумя желобками и бабочковидное перекрестие. Клинок длиной 35,7 см в сечении почти овальный, с чуть заметным ребром (табл. XIII, 2). Меч с Курман-Тау (длина 1 м, ширина у перекрестия 5 см) с брусковидным навершием и сломанным под тупым углом перекрестием, охватывающим лезвие с обеих сторон. На клинке чуть заметно ребро (табл. XIII, 3). Рукоять и перекрестие украшены нарезным орнаментом (табл. XIII, 3 а). Обе находки могут быть отнесены к памятникам савроматской культуры, датируемой VII—IV вв. до н. э. Появившись примерно в VII—V вв. до н. э., сарматские племена в IV—II вв. до н. э., по-видимому, составили в южных районах Башкирии основное население и дошли до ее центральных, лесостепных районов (курганы у дер. Старые Кишки). Влияние сарматской культуры в это время распространяется на племена уфимской культуры, обнаруженной на территории г. Уфы. На это указывает прохоровский тип оружия, найденный в погребении воина на улице Аксакова⁶. В последующее время, с II в. до н. э. до III—IV вв. н. э., сарматские племена продолжали обитать в южных районах (курган № 3 у хутора Кашкара, близ г. Ишимбая)⁷, появ-

¹ Башкирский республиканский музей краеведения, колл. № 5315—18.

² Там же, колл. № 387/2 (раскопки М. И. Касьянова, 1929 г.).

³ Там же, колл. № 386; 386а, 4564.

⁴ Там же, колл. № 313, 3041, 42.

⁵ Там же, колл. № 320, 5200—12.

⁶ Р. Б. Ахмеров, Новые археологические памятники г. Уфы, СА, I, 1959, стр. 158, рис. 3.

⁷ П. А. Дмитриев и К. В. Сальников, Указ соч., стр. 143.

ляются и в центральных районах Башкирии (погребения в г. Уфе на улицах Зенцова¹ и Социалистической²). Возможно, к памятникам позднесарматской культуры может быть отнесен и железный кинжал с кольцевым навершием и прямым перекрестием (табл. XIII, 4), найденный в Куяргазинском районе³.

Основным видом хозяйства сармат, живших на территории Башкирии, было кочевое скотоводство. Стада состояли из овец, коров и лошадей. Кроме мясной и молочной пищи, сарматы употребляли и растительную, для добычания и растирания которой применялись корнекопалки и зернотерки. Описанные выше орудия труда свидетельствуют о том, что сарматы занимались также различными ремеслами, обеспечивающими бытовые нужды общества.

Имущественное положение сармат по особенностям погребального обряда и могильного инвентаря представляется довольно однородным. Но вместе с тем нельзя не отметить, что некоторые погребения отличаются большей пышностью погребального обряда и богатством инвентаря. К ним относятся погребения 2, 3, 19 в кургане XI, погребения 10 и 14 в кургане XIII и погребения 3, 7, 11 в кургане XX. Возможно, в перечисленных могилах были погребены главы семей.

Выше было отмечено большое сходство сарматских погребений Башкирии с памятниками сарматской культуры Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. Вместе с тем следует отметить, что сарматское население Башкирии имеет и некоторые отличия, которые проявляются как в обряде погребения, так и в материальной культуре.

Так, погребальные сооружения в курганах у дер. Старые Кишки более просты по своему устройству. В них отсутствует каменная выкладка и каменные кольца. В могилах не встречены катакомбы. Свообразие проявляется в предметах вооружения и украшениях. Мечи, найденные в погребении 4 кургана XIII и в погребении 3 кургана XX, не находят себе аналогий среди сарматских памятников, не имеется аналогий также и золотым сергам, найденным в погребении II кургана XX. Керамический материал из погребений у дер. Старые Кишки отличается преобладанием сосудов приземистых форм с широким горлом.

Эти отличия или дополняют известные до сих пор виды погребального обряда и круг предметов материальной культуры сарматских племен IV—II вв. до н. э., или могут быть отнесены к местным, локальным особенностям, присущим только сарматским племенам Башкирии. Дальнейшее исследование сарматских памятников на территории республики дадут возможность ответить на поставленные нами вопросы.

СВОДНАЯ ТАБЛИЦА

ориентировок костяков из раннесарматских погребений курганной могильника у дер. Старые Кишки (раскопки 1957—1958 гг.)

№ кургана	Юг	Ю-З	Ю-В	Север	С-З	С-В	Запад	Восток	С. неопр. ори. суг.	Всего
XI	2	6	7	—	1	1	1	—	2	20
XIII	2	2	3	—	—	—	—	1	6	14
XIV	3	1	3	—	—	—	—	2	8	19
XX	2	2	5	—	1	—	—	1	4	15
	9	11	18	—	2	2	2	4	20	68

¹ Погребение случайно обнаружено в 1957 г. и исследовано Г. В. Юсуповым и М. Х. Садиковой. Находки хранятся в ИИЯЛ БФАН СССР.

² Р. Б. Ахмеров, Древние погребения в г. Уфе, КСИИМК, вып. XXV, М.—Л., 1949, стр. 113—117.

³ Башкирский республиканский музей краеведения, колл. № 5322.

М. Х. САДЫКОВА

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА БАШКИРИИ

(Исследования 1957 г.)

В 1957 г. археологической экспедицией ИИЯЛ БФАН был обследован интересный археологический памятник у лесоучастка Убалар (Гафурийский район, Кавардинский сельсовет)¹. Памятник представляет собою ряд бугров, расположенных по хребту возвышенности, идущей в северо-западном направлении от поселка рабочих этого лесоучастка (рис. 1). Бугры высотой от 1 до 1,5 м, диаметром до 20 м имеют круглую форму. Некоторые из них слились между собою полами и образуют восьмеркообразную фигуру. К моменту исследования отдельные бугры (XII, XIII, XIV, XV, XVI) находились на огородах жителей поселка, другие — на сенокосном участке, который также когда-то был занят под огороды. В результате этого насыпи бугров нарушены и, на поверхности их (особенно в центральных частях) выступил зола, перемешанная с обломками горшков и костей животных.

Для разведочных раскопок был намечен бугор II, на поверхности которого особенно обильно выступал культурный слой. Высота холма II 1 м, диаметр 20 м. Раскопки его проводились по методу кольцевых траншей. Вся поверхность была разделена на три кольца. Контрольные бровки пересекали бугор с юга на север и с запада на восток (рис. 2).

Стратиграфия холма по бровке, идущей с

юга на север: дерновый слой и гумус — 10 см, зольный слой — 47,5 см, глина красновато-бурого цвета со следами прокала — 40 см, далее материк (рис. 3а). Раскоп был доведен до материковой глины. Культурный слой начинался с поверхности насыпи и доходил до глубины 60—80 см. Особенно насыщенным этот слой оказался на глубине с 20 до 60 см от поверхности бугра (рис. 3а, 3б). Наибольшее количество находок было сосредоточено в центральном и среднем кольцах северо-западного сектора. В центральном кольце этого же сектора были обнаружены очаг и площадка, сложенная из песчанниковых плиток (рис. 2).

Очаг был найден на глубине 40 см от поверхности насыпи бугра (рис. 2, 3). Основанием его служила площадка толщиной 20 см, размером 1,26 × 1,30 м, выложенная из камней. Глина под площадкой была обожжена и имела темно-красный цвет. Поверх площадки и вблизи ее находились обломки горшков, костей животных и птиц. Все это было перемешано с золой и углем. Среди них оказался обломок костяного орудия, которое по своей форме напоминает серп (табл. II, 2). В 1,20 м южнее очага было найдено скопление крупных обломков керамики.

Площадка из песчанниковых плиток была обнаружена при зачистке третьего штыка среднего и внешнего кольца северо-западного сектора (рис. 2 и 3б). Размер площадки равен примерно 16 м², форма — неопределенная.

¹ Состав экспедиции: М. Х. Садыкова (начальник отряда), Н. А. Мажитов, В. П. Слющиков, А. С. Александров.

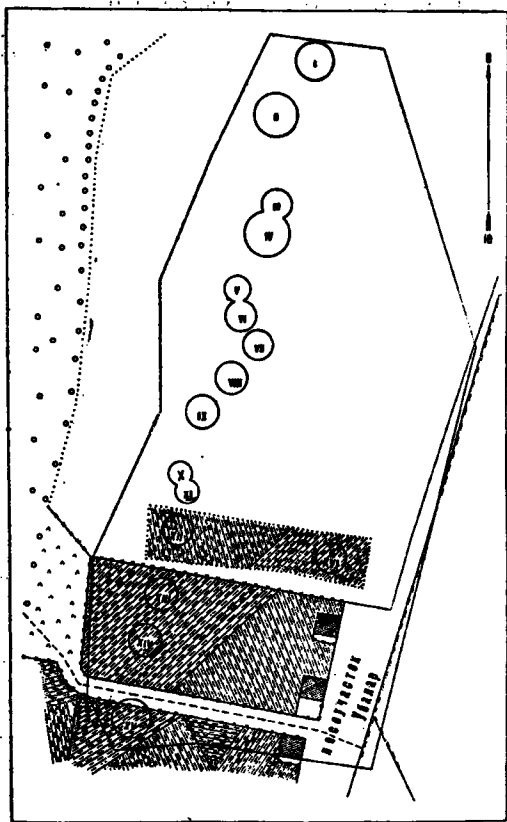

Рис. 1. План расположения бугров у лесочастка Убалар (Гафурийский район).

Песчаниковые плитки, из которых сложена площадка, небольших размеров, без связывающей массы. Площадка неровная, часть плит лежит ребром. Находки отсутствуют. Назначение площадки неясно; скорее всего

важное их отличие от сосудов первого типа заключается в том, что горло их чуть вогнуто, шейки и плечики слабо выражены, а стенки имеют незначительное расширение (табл. 1, 6, 15). На плечиках иногда встречается орна-

это естественное образование, так как небольшие шурфы, заложенные в разных направлениях от бугра II, обнаруживали точно такой же песчаниковый плитняк.

Культурный слой бугра состоит из золы, обломков керамики, различных поделок из кости и обломков костей животных и птиц. Самую многочисленную группу находок составляют обломки керамики. Всего найдено 1888 обломков. Из них: 441 обломок закраин горшков, 1177 обломков от туловищ сосудов и 31 обломок доньшек. По своему характеру большинство фрагментов относится к трем типам сосудов.

Первый тип, который является основным и самым распространенным (табл. 1, 1), представлен сосудами с прямым или несколько отогнутым невысоким горлом, слабо выраженной шейкой, несколько раздутым туловом, являвно переходящим в округлое и, реже, в прямое или уплощенное дно (табл. 1, 9, 10). Толщина стенок сосудов от 4 до 8 мм. Характерно, что днища большинства горшков несколько тоньше стенок. Цвет сосудов темный, темно-серый, красноватый и редко желтоватый. Тесто состоит из глины с примесью речного песка и гальки, иногда толченой раковины. Поверхность их, в отличие от двух других типов, характеризуется большей гладкостью. Сосуды встречаются с орнаментом и без орнамента, но большинство их не орнаментировано.

Второй тип сосудов близок к форме баночных. Основное их отличие от сосудов первого типа заключается в том, что горло их чуть вогнуто, шейки и плечики слабо выражены, а стенки имеют незначительное расширение (табл. 1, 6, 15). На плечиках иногда встречается орна-

мент в виде резвой елочка, расположенной зигзагообразно по горизонтальной линии в два ряда. Цвет сосудов второго типа темный. Примесь в глине составляют песок и галька.

Третий тип сосудов — чаши. От них найдено 45 фрагментов, причем многие из них сохранились почти наполовину, поэтому формы чаш хорошо воспроизводятся (табл. 1, 2, 3, 4). Высота сосудов этого типа от 10 до 12 см, диаметр горла от 12 до 19,5 см. Толщина стенок в среднем от 3 до 7—9 см (табл. 1, 4). Сделаны чаши из довольно плотной глины темного цвета с примесью песка и гальки. Большинство чаш не орнаментировано. На некоторых чашах встречаются круглые сквозные отверстия у горла.

Кроме того, найдено несколько фрагментов сосудов, которые отличаются от трех основных типов и по своей форме и наличием толченой раковины в примеси к глине. Один из них (табл. 1, 7) представляет собой обломок тонкостенного миниатюрного сосуда из беловатой глины. Сосудик имеет раздутое тулово, невысокое, отогнутое горло. Толщина стенок 2 мм. Второй фрагмент является обломком светло-серого, неорнаментированного сосуда с шероховатой от выступающей примеси поверхностью. Толщина стенок 6 мм. Горло сосуда вогнутое, что дает представление о бомбовидной или шаровидной форме (табл. 1, 5). Примесь в глине — песок с галькой и толченая раковина. Третий фрагмент (табл. II, 15) — также обломок горла с частью тулова от сосуда со сливом. Цвет внутренней и внешней поверх-

ности красный, в изломе — темный. Поверхность шероховатая. Толщина стенок 5 мм. Ближе к шейке и на плечиках сосуд имеет два круглых сквозных отверстия. Примесь в глине состоит из песка, гальки и толченой раковины.

Сосуды, найденные на бугре II, изготовлены ручным способом, кострового обжига. Примесь в основном состоит из песка и гальки, иногда толченой раковины. Днища сосудов преимущественно круглые, реже плоские, с нечетко выраженным переходом к тулову. Как одну из

особенностей сосудов следует отметить наличие горшков, у которых дно чуть тоньше стенок (табл. 1, 1, 4). Сосуды большей частью не орнаментированы. На тех сосудах, на которых орнамент встречается, он довольно разнообразный и состоит из ряда зигзагообразных линий, идущих по шейке сосуда в один (табл. 1, 11) или в два ряда (табл. 1, 13); елочек (табл. 1, 14, 15); подтреугольных (табл. 1, 20); подчеты-

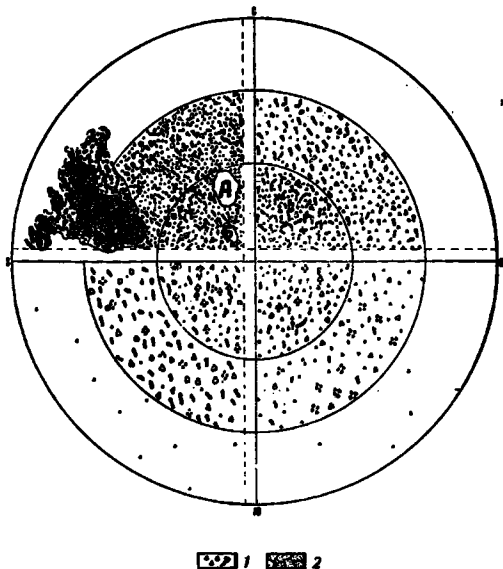

Рис. 2. План булры II у лесочастка Ушар'.
А — очка; Б — скопление раковин; 1 — керамика и кости животных;
2 — выстилка из гальки.

реугольных (табл. 1, 19); прямоугольных (табл. 1, 18) и каплевидных (табл. 1, 17) вдавлений. Встречается орнамент из круглых или овальных вдавлений, выполненных юным штампом (табл. 1, 21, 22). Поверхность сосудов шероховатая от выступающей примеси и, реже, сглаженная. Последнее более характерно для чаш.

Точных аналогий сосудам бугры II в археологических памятниках Башкирии не имеется.

Известное сходство в формах усматривается с некоторыми сосудами, найденными в памятниках уфимской культуры VI—IV вв. до н. э. (селище Курман-Тау и городище Касьяновское)¹. Сходство это проявляется и в составе теста. Керамика указанных памятников², как и керамика бугра II у Убалар, в подавляющем большинстве сделана из теста с примесью гальки. По характеру орнамента (зигзагообразные линии) и по месту его расположения

Черешок их равен одной трети всей длины стрелы. Один из наконечников имеет две отшлифованные грани, третья грань не обработана (табл. II, 8). Второй наконечник представляет собой заготовку.

Найдено три экземпляра орудий для обработки кожи: костяной тупик (табл. II, 1) и два костяных скобеля (табл. II, 2). Тупик сделан из тазовой кости коровы. Отделка его небрежная, одно из крыльев тупика отломано. Ана-

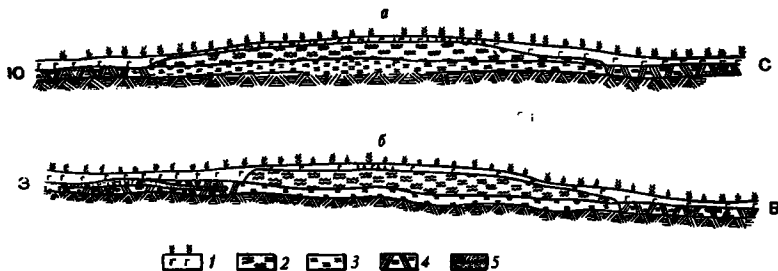

Рис. 3. Разрез бугра II у лесосаучка Убалар.

1 — дрова и галеу; 2 — золотый слой с культурными остатками; 3 — красноато-бурая глина со следами прокала; 4 — материк; 5 — площадка из песчаных плит; а — очаг; б — скопление керамики.

(по плечикам сосудов) сосуды бугра II близки к посуде раннесарматских памятников Башкирии. Так, на горшке, найденном в погребении 8 кургана XIII (дер. Старые Киншки Кармаскалинского района), орнамент состоит из одного ряда зигзагообразных линий, расположенных вокруг плечика (см. стр. 100 настоящего издания, табл. VII, 1). Подобный орнамент встречается и на сосудах бугра II (табл. II, 11). Отличие от сосудов раннесарматских памятников заключается в том, что в тесте последних основную примесь составляют толченая раковина и слюдяная масса, тогда как в керамике Убалар основную примесь составляет галька.

Кроме керамического материала, в культурном слое бугра II найдено несколько различных поделок из кости и камня. Среди них — наконечники стрел, орудия труда и предметы, назначение которых не совсем ясно.

Костяные наконечники стрел найдено 2 экземпляра. Оба они трехгранные, черешковые.

логичное орудие найдено на селище Курман-Тау¹. Но в отличие от нашей находки тупик с селища Курман-Тау сделан из подвздошной кости лошади и поверхность его тщательно отполирована. Кроме Курман-Тау, костяные тупики в Башкирии найдены на городище Кара-Абыз². За пределами Башкирии они известны в памятниках Челябинской области³ и Сибири⁴.

Костяные скобеля найдены в двух экземплярах. Один сделан из нижней челюсти лошади: округлый конец является ручкой, рабочая часть имеет заостренную внутреннюю грань. Поверхность скобеля тщательно отполирована. На одной его стороне острым предметом прочерчен какой-то знак (табл. II, 2); возможно, он пред-

¹ Г. В. Юсупов, Указ. соч., табл. VII, 1.

² А. В. Шмидт, Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии наук, Приложение к журн. «Хозяйство Башкирии», Уфа, 1929, № 8—9, стр. 10.

³ К. В. Саяльников, Городище «Чудаки» Челябинской области по раскопкам 1937 г., СА, т. IX, М., 1947, стр. 228, 234—235.

⁴ М. П. Грязнов, К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири, КСИИМК, 64, М., 1956, стр. 40, рис. 14, 8, 9, 10.

¹ Г. В. Юсупов, Древнейшие поселения Гафурийского района БАССР. «Башкирский археологический сборник», Уфа, 1959, табл. IV, 1—6; там же, стр. 70.

² Там же, стр. 68.

ставляет собою родовую тамгу. Среди известных находок древности знаки подобного рода встречаются чрезвычайно редко. Другой скобель найден в обломках, отделка их очень небрежная.

Костяной кочедык имеет выгнуто-выпуклую форму, один конец его закруглен, другой — уплощен. На закругленном конце имеется

верхность с обеих сторон тщательно отполирована. Возможно, что обе поделки являлись деталями конского снаряжения. К орудиям неизвестного назначения могут быть отнесены еще две поделки из трубчатой кости овцы. У одной на широком конце имеется круглое отверстие (табл. II, 3), другой конец сужен и закруглен. Длина их около 11,5 см. К находкам этой груп-

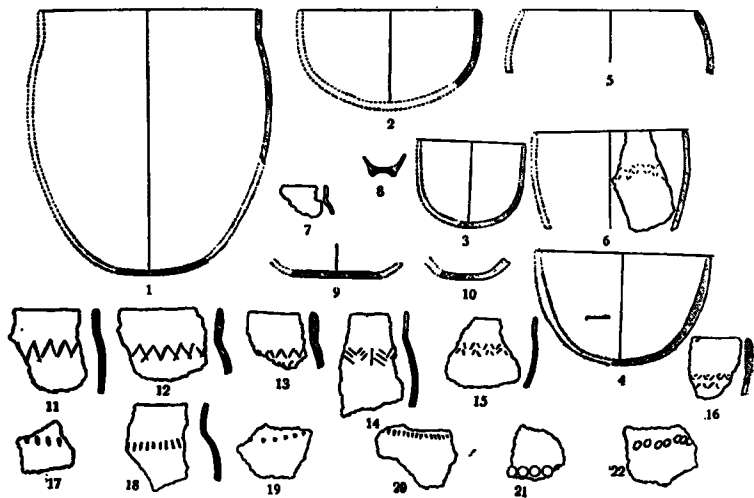

Таблица I. Образцы керамики

1—7, 9—11, 13, 16, 17—22 (бутор II у лесозащиты Убалар); 8, 12, 16 (городские Коран-Зильга); 14 (оагиза Хамидовское, Гафурийский район).

круглое отверстие (табл. II, 4). Длина кочедыка 12,5 см. Среди находок из кости имеется тщательно отполированный с острым концом зуб свиньи (резец). Он мог использоваться как проколка (табл. II, 9).

К предметам, назначение которых нельзя определить, относятся некоторые поделки из кости (табл. II, 6, 7). Одна из них длиной в 4,5 см; с двумя прямоугольными выемками на боковой стороне и с круглым отверстием в конце. Другая имеет форму круга диаметром 10,5 см с двумя отверстиями по краям. Ее по-

пы примыкает астрагал овцы с отверстием (табл. II, 5). Он мог служить амулетом.

Поделки из камня представлены оселками и обломком каменного блюда. Оселки, сделанные из песчаника, найдены в количестве 6 экземпляров. Некоторые из них плоской прямоугольной формы с круглым отверстием для подвешивания (табл. II, 13, 14). Два оселка имеют суженные округлые концы (табл. II, 11), конец одного оформлен в виде края зубила (табл. II, 12).

У обломка каменного круглого блюда диаметром 20 см. (рис. 4) одна сторона вогнутая, тщательно сглаженная; вдоль края довольно широкий приподнятый бортик. Толщина блюда у бортика 2,8 см. Из предметов украшения встречена лишь одна стеклянная темно-синяя

религиозным или погребальным обрядом? Против первого предположения говорит тот факт, что культурные остатки: зольный слой с обломками керамики и костей — сосредоточивались лишь в центре бугров. Площадка из песчаниковых плиток не могла относиться к жилищу по-

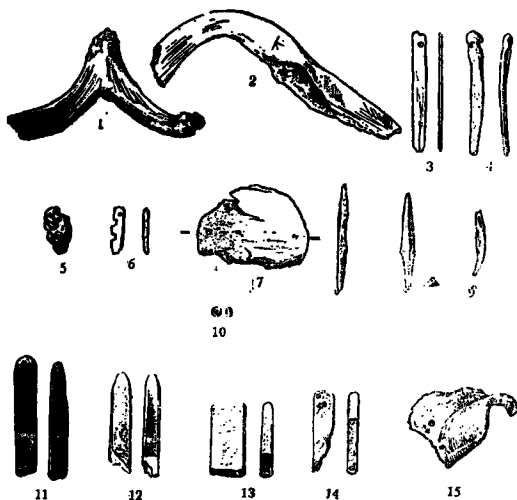

Таблица II. Изделия из кости, стекла и глины (бугор II у лесосуэкта Убалар). 1-2 — орудия для обработки кожи; 3-4 — костяные коцалки; 5 — атрагал овода; 6-7 — предметы колющего назначения; 8 — костяной наконечник стрелы; 9 — прокола из зуба свиньи; 10 — стеклянная бусина; 11-14 — оселки; 15 — обломок горла глиняного сосуда.

бусина цилиндрической формы с шероховатой, пористой поверхностью и круглым, довольно широким отверстием (табл. II, 10).

Кроме описанных находок, найдено 456 обломков костей животных (домашних и диких) и птиц. Большинство их не поддается определению. Из числа определенных костей 66 принадлежали овце, 22 — корове, 22 — птицам и 14 — лошади. Встречены также зуб медведя, кости лося, бобра.

Итак, раскопки бугра II у лесосуэкта Убалар дали интересный и довольно обильный материал. Прежде чем остановиться на вопросе о культурной принадлежности и датировке памятника, выясним характер самого памятника. Что он собой представляет: поселение, место производства, а может быть, место, связанное с

тому, что такие площадки встречаются по всей возвышенности, где расположены бугры. Против определения холмов как места какого-нибудь производства, например по выделке сосудов, говорит состав найденных орудий, никоим образом не связанный с гончарным производством (орудия для выделки кожи, коцалки, оселки). Наиболее вероятным может быть предположение, что бугор II, как и остальные бугры, является жертвенным местом, связанным с религиозным культом или с погребальным обрядом. За это говорит мощный зольный слой, большое количество обломков керамики и костей животных, оставшихся от тризны. Отдельные предметы, как-то: орудия труда, украшения, амулеты — также могли быть оставлены в качестве жертвоприношения. Очаг, найденный на холме, не противоречит этому предположению. Довольно

мощный культурный слой холма доказывает, что обряды совершались здесь в течение долгого времени. Дальнейшие исследования этого интересного памятника дадут возможность окончательно выяснить его характер.

Дата описываемого памятника может быть определена прежде всего по аналогиям с памятниками уфимской культуры VI—IV вв. до н. э. (селище Курман-Тау и городище Касьяновское). Выше говорилось, что некоторые формы сосудов и состав их теста, костяные орудия для выделки кожи, найденные на бугре II, имеют аналогии среди комплекса находок названных памятников. Кроме того, сходство между селищем Курман-Тау и памятником Убалар проявляется и внешне. На селище Курман-Тау также были зольные кучи, которые

тянулись по вершине горы. Культурный слой их тоже состоял из обломков керамики, костей животных, орудий труда, преимущественно сделанных из кости. На Курман-Тау также не обнаружено ясных следов жилища.

Таким образом, оба памятника — бугор II у лесоучастка Убалар и селище Курман-Тау — возможно, относятся к одному времени, VI—IV вв. до н. э., и можно считать, что они оставлены населением, принадлежащим к одной культуре, скорее всего уфимской.

Некоторое сходство с элементами сарматской культуры, проявляющееся в орнаментации сосудов, свидетельствует о каком-то взаимодействии племен уфимской культуры с раннесарматскими племенами, которое могло иметь место в начале IV в. до н. э., когда на территории южной Башкирии, в частности в Кармаскалинском районе, появились раннесарматские племена. Территориальная близость могла способствовать проникновению сарматского влияния в среду племен уфимской культуры.

Второй памятник, выявленный экспедицией 1957 г., — городище Коран-Зильга, находится также в Гафурийском районе, в 150 м к юго-востоку от дер. Коран-Зильга (Саитбабинского сельсовета). Городище расположено на второй надпойменной террасе правого берега р. Мяндым, на мысе высотой 10—12 м над поймой реки. С южной стороны площадка городища ограничена оврагом, а с северо-западной и северо-восточной — крутыми склонами. Вал и ров не прослеживаются. Культурный слой городища состоит из обломков керамики, сделанной из глины, с примесью песка и гальки. Форма сосудов, в основном, аналогична сосудам первого типа холма II Убалар. Орнамент на них также расположен по плечикам и состоит из резных линий, расположенных зигзагообразно или елочкой (табл. I, 12, 16). Исключение составляет лишь один обломок миниатюрного сосуда как поддоном (табл. I, 8). Но он также изготовлен ручным способом, в глине его примесь тоже состоит из гальки и песка. По-видимому, городище Коран-Зильга и бугор II у лесоучастка Убалар принадлежали родственным племенам, жившим в одно время — в VI—IV вв. до н. э. Аналогичная керамика (табл. I, 14) известна с селища Хамидовского (Гафурийский район). Оно расположено в 3 км к юго-востоку от лесоучастка Убалар, на правом берегу речки Аргыньяш, на поле, возвышающемся над речкой не более 2—3 м.

При земляных работах в 1957 г. на улице Зенцова в г. Уфе случайно было выявлено погребение, затем доследованное сотрудниками ИИЯЛ БФАН Г. В. Юсуповым и автором данной статьи.

К моменту нашего прихода костяк был полностью разрушен рабочими, часть вещей была поломана и затеряна. Осмотр места погребения

Рис. 4. Каменное блюдо.

ния показал, что костяк лежал в прямоугольнике, образованном известняковыми плитками небольших размеров (15 × 10 × 7 см). Глубина погребения 1,79 м от современной поверхности. Как показали рабочие, костяк лежал на спине, с вытянутыми конечностями, головой на север. Следов какой-либо подстилки обнаружить не удалось.

В могиле, судя по набору вещей, находилась костяк женщины, очень плохой сохранности. Нам удалось найти лишь левую ключицу, со следами окиси от лежавшей на ней фибулы. Изображенной на табл. III, 3. При костяке были обнаружены главным образом предметы быта и украшения: бронзовое зеркало, фибулы, шейная гривна, обломки серебряной поделки и фрагмент горла глиняного сосуда. По словам рабочих, кроме перечисленных вещей, среди находок были два металлических сосуда с крышками, но, к сожалению, к нашему приходу они были утеряны.

Зеркало бронзовое литое диаметром 7,3 см. Рабочими оно было поломано на две части. Лицевая сторона зеркала тщательно отполи-

рована, но местами имеются выбоины¹. Обратная сторона имеет в центре небольшое углоплетельку, от которого идут три рельефных концентрических круга. Два крайних круга разбиты на линии, идущие в радиальном направлении, а центральный — орнаментирован треугольниками и точками. Орнамент выполнен

Таблица III. Вещи из погребения на улице Зенцова (г. Уфа).

1 — бронзовое зеркало; 2—4 — серебряные фибулы; 5 — бронзовая гривна.

рельефом. Край зеркала срезан косо (табл. III, 1). Техника литья, судя по напилькам на обратной стороне, не отличается совершенством. Подобное зеркало, но несколько меньшего размера, было найдено в 1952 г. в стенке траншеи погребения с деформированным черепом в Уфе, в южном конце улицы Гоголя². Описанный предмет относится к типичным сарматским зеркальцам, особенностью которых является наличие на обратной стороне орнамента, выполненный рельефом. Они имеют широкое распространение в сарматских погребениях Сев. Кавказа³, Н. Поволжья⁴, где время их появления относится к первым векам нашей эры. Находят их и на Каме⁵. В 1956 г. в раскопках В. Ф. Генинга на городище Чеганда обнаружены формы для отливки зеркал. Рисунок,

изображенный в одной из этих форм, аналогичен орнаменту на зеркалах, найденных в погребениях на улицах Зенцова и Гоголя. Следовательно, один из пунктов производства зеркал описанного типа имелся на Каме.

Фибул при костяке обнаружено 3 экземпляра.

Фибула № 1 хорошей сохранности. Стоит она из полукруглого щитка, широкой дужки и расширенной пяты. На обратной стороне, посредине щитка, припаян пластинчатый стержень с чуть выступающей за щиток вершиной и двумя отверстиями для прикрепления застежки. На пяте с обратной стороны припаян крючок. Край щитка, пяты и вершины дужки с лицевой стороны орнаментированы серебряной припаянной узкой проволокой, имитирующей витую веревочку. Общая длина фибулы 8,8 см (табл. III, 2). От фибулы № 2 сохранилась лишь пята удлинненной формы и пластинчатый стержень с тремя отверстиями. В два крайних отверстия вставлены поперечные проволочные стерженьки, украшенные спиралью из серебряной проволоки. На ближнем к вершине стержне закреплен проволочная застежка. Крючок на пяте отсутствует. Общая длина ее 11 см (табл. III, 3). Найдена она была на левой ключице костяка. От фибулы № 3 сохранились лишь щиток, представляющий собою полукруглую серебряную тонкую пластинку, орнаментированную по краям мелкими зигзагообразными прочерченными линиями (табл. III, 4). Все три экземпляра фибул выполнены одной техникой, из одинакового материала и по своей форме относятся к так называемому типу готских фибул⁶. Они найдены в могильниках бассейна р. Оки (Борковский могильник⁷), в курганах Киевской губернии⁸, но особенно распространены на Северном Кавказе (могильник Чми⁹, близ аула Зададиск¹⁰, у с. Рутхи¹¹) и в Крыму (могильник Суук-Су¹²). Наиболее близкими аналогами нашим фибулам являются фибулы из могильника Чми и Суук-Су (погребение № 90). В последнем памятнике фибулы подобного типа точно датируются монетами IV—V вв.⁶

¹ Иалом и выбоины — результаты деятельности рабочих, которые таким путем определяли, из какого материала слепано зеркало.

² Сведения об этой находке были сообщены П. Ф. Ищериковым.

³ ОАК за 1897 г., стр. 147, рис. 290; МАК, вып. II, 1916, рис. 5, 8.

⁴ Вязомеи фельд, гр. 5, кург. № 6, ГИМ, № 57793, оп. 93.

⁵ А. А. Слицыи, Древности бассейнов рек Оки и Камы, МАР, № 25, СПб., 1901, табл. VI, 21.

⁶ Ю. Готье, Железный век в Восточной Европе, Госиздат, 1930, стр. 19; А. А. Слицыи, Указ. соч. IX, 2.

⁷ ИАК, № 35, стр. 85, рис. 41.

⁸ Ю. Готье, Указ. соч., рис. 3, 2.

⁹ МАК, т. VIII, табл. LXXXI, рис. 5, 12 (наиболее близкой формой нашей фибулы № 1 является фибула, изображенная на рис. 5).

¹⁰ МАК, т. VIII, табл. CI, 9; табл. CII, 8, 9.

¹¹ ИАК, вып. 19, 1906, табл. VI—VII.

¹² Там же, табл. VII, 2.

Шейная гривна сделана из овальной в сечении золотистой бронзовой проволоки. В средней части проволока утолщается. Концы гривны отломаны рабочими и затеряны (табл. III, 5). В числе находок имеется обломок серебряной трубочки с муфточкой. Назначение ее не определено.

От глиняного сосуда, стоявшего в погребении, сохранился лишь небольшой обломок верх-

нюю. Цвет обломка сероватый, поверхность шероховатая, со следами известкового налета. Примесь в глине — толченая раковина. Толщина стенок 4—6 мм.

Погребальный обряд, для которого характерно вытянутое положение костяка, с головой, ориентированной прямо на север, а также сармато-аланские аналогии найденного при костяке материала позволяют отнести погребение на

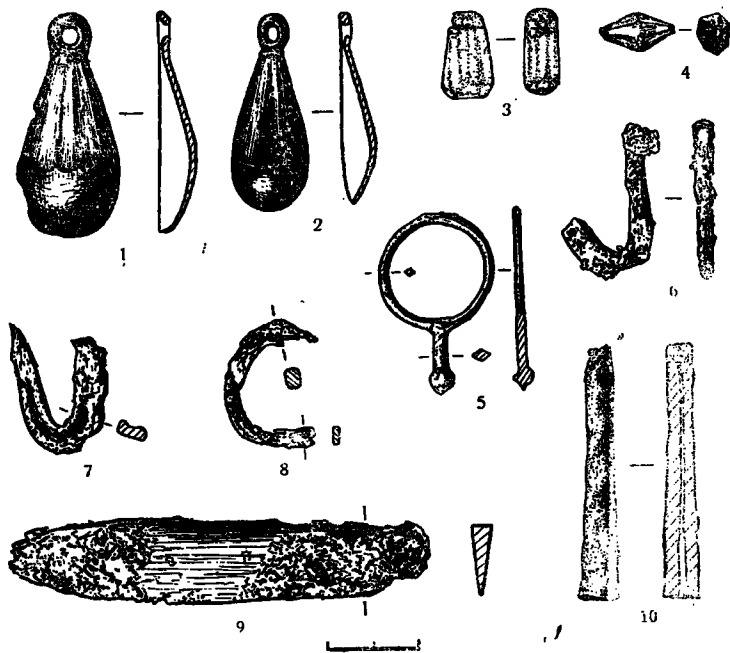

Таблица IV. Вещи из пещеры у р. Нукат (Белорецкий район).

1—2— бронзовые подвески; 3—4— бусины из хрусталя и сердолика; 5—серьга; 6—7— железные крючки; 8— обломок железной пряжки; 9— железный нож; 10— обломок стальной палочки.

ней части. Профиль горла и небольшая часть плечиков дают форму горшка с шаровидным туловом и прямым невысоким — в 4,2 см — утолщенным горлом. Край горла по срезу имеет волнистую форму, правда не резко выражен-

улице Зенцова к памятникам позднесарматской или раннеаланской культуры IV—V вв. н. э.

К более позднему этапу развития сармато-аланской культуры относятся находки из погре-

бения, обнаруженного в том же, 1957 г. в Белорецком районе, в пещере левого берега р. Нукат. По словам учительницы Р. Ф. Коноплевой, доставившей находки, они были обнаружены в пещере, вокруг костра. Среди находок: предметы украшения, принадлежности конской сбруи, железные крючки и нож, три черепа и несколько зубов человека и медведя, копыто свиньи, кости птиц, кусочек перегнившего дерева и обломок сталактита (табл. IV, 10).

Подвески бронзовые полые конической формы с округлой нижней частью (3 экземпляра). В верхнем конце подвесок имеются круглые петельки для подвешивания. Поверхность подвесок на две трети орнаментирована гранями (табл. IV, 1, 2). Размеры этих изделий от 4,3 до 5 см. Близкие по форме бронзовые подвески найдены в Закавказье, в кургане № 13 (западный берег Ганджа-Чаи, в раскопках Рёслера, 1900 г.¹). В описании находок из этого кургана они определены как предметы от конской сбруи.

Бусин найдено четыре экземпляра: две сердоликовые красноватого цвета граненые биконической формы (табл. IV, 4); две хрустальные трапециевидной формы граненые с круглым отверстием в верхней части (табл. IV, 3).

Изделия из железа представлены несколькими предметами. Среди них: железная пряжка в обломках (табл. IV, 8); два железных крючка (табл. IV, 6, 7); железный нож с прямой спинкой и скошенным лезвием (табл. IV, 9).

Из предметов украшения найдены две серьги, сделанные из тонкой четырехугольной в сечении оловянной проволоки в виде замкнутого кольца с утолщенным к концу стерженьком. Одна из них сохранилась полностью (табл. IV, 5), другая — в обломке. Размер целой серьги 4,2 см. Аналогичные формы серег имеются среди кавказских древностей².

Таким образом, аналогию вещам, найден-

ным в пещере у р. Нукат, имеются в Закавказье в комплексе находок, датированных не ранее VIII в. н. э.

Этническая принадлежность находок может быть определена по погребальному обряду. Известно, что обряд погребения, при котором пещеры используются для совершения захоронений, был распространен среди аланских племен Осетии. А. А. Спицын в одной из своих работ писал: «Если мы читаем, что найдены хорошие вещи VI—VII вв. близ Уфы или в Рязанской губернии, при добыче камня, или же погребения этого времени в берегу при устройстве моста,—первою мыслью бывает предположение, нет ли тут пещерных погребений. Такие могут быть везде, где жили единоплеменники оситинов аланы...»¹ У него же мы читаем, что обычно пещерные захоронения бывают коллективные.

Выше говорилось, что в пещере р. Нукат было найдено три человеческих черепа. Видимо, и в данном случае имело место коллективное захоронение. Таким образом, можно полагать, что находки в пещере на берегу р. Нукат могут быть отнесены к памятникам аланской культуры и датированы, по аналогии с кавказскими древностями, VIII—IX вв. н. э. Памятник с подобным обрядом погребения в Башкирии обнаружен впервые и поэтому заслуживает внимания.

В итоге следует сказать, что, несмотря на разведочный характер раскопок, проведенных в Гафурийском районе, и на случайный характер погребений, обнаруженных в г. Уфе и в Белорецком районе, они имеют важное значение, так как знакомят нас частично с новыми видами памятников древности (жертвенные места, пещерные захоронения), последние впервые обнаружены на территории Башкирии. Эти памятники свидетельствуют о сложном этническом процессе, происходившем в среде племен уфимской, раннесарматской и сарматско-аланской культур.

¹ ОАК, 1900. СПб., 1902, стр. 77, рис. 149 и 149б.
² МАР, т. VIII, вып. II, табл. XIII, 17, 18.

¹ А. М. Спицын, Археологические разведки, СПб., 1908, стр. 33—34.

Г. Н. МАТЮШИН

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В ОКРЕСТНОСТЯХ ГОРОДА УФЫ

Территория г. Уфы и его окрестностей не подвергалась систематическим обследованиям. Учитывая это, автором данной статьи летом 1959 г. была проведена в окрестностях города археологическая разведка, в результате которой было выявлено 16 новых памятников: четыре — на правом берегу р. Уфы, недалеко от ее устья, остальные — на западном берегу старицы р. Белой. Среди обследованных памятников один — городище, которое по месту расположения названо Усть-Уфимским. Большинство памятников — 12 селищ (Романовка I—VIII, Милловка I—IV) — обнаружено на первой и второй надпойменных террасах западного берега старицы р. Белой между поселком Милловка и дер. Романовка, в 10—15 км к западу от г. Уфы (рис. 1). Старица р. Белой образовалась сравнительно недавно. «Белая, прежде делавшая луку в 22 версты, — пишут авторы «Памятной книжки Уфимской губернии на 1878 год», — при 4-верстном расстоянии от одного конца луки до другого, в 1854 году, пробив себе новое русло после разлива, сократила эту луку до 10 верст»¹. Таким образом, берега старицы до 1854 г. были коренными берегами реки. Археологические предметы обнаруживались здесь и раньше. В 1872 г. около дер. Милловка был найден клад бронзовых орудий, экспонированный в настоящее время в Башкирском краеведческом музее. В последние годы учащимися школы поселка Затон между берегом

старицы и озером Коноплянным было найдено большое количество тщательно отделанных кремневых наконечников копий и дротиков¹.

Восемь из вновь открытых памятников находятся вблизи дер. Романовка и названы ее именем (Романовка I—VIII).

Романовка I. Селище расположено в 1,5—2 км к северу от дер. Романовка на второй надпойменной террасе, удаленной от берега на 100—150 м. Памятник занимает площадку мыса, ограниченного с одной стороны склоном террасы, а с другой — склоном берега пересыхающей речки. На поверхности мыса обнаружено 67 фрагментов керамики. Основная их масса имеет в глине примесь дресвы. Изготовлена керамика очень грубо, поверхность сосудов очень неровная, но обжиг хороший. Два мелких фрагмента сохранили остатки орнамента в виде параллельных насечек, сделанных острым предметом. Форму сосудов определить невозможно.

Романовка II. Памятник расположен к югу от Романовки I, на соседнем с ним мысе, отделенном от селища Романовка I оврагом, по дну которого протекает пересыхающая речка. С юга площадка памятника ограничена небольшим овражком. К западу от памятника расположены колхозные поля.

Стратиграфия памятника выглядит следующим образом: под дерном идет гумус мощностью 40—45 см с большим количеством кера-

¹ Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год, стр. 17.

¹ Обследовала этот памятник М. Х. Садикова.

мйки позднего времени. Под ним — стерильная прослойка гумусированной супеси мощностью 13—20 см; ниже — суглинок мощностью 35—40 см с кремневыми изделиями, который задегает на материковой глине. Стратиграфические наблюдения предварительны, однако они позволяют высказать предположение о наличии двух культурных слоев в памятнике, что подтверждается и составом подъемного материала, четко разделяющегося на две группы: 1) изделия из кремня (табл. 1) и 2) керамика позднего облика.

бусинка из пасты диаметром 4 мм, высотой 2 мм; в другом шурфе на глубине 40—45 см найдено прислие (табл. 1, 12). Оно неправильной биконической формы, диаметром около 3 см.

На поверхности памятника обнаружено 332 фрагмента керамики. Большая часть ее представляет собой обломки толстостенных, грубо сделанных, хорошего обжига сосудов с неровной наружной поверхностью. Донья сосудов уплощены, венчики все прямые, слегка отогнутые. У большинства фрагментов примесь к гли-

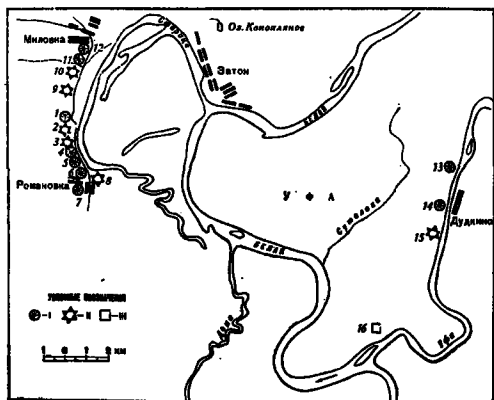

Рис 1. План расположения археологических памятников, выявленных разведкой 1959 г. в окрестностях г. Уфы.

1 — селище эпохи железа, II — многослойные поселения, III — городище, 1 — Ромашовка I, 2 — Ромашовка II, 3 — Ромашовка III, 4 — Ромашовка IV, 5 — Ромашовка V, 6 — Ромашовка VI, 7 — Ромашовка VII, 8 — Ромашовка VIII, 9 — Мьяловка I, 10 — Мьяловка II, 11 — Мьяловка III, 12 — Мьяловка IV, 13 — Юнар, 14 — Дудинка I, 16 — Дудинка II, 16 — Усть-Уфимское городище.

Изделий из кремня найдено 23: нуклеус, 12 ножевидных пластины и 10 отщепов. Нуклеус (табл. 1, 11) изготовлен из белого кремня. В поперечном сечении нуклеус имеет форму четырехугольника. Конец, противоположный ударной площадке нуклеуса, сужен и заострен сколами. Ножевидные пластины (табл. 1, 1—10) лишены ретуши. На некоторых отщепях небольших размеров имеются следы использования в виде зазубрин.

В одном из шурфов на глубине 30—40 см обнаружена маленькая цилиндрической формы

не не заметна, но у некоторых имеются примеси толченой раковины и дрессы. Часть фрагментов сохранила следы орнамента в виде крупных, редко расположенных по всей поверхности ямок. На нескольких фрагментах с внутренней стороны хорошо заметны следы заглаживания мелким гребенчатым штампом. Ближе всего эта керамика напоминает посуду бахмутинской культуры.

Таким образом, стратиграфия указывает на наличие двух contemporaneous памятников, один из которых представлен изделиями из

кремня, другой — керамикой эпохи железа. Однако наши наблюдения необходимо подкрепить раскопками. Большой интерес представляет слой с кремневыми изделиями, так как известно, что на территории Башкирии стоянок каменного века известно очень мало.

Романовка III. На расположенном к югу от Романовки II, соседнем с ним мысе, помимо единичных фрагментов очень мелкой и потому трудно определенной керамики облика железного века, найдены изделия из кремня. Они состоят из трех ножевидных пластин и нескольких очень мелких отщепов. Ножевидные пластины (табл. I, 16—18) правильного обра-

нения, изготовлены из высококачественного светло-серого и желтоватого кремня, ретуши не имеют, но на двух видны небольшие зазубрины по лезвию. Длина пластин от 20 до 26 мм, ширина 13—14 мм.

От памятника Романовка III до дер. Романовка на всех мысах найден подъемный материал, состоящий в основном из керамики. Пункты эти названы Романовка IV—VIII.

На памятнике Романовка IV найдены единичные мелкие отщепы и несколько фрагментов керамики, аналогичных керамике с памятника Романовка II. На следующем к дер. Романовка мысе (Романовка V) обнаружено 23

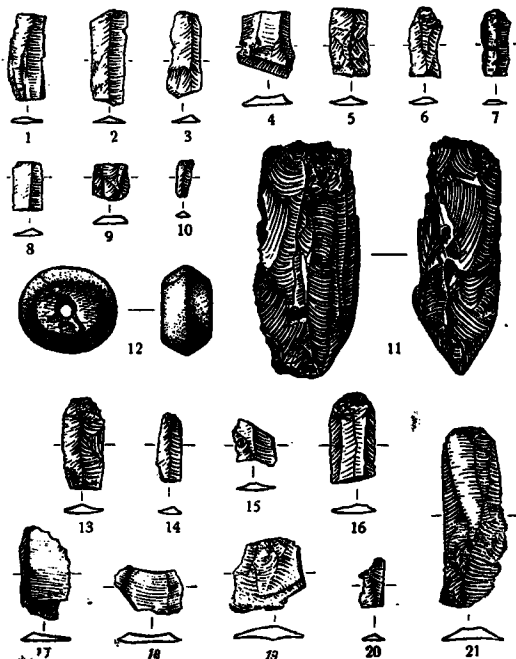

Таблица I. Пряслио к кремневым инвентарю из поселений.
1—12 — Романовка II; 12—15 — Милова II; 16—18 — Романовка III; 19—20 — Милова I; 21 — Дудзино II (1—10, 18—19, 20—21 — ножевидные пластины; 11 — куклеус; 12 — пряслице; 19 — отщеп).

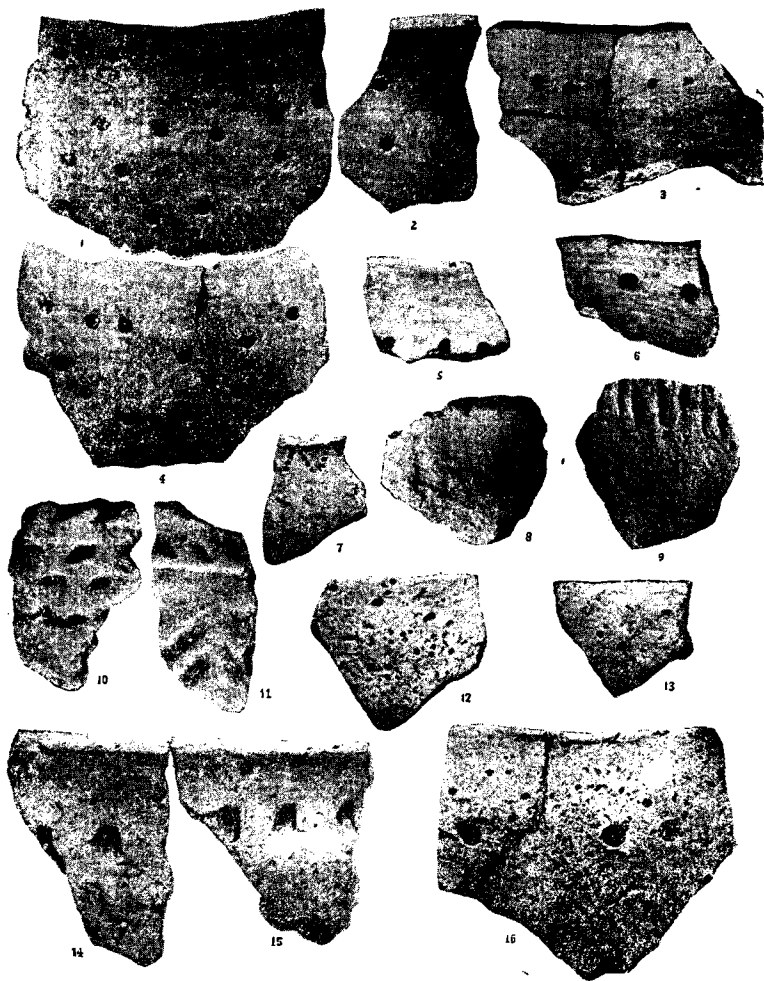

Таблица II. Керамика селян.
 1-9 — селянцэ Юнар; 10-16 — селянцэ Дудзінно I.

фрагмента керамики с примесью в тесте толченой раковины. Венчик не выделен и слегка загнут внутрь сосуда. Часть фрагментов орнаментирована у венчика крупными, редко расположенными ямками. Наиболее близкой аналогией этой керамики является керамика первой группы с селища Дудкино I (см. ниже).

Романовка VI. Расположенный между Романовкой V и дер. Романовка высокий обрывистый мыс занят кладбищем. На его поверхности найдено 26 фрагментов керамики толщиной 7—9 мм с примесью в тесте толченой раковины и дресвы. На двух фрагментах имеются следы орнамента в виде тонких, неглубоких, прочерченных острым предметом линий.

Романовка VII. На северной оконечности дер. Романовка, отделенной от кладбища глубоким оврагом, на склоне мыса обнаружено 16 фрагментов керамики. Два венчика имеют орнамент в виде наружных выпуклостей, которым на внутренней стороне соответствуют ямки.

Романовка VIII. На краю мыса, образованного склоном оврага, разрезающего дер. Романовку на две части, и склоном первой надпойменной террасы, обнаружены две ножевидные пластинки, единичные отщепы и 23 фрагмента легкой толстостенной неорнаментированной керамики. Поверхность неровная, венчик отогнут наружу.

Четыре пункта находок расположены ближе к поселку Миловка, на той же надпойменной террасе, где обнаружены предыдущие поселения. Наиболее удален от поселка пункт Миловка I.

Миловка I. Находится в 1,5 км к югу от поселка Миловка на мысе второй надпойменной террасы. На поверхности памятника найдены ножевидная пластинка, единичные отщепы (табл. I, 19—20) и небольшое количество мелких фрагментов керамики.

Два памятника (Миловка II—III) расположены в 300—500 м к северу от пункта Миловка I на соседних мысах, образованных крутым склоном террасы и обрывистым берегом ручья.

Миловка II. На территории памятника помимо небольшого количества керамики, аналогичной находкам на Романовке II, обнаружены изделия из кремня: один резец и три ножевидные пластины. Резец изготовлен из светлой ножевидной пластины резающим сколом, нанесенным с одного угла. Длина резца 2, 3 см, ширина 1, 2 см. Ножевидные пластины изготовлены из разнородного кремня. Длина пластин от 9 до 20 мм, ширина от 6 до 13 мм (табл. I, 13—15).

Миловка III. На поверхности обнаружено

25 фрагментов керамики с примесью в тесте дресвы. Орнамент состоит из редко расположенных крупных ямок.

Миловка IV. В 300—500 м к югу от поселка Миловка на поверхности мыса обнаружено 22 фрагмента неорнаментированной керамики с толщиной стенок 7—8 мм, с незначительной примесью в тесте дресвы.

Селище Юнар. Памятник назван в честь открывших его Юнаров — юных археологов, членов археологического кружка Уфимского Дворца пионеров.

Расположено селище на второй надпойменной террасе правого берега реки Уфы, в 10—12 км от ее устья, в 1,5—2 км к северу от Дудкинской переправы. В южной части площадка памятника переходит в первую террасу. С западной стороны она ограничена залесенной возвышенностью, с восточной — терраса круто обрывается к реке. Поверхность памятника изрыта ложбинами и ямами.

На поверхности памятника найдено 454 фрагмента керамики, которые можно разделять на три отличные друг от друга группы.

Первая группа (61 фрагмент) состоит из легкой светлой, в большинстве неорнаментированной, керамики. В тесте встречается примесь толченой раковины. Толщина сосудов от 7 до 12 мм. На некоторых экземплярах венчик не выделен и загнут внутрь сосуда, в ряде случаев — утолщен и отогнут наружу. Один фрагмент орнаментирован мелкой гребенкой в виде зигзагообразных линий (табл. II, 7), другой — имеет следы узора в виде частых параллельных желобчатых вдавлений (табл. II, 9). Часть фрагментов орнаментирована у венчика рядами более глубоких и мелких ямок (табл. II, 3, 5, 6). По примеси (раковина, дресва) и характеру орнамента сосуды близки к керамике Табынского городища¹.

Вторая группа керамики (более 60 процентов всех находок) отличается крупными размерами (диаметр венчика 17—25 см). В тесте встречается значительное количество дресвы. Большая часть обломков сосудов (103 фрагмента) покрыта по всей поверхности беспорядочно разбросанными крупными ямками (табл. II, 1, 2, 4). По общему облику (состав теста, орнамент) эта керамика аналогична бахмутинской.

Третья группа объединяет трудноопределимую керамику различных типов.

Селище Дудкино I расположено на первой надпойменной террасе правого берега р. Уфы

¹ Г. В. Юсупов, Древнейшие поселения Гафурийского района БАССР, «Башкирский археологический сборник», Уфа, 1959, стр. 82—83.

близ Дудкинской переправы, на северной оконечности поселка карьера алебастрового завода № 1. Поселение занимает площадку террасы между обрывистым берегом р. Уфы и оврагом, за которым расположен поселок завода. С запада площадка памятника ограничена возвышенностью. На распаханной поверхности памятника найдено 483 фрагмента керамики (табл. II, 10—16), которые по характеру теста можно разделить на две группы: первая, наиболее многочисленная (более 80 процентов всей керамики), характеризуется легкостью и хорошим обжигом. В тесте имеется большое количество толченой раковины. Большинство фрагментов не орнаментировано (табл. II, 12—13). Несколько обломков сосудов имеют у венчика орнамент в виде пояска из редко, по одной или парно, расположенных ямок. Венчик не выделен и слегка загнут внутрь сосуда (табл. II, 16). Венчики у других сосудов сильно отогнуты наружу и по шейке орнаментированы овальными неглубокими ямками (табл. II, 14—15). Вторую группу составляют семь фрагментов с примесью в тесте талька. Два из них сохранили следы орнамента в виде расположенных под различным углом друг к другу выпуклостей (табл. II, 10—11). Описанная керамика по составу теста близка к керамике селища Курман-Тау, Табынского и Михайловского городищ¹.

Селище Дудкино II расположено на правом берегу р. Уфы, в 500 м к северу от подножья возвышенности, на которой расположено Уфимское (Чертово) городище, на высокой второй надпойменной террасе. Площадка памятника длиной около 200 м ограничена с трех сторон возвышенностью, а с четвертой — крутым обрывом берега р. Уфы. Культурные остатки памятника представлены изделиями из кремня и керамикой.

Изделия из кремня состоят из единичных отщепов и одной ножевидной пластинки с ретушью. Последняя изготовлена из высококачественного синего кремня (табл. I, 21).

Керамики найдено 160 фрагментов. Значительная ее часть (61 фрагмент) неорнаментирована, толщина сосудов 5—10 мм. В тесте имеется примесь толченой раковины. Другая группа керамики (99 фрагментов) отличается от первой по составу теста, в котором примесь является дресва и песок. Часть фрагментов покрыта орнаментом из крупных ямок, разбросанных по всей поверхности. По характеру теста и орнамента эта керамика близка к кера-

мике второй группы селища Юнар и напоминает сосуды бахмутинского типа.

Таким образом, можно предполагать, что памятник содержит два разновременных культурных комплекса. Однако каких-либо материалов, бесспорно устанавливающих наличие неолитического слоя, обнаружено не было. Поэтому без дополнительных исследований трудно определить взаимоотношение изделий из кремня с керамикой явно позднего облика.

Усть-Уфимское городище. Городище находится на правом берегу р. Уфы, в 1,5 км от ее устья, в 300—500 м от начала острова, разделяющего устье на два рукава. Памятник расположен на первом от устья высоком обрывистом мысе третьей надпойменной террасы, находящейся между рр. Уфой и Белой. Высота террасы 60—70 м. Городище занимает узкую, вытянутую с севера на юг, верхнюю площадку мыса. Длина площадки 100—120 м, ширина 25—35 м. С трех сторон она ограничена крутыми склонами, а на северо-востоке переходит в узкий перешеек, соединяющий ее с возвышенностью.

На перешейке хорошо заметны следы древних валов и ровов, преграждающих вход в городище. Лучше сохранился внутренний вал, вплотную примыкающий к юго-восточному обрыву городища. Высота вала с наружной стороны 170 см, с внутренней 140—145 см. Наиболее высок вал на перешейке. Дальше, поворачивая вдоль северо-западного склона террасы, вал снижается и в 60—70 м от перешейка сходит на нет. Параллельно снижающемуся валу идет склон оврага, ограничивающий памятник с северо-западной стороны.

Между внутренним и более сглаженным внешним валом идет ров, особенно хорошо заметный на перешейке и постепенно выравнивающийся к юго-западу. Поворачивая на юго-запад между валами, ров расширяется и превращается как бы в дорогу, ведущую во внутрь городища вдоль внутреннего вала по крутому обрывистому склону террасы.

Поверхность памятника покрыта углублениями и ямами неизвестного происхождения.

В разрезе внутреннего вала хорошо заметен идущий на глубине 70 см по всей длине основания вала слой обожженной земли мощностью в 20—25 см, перемешанной с углем и золой. По цвету он темнее светло-коричневого суглинка, из которого в основном сложен вал.

На поверхности городища обнаружено 40 фрагментов керамики. В тесте хорошо заметна примесь раковины. Форму сосудов определить трудно. Можно лишь отметить, что венчик незначительно отогнут. У венчика прослеживается орнамент в виде крупных овальных, редко

¹ Г. В. Юсупов, Указ. соч., стр. 68—78, 84—88; Т. Н. Троицкая, Раскопки Михайловского городища в Башкирии, «Башкирский археологический сборник», Уфа, 1969, стр. 91—96.

расположенных, нанесенных иногда попарно, ямок. Толщина обломков керамики от 4 до 9 мм. По характеру теста и орнамента керамика напоминает посуду Михайловского городища¹, и поэтому памятник предположительно тоже может быть датирован IV—II вв. до н. э.

Хотя памятники еще не подвергались раскопкам, однако уже в ходе разведочных работ четко выявилось существование двух комплексов находок: кремневых изделий и керамики эпохи железа вместе с немногочисленными бытовыми предметами этого же времени. Полное исследование всех вновь открытых поселений каменного века и выявление новых памятников позволят выяснить локальные особенности

археологических культур каменного века Башкирии.

Керамические изделия описанных памятников имеют по составу и характеру орнамента близость между собой и могут быть разделены на две группы: уфимской и бахмутинской культур.

Не следует забывать также, что в районе старицы Белой были найдены в свое время орудия бронзового века, упоминаемые выше.

Наличие на территории города и в его окрестностях разновременных (от каменного века до раннего средневековья) и разнообразных памятников (стоянки, селища, городища, могильники и курганы) дает возможность проследить историю населения, обитавшего на территории города в древности на протяжении длительного промежутка времени.

¹ Т. Н. Троицкая, Указ. соч., стр. 91—96.

П. Ф. ИЩЕРКОВ, Н. А. МАЖИТОВ

ГОРОДИЩЕ УФА II

Городище относится к числу малоисследованных, но интересных памятников археологии Башкирии. Оно открыто П. Ф. Ищериковым в 1953 г., когда во время рытья водопроводной траншеи в восточном квартале ул. Пушкина было обнаружено обнажение культурного слоя. В последующие три года, в связи со строительством моста через р. Белую и реконструкцией улиц Пушкина и Воровского, на территории городища производились крупные земляные работы. Во время этих работ был собран богатый подъемный материал, оказавшийся плохо документированным в омысле стратиграфического залегания. Это обстоятельство очень затрудняло пользование им как историческим источником. Поэтому в 1957 г. П. Ф. Ищериковым¹ (6×2 м), а в 1958 г. Н. А. Мажитовым на городище были произведены небольшие раскопки (10×2 м).

Городище имеет сложную стратиграфию (рис. 1), на участках раскопа 1958 г. она была следующей. С поверхности идет плотная, сильно утрамбованная земля, смешанная с песком, гравием, обломками кирпича и т. д. Через 15—20 см земля сменяется темно-коричневой супесью, также сильно утрамбованной. Мощность ее колеблется между 30 и 85 см. В западном конце раскопа этот культурный слой сильно разрушен двумя поздними ямами. Первая яма находится в квадратах 2—3; глубина ее

около 75 см; она заполнена черной землей, смешанной с золой, древесными угольками и обломками современной керамики. Во второй яме (глубина 1,50 м), которая, по рассказам местных жителей, была остатком русской бани, найдены сгнившие деревянные столбы, монеты XVIII в. и много других предметов. Рассматриваемый слой дал очень много костей животных и обломков неорнаментированной плоской глиняной посуды.

Под темно-коричневой супесью залегает супесь мощностью в среднем 1 м, окрашенная в темно-серый цвет, содержащая большое скопление керамики и раздробленных костей животных. В двух местах в этом слое прослежены небольшие прослойки золы и древесных угольков мощностью около 10 см.

Темно-серую супесь подстилает зольный слой, в который в восточном конце раскопа (квадраты 3—5) вклинивается прослойка сгнившего дерева. Мощность зольного слоя в квадратах 4—5 равняется 1—1,10 м, в середине раскопа он расслаивается и в западном конце раскопа оканчивается в виде небольшой прослойки мощностью не более 20 см. Зольный слой также богат находками и содержал многочисленные обломки керамики и костей животных.

Ниже зольного слоя идет сильно гуммированная супесь темно-коричневого цвета, где встречены отдельные линзы золы с древесными угольками и остатки сгнившего дерева и обожженной соломы. Обломков керамики, костей животных и других предметов здесь найдено

¹ Предварительное сообщение об Уфимском городище II было опубликовано П. Ф. Ищериковым в «Башкирском археологическом сборнике» (Уфа, 1959).

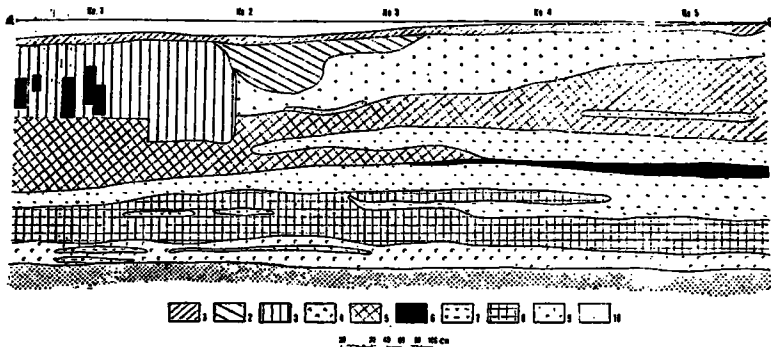

Рис. 1. Профиль западной стенки квадратов 1—5. Городище Уфа II. 1958 г.
 1 — плотная, сильно утрамбованная земля, смешанная с песком, гравием и обломками современной кирпичи; 2 — глина, смешанный с золой, обломками кирпичи (остатки ямы); 3 — глина, заполненная гумусом (остатки бани); 4 — сильно утрамбованная в верхних слоях темно-коричневая супесь; 5 — темно-серая супесь; 6 — остатки сгнившего дерева; 7 — зольный слой; 8 — сильно гумированная темно-коричневая супесь; 9 — тонкие прослойки золы, чередующиеся с прослойками темно-коричневой супеся; 10 — материковый песок.

очень мало. Самый нижний культурный слой состоит из тонких прослоек золы с угольками, чередующихся через каждые 3—5 см с такими же прослойками темно-коричневой супеся. Находки из этого слоя состоят из нескольких десятков обломков керамики.

Материк — песок темного цвета. Примерно такая же сложная стратиграфия наблюдалась на раскопе 1957 г., где мощность культурного слоя достигала около трех метров.

Вещественный материал городища, в основном, состоит из многочисленных обломков керамики, которые подразделяются на несколько типов. Следует подчеркнуть, что небольшие размеры наших раскопок, а также то обстоятельство, что значительная часть здесь публикуемого материала происходит из случайных сборов при земляных работах, не позволяют нам уделить должное внимание стратиграфическому залеганию каждого из этих типов, связанных, по-видимому, с различными периодами существования памятника.

К первому типу относятся небольшие неорнаментированные плоскодонные сосуды, составляющие самую многочисленную группу среди всего керамического материала городища, насчитывающую несколько сот сосудов. Они сделаны от руки, из глины с примесью песка и дресвы; поверхность их неровная и грубо обработана щеткой или травой, а в редких случаях — заглажена водой; цвет — темный или

темно-коричневый. Толщина стенок сосудов 4—8 мм, диаметр горла и высота от 4 до 15—20 см. Большинство сосудов имеет форму горшков с низким или высоким гордом (табл. I, 1, 2, 4). Встречаются также сосуды типа низких чаш (табл. I, 3) и банок (табл. I, 5—7). В коллекции керамики с городища имеются еще обломки от больших толстостенных сосудов с насечками на венчике. По форме эти сосуды очень близки к указанным сосудам горшковидной формы и на этом основании могут быть тоже отнесены к первому типу. Сосуды первого типа, как правило, обнаружены в верхних отложениях культурного слоя (первом и втором слоях), на глубине до 2 м, и, по-видимому, связаны с поздним периодом существования городища. Глубже двух метров эти сосуды встречаются редко.

Ко второму типу относится около 35 сосудов, представленных мелкими обломками шеек и стенок. Сосуды второго типа, судя по этим обломкам, имели высокие прямые шейки, шарообразно раздутые тулова с плоским дном. Они сделаны из хорошо отмученной глины с примесью песка; наружная их поверхность ровная и тщательно сглажена водой, а на внутренней поверхности имеются следы штампа, оставившего параллельные полосы. Толщина стенок небольшая, в среднем 3—6 мм. Характерной чертой сосудов этого типа является орнамент, располагающийся по шейке и верхней части

тулова. Он состоит из горизонтальных резных поясков, чередующихся с полосами из мелких косых крестиков, ромбиков, ямок-полудуний, треугольников, зигзагов и елочек, нанесенных зубчатым штампом и резной (табл. II, 1—7; табл. III, 1—3). Указанные сосуды найдены вместе с сосудами первого и третьего типов в верхних отложениях культурного слоя.

Третий тип представлен 30 сосудами, имеющими невысокие, иногда слабо отогнутые шейки, низкие шарообразные тулова с округлыми или уплощенными доньями. В примеси к глине они имеют песок или дресву, поверхность обработана щепой или травой, цвет красно-коричневый или темпосерый. Толщина стенок сосудов 5—8 мм, диаметр горла, а также и высота их колеблется от 10 до 20 см. Все сосуды третьего типа украшены мелкими круглыми ямками, беспорядочно располагающимися по всей наружной поверхности (табл. VI, 1—5). Встречаются эти сосуды вместе с сосудами первого и второго типов в средних отложениях культурного слоя, на глубине от 1 до 2 м, а в верхних и нижних культурных слоях хотя и найдены, но в небольшом количестве.

В четвертый тип выделяют 22 сосуда. Как и сосуды третьего типа, они имеют форму небольших низких чаш с округлым или уплощенным дном. Сосуды сделаны из хорошо отмученной глины с примесью песка, наружная их поверхность имеет лощение. Некоторые из сосудов четвертого типа на месте перехода шейки в плечики имеют утолщение, образующее небольшой уступчик (табл. V, 3, 4). Все сосуды этой группы орнаментированы треугольными ямками, которые располагаются в один или несколько горизонтальных рядов на плечике (табл. V, 1—4, 6); на одном из сосудов такой же орнамент располагается по всей шейке (табл. V, 5). Большинство сосудов четвертого типа происходит из подъемного материала, а в раскопе 1958 г. их найдено только 4. Все они залегали на глубине 1—1,5 м.

К пятому типу относится небольшая группа сосудов, сделанных на гончарном круге. Сосуды черного цвета, без орнамента, имеют короткие шейки и очень раздутые тулова. Они встречаются в верхних слоях культурных остатков.

В самых нижних отложениях культурного

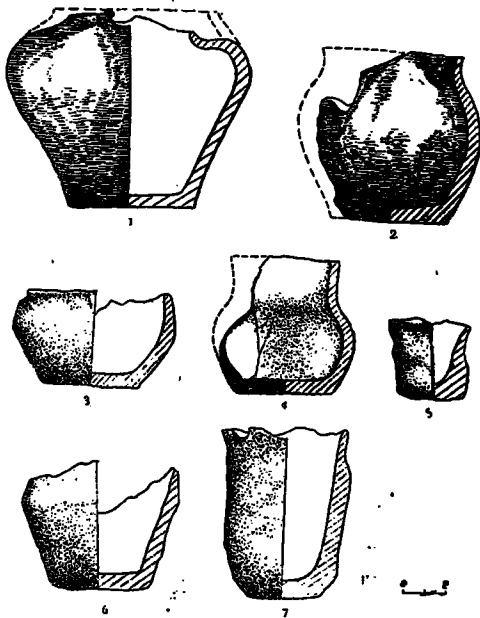

Таблица I. Керамика с городища Уфа II.

слоя керамики найдено очень мало, а те мелкие обломки, которые были собраны, принадлежали к сосудам с ямочным орнаментом и без него.

Шестой и седьмой типы сосудов выделены из подъемного материала; в раскопах керамика этих типов не обнаружена. К шестому типу можно отнести более 10 сосудов, имеющих

очень высокие шейки (4—5 см), сильно раздутые шарообразные тулова, по-видимому, с уплощенными доньями. Они сделаны из глины с примесью песка и дресвы, толщина их стенок 6—9 мм, диаметр горла около 20—30 см, высота 30—40 см (табл. VI, 4). Орнамент на этих

с сильно раздутым туловом. Сосуд сделан из хорошо отмученной глины с примесью песка; наружная его поверхность имеет лощение; цвет темно-коричневый (табл. VI, 2). Орнамент сосуда состоит из круглых ямок, расположенных горизонтально в один ряд и шйке и удлиненно-овальных насечек по

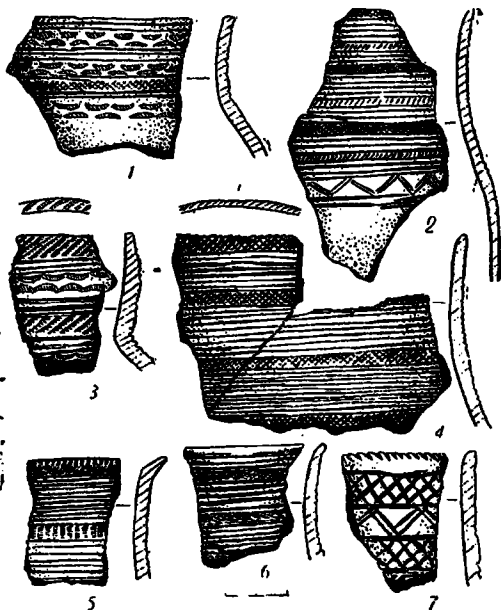

Таблица II. Керамика с городища Уфа II.

сосудах отсутствует. По своей фактуре и форме эта группа сосудов тождественна с сосудами из погребений Ново-Турбаслинских курганов близ г. Уфы¹ и может быть датирована временем существования данных курганов, т. е. IV—VII вв. н. э.²

Сельдьи тип представлен фрагментом одного сосуда, имеющего форму большого кувшина

по верхней части тулова, образующих слочный узор.

Имеются также обломки стенок двух сосудов, почти аналогичных с вышеуказанным сосудом по техническим приемам изготовления. Они тоже изготовлены из хорошо отмученной глины с примесью песка. Наружная их поверхность, которая имеет лощение, орнаментирована резными ромбическими узорами (табл. VI, 1, 3). Известных аналогий этим сосудам среди археологического материала Башкирии пока не имеется, и поэтому очень трудно говорить о времени их бытования.

Следует также упомянуть, что на городище обнаружены единичные фрагменты сосудов с орнаментом из «жемчужин» (табл. III, 4), сочетающиеся иногда с отпечатками зубчатого штампа (табл. III, 5). Из других глиняных предметов, представляющих интерес, можно выделить ручку тонкостенного сосуда с сильно стилизованным зооморфным изображением (табл. IX, 2), обломок сосуда на поддоне (табл. III, 6) и три грузда в виде усеченного конуса со сквозным отверстием в верхней части (табл. IX, 5). Такие грузда найдены при раскопах Фанагории и других причерноморских городов¹, а также на некоторых городищах городецкой культуры², где они датируются большим хронологическим периодом — VI в до н. э.—IV в н. э.

На городищах найдены также многочисленные предметы из кости. Основную часть этих

¹ Н. А. Мажитов, Курганный могильник в деревне Ново-Турбаслы, «Башкирский археологический сборник», Уфа, 1969, стр. 136, табл. III, 1, 2.

² Там же, стр. 142.

¹ Н. Л. Оняйко, О Фанагорийских груздах, МИА, 57, М., 1956, стр. 154—160.

² Н. Б. Трубицкова, Городецкие племена и связь их со скифами и сарматами, КСИИМК, XXIV, М., 1950, стр. 125—127, рис. 41, 6, 7.

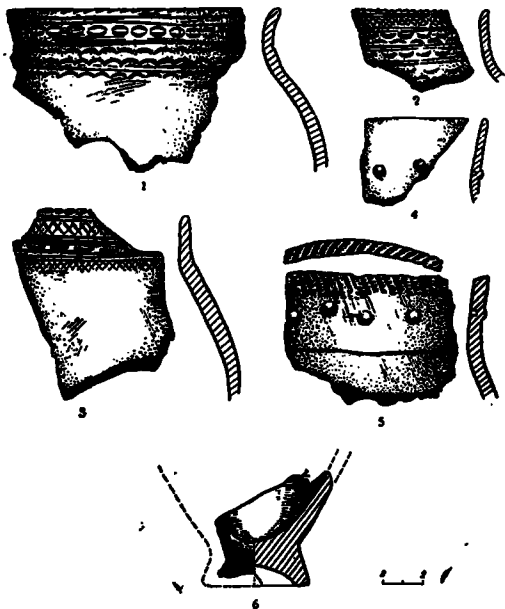

Таблица III. Керамика с городища Уфа II.

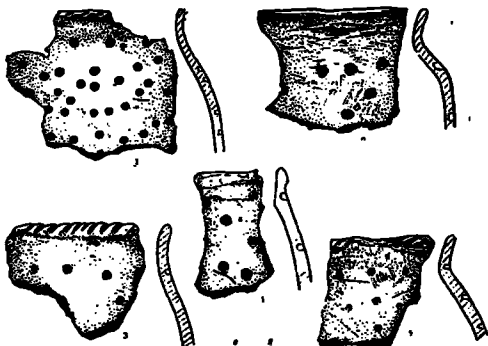

Таблица IV. Керамика с городища Уфа II.

предметов составляют наконечники стрел (25 штук), имеющие короткие плоские черешки. Черешки некоторых наконечников стрел покрыты короткими резными линиями, составляющими обычно ромбическую сетку (табл. VII, 8—12). По форме пера наконечники стрел можно подразделить на треугольные (табл.

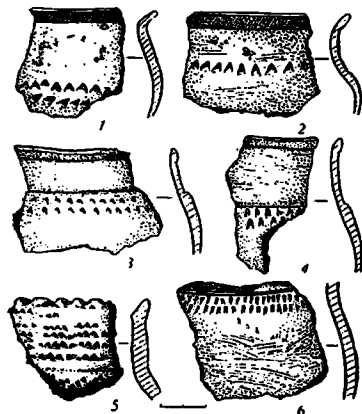

Таблица V. Керамика с городища Уфа II.

VII, 1, 2, 4, 5), шестигранные (табл. VII, 6, 7), ромбические (табл. VII, 3, 11). Все наконечники стрел имеют длинные плавно заостренные концы (табл. VII, 3—9, 11), но среди них есть и грубо заостренные (табл. VII, 2, 10, 12).

Кроме того, найдены костяные пластинчатые накладки с ромбической резьбой по краю (табл. VIII, 1, 2, 4), костяная полированная трубочка, служившая, видимо, рукоятью (ножа, меча?) (табл. VIII, 5), и пластинка, имеющая на концах по одному сквозному отверстию и орнаментированная мелкими круглыми ямками (табл. VIII, 3). Имеется еще один предмет из полированной, круглой в сечении кости, один конец которого оканчивается каким-то сильно стилизованным зооморфным изображением (?) (табл. VIII, 6).

Очень интересны две подвески, сделанные из кости медведя (табл. IX, 6). Эти подвески найдены на глубине одного метра и имели, по видимому, культовое значение. По времени существования они могли относиться к бахму-

тинскому периоду, когда у местного населения широко был развит культ медведя, о чем свидетельствуют многочисленные находки подвесок, изображающих фигуры этого животного. Нельзя не отметить также костяную пряжку (табл. IX, 3) и одну трапециевидную подвеску из костяной пластинки (табл. IX, 7).

Из металлических предметов на городище обнаружены бронзовые пластинчатые бляшки с выпуклой поверхностью, браслет с углошпичеными концами (табл. X, 1) и одна бляха-подвеска треугольной формы (табл. IX, 4). Бляха по краю орнаментирована жгутовым орнаментом, а в двух углах имеет по одному круглому отверстию. Вместе с описанным браслетом в раскопе 1957 г. было найдено ожерелье из коралловых, стеклянных, пастовых с глазками и сердоликовых бусин (табл. X, 2).

Предметы из камня представлены обломками зернотерок, целыми жерновами круглой формы и одним каменным оселком с круглым отверстием (табл. IX, 1).

Очень богато представлен остеологический материал. Специалистами он не изучен, а по нашему определению преобладают кости лошади и затем мелкого животного, очевидно, овцы. Имеются также кости коровы, медведя, бобра и других животных.

Несколько слов о датировке городища. Как видно из описания, городище имеет мощный культурный слой, что говорит о длительности его существования. Одним из предметов, указывающих на раннюю дату существования городища, является находка парфянской геммы, опубликованной П. Ф. Ищерниковым¹. Такие геммы широко были распространены в Парфии, где служили в качестве печати. Датируются они I в. до н. э. и I в. н. э.² Более ранних предметов на городище не обнаружено, и поэтому его возникновение мы считаем возможным отнести к этому времени. По-видимому, бронзовая бляха (табл. IX, 4) и сосуды четвертого типа (табл. V) также относятся к раннему периоду существования городища. Аналогия этим предметам можно найти в памятниках I—II вв. пьяноборской культуры. Так, например, сосуды четвертого типа по форме и орнаментации очень близки к сосудам городища Чеганда I³, а уфимская бляха из бронзы напо-

¹ П. Ф. Ищерников, Городище Уфа II, «Восточный археологический сборник».

² М. И. Максимова, Геммы из Некрополя Михета-Самтавра, Раскопки 1938—1939 гг. «Вестник Государственного музея Грузии», т. VI, вып. 13, 1950, стр. 264, табл. III, 69—70.

³ В. Ф. Генниг, Археологические памятники Удмуртии, Ижевск, 1958, стр. 62, рис. 23, 5, 7.

минает бляхи из погребений могильника Ныр-гында II¹.

Более позднюю дату устанавливают сосуды третьего типа с круглоячичным орнаментом на наружной поверхности, характерные для памятников бахмутинской культуры, время су-

Башкирии остается невыясненным. Они встречены в очень немногих пунктах: в поселении Ново-Турбаслинском II и Кушнарениковском селище (разведка автора 1958 г.), где они найдены в слое с керамикой бахмутинской культуры. В этих же памятниках встречены облом-

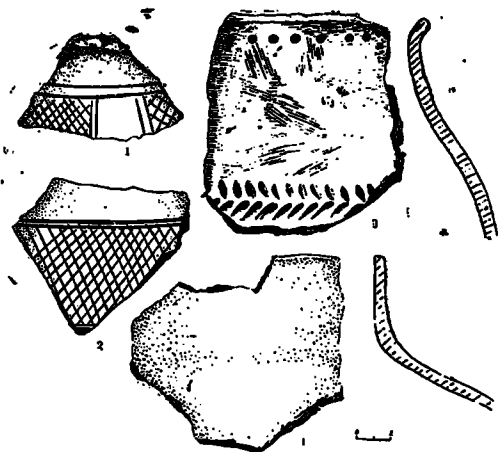

Таблица VI. Керамика с городища Уфа II.

ществования которой определяется периодом III—VII вв. н. э. Сосуды второго типа мы предположительно датируем VI—IX вв. н. э.²

Ближайшей аналогией к костяным накладкам городища (табл. VIII, 1—3) могут служить накладки лука из Новиковского могильника близ Уфы³. Время существования этого памятника А. П. Смирнов определяет III—VI вв. н. э.⁴ Самую позднюю дату городища могли бы установить сосуды первого типа, но пока точное время бытования их на территории

ки сосудов второго типа. Время существования Ново-Турбаслинского поселения II определяется V—VII вв. н. э. Тот факт, что на городище Уфа II указанные сосуды найдены в слое, непосредственно прикрывающем слой с керамикой бахмутинской культуры, говорит об очень поздней их дате, которая может быть примерно определена в пределах от VI до IX—X вв. н. э. Однако период широкого бытования этой керамики, по-видимому, в основном падает на ранние века. Таким образом, можно считать, что городище Уфа II могло существовать в период от начала до последних столетий нашей эры.

Городище Уфа II представляет собою почти единственный более или менее изученный многослойный памятник I тысячелетия нашей эры не только на территории города Уфы, но и всей Башкирии. При изучении материалов этого-

¹ В. Ф. Генинг, Удмуртская археологическая экспедиция, КСИИМК, вып. 74, М., 1969, стр. 95, рис. 42, 9.

² См. статью Н. А. Мажитова «Поселение Турбаслинское II» в настоящем сборнике.

³ Н. И. Булычев, Древности из Восточной России, вып. 1—2, М., 1902, табл. III, 1—3, 6.

⁴ А. П. Смирнов, Указ. соч., стр. 55.

памятника возникает ряд вопросов, связанных с важными проблемами археологии местного края. Одним из актуальных вопросов является вопрос о происхождении и культурной принадлежности неорнаментированной плоскодонной керамики из верхних слоев городища.

кирские племена¹. Учитывая хронологическую близость существования этих башкир и творцов керамики указанного типа, мы вправе предположить наличие между ними тесных генетических связей.

Керамика описанного типа в большом ко-

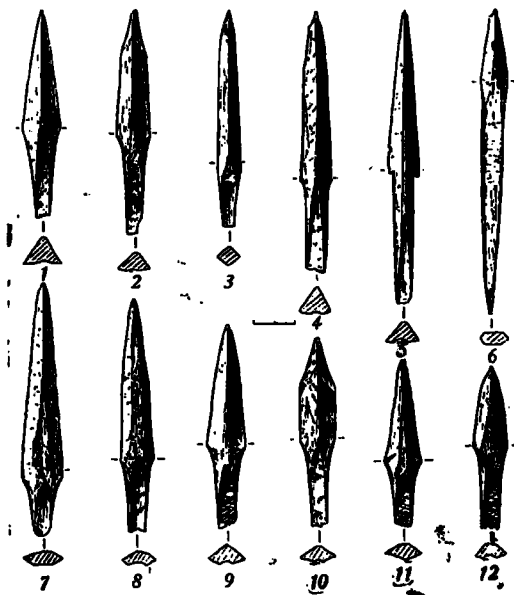

Таблица VII. Костяные наконечники стрел с городища Уфа II.

Эта керамика в Башкирии является как будто очень поздней, относящейся к периоду от середины до последних столетий первого тысячелетия нашей эры, и поэтому может быть связана с племенами, которые нам известны по средневековым письменным источникам. По сообщениям Ибн-Фадлана, совершившего в 921—922 годах в составе посольства багдадского халифата путешествие к волжским булгарам, в юго-западных районах Башкирии уже в начале X в. жили тюркоязычные баш-

кирские племена. Встречена в поселениях Ново-Турбаслинском и Кушпаренковском. Кроме того, она найдена в верхнем слое Кара-Абызовского городища, многочисленных других поселениях в районе города Уфы, которые были обнаружены в последние годы Г. Н. Матюшиным, и среднего течения р. Белой выше устья р. Уфы

¹ А. П. Ковалевский, Книга Ахмедъ Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг., Харьков, 1956, стр. 130.

(типа Охлебининского городища). Интересно отметить, что эта керамика пока не найдена или встречается довольно редко в северных и северо-западных районах Башкирии. В этой области самыми поздними поселениями пока

На рубеже нашей эры во всей северо-западной Башкирии широко была распространена пьяноборская культура. В настоящее время в Башкирии нам известно более пяти пьяноборских могильников, где обследовано в общей сложности около 200 погребений. Однако нужно отметить слабую связь пьяноборских могильников с поселениями. Как известно, в пьяноборских могильниках отсутствует глиняная посуда, и поэтому при слабой изученности поселений, где она составляет основной вещественный материал, мы плохо знаем характер керамики пьяноборских племен Башкирии. Таким же совершенно неизученным является вопрос о связи поселений типа Кара-Абызовского городища с могильниками. В последнее время, благодаря исследованиям Г. В. Юсупова¹ и Т. Н. Троицкой², материалы о характере культуры поселений среднего течения р. Белой позднееананьинского

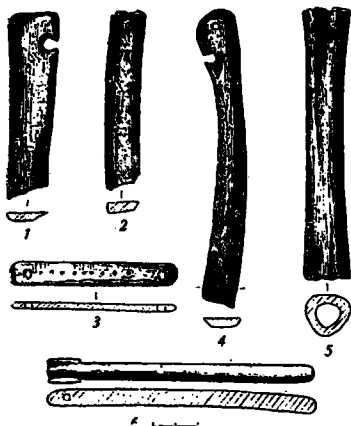

Таблица VIII. Предметы из кости с городища Уфа II.

остаются городища и селища бахмутинской культуры, которые содержат однослойный материал, состоящий из керамики с ямочным орнаментом. Таким образом, в настоящее время вырисовывается примерная территория распространения неорнаментированной керамики первого типа из городища Уфа II. Она локализуется, главным образом, в среднем течении р. Белой в районе устья р. Уфы.

Эта керамика в данном районе Башкирии не находит себе генетических связей среди материалов предшествующих периодов. В позднееананьинскую эпоху здесь широко были распространены сосуды караабызовского типа с невысоким горлом, которые изготовлялись из глины с примесью мелкооточенной раковины яли, часто, дресвы и украшались орнаментом из круглых ямок, располагавшихся в один ряд вдоль изгиба шейки. Вместе с этими сосудами в тех же памятниках в большом количестве встречаем также небольшие открытые чаши с ямочным орнаментом или без него.

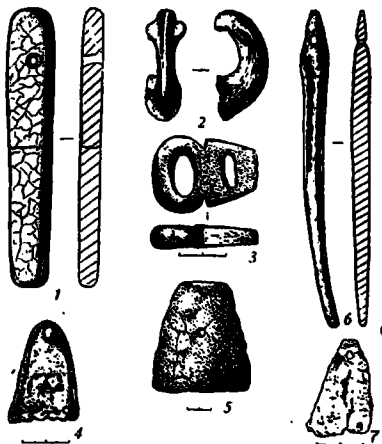

Таблица IX. Вещи с городища Уфа II.

времени у нас значительно пополнились. Исследования этими авторами многочисленны поселения в Гафурийском районе Башкирии дали богатый, но разнотипный керамический

¹ Г. В. Юсупов, Древнейшие поселения Гафурийского района Башкирии. «Башкирский археологический сборник», стр. 58—57.

² Т. Н. Троицкая, Раскопки Михайловского городища в Башкирии, там же, стр. 88—96.

материал. Однако материалы большинства этих памятников авторами типологически и стратиграфически не расчленены, что в некоторой степени затрудняет использование их как сравнительный материал. Наиболее древним из них, судя по публикациям, является тот тип, куда относятся большие сосуды, очень близко напоминающие по форме сосуды абашевской культуры¹. Они имеют высокие прямые сильно утолщенные во внутрь шейки с резким переходом в стенку, которые украшались зигзагами, утолщенными горизонтальными поясками и т. п. Их следует датировать предположительно самым началом железного века. Но основную массу керамического материала всех исследованных в Гафуринском районе поселений составляют сосуды с ямочным орнаментом, очень близкие по форме и орнаменту к сосудам из Кара-Абызовского городища. Для этих памятников характерны также небольшие открытые чаши с круглым дном².

Конечной датой всех памятников типа нижнего слоя Кара-Абызовского городища и селища Курман-тау Г. В. Юсупов считает III в. до н. э.³ Однако необходимо здесь обратить внимание на то, что на Средней Каме пьяноборским могильникам соответствуют поселения, которые содержат керамический материал, очень близкий к сосудам карабызовского типа. Характерными для пьяноборской культуры Прикамья являются круглодонность сосудов и ямочный орнамент, располагавшийся в ряд по шейке. Учитывая, что между пьяноборскими могильниками Башкирии и Прикамья имеется тесное культурное единство, мы можем предположить, что примерно такую же керамику изготовляли пьяноборские племена на территории Башкирии. Следовательно, связь некоторых типов сосудов с ямочным орнаментом из гафуринских городищ с пьяноборскими могильниками Башкирии представляется весьма вероятной.

Суммируя, таким образом, все сказанное, можно предположить, что на территории Башкирии в эпоху рубежа нашей эры широко были распространены круглодонные сосуды с невы-

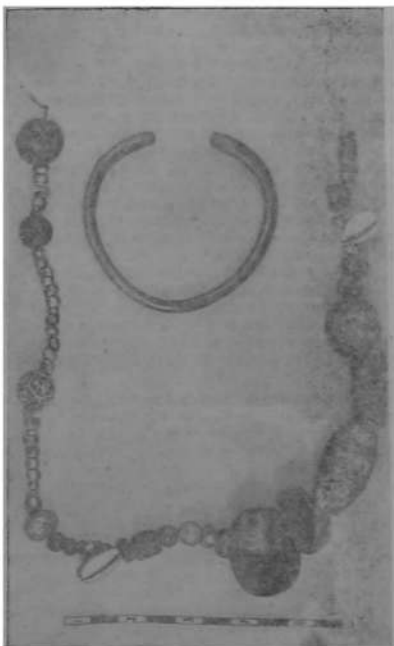

Таблица X. Вещи с городища Уфа II.

соким горлом и небольшие открытые чаши, которые в большинстве случаев украшались ямочным орнаментом. Эти сосуды по форме, орнаменту, а также по примеси к глине резко отличаются от неорнаментированных плоскодонных сосудов из верхних слоев городища Уфа II и никак не могут быть рассмотрены как генетически им предшествующие в этом районе. На этом основании последние надо характеризовать как привнесенные. Следует также подчеркнуть, что эта керамика имеет мало общего с посудой сармато-аланского происхождения, хорошо представленной в Ново-Турбаслинских курганах V—VI вв., что, видимо, объясняется особенностями их происхождения.

¹ Г. В. Юсупов, Указ. соч., стр. 72, табл. VI, 1.

² Т. Н. Троицкая, Указ. соч., стр. 92, табл. I, 3—4; стр. 94, табл. II, 1—2.

³ Г. В. Юсупов, Указ. соч., стр. 84.

Ближайшими аналогиями к указанной керамике из городища Уфа II служат сосуды из Именьковского городища и многих других памятников в Среднем Поволжье. В верхнем слое Именьковского городища, датированном периодом всей второй половины I тысячелетия нашей эры¹, были найдены многочисленные плоскодонные горшки без орнамента². По форме и размерам они очень близки к выделенным сосудам из городища Уфа II. Авторы раскопок Именьковского городища эту керамику считают восточнобуртасской³. Нам кажется, что большое сходство аналогичной керамики из памятников Башкирии и Среднего Поволжья должно быть объяснено тем, что ее носители имели общее происхождение. Этому вопросу некоторое внимание уделил В. Ф. Генниг в своем докладе, сделанном в 1960 году на Втором Уральском археологическом совещании в г. Свердловске. Основываясь на материалах Кушнаренковского селища в Башки-

рии и памятников Прикамского Поволжья, неорнаментированную плоскодонную керамику типа городища Уфа II он связывал с тюркоязычными племенами, которые, по его мнению, явились ранними предками башкир и чуваш¹. Исходя из изложенного нами выше, такое мнение, очевидно, является правильным, и с ним следует согласиться. Правда, появление этой керамики в Башкирии В. Ф. Генниг склонен отнести примерно ко II — III вв. н. э.² В такой ранней ее датировке у нас нет уверенности.

Предположение о принадлежности материалов из верхнего слоя городища Уфа II и других аналогичных памятников башкирам представляет большой интерес. Надо полагать, будущие раскопки подобных памятников Башкирии дадут еще более ценный материал, позволяющий полнее изучить ранние этапы формирования башкирского народа.

¹ Н. Ф. Калинин, А. И. Халиков, Именьковское городище, МИА, 80, М., 1960, стр. 247.

² Там же, стр. 242, рис. 3, 4.

³ Там же, стр. 250.

¹ В. Ф. Генниг, Проблемы изучения железного века Урала, Вопросы археологии Урала, вып. I, Свердловск, 1961, стр. 44.

² Там же, стр. 42, 43 и далее.

К. А. МАЖИТОВ

ПОСЕЛЕНИЕ НОВО-ТУРБАСЛИНСКОЕ II

Бахмутинская культура в археологической литературе известна, в основном, по материалам небольших раскопок на одноименном могильнике, произведенных в 1911 г. В. В. Гольмстен¹ и в 1928 г. А. В. Шмидтом². Поселения бахмутинской культуры исследованы слабо. Если не считать небольшие разведочные работы, проведенные А. В. Шмидтом на Чандарском селище и городище Соколиный Камень³, П. Ф. Ишериковым на городище Уфа II⁴, а также автором настоящей статьи на некоторых памятниках в северо-западных районах Башкирской АССР⁵, можно сказать, что ни одно поселение бахмутинской культуры не исследовано. Между тем изучение поселений, характера их планировки, форм и размеров жилищ имеет важное значение при исследовании хозяйства, общественного строя и других вопросов жизни бахмутинских племен. В этом плане представляют некоторый интерес результаты работы одного из отрядов археологической экспедиции Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР 1958 г. на поселении Ново-Турбаслинское II, где было выявлено и исследовано пять жилищ,

давших небольшой, но интересный вещественный материал¹. Описанию и характеристике их посвящена данная статья.

Ново-Турбаслинское поселение II находится примерно в 1,5 км северо-западнее дер. Ново-Турбаслы Благовещенского района Башкирской АССР. Оно расположено на краю второй надпойменной террасы правого берега старого русла р. Белой (рис. 1). Площадь памятника около 1500 м². Вся ее поверхность, за исключением береговой полосы, распаханна.

Раскопки 1958 г. на поселении начались с закладки длинной траншеи размером 70×1 м с целью изучения стратиграфии памятника и определения наиболее удобного места для широких раскопок. Такими местами оказались пять больших углублений культурного слоя в материковую глину, которые, как показали раскопки, являлись остатками древних жилищ полужемляночного типа, квадратной формы с закругленными углами. Жилища были расположены вдоль берега старицы (рис. 2). Раскопки поселения велись путем вскрытия культурного слоя отдельными горизонтами, равными 15—20 см.

Стратиграфия памятника проста. С поверхности идет дерн (8—10 см) или пахотный слой (10—20 см), ниже — культурный слой, залегающий в черном гумусе. Мощност культурного слоя 30—40 см, но в пределах очертания жилищ и ям она превышает 1 м. Культурный

¹ А. П. Смирнов, Железный век Башкирии, МИА, 58, М., 1957, стр. 60—66.

² А. В. Шмидт, Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии наук, «Хозяйство Башкирии», Уфа, 1929.

³ Там же.

⁴ П. Ф. Ишериков, Городище Уфа II, «Башкирский археологический сборник», Уфа, 1959, стр. 97—99.

⁵ Н. А. Мажитов, Поселения бахмутинской культуры, «Башкирский археологический сборник», стр. 143—151.

¹ Поселение было открыто и первично обследовано в 1957 г. научным сотрудником ИИЯЛ ВФАН СССР М. Х. Садыковой.

Рис. 1. Поселение Ново-Турбаслинское II. Процесс раскопок и вид на памятник.

слой в заполнении жилищ местами сильно перемешан с золой и поэтому имеет серый или светло-коричневый цвет. Находки встречались как в дерновом (пахотном), так и в культурном слоях. Материк — глина желтого цвета или серый песок.

Жилище № 1. Очертание жилища обнаружилось после вскрытия второго горизонта, на глубине 40 см. Наиболее четко оно прослежено после пятого горизонта, на глубине 1 м (рис. 3). Общая глубина жилищной впадины около 1,20 м. Жилище имело четырехугольную форму размером 6 × 6 м. В южной стенке выявлено небольшое квадратное расширение (2 × 2 м), которое является или следом углубленного коридорообразного выхода, или нишей, служившей для хозяйственных целей (хранения продуктов и т. п.). Такое же расширение, но значительно меньших размеров (1,20 × 0,50 м) зафиксировано в противоположной стенке. В центре жилища обнаружены остатки очага в виде зольной прослойки с обожженными кусками белого известняка. Очаг был устроен, по-видимому, на каком-то возвышении, так как он находился на 60—80 см

выше дна жилища (рис. 4). Вблизи очага, а также под ним оказались отдельные пятна плотной глины. Возможно, очаг был глинобитным. Заполнение жилища состоит из черного гумуса, который в нижних слоях перемешан с золой, образуя золистые пятна белесого или светло-коричневого цвета.

За пределами восточной стенки жилища найдены пять маленьких круглых ям диаметром от 5 до 8 см. Наиболее четкие очертания двух круглых ям диаметром около 15—18 см зафиксированы за северной стенкой жилища. Ямы являются, очевидно, следами столбов, которые к конструкции жилища отношения не имели.

Жилище № 2. Жилище зафиксировано после второго горизонта. Судя по очертаниям, на глубине 1,20 м оно имело четырехугольную форму размером 6 × 5 м. Заполнение его состоит из черного гумуса на II—III горизонтах и гумуса темно-коричневого оттенка в нижних горизонтах. Рядом с жилищем обнаружена маленькая круглая яма диаметром около 20 см, являющаяся, вероятно, следом деревянного столба.

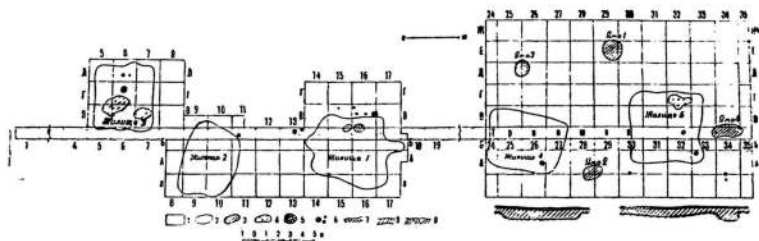

Рис. 2. Поселение Ново-Турбаслинское II. Общир план раскопа 1958 г.
 1 — граница раскопа; 2 — очертания жилищ; 3 — остатки из хозяйственного значения; 4 — остатки
 золы или желтого слюса; 5 — остатки кирпича; 6 — остатки древесины; 7 — древесина; 8 — культурный слой;
 9 — материк.

Рис. 3. Поселение Ново-Турбаслинское II. Очертание восточной половины жилища № 1 на глубине 1 м
 (светлая полоса, пересекающая пятно жилища, — след разведочной траншеи).

Жилище № 3. Очертание жилища обнаружено после второго горизонта. Пол его находится на глубине около 1,10 м от поверхности земли. Полуземлянка имела форму правильного четырехугольника размером 6×5 м. В восточной стенке обнаружено небольшое расширение, являющееся, по-видимому, следом

Рис. 4. Поселение Ново-Турбаслинское II. Остатки очага в жилище № 1.

углубленного в землю коридорообразного выхода. Заполнение жилищной впадины на II и III горизонтах состоит из черного гумуса в средней части и золистого слоя по краям жилища. На полу культурный слой имеет темно-коричневый оттенок с небольшими зольными пятнами.

В полу землянки найдена яма от столба диаметром 30 см глубиной 60 см. Яма заполнена зольным слоем и содержала несколько обломков керамики. Там же обнаружены следы еще двух сгнивших столбов диаметром около 15—20 см. Вертикальный разрез этих ям показал, что один столб имел плоский (глубина 5 см), другой заостренный (глубина 15 см) концы.

Жилище № 4. Очертание жилища обнаружено после второго горизонта. Оно имеет четырехугольную форму размером 6,5×5 м и глубину 1,10 м от поверхности (рис. 2). Заполнение жилища состоит из черного гумуса, который на дне местами имеет коричневатый оттенок. В юго-западном углу жилища обнаружена круг-

лая яма диаметром около 15 см, также, видимо, от столба.

Жилище № 5. Очертание жилища обнаружено после второго горизонта. Оно имеет квадратную форму 6×6 м. Глубина жилища 1,2 м. На уровне 40 см в южной стенке жилища прослежено расширение в виде ниши (2×1,20 м),

в которой оказалась яма овальной формы 2×1 м глубиной до 1 м. Западные жилища на глубине II—III горизонтов состоят из черного гумуса, сменяющегося на IV—V горизонтах слоем темно-коричневого цвета. В нижних горизонтах, в северной половине жилища обнаружено пятно золистого слоя, которое, возможно, является остатком очага. В полу жилища найдены две круглые ямы, вероятно, от столбов, диаметром около 10—15 см.

Между четвертым и пятым жилищами обнаружены три ямы. Яма № 1 имеет округлую форму диаметром около 2 м, глубиной 80 см, с ровным дном. Заполнена она очень плотной черной землей, где встречены мелкие обломки керамики.

Яма № 2 размером 1,50×1,30 м, при глубине 70 см, имеет ровное дно и вертикальные стенки и заполнена черной землей, сильно перемешанной с древесными угольками и обожженными зернами полбы. Уголь и хлебные зерна особенно густо залегали вдоль стенок и на дне ямы. Очевидно, ямы служили для хранения зерна, причем стенки и дно укреплялись деревянными досками. Вторая яма, заполненная хлебом, разрушилась в результате пожара. Третья яма (1×1,20 м, глубина 50 см) никаких находок не дала.

За очертанием южной стенки жилища найдены три маленькие круглые ямы, по-видимому, столбовые, диаметром около 8—10 см.

Таково краткое описание жилых и хозяйственных сооружений поселения Ново-Турбаслинское II. Как видно из вышеизложенного, все жилища имели четырехугольную в плане форму и почти одинаковые стандартные размеры — 6×6, 6×5 и 6×4 м, при глубине до 1 м. Хотя не сохранилось никаких остатков деревянных сооружений, все же можно предполо-

жить, что стены жилищ-полуземлянок состояли из деревянного сруба.

Во всех жилищах, за исключением жилища № 3, отсутствовали следы столбов, которые могли бы служить достаточной опорой для крыши. Этот факт заставляет нас предположить, что крыши своими основаниями упирались прямо на землю или, что кажется более правдоподобным, на верхний венец сруба. Вероятной формой таких крыш могла быть плоская или двускатная.

На полу жилищ следы кострищ очагов сохранились в виде золыных пятен. В жилище № 1 остатки очага располагались примерно на 80 см выше уровня пола жилища. Их состав заставляет предполагать глинобитное устройство очага.

Жилища на поселениях I тысячелетия н. э. на территории Башкирской АССР до сих пор не были известны. Поэтому каких-либо аналогий описанным здесь жилищам мы не имеем. Самым ближайшим к ним является жилище, раскопанное археологической экспедицией ИИЯЛ 1959 г. на городище бахмутинской культуры у дер. Кансиар Балтачевского района, которое можно реконструировать в форме полуземлянки четырехугольной формы с очагом на полу. Следует все же отметить, что четырехугольные жилища-полуземлянки на территории Башкирии известны еще с эпохи бронзы. В 1954—1955 гг. на селище Береговское I в Мелеузовском районе южноуральской археологической экспедицией Уральского университета под руководством К. В. Сальникова были исследованы два жилища площадью около 80 или 100 м², которые своими основаниями были углублены в землю до 1,90 м. Крыша одного из этих жилищ поддерживалась столбами, расположенными через середину жилища и вдоль продольных стен; перекрытие второго жилища реконструируется в виде усеченной пирамиды без опорных столбов¹.

Часть четырехугольного жилища была исследована В. В. Гольмстен на Чертовом городище близ г. Уфы, относящемся к аванынскому времени².

Хотя автор далек от мысли проводить непосредственную генетическую связь между эти-

ми жилищами, но широкое распространение на территории Башкирии жилищ-полуземлянок четырехугольной формы с эпохи бронзы заслуживает внимания.

••

Предметы материальной культуры на поселении представлены главным образом обломками керамики, а затем изделиями из кости и металлов. Керамика и изделия распределяются по жилищам крайне неравномерно. Учитывая это, ниже мы приводим описание предметов

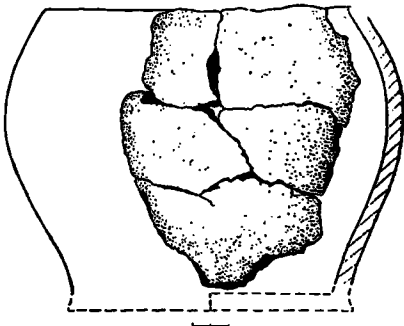

Рис. 5. Поселение Ново-Турбаслинское II. Реконструкция сосуда из жилища № 1.

материальной культуры отдельно для каждого жилища.

В заполнении жилища № 1 собрано 239 обломков керамики, из которых 53 обломка было найдено в I—II, 53 — в III, 67 — в IV, 66 — в V—VI горизонтах. Для всех обломков керамики характерно единообразие в технических приемах изготовления и примеси к глине. Сосуды сделаны от руки из глины с примесью песка и мелких камешков. Из общей массы керамики выделено 11 сосудов, из которых 9 представлены обломками шеек, а 2 — обломками от плоского прямого дна. Шейки сосудов слабо отогнуты наружу, имеют высоту 1,5—2 см; лишь у трех сосудов шейки относительно высокие — 4—5 см. У одного сосуда, типа небольшой чаши, имеется хорошо выраженное плечико. Уникальным является сосуд, представленный 12 обломками от шейки и стенок. Сосуд очень грубой обработки сделан из глины с примесью песка и, возможно, дресвы;

¹ К. В. Сальников, Некоторые сведения об эпохе бронзы Южной Башкирии, «Башкирский археологический сборник», стр. 31—36.

² Р. Б. Ахмеров, Археологические памятники Башкирии аванынского времени, КСИИМК, 58, 1952, стр. 31—32.

имеет форму плоскодонного горшка с суженным и вогнутым во внутрь горлом; шейки у него почти отсутствует (рис. 5).

Орнаментирована керамика скудно. Венчики трех коротких шеек украшены удлиненными ямками, напоминающими «защипы». Наружная поверхность четырех сосудов покрыта частыми круглыми ямками, расположенными по

мок шейки, оказавшийся, как это выяснилось после камеральной обработки, частью сосуда, найденного в жилище № 3.

Кроме того, в заполнении жилищной ямы найдена круглая железная бляха (табл. II, 5) и несколько глиняных пряслиц, одно из которых украшено мелкими круглыми ямками, располагающимися вокруг отверстия.

В жилище № 2 найдено 42 маленьких обломка керамики, из которых 19 орнаментированы мелкими круглыми ямками, а остальные 23 лишены орнамента.

Жилище № 3 является по находкам одним из самых богатых на поселении. В нем найдено более 600 экземпляров обломков керамики, из которых удалось выделить 98 сосудов. По технике изготовления, форме, орнаменту и примеси к глине эти сосуды можно разделить на четыре типа. Керамика всех четырех типов залегала совместно по всей глубине культурного слоя, причем преобладающее количество обломков найдено на дне жилища. Поэтому описание керамического материала ниже приводится без учета стратиграфического положения черепков.

К первому типу относятся 25 сосудов, имеющие короткие прямые или слабо отогнутые наружу шейки, слабо раздутое тулово и округлое дно. Судя по обломкам, сосуды имели высоту в среднем 15—25 см при диаметре горла 10—20 см; толщина шеек и стенок 0,4—0,6 см, изредка — 0,8—0,9 см. Сосуды сделаны из глины с при-

месью песка или песка и мелких камешков. Наружная и внутренняя поверхности обработаны каким-то предметом или пучком травы, которые оставили на поверхности параллельные полосы. Два сосуда имеют хорошо лощеную, гладкую наружную поверхность. Цвет большинства сосудов красно-коричневый или темно-серый.

Характерной особенностью сосудов первого типа является орнамент, состоящий из мелких круглых ямок, беспорядочно и густо распо-

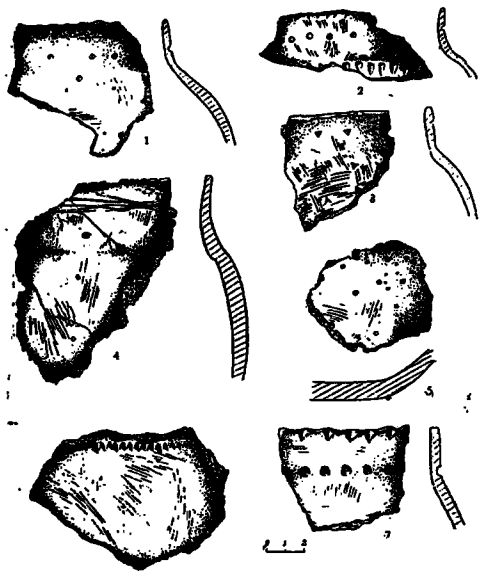

Таблица I. Образцы керамики из поселения Ново-Турбаулинское II. 1958 г.

нижней части шейки и тулову (типа табл. I, 1—4). На шейке одного сосуда-чаши ямки располагаются группами по три: две сверху, одна снизу. Остальные сосуды никакой орнаментации не имеют. Из общего количества обломков керамики, преимущественно от стенок, которые не могли быть распределены по сосудам, 100 обломков украшены беспорядочно расположенными круглыми ямками, а остальные 118 обломков лишены орнаментации. На глубине IV горизонта в жилище найден обло-

жежных по всему тулову (табл. I, 3, 4), а иногда и по дну (табл. I, 5). На одном сосуде ямочный орнамент нанесен концом палочки, имеющей треугольную форму (табл. I, 3). 18 сосудов по венчику оформлены короткими линиями гладкого штампа или овальными вдавлениями, напоминающими «защипы» (табл. I, 4).

Второй тип представлен примерно 25 невысокими сосудами в форме небольших чаш с короткими прямыми шейками и слабо раздутыми туловами (табл. III, 1, 3, 4, 6). Диаметр горла колеблется от 5 до 15 см, высота — от 8 до 16—17 см. В глине имеется примесь песка и, часто, мелких камешков. По-видимому, сюда же относятся обломки небольших уплотненных (4) и плоских (11) днищ. Цвет большинства сосудов темно-серый. Поверхность лишена орнаментации, но 15 сосудов по венчику и/или его краю покрыты короткими линиями гладкого штампа или овальными вдавлениями (табл. III, 3, 6).

Ко второму же типу можно отнести около 8 неорнаментированных сосудов, отличающихся от вышеописанных своими большими размерами. Диаметр горла этих сосудов равен 20—25 см, высота 20—30 см, цвет темно-серый или светло-коричневый. На венчике или его краю четырех сосудов имеются короткие овальные вдавления (табл. III, 2). По-видимому, к этому же типу следует отнести обломки трех больших плоскодонных сосудов, имеющих красно-коричневый цвет (типа табл. III, 5). Имеется еще обломок от большого уплотненного дна сосуда с раздутым шарообразным туловом (табл. III, 7).

Третий тип сосудов представлен 17 сосудами, имеющими прямые шейки высотой 2—4 см, округлое, шарообразное низкое тулово и уплотненное дно. Они изготовлены из хорошо отмученной глины с примесью песка, тщательно обработаны с наружной и внутренней стороны. Толщина шейки, стенок и дна 2—4 мм, цвет темно-серый или темно-коричневый, местами

красноватый. Шейки до плеча украшены густо расположенными горизонтальными резными поясками, чередующимися с взаимопересекающимися короткими линиями, которые образуют маленькие ромбические или треугольные узоры (табл. IV, 1—7). На одном сосуде резные линии чередуются с наклонно расположенными

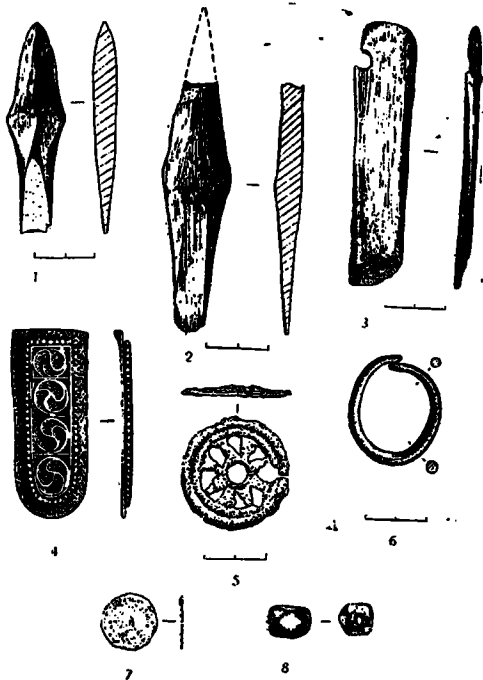

Таблица II. Материалы из поселения Ново-Турбаслинское II.

ми отпечатками зубчатого штампа удлиненно-овальной формы (табл. IV, 8).

На двух сосудах ниже горизонтальных поясков помещены зигзаги из двух параллельных линий. На нижних концах этих зигзагов на одном сосуде расположен узор в виде елочки (табл. IV, 7). Венчики всех сосудов этого типа покрыты косыми насечками. Два обломка уп-

лощенных днщ по краю орнаментированы поясками зигзаговой прямой и двух резных линий из взаимопересекающихся отрезков. В центре дна крестообразно расположены две тройные линии (рис. 6).

К четвертому типу относятся три неорнаментированных сосуда, имеющие высокие отогнутые наружу шейки и, видимо, сильно раздутое шарообразное тулово. Высота шейки одного сосуда 3,5 см, другого — 8 см (рис. 7).

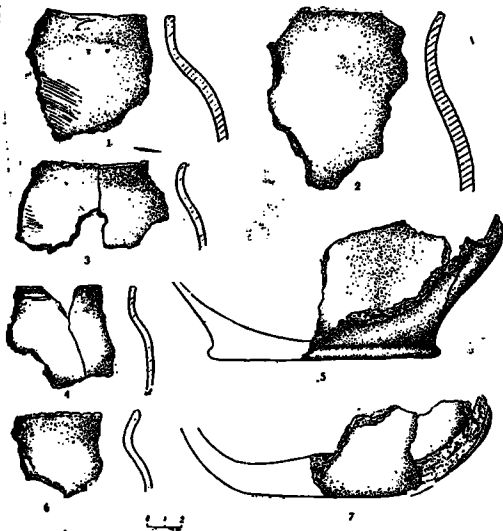

Таблица III. Образцы керамики из поселения Ново-Турбаслинское.

Последний имеет гладкую, лощенную поверхность и темно-серый цвет.

В нижних горизонтах заполнения жилищной ямы найдены два костяных наконечника стрел треугольной формы с плоскими короткими черешками (табл. II, 1—2), серебряная круглая пластинка (табл. II, 7) и серебряная накладка ремня, украшенная фигурным орнаментом и зернью (табл. II, 4), а также несколько пряслиц из глины и обломок костяного предмета, по-видимому, накладки лука, с круглым отверстием на одном конце (табл. II, 3).

В жилище № 4 найдено 40 обломков керамики, большинство которых не орнаментировано, а 14 имеют ямочный орнамент. Ямки располагаются в беспорядке по всему тулову. Четыре обломка от плоских днщ четырех сосудов аналогичны с вышеописанными сосудами второго типа из жилища № 3 (табл. III, 6). Найдена также бронзовая проволочная серьга круглой формы с заходящими концами (табл. II, 6).

В жилище № 5 обнаружено 140 обломков керамики, из которых удалось выделить 20 однотипных сосудов. У всех у них короткие, слабо отогнутые наружу шейки с плавным переходом к плечу. Наружная поверхность 9 сосудов орнаментирована круглыми и овальными ямками, располагающимися беспорядочно (табл. I, 1, 2); по плечу одного сосуда ямочные углубления нанесены косо поставленным концом палочки треугольной формы (табл. I, 6). Остальные не орнаментированы. Три сосуда представлены обломками плоского дна. Из общего количества обломков керамики, которые остались вне распределения по сосудам, на 50 обломках имеются круглые ямки, а 70 лишены орнамента. В жилище найдены также две бусины, одна из которых четырнадцатигранная (табл. II, 8), и обломок бронзового листа. Последняя находка, видимо, является частью облицовки какого-нибудь предмета. За пределами очертания жилища найден обломок сосуда, украшенного ямочными вдавлениями по краю венчика и круглыми ямками, расположенными в ряд вокруг шейки (табл. I, 7).

В жилищах собрано 108 костей, преимущественно зубов. 83 кости принадлежали лошади, 11 — корове, 5 — медведю, 2 — лосю. Есть также небольшое количество костей рыб. При всей малочисленности материала все же видно, что основное место в стаде занимала лошадь. Найденные в поселении обгорелые зерна пшеницы свидетельствуют о знакомстве обитателей жилищ с земледелием. Охота и рыболовство играли в хозяйстве незначительную роль.

Датировка жилищ Ново-Турбаслинского II поселения устанавливается по керамическому

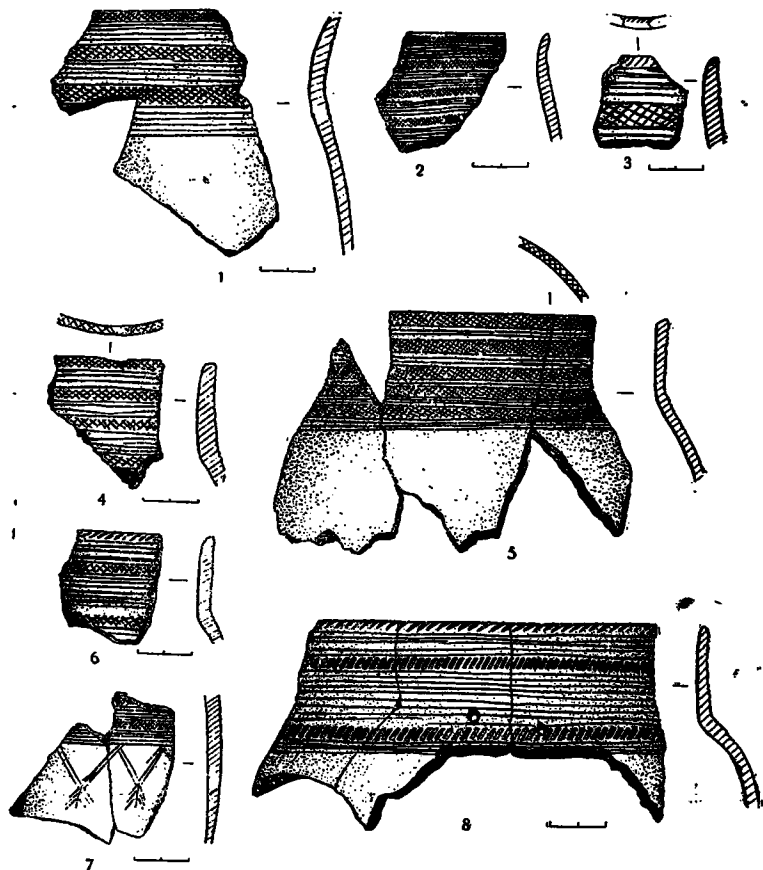

Таблица IV. Образцы керамики из поселения Ново-Турбасинское II.

материалу и другим находкам. Выше мы констатировали, что керамику поселения составляют сосуды разных типов. Основным является тип, представленный невысокими сосудами, украшенными по наружной поверхности беспорядочно расположенными круглыми ямками.

Такая керамика, как известно, составляет значительный процент вещественного материала многих бахмутинских поселений, но там она при недостаточной изученности последних очень плохо датирована. Поэтому здесь мы сошлемся на неопубликованные материалы.

Бирского могильника, являющегося в настоящее время основным памятником для изучения истории бахмутинской культуры. На этом могильнике за три полевых сезона (1958—1960 гг.) собрана очень богатая коллекция глиняных сосудов с ярочным орнаментом бахмутинского типа, которые на основании многих сопровождающих предметов (пряжки, фибулы, бусы и т. п.) датируются в основном V—VII вв. н. э. Эта же дата может быть принята и для сосудов из данного памятника.

типа, по имеющимся данным, сейчас локализуется в бассейне среднего течения р. Белой. Она найдена, например, в Кара-Абызском, Уфимском II, Бирском городищах, Кушнарковском могильнике и селнице и многих других пунктах этого района. Почти во всех этих поселениях эта керамика найдена в верхних слоях вместе с многочисленными обломками плоскодонной керамики без орнамента. Этот факт, на наш взгляд, говорит об очень поздней дате их существования. Но кроме этого, сосу-

ды третьего типа из поселения Ново-Турбаслинское II находят очень близкие аналогии среди материалов других хорошо датированных памятников Башкирии.

Одним из таких памятников является Ново-Турбаслинский курганный могильник близ г. Уфы. В кургане № 10 этого могильника найден один целый сосуд, который по форме и орнаменту является полностью тождественным сосудам третьего типа из Ново-Турбаслинских жилищ¹. Этот сосуд в погребении сопровождался серебряными пряжками с литыми щитками и пластинчатыми накладками, которые относятся к числу типичных находок из памятников VI в. Следует отметить, что ни в одном из известных археологических памятников Башкирии, датируемых временем раньше VI в., керамика с таким орнаментом пока не найдена. Конечная дата

существования сосудов третьего типа может быть определена по обломкам аналогичного сосуда из погребения Стерлитамакского могильника², который на основании монет хорошо датируется VIII—IX вв. н. э.³

¹ Н. А. Мажитов, Курганный могильник в деревне Ново-Турбаслы, Башкирский археологический сборник, стр. 126, рис. 3.

² Р. Б. Ахмеров, Могильник близ гор. Стерлитамака, Советская археология, XXII, 1965, стр. 175, табл. X, рис. 4.

³ Там же, стр. 164—166.

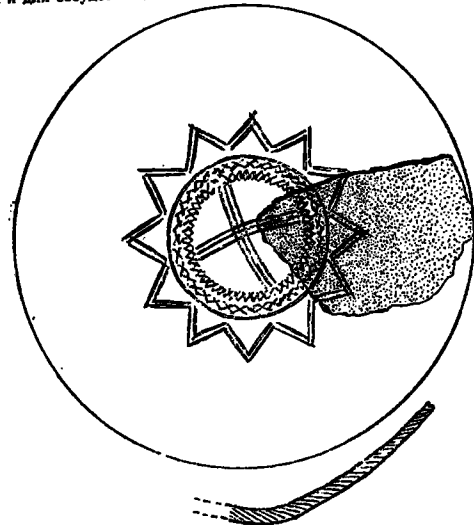

Рис. 6. Поселение Ново-Турбаслинское II. Реконструкция дна сосуда из жилища № 3.

Вторую многочисленную группу керамики поселения Ново-Турбаслинское II составляют плоскодонные сосуды без орнамента. Аналогичная керамика найдена во многих пунктах среднего течения р. Белой и ориентировочно датируется нами VI—IX вв. н. э.¹ Этим же временем примерно могут быть датированы также сосуды третьего типа из Ново-Турбаслинских жилищ (табл. IV). Основная территория распространения керамики указанного

¹ Подробнее об этом см. статью П. Ф. Ишеркова и Н. А. Мажитова «Городище Уфа II» в настоящем сборнике.

Представленный в одном экземпляре сосуд из Ново-Турбаслинского поселения (рис. 5) по форме и технике изготовления близок напоминает сосуды позднего рододекой культуры. Аналогичные сосуды, например, встречены в нижнем слое селища Бабий Бугор в Поволжье¹, который А. П. Смирнов относит к доболгарскому времени, примерно V—VI вв.

Из других находок, являющихся датирующими, следует указать на глиняную (пастовую?) четырнадцатигранную бусину и бронзовую проволочную серьгу. Эти вещи широко представлены в инвентаре погребений Бахмутинского могильника и других одновременных ему памятников. Металлический наконечник ремня (табл. II, 4) по форме очень близок наконечникам ремня из ранних погребений Борисовского могильника на Кавказе², датируемых VI в. нашей эры.

Таким образом, вышеприведенные аналоги указывают, что жилища на Ново-Турбаслинском поселении могли существовать не раньше V в. н. э. Наиболее вероятной датой мы считаем VI—VII столетия.

В настоящее время в результате новых археологических раскопок по бахмутинской культуре накоплен большой фактический материал, позволяющий сделать некоторые общие выводы.

История бахмутинской культуры может быть разделена на два периода — ранний и поздний, которые отражают основные особенности ее формирования и развития. В раннем периоде, датируемом III—IV вв., бахмутинская культура сложилась как культура местных, родственных по происхождению племен. Следовательно, новые материалы подтверждают основной вывод А. П. Смирнова, Р. Б. Ахмерова и других исследователей о тесных генетических связях бахмутинской культуры с культурой местных племен предшествующей эпохи. Данные раскопок почти всех ранних могильников свидетельствуют об относительной однородности этнического состава бахмутинского населения, хотя следует подчеркнуть, что между локальными племенными группами имелись некоторые различия в культуре. Для раннебахмутинских могильников характерными являются неглубокие (40—60 см) захоронения в виде труположения, почти полное отсутствие в могилах глиняных сосудов, височные подвески в виде знака вопроса с

заикнутым кругом и крючком на другом конце, наличие в некоторых могильниках (Каратамакский) коллективных захоронений, содержание во многих, преимущественно мужских, погребениях предметов женских украшений в особых берестяных коробках и т. п. Все эти

Рис. 7. Шейка сосуда из жилища № 3 поселения Ново-Турбаслинское II.

отличительные особенности раннебахмутинской культуры находят себе генетические аналоги в памятниках местных пьяноборских племен.

Новые материалы не дают оснований согласиться с выделением памятников на Средней Каме типа Мазунинского и Ижевского могильников в особую археологическую культуру и ставят под сомнение мысль о ее приходе характере (Геннинг). Эти памятники по образу захоронения и вещественному материалу очень близки раннебахмутинским и поэтому должны быть объединены в одну культуру. Этот вывод в некоторой степени подтверждается с данными антропологии. Так, например, М. С. Акимова, исследовавшая мазунинские черепа, подчеркивает большую близость мазунинского населения с местными пьяноборскими племенами и ставит под сомнение смену населения на Средней Каме в позднепьяноборское время.

Поздний период бахмутинской культуры (V—VII вв.) по многим чертам тесно связан с предыдущим, но отличается от него сильно смешанным характером своего материала. В позднебахмутинских могильниках появляется новый обряд захоронений умерших: с глиняной посудой, могилы с подбоями и ступеньками в узкой стенке; широкое распространение получает ритуальное захоронение конечностей (четыре ног) и черепа лошади; появляются

¹ А. П. Смирнов, Новые археологические данные о сложении культуры волжских болгар, КСИИМК, X, М., 1951, стр. 17—18, стр. 1.

² В. В. Саханов, Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг., ИАК, вып. 56, Пгр., 1914, стр. 130, стр. 21.

новые черты в материальной культуре. Все это, по-видимому, связано с проникновением на рубеже IV—V вв. на территорию распространения бахмутинской культуры племен южного и юго-восточного происхождения. Новое пришлое население не представляло собой этнически однородную массу. Среди него в настоящее время удается выделить несколько самостоятельных групп и связать их с определенными категориями археологического материала.

Среди пришлого населения наиболее многочисленную группу составили сармато-аланские племена, которые продвинулись сюда из районов, примерно Южного Урала и Нижнего Поволжья. Характерную особенность сармато-аланской культуры в Башкирии, типичным памятником которой являются Ново-Турбаслинский курганный могильник и некоторые могильники на территории города Уфы, составляют подкурганые захоронения в глубоких могильных ямах, иногда с подбоями, большие неорнаментированные глиняные сосуды с шарообразным туловом и высоким прямым горлом, круглые серьги с литыми многогранными бусинами и пр.

Археологический материал свидетельствует о том, что длительное сосуществование бахмутинских и пришлых племен на одной территории способствовало их тесному сближению и стиранию резких различий в культуре.

Основным направлением хозяйственной деятельности бахмутинских племен было скотоводство, которое получает у них особенно сильное развитие в V—VII вв. Они широко были знакомы также с мотыжным земледелием, о чем свидетельствуют находки железных серпов, обгорелых зерен полбы и обломки каменных зернотерок. Анализ погребальных комплексов могильников дает нам полное основание говорить, что бахмутинские племена переживали период развитой военной демократии, когда ведение захватнических межплеменных войн стало регулярной функцией на-

родной жизни» (Энгельс). Доказательством этому являются погребения воинов-дружинников с предметами вооружения, богатой родовой аристократии и т. п.

В настоящее время трудно еще окончательно выяснить роль пришлых в IV—V вв. кочевых племен в формировании бахмутинской культуры. Но, несмотря на это, материалы из раннебахмутинских памятников позволяют прийти к выводу о том, что бахмутинская культура сложилась в своей основе как культура племен угорской языковой принадлежности. Данный наш вывод основывается на таких многочисленных материалах, как скульптурные изображения фигур медведя, лошади, птиц и других предметов, которые сближают бахмутинскую культуру с кругом памятников угорских племен Прикамья и Сибири. В поздний период на бахмутинскую культуру очень сильное влияние оказали пришлые сармато-аланы, которые, видимо, в районе города Уфы численно превосходили местное население.

Учитывая, что генетически бахмутинская культура восходит к местной культуре ранних периодов, нам кажется, что Западное Приуралье наряду с Южной Сибирью и Южным Зауральем (В. Н. Чернецов и другие) входило в область формирования древней угорской общности. Древние этапы формирования этой общности могут быть предположительно связаны с местными племенами карабызо-пыяноборской культуры, которые находились в тесных этнокультурных отношениях с населением Зауралья.

В итоге мы, вслед за А. В. Шмидтом, предположительно считаем бахмутинские племена древними предками современного венгерского народа, которые примерно в VIII в. покинули Приуралье и после долгих путешествий расселились на территории современной Венгрии. Этому выводу не противоречат данные средневековых письменных источников, топонимики и частично антропологии.

В. В. СТОКЛОВ

КУРГАН НА ОЗЕРЕ СИНЕГЛАЗОВО

Летом 1959 г. на озере Синеглазово, в 15 км восточнее г. Челябинска, при вскрышных работах на известковом карьере силикатного завода был разрушен земляной курган¹. Под остатками удаленной насыпи находилась грунтовая могила прямоугольной формы 1,90X0,90 м, глубиной около 0,60 м от поверхности почвы, ориентированная по линии ССВ—ЮЮВ. Глубина могилы, по-видимому, определялась грунтом — почти сплошным известковым монолитом, прикрытым тонким слоем щебенки и чернозема. Стенки могильной ямы были обрамлены бревнами, на которых на высоте 30 см от дна находилось поперечное покрытие из нетолстых плах. Прогнувшиеся плахи лежали на костях скелета.

Погребенным оказался мужчина зрелого возраста, ростом 162 см (рис. 1). Костяк покоился вытянуто на спине, руки — вдоль туловища, головой на юг. Череп европеоидного типа² имел сильную посмертную деформацию. С умершим находилось оружие, много украшений, остатки конской сбруи. У голени правой ноги лежала крупная кость лошади. В изголовье стояла небольшая серебряная чашка 11 см в диаметре, с погнутым дном и боковой трещиной, у края которой сохранилось отверстие с заклепкой. На дне чашки выгравирован стилизованный растительный орнамент, составленный из трех элементов: листьев, лепестков и бутонов (рис. 3).

Промежутки в орнаментальном поле позолочены.

В области живота и спины костяка находилось большое количество штампованных и литых золоченых серебряных бляшек круглой и сердцевидной формы. Все они покрыты растительным орнаментом, который хорошо заметен на сердцевидных бляшках (рис. 4, 1—3), где он представлен строеными ягодками на концах стеблей. По кромке этих бляшек идет цепочка из вытянутых и круглых звеньев. Отдельные сердцевидные бляшки имеют прорезы, в которых сохранились остатки ремешков. Кроме этого способа крепления, на всех бляшках имеются шипы. В могиле находились также две каплевидные бронзовые подвески. Одна расчленена посредине горизонтальным желобком, другая имеет более детальное членение (рис. 2, 2). Аналогичные подвески встречаются в верховьях р. Оби, в погребениях сrostкинской культуры (IX—X вв.)³, а также найдены в погребениях X в. у с. Лопас Астраханской области⁴.

На левой тазовой кости находилась серия мелких прямоугольных бляшек на ремне (рис. 4, б), рядом с ними — круглая бляшка с кольцом и шипами для крепления (рис. 2, 4), аналогичная обнаруженным в Баяновском могильнике Пермской области⁵.

¹ М. П. Грязнов, История древних племен верхней Оби, МИА, 48, стр. 145, табл. V, 1—5.

² В. А. Филиппенко, Погребение X в. в Астраханской области у с. Лопас, СА, 1969, № 2, стр. 240, 241.

³ В. А. Обориц, Баяновский могильник на р. Косыре, УЗ Пермского государственного университета, т. IX, вып. 3, стр. 151—152.

¹ Об этом факте руководство карьера сообщило в Челябинский областной краеведческий музей. Автору настоящего сообщения музеем было поручено исследование кургана.

² Определение Б. В. Фирштейн.

С левого бока лежал короткий однолезвийный палаш длиной 63 см (рис. 2, 1) с остатками ножен и серебряным наконечником с расти-

тельным орнаментом. Подобные палаш халды салтовских погребений второй половины VIII—IX вв. В ногах костяка найде-

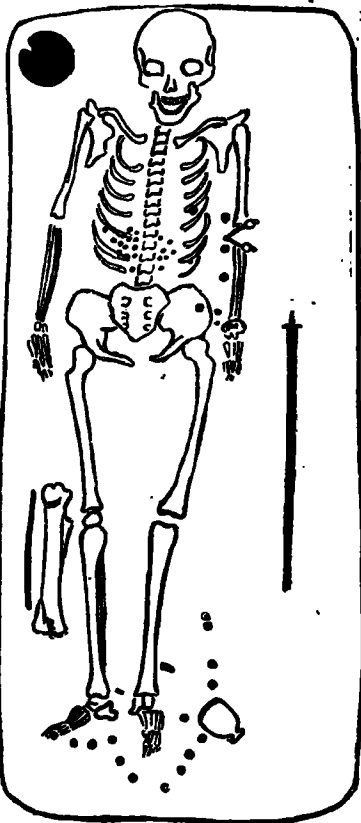

Рис. 1. Погребение на озере Снеглазово.

но восьмеркообразное стремя, сделанное из четырехгранного прута с плоским, слегка выгнутым подножием (рис. 5, 2). Форма его весьма близка сибирским стремянам из кыргызских погребений минусинской котловины, существовавшим там в VI—X вв.¹ Обнаруженные на левой руке костяка железные удила (рис. 5, 1) с восьмеркообразными кольцами имеют также сибирские аналоги в погребениях VIII—X вв. на Оби².

Из украшений конской сбруи найдены круглые с лункой в центре и продолговатые с закруглениями на концах бляхи (рис. 4, 4, 5).

На безымянном пальце правой руки был одет перстень с ромбическим щитком и вставным камнем (рис. 4, 3). На левой руке находилась браслет, аналогичный салтовским образцам второй половины VIII—IX вв.³ рис. 2, 5).

Из изложенного видно, что синеглазовские находки имеют ряд бесспорных аналогий, с одной стороны, с вещами салтовских погребальных камер, с другой — с предметами из погребений южной Сибири конца I тысячелетия н. э. С сибирскими памятниками сходна и конструкция самой погребальной камеры: имеются в виду деревянные обрамления и покрытия могил сросткинской культуры в бассейне р. Оби⁴.

Кроме металлических вещей, в погребении сохранились фрагменты шелковой ткани, очевидно остатки верхней одежды — халата (рис. 6), и несколько кусочков очень тонкого шелка⁵. Под умершим находилась подстилка из редкой шерстяной ткани. У пояса и таза остались кусочки

¹ С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, МИА, 9, стр. 326.

² М. П. Грязнов, Указ. соч., стр. 150.

³ Н. Я. Мерперт, О генезисе салтовской культуры, КСИИМК, XXXVI, стр. 28, рис. 97.

⁴ М. П. Грязнов, Указ. соч., стр. 145, 147.

⁵ Ткань и металлические вещи находились на реставрации и консервации в мастерских Государственного Эрмитажа. Там же хранятся негативы с этих вещей.

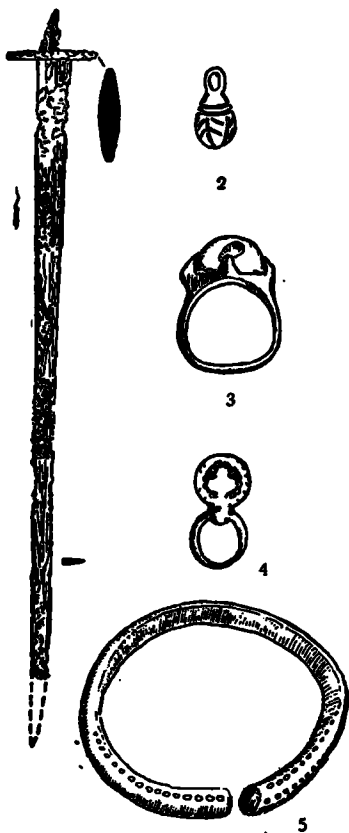

Рис. 2.

1 — валяш; 2 — подвеска; 3 — перстень; 4 — бляшка;
5 — браслет.

тонкой хорошо выделанной кожи. Ткань от халата имеет желто-зеленый табачный цвет. Она украшена рядами вытканых изображений гардирующих всадников (рис. 6). Над круглым лицом всадников помещен сложный геометрический рисунок, видимо, передающий изображение головного убора с развевающимися кистями. Корпус всадника передан двумя рядами полосок. Чередование просветов и полос на корпусе представляет собою, возможно, попытку изобразить боевые доспехи (панцирь) всадника. В левой руке всадник держит щит (?). Правая рука откинута назад. У пояса виден длинный широкий меч и колчан. Конское снаряжение: шлея, попона, уздечка переданы довольно ясно (рис. 7).

Шелковая ткань, из которой шит халат, несомненно не местного производства, но

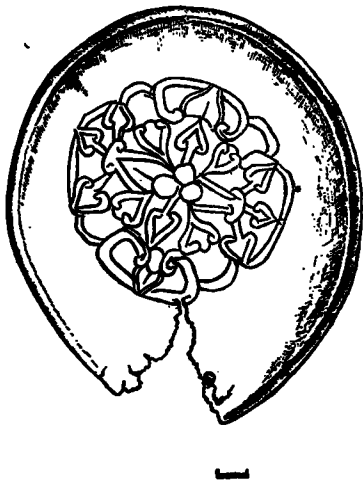

Рис. 3. Серебряная чашка.

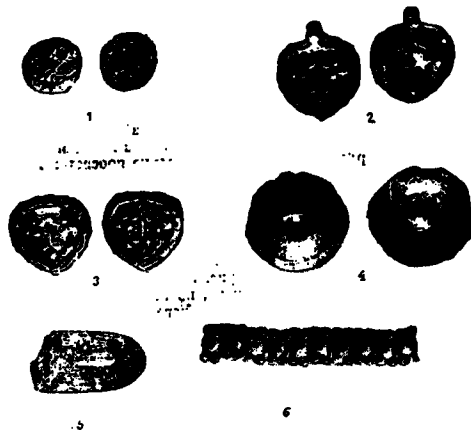

Рис. 4. Металлические бляшки от подного набора и конской сбруи.

происхождение ее определить мы затрудняемся. По-видимому, халат попал на Урал откуда-то с юга.

Датировка погребения не вызывает особых затруднений. Приведенные аналогии позволяют описываемое погребение отнести к концу VIII — первой половине IX вв.

Хотя некоторые вещи Снегловского погребения находят себе аналогии в Восточной Европе, больше сходства в могильном инвентаре и конструкции погребального сооружения с памятниками Южной Сибири. Является ли это результатом переселения какой-то группы племен из Сибири на Южный Урал или сходство отражает тесные связи местных племен с сибирскими, покажут дальнейшие исследования подобных памятников.

Рис. 5.
1 — удила; 2 — стремя.

Берега озера Синеглазово давно известны как район сосредоточения разновременных археологических памятников. Еще в начале текущего столетия здесь неоднократно производил свои исследования челябинский археолог Н. К. Минко. В раскопанных им курганах

чались и в насыпи кургана почти с самой поверхности. В беспорядке оказались и вещи могильного инвентаря. Публикуемые ниже выдержки из отчета Н. К. Минко дают представление о содержании синеглазовских курганов. Наконечники стрел, металлические бляшки,

Рис. 6. Фрагмент шелковой ткани.

обнаружены были главным образом погребения андроновской культуры эпохи бронзы и сарматского времени. Но на восточном берегу озера Н. К. Минко в 1908 году раскопал 8 курганов¹, содержащих погребения эпохи раннего средневековья. В могильном инвентаре их много общего с находками в публикуемом памятнике. Все курганы, исследованные в 1908 году, были разграблены: на поверхности видны углубления, могильные ямы, как правило, оказались заполненными перемешанными человеческими костями, иногда кости встре-

стремена из этих курганов¹ аналогичны или близки вещам описываемого кургана. Необходимо все же отметить, что в последнем инвентаре представляется более богатым, а сама насыпь отличалась значительной высотой². По всей вероятности, исследованные Н. К. Минко курганы оставлены тем же племенем, что и курган, доисследованный нами в 1959 году.

¹ Н. Минко, Отчет о раскопках курганов в Челябинском уезде Оренбургской губернии в 1908 году. Архив ЛОИА, д. № 219 за 1904 год.

¹ Коллекция находок Н. К. Минко из синеглазовских курганов хранится в Свердловском музее.

² Значительно разрушенная бульдозером насыпь к началу ее раскопки автором имела высоту около 1,20 м.

КУРГАНЫ НА ВОСТОЧНОМ БЕРЕГУ ОЗЕРА СИНЕГЛАЗОВО

(Видержки из отчета Н. К. Минко)

Рис. 7. Реконструкция изображения всадника на шелковой ткани.

На восточном высоком берегу озера Синеглазово разбросано 14 очень распыленных курганов. Все имеют по несколько углублений на поверхности. Окружность 50—60 аршин, высота самая незначительная.

Курган № 12. Две ямы, одна обложена сосновыми плахами. Обе наполнены перемешанными человеческими костями. Добыт один цельный череп и осколки второго, найдено 2 железных и 2 костяных наконечника стрел.

Курган № 13. Две ямы, обе обложены сосновыми плахами. В первой — перемешанные кости двух костяков, найдено: один железный наконечник стрелы, согнутая медная трубочка, 16 разной величины и формы бус, 15 латунных бляшек, вероятно, от поясного набора. Во второй могиле — несколько отдельных лошадиных костей.

Курган № 15. Одна яма с сильно перемешанными костями и одним черепом. Найдено: один железный наконечник стрелы и железное стремя.

Курган № 16. По всему кургану разбросаны перемешанные лошадиные и человеческие кости, среди которых три черепа. Находки: 2 железных и 4 костяных наконечника стрел, костяная пряжка, обломки костяных пластинок, толстый медный браслет, 5 латунных бляшек, 2 привески и 7 небольших бус.

Курган № 18. На первой же лопате начали обнаруживаться кости, среди них 4 человеческих черепа и кости жеребенка. В центре кургана могила, обложенная плахами, и две могилы без алах. При разборке могила оказалась, что кости свалены в центральной могиле отдельно от черепов. Прочие ямы — пустые. Находки: 2 железных и 11 костяных наконечников стрел, костяная пряжка, 13 латунных бляшек от поясного набора, обломки костяных пластинок и три костяных неопределенного назначения предмета.

Курган № 19. В центре кургана сильно обожженный череп лошади; по всему кургану разбросаны человеческие и лошадиные кости, один череп. Находки: железный и костяной наконечники стрел, железное колечко, костяная пряжка.

Курган № 20. В центре кургана обложенная сосновыми плахами могила, недалеко от нее два рядом лежащих черепа и отдельные кости; внутри могилы еще два черепа. Находки: 2 костяных наконечника стрел, костяная пряжка, обломки костяных пластинок, две целых пластины и неизвестный предмет из кости.

Курган № 21. По всей площади кургана разбросаны кости, три черепа. Находки: 2 костяных наконечника стрел, 2 костяные пряжки, обломок костяной пластины, 4 маленькие бусы, 3 медных колечка, просверленное костяное украшение или амулет (?).

ЭТНОГРАФИЯ

Р. Г. КУЗЕЕВ, Н. В. БИКБУЛАТОВ, С. Н. ШИТОВА

ЗАУРАЛЬСКИЕ БАШКИРЫ

*(Этнографический очерк быта и культуры конца XIX — начала XX вв.)*ВВЕДЕНИЕ¹

В этнографической литературе зауральских башкирами обычно называют ту часть башкирского населения, которая занимает обширную территорию к востоку от Уральского хребта, начиная от р. Исеть на севере и кончая средним течением р. Урал и Оренбургской областью — на юге². В настоящем очерке дается этнографическая характеристика башкир, которые населяют Кунашакский и Аргаяшский районы Челябинской области и Сафакулевский и Альменевский районы Курганской области. В XVII — начале XVIII вв. эта часть башкир входила в Сибирскую дорогу³, поэтому во многих исторических и этнографических работах они именуется (вместе с башкирским населением долин рр. Ай и Юрюзань) «башкирами Сибирской дороги»⁴. В историко-этнографических работах XIX в. и особенно в недавно опубликованных исследованиях по исто-

рии Башкирии периода феодализма¹ термин «зауральские башкиры» сохранился лишь за теми башкирами, которые населяют упомянутые районы Челябинской и Курганской областей, в то время как башкирское население Учалинского, Абзелитовского, Баймакского и Хайбуллинского районов Башкирской АССР именуется «юго-восточными башкирами». Этой терминологии мы и придерживаемся в данном очерке.

Зауральские башкиры расселены не сплошным массивом, а образуют два крупных острова в Челябинской и Курганской областях, окруженных районами преимущественно с русским населением. Башкиры Челябинской области занимают главным образом восточные склоны Уральского хребта, район среднего течения р. Миасс, а также верховья р. Течи и долину р. Караболки. Наиболее крупные села в этом районе расположены по течению указанных рек и небольших речек, а также по берегам или вблизи многочисленных в этом крае озер. Примерно эту же территорию занимали челябинские башкиры уже в начале XIX в. «Башкиры Екатеринбургского уезда, — пишет Н. С. Попов, известный исследователь Пермского края, — занимают южную часть онога по рекам Зузелке, Тече, Караболке, Синаре и

¹ «Введение», а также разделы «Родоплеменной состав зауральских башкир и некоторые вопросы их этнической истории», «Хозяйство и общественный строй» написаны Р. Г. Кузеевым, разделы «Домашнее производство» и «Семья и брак» — Н. В. Бикбулатовым, разделы «Поселения и жилища», «Одежда и украшения» — С. Н. Шитовой.

² Л. Сабанеев, *Очерки Зауралья и степное хозяйство на башкирских землях*, М., 1873.

³ После присоединения к Русскому государству (1555—1567 гг.) вся территория Башкирии составила Уфимский уезд, который делился на административные округа, называвшиеся «дорогами». В XV—XVIII вв. территория Башкирии включала четыре дороги: Ногайскую, Казанскую, Осинскую и Сибирскую.

⁴ П. И. Рычков, *Топография Оренбургской губернии*, Оренбург, 1867, стр. 99.

¹ Очерки по истории Башкирской АССР, т. I, часть первая, Уфа, 1956; А. Н. Усманов, *Присоединение Башкирии к Русскому государству*, Уфа, 1960; Р. Кузеев и Б. Юлдашбаев, *400 лет вместе с русским народом*, Уфа, 1957.

около озер, между ними лежащих»¹. В Сафкулевском и Альменевском районах Курганской области нет сколько-нибудь значительных рек, поэтому башкирские села расположены здесь исключительно вокруг озер.

Отдельные башкирские села встречаются и за пределами перечисленных районов обеих областей. Небольшая группа башкирских сел расположена вокруг озера Иткуль в Верхне-Уфалейском районе Челябинской области, а также в верхнем течении р. Синяры. К северу от Синяры и Иткуля в Зауралье башкирских сел нет. Крайняя восточная точка расселения башкир в Зауралье — дер. Шарыпово в Альменевском районе Курганской области. Эта деревня находится примерно в ста километрах к северу от р. Уй и на таком же расстоянии к западу от р. Тобол.

Однако такое расселение зауральских башкир сложилось сравнительно недавно — в XIX в. В XVII—XVIII вв. территория башкир в Зауралье была значительно шире. Северной границей башкирских кочевий в то время были долины рр. Исети и Пышмы, за пределы которых надолго башкиры переходили редко. Китайским острогом (основан в 1646 г.), расположенным по среднему течению р. Исети, «окапчивался», — пишет Г. Ф. Миллер, — Уфимский уезд, простиравшийся тогда до реки Исети»². Это подтверждается и архивными источниками. В середине XVII в. и особенно в период восстания 1662—1664 г. башкиры, живущие по рр. Синяре и Тече, часто беспокоили набегами Китайский острог и Долматов монастырь (основан в 1664 г.) на левом берегу р. Исети³. Даже в наши дни некоторые пожилые башкиры знают, со слов отцов и дедов, что на рр. Синяре, Исети и несколько далее к северу находились башкирские кочевья. Б. О. Долгих, с исключительной тщательностью исследовавший расселение народов Сибири в XVII в., помещает «Бачкирскую волость», в которой жили башкиры-сырняки, «между Исетью и Пышмой в бассейне речки Беляковки и озера Атяш»⁴. Но уже в начале XIX в. к северу от Исети башкирских поселений не было. «Башкиры Шадринского уезда, — сообщает Н. С. Попов, — обитают при реках, в южную сторону Исети текущих, и около озер, между ними лежащих»⁵.

¹ Н. С. Попов, *Хозяйственное описание Пермской губернии*, ч. III, СПб., 1813, стр. 5.

² Г. Ф. Миллер, *История Сибири*, т. II, М., 1941, стр. 105.

³ Материалы по истории Башкирской АССР, ч. I, М.—Л., 1936, стр. 159 (в дальнейшем: «Материалы», ч. I).

⁴ Б. О. Долгих, *Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке*, «Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», новая серия, т. IV, М., 1960, стр. 47.

⁵ Н. С. Попов, *Указ. соч.*, стр. 7.

На юге башкиры занимали обширную территорию до р. Уй, а летние их кочевья встречались даже на р. Тогузак — правом притоке Уя. П. Паллас, совершивший в 1770 г. поездку из Челябинска на Санарский завод, расположенный на р. Уй, зафиксировал: «по Увельке в стороне лежащие многие башкирские деревни от поколения Курманай...»¹. П. Паллас перечисляет даже названия некоторых деревень: Шоккур-аул, Тактагул-аул, Абдул-аул, Айтабады-аул² и пр. Однако во второй половине XVIII в. многие деревни по рр. Большая и Малая Увелька были пусты, «ибо жители оных, забрав свой скот, пошли к западу в горы»³. Территория, на которой кочевали башкиры, простиралась и по нижнему течению р. Уй, вплоть до ее впадения в р. Тобол. П. Паллас упоминает, со слов башкир, деревни «Бушан в долуверсте от реки Уя, прежнее место башкир деревни Масают за 2 версты с половиной от Уя»⁴. В многочисленных преданиях башкиры рассказывают, что деды их кочевали до крепостей Каракульское, Березовское и Крутояр, расположенных на левом берегу р. Уй⁵. Надо иметь в виду, что при господстве кочевой жизни у башкир не могло быть точно очерченных границ. Однако, если обратиться к преданиям и историческим документам, нетрудно установить, что башкирские деревни и кочевья в XVII—XVIII вв. были и в тех районах Зауралья, где в настоящее время следы их бывшего пребывания сохранились лишь в топонимических названиях. Характерно, что в Зауралье многие русские села, а также расположенные вблизи них озера, горы, речки и ручьи носят тюркские, надо полагать в большинстве случаев — башкирские, названия. Впрочем, это можно установить и по литературным источникам. П. С. Паллас упоминает в своей работе башкирскую деревню Баланды (башк. *Боланды* — Олень), расположенную недалеко от Долгой деревни⁶. В настоящее время башкирской деревни с таким названием нет, зато в том же районе расположено русское село Большое Баландино.

Особенно неопределенными были восточные пределы башкирских земель в Зауралье. Отдельные группы башкир во второй половине XVI в. в составе отрядов сибирских царевичей

¹ П. С. Паллас, *Путешествие по разным провинциям Российской империи*, ч. II, кн. I, СПб., 1786, стр. 145.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 150—151.

⁵ Архивный фонд ИИЯЛ ВФАН СССР, полевые

записи экспедиции 1959 г., тетрадь $\frac{M-36}{K}$, стр. 48 (в дальнейшем: «Полевые записки...» с указанием соответствующего года экспедиции и шифра).

⁶ П. С. Паллас, *Указ. соч.*, стр. 470.

Кучумовичей переходили р. Тобол и даже пребывали в долине р. Ишим¹. В целом, однако, Тобол был тем рубежом, за восточный предел которого башкиры, как правило, не переходили.

В политико-административном отношении Зауральская Башкирия прошла довольно сложный путь развития. Неизвестно, входили ли башкиры в состав Сибирского царства до начала правления хана Кучума, прибывшего в Западную Сибирь, по данным Г. Ф. Миллера, в 1555 г.² Во всяком случае, уже тогда имели место торговые связи между башкирами и сибирскими татарами: башкиры ходили на Тобол и Ишим, куда бухарские и хивинские купцы³ доставляли караваны со среднеазиатскими товарами. Можно предполагать, что в XV—XVI вв. существовали, хотя, возможно, и слабые, этнические и иные контакты между сибирскими татарами и башкирами. С начала второй половины XVI в. часть зауральских башкир объявила себя подданными русского государя, однако некоторые племена и роды были вовлечены Кучумовичами в борьбу против России⁴. Несмотря на то, что основная часть территории Зауральской Башкирии входила во вновь образованный Уфимский уезд, временами та или иная группа башкир попадала под власть хана Кучума или его сыновей⁵. С полным разгромом Кучумовичей в конце XVI в. Зауральская Башкирия окончательно стала частью Русского государства, войдя в состав Сибирской дороги Уфимского уезда, а также в Верхотурский и Тюменский уезды Сибири⁶. В начале XVIII в. Уфимский уезд был преобразован в Уфимскую провинцию, а зауральские башкиры выделены во вновь созданную Исетскую провинцию⁷. Исетская провинция (Исетский, Шадринский и Окуневский уезды) сначала входила в Сибирскую губернию (до 1737 г.), но уже с 1744 г. вместе с Уфимской провинцией образовала Оренбургскую губернию⁸. С созданием в 1781 г. Уфимского наместничества из двух губерний — Уфимской и Оренбургской — зауральские башкиры остались в составе последней.

С 1798 по 1865 г., когда в Башкирии дей-

ствовала кантонная система управления, количество кантонов и их территориальные границы несколько раз менялись¹. В первой половине XIX в. значительная часть зауральских башкир входила в Екатеринбургский и Шадринский уезды Пермской губернии².

Накануне Октябрьской революции зауральские башкиры входили в состав Челябинского уезда Оренбургской губернии и (северная часть) Екатеринбургского уезда Пермской губернии. К этому времени окончательно сложилось то расселение зауральских башкир, которое сохранилось в основных чертах до наших дней. После Октябрьской революции Яланский кантон (в основном Сафакулевский и Альменевский районы Курганской области) некоторое время входил в состав Малой Башкирии, а Аргаяшский кантон (Кунашакский и Аргаяшский районы Челябинской области) пребывал в составе Башкирской АССР до конца 1920-х годов. Однако в связи с удаленностью от территории Башреспублики и затрудненностью в результате этого нормального экономического развития оба кантона, Яланский — раньше, а Аргаяшский — позднее, вошли в состав Челябинской области, подразделившись в 1930-е годы на ряд территориальных районов³. С выделением в начале 1950-х годов части Челябинской области в самостоятельную Курганскую область башкирские районы, входившие в бывший Яланский кантон, отошли к Курганской области.

Небезынтересно коротко остановиться на самых мелких административных единицах. Уже со второй половины XVI в. дороги делились на несколько административных волостей, во главе которых стояли старшины. Как в самой Башкирии, так и в Заурале эти административные волости образовывались на основе племенных или родовых организаций. П. Паллас перечисляет следующие волости, входившие во второй половине XVIII в. в Исетскую провинцию: «Каратабынская, Катаяская, Айлинская, Бала-Катаяская, Барын-Табынская, Темская, Кубеляцкая, Куваканская, Мякотинская, Залдаутская и Чирлинская»⁴. Однако башкирские волости XVI—XVIII вв. не были прочными и постоянными административными единицами. Границы и названия волостей постоянно менялись, так как крупные волости дробились на более мелкие, и, наоборот, небольшие волости присоединялись к более крупным. Поэтому ко-

¹ Очерки по истории Башкирской АССР, т. 1, часть 2, Уфа, 1959, гл. I.

² Н. С. Полов, Указ. соч., стр. 5—7.

³ Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики, Уфа, 1959, стр. 783.

⁴ П. Паллас, Указ. соч., ч. II, кн. II, стр. 8.

¹ Г. Ф. Миллер, Указ. соч., т. II, гл. 9.

² Г. Ф. Миллер, Указ. соч., т. I, М.—Л., 1937, стр. 197.

³ М. В. Фехнер, Торговля русского государства со странами Востока в XVI веке, М., 1952, стр. 52.

⁴ Г. Ф. Миллер, Указ. соч., т. I; Материалы по истории русско-монгольских отношений, М., 1959, стр. 117—118.

⁵ Материалы, ч. I, стр. 381.

⁶ Б. О. Долгих, Указ. соч., стр. 20, 41.

⁷ Очерки по истории Башкирской АССР, т. I, часть 1, стр. 150.

⁸ Там же.

личество башкирских волостей в Зауралье постоянно менялось. Так, по списку П. Палласа, в Зауралье было 8 волостей (Кубеляцкая, Куваканская и Тельская, или Телевская, волости находились в юго-восточной Башкирии); П. И. Рычков перечисляет 5 волостей¹, а И. И. Кириллов уже 13². В 1919—1922 гг. в Аргаяшском кантоне насчитывалось 18 волостей, в Яланском — 4, а всего уже 22 волости³. Заметим, что здесь мы имеем дело не с простой сегментацией старых волостей, а с гораздо более сложным процессом: волости, образовавшиеся на базе родоплеменных организаций в результате длительного развития, превратились в конечном итоге в обычные территориальные районы, население которых утратило былые родственные взаимоотношения. Однако, повторим, это был процесс сложный и, главное, длительный. В XVIII и даже в начале XIX в. многие волости в своих названиях, внутренней структуре, земельных отношениях и т. д. имели немало атрибутов патриархально-родового быта, прикрывающих естественно развивающиеся классовые отношения. При условии тщательного отбора материала и внимательного его анализа факты, относящиеся к волостной административной системе в Зауралье, могут служить ценным источником для изучения родоплеменного состава зауральских башкир в XIX в.

Несмотря на то, что зауральские башкиры в XVII—XVIII вв. занимали обширную площадь, количество их было сравнительно невелико. Так, в 1770 г. перечисленные П. Палласом 11 волостей Исетской провинции составляли все вместе 4118 дворов⁴. Если в среднем на двор положить по 5 душ, то общая численность башкир Исетской провинции в то время составляла 20590 человек. Надо иметь в виду, что из этой цифры нужно вычесть несколько тысяч человек, составлявших население Куваканской, Кубеляцкой и Телевской волостей юго-восточной Башкирии. Не расходясь с этими цифрами и сведения о численности башкир, полученные четвертой ревизией. На основании данных ревизии 13 декабря 1782 г., по Челябинской округе башкир мужского пола было 9053, женского — 7895, всего 16 953 человека⁵. Говоря о численности зауральских башкир, надо иметь в виду, что точные данные по отношению к

XVII—XVIII вв. установить невозможно, так как постоянный приток населения часто вносил коррективы в эти цифры. К тому же надо учесть, что приведенные выше цифровые данные базируются, по данным источников, на устных «сказках» волостных старшин, которые могли из тех или иных соображений (обычно фискальных) преуменьшить количество подведомственного ему населения. С другой стороны, Зауралье уже начиная с XVI в. является объектом военной и крестьянской колонизации, поэтому наряду с изменениями в численности башкир здесь идет постоянный рост русского и татарского населения. В XIX в. башкирские деревни часто перемежались с русскими и татарскими селами. По переписи 1897 г. в Челябинском уезде Оренбургской губернии башкир было 50 658 человек, в то время как русских было 351 424 человека, татар — 3955¹. Первые десятилетия XX в. внесли некоторые изменения в эти цифры. Всесоюзная перепись 1920 г. дала следующие данные по Аргаяшскому кантону Челябинской области: всего населения 83 436 человек, в том числе башкир 64 660, татар — 15 200, русских — 6 470 человек². По данным той же переписи, в Яланском кантоне Челябинской области было 40 998 человек населения, в том числе башкир 27 570, татар — 7 255, русских — 7100 человек³.

Таким образом, общая численность зауральских башкир составляла в 1920 г. 92 230 человек. В настоящее время наблюдается заметный рост башкирского населения вообще и в Зауралье в частности, что подтверждается предварительными данными переписи 1959 г.⁴

Зауральские башкиры несколько обособлены от основного массива башкирского народа. Во-первых, их отделяют естественные рубежи — Уральские горы; некоторая оторванность зауральских степей от горнолесных районов, естественно, ослабила существовавшие некогда тесные контакты башкир Исетской провинции с основной массой народа. С другой стороны, и это главное, пребывание в течение нескольких столетий различных по происхождению родоплеменных групп башкир на обособленной

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., т. XXVIII, Оренбургская губерния.

² ЦГА ВАССР, ф. 472, оп. 1, д. 324, л. 122.

³ Там же, л. 19; д. 325, л. 2.

⁴ Если по переписи 1939 г. башкир было 843 тыс. человек, то по переписи 1959 г. их численность достигла 989 тыс. человек. См. «Уровень образования, национальный состав, возрастная структура и размещение населения СССР по республикам, краям и областям (по данным Всесоюзной переписи населения 1959 года)», М., 1960, стр. 10.

¹ П. И. Рычков, Указ. соч., стр. 97—98.

² Материалы по истории Башкирской АССР, т. III, М.—Л., 1949, стр. 496 (в дальнейшем: «Материалы», т. III).

³ Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики, стр. 230, 783.

⁴ П. Паллас, Указ. соч., ч. II, кн. II, стр. 8.

⁵ ЦГАДА, разряд XVI, д. 932, л. 100.

территории, длительное взаимное общение, этническое и культурное взаимовлияние с окружающим татарским, казахским и русским населением выработало в культуре и быте зауральских башкир специфические черты, которые позволяют выделять башкирское Зауралье в особую историко-этнографическую область. Это обстоятельство и побудило авторов настоящей очерка попытаться дать, насколько позволяют материалы, характеристику родоплеменного состава зауральских башкир, их материальной и духовной культуры в конце XIX — начале XX вв. Необходимость в такой работе подтверждается и тем обстоятельством, что этнографическая литература по избранной теме чрезвычайно скромна. Она ограничивается несколькими названиями. Это известная монография С. И. Руденко «Башкиры», где дана общая характеристика материальной культуры зауральских башкир, одноименная работа Д. П. Никольского и весьма интересная статья Д. К. Зеленина, содержащая ценные сведения по семье и семейному быту¹. Кроме того, немало фактов и сведений можно почерпнуть из статей о зауральских башкирах, которые во второй половине XIX в. довольно часто

публиковались в «Пермских губернских ведомостях» и других местных изданиях.

Настоящий очерк написан главным образом на основе материалов, собранных этнографической экспедицией ИИЯЛ БФАН СССР, которая работала в Челябинской и Курганской областях летом 1959 г.¹ Частично привлечены и материалы фольклорной экспедиции, работавшей в том же году под руководством А. Н. Киреева в Курганской области. Авторы очерка не ограничились, естественно, лишь экспедиционными материалами, а привлекли в соответствующих разделах довольно широкий круг литературы, использовали фонды центральных и местных музеев, опубликованные архивные данные и т. д. Тем не менее в очерке далеко не все разделы представлены одинаково полно, а материал по некоторым вопросам этнографии зауральских башкир вообще отсутствует. Такая диспропорция между различными разделами находится в прямой зависимости от наличия материала. Однако авторы надеются, что, несмотря на эти недостатки, очерк хотя бы частично восполнит тот пробел, который существует в этнографической литературе по зауральским башкирам.

РОДОПЛЕМЕННОЙ СОСТАВ ЗАУРАЛЬСКИХ БАШКИР И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИХ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Формы родоплеменных организаций зауральских башкир

В XIX в. родоплеменная система у зауральских башкир распалась, однако пережитки ее имели определенное значение в быту и даже в земельных отношениях вплоть до Октябрьской революции. В XVII—XVIII вв., тем более раньше, родоплеменные организации имели весьма реальное значение в общественной жизни. Былая активная роль родовых традиций нашла отражение, например, в пословицах, записанных нами среди башкир Челябинской области: «Усарлыга ук төшмәз» (Неподбидя, находящийся вместе с родом); «Яңғыз утырган, яның югатыр»² (Оторвавшийся от рода погибнет) и др. Об этом же говорит тот факт, что и в наши дни пожилые башкиры хорошо помнят свою родовую принадлежность. Впрочем, последнее относится к древним башкирским родам, но не к родоплеменным организациям, сложившимся в XVII—XVIII вв. или даже позднее из различных по этническому происхождению мелких

групп. Наконец, можно обратиться к свидетельству современников — путешественников, ученых, немало писавших о внутреннем устройстве башкирского общества. «Башкирцы, — пишет П. С. Паллас, — разделяют сами себя на некоторые поколения, имеющие по горам и рекам свои пределы, им по точности известные. Каждое поколение имеет свое название и разделяется опять по некоторым сторонам или обстоятельствам на общества»³.

Приступая к изложению материала о родоплеменном составе зауральских башкир, необходимо по возможности точно оговорить, какой смысл мы вкладываем в понятия «род», «племя» и каковы вообще формы родоплеменных организаций башкир⁴.

Одна из особенностей родоплеменной структуры башкир заключается в ее многоступенча-

¹ С. И. Руденко, Башкиры, М.—Л., 1956; Д. П. Никольский, Башкиры, СПб., 1899; Д. К. Зеленин, О левярте и некоторых других обычаях башкир Екатеринбургского уезда, «Этнографическое обозрение», 1908, № 3.

² Здесь и далее написание башкирских слов дано в соответствии с местным говором.

¹ Экспедиция работала в составе: Р. Г. Кузеев (начальник отряда), Н. В. Бикбулатов, С. Н. Шитова (научные сотрудники), Г. И. Мухаметшин (художник), М. В. Сурина (лаборант).

² П. С. Паллас, Указ. соч., ч. I, кн. II, СПб., 1786, стр. 40.

³ Подробно о формах родоплеменной организации башкир см.: Р. Г. Кузеев, Очерки исторической этнографии башкир, ч. I, Уфа, 1957, стр. 26—32.

тости. Наиболее распространенным было трехступенчатое деление: племя — род — родовое подразделение. Такова, например, родоплеменная структура у башкир-кайтаев:

Катай — племя (*ырыу, ил*)

↓
Оло-Катай — род (*аймак* или *ырыу*)

Кулембет — родовое подразделение, или семейно-родственная группа (*аймак*).

Однако довольно часто встречается четырех-, пяти- или, с другой стороны, двухступенчатое деление. Так, зауральские роды Сырзы, Сынгрия, Бекатин и другие подразделялись лишь на аймаки — родовые подразделения или семейно-родственные группы. В то же время башкиры кара-табынцы имели в родоплеменной структуре пять ступеней:

Табын — племя (*ырыу, ил*)

↓
Кара-Табын — род (*ырыу*)

Кёкюртек — часть рода или дочерний род
↓
(*ырыу, туба*)

Апсалям — родовое подразделение, или семейно-родственная группа (*аймак*)

↓
Кулгалде — группа родственных семей
(*тармыт*).

Количество звеньев в родоплеменной структуре зауральских башкир не было постоянным. В условиях углубляющегося процесса распада родоплеменной системы в XVII—XVIII вв. и развития феодальных отношений те или иные звенья родоплеменной структуры исчезали, потеряв всякое значение в общественной жизни башкир. С другой стороны, постоянно шел процесс образования новых родовых подразделений за счет сегментации старых. Иными словами, звенья родоплеменной структуры зауральских башкир, особенно низшие звенья, находились в постоянном, хотя и медленном движении. При этом надо подчеркнуть, что изменения в верхних звеньях родоплеменной структуры (обозначенных на нашей схеме терминами «племя», «род») происходили в XVII—XVIII вв. под давлением условий социально-экономического порядка. Так, например, если собственником земли выступал род, то более широкая организация, объединявшая несколько таких родов, постепенно теряла свое значение. Общим владельцем земли могла выступить и часть рода, тогда она приобретала все внешние функции родовой организации. Объединение Кёкюртек — часть рода Кара-Табын, включавшее в конце XIX в. шесть деревень, совместно владевших некогда общей вотчиной,

представляло фактически самостоятельный род.

Терминология, которая бытует среди зауральских башкир для обозначения различных звеньев родоплеменной организации, не дает возможности точно определить границы рода или племени. Это и понятно, если учесть указанную выше особенность родоплеменной структуры башкир. Очень часто один и тот же термин применяется для обозначения различных организаций, и, наоборот — нередко одна организация обозначается различными терминами. Так, термин *аймак* употребляется, как правило, применительно к небольшой родственной группе, насчитывающей в среднем от 7—8 до 30—40 хозяйств. Однако *аймак*ом часто называется и более широкая организация, включающая 5—6 деревень или до 20—30 более мелких родственных групп. В свою очередь, для обозначения этих обоих типов организаций употребляется и термин *ырыу* или, реже, *ил*. Неустойчива также и терминология русских источников, которые «родом» называют, с одной стороны, небольшие патронимические организации, с другой — все башкирские роды Зауралья, взятые в целом, т. е. значительную часть башкирской народности. Неопределенным термином «род» русские источники обозначают также любое звено родоплеменной структуры зауральских башкир.

В свете описанных особенностей родоплеменной структуры зауральских башкир понятия «племя», «род» приобретают довольно условный смысл. Что обычно принято подразумевать под терминами «род», «племя»? Патриархальный род является экзогамной группой кровных родственников, происходящих от одного общего предка по мужской линии. Члены рода объединены коллективной собственностью на основные средства производства, имеют общее родовое название, связаны традициями взаимной помощи, а также имеют ряд других социальных и религиозных обязанностей и прав, вытекающих из факта их принадлежности к одному родовому коллективу. Племя представляет собой организацию, которая объединяет несколько родов, имеет также общее название, единые органы самоуправления и занимает более или менее определенную территорию. Племя, как правило, является этнографической группой, членами которой говорят на одном диалекте; материальная и духовная культура племени имеет некоторые своеобразия, отличающие или сближающие его с другими племенами.

Исходя из описанных выше признаков, можно выделить у зауральских башкир (принадлежно к XVII—XIX вв.) следующие три

основные формы родоплеменных организаций: племя, род, родовое подразделение.

Род (*ырыу, аймак*) объединял несколько десятков или даже сотен трудоспособных мужчин. Одним из основных признаков родовой организации зауральских башкир являлось совместное владение родовой вотчиной. Род имел общее название; вплоть до последнего времени члены рода хранили предание об общности происхождения¹. Такими родами в Зауральской Башкирии являлись Сынгрян, Сызгы, Бекатин, Кара-Табан и некоторые другие. Род состоял из родовых подразделений (или семейно-родственных групп), количество которых было различно: если в составе рода Бекатин их было в XIX в. не более 10, то в составе рода Салют родовых подразделений было более 40. Родовые подразделения объединяли группу родственников, которые до недавнего времени сохраняли принцип экзогамии в брачных отношениях. Члены родового подразделения имели общее название, единую тамгу, были связаны обязанностями взаимопомощи и т. д. Несколько родов объединялись в племенные организации. В Зауралье племенами можно назвать такие объединения, как Табын, Катай, Салют. Как увидим ниже, башкиры этих племен не только были объединены общим названием, но также особенностями в языке, в материальной и духовной культуре.

Деление родоплеменной структуры зауральских башкир на три основных звена (племя, род, родовое подразделение) не исключает многочисленных отклонений, порожденных особенностями социально-экономической, политической и этнической истории этой части Башкирии. В зависимости от сложившихся условий низшие звенья могли перерасти в высшие и наоборот. Приведем наиболее характерные случаи. В описанной выше структуре племени Табын наглядно видно, как одно из родовых подразделений рода Кара-Табан, а именно Кёкюрgek, постепенно перерастает в самостоятельный род. Завершающим моментом этого процесса явилось отделение земельных владений подразделения Кёкюрgek от общей родовой вотчины кара-табынцев. Уже с XVIII в. во всех источниках это подразделение кара-табынцев фигурирует как самостоятельный род племени Табын². С другой стороны, в состав племени Салют входили лишь родовые подразделения. Когда-то салюты имели деления и на роды, однако в результате длительных междоусобиц и многочисленных поражений салютских ро-

дов они, растеряв многих своих членов, были низведены до положения небольших родовых подразделений. В этом смысле организацию Салют можно назвать и большим родом, однако бросающиеся в глаза характерные диалектальные особенности в языке и своеобразие в культуре салюттов позволяют причислить их к племенной организации. Несколько иная картина сложилась в племени Катай. Один из родов этого племени — Оло-Катай — выделил из своего состава дочерний род Бала-Катай (Оло — большой, старший, Бала — ребенок, здесь в смысле — младший). Эти два рода долго сохраняли общую собственность на земельные угодья. Подобные подразделения племени можно назвать родом-фратрией.

Такие роды, как Сызгы, Сынгрян, Бекатин, Сарт, Калмак, не имеют племенных организаций. Однако организационные основы племен у этих родов отсутствовали в XVIII—XIX вв. по причинам исторического порядка: племенные самоуправления в силу тех или иных причин распались. Надо иметь в виду также и то обстоятельство, что часть этих родов попала в Башкирское Зауралье сравнительно недавно, оторвавшись от своих племенных организаций, расположенных в Западной Сибири или, как увидим ниже, в Средней Азии.

В XVIII в. тем более, в XIX в. существенно значения в общественной жизни племенные организации не имели. Внешние контуры племенной организации сохранились, во-первых, в силу древности традиций, во-вторых, — консервировались теми различиями в языке и культуре, которые в XIX в. еще существовали у различных групп башкирского населения Зауралья. Роды сохраняли свое значение постольку, поскольку они оставались формально субъектом земельной собственности. Но уже в начале XIX в. это положение было юридической фикцией. Фактически экономической ячейкой общества выступала семья или группа родственных семей. В условиях кочевого хозяйства члены семейно-родственной группы или родового подразделения образовывали одну пастбищно-кочевую группу, которая из года в год по традиции пользовалась частью родовых земель. Социальная верхушка подразделения распоряжалась угодьями, по своему усмотрению отдавая земли в аренду или даже отчуждая навечно.

Народности, в силу тех или иных причин поселившиеся на башкирских землях, образовывали свои подразделения. Поэтому в составе башкирских родов часто встречаются подразделения Татар, Калмак, Казах, Кара-Калпак и т. д.

¹ Более подробную характеристику различных звеньев родоплеменной структуры зауральских башкир см. в разделе «Хозяйство и общественный строй».

² Материалы, т. III, стр. 496, 501.

Т а б л и ц а 1. Девушка в праздничном
наряде. Дер. Куйсан, Сафакулевский район
Курганской области.

Родоплеменной состав зауральских башкир в связи с историей их расселения

В основу анализа родоплеменного состава зауральских башкир легли материалы, собранные в период этнографической экспедиции 1959 г. Эти материалы, однако, характеризуют племенной и родовой состав башкир в основном в конце XVIII—XIX вв. Более широкий исторический обзор родоплеменного состава зауральских башкир требует привлечения архивных и литературных источников. При исследовании архивных документов надо иметь в виду, что в русских источниках XVIII—XIX вв. родоплеменные группы башкирского населения именовались «волостями». Волостная административная система образовалась в Башкирии после ее присоединения к Русскому государству. В основе волости могли быть и племя, и род, и даже часть рода. Некоторые волости, включавшие группы башкир, отколовшихся от различных родов, представляли собой сугубо территориальные образования. Если, однако, пользоваться этими источниками с учетом указанных особенностей, они могут дать весьма ценный материал для изучения родоплеменного состава башкир в связи с историей их расселения.

Наиболее ранний сводный список башкирских волостей был составлен в 1725—1726 гг. кунгурским бургомистром Юхневым. Список этот, представленный в Кабинет, тем более ценен, что он сопровождается данными о количестве дворов и примерной численности башкир в различных волостях. Сведения о башкирских волостях Юхневым были собраны во всех четырех башкирских дорогах. Ниже приводится список тех волостей Сибирской дороги, которые были расположены в Зауралье¹.

Волости	Количество дворов	Примерно душ
Салаутская	138	414 ²
Кагайская	206	618
Мекотинская	45	135
Терсятская	43	120
Сыгранская	40	120
Белокайтская	112	336
Каратабыльская	325	975
Чирлянская	120	360
Айлянская	530	1590
Сискинская	152	456
Сардинская	135	405 ³

¹ Здесь и ниже название волостей и родов дано по источникам.

² Там же, стр. 496.

³ Материалы, т. III, стр. 463—464.

В 1735 г. Уфимской провинциальной канцелярией была составлена новая «Роспись разделения башкир Уфимского уезда по волостям». Роспись была составлена не только по сведениям, собранным самой канцелярией, но и по «сказкам» башкирского народа знатных старшин¹. Поэтому, видимо, в списке даются названия не только волостей (родов), но и некоторых их подразделений².

Если сравнить эти два списка, то видно, что, с одной стороны, число и названия основных родовых групп остаются неизменными, с другой—количество более мелких родовых групп заметно возрастает. Обращает внимание и другое: если в списке Юхнева волости Чирлянская, Мекотинская, Сардинская выступают самостоятельно, то в списке 1735 г. они даются в составе более крупных объединений: Чирлянская (в списке 1735 г.—Чарлынская) и Сардинская (в списке 1735 г.—Сартская) в составе айдынцев, Мекотинский (в списке 1735 г.—Бекатын) в составе табынцев. Эти изменения объясняются не только неустойчивостью волостной административной системы, но и изменениями, которые постоянно происходили в отношениях между башкирскими родами. Экономически слабые и малочисленные роды, которые к тому же утратили организационные основы племени, подчинялись целиком или частично более сильному и крупному родовому объединению. Однако едва ли это подчинение имело прочный и длительный характер, так как небольшие башкирские роды группировались вокруг многочисленных и сильных племен, в основном в период войн, крупных набегов, в силу необходимости объединения сил. С изменением обстановки сложившиеся отношения нарушались. Со временем они могли возобновиться в прежнем или новом варианте. В начале XVIII в. зауральские башкирские роды группировались в основном вокруг трех сильных родоплеменных объединений: Кагай, Табын и Айле. Это нашло отражение и в источниках. В этом отношении интересен «Список волостей, входящих в состав Табынской, Кагайской и Айлянской туб», составленный в 1737 г. на основании устных показаний башкирских старшин³. Согласно этому списку, упомянутые

¹ Имеется в виду количество взрослых мужчин. Юхнев пишет: «каждый двор считать по 3 человека мужского пола, которые могут воевать, кроме хлопцев». Материалы, т. III, стр. 485.

² Материалы, т. III, стр. 495.

³ Материалы, т. III, стр. 501.

Второй Сибирской дороги

Число	Настоящие роды, а по-русски волости	Число	Происшедшие роды, называются аймаки и тьмы
6	Айлинской	1	Айлинской
		2	Улейской ¹
		3	Дуванской
		4	Сызгинской
		5	Чермынский
		6	Мура-Ларский
		7	Карата-Улынский
		8	Сартский
		9	Тубелинский
		10	Тарлак-Лынский
8	Бары-н-Табынской	11	Чюбам-Сызгы
		1	Ермын-Табынской
9	Кара-Табынской	1	Кара-Табын
		2	Ала-Табын
		3	Куюртан-Табын
		4	Бекатын-Табын
		5	Капсак-Табын
		6	Музух-Табын
		7	Телев-Табын
		8	Кубеляк-Табын
		9	Акшурас-Табын
10	Мекетивской		
11	Катайской		
12	Бала-Катайской		
13	Бучурской		
14	Сиврянской		
15	Сызгинской		
16	Чермынской		
17	Теряцкой		
18	Сабан		

объединения включали следующие зауральские башкирские роды:

Табынское объединение
 Каратабынский
 Баратабынский
 Кёжюрганский
 Мякатымский.

Катайское объединение
 Катайский
 Балакатайский
 Салжаутский
 Тарсятский
 Шуранский
 Сынгрятский
 Бускурский.

Айлинское объединение
 Айлинский
 Сартский

Сарлинский (или Черлинский)
 Сызгинский.

Как видно, этот список отличается от списка 1735 г. лишь по форме: роды, фигурирующие в списке 1735 г. как самостоятельные волости, здесь включены в Катайское объединение. В остальном оба списка совпадают. Совпадение это не случайно. Оно подтверждается и теми сведениями о башкирских родах, которые дает П. И. Рычков в «Топографии Оренбургской»². Список П. И. Рычкова, составленный в результате тщательного отбора и анализа сведений, полученных от башкирских старшин, заслуживает большого доверия. По сути дела, до последнего времени рычковский спи-

¹ Подчеркнуты названия родов, расселявшихся в XIX в. в северо-восточной Башкирии и по северным отрогам Южноуральского хребта.

² П. И. Рычков, Указ. соч., стр. 65—71.

сок был единственным наиболее полным перечнем башкирских родов в середине XVIII в. Зауральские роды в этом списке также сгруппированы вокруг упомянутых трех крупных башкирских племен:

Катайцы

Бала-Катайский
Бучкурский
Сиярский
Сызганский
Баллы-Катайский
Чирлинский
Терсатский
Бекотинский
Чалжаутский
Сартларский

Айлинцы

Сартовский
Чублисызгинский
Сызенский (т. е. Сызгинский)
Еирлинский (т. е. Сирлинский или Чирлинский)

Кара-табынцы

Аида-Табынский
Кукзюрряк-Табынский и др.

Отдельно выделен П. И. Рычковым Барин-Табынский род.

В отличие от предыдущих списков Бекотинский род включен в состав не табынцев, а катаяцев, а роды Сирлинский, Сызганский и Сартовский фигурируют не только в составе айлинцев, но и катаяцев. Возможно, П. И. Рычков, опубликовавший свой труд в 1762 г., т. е. на три десятилетия позднее появления приведенных выше списков, отразил изменившееся в Зауралье соотношение сил. С другой стороны, в XVIII в., особенно с начала второй его половины, шел быстрый процесс ослабления былых межродовых связей. Это диктовалось изменившейся обстановкой: одно за другим были жестоко подавлены башкирские восстания XVII — первой половины XVIII вв., в условиях пребывания в составе Русского государства прекратились межплеменные распри и взаимные набеги соседних кочевых народов. Необходимость в объединении сил, в совместных выступлениях отпала. Почти единственным фактором, объединяющим родовые коллективы, оставалось общее право на земельные угодья. Таким образом, межродовые связи, племенные организации изжили себя и быстро распались. В этих условиях даже небольшие роды в административно-территориальной системе на-

чинают выступать самостоятельно. Лишь по традиции они причисляются к тем или иным некогда господствовавшим в этом районе племенам, причем каждый из старшин крупных волостей (Катайской, Табынской, Айлинской) стремился причислить небольшие роды к своему объединению. Это привело к тем противоречиям, которые имеются между приведенными выше списками. Однако при всех различиях, имеющихся в списках, видно, что источники XVIII в. группируют зауральские башкирские роды вокруг трех основных племен: Катай, Табын и Айле. В свете изучения этнической истории зауральских башкир важно установить: отражали ли приведенные списки политические союзы между родами, обусловленные особенностями исторической обстановки в Зауралье в XVII—XVIII вв., или же они явились выражением некогда существовавших этнических связей между тюркоязычными родоплеменными группами Западной Сибири. Ответить на этот вопрос можно, видимо, если попытаться дать характеристику каждому роду в связи с его историей.

Объединение Катай. Ядром этого объединения были катаяцкие роды, которых в XIX в. насчитывалось три: Улу-Катай (*Оло-Катай*), Бала-Катай (*Бала-Катай*) и Ялан-Катай (*Ялан-Катай*). Эти три рода составляли зауральскую или восточную часть башкирского племени Катай. Западнокатайские роды¹ занимали территорию по северным отрогам Южноуральского хребта, «по Инзерю и вверх по Белой»². Восточные катаяцы в XVIII и, тем более, в XIX в. расселились не сплошным массивом. Согласно реестру башкирских волостей, составленному в 1730 г. в Уфимской провинциальной канцелярии, Бала-Катайская волость располагалась «по обе стороны Урала, по озерам и по рекам»³. Однако к XIX в. расселение восточных катаяцев изменилось. Бала-катайские и улу-катайские башкиры занимали к этому времени территории по восточным отрогам Уфалейского хребта, по верховьям рр. Теча и Караболка, а также вокруг близлежащих озер. В настоящее время улу-катайские и бала-катайские деревни входят в Кунашакский и, частично, в Аргайский районы Челябинской области. Часть улу- и бала-катайцев осталась в северо-восточной части Уфимской губернии, по течению рр. Большой и Малый Ик, правых притоков р. Ай (в настоящее время эта территория

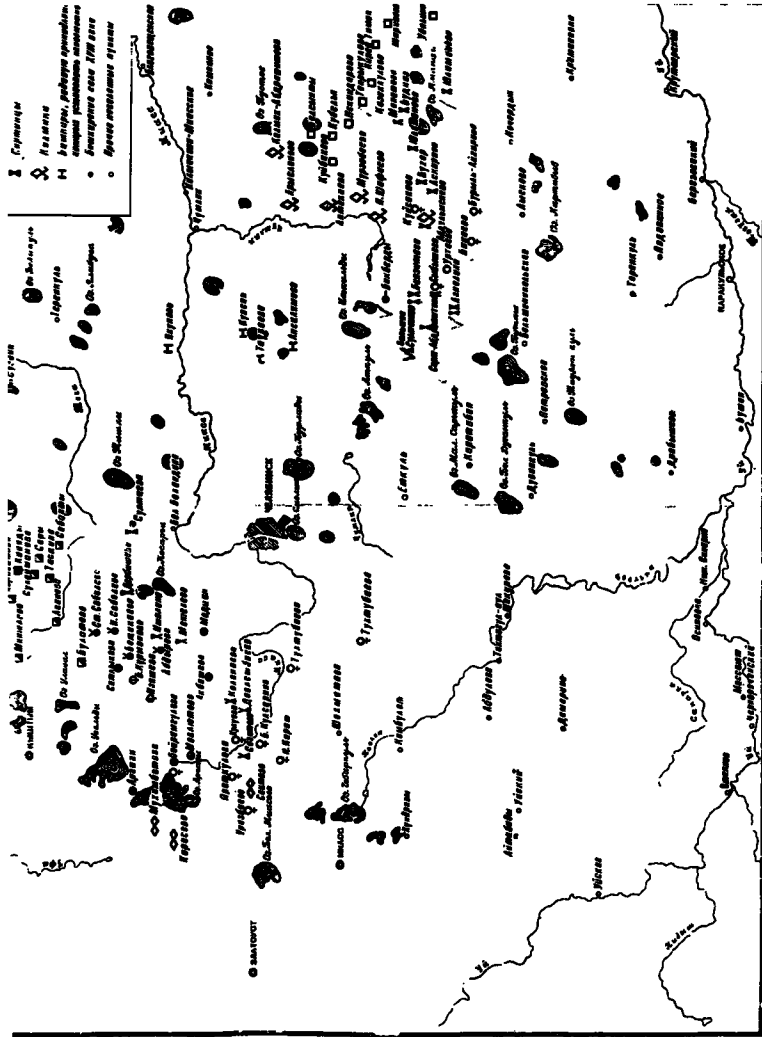
¹ См.: Р. Г. Кузеев, Очерки исторической этнографии башкир, стр. 53; Р. Г. Кузеев, Родоплеменный состав башкир в XVIII веке, «Вопросы башкирской филологии», М., 1959, стр. 62—63, 68.

² Материалы, ч. 1, стр. 135.

³ Там же.

- ⊠ Гурганлы
- ⊠ Иранлы
- ⊠ Кавказлы, рудыра аралында, кыргыч уланышына кыргыч уланышына
- Аныктыгы жок ИИИ жана
- Биринчи аралындагы аралы

сходит в Белокатайский район БАССР). В восточных XIX в. эта часть катайцев называется белян-катайцами или просто белянковцами. Уральские горы с их горнозаводскими центрами (Нязепетровский, Верхне- и Нижне-Уфалейский, Кыштымский, Карабашевский и другие заводы) с русским населением отделили и изолировали зауральских катайцев от их сородичей в северо-восточной Башкирии.

Ялан-катайцы расселились вокруг многочисленных озер севернее р. Уй, притока Тобола. В настоящее время потомки ялан-катайцев живут, главным образом, в Альменевском районе Курганской области. «Ялан-катай» в переводе означает «степные катайцы». Это название закрепилось за курганскими катайцами сравнительно недавно — в XIX в. Ядро Ялан-Катайского рода составляют те же улу- и бала-катайцы, переселившиеся в XVII—XVIII вв. на просторы приустьевых и притобольских степей.

Большая часть улу-катайцев в начале XIX в. расселилась в пределах Екатеринбургского уезда. По сведениям Н. Попова, в Улукатайской волости названного уезда было «988 человек мужского и женского полу... под командой юртового старшины»¹. В двух улу-катайских волостях Шадринского уезда было соответственно 212 и 323 человека². Таким образом, на рубеже XVIII и XIX вв. улу-катайских башкир в Зауралье насчитывалось более 1500 человек. По сведениям Н. Попова, только в Шадринском уезде было 10 улу-катайских деревень³. Башкирские деревни в то время были, однако, небольшие: в среднем включали 6—10, реже — 15—20 семей⁴. К концу XIX в., с упадком кочевого хозяйства и оседанием башкир, количество деревень уменьшилось, однако размеры их увеличились. В начале XX в. потомки улу-катайских башкир жили в основном в деревнях Ямантаево (Ямантай), Юдашево (второе название *Зэбир*), Колошбаево (*Колошбай*), расположенных по р. Караболке, и в Сары-Кульмяково (*Кулмэк*), Ирэндэ (*Ирэнде*), Кайнды (*Кайнды*) и Карагайды (*Карагайкул*), расположенных по озерам⁵.

Улу-катайские тамги довольно разнообразны. Чаще других встречается тамга в форме подковы ☾ ☽ (дага — подкова). Иногда

эта же тамга имеет несколько иную фор-

му ☽ и называется ай-балга (молоток-полумесца)¹.

Бала-катайские башкиры были многочисленнее улу-катайцев. В двух бала-катайских волостях Екатеринбургского уезда насчитывалось около 1800 жителей (в одной — 482, в другой — 1296 человек). По преданию бала-катайцев, в период их прихода на эти земли у них было одиннадцать деревень². В начале XX в. и позднее потомки бала-катайцев жили в дер. Ибрагимово (второе название *Шуран*), Асаново (*Әсан*), Метелино (*Мэтэл*), Сарино (*Һары*), Сулейманово (*Юкә*), Таскино (*Тәгеш*), Чебакуль (*Сабакты*, *Акһыубаш*), Каззафарово (*Канзафар*), Булатово, Суртангыш, Шогай (*Шыгай*) и некоторых других. Надо оговориться, что нередко дер. Сарино, Таскино, Сулейманово и Сабакты пожилые башкиры называют табынскими³. Это противоречие негрудно объяснить: в указанных деревнях живет смешанное табынско-катайское население. Местное предание рассказывает, что когда-то здесь жили только бала-катайцы. Затем пришли башкиры племени Табын, которые, оттеснив катайцев к северу, заняли эту территорию. Катайцы, вынужденные покинуть эти места, дали одному из крупных озер название *Калды*, т. е. Оставшееся или Покинутое озеро⁴. В основе этого предания лежат реальные события. Продвигавшиеся с юго-запада табынские башкиры действительно потеснили катайцев к северу. Однако основная часть катайцев осталась на своих землях, смешавшись с табынцами. В указанных четырех деревнях родовые подразделения катайцев соседствуют с родовыми подразделениями табынцев, хотя катайцы численно преобладают. Таким образом, коренными жителями этих деревень являются бала-катайцы. Это подтверждается, кроме других фактов, и тем, что башкиры некоторых деревень (Сарино и др.) считают себя сородичами башкир с Белянка Белокатайского района БАССР, которые, как известно, безусловно относятся к одному из катаяских родов⁵.

Бала-катайские тамги зафиксированы нами в нескольких вариантах. Некоторые бала-катайцы имеют в основе такую же тамгу, как и улу-катайцы ☽ (подкова). Бала-катайцы

¹ Н. С. Попов, Указ. соч., стр. 5.

² Там же, стр. 7.

³ Там же.

⁴ Материалы, ч. I, стр. 85.

⁵ Полевые записи 1959 г., $\frac{M-135}{K}$, стр. 42, 45, 47, 62.

¹ Полевые записи 1963 г., $\frac{M-61}{K}$, стр. 43, 338.

² Там же, $\frac{M-61}{K}$, стр. 39.

³ Там же, стр. 51.

⁴ Там же, стр. 52.

⁵ Там же, стр. 51.

родового подразделения Сытый имеют тамгу

Т (такэ мәгәзә — рога барана). Интересно в связи с этим заметить, что среди западно-башкирских катайцев наиболее распространенной является тамга Т. (балга — молоток).¹

Тамга-молоток, по всей вероятности, является более упрощенным вариантом тамги «рога барана», форма и название которой восходят к далекому прошлому кочевого народа. Можно предполагать, что среди части катайцев сохранился пример наиболее древней формы начертания основной тамги. Впрочем, среди зауральских катайцев (как бала-катайцев, так и улу-катайцев) встречаются и варианты западно-катайской тамги-молотка. Варианты эти многочисленны, но в конечном итоге все они являются комбинациями различных элементов ос-

новной тамги или их видоизменением

Родовых подразделений среди катайцев удалось зафиксировать немного. В составе рода Улу-Катай зафиксированы аймаки: Калмак (Калмак), Кулембет (Көләмбет), Гадельша (Ғәдәлшә), Аю (Айыу); аймаки в составе рода Бала-Катай: Сытый (Сытый), Супай (Супай), Игелек (Игәлек), Экрен (Әкрән), Калмак (Калмак), Барын (Барын), Азгым (Азғым), Кылсакай (Кылсакай) и некоторые др.²

Между улу-катайцами и бала-катайцами нет резких разграничений. Это подтверждается и общностью тамг. О близости этих двух родов говорят, как указано выше, и родовые названия: Улу и Бала. В сведениях, полученных от информаторов, генетическое родство этих родов также непременно подчеркивается. При этом обычно упоминается предание, согласно которому улу- и бала-катайцы — потомки двух родных братьев.³ Между двумя родами зауральских катайцев существовали настолько тесные связи, что еще в недавнем прошлом

брак между улу- и бала-катайцами считался нежелательным⁴. Это говорит о том, что когда-то улу- и бала-катайцы составляли одну родовую организацию. Когда произошло разделение этой группы катайцев на два самостоятельных рода, ответить, за недостатком материала, пока трудно. Можно лишь определенно сказать, что это разделение произошло до прихода улу- и бала-катайцев в Зауралье.

Время и пути передвижения катайцев в Зауралье можно определить довольно точно. Во всех преданиях и исторических сказаниях, записанных среди зауральских катайцев, упоминается территория близ сел. Белянки (Белокаятский район БАССР) и Таушуран (примерно в 50 км западнее Верхнего Уфалея), т. е. долина р. Уфы в ее среднем течении, как место расселения родов Улу- и Бала-Катай накануне их миграции в Зауралье⁵. От пожилых информаторов нередко можно услышать, что коренные вотчинные земли катайских родов находились в районе Белянки («Бестең топ ерзәр Билән яғында булған») ⁶. Более того, 73-летний информатор Казый Муратов из дер. Сарико рассказал, что часть бала-катайцев (аймак Сытый) вплоть до 1907 г. имела земельные владения в районе Белянки, хотя этими давно забытыми землями они не пользовались. Катайцы знали путь в Зауралье давно, несколько столетий назад, однако первоначально зауральские степи были лишь удобным местом для летних кочевков. Поздней осенью катайские кочевья возвращались в горы, за Уфалейский хребет, в район Белянки⁷. Постепенно часть катайцев оставалась на восточных склонах Уральского хребта. Предание связывает переселение катайцев в Зауралье с «большой войной», которая якобы случилась на «старом юрте» башкир⁸. Предание имеет в виду, видимо, период активного освоения русскими служилыми людьми Пермского края и особенно Западной Сибири. Уже первые соприкосновения с русским населением Пермского края, с крестьянами Строгановских вотчин, вызвали уход значительной части башкирских родов, кочевавших по среднему течению р. Уфы и ее притоков, на восток, в Зауралье. К этим переселениям, имевшим место в конце XV — начале XVI вв., мы еще вернемся. Позднее, в 80-х годах XVI в., в период походов Ермака, когда активизировалась рус-

¹ Р. Г. Кузеев, Родоплеменной состав башкир в XVIII в. (историко-этнографический очерк). Рукопись диссертации хранится в библиотеке им. В. И. Ленина, стр. 124—125.

² Полевые записи 1959 г., $\frac{M-35}{K}$, стр. 46, 63.

³ Там же, стр. 63; Полевые записи 1953 г., $\frac{M-61}{K}$, стр. 44, 48.

⁴ Полевые записи 1953 г., $\frac{M-61}{K}$, стр. 328.

⁵ Полевые записи 1953 г., $\frac{M-61}{K}$, стр. 328.

⁶ Полевые записи 1959 г., $\frac{M-35}{K}$, стр. 61.

⁷ Там же.

⁸ Полевые записи 1953 г., $\frac{M-61}{K}$, стр. 1.

⁹ Там же, стр. 39.

ская колонизация обширного Пермского края, переселения башкирских родов с севера на юг и восток стали массовыми. Кочевники-башкиры, напуганные различными слухами, стремились уйти подальше в горы или затеряться в просторах бескрайних зауральских степей. Именно в этот период, во второй половине XVI в., одна часть улу- и бала-катайцев направилась на юг, в верховья правых притоков р. Ай (дер. Яныбаево, Утяшино и другие Белокатайского района БАССР), а другая, более многочисленная группа, по издавна знакомым путям кочевников, через горы Уфалейского хребта, направилась в Зауралье, в места бывших своих летних кочевов.

В Зауралье улу- и бала-катайцы нашли уже не пустующие земли. За несколько десятилетий до них сюда прикочевали и заняли обширные земельные просторы могущественные в то время салюты¹.

В сохранившихся преданиях утверждается, что прикочевавшие в Зауралье катайцы поселились на салютских землях². Переселение катайцев в Зауралье продолжалось и позже. Они также селились на салютских землях, однако их права в пользовании земельными вотчинами были ограничены. Любопытно связать эти исторические предания с земельным положением катайских деревень в конце XVIII — начале XIX вв. Катайские башкиры в сравнении со своими северными соседями — салютами и южными соседями — табынцами были малоземельными. Особенно это относится к улу-катайцам, значительная часть которых находилась на положении припущенников³. По сведениям информаторов, улу-катайцы только в 1717 г., чтобы оградить себя от постоянных земельных притеснений со стороны салютской родоплеменной аристократии, добились получения грамоты на вотчинное владение землями⁴. Однако получение грамоты мало изменило положение малоземельных бала-катайцев и почти безземельных улу-катайцев. Это обстоятельство и обусловило постепенный отлив катайских башкир далее на восток, в притобольские и приурейские степи. Здесь выходящие вух катайских родов, смешавшись между собой и с другими этническими группами, получили название ялан-катайских башкир.

Ялан-катайские башкиры живут в настоя-

щее время в 24 деревнях Сафакулевского и, частично, Альменевского районов Курганской области. Наиболее крупные деревни: Таргуд (башкирское название *Кормаш* или *Тәңрекул*), Аскарново (*Аскар*), Монатово (*Монатау*), Юлманово (*Юлман*), Латыкаево (*Латкай* или *Казаккул*), Будизово (*Будиаз*), Куйбаково (*Куйбак*), Балсыкты, Байгинево (*Байдина* или *Әфисар*), Бакаево (*Бакай*), Искандарово (*Искәндәр*), Шарипово (*Шәрип* или *Кушкул*), Кирей-Тамаково (*Тәмәк* или *Кыл асыл*) и др.¹

Названия зафиксированных родовых подразделений свидетельствуют о значительной этнической смешанности ялан-катайцев. В дер. Таргуд зафиксированы аймаки: Тубалты (*Тубалды*), Бурансы (*Бурансы*), Казак (*Казак*), Татар, Казанбай (*Казанбай*); в дер. Латыкаево: Буйшо (*Буйыш*), Хаккул (*Һаккул*), Казанбай (*Казанбай*); в дер. Байгинево: Казак, Калмак (*Калмак*), Тухал (*Тухалдар*), Тугуз (*Тугызаттар*), Мишар (*Мишәр*), Тигтяр (*Тигтәр*), Бвхар (*Бохар*); в дер. Бакаево: Мишар, Казак, Сарт (*Һарт*), Давлетбай (*Дәүләтбай*); в дер. Аскарново: Куян (*Куян*), Сальют (*Һалыуыт*). Иске (*Искеләр*)².

Окончательное заселение ялан-катайцами притобольских и приурейских степей произошло не ранее середины XVIII в. Согласно преданиям, катайцы переселились из Буринского уезда до Пугачевского восстания (*Бөрө вәдә яғнан Бугасу ауына тиклем күсеп киләндәр*)³. Однако начало переселения относится к более раннему периоду. Еще будучи на Урале, катайцы нередко перегоняли в эти степи скот на тебеневку. Здесь часть катайцев постепенно оседала, привлекая за собой малоземельных сорочичей из Екатеринбургского уезда. К концу XVIII в. ялан-катайцы уже закрепили в вотчинное владение большие пастбищные просторы притобольских и приурейских степей и в XIX в. селили на своих землях много припущенников. Этим в значительной степени объясняется чрезвычайная этническая смешанность ялан-катайских башкир (подразделения Татар, Мишар, Тигтяр, Казак, Калмак, Сальют и другие в составе рода Ялан-Катай).

Заметим, что в составе ялан-катайцев немало башкир, пришедших сюда с верховьев Мисса, с юго-восточного Зауралья (территория современного Учалинского района БАССР).

¹ Полевые записи 1953 г., $\frac{M-61}{K}$, стр. 39—40.

² Там же, стр. 40.

³ Полевые записи 1959 г., $\frac{M-35}{K}$, стр. 63 об.

⁴ Полевые записи 1953 г., $\frac{M-61}{K}$, стр. 44.

¹ Полевые записи 1953 г., $\frac{M-36}{K}$, стр. 8 40; 49.

² Рукописный фонд ИИЯЛ БФАН СССР. Материалы фольклорной экспедиции 1959 г. в Курганскую область, стр. 1—2, 6, 18.

³ Там же, стр. 33.

Таковы, например, ялан-кайтацы дер. Таргул (*Тэдрекул*), переселившиеся с долины р. Миасса, башкиры дер. Монатово (*Монатау*) и др. Кэсти, башкирская дер. Монатау и в настоящее время имеется в верховьях Миасса, а гора Монатау является одной из высоких гор на земле западных кайтацев. Иными словами, в состав ялан-кайтацев вошли небольшие группы башкир, отделившиеся в различное время от табынских и западно-кайтацких родов.

О происхождении башкир племени Кайтай и истории их расселения на территории Башкирии можно будет, видимо, говорить только после тщательного изучения родового состава, преданий, тамг и т. д. западных кайтацев. Сейчас мы вынуждены ограничиться общими замечаниями.

Этноним Кайтай, Кытай, Хтай, Хытай широко известен в историко-этнографической литературе. Родоплеменные организации, носящие эти названия, вошли в состав ряда тюркоязычных народов Средней Азии и Казахстана. В родоплеменной номенклатуре казахов род Кытай-Кыпчак помещен в Среднем жузе; с XII в. кытай составлял значительную часть племени Найман, сыгравшего заметную роль в этногенезе казахского народа¹. Объединение Кайтай является одним из четырех племен арыса (крыла) *Он торт уру* каракалпак². Этноним Кайтай несколько раз упоминается в списке родоплеменного состава киргизов: племя Кытай входит в группу Багыш, а также в отделение Ходжакул крыла Сл. Кроме того, род Минг-Кытай входит в состав отделения Джедигер³. Родовые группы Кайтай, Найман мы находим также в составе узбеков дельты Аму-Дарья⁴.

В историко-этнографической литературе в настоящее время принята точка зрения, связывающая родоплеменные группы Кайтай (Кытай) с кара-китаями, или киданями, часто упоминаемыми в древних и средневековых источниках. Однако до сих пор остается неразрешенным вопрос, были ли китаи тюркизированными киданями или же самостоятельным тюркским племенем, подчиненным киданям политически, но в этническом отношении близким к кипча-

кам. Решению этого вопроса препятствует и то, что несно происхождения самих киданей. Если до недавнего времени киданей, а вслед за ними и китаев относили к племенам «тюркского происхождения»¹, то в последние годы появилась тенденция к частичному пересмотру этой точки зрения. Исследователь казахского языка С. А. Аманжолов не только кытайцев, но и найманов, табынцев, бесспорно причисляемых ранее к монголам², относит, на основании анализа языкового материала, к тюркским по происхождению племенам.

Первые этноним Кайтай встречается в памятниках орхонской письменности. В надписи Кюль-Тегина (VIII в. н. э.) ктай упоминаются как данники тюркского каганата³. К X в. каракитай создали в Северном Китае могущественное государство Ляо, просуществовавшее до начала XII в. С X в. влияние киданей начинает распространяться на запад. В первой половине XII в. они овладели Енисеем, Алтаем и Семиречьем. Здесь, в Семиречьи, кара-китай основали новое государство, главу которого называли Гур-ханом. «Гурханы, которые были государями в Мавераннахре и Туркестане,— пишет Рашид-ад-дин,— (происходят) из народа кара-китай»⁴. Несмотря на упорное сопротивление кара-китаев и объединившихся с ними племен, государство кара-китаев в начале XIII в. было разгромлено монголами. В последующие века кара-китай, или китаи, упоминаются в качестве отдельных племен и родов в составе ряда тюркоязычных народов, в том числе башкир.

Башкирское племя Кайтай этнически восходит, на наш взгляд, к кара-китаям, или к китаям, упомянутым в надписи Кюль-Тегина. Кроме сходства этнонимов, это подтверждается хотя бы тем, что в исторических преданиях и легендах башкир-кайтацев Алтай часто фигурирует в качестве их древней родины.⁵ Об этом же свидетельствуют и некоторые косвенные данные. Потомками последней части киданей являются, по мнению Н. Аристовой, узбеки племени Кытай, обитающие на Зеравшане. Зеравшанские китаи включали в свой состав шесть

¹ С. А. Аманжолов, Вопросы диалектологии и истории казахского языка, Алма-Ата, 1959, стр. 959.

² Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпак, «Труды Института этнографии», т. IX, М.—Л., 1950, стр. 39.

³ Я. Р. Виноников, Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории южной Киргизии, «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. I, М., 1956, стр. 138, 144, 150.

⁴ К. Л. Задыхина, Узбеки дельты Аму-Дарья, «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. I, М., 1952, стр. 329, 334.

¹ А. Бернштам, Социально-экономический строй орхонско-енисейских тюрков VI—VIII веков, М.—Л., 1946, стр. 80.

² Очерки истории СССР, IX—XIII вв., М., 1953, стр. 745.

³ С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951, стр. 36, 38, 40, 43.

⁴ Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т. I, книга первая, М.—Л., 1952, стр. 130.

⁵ Полевые записи 1953 г., $\frac{M-61}{K}$ стр. 234.

отделений, в том числе отделение Балгалы¹. Известно, что у тюркоязычных народов роды нередко назывались по форме родовой тамги. Например, *баганалы* (те, у кого тамга имеет форму бревна), *балгалы* (те, у кого тамга имеет форму топора) — у казахов², *ыргаклы* (те, у кого тамга имеет форму крюка), *казаклы* (те, у кого тамга имеет форму лапки гуся) — у каракалпакских³ и т. д. Следовательно, тамга зеравшанских китаев имела форму молотка (*бага*). Выше было отмечено, что тамга-молоток была одной из основных тамг китаев. Кроме того, один из родов в составе каракалпакских китаев носит название *кайшылы* (*кайшы* — ножницы). Тамга этого рода действительно имеет форму ножниц χ . По всей вероят-

ности, эта тамга является видоизменением той же древней катаянской тамги *балга*. Трансформация тамги могла идти следующим путем:

Т   7   X   X

Таким образом, можно считать, что тамга *балга* у башкирских катаяцев является свидетельством их древних этнических связей с каракидаями или, по крайней мере, с отделением Балгалы этого объединения.

Об аналогичных связях говорит, на наш взгляд, и этноним Сары (*Нары*). Это название носит одна из основных деревень зауральских катаяцев. В составе западных катаяцев зафиксировано родовое подразделение *Нары*. Один из двенадцати родов каракалпакского племени Ктай носит название Бес-Сары, или Биш-Сары⁴. Среди зеравшанских китаев также фигурирует род Бес-Сары⁵. Т. А. Жданко на основе анализа каракалпакского материала пришла к выводу, что этноним Бес-Сары свидетельствует о тядотении предков этого рода «к восточной части Средней Азии и даже к Китаю»⁶; иными словами, Бес-Сары является одним из древних родов в составе каракалпакских китаев и зеравшанских китаев. Род Сары (или Биш-Сары) входил в состав объединения Кара-Китаев еще в период их пребывания в горах Уллу-тау в центральной Казахстане⁶.

Обращает на себя внимание различие основных тамг племен Ктай, входящих в состав

каракалпакских, ногайцев, башкир, казахов. Если основная тамга, например, каракалпакских китаев — φ (*шомыш* — половник)¹, племени Ктай, входящего в состав ногайской народности — Φ (*шомыш* — половник)², то у башкирских катаяцев, которые не имеют общеплеменной тамги, наиболее распространенными являются тамги *балга* Γ и *дара* $\circ$.

На наш взгляд, вариации в начертаниях основных тамг можно главным образом объяснить тем, что родоплеменные группы Ктай в различное время и в различных условиях оторвались от основного массива Кара-Китайского племенного объединения. Если каракалпакских китаев, например, Т. А. Жданко связывает с «домонгольским периодом каракалпакского этногенеза»³, то миграцию катаяйских родов в Башкирию нужно, видимо, отнести к несколько более позднему периоду.

В связи с этим интересно обратить внимание на отношение катаяйских родов с племенем Найман. Найманы выдвинулись в историческую арену к концу XII в., когда могущество кара-китаев (киданей) в восточной части Центральной Азии уже ослабло. Найманы, видимо, действительно были тюркоязычными племенами. Рашид-ад-дин относит найманов к тем племенам, которые лишь в результате пребывания в империи Чингиз-хана стали причислять себя к монголам⁴. В конце XII в. часть катаяйских родов вошла в могущественный в то время племенной союз найманов, кочевавших на обширных пространствах между Хангаем и Алтаем. Владычество найманов было уничтожено Чингиз-ханом. Рассеянные монголами найманские племена и роды вошли в состав многих тюркоязычных народов, приняв участие в их этногенезе. В родоплеменной номенклатуре ряда народов кытан и найманы, как правило, фигурируют рядом⁵, или кытан входят в состав племени Найман, как, например, у казахов⁶. С. А. Аманжолов, ссылаясь на Курбангали Халитова, автора книги «Тауарих хамсе», приводит казахскую генеалогию XIX в., согласно которой кытан произошли якобы от найма-

¹ Н. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей, «Живая старина», 1896, вып. III—IV, стр. 432.

² С. А. Аманжолов, Узак. соч., стр. 56.

³ Т. А. Жданко, Узак. соч., стр. 37 (таблица).

⁴ Там же, стр. 41.

⁵ Там же, стр. 42.

⁶ Гребенкин, Узбеки, «Русский Туркестан», вып. 2, стр. 99.

⁷ Т. А. Жданко, Узак. соч., стр. 44, 116.

⁸ Там же, стр. 40.

¹ Т. А. Жданко, Узак. соч., стр. 39.

² Н. А. Баскаков, Ногайский язык и его диалекты, М.—Л., 1940, стр. 184.

³ Т. А. Жданко, Каракалпакки хорезмского оазиса, «Труды Хорезмской экспедиции», т. I, М., 1952, стр. 482.

⁴ Рашид-ад-дин, Узак. соч., стр. 102.

⁵ К. Л. Задыхина, Узак. соч., стр. 334; Н. А. Баскаков, Узак. соч., стр. 182—183.

⁶ С. А. Аманжолов, Узак. соч., стр. 58.

нов: «От Наймана идет Сугурше, а от него Толегетай, от Толегетая — Кытай...»¹. Иногда, наоборот, найманские по происхождению роды входят в состав племени Кытай некоторых народов. Всё это является отражением с удивительной закономерностью сохранившихся традиций некогда сложных отношений между племенными группами Найман и Кытай.

Основная тамга племени Найман ². Можно предположить, что тамга рода Кайшылы каракалпакских ктаев () , тамга *балга* () , распространенная среди башкир-кайтацев, является по происхождению найманскими. В подтверждение этого предположения можно привести следующие материалы: племя Найман в составе ногайцев имеет тамгу **Т**

(*шошкиш тамга*)³ и **П** (*тарок тамга*), которая также является вариацией тамги-молотка⁴. Интересно также обратить внимание на следующий факт. Известная поэма «Кузы-Курпес и Маян-хылу» была сложена среди найманских племен казахов и бытует только среди них⁵. Башкирский вариант этой поэмы, как известно, записан среди зауральских башкир; он бытует среди башкир-кайтацев и сальютюв. Таким образом, среди башкир-кайтацев прослеживается и найманский этнический элемент. Это обстоятельство интересно и с другой точки зрения — в свете определения времени прихода катаяйских родов в Башкирию. Если уход этих родоплеменных групп из центральноазиатских степей произошел после объединения части кара-китайских родов с найманами, то очевидно, что переселение катаяйских родов в Восточную Европу, на Урал, произошло не ранее конца XII — начала XIII вв. Скорее всего эти события имели место в первых десятилетиях XIII в., когда разгромленные монголами кара-китайские и найманские племена, покинув старые места расселения, двинулись в Среднюю Азию и Восточную Европу.

Родовой состав башкир-кайтацев чрезвычайно сложен. В этом нашли, видимо, отражение различные периоды их истории, начиная от времени их пребывания в Северном Китае и на Алтае и кончая разгромом киданских и най-

манских племен монголами. Можно предполагать, что в Приуралье, в Башкирию, катаяйские роды мигрировали не одновременно, а, по крайней мере, двумя этапами. На этот вывод наталкивает тот факт, что зауральские катаяйцы, кроме общности этнонимов, почти ничем не связаны с западными катаяйцами. Территориально они также были разделены. До заселения Зауралья улу- и бала-кайтацы, как сказано выше, занимали территорию по среднему течению р. Уфы и далее к северу, куда они попали, видимо, через Западную Башкирию. Этим путем шло продвижение в XIII, а частично и в XIV в. в северо-восточную Башкирию не только башкир-кайтацев, но и некоторых других этнических или политических связанных с ними родоплеменных групп. Наиболее значительное место среди последних занимало племя Сальютю.

Сальютю (*Һалют, Сальют, Һалыуыт*) занимают крайнюю северо-восточную часть башкирской территории в Зауралье, по среднему и нижнему течению р. Караболки, по р. Синаре и многочисленным озерам. Примерно эту же территорию они занимали в XVIII в. «Челжетуцкая [волость], — говорится в росписи башкирских волостей, — за Уралом, по озерам и по речкам близ Ухтюзских заводов»¹. О численности сальютюв в начале XIX в. дает сведения Н. Попов: «В Салзауцкой волости 836 человек в 15 деревнях... Под командой другого старшины 549 человек, кон живут в девяти [деревнях] из показанных пятнадцати»².

Нам удалось зафиксировать 30 сальютских деревень, однако в это число вошли также башкирские деревни родов Терсяк, Сынгар, а также припущенники сальютских башкир. К старинным сальютским деревням относятся Бурно (*Буре*), Больше и Малое Кызылово (*Оло Кызыл, Кескай Кызыл*), Байкусарово (*Байгускар*), Мурино (*Маян*), Кунябаево (*Кунабай*), Казанбаево (*Казанбай*), Султанаево (*Султанай*, второе название *Анкайды*), Соркино (*Сарка*), Иксаново (*Иксан*) и некоторые другие³. Несмотря на свою относительную многочисленность, сальютю в XVII — XVIII вв. не подразделялись на роды. Однако в названиях некоторых деревень (*Буре, Байгускар*) и родовых подразделений сохранились следы когда-то существовавших родовых делений⁴. О том, что в прошлом племя Сальют делилось на роды, понимают, по рассказам дедов,

¹ С. А. Аманжолов, Указ. соч., стр. 58.

² Там же, стр. 12.

³ Н. А. Баскаков, Указ. соч., стр. 182—183.

⁴ С. А. Аманжолов, Указ. соч., стр. 62.

⁵ Там же.

¹ Материалы, ч. I, стр. 136.

² Н. Попов, Указ. соч., стр. 8.

³ Полевые записи 1959 г., $\frac{M-31}{K}$, стр. 41, 44 об.—45

⁴ Полевые записи 1953 г., $\frac{M-61}{K}$, стр. 295, 321.

и некоторые старики. Однако близкое соседство с русскими поселениями, тесное общение с местными горнозаводскими населением содействовало быстрому исчезновению границ не только родовых, но и более мелких родственных организаций.

Тамги сальютов оригинальны и среди других башкирских родоплеменных групп не встречаются. Наиболее характерны из них:

Ψ — *халдау-тамга*¹ (*халдау-острога*);

Ψ — *ук-тамга*² (*ук* — лук со стрелами);

А — *дага-тамга* (*дага* — подкова) * ; С .

*ук-тамга*³; Ф ф — *ук* — или *йэй-тамга* (*йэй* — лук⁴). Все эти тамги в сущности исходят из одной основной формы — *ук-тамга*

Ψ . Название *халдау* является, видимо, более поздним, когда сальюты начали заниматься рыболовством на многочисленных озерах Зауралья.

В некоторых салютских аймаках (родовых подразделениях) встречаются тамги, также не находящие себе аналогий среди тамг других башкирских племен. В дер. Халитово, например, тамги имеют форму гребенки: ГГ или

ПП (*тарак-тамга*)⁵. Из иноплеменных тамг среди сальютов чаще других можно встретить табынскую тамгу, например С — *сумес-тамга* (*сумес* — ковш)⁷.

Сальюты, как и катайцы, не являются исконными жителями Зауралья. Предания сальютов обычно начинаются с упоминания о приходе их предков «со стороны Урала» (*Урал ягынан*), «с гор и из лесов» (*тау-урман ерзэренэн*)⁸. Иногда предания содержат и некоторые

подробности переселения. Когда-то, несколько столетий назад, повествует одно из них. — сальюты жили далеко за Уралом, по р. Уфимке. Но там началась большая война и сальюты бежали на юг и, главным образом, сюда, в необятные степные просторы Зауралья¹. Интересно, что это предание перекликается с аналогичным преданием катайцев. Впрочем, в салютских преданиях прямо указывается, что прежняя родина катайцев также на западной стороне Урала и что катайцы переселились в Зауралье одновременно или несколько позднее сальютов². Эти сведения дают возможность утверждать, что до переселения в Зауралье сальюты занимали соседние с катайцами земли. По всей вероятности, эти земли находились по среднему течению р. Уфы, а также севернее — по верховьям рр. Чусовой и Сылве. Известно, что в XVI—XVII вв. по Чусовой, Сылве и даже по левобережью Камы немало было башкирских кочевий³. Даже в конце XVII — начале XVIII вв. башкиры окончательно еще не оставили бывшие районы их расселения. В «Деле о спорных землях башкир на Сибирской стороне Урала» от 1695 г., например, говорится о башкирской волости, расположенной «сверх Чусовой реки», где живут «ясашные люди, сотник Арыкайко Кувальдышев с товарищи 31 человек»⁴. И в настоящее время в южных районах Свердловской и Пермской областей немало башкирских сел. В одном из них, в дер. Шокурово Нижне-Сергинского района Свердловской области, работала в 1959 г. этнографическая экспедиция ИИЯЛ. В этой деревне живут башкиры Упейского рода. Другие деревни этого рода были расположены севернее Шокурово, по обоим берегам среднего течения р. Уфы.

Уже в первой половине XVI в. башкиры, кочующие по левобережью Камы, по Сылве и Чусовой, периодически подвергались нападением со стороны русских военных отрядов. Однако уход катайцев, сальютов, а также близких к ним некоторых мелких башкирских родов относится ко второй половине и даже концу XVI в. и связан с активизацией в этих районах деятельности Строгановых и особенно с походами Ермака и покорением Западной Сибири. Возможно, что «большая война», о которой упоминается в предании сальютов, не что иное, как восстание 1572 г. черемисов и «присоединившихся к ним башкиров, вотяков и остяков, которые подошли к Каме и грабе-

¹ Полевые записи 1953 г., $\frac{M-61}{K}$, стр. 304, 306.

² Материалы, ч. I, таблица тамг, № 55.

³ Полевые записи 1953 г., $\frac{M-35}{K}$, стр. 47.

⁴ Полевые записи 1953 г., $\frac{M-61}{K}$, стр. 288.

⁵ Материалы, т. III, таблица тамг, № 137—138.

⁶ Полевые записи 1953 г., $\frac{M-31}{K}$, стр. 292.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 18; Полевые записи 1959 г., $\frac{M-35}{K}$,

¹ Полевые записи 1959 г., $\frac{M-35}{K}$, стр. 39.

² Там же, стр. 45.

³ Материалы, ч. I, стр. 79, 90, 163, 196, 206, 231, 244.

⁴ Там же, стр. 90.

жами и убийствами причинили там много разорения»¹. Окончившееся полным поражением восстание могло вызвать уход части башкир на юг или на восток, где власть Русского государства была еще номинальной². Походы Ермака и окончательное освоение Пермского края царским правительством ускорили начавшийся процесс, приведя к довольно значительным по масштабам передвижениям населения. Об этих переселениях башкир, которые, «не признавая больше русскую власть, ушли затем в отдаленные места», — пишет и Г. Ф. Миллер³. Салюты действительно могли покинуть эти места первыми. В Зауралье салюты владели огромными земельными территориями, которые, как повествуют предания, пустовали в период их переселения⁴. Косвенно это подтверждается и тем, что на салютских землях в качестве припущенников жили катаяцы, а также башкиры родов Терсяк и Сингрия, переселившиеся из тех же мест в Зауралье несколько позднее салютов. Заводы Карабаш, Уфалейские, Каслинские и некоторые другие действительно были построены на бывших салютских землях, отобранных у них или купленных заводчиками за бесценок. Постепенно салюты потеряли большую часть своих земель. Несмотря на это, вплоть до конца XIX в. салюты имели больше земель, чем соседние катаяцы и даже табынцы. Этим, впрочем, объясняется тот факт, что в Курганской области почти нет салютов, если не считать двух родовых подразделений Салют в дер. Аскарново и Арасланово, переселившихся сюда в XVIII в.⁵ У салютов не было экономических причин покидать свою новую родину, в то время как безземельные и малоземельные катаяцы вынуждены были для ведения полукочевого скотоводческого хозяйства переселиться в притобольские и приуфалейские степи.

В происхождении башкирских салютов много неясного. Некоторые языковеды этнонимически связывают салютов с сельджуками⁶. Однако, кроме примерного совпадения этнонимов, других данных в пользу этой гипотезы нет.

Более вероятно другое предположение: башкиры-салюты этнически восходят к Салджиутам — монгольскому племени, игравшему активную роль в борьбе тюркских и монгольских племенных объединений в начале II тысячелетия н. э. По Рашид-ад-дину, племя Салджиут «ответвилось от среднего сына Алан-Гоа», а «Алан-Гоа была из племени куралас, а племя куралас есть ветвь монголдарикинов»⁷. Это предание имеет, видимо, реальную историческую основу, так как Рашид-ад-дин не перечисляет салджиутов среди «разных» тюркских племен, подобно джалаграм, татарам, ойратам, онгутам, керентам, найманам, тонгутам и прочим», которые «из-за самовосхваления называют себя [тоже] монголами, несмотря на то, что в древности они не признавали этого имени»⁸. Более того, Рашид-ад-дин, описывая победы Чингиз-хана, прямо указывает, что салджиуты «были родичами» монгол⁹.

Салджиуты вместе с племенами татар, дурбан и катакин, с которыми они объединились для борьбы с Чингиз-ханом, занимали территорию «по низовьям рек», из слияния которых «образуется Анкара-мурэн»⁴. Борьба салджиутов была безуспешной. Частью они были перебиты⁵ Чингиз-ханом, «оставшиеся» «...стали ему послушными рабами»⁶. Салджиуты, однако, не оставляли и в дальнейшем попыток освободиться от господства Чингиз-хана, объединяясь в период борьбы с найманами или с кара-китаями. В самом начале XIII в. Чингиз-хан, после победы над керяями, направляет основной удар против найманов. Найманы, готовясь к решительной борьбе с монголами, пытались найти выход в объединении сил соседних племен. Среди эмиров многих других племен к найманам присоединились «...Джамукэ-сэчэн из племени джаджирят, рода салджиутов»⁷. После разгрома Чингиз-ханом часть найманов бежала «к Гур-хану, Кара-хитаю»⁸, пытаясь в союзе с киданями продолжать борьбу против монголов. Вместе с ними были и салджиуты.

Таким образом, салджиуты, предки салютов, имели давние связи с племенами Ктай и Найман. Смежное расселение зауральских катаяцев и башкир-салютов, многие общие моменты в культуре и быте являются сохранив-

¹ Г. Ф. Миллер, Указ. соч., т. I, стр. 211.

² Салюты, как и катаяцы, переселились с севера не только на восток, в Зауралье, но частично и на юг. Так, дер. Салют (Сальзегутово) расположена на р. Ай в Мечетлинском районе БАССР.

³ Г. Ф. Миллер, Указ. соч., стр. 288.

⁴ Полевые записи 1959 г., $\frac{M-35}{K}$, стр. 40—41, 47

⁵ Полевые записи 1953 г., $\frac{M-61}{K}$, стр. 7.

⁶ Дж. Кнекбаев, Фонетика башкирского языка, М., 1969, стр. 4.

⁷ Рашид-ад-дин, Указ. соч., т. I, ч. I, стр. 178.

⁸ Там же, стр. 102.

⁹ Там же, стр. 179.

⁴ Там же, стр. 101—102.

⁵ Там же, стр. 178.

⁶ Там же, стр. 179.

⁷ Там же, стр. 137.

⁸ Там же, стр. 106.

шимися пережитками этих давних связей. Не случайно в исторических преданиях зауральских башкир катаяй и салюты называются «братьями». Обращает внимание и то, что салютские тамги (*надау-тамга* и *тарак-тамга*) в первом случае напоминают катаяйскую тамгу-подкову, а во втором — совершенно аналогичны с найманской.

Приведенные выше наблюдения позволяют сделать вывод, что башкирское племя Салют восходит к монгольскому племени Салджит, которое в составе кара-катайского и найманского племенных объединений подверглось тюркизации еще в период пребывания на Алтае и в Южной Сибири. Салджиуты, увлеченные общим потоком движения племен, вместе с катаяйцами переселились в Восточную Европу, а затем в Башкирию. Часть салджиутов осталась на родине, в Монголии. В XVII в. монгольское племя Салжит занимало территорию в местности Аохань¹.

С катаяйцами и особенно с салютами исторически (и, видимо, этнически) связаны три небольших рода: Сынгрян (*Һеңрән*), Терсяк (*Терһәк*) и Бекатин (*Бәкәтән*).

Башкиры-сынгрянцы (в источниках — сырянцы, зырянцы) расселены в настоящее время в трех деревнях: Сынгрян (другие названия *Биктимер* и *Айыу Һеңрәне*), Кумгул-Сынгрян (*Колмагул Һеңрәне*) и Чекурово (*Сүкер Һеңрәне*)². В настоящее время самостоятельное существование рода Сынгрян давно забыто даже стариками и все сынгрянские деревни (как, впрочем, и терсякские) относятся ими к салютским. Объясняется это, видимо, тем, что, во-первых, сынгрянцы жили на салютских землях в качестве их припущенников, во-вторых — были сравнительно малочисленны. В начале XIX в. в «Сыгранской» (Сынгрянской — по списку 1735 г., Сыгранской — по списку 1737 г.) волости было всего 202 человека³. Два с половиной столетия назад сынгрянцы играли довольно активную роль в политической жизни Западной Сибири. Вместе с башкирами-табынцами в начале XVII в. «зырянцы» были главной опорой Кучумовичей в степях к западу от Тобола. В те времена и территория расселения сынгрянцев была несколько иной. В конце XVI—начале XVII вв. «зырянцы» кочевали вместе с царевичем Алеем в «семи днях от Тюмени на так называемых боровых пяти озерах»⁴. Од-

нако скоро сынгрянцы покинули Тюменский уезд; в 1623 г. они числились уже в Верхотурском уезде⁵. Здесь сынгрянцы заняли территорию по левобережью верхнего и среднего течения р. Исети⁶. Б. О. Долгих высказывает предположение, что в Бачкирской волости (Бучкурской — по списку 1735 г. и списку П. И. Рычкова и Бускурской — по списку 1737 г.), расположенной между Исетью и Пышмой; в районе бассейна речки Беляковки и озера Атяж также жили сынгрянцы⁷. При этом Б. О. Долгих ссылается на мнение Г. Ф. Миллера, который указывает, что «юрты бачкурцев находились у озера Утеше или Устюме»⁸. Это предположение находит подтверждение в полевых материалах. Старики-сынгрянцы рассказывают, что их предки пришли на салютские земли с севера, с озера *Өктәс* (или Атяж)⁹. В Бачкирской волости в конце XVI в. было 220 сынгрянцев, а всего в роде Сынгрян, по подсчетам Б. О. Долгих, было 150 трудоспособных мужчин или 600 человек населения⁴. Уход сынгрянцев с левобережья Исети и переселение их к югу, на салютские земли, относится к концу XVII в., когда на обширной территории по Пышме и Исети, в том числе в Бачкирской и других исетских башкирских волостях, башкирское и татарское население постепенно сменилось русским⁷. В начале XVIII в. к северу от Исети уже не было, за очень редким исключением, башкирских селений. Переселившиеся к югу сынгрянцы уже не нашли там свободных земель, поэтому вынуждены были поселиться на салютских землях в качестве припущенников, на положении которых они жили и в XIX в. Постепенно сынгрянцы, стремясь получить вотчинные права на пользование землями, стали называть себя салютами.

С салютами сынгрянцы имели давние связи. Если в конце XVI в. сынгрянцы были, как указано, жителями Тюменского уезда, а потом Верхотурского, то в Тюменский уезд они, как и катаяйцы с салютами, переселились из северо-восточной Башкирии. Миллер считал башкир Тюменского уезда «перебежчиками из Уфимского уезда»⁸. Сынгрянцы в западном

¹ Материалы по истории русско-монгольских отношений (1607—1636), М., 1959, стр. 117.

² Б. О. Долгих, Указ. соч., стр. 42, 44; Там же, «Карта распространения этнических групп, расселения племен и родов народов Сибири в XVII в.».

³ Там же, стр. 47.

⁴ Г. Ф. Миллер, Указ. соч., т. II, стр. 357.

⁵ Полевые записи 1953 г., $\frac{M-61}{K}$, стр. 12.

⁶ Б. О. Долгих, Указ. соч., стр. 44, 48.

⁷ Там же, стр. 48.

⁸ Г. Ф. Миллер, Указ. соч., т. II, стр. 12.

¹ Е. П. Лебедева, К вопросу о родовом составе монголов, «Филология и история монгольских народов», М., 1958, стр. 221.

М-35

² Полевые записи 1959 г., $\frac{K}{K}$, стр. 44.

³ Н. С. Полов, Указ. соч., стр. 5.

⁴ Г. Ф. Миллер, Указ. соч., т. II, стр. 28.

Приуралье занимали те же территории, что и салюты с катаяцами, и мигрировали в Зауралье примерно в одно и то же время с ними, т. е. в середине или во второй половине XVI в.

В происхождении сынгрянцев, на наш взгляд, имеется много общих моментов с салютами и катаяцами. Б. О. Долгих допускает возможность того, что терсяки и, следовательно, сынгрянцы были «потомками старого угрозычного населения Приуралья, лишь впоследствии тюркизированными»¹. Однако это маловероятно. Сынгрянцы по происхождению относятся, видимо, к тюркоязычным (как катаяцы) или к монголоязычным (как салюты) племенам. В свете сказанного интересно обратить внимание на то, что сынгрянские башкиры были расселены не только в Зауральской Башкирии, но и в западной ее части, а также на юге, в пределах Оренбургской области. В списке родов и волостей Казанской дороги, составленном П. И. Рычковым, числится «Зиряя юрты»². Это сынгрянские башкиры, потомки которых живут в настоящее время в дер. Сынгрянново на берегу р. Сюнь в Илешевском районе БАССР. В Тоцком районе Оренбургской области сынгрянские башкиры живут в дер. Кондуз Тамак (другое название *Таймас*), Кызыл Мечеть (другое название *Кыдрас*) и Куяк (другое название *Тамьан*)³. По преданиям оренбургских сынгрян, их предки когда-то переселились на юг с р. Сюнь. Это свидетельствует, очевидно, о том, что долина р. Сюнь — одно из старых мест поселения сынгрянцев, что еще раз подтверждает высказанную выше мысль о движении сынгрян (и, следовательно, связанных с ними катаяцев, салютов) в Зауралье через Западную Башкирию.

Терсяки (*терхэк*) были более многочисленны. В начале XIX в. в Терсяцкой волости Шадринского уезда было «209 человек в 5 деревнях», в Терсяцкой волости Екатеринбургского уезда «140 человек мужского и женского полу»⁴. Терсяцкие деревни, как и сынгрянские, информаторы упоминают в числе салютских. На салютских землях были расположены терсяцкие дер. Аливкулово (второе название *Хаалт Терхэк*), Ильичгулово (второе название *Элэмэ Терхэк*), Аширово (*Гашер*), Моисеево (*Мэсэй*), Махмутово (*Мэхмут* или *Терхэк*). В XVII в. Терсяцкая волость была расположена рядом с Бачкурской по р. Исети, в районе впадения

в нее р. Терсюк¹. В 1615 г. в этой волости было 210 человек². Примерно в одно время с сынгрянцами терсяки перекочевали к югу от р. Исети, поселившись на салютских землях в качестве прирущенников. До переселения в Зауралье терсяки занимали обширные территории по верхней течению р. Чусовой, северным притокам р. Уфы и т. д. И. Лепехин сообщает, что «Сергинские заводы... построены в 1740 г. Иваном Демидовым на реке Серге, впадающей в р. Уфу, на земле, купленной у башкир Терсяцкой и Упейской волости»³. В XVII в. «звехр Чусовой» существовала Терсяцкая волость, жители которой в 1630 г. бежали в Тюменский уезд⁴. На примере терсяков можно, таким образом, более определенно представить территорию расселения родоплеменных групп объединения Катай на западной стороне Урала.

Небольшой род Бекатин (Мекотин, Мекетин, Мьякатин — в источниках XVIII в.) занимал территорию восточнее озер Иртяш и Калли. Бекатинские деревни: Алабуга (*Алабыгаты*), Сабирово (*Һаттык*), Берданиш (*Бирҙәнеш*), Кирпачики (*Кирпәсте*). В XVIII в. бекатинцы были многоземельными: по преданию, они имели 49 озер, которые, однако, постепенно растеряли, сдавая в аренду русским и татарским купцам⁵. В Зауралье бекатинцы переселились с запада, как указывают их предания, из района села Белянка⁶. «Беляковские татары», согласно Г. Ф. Миллеру, жили в соседстве с сынгрянцами «около речки Беляковки, впадающей в Пышмуз»⁷. Видимо, «беляковцы», «беляковские татары» и есть предки «беляковцев» или бекатинцев. Предание бекатинцев о переселении в Зауралье из района Белянки позволяет считать их родом, этнически или хотя бы территориально изданным близким к катаяцам. Кроме того, в Зауралье бекатинцы расселялись также на смежных с катаяцами землях. В начале XIX в. бекатинцев насчитывалось «867 человек в 5 деревнях»⁸.

Объединение Табын включает собственно табынские роды Табын, Кара-Табын, Кёкюргек и Барын, а также роды Куакан и Сырыз.

Табын (*Табын*) — одно из самых крупных

¹ Б. О. Долгих, Указ. соч., стр. 47.

² Там же, стр. 43.

³ И. И. Лепехин, Дневные записки путешествия по разным провинциям Российской империи в 1770 г., СПб., 1821—1822, т. II, стр. 219.

⁴ Б. О. Долгих, Указ. соч., стр. 21—26.

⁵ Полевые записки 1959 г., М-35, стр. 46.

⁶ Там же, стр. 46—47.

⁷ Г. Ф. Миллер, История Сибири, т. I, стр. 288.

⁸ Н. Попов, Указ. соч., стр. 5.

¹ Б. О. Долгих, Указ. соч., стр. 22.

² П. И. Рычков, Указ. соч., стр. 67.

³ Архивный фонд ИИЯЛ ФАИИ СССР, Материалы фольклорной экспедиции 1960 г. в Оренбургскую область.

⁴ Н. С. Попов, Указ. соч., стр. 5, 8.

башкирских племен. По сведениям кунгурско-бургомистра Юхнева, табынцев в первой половине XVIII в. насчитывалось около 6000 дворов¹. Территориально табынцы разрознены: западные и восточные табынцы разделены горным районом с поселениями инзер-катайцев. Западные табынцы занимали территорию по среднему течению р. Белой, по обоим ее берегам, а также низовья рр. Сим, Инзер и долину р. Злиим. В составе западных табынцев восемь родов: Бишаул-Унгар, Дуван-Табын, Юман-табын, Кесе-табын, Кальсер-Табын, Кумрук-Табын, Курпес-Табын и Бадрак². Восточные табынцы занимали обширную территорию, граница на юге с юго-восточными башкирскими племенами (Тамъян и Тангаур), на западе — с инзер-катайцами; на севере табынцы заселяли верховья рр. Ай и Юрюзьян, а на востоке их поселения встречались далеко в Зауралье, охватывая верхнее и среднее течение р. Миасс и левобережье р. Уй. В состав восточных табынцев входили роды: Табын, Кара-Табын, Кёкюрgek, Барын, Тилляу, Кубеляк, Кувакан. Последние четыре рода в большинстве источников XVII—XVIII вв. фигурируют как самостоятельные родовые организации³. Однако и этнические, и исторические роды Барын, Кувакан, Тилляу, Кубеляк близки к табынцам, хотя по происхождению они, возможно, несколько различаются.

Зауральскую часть территории восточных табынцев в XVIII—XIX вв. населяли роды Табын, Кара-Табын, Кёкюрgek, Барын и несколько деревень куваканцев⁴. В списках родов и волостей XVIII в. указан еще род Аяла-Табын (или Аила-Табын), однако такого рода не существовало: К табынцам под этим названием причисляли башкир-айлинцев, поселившихся на табынских землях.

Башкиры рода Табын живут примерно в десяти деревнях, занимая, главным образом, левобережье р. Миасс в верхнем и среднем ее течении. Наиболее старые табынские деревни: Мавлютово (*Мәүләт*), Акбашево (*Ақбаш*), Мамаево (*Мамай*), Мидляково (*Мизидяк*), Сагитово (*Сәғит*), Карасево (*Караһыу*), Кулуево (*Колой*), Байрамгулово (*Байрамғул*, *Аргали*,

Ареужа)¹. В двух последних деревнях, кроме табынцев, жваут и кара-табынцы. Кара-табынские башкиры, кроме того, составляют основное население деревень: Сатлыково (*Һаттык*), Алгазин, Бигарди (*Бигәрре*), Султаево (*Һултай*). К дер. Султаево примыкают несколько небольших сравнительно недавно образовавшихся кара-табынских выселков: Аблаево (*Аблаы*), Караево (*Каракай*), Узункулево (*Озонкул*) и др.² Кара-табынские деревни (как, впрочем, и табынские) уже в XIX в. были расположены очень разбросанно, перемежаясь с русскими поселениями или с башкирскими деревнями других родов. Еще в начале XVIII в. кара-табынские башкиры владели огромными земельными вотчинами от верховьев Миасса на западе и до среднего течения р. Уй на востоке. В 1740 г. старшина Кара-табынской волости Таймас-тархан Шамов доносил начальнику Оренбургской комиссии князю Урусову, что «той их Кара-табынской волости на вотчинных землях построены вновь крепости, а именно: Улугуцкая, Челябинская, Эткульская, Уклинская, Чебаркульская, а взятые де под оные крепости земли с их землями не размежеваны...»³. На кара-табынских землях в качестве припущеников поселялись также башкиры других племен и родов: айлинцы, сызгинцы и т. д. В то же время размеры земельных вотчин близких к кара-табынцам родов Табын и Барын были значительно меньше. В XVIII в., в период строительства горных заводов и крепостей, и особенно в XIX в., когда шло усиленное разграбление башкирских земель, табынские роды растеряли большую часть своих земель. Некоторые табынские деревни переселились вследствие этого дальше на восток (пределы современной Курганской области). В Сафакулевском районе потомки табынцев-переселенцев живут в двух деревнях: Сыбышево (*Сыбыш*) и Уртаево (*Уртай*)⁴.

Пять деревень, расположенных в северной части Аргаяшского района Челябинской области, образуют род Кёкюрgek: Старое Соболево (*Иске Собыл*), Новое Соболево (*Яңы Собыл*), Абдырово (*Абдыр*), Бажикаево (*Бажикәй*) и Куснбаево (*Кусенбай*). В начале XIX в. в роде Кёкюрgek было 192 человека⁵. Род Кёкюрgek когда-то отделился от кара-табынского ро-

¹ Материалы, т. III, стр. 483—484.

² Р. Г. Кузеев, Очерки исторической этнографии башкир, ч. I, стр. 52—53.

³ Материалы, т. I, стр. 483—484, 496; П. И. Рымков, Указ. соч., стр. 69—71; П. Паллас, Указ. соч., ч. II, кн. II, стр. 8.

⁴ Значительное число табынских, кара-табынских, барынских и особенно куваканских сел расположено в верховьях р. Урал, в пределах современных Учалинского и Абзелиловского районов БАССР, территорию которых мы не включаем в принятое нами понятие «Зауралье».

⁵ Полевые записи 1939 г., $\frac{M-45}{K}$, стр. 86.

⁶ Там же, стр. 66.

⁷ Материалы, т. III, стр. 501.

⁸ Полевые записи 1939 г., $\frac{M-36}{K}$, стр. 56.

⁹ Н. Попов, Указ. соч., стр. 5.

да. Кроме преданий, об этом свидетельствуют названия родовых подразделений и форма тамг. В составе рода Кара-Табын зафиксированы аймаки: Тазлар (*Тазлар*), Бурангул (*Бурангол*), Иль-аймагы (*Иль-аймагы*), Бажкай (*Бежекэй*) и др. Родовое подразделение Бажкай есть и в составе рода Кёкюркек. Одна из кёкюркекских деревень также носит это название. В состав рода Кёкюркек входят, кроме того, аймаки: Абсалым (*Әпсалым*), Тастар (*Тастар*), Беркут (*Бөркөт*), Хигизяк (*Һигезяк*), Тогузак (*Тогузак*) и др.¹

Основная тамга родов Табын и Кара-Табын

○ — *сумес-тамга* (*сумес* — половник). Тамга

рода Кёкюркек ○².

Башкиры рода Барын занимали довольно компактную территорию по обоим берегам р. Миасс, восточнее озера Аргазин. Барынские деревни в этом районе: Яраткулова (*Яраткол*), Большое Кулсарино (Оло Куйһары), Туктубаево (*Туктыбай*) — две деревни, Уразбаево (*Уразбай*), Нижние Караси (*Караһыу*); барынские аймаки были также в дер. Кулуево и Байрамгулово³. Барын-табынцы, как и кара-табынцы, давние жители этих земель. В конце XVI — начале XVII вв. барын-табынские кочевья встречались в восточнее, у берегов Тобола. Башкиры «Баратабынской волости» в 1623 г., например, кочевали под «Тарским городом»⁴. Основной район поселения барын-табынцев находился, однако, западнее, в верховьях Миасса, в районе Златоустовского и Карабашского заводов⁵. Еще в конце XIX — начале XX вв. барын-табынцы уходили на летние кочевья в эти районы, «в прежние свои вотчины»⁶.

Тамга барын-табынцев не отличается от общетабынской (*сумес-тамга*). В составе барын-табынцев зафиксированы аймаки: Хупэис (*Һөпәис*), Калмак (*Калмак*) — в дер. Мамаево; Тулуптар (*Толуптар*), Буркундар (*Бөркөндәр*), Буруч или Держимзын (*Борос или Дәржиман*), Мышь (*Сыскан*), Черные быки (*Кара үгезәр*) — в дер. Кулсарино⁷.

Часть барын-табынцев живет в деревнях: Куйсаново (*Куйсан*), Бурый-Айгирово (*Бурлайғыр*) и Бакаево (*Бакай*) Сафакулевского района Курганской области¹. Барын-табынцы переселились сюда сравнительно недавно, в первой половине XIX в. По рассказам информаторов, их деды жили в Тунгатарской волости в дер. Лапа (ныне Учалинский район БАССР). В 1848 г. царская администрация потребовала вместо кантонной службы на линиях снаряжения рекрутов на 25-летнюю службу в регулярные казачьи полки. Напуганные этим башкиры вместе со скотом, детьми, имуществом, бросив свои старые земли, бежали в Зауралье². Время переселения барын-табынцев на эти земли подтверждается родословными таблицами. Например, у 65-летнего Латфуллы Хамитова из дер. Куйсаново сюда переселился дед Фахринур, тогда как могила прадеда, Мухаметкарима, осталась на Урале, в Тунгатарской волости³. Следовательно, переселение состоялось не более чем 115—120 лет назад. Переселившиеся сюда барын-табынцы уже не нашли свободных земель и поселились на землях калмакских башкир. Поэтому эти деревни в XIX в. были отнесены к Калмакской земельной даче, или к Сарт-Калмакской волости. Постепенно барын-табынцы забыли свою былую родовую принадлежность и стали называть себя калмаками⁴. Однако форма тамги сохранилась у них общетабынская (*сумес-тамга*)⁵. Названия аймаков у курганских барын-табынцев зафиксированы лишь в дер. Куйсаново: Туктагул (*Токтагол*), Урюк (*Өрөк*), Хапаш (*Һапаш*), Калмак (*Калмак*), Бутис, Тупей (*Төпәй*). Эти названия отражают различный период истории рассматриваемой группы барын-табынцев. Название Тупей соответствует названию дер. Тупеево (севернее Тунгатара) в Учалинском районе БАССР, откуда переселились курганские барын-табынцы. Названия аймаков Урюк, Калмак свидетельствуют, видимо, об этническом взаимодействии местных родовых групп Сарт и Калмак с пришельцами.

Род Кувакан представлен в Зауралье одной деревней Бикбердино (*Бикбирзе*) в Сафакулевском районе Курганской области. Второе название деревни — Кувакан⁶. Деды куваканцев переселились в первой половине XIX в.

¹ Полевые записи 1959 г., $\frac{M-35}{K}$, стр. 67, 69, 70.

² Там же.

³ Там же, стр. 76.

⁴ Материалы по истории русско-монгольских отношений, М., 1959, стр. 122.

⁵ Полевые записи 1959 г., $\frac{M-35}{K}$, стр. 87.

⁶ Там же, стр. 79.

⁷ Там же, стр. 76, 87.

¹ Полевые записи 1959 г., $\frac{M-36}{K}$, стр. 38, 41—42, 43, 48.

² Там же, стр. 38, 41.

³ Там же, стр. 58.

⁴ Там же, стр. 40.

⁵ Там же, стр. 43.

⁶ Там же, стр. 3.

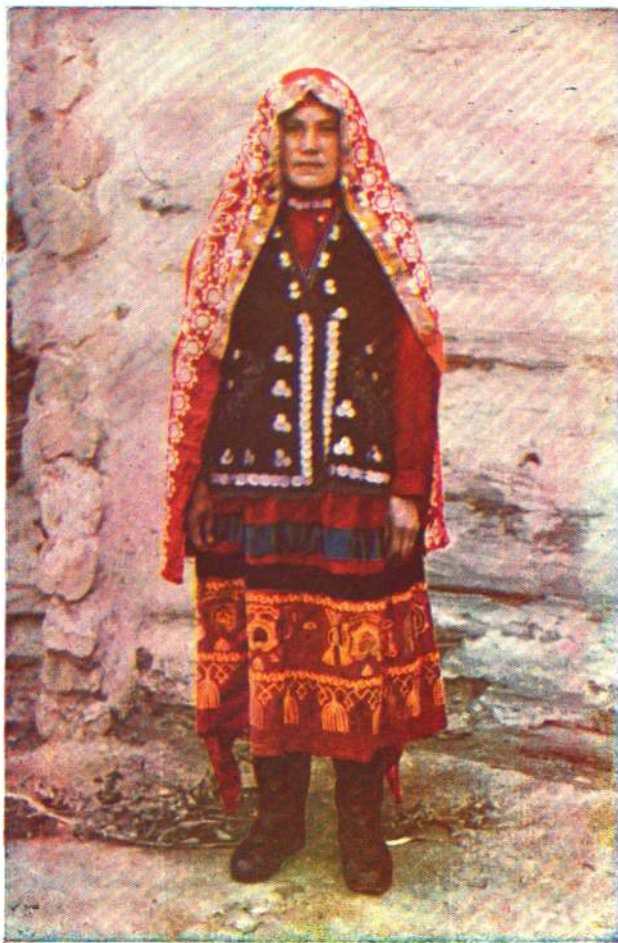

Таблица II. Праздничный костюм молодой женщины. Дер. Куйсан, Сафалевский район Курганской области.

вместе с барын-табынцами из Тунгатарской волости или смежных районов¹.

Род Сырзы (*Һырзы*) — Чирлинская, Чарлынская, Черлинская, Еирлинская, Сирлинская или Сарлинская волости по источникам XVII—XIX вв. — не входит в племя Табын, а является самостоятельным родом, этнически близким, однако, к табынцам. Род Сырзы входил некогда в родоплеменной союз табынцев. Сырзынские дер. Большое Курманово (*Корман*), Идишево (*Идэш*), Норкино (*Нуркин*), Аязгулово (*Аяскол*), Масеево (*Мәсәй*) и некоторые другие расположены вокруг пос. Аргаяш. В начале XIX в. башкиры-сырзынцы, которые жили в двух волостях, Чирлинской и Шуранской, насчитывали 1244 человека в восьми деревнях (в двух деревнях Шуранской волости 364 человека и 880 человек в шести деревнях Чирлинской волости)². Сырзынцы, по словам информаторов, переселились в Зауралье вместе с табынцами и поэтому были многоземельными. Действительно, в XVIII в. сырзынские земли прострались далеко на север. «Кыштымский завод, — пишет И. Лепехин, — построен в 1787 г. на земле, купленной у башкир Шуранской и Чирлинской волостей»³. Сырзынская тамга по форме не отличается от табынской (*сумес-тамга*)⁴.

Вопрос об истории заселения Зауралья табынскими родами из-за недостатка материала еще не исследован. Для этого необходимо тщательно восстановить границы расселения табынцев на Урале в XV—XVI вв., что в настоящее время сделать трудно. Собранные полевые материалы дают возможность нарисовать лишь общую картину заселения табынцами Зауралья.

Большое время повествуют табынские предания, когда в Зауралье не было табынских поселений («ил булмаган») ⁵. Долгое время табынцы выгоняли в зауральские степи скот на зимнюю тебеневку, оставаясь жителями Урала⁶, а точнее той его обширной области, откуда берут начало реки, текущие на юг (Урал, Белая), на север (Ай, Юрюзань), на восток (Уй, Миасс), на запад (Инзер). Из этого района древнего расселения табынцы продвигались на северо-запад по течению рек Ай и Юрюзань и на восток — по рекам Уй и Миасс. На северо-западе, в долинах Ай и Юрюзани, они нашли

уже заселенные территории и, встретив решительное сопротивление башкир племен Кудей и Айле, вынуждены были отступить. Лишь небольшая род Тубеляк, этнически близкий к куваканцам, осел на левых притоках Юрюзани, на бывших кудейских землях. Продвижение на восток было более успешным. Кочевья табынцев постепенно продвигались вниз по долинам рек Миасс и Уй, осваивая удобные для скотоводов плодородные пастбища. В Зауралье двинулись табынские роды не только с основных, древних территорий табынцев (значительная часть которых входит в современный Учалинский район БАССР), но и вернувшиеся с Юрюзани и Ай. В исторических преданиях табынцев иногда указывается, что предки их пришли с Юрюзани, где есть дер. Табынды¹. Миграция табынцев с основных мест их расселения легко доказывается материалами. П. Паллас, путешествовавший по Башкирии в 1770 г., пишет, что «между горами Баргалтау и Карагаштобэ (т. е. в районе г. Миасс.— *Ред.*) встретил летовку начальника барынтабынцев Абдулкерима...»². Летние кочевья зауральских башкир располагались обычно «на прежних жилищах». Эту же мысль можно проиллюстрировать и совпадением топонимических названий. Старое название дер. Мухамет-Кулуево — Мустафа. За г. Златоустом также есть дер. Мустафа, откуда, согласно преданию, и переселились барын-табынцы³. В Зауралье и в Учалинском районе повторяются названия дер. Тупеево, Лапа, Монатау, Байрамгул и др. Таким образом, приведенные факты довольно определенно говорят, что табынская группа родов заселяла Зауралье с юго-запада и запада.

Переселение табынцев в Зауралье было постепенным и длительным. Начало этого процесса относится предположительно к XIII—XIV вв., т. е. к периоду, когда табынцы заселили Уральские горы. В шежере кара-табынцев имеется упоминание о том, что кочевка Майкибия, родоплеменного вождя табынцев, в эпоху монгольского завоевания находилась в долине р. Миасс⁴.

Нерративные источники о пребывании табынцев в Зауралье относятся к концу XVI — началу XVII вв. В 1600 г., например, «четыре хана Кучума — Алей, Коная, Азим и Кубей-Мурат — находились в верховьях Ишима и при

¹ Полевые записи 1959 г., $\frac{M-35}{K}$, стр. 20, 42.

² Н. П. Олов, Указ. соч., стр. 5.

³ И. И. Лепехин, Указ. соч., ч. II, стр. 178.

⁴ Полевые записи 1959 г., $\frac{M-35}{K}$, стр. 85 об.

⁵ Там же, стр. 77.

⁶ Там же.

¹ Полевые записи 1959 г., $\frac{M-35}{K}$, стр. 47.

² П. Паллас, Указ. соч., ч. II, кн. I, стр. 106.

³ Полевые записи 1959 г., $\frac{M-35}{K}$, стр. 79 об.

⁴ С. Мирасов, Башкирские шежере, «Башкортостан», Уфа, 1927, № 4, стр. 6.

них было 250 человек сырняцев и табынцев...»¹. В документах, датированных первыми десятилетиями XVII в., табынцы довольно часто упоминаются в связи с их участием в борьбе Кучумовичей за восстановление своей власти в Западной Сибири². Можно предположить, что массовое переселение табынцев в Зауралье и их оседание там имело место в середине или во второй половине XVI в. и было связано с присоединением Башкирии к Русскому государству и попыткой табынцев отказаться от признания русского подданства.

Процесс постепенного продвижения табынцев в Зауралье продолжался и в последующие века. Много табынцев переселилось в Зауралье в XVII—XVIII вв., в период заводского строительства на Урале, когда огромные земельные участки за бесценно переходили к купцам и заводчикам. Обезземеленные башкиры навсегда перегоняли стада в зауральские степи. Немало табынцев бежало в Зауралье от карательных отрядов после подавления башкирских восстаний XVII—XVIII вв., особенно после поражения Крестьянского движения 1773—1775 гг.³ Барын-табынцы Курганской области переселились туда еще позднее, лишь в первой половине XIX в.⁴ Таким образом, процесс перемещения табынской территории к северовостоку продолжался в течение многих десятилетий.

Происхождение табынцев исследовано слабо. Кроме башкир, племя Табын входит в состав казахов⁵. Казахское племя Табын, по мнению С. Аманжолова, является ответвлением от родоплеменной группы Дулат — «прямых потомков древних орхоно-енисейских тюрок V—VII вв., которые свое домонгольское название дулу получили от имени западно-тюркского когана Ду-лу»⁶.

Башкирское племя Табын включает различные по происхождению роды. Непосредственно табынские роды (Табын, Кара-Табын и Кёкюрбек), на наш взгляд, этнически также восходят к дулатам. На наличие таких древних связей прежде всего указывают формы тамг: дулатская тамга ○ ;

тамга казахского племени Табын ○ ?;

¹ Г. Ф. Миллер, Указ. соч., т. II, стр. 26.

² Г. Ф. Миллер, Указ. соч., т. 2, стр. 95 и др.; Материалы по истории русско-монгольских отношений, М., 1959, стр. 117, 118 и др.

³ Полевые записи 1959 г., М-35, стр. 77.

⁴ Там же, стр. 52, 53, 54, 55, 59, 64—65.

⁵ С. А. Аманжолов, Указ. соч., стр. 13.

⁶ Там же, стр. 36.

⁷ Там же, стр. 13.

тамги башкирских табынских родов ○ ○ .

Как видно, тамга башкир-табынцев исходит от дулатской и преемственно с ней связана.

Дулаты с глубокой древности жили на юге Алтая и во второй половине I тысячелетия н. э. создали там свое государство. «Дулгасское царство, — пишет Н. Ф. Катанов, — существовало с VI века до VIII в. по Р. Х., около 200 лет, в Тарбогатае и южной Монголии. Столица этого царства находилась у подошвы Алтая»¹. Видимо, уже в то время часть дулатов носила название Табын. В этой связи обращает на себя внимание то обстоятельство, что в надписи Кюль-Тегина племя Кытай неизменно упоминается вместе с племенем Татабы (татабынцы)². Можно полагать, что речь идет о предках табынцев, отколовшихся к тому времени от дулатского союза. Мы упоминали, что и племен Кытай, входящих в состав каракалпак

и ногайцев, тамги имеют форму ○ ○ .

т. е. являются производными от дулатской. Этот факт находится, видимо, в тесной связи с тем обстоятельством, что часть китайских родов, упоминаемых в надписи Кюль-Тегина, какое-то время входила в дулатское объединение или этнически была близка табынцам (татабынцам). В свете изложенного нельзя пройти и мимо того, что табынцы и катаяцы в Башкирии издавна расселялись на смежных территориях и были взаимосвязаны целым рядом общих моментов в материальной и духовной культуре.

Таким образом, происхождение собственно табынских родов башкир и рода Кувакан связано с историей древнетюркских племен Алтая.

Род Барын, кроме башкир и казахов, входит в состав каракалпакского племени Муйтен³. Племя Барын вместе с племенами Кытай и Найман является частью киргизской родоплеменной группы Багыш⁴. Т. А. Жданко относит род Барын к монгольским по происхождению этническим группам. Это подтверждается и средневековыми источниками. По Рашид-ад-дину «... племя баарин близко к племени дурбан и ответвилось от их корня», а племя дурбан, в свою очередь, происходит «из ниру-

¹ Н. Ф. Катанов, Этнографический обзор туруско-татарских племен, Казань, 1894, стр. 12.

² С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М., 1951, стр. 36, 38, 40, 43.

³ Т. А. Жданко, Каракалпакки Хорезмского оазиса, «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. I, М., 1952, стр. 479.

⁴ Я. Р. Винников, Указ. соч., стр. 145.

нов», т. е. от монголов¹. Барынцы подверглись тюркизации, видимо, еще в I тысячелетии н. э. в составе дулатского, а позднее табынского родоплеменного союза. Этот процесс завершился принятием барынцами общетабынской тамги

♀, которую они сохранили на протяжении многих столетий. Некоторые дополнительные сведения о происхождении табынцев дают башкирские шешере. Многие табынские роды (особенно род Кара-Табын) свои генеалогии ведут к Уйшину, Уйсун или Уйшун Майкы-бию — к одному из золотоордынских ханов². Вот, например, как выглядит одна из родословных кара-табынцев:

Уйшин Майкы-бий
↓
Илек-бий
↓
Олча-бий
↓
Булгаир-бий
↓
Кара-табын-бий³.

Генеалогические схемы казахских табынцев также восходят к Уйшину Майкы-бию. С. А. Аманжолов сближает имя Уйшин, или Уйшун, с этнонимом Усунь, намекая на то, что предки табынцев в первых веках н. э. этнически были связаны с древним усуньским племенным объединением⁴. Трудно из-за недостатка материала поддержать или опровергнуть эту гипотезу. С гораздо большей определенностью приведенные здесь генеалогии можно связать с периодом пребывания табынцев в составе государственного объединения Дешт-и-Кипчак. Среди многочисленных родов и племен Дешт-и-Кипчака было племя Уйшин, или Уйшун⁵, предков башкир-табынцев. С разгромом куманского племенного объединения монголами уйшунцы вошли в состав государства Золотой Орды. Н. А. Аристов приводит легенду, связанную с этим периодом истории табынцев. Однажды Чингиз-хан, позвав к себе Уйшин Майкы-бия, сказал ему: «Пусть твое дерево будет вяз, твоя птица — орел, твой клич (т. е. уран. — *Ред.*) Салават...»⁶. Это предание до настоящего времени широко бытует среди табынцев. Оно свидетельствует о пребывании уйшун-табынцев до их переселения на Урал в составе кипчакского объединения, а позднее — Золотой Орды.

¹ Рашид-ад-дин, Указ. соч., т. I, книга первая, стр. 187.

² Башкирские шешере, Уфа, 1960, стр. 164.

³ Там же.

⁴ С. А. Аманжолов, Указ. соч., стр. 32.

⁵ История Узбекской ССР, т. I, книга первая, Ташкент, 1955, стр. 374.

⁶ Н. А. Аристов, Указ. соч., стр. 287.

Таким образом, по происхождению табынские роды восходят к древним тюркским и монгольским племенам, обитавшим в середине I тысячелетия н. э. на Алтае и в Западной Монголии. Захваченные общим движением кочевников на запад, табынцы в начале II тысячелетия в составе или в союзе с куманскими племенами прикочевали в степи между Яиком и Уралом. С началом монгольского завоевания табынцы вошли в состав Золотоордынского государства, но в конце XIII — первой половине XIV в. в силу каких-то причин перекочевали в верховья Яика, откуда впоследствии постепенно стали осваивать зауральские степи. Данная датировка переселения табынцев «в Яицкие вершины» подтверждается и генеалогическими таблицами. В шешере кара-табынцев от переписчика родословной, жившего в конце XIX в., до Майкы-бия 19 поколений, то есть примерно 500—550 лет¹. В отличие от катаянцев табынцы перекочевали на Урал не через Западную Башкирию, а с юга, по левобережью р. Яик. Этот путь был им давно знаком, так как племена, кочевавшие в степях между Волгой и Яиком, издавна на летние кочевки уходили в верховья Яика, Иртыша и Тобола².

Объединение Айле. Айлинские роды несколько столетий назад занимали компактную территорию по левобережью р. Уфы и ее главных притоков Ая и Юрюзани, т. е. большую часть Уфимского плоскогорья. Этнонимы Айле, Ай (*Әй, Әйге*) ве обозначают племенную организацию. «Айлинцами» в архивных и литературных источниках XVII—XVIII вв. называют башкир нескольких этнически друг с другом не связанных родов, занимающих смежные территории в бассейне р. Ай. Территория айлинцев в конце I — начале II тысячелетия н. э. была малозаселенным пространством, куда устремились теснимые с юго-запада и юго-востока многочисленные группы кочевников, оторвавшиеся в силу различных причин от разных родов, племен и племенных объединений. Не будучи между собой связаны ни исторически, ни тем более этнически, они составили конгломерат представителей различных родовых и племенных организаций. Позднее, когда улеглась эпоха массовых передвижений, подобные конгломераты родов и племен объединялись, в целях сплочения сил, в родовые союзы, которые принимали привычную для кочевников форму племени. Айле — одно из таких «территориальных племен» в се-

¹ Башкирские шешере, стр. 164—165.

² История Узбекской ССР, т. I, книга первая, Ташкент, 1955, стр. 374.

веро-восточной Башкирии. После присоединения Башкирии к Русскому государству во многих официальных документах айлинские роды выступают вместе. В списках волостей, например, айлинские роды часто фигурируют, подобно катаяцам, табынцам и т. д., под общим названием¹. Это неспроста по своей природе объединение просуществовало, однако, до XVIII—XIX вв., когда, в связи с разложением родоплеменной системы, оно не только фактически, но и в памяти людей постепенно ушло в прошлое. Название Айле сохранилось лишь за одним родом, вокруг которого некогда и объединились северо-восточные башкиры. Только члены этого рода, занимающего территорию по верхнему и среднему течению р. Ай, на юго-востоке Уфимского плато, называли себя айлинцами. Остальные башкиры этого района стали называть себя по имени того рода, к которому они принадлежали.

В состав Айлинского объединения входили роды: Мурзалар (*Мырзалар*), Дуван (*Дуван*), Сарт (*Һарт*), Айле (*Әйле*), Каратаулы (*Каратаулы*), Тюбелас (*Түбәләс*), Тырнаклы (*Тырнаклы*), Сызгы (*Һызгы*), Кошсы (*Кошсо*)².

В Зауралье живут башкиры только трех айлинских родов: Айле, Сызгы и Сарт.

Зауральские айлинцы подразделяются на несколько территориальных групп. В Челябинской области айлинцы живут исключительно в Аргаяшском районе. Три деревни: Метелино (*Мәтәле*), Ишалино (*Ишәле*, второе название *Уланде*) и Дербишево (*Дәрвиш*)³ составляют северную группу айлинцев в Челябинской области. Жителей этих трех деревень объединяло в XIX в. общинное пользование пастбищами, а

также единая тамга § 4. Родовые подразделения нам удалось зафиксировать лишь в дер. Метелево: Бухар (*Boхар*), Ажак (*Ажак*), Калмак (*Калмак*), Юлак (*Юлак*), Кусюк (*Көсөк*), Аксылдае (*Асылдае*). Северные айлинцы в XIX в. были малоземельными. Предания объясняют это тем, что айлинцы, перекочевав сюда с Урала лет 300—400 назад, поселились на табынских землях (*Әйле табындың еренә килеп утырган*)⁴. Действительно, айлинцы не занима-

ли компактной территории, их деревни отдельными островками «вкраплены» на табынских землях.

Южная группа айлинцев Челябинской области более многолюдна: их более 15 деревень Давлетбаево (*Дәүләтбай*), Кулукаево (*Кулукай*), часть деревни Кулуево (другое название: *Мустафа*), Кузяшево (*Көзәш*, другое название: *Әлмәй*), Арыкбаево (*Арыкбай*), Ташев: (*Таш*), Алишево (*Әлеш*), Айбатово (*Айбат* или *Сарзакты*), Кромшино (*Корамша*), Кадырово (*Кәдәр*), Байгазы, Акбашево (*Акбаш*) и др.: Согласно преданиям, южные айлинцы, так же как и северные, переселились с Урала, из долины р. Урала, притока Большой Аршы, впадающей в Ай⁵, или с более западных мест, например, старинного башкирского села Тугузлы⁶ (в настоящее время входит в Кигинский район БАССР). В долине р. Урала и западнее, по Лю, действительно немало айлинских деревень, названия которых аналогичны перечисленным выше, например, Айбатово (или Хайбатово), Кадырово, Акбашево, Кузяшево и др.

Тамга южных айлинцев от тамги их северных сородичей отличается незначительно:

~ (көйәнтә — коремысло).

У южных айлинцев удалось зафиксировать лишь два аймака: Узбек (*Узбәк*) и Исмагил (*Исмагил*)⁷.

Айлинцы Курганской области также подразделяются на две территориальные группы, которые мы условно назовем западной и восточной.

Восточная группа занимает довольно компактную территорию юго-западнее ялан-катаяцев. Башкиры этой группы живут в дер. Аскар-ово (*Аскара*), Юламаново (*Юламан*), Монатово (*Монатау*), Бухарово (*Boхар*, второе название *Айбу*), Будиязовка (*Будияз*) и др. В XVIII в. территория восточных айлинцев простиралась значительно дальше на юг, до р. Уй. Еще в XIX в., по словам информаторов, их деды кочевали до Березовской, Луговой и Крутояр⁸. Родовые подразделения этой группы айлинцев: Кулуй (*Колой*), Айзар (*Айзар*),

Аскар и др.; тамга — W (вариант тамги челябинских айлинцев).

Западная группа айлинцев не имела своей

¹ Материалы, т. III, стр. 496.

² Р. Г. Кузеев, Родоплеменной состав башкир в XVIII в. «Вопросы башкирской филологии», М., 1967, стр. 68; Н. Х. Баева, «Говор башкир долины реки Ай», «Башкирский диалектологический сборник», Уфа, 1959, стр. 44—45.

³ Полевые записи 1959 г., М 35, стр. 64 сб.—65, 71—72.

⁴ Там же, стр. 72—72 об.

⁵ Там же, стр. 64, 72.

¹ Полевые записи 1959 г., М 35, стр. 83.

² Там же, стр. 80.

³ Там же, стр. 81.

⁴ Там же, стр. 85—86 об.

⁵ Там же, стр. 47.

⁶ Там же, стр. 50, 52.

территории и расселялась в качестве припущенников или малоземельных в сартских деревнях Азналино, Баязитово, в табынской деревне Сыбыш, сарт-калмакской деревне Абдулменево и некоторых других¹. Эта особенность в расселении западной группы айлинцев связана с их поздним переселением в эти места. Основываясь на преданиях, а также на материалах генеалогических схем, можно утверждать, что западные айлинцы переселились в Зауралье лишь немногим более ста лет тому назад²; в то время их восточные сородичи были уже здесь старожилами. Западно-айлинские аймаки: Кумерзэр (*Кумерзэр*), Биктемир, Абделхайер (*Абделхайер*), Бэшимэк (*Бэшимэк*), Этимгэн (*Эт имгэн*, т. е. вскормленный собакой)³ и др. Названия многих родовых подразделений западными айлинцами забыты, так как, расселяясь совместно с башкирами других родов (Сарт, Табын, Калмак), они постепенно ассимилировались в их составе.

На восточных склонах Уральского хребта, западнее кара-табынских земель, жили башкиры рода Сызгы (*Һызгы*). В начале XIX в. сызгинские башкиры расселялись в деревнях: Уразбай (второе название *Тукьс*), Саитово (*Сэит* или *Этколак*), Селяниково (*Сэлэн*), Карабашево (*Карабаш*), Сактаево (*Һактай*), Мухамбетово (*Мөхәмәт*), Байдашево (*Байдаш*), Карасево (*Карас*)⁴. Часть сызгинцев живет в долине р. Ай, на айлинских землях.

Башкиры рода Сарт (*Һарт*) жили в деревнях: Большое Султаново (*Оло-Султан*, второе название *Имангол*), Баязитово (*Баязит*), Сарт-Абдрашитово (*Әбдрәш*), Абелкино (*Әбел*), Мансурово, расположенных в настоящее время в южной части Сафакулевского района Курганской области⁵. Кроме того, сарты составляли часть населения дер. Абдулменево и Азналино⁶. В 1782 г. «служилых сарт» в «Челябинской округе» насчитывалось 491 человек⁷. Однако эта цифра не включает тех сартов, которые в ревизских списках числились башкирами.

Родовые подразделения сартов в дер. Сарт-Абдрашево: Эт кусюк (*Эт күсөк* — Щенок), Кызылбаш (*Кызыл баш* — Красная голова), Сергентактар (*Серге атыктар*), Акимбет (*Акимбет*), Можором; в дер. Большое Султаново: Кара-калпак (*Каракалпак*), Зангир (*Зәңгир*), Баубэк (*Баубәк*), Урта аймак —

Средний аймак, Хуыр (*Һыуыр*), Касим, Казак, Кашкалак (*Кошкалак*), Мохтар (*Мөхтәр*), Абдэл (*Әбдел*); в дер. Мансурово: Кувакан (*Кыуакан*), Алыстар (*Алыстар*), Мурзалар (*Мырзалар*), Себендэр (*Себәндәр*), Бухар (*Бохар*)¹.

Основная тамга сартов 8 или ∞ (*Һигезле* — восьмерка¹).

Сарты были вочинниками. Роду Сарт принадлежали огромные земельные просторы от озера Балсыты на северо-востоке до озера Буташ на юго-востоке. Согласно преданию, эти земли были пожалованы царем за службу Султану — старшине Сартской волости. Султан расселил на этих землях пятерых своих сыновей с их аймаками и, кроме того, пригласил башкир других родов — айлинцев, табынцев и т. д. Случилось это, по словам информаторов, лет 150 назад, т. е. в конце XVIII или в начале XIX вв. Это предание отражает, видимо, лишь факт юридического оформления сартами (получение жалованных грамот) изгавна занятых ими земель и совсем не объясняет появления рода Сарт в составе зауральских башкир. В литературе и в источниках существует ошибочный взгляд, отождествляющий сартов с бухарцами, появившимися в XVII в. в Западной Сибири. «Народ, называемый сарты, — говорится в одном из источников конца XVIII в., — название сие берет из бухарских купцов, которые в 80 лет вышли из Бухары в Башкирию и с ними приняли общую службу»². Но стоит обратиться лишь к численности бухарцев в XVIII в. в Западной Сибири, чтобы отказаться от этой версии происхождения рода Сарт. В Тобольском уезде в начале XVII в. было 240 бухарцев, а в конце того же столетия — 280³, в Тарском уезде в 1672 г. числилось около 200 бухарцев⁴. Следовательно, бухарцы в XVII в. в Западной Сибири были настолько малочисленны, что едва ли могли образовать многочисленный род, члены которого уже в начале XIX в. расселялись в семи деревнях в Зауралье и в шести деревнях в долине р. Ай, в пределах северо-восточной Башкирии. Уже Г. Ф. Миллер отметил это обстоятельство. «Приезд с Кучумом и Ахмет-Гиреем многих бухарцев, — пишет он, — как надо думать, положил начало поселению в Сибири этого народа. Но от этих при-

¹ Полевые записи 1959 г., $\frac{M-35}{K}$, стр. 43, 47.

² Там же, стр. 43.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 76, 80, 84.

⁵ Там же, стр. 4, 28, 91.

⁶ Там же.

⁷ ЦГАДА, разряд XVI, д. № 932, л. 100.

¹ Полевые записи 1959 г., $\frac{M-36}{K}$, стр. 4, 23, 28, 44;

Архивный фонд ИИЯЛ БФАН СССР. Материалы фольклорной экспедиции 1959 г. в Курганскую область, стр. 43.

² ИГАДА, разряд XVI, д. № 932, л. 100.

³ Б. О. Дьяков, Указ. соч., стр. 59.

⁴ Там же, стр. 53.

шельцев осталось очень мало потомков. Большинство бухарцев, живущих в городах Тобольске, Таре, Тюмени и Томске, рассказывают, что их предки переехали в Сибирь много позднее, только в русское время¹. Башкиры-сарты появились в Зауралье не позже начала XVII в. Следовательно, появление их в Зауралье связано с другими этническими процессами. В имеющихся материалах этническая история сартов тесно связана с происхождением айлинцев.

В преданиях айлинцев, живущих в Курганской области, рассказывается, что их предки, так же как предки челябинских айлинцев, кочевали в долине р. Ай и по ее притокам, в частности по р. Ургала. В XVI — начале XVII вв. айлинцы занимали на Урале обширную территорию: на севере их кочевья доходили до верховьев рр. Большая и Малая Ургала, на юге айлинцы были соседями табынцев в верховьях Яика. На севере Учалинского района БАССР и сейчас еще сохранилось несколько айлинских деревень².

Не только предания, но и многие другие данные подтверждают, что до переселения в Зауралье айлинцы кочевали на этой обширной территории. Согласно преданию, айлинцы дер. Монатау переселились с верховьев р. Миасс; деревня с аналогичным названием (на карте выпуска 1956 г. — Монатовка) расположена в настоящее время несколько южнее г. Миасса³. Абдельатып Яманаев (84-х лет) из дер. Аскарво рассказывал, что его прадед в молодости вместе с отцом Яйыкбаем несколько раз ездил верхом на Ургалу к оставшимся там родичам⁴.

Переселение айлинцев в Зауралье связано со строительством заводов и крепостей и изъятием, в связи с этим, у башкир огромных земельных просторов. Кусинский и Златоустовский заводы, например, были построены на айлинских землях⁵. Начало переселения айлинцев в Зауралье относится примерно к первой половине XVII в., когда башкиры стали покидать свои старые кочевья, стремясь в зауральские степи укрыться от активизирующейся колониальной политики царизма. 70-летний Абзелил Юмагулов из дер. Байдавлетово, ссылаясь на сохранившееся у него шежере, сообщил, что из долины р. Ай, из дер. Тугузлы, переселился сюда старик Зариф, до которого от

него, Абзелила Юмагулова, 9 поколений, т. е. примерно 300—320 лет⁶. Айлинцы поселились в Зауралье на землях табынцев. Однако продолжающееся в больших масштабах переселение башкир в Зауралье заметно ухудшило и без того тяжелое земельное положение айлинцев. С первой половины XVIII в. начинается отлив части айлинцев дальше на восток, в долину среднего течения р. Уй. Этот процесс продолжался, как мы видели на примере западной группы курганских айлинцев, вплоть до середины XIX в.

О происхождении айлинцев известно очень мало. Кроме башкир, племя Ай входит в состав киргизов (в отделение Сарт-Джору группы Адигине)⁷, казахов и туркмен⁸. Этнические айлинцы восходят, видимо, к огузам. В генеалогической структуре древних огузов, составленной по Рашид-ад-дину С. П. Толстовым, племена Яраз, Дукер, Тутурга и Яярлы объединяются в отделение Ай⁹ второго сына Огуза⁵. Об этнической связи башкирского рода Ай с огузами свидетельствует не только совпадение этнонимов, но и некоторые параллели, существующие между ним и туркменским родом Айы. Туркмены-нохурли подразделялись на два больших отдела: собственно нохурли и зертли. Отдел зертли, в свою очередь, разделяется на две группы, в каждой из которых было по четыре рода. Вторая группа состояла из родов Кази, Айы, Хивали и Чарых⁶. Интересно, что западными соседями айлинцев в северо-восточной Башкирии издавна были башкиры племени Кудей (Күзәй), в состав которого входил к тому же род Туркмен-Кудей (Төрөкмен-Күзәй)⁷. Башкирский род Ай, или Айле, подразделялся на два отдела: Кумлы (Комлы) и Алтмыш колак (Алтмыш колак, т. е. шестьдесят ушей)⁸. Туркменское племя Имрели подразделялось на отделы Кумлы и Даглы⁹. Приведенные этнонимические параллели дополняются преданиями и легендами самих айлинцев, в которых содержатся сведения о древних связях айлинцев с племенами Средней Азии.

До переселения на Урал айлинцы входили в состав Дешт-и-Кипчак, а затем и Золотой

¹ Полевые записи 1959 г., М-35, стр. 81 об. — 82.

² Я. Р. Винников, Указ. соч., стр. 150 (таблица).

³ Г. П. Васильева, Туркмены-нохурли, «Труды Института этнографии», т. XXI, М., 1954, стр. 91.

⁴ С. П. Толстов, Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен, «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 9—10, стр. 29.

⁵ Рашид-ад-дин, Указ. соч., т. I, кн. I, стр. 86.

⁶ Г. П. Васильева, Указ. соч., стр. 88.

⁷ Р. Кузеев, Очерки исторической этнографии башкир, стр. 55.

⁸ Башкирские шежере, стр. 168—170.

⁹ Г. П. Васильева, Указ. соч., стр. 98.

¹ Г. Ф. Миллер, Указ. соч., т. I, стр. 201.

² Архивный фонд ИИЯЛ БФАН СССР, Отчет диалектологической экспедиции за 1958 г.

³ Полевые записи 1959 г., М-36, стр. 46.

⁴ Там же, стр. 47.

⁵ П. Пялас, Указ. соч., ч. II, кн. I, стр. 114.

Орды. В Башкирию они перекочевали, видимо, в тот же период, что и табынцы. Можно даже предположить, что до прихода в Башкирию айлинцы в течение некоторого времени подчинились табынцам. Это нашло отражение в генеалогической схеме близкого к айлинцам рода Мурзалар (*Мырзалар*), согласно которой табынцы и айлинцы имели общего предка:

Эта схема, на наш взгляд, отражает не только сравнительно поздние политические связи между табынцами и айлинцами, но и этническую близость некоторых их родов. В свете этого предположения небезынтересно заметить, что род Дуван (*Дуван*) входит как в состав племени Табын, так и в объединение Ай, причем если в числе дуван-табынских родовых подразделений есть аймак Сарт, то в состав Дуван-айлинского рода входит аймак Табынды. Эта взаимная этническая смешанность айлинских и табынских родовых групп, а также бросаю-

щаяся в глаза близость тамг (○ ○) распространены среди родов Дуван, Мурзалар Айлинского объединения) ; могли быть результатом только длительных и давних этнических взаимосвязей. Не исключена возможность, что основная айлинская тамга ○ (полумесяц) и

табынско-дулатская тамга С (изображение солнца или луны) имеют одну исходную форму, связанную с древними космогоническими представлениями тюрков.

Таким образом, объединение Ай — одна из древних огузских родоплеменных групп, еще в конце первого тысячелетия н. э. имевшая связи с дулатским объединением. Этнокультурная близость Айлинского объединения с восточными табынцами подтверждается и языковыми материалами. Разговорный язык и тех и

других составляет айско-зицкий говор восточного диалекта башкирского языка¹.

Как и табынцы, айлинцы прикочевали на Урал не через Западную Башкирию, а с юга и юго-востока, по долине р. Яик и через Западную Сибирь. Эти пути известны были племенам Дешт-и-Кипчака издавна; многие племена, вошедшие позднее в состав узбеков, туркмен и башкир, кочевали, по данным Абул-Гази, летом «при вершине Яика, а зиму при устье Сыра (т. е. Сыр-Дарья.— *Ред.*)»². Табынцы и роды Айлинского объединения, прежде чем окончательно поселиться на Урале, в течение долгого времени прикочевывали сюда лишь на летнее время, перегоняя свой скот на зимнюю тебеневку в просторные степи Поволжья или Западной Сибири.

Башкиры-сарты переселились в Зауралье также с Урала. Еще в XVIII в. на восточных склонах Уральского хребта, вблизи бывшей айлинской территории, располагалась «Сартинская волость»³. Отсюда одна часть сартов переселилась на северо-восток, в долину р. Ай, где получила название сарт-айлинцев, другая — на восток, в Зауралье, где образовала Сартскую волость⁴. В Зауралье башкиры перекочевали примерно в середине XVIII в., что подтверждается генеалогией упомянутого выше Султана, правнук которого умер в 1959 г. в Троицке в возрасте 75 лет⁵.

О своем приходе в Башкирию сарты рассказывают следующее предание. В древности их предки жили в районе Бухары. Однажды один из биев бухарского хана потерял косяк лошадей во главе с рогатым жеребцом. В поисках пропавшего косяка этот бий вместе со своим родом попал на Урал, где и остался жить. Это были предки башкир. Вслед за ними из той же Бухары пришли и сарты, которые образовали здесь свой род. Другое предание рассказывает, что далекий предок сартов Делбахун (*Дэлбахун*) пришел из Хивы и что он из рода Туркмен⁶. Больше других распространено среди сартов предание, согласно которому они — потомки мусульманского вероучителя Саида, пришедшего сюда из Бухары проповедовать ислам в XIV в. Несмотря на различия, все предания связывают происхождение сартов со

¹ Дж. Г. Киекбаев, Башкирские диалекты и краткое введение в их историю, «Ученые записки БГУ», вып. III, Уфа, 1958, стр. 55—56.

² К. Л. Задыхина, Указ. соч., стр. 321.

³ П. Паллас, Указ. соч., ч. III, половина 2, 1788, стр. 18.

⁴ Полевые записи 1959 г., М 26/К, стр. 4, 15, 91.

⁵ Там же, стр. 13.

⁶ Там же, стр. 27.

¹ Башкирская шежере, стр. 166—167.

Средней Азии. Об этом же говорят и родовые подразделения Каракалпак и Кызылбаш в составе зауральских сартов.

Исторически башкиры-сарты были тесно связаны с айлыдцами. Об этом свидетельствует смежное их расселение, а также приход на Урал примерно в одно время. Этнически башкиры рода Сарт, по всей вероятности, связаны со среднеазиатскими сартами — узбеками или с их золотоордынскими предками. Древнюю родовую принадлежность сартов определить не удается. По определению К. Л. Задыкиной, сартами называют «узбекское население, не знающее и не имеющее родовых названий»¹.

Род Калмак не входит ни в одно из трех описанных выше объединений, хотя и тяготеет к Айлынецкому. Башкиры рода Калмак живут в Курганской области в дер. Калмак-Абдраши-тово (*Калмак-Әбдрәш*), Мурзабаево (*Мырзабай*), Шафиево (*Шафи*), Аптекаево (*Әптекай*), Арысланово (*Арыслан*) и в нескольких небольших деревушках. Кроме того, калмаки составляют половину сел. Абдульменево. Согласно «Ведомости о количестве башкирского и мишарского населения, составленной на основании данных ревизий», в 1782 г. в «Челябинской округе» было «аюкинских калмык» 362 человека². Однако эта цифра не соответствует действительному количеству калмыков в Башкирии, так как уже в первой половине XVIII в. они включались в число башкир. В «Ведомости, составленной в Оренбургской губернской канцелярии...» в 1770 г., говорится о количестве «башкирцев и под именем их состоящих калмык»³.

Родовые подразделения у калмыков немногочисленны: Катка (*Катка*), Кабай, Симкэ (*Симкэ*), Колак (*Колак*) и другие, причем родовые подразделения Катка, Симкэ есть почти во всех калмакских деревнях.

Родоплеменные группы калмак входят в состав казахов, киргизов и других народов, однако об их происхождении нет единого мнения. Если этнографы склонны считать, что калмаки происходят «от калмыков, отколовшихся от основной массы»⁴ этого народа и постепенно влившись в состав казахов, киргизов или башкир, то некоторые языковеды различают этнонимы «калмык» и «калмак» (*калмак* от *калыу* — отставать, оставаться), причем калмаков относят к «исконным тюркам как по языку, так и по другим признакам»⁵.

Башкиры-калмаки считают своим родона-

чальником Буранягарака, который пришел с Иртыша и остался здесь. Речь, очевидно, идет о калмыках, появившихся в Западной Сибири в начале XVII в. Это подтверждается как полевыми материалами, так и архивными источниками. От башкир-сартов, айлынецов и табынцев Сафакулевского района часто можно услышать, что калмаки еще при жизни их дедов были шаманистами, не исповедывали мусульманскую религию. Даже в XIX в. их нередко называли кяфер-калмак (*кяфер* — неверный)⁶. В «Ведомости о количестве башкирского и мишарского населения...», составленной в 1872 г., говорится, что «калмыки, называемые аюкинскими, свое ведут наименование от хана Аюка, который прежде кочевал между Уралом и Волгой, и показующиеся в ведомости аюкинцы отошли в Башкирию с 80 лет и приняли закон магометанский со исправлением вообще башкирской службы»⁷.

Таким образом, башкиры-калмаки — потомки отколовшихся от калмыков небольших групп, этнически сильно смешавшихся с башкирами. Они приняли мусульманство и перешли на службу Русскому государству. Не случайно, что именно в Зауралье образовался род Калмак. Уже в 1606 г. в верховьях Тобола показались калмыки⁸, а в последующие годы они не раз разорали башкирские кочевья, доходя до Исети и даже до Пышмы⁹. В 1621 г. калмыцкий тайша нанес сильное поражение башкирам Уфимского уезда; в 1629 и в 1633 гг. калмаки нападали на Катайскую влость¹⁰. Взаимные набеги калмыков и башкир, которые сопровождались угоном скота, захватом пленных, продолжались вплоть до конца XVII — начала XVIII вв.¹¹ Естественно, что в ходе этих событий в Башкирском Зауралье осталась небольшая группа калмыков, которая и положила начало новому роду.

Род Калмак почти до середины XVIII в. не имел своих вотчинных земель. Калмаки кочевали в основном на сартских землях, в связи с чем в некоторых источниках они известны под названием сарт-калмаков¹². Согласно местным преданиям, сарты поселили калмаков на своих землях за помощь, которую якобы они оказали сартам в борьбе против казахов за эти зем-

¹ Полевые записи 1979 г., М-35/К, стр. 58.

² ЦГАДА, разряд XVI, д. 932, л. 100.

³ Г. Ф. Миллер, Указ. соч., т. II, стр. 29—30.

⁴ Там же, стр. 19—30.

⁵ Там же, стр. 99, 105.

⁶ Очерки по истории Башкирской АССР, т. I, часть первая, стр. 99; Б. О. Долгих, Указ. соч., стр. 49; Материалы по истории русско-монгольских отношений, М., 1959, стр. 118.

⁷ С. И. Руденко, Указ. соч., стр. 57.

¹ К. Л. Задыкина, Указ. соч., стр. 384.

² ЦГАДА, разряд XVI, д. 932, л. 100.

³ Там же, д. 316, лл. 27—29 об.

⁴ Я. Р. Виноков, Указ. соч., стр. 143.

⁵ С. А. Аманжолов, Указ. соч., стр. 53.

Таблица III. Праздничный наряд
молодой женщины. Дер. Куйсан, Са-
факулевский район Курганской
области.

ли. Но после войны 1812 г., в которой калмаки участвовали наряду с другими башкирскими родами, они получили «за службу» грамоты на вотчинное владение занятыми землями. Однако исторически сложившиеся связи с сартами они сохранили, поэтому род Калмак мы условно относим к объединению Айле.

Изучение родоплеменного состава зауральских башкир позволяет отметить ряд следующих общих моментов.

Массовое заселение Зауралья башкирскими родами началось не ранее второй половины XVI в. Кроме приведенных фактов, это подтверждается прямыми указаниями источников. Во времена Кучума башкиры, по словам Г. Ф. Миллера, «еще не жили в пределах Сибири, но, как и большая часть этого народа в настоящее время, имели свое местопребывание по ту сторону Урала, в пределах Уфимского уезда»¹. В преданиях самих башкир переселение их предков в Зауралье неизменно связывается с приходом русских, т. е. не ранее, чем со второй половины XVI в. В прямой связи с этим находится и то обстоятельство, что башкиры начинают упоминаться в составе войск Кучумовичей лишь с конца XVI в.², так как, по словам того же Г. Ф. Миллера, «башкиры никогда не принадлежали к коренным жителям Тюменского уезда»³.

До переселения в Зауралье башкиры «жили за Каменем в Уфимском уезде, по Белой и по Аю, и по Уфе рекам и в иных тамошних местах»⁴. Исключение составляет, может быть, лишь род Калмак, ядро которого сложилось из групп калмыков, отколовшихся в начале XVII в. от основной массы народа.

Движение в Зауралье шло, в основном, двумя путями. Если роды, входящие в Китайское объединение, продвигались с севера и северо-запада, то родоплеменные группы Табынского объединения шли с юга и юго-запада. Айлинские роды, переселившиеся в Зауралье позднее, стали северными соседями табынцев, т. е., перекочевывая в Зауралье, двигались прямо на восток.

В преданиях салютов, катаяцев есть интересные упоминания, подтверждающие наши предположения. В одном из них рассказывается, что катаяцы пришли с горы Сары (*Һары тау яғынан*), которая якобы расположена на берегу Волги. Двигаясь на север, они дошли до Персиковой земли, а оттуда через р. Манзелгу

перекочевали в Зауралье¹. Салюты рассказывают, что до переселения на эти земли они долгое время жили в долине р. Сисерт, правом притоке Исети². Еще в XVIII в. глубоко в горах, в районе озера Иткуль и севернее, немало было башкирских кочевий³, оставшихся, видимо, со времен массового переселения.

Особенности материальной культуры зауральских башкир⁴ также подтверждают высказанную выше мысль о направлении их продвижения в Зауралье: чем севернее (т. е. ближе к родам Китайского объединения), тем в комплексе материальной культуры больше элементов, сближающих ее носителей с северо-восточными башкирами, и наоборот, двигаясь к югу, можно встретить многие черты культуры юго-восточной Башкирии, в частности башкир Учалинского и севера Абзелиловского районов: Территория Курганской области была заселена позднее выходцами из всех трех описанных выше объединений, хотя в Альменевском районе больше катаяцев, а в Сафакулевском — айлинцев и табынцев.

Этническая история зауральских башкир чрезвычайно сложна. Истоки их происхождения ведут к тюркоязычным и в меньшей степени к монголоязычным племенам Алтая и Южной Сибири второй половины I тысячелетия н. э. Однако до прихода в Восточную Европу племени, участвовавшие в этногенезе башкир, претерпели сложные метаморфозы, которые наложили отпечаток на их этнический облик. Поэтому в материальной и духовной культуре зауральских башкир наряду с элементами, которые по происхождению восходят к алтайской и южносибирской этническим областям, немало черт, сближающих их, с одной стороны, с тюркоязычными народами Средней Азии и Казахстана, с другой — со средневековыми племенами и современными народами Поволжья.

С переселением в Зауралье башкирские родоплеменные группы вступили в новую полосу своей этнической истории, связанную с установлением и развитием этнических контактов с сибирскими татарами, ногайцами, калмыками, казахами, что нашло то или иное отражение в их языке и культуре.

Вплоть до начала XVII в. ногайские кочевья доходили до верховьев Яика и долины Уя. Ногайские феодалы систематически организовывали набеги на башкирские кочевья,

¹ Полевые записи 1959 г., М-35, стр. 44—44 об.

² Там же, стр. 48.

³ П. Паллас, Указ. соч., ч. II, кн. I, стр. 170, 173.

⁴ См. разделы «Поселения и жилища», «Одежда и украшения» в настоящем сборнике.

¹ Г. Ф. Миллер, Указ. соч., т. I, стр. 198.

² Там же, стр. 224, 235.

³ Там же, т. II, стр. 12.

⁴ Материалы, ч. I, стр. 88.

расположенные по р. Миассу и даже по Исети и Пышме, угоняя скот и пленных¹. В начале XVII в. на смену ушедшим на юг, к Астрахани, ногайцам пришли калмыки, взаимные набеги и борьба которых с башкирами продолжались не одно десятилетие. Еще более длительными были связи башкир с сибирскими татарами, местопребыванием которых «служила преимущественно обширная степь в верховьях рек Ишима, Иртыша и Тобола»². Однако сибирские татары часто выходили за пределы этой территории и «доходили и до Яика и даже до Уфимского уезда». Общение с этими народами, так же как и соседство с казахами, наложило определенный отпечаток на этнический облик башкир, хотя, конечно, переоценивать влияние этих народов не следует. Не надо забывать, что зауральские роды вступили в этнический контакт с этими народами в тот момент, когда башкиры уже сформировались как народность и их язык и культура приобрели определенную устойчивость. К тому же зауральские башкиры никогда не прерывали связей с основной массой народа. Более того, время от времени часть за-

уральских башкир, в силу тех или иных причин, перекочевывала обратно «за Камень, в Уфимский уезд на прежние свои жилища»³. Те мелкие группы калмыков, ногайцев, сибирских татар и казахов, которые осели на территории зауральских башкир, постепенно ассимилировались в составе тех или иных родов или племен, восприняв их язык и культуру.

Огромное значение для развития хозяйства и культуры зауральских башкир имело заселение края русскими, приток которых начался сразу же после присоединения к Русскому государству. В XVII и особенно в XVIII в. этот приток продолжался как в форме государственной колонизации (заселение крепостей, городов, заводов), так и побегов крепостного и тяглого населения в Зауралье. Тесное общение с русским крестьянством, а позднее и совместные выступления в социальных движениях XVIII, тем более XIX в., благотворно сказались на развитии экономики башкир, способствовали окончательному распаду патриархально-родового уклада, росту классового самосознания и политической активности трудящихся башкир.

ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ

Вплоть до Октябрьской революции в общественной жизни зауральских башкир заметную роль играли пережитки патриархально-родового уклада, сохранению и консервации которых способствовала структура хозяйства. Даже во второй половине XIX в. башкирское население Зауралья, наряду с земледелием, работой на горнозаводских предприятиях и лесных промыслах на Урале, продолжало заниматься полукочевым скотоводством. Живучесть полукочевого быта была взаимообусловлена особенностями земельных отношений в Восточной Башкирии, на краткой характеристике которых мы остановимся ниже.

В период переселения и вплоть до начала XVIII в. скотоводство было главным, а у некоторых родов зауральских башкир — единственным занятием. Правда, до середины XVIII в. большое место в хозяйстве башкир занимала охота, одно из древнейших занятий кочевников. Известно, что башкирские роды после присоединения к России выплывали ясак в царскую казну куницами, бобрами, лисицами, которые они добывали в богатых пушными зверями уральских лесах. Зауральские башкиры ходили, кроме того, на охоту «до Тобола и

Ишима», откуда возвращались «с богатой добычей, состоящей в корсаках, лисицах, волках, бобрах и выдрах»⁴. Однако уже с середины XVIII в. состояние охотничьего хозяйства в Зауралье было, по выражению П. Палласа, «неважно»⁵, так как, с одной стороны, охотничьи угодья на Урале истощились или отошли к заводам, а с другой, — опасаясь столкновений с казахами, башкиры прекратили охоту на Тоболе, Ишме и Уе⁶. Постепенно охота в хозяйстве башкир утратила свое значение, став подсобным занятием.

Зауралье с его многочисленными рыбными озерами было чрезвычайно благоприятным районом для развития рыболовства. Однако отсутствие традиций, специфика полукочевого быта препятствовали развитию этой отрасли хозяйства. Кунгурский бургомистр Юхнев, побывавший в зауральских волостях в 1725 г., отметил, что «озера башкиры отдают на корм русским»⁷. Правда, рыболовство все же получило определенное развитие среди зауральских башкир, но и в XIX в. оно играло подсобную

¹ Материалы, ч. I, стр. 88; Материалы по истории русско-монгольских отношений, стр. 118.

² П. Паллас, Указ. соч., ч. II, стр. 14.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Материалы, т. III, стр. 466.

¹ Г. Ф. Мидлер, Указ. соч., т. I, стр. 191; т. II, стр. 28, 31, 33.

² Там же, т. II, стр. 26.

роль. Еще меньшее значение в Зауралье имело пчеловодство. Табунцы, живущие в лесных районах, были знакомы с бортничеством, башкиры же, расселявшиеся преимущественно в степных районах, пасечным пчеловодством стали заниматься, и то в небольших масштабах, лишь во второй половине XIX в. В XVIII в., как отметил П. Паллас, башкиры «Исецкой провинции» были «не прилежны к разведению пчел»¹. Таким образом, и в XVIII в., а в ряде мест и позднее, скотоводство оставалось основным занятием зауральского башкирского населения при подсобной роли охоты, рыболовства и особенно отхожих промыслов, получивших развитие в местах, близких к горным заводам.

Скотоводство у зауральских башкир было полукочевым. Башкиры в деревнях «живут только зимой», — пишет Юхнев, — а летом кочат в степи в разных местах»². В XIX в. способы кочевания у зауральских башкир не изменились. Башкиры Екатеринбургского и Шадринского уездов, отмечает Н. Попов, «обитают в деревнях лишь зимою»³. Ранней весной, как сообщают многие информаторы, первого мая по старому стилю, башкиры со всем скотом и скарбом покидали деревню. Обрато они возвращались лишь поздней осенью, когда выпадал первый снег. За лето три-четыре, а иногда и пять-шесть раз меняли места кочевки. Первая кочевка располагалась сравнительно недалеко от деревни. Здесь отоцавший за зиму скот отдыхал, набирался сил для дальних переходов. На первой кочевке находились около двух недель, после чего скот перегонялся на свежие пастбища. Дальние кочевки отстояли от деревни на 40—70, а иногда на 100 и более километров. «Башкирцы Екатеринбургского уезда», — пишет Н. Попов, — выезжают весной из юрт своих дольки кочевки в Уральские горы на 40 и 70 верст расстояния от своего жилища»⁴. Со второй половины лета, с приближением осени, постепенно переходили к более близким от деревни пастбищам. Последняя кочевка находилась в нескольких километрах от деревни, а то и прямо на прилегающих к ней лугах. С первыми заморозками башкиры переселялись из юрт, аласыков, шалашей в бревенчатые дома.

Башкиры, живущие сейчас в Аргаяшском и Кунашакском районах Челябинской области, перегоняли скот на лето в горы. «Для паствы своих стад», — пишет П. Паллас, — [башкиры]

избирают летом по большей части горы и около оных лежащие места»¹. Курганские башкиры кочевали летом в степях в долине Уя, но в XVIII и даже в начале XIX в. некоторые деревни также перегоняли скот в горы. Система кочевки, при которой скот на лето перегонялся в горы, а на зиму — в степи, имела место и в юго-восточном Зауралье, а также в южной Башкирии. По всей вероятности, она возникла несколько столетий назад, когда тюркоязычные скотоводческие племена, кочевавшие в засушливом Поволжье, на лето перегоняли скот на горные пастбища Южного Урала. Более того, с этим способом кочевания связано, видимо, оседание на Урале и в прилегающих долинах многих родоплеменных групп, которые участвовали в этногенезе башкир. Первоначально Южноуральские горы были для этих племен лишь местом летних кочевков; на долгие зимние месяцы они перегоняли свои стада на тебеневку в южные степи, где снега были не так глубоки и зима не столь сурова, как на Урале. События, которые привели к коренному изменению политической обстановки на обширной территории между Волгой и Янком, в XIII—XIV вв. и позднее заставили родоплеменные группы кочевников одну за другой навсегда остаться на Урале и в Приуралье. Однако столетия мало изменили установившуюся систему кочевания. Если живущие в лесах буряне перегоняли часть скота на зимний период в степи на тебеневку, то степные башкиры с наступлением весны перекочевывали в горы. В зимнее время «большие стада лошадей и протчего стада» зауральских башкир «ходят в степи без сена и очень от голоду худы, понеже питаются всю зиму травой сухой, выкапывая копытом из-под снега»².

Полукочевое скотоводство, как одна из форм хозяйства, просуществовало в Зауральской Башкирии вплоть до начала XX в. В Курганской области кочевки прекратились лишь в конце 20-х годов. В ряде мест Челябинской области башкиры перестали кочевать также после Октябрьской революции. Необходимо, однако, подчеркнуть, что в течение XVIII и особенно XIX вв. в ведении полукочевского скотоводства произошли большие изменения, обусловленные общим ходом хозяйственного развития Зауралья. Почти во всех районах эта форма хозяйства стала сочетаться с земледелием, что в свою очередь изменило сроки кочевания и степень отдаленности его от деревень. На кочевки стали выезжать позднее, после завершения сева. Дальние кочевки прекрати-

¹ П. Паллас, Указ. соч., ч. II, кн. I, стр. 127

² Материалы, т. III, стр. 486.

³ Н. Попов, Указ. соч., стр. 13.

⁴ Там же, стр. 16.

¹ П. Паллас, Указ. соч., ч. II, кн. I, стр. 3.

² Материалы, т. III, стр. 486.

лись; с одной стороны, это было обусловлено отсутствием пастбищ, с другой — тем, что к периоду жатвы башкиры должны были вернуться к своим посевам. Выезды на кочевки стали преследовать новую хозяйственную цель: на кочевках заготавливали сено на зиму. Эту новую особенность в кочеваниях башкир уже в начале XIX в. зафиксировал Н. Попов: «в июле [башкиры] откочевывают к своим жилищам, дабы поставить сено и снять поспевший хлеб»¹. Зимняя тебеневка скота хотя и продолжалась, но далеко не в тех масштабах, как прежде. Наконец, резко сократилось число кочующих башкир. В начале XX в. полукочевое скотоводство сохранилось в значительной степени в силу традиций, оно уже не было хозяйственной необходимостью.

Несмотря на то, что удельный вес полукочевого скотоводства в хозяйстве зауральских башкир в конце XIX в. был сравнительно незначителен, его влияние прослеживается буквально на всех сторонах быта и культуры. Даже в оседлом в целом хозяйстве башкир сказывались недавние традиции: скот долгое время продолжал зимовать на улице, кроме коров и молодняка, для которых сооружалась крытая изгородь (*кэртэ*), напоминающая загоны на кочевках.

Разводили зауральские башкиры главным образом лошадей, которые обеспечивали многие потребности кочевников. Башкиры на сибирской стороне Урала, по словам Юхнева, «хлеба не едят, но только лошадиное мясо, а пьют кумис, которое питство сделано из лошадиного молока»². Конская шкура шла на изготовление всякого рода кожаной посуды, пошив обуви и даже верхней одежды. Для перевозки домашнего скарба во время кочевок держали в небольшом количестве верблюдов. «У шадринских башкир, — замечает Н. Попов, — в отличие от других башкир есть верблюды, хотя их не много»³. Кроме того, в состав стада зауральских кочевников входили коровы и овцы, но их, особенно последних, до сравнения с лошадьми было немного. «Овец же иметь много, — пишет П. Паллас о восточных башкирах, — они вовсе не привыкли»⁴. Такой состав стада у башкир был, видимо, традиционным и сложился в силу особенностей ведения кочевого хозяйства. Зимнюю тебеневку коровы и особенно овцы переносили с трудом; даже при легком джуге сотни и тысячи голов скота гибли. Некоторое увеличение количества коров в хозяйстве башкир было, вероятно, обусловлено

появлением и развитием сенокосения, заготовкой других видов кормов на зимний период.

Количество скота в хозяйстве зауральских башкир было различно. Н. Попов приводит следующие сведения о распределении скота в начале XIX в. между различными социальными группами башкир Шадринского уезда:

«достаточные имеют рогатого	скота от 50 до 100
средние	от 20 до 40
бедные	от 5 до 15
достаточные имеют лошадей	от 300 до 400
средние	от 100 до 200
бедные	от 10 до 20» ¹ .

В хозяйствах, которые занимались исключительно скотоводством и не имели, как это действительно и было, других источников существования, 10—20 лошадей и несколько голов малопродуктивных коров еле-еле обеспечивали полуголодное существование. В годы джуга или глубоких снегов многие семьи вообще оставались без всяких средств существования. Но социальная дифференциация среди зауральских башкир была более резкая, чем это показано Н. Поповым. Стада некоторых богатеев, обычно вольстных старшин, насчитывали «от 2 до 4 тысяч голов»². Многие старики и сейчас еще хорошо помнят, что нередко бай, особенно в Курганской области, имели 500, 1000 и более голов лошадей. У бая Шигая, например, из дер. Султаново (в настоящее время Сафакулевский район Курганской области) было около 700 лошадей³. Старшина Калмакский волости Давлетбай имел 7 или 8 табунов лошадей, примерно по 400 голов в каждом. По рассказам стариков, он не знал точного количества принадлежащего ему скота⁴. С другой стороны, в конце XIX в. быстро росло число бесскотных хозяйств. Башкиры, не имеющие скота, часто батрачили в хозяйствах богачей в качестве саушиксив или на каких-либо других аналогичных условиях.

Резкая дифференциация во владении скотом соответствовала неравенству в пользовании общинными землями. Патриархально-родовые традиции, сохранившиеся в общественной жизни башкир в XVIII и даже в XIX в., маскировали те острые классовые отношения, которые в действительности имели место в зауральских волостях.

С присоединением к Русскому государству башкирские роды (или волости) получили цар-

¹ Н. Попов, Указ. соч., стр. 16—17.

² П. Паллас, Указ. соч., ч. II, кн. I, стр. 96.

³ Полевые записи 1959 г., № 36, стр. 20.

⁴ Там же, стр. 12—13.

¹ Н. Попов, Указ. соч., стр. 16.

² Материалы, т. III, стр. 486.

³ Н. Попов, Указ. соч., стр. 17.

⁴ П. Паллас, Указ. соч., кн. II, ч. II, стр. 98.

ские жалованные грамоты на владение определенными земельными вотчинами. Обычно в обширное владение членов рода закреплялись территории, которые издавна были заняты данным родом. Зауральские башкирские роды получили жалованные грамоты позднее, в начале и середине XVII в., а некоторые роды — даже в первой половине XVIII в. При всех земельных спорах, когда нужно было обосновать право данной группы башкир на определенные земли, они ссылались на жалованные грамоты. Башкиры Салютской волости, например, подали в 1762 г. прошение на заводчика Турчанинова, захватившего большую часть салютских земель, которыми, по словам авторов прошения, «напредь сего деды наши, отцы их по жалованным грамотам довольствовались...»¹. Согласно грамотам, башкиры владели «жалованными» землями «со всею своею волостью», т. е. на равных началах. «...Все башкирцы с женами и с детьми,— говорится в упомянутом прошении,— пропитание имели от тех наших вотчин»². Пределы родовых вотчин определялись довольно точно; на границах земель ставились межевые знаки. Обычно это были ямы глубиной до 2 м, которые заполнялись углем или битым стеклом³. В 1906 г. при межевании сартских и калмакских земель границы родовых территорий восстанавливались по таким же межевым знакам, сделанным еще в XVIII в.⁴

Уже в XVII в., а возможно и раньше, общеродовая собственность на земли была юридической фикцией, прикрывающей быстро развивающийся процесс дробления общих вотчин между деревнями или группой деревень. Однако этот процесс тормозился, с одной стороны, башкирскими феодалами, заинтересованными в сохранении видимости общей земельной собственности, с другой — царской администрацией, которая стремилась сохранить волости как податные единицы. Башкирские богатеи, по воспоминаниям пожилых башкир, обосновывали существующий порядок традицией: «надо жить так,— говорили они,— как наши деды»⁵. При частной собственности на скот земель больше пользовался тот, кто имел много скота. Это вполне объясняет заинтересованность феодальной верхушки в сохранении юридических норм общеродовой собственности на землю. В то время, например, как у старшины

Давлетбая из дер. Султаново на пастбищах паслись тысячи голов скота⁶; многие бескотные башкирские хозяйства уже в начале XIX в. вовсе не выходили на кочевки⁷.

Патриархально-родовые традиции в общественной жизни зауральских башкир тормозили, но не могли, однако, задержать начавшийся уже в XVII в. процесс дробления родовых вотчин. Развитие производительных сил, особенно рост сельскохозяйственного хозяйства, значительное уменьшение земельных вотчин башкир в связи с изъятием тысяч десятин земли под заводы, крепости и т. д. разрушали сложившуюся систему. Формально общеродовая (общеродовая) собственность сохранилась, но фактически земли делились между деревнями. Уже в середине XIX в. дальние кочевки почти прекратились: летовки располагались теперь в 10—15 км от деревни⁸. С начала XIX в. разделение земель между деревнями постепенно закрепляется и юридически раздельными грамотами или актами межевых комиссий.

Башкирская деревня в XIX в. представляла собой территориальную общину, в которой, наряду с сохранением общей собственности на часть угодий (пастбищные, лесные и др.), происходил раздел (по количеству душ) пахотной земли и сенокосов. Особенностью сельской общины у башкир в XIX в. было сочетание в ней формирующихся классовых отношений с пережитками патриархально-родового уклада, которые еще долго играли заметную роль в общественной жизни башкир.

Одним из основных институтов патриархально-родового уклада восточных башкир были родовые подразделения. Эти подразделения представляли собой кочевые группы, состоящие из нескольких родственных семей. Наличие кочевых групп у башкир зафиксировали еще исследователи и путешественники XVIII—XIX вв. С выходом на летние пастбища, пишет Н. Попов, башкиры «располагают свои коши при речках и ставят в одном месте от 5 до 20 юрт»⁹. И. Лепехин обратил внимание на родственный характер групп. «В летней кочевке,— пишет он,— по большей части разделяются на семьи, так что кочевку составляют родственники»¹⁰. Когда-то группа родственных семей составляла у башкир не только летнюю, но и зимнюю кочевку. До образования постоянных зимних поселений (в северо-восточной

¹ ЦГАДА, Берг-Коллегия, д. 1215, лл. 564—565.

² Там же.

³ Полевые записи 1959 г., $\frac{M-36}{K}$, стр. 14 об., 15.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

¹ Полевые записи 1959 г., $\frac{M-36}{K}$, стр. 13.

² Там же, стр. 63.

³ Полевые записи 1959 г., $\frac{M-35}{K}$, стр. 51 об., 63.

⁴ Н. Попов, Указ. соч., стр. 14.

⁵ И. Лепехин, Указ. соч., т. II, стр. 53.

(табынцы)¹. В дер. Метелево аймаки Бухар и Ажак расселены двумя группами: выделившиеся из разросшихся аймаков семейно-родственные группы образовали новую улицу на другом конце села.

Каждое родовое подразделение хоронило умерших на своем кладбище. Пережитки этой традиции сохранялись до недавнего времени. В дер. Куйсаново, например, пять аймаков и три кладбища: одно кладбище для аймаков Тупей и Бутис, другое — для аймака Урюк и третье — для аймака Калмак. На третьем кладбище, но несколько в стороне, хоронят умерших и башкиры аймака Туктагул². Все

Члены аймака были, кроме того, связаны между собой традицией взаимопомощи, а также другими религиозными и социальными правами и обязанностями, вытекающими из факта их принадлежности к одному родственному коллективу. Еще сравнительно недавно члены аймака сообща несли расходы в случае женитьбы одного из членов, особенно расходы, связанные с приемом гостей — родственников жениха или невесты. Несколькими столетиями назад общность экономических интересов членов аймака была, видимо, гораздо теснее. Об этом свидетельствуют совершенно одинаковые начертания тамг — знаков собственности. Например,

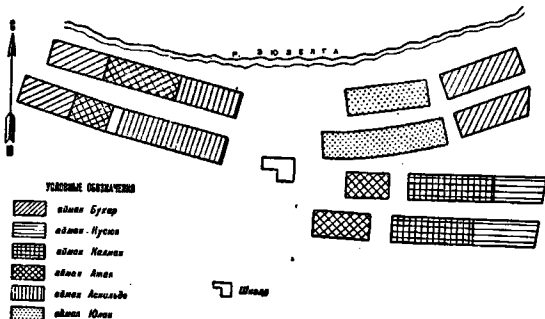

Рис. 2. План дер. Метелево Аргаяшского района Челябинской области.

три кладбища отстоят друг от друга на значительном расстоянии. Позднее в большинстве деревень все аймаки стали хоронить умерших на одном кладбище, однако и здесь, подобно расселению родовых подразделений в деревнях, территория кладбища разделялась соответственно количеству аймаков на несколько частей. Каждый аймак хоронил умерших членов своей группы в отведенной ему части кладбища. Во многих зауральских деревнях этот обычай сохранился в той или иной степени до наших дней. Большое кладбище сел. Метелево разделено на шесть участков: в юго-западном конце кладбища хоронят членов аймака Бухар, к северо-востоку последовательно расположены участки аймаков: Ажак, Юлак, Кусюк, Ажилде и Калмак³.

тамга всех членов аймака Сытый и отделившись от него аймака Сунай Т — балга¹. Об этом же говорит и тот факт, что нередко в деревнях члены аймака пользовались, по воспоминаниям стариков, одной общей глинобитной печью. Косвенное упоминание об этом есть и у Н. Попова. «В каждой небольшой деревне, — пишет он, — имеют по одной, а в больших по 2 битые из глины печи, на дворе ничем не покрытые»².

Большое значение аймаков в общественных отношениях определялось в значительной степени тем, что в течение длительного времени, местами до конца XIX в., сохранялся обычай совместного выхода на летние кочевки. Пастбища, выгоны, которые находились в общем владении рода, или, позднее, деревни, по традиции распределялись между аймаками. Например, аймак Каракалпак (дер. Султаново

¹ Полевые записи 1959 г., $\frac{M-35}{K}$, стр. 21—22,

52—54, 60, 75.

² Там же, стр. 62.

³ Там же, стр. 73.

¹ Полевые записи 1959 г., $\frac{M-35}{K}$, стр. 53.

² Н. Попов, Указ. соч., стр. 7.

(таблицы)¹. В дер. Метелево аймаки Бухар и Ажак расселены двумя группами: выделившиеся из разросшихся аймаков семейно-родственные группы образовали новую улицу на другом конце села.

Каждое родовое подразделение хоронило умерших на своем кладбище. Пережитки этой традиции сохранялись до недавнего времени. В дер. Куйсаново, например, пять аймаков и три кладбища: одно кладбище для аймаков Тупей и Бутис, другое — для аймака Урюк и третье — для аймака Калмак. На третьем кладбище, но несколько в стороне, хоронят умерших и башкиры аймака Туктагул². Все

Члены аймака были, кроме того, связаны между собой традицией взаимопомощи, а также другими религиозными и социальными правами и обязанностями, вытекающими из факта их принадлежности к одному родственному коллективу. Еще сравнительно недавно члены аймака сообща несли расходы в случае женитьбы одного из членов, особенно расходы, связанные с приемом гостей — родственников жениха или невесты. Несколько столетий назад общность экономических интересов членов аймака была, видимо, гораздо теснее. Об этом свидетельствуют совершенно одинаковые начертания тамг — знаков собственности. Например,

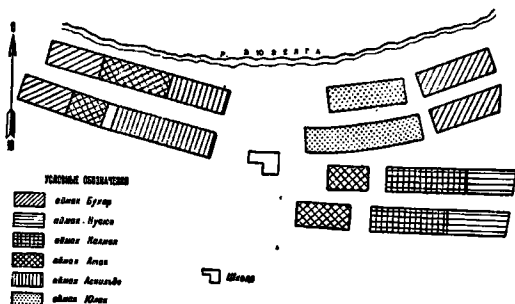

Рис. 2. План дер. Метелево Аргаяшского района Челябинской области.

три кладбища отстоят друг от друга на значительном расстоянии. Позднее в большинстве деревень все аймаки стали хоронить умерших на одном кладбище, однако и здесь, подобно расселению родовых подразделений в деревнях, территории кладбища разделялась соответственно количеству аймаков на несколько частей. Каждый аймак хоронил умерших членов своей группы в отведенной ему части кладбища. Во многих зауральских деревнях этот обычай сохранился в той или иной степени до наших дней. Большое кладбище сел. Метелево разделено на шесть участков: в юго-западном конце кладбища хоронят членов аймака Бухар, к северо-востоку последовательно расположены участки аймаков: Ажак, Юлак, Кусюк, Ажильде и Калмак³.

тамга всех членов аймака Сытый и отделившегося от него аймака Супай Т — балга¹. Об этом же говорит и тот факт, что нередко в деревнях члены аймака пользовались, по воспоминаниям стариков, одной общей глинобитной печью. Косвенное упоминание об этом есть и у Н. Попова. «В каждой небольшой деревне, — пишет он, — имеют по одной, а в больших по 2 битые из глины печи, на дворе ничем не покрытые»².

Большое значение аймаков в общественных отношениях определялось в значительной степени тем, что в течение длительного времени, местами до конца XIX в., сохранялся обычай совместного выхода на летние кочевки. Пастбища, выгоны, которые находились в общем владении рода, или, позднее, деревни, по традиции распределялись между аймаками. Например, аймак Каракалпак (дер. Султанов

¹ Полевые записки 1959 г., $\frac{M-35}{K}$, стр. 21—22,

52—54, 60, 75.

² Там же, стр. 62.

³ Там же, стр. 73.

¹ Полевые записки 1959 г., $\frac{M-35}{K}$, стр. 53.

² Н. Попов, Указ. соч., стр. 7.

Сафакулевского района Курганской области) из года в год кочевал на берегу озера Сытырман, аймак Казах — на озере Мукюн (Мокон), на другой стороне которого были кочевья аймака Баубэк. Аймак Энгир той же деревни кочевал на берегу озера Ямгырсы, а отделившаяся часть аймака Баубэк — на озере Карабика и т. д.¹ Порядок распределения кочевий между аймаками складывался постепенно, а раз сложившись, редко нарушался.

Однако именно эта патриархально-родовая традиция кочевания по аймакам привела в конечном счете к фактическому перераспределению земли, к неравенству в ее владении. Выше мы упоминали, что в башкирском обществе существовала резкая дифференциация размеров собственности на скот. В условиях патриархально-феодалных отношений, где взаимные набеги, сопровождавшиеся угоню скота, а также узурпация родоплеменными старейшинами собственности подвластных были обычным явлением; в руках отдельных лиц в короткое время могли сосредоточиться тысячи голов скота. Для содержания этого скота его владельцы образовывали из бедняков пастбищно-кочевые группы, которые имели видимость родовых подразделений.²

Некоторые феодалы имели до 10 и более зависимых от них пастбищно-кочевых групп, за которыми, как и за обычными родовыми подразделениями, закреплялись определенные пастбища. Эти пастбищно-кочевые группы так же быстро распадались, как и появлялись: их существование зависело от наличия скота в хозяйстве того или иного феодала. Башкирские феодалы раздавали скот на выпас зависимым сородичам; в этом случае родовое подразделение сохранялось, но его стадо состояло уже из скота бая. Аймак продолжал кочевать на своих традиционных кочевьях со скотом феодала. Феодалная верхушка башкирского общества устанавливала и в этом и в другом случае фактическую собственность на огромные земельные владения, которыми она распоряжалась в силу существования патриархально-родовых традиций.

Однако даже при существующей системе характер земельных отношений постепенно менялся. Появление пастбищно-кочевых групп само по себе означало дальнейшее разложение родовых и укрепление территориальных связей. Во второй половине XIX в. выход на кочевку аймаком постепенно становится редкостью.

Башкиры одной деревни, имеющие скот, независимо от принадлежности к аймакам, объединяются для выхода на кочевку в одну пастбищно-кочевую группу. Таким образом, развитие производительных сил окончательно разрушает былые родовые связи. Экономическая необходимость заставляла башкир покидать своих родичей, оставлять обжитые места, присоединяться к другим аймакам, а иногда и бороться против своего рода. Появление собственности беспощадно разрушало родоплеменные традиции.

Развитие земледельческого хозяйства среди зауральских башкир нанесло последний удар исчезающим традициям патриархально-родового уклада. Зауральские башкиры познакомились с земледелием не ранее начала XVII в., когда они впервые близко соприкоснулись с русским земледельческим населением, заселившим крепостные и заводские поселения Урала и Зауралья. Однако вплоть до конца XIX в. земледельческое хозяйство в различных башкирских районах Зауралья развивалось неравномерно. В волостях, где было мало пастбищ и, следовательно, меньше возможностей для летних кочевок, а главное, близких к русским поселениям, земледельческое хозяйство получило большее развитие. Башкиры Сызгинской волости, например, в начале XVIII в. (в 1716 г.) значительное количество излишков ржи пускали в продажу¹. А сальюты, катаяцы и часть башкир Курганской области даже в конце XIX в. сеяли чрезвычайно мало.

Основная часть башкирского населения переходила к земледелию медленно. Даже в середине XIX в. размеры посевов оставались незначительными и были рассчитаны, главным образом, на внутреннее потребление. Однако сокращение земель, упадок скотоводства, обнищание основной массы башкирского крестьянства обусловили в конечном итоге окончательную победу новых, более прогрессивных форм хозяйства. Уже к концу XIX в. (по данным 1895 г.) в Оренбургском, Троицком и Челябинском уездах Оренбургской губернии на одну душу башкирского населения приходилось 0,5 десятины посева (на русского крестьянина — 0,8 десятины)².

Способы ведения земледелия башкиры Зауралья целиком заимствовали у русских крестьян, главным занятием которых было зерновое хозяйство. «Всего сеют здесь,— пишет Паллас о русском крестьянском населении

¹ Полевые записи 1959 г., М-36, стр. 23.

² Материалы, ч. I, стр. 85.

¹ Материалы, т. III, стр. 92.

² Очерки по истории Башкирской АССР, т. I, часть вторая, стр. 179.

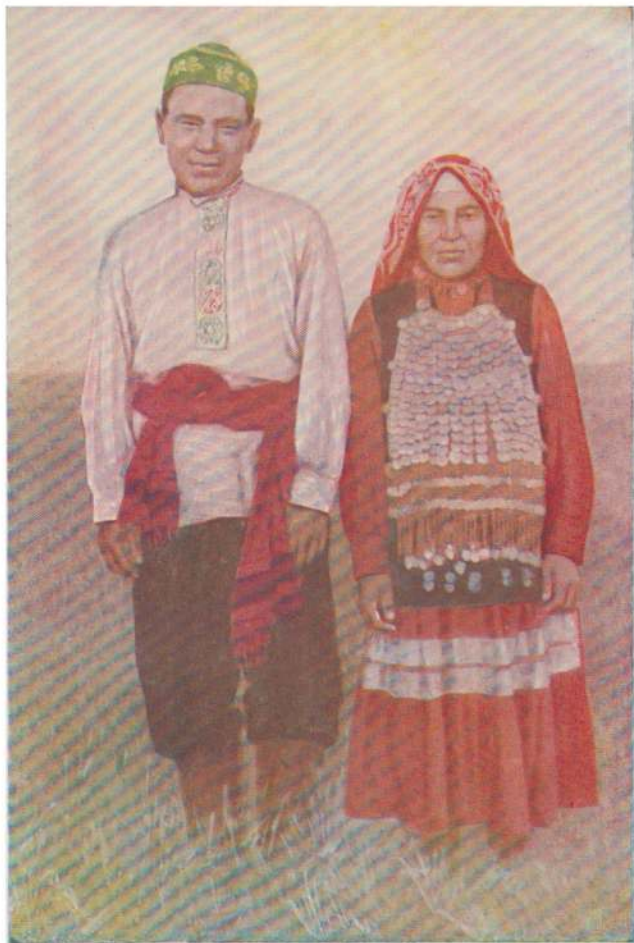

Таблица IV. Молодая суржетская чета в праздничной одежде. Дер. Куйсан, Сафакулевский район Курганской области.

Зауралья, — около 100 000 десятин, рожь, пшеницу, ячмень и овес и снабжают хлебом всю Оренбургскую линию, заводы»¹.

Переход к оседлости и земледелию был постепенным. Сначала башкиры, не оставляя летних кочевков, весной сеяли около деревни

выстроенных, в коих они летом, когда скот выгонят в поле, пеньку сеют»¹. Если в XVIII в. посевы льна и конопли были среди башкир редки, то в конце XVIII, тем более в XIX в., почти все хозяйства, перешедшие на оседлость, выращивали эти культуры»².

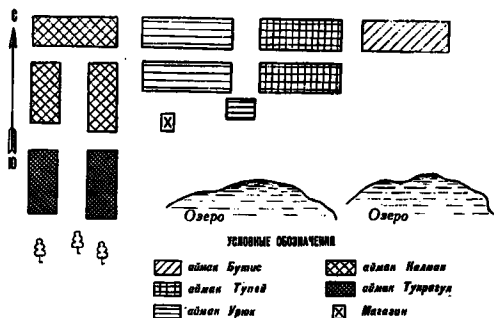

Рис. 3. План дер. Куйсан Сафакулевского района Курганской области.

«яровые, редко рожь»², урожай которых снижали осенью, после возвращения с пастбищ. Рожь башкиры повсеместно стали сеять только с конца XVIII в. «Силен родитца, — пишет Юхнев о Сибирской дороге, — ячмень да крупа, которые в тех местах сеют, а рожь не сеют»³. К началу XIX в. башкиры начали культивировать и другие зерновые, в частности пшеницу. Башкиры «сеют, — пишет Н. Попов, — один только яровой хлеб, т. е. ярицу, пшеницу, ячмень и овес»⁴. Значительно расширились к этому времени и размеры посевов. «Сих хлебов, — продолжает Н. Попов, — достает им для собственного продовольствия, но при случае урожай продают избытки оных в Екатеринбурге и в заводах»⁵.

Пахотные поля башкиры не удобряли. Юхнев отмечает значительное количество в Сибирской дороге «пашенной земли, на которую они [т. е. башкиры. — Ред.] навозу никогда не кладут»⁶. Исключение составляли поля, предназначенные для посева льна или конопли. «Скот, — пишет Паллас, — содержит зимою в загородках нарочно для сего близ деревни

Сельскохозяйственные орудия у башкир были те же, что у соседних русских крестьян. Для вспахивания целины пользовались тяжелым татарским плугом — пука, «одножог обыкновенное орание, как и в России, происходит у них сохою, которая плуга дешевле, легче и меньше лошадей на упряжку требует»⁷. Из другого инвентаря башкиры применяли «бороны, серпы, гарбуши и прочие земледельческие орудия»⁸.

Развитие земледельческого хозяйства открыло новую страницу в земельных отношениях в Зауральской Башкирии. Пахотные и сенокосные угодья общины распределяются между общинниками по количеству в семье мужских душ, попавших в ревизские списки. Например, в конце XIX в. в дер. Сарипо (Кунашакский район Челябинской области) на одну мужскую душу приходилось пахотных земель 4 десятины, покосов — 2, леса — 2, свободных земель — 4, т. е. всего 12 десятин⁹. Отдельные хозяйства по своему усмотрению распоряжались душевыми наделами: могли засеять, сдать

¹ П. Паллас, Указ. соч., ч. II, кн. II, стр. 9.

² Там же, стр. 21.

³ Материалы, т. III, стр. 486.

⁴ Н. Попов, Указ. соч., стр. 16.

⁵ Там же.

⁶ Материалы, т. III, стр. 486.

⁷ П. Паллас, Указ. соч., ч. II, кн. II, стр. 8.

⁸ Там же, кн. I, ч. II, стр. 157—158; Н. Попов, Указ. соч., стр. 11.

⁹ П. Паллас, Указ. соч., кн. II, ч. II, стр. 8.

¹⁰ Н. Попов, Указ. соч., стр. 21.

¹¹ Полевые записи 1959 г., М-35, стр. 63 об.

в аренду, хотя права продажи земли они не имели. Башкирские феодалы использовали сложившуюся систему в своих интересах. Особенно злоупотребляли они так называемыми «свободными землями» общины, которые сдавались в аренду или даже от имени всей общины отчуждались навечно, хотя арендная плата или деньги за продажу шли исключительно в пользу феодалов. Так, в конце XIX — начале XX вв. старшины Сартовской волости продали 8000 десятин общинных земель. Почти всю сумму от продажи они присвоили себе¹. Один из феодалов, живший в дер. Колошбаево, продал от имени общины земли дворянину Зубову. В результате башкирам этой общины осталось на мужскую душу по 2 десятины пахотной земли и 25 соток сенокоса².

Хозяйства, не имеющие ни скота для обработки земли, ни навыков ведения земледельческого хозяйства, вынуждены были отдавать свои душевые наделы в аренду на 2—3 года, а то и более. Фактически сдача в аренду иногда

была равноценна отчуждению. В качестве арендаторов выступали русские кулаки, а часто и богатые однообщинники. Башкирский крестьянин, отдав свой надел в аренду, зачастую нанимался к своему же арендатору в качестве батрака.

Таким образом, к концу XIX в. в башкирской деревне происходил резкая социальная дифференциация. Башкирское кулачество, арендуя за бесценок у своих «сородичей» их наделы, засеяли по 80—100 и более десятин земли¹. Размеры посевов бедняцких хозяйств не превышали 1—1,5 десятины, а иногда составляли всего 20—25 соток². В конце XIX — начале XX вв. тысячи разорившихся башкирских крестьян покидают свои деревни и в поисках заработка уходят батрачить в кулацкие хозяйства, в заводские поселки и т. д. Проникшие в башкирскую деревню буржуазные отношения окончательно разрушали патриархально-родовой уклад башкирского общества.

ДОМАШНИЕ ПРОИЗВОДСТВА

В условиях господства натурального хозяйства башкиры производили почти все необходимые орудия труда, боевое и охотничье оружие, предметы бытового обихода, одежду и т. д. Основным сырьем служили продукты скотоводства — шерсть, кожа, а также растительные вещества. Башкиры издавна были знакомы и с такой важной для кочевников отраслью производства, как обработка металла. Однако уже с XVII—XVIII вв., в связи с изменением в хозяйстве и в образе жизни башкир, а также в результате ряда мероприятий царской администрации (например, запрещение иметь башкирам кузницы), некоторые отрасли домашних производств начинают постепенно отмирать (обработка металла, выделка кожаных изделий), в то время как другие, напротив, получают дальнейшее развитие.

В XIX в., особенно во второй его половине, в результате проникновения в хозяйство башкир товарных отношений, домашние промыслы с их чрезвычайно низкой производительностью получили тенденцию к дальнейшему сокращению. Этому процессу способствовало и появление на рынке дешевых фабричных изделий, вытесняющих продукцию домашних производств из повседневного быта башкир. Однако такие виды домашних производств, как руч-

ное ткачество, вышивка, аппликация и некоторые другие, связанные не только с бытовыми потребностями, но и с национальными традициями, устойчиво сохранились на протяжении многих десятилетий. С другой стороны, в башкирском хозяйстве сохранились к концу XIX в. те отрасли домашних производств, которые постепенно приспособились к условиям товарного хозяйства.

* *

Переработка продуктов животноводства в домашних производствах зауральских башкир к концу XIX в. утратила свое прежнее значение. Это было связано с постепенным упадком полукочечевого скотоводства, разорением большей части скотоводов-башкир и переходом их к оседлому земледелию. Тем не менее в изготовлении одежды, предметов бытового обихода шерсть, меха и кожа занимали еще большое место.

Из овчины башкиры шили шубы (*короска, кудыр*), шапки (*бурек*), чулки (*йорон обок*), рукавицы (*йорон бейгазай*). Для выделки мехов применялись молочные продукты. Снятую шкуру, очистив ножом от жира и мездры, сушили в растянутом виде, затем вымачивали в сыво-

¹ Полевые записи 1959 г., $\frac{M-35}{K}$, стр. 12—13.

² Там же, стр. 40.

¹ Полевые записи 1959 г., $\frac{M-35}{K}$, стр. 54 об., 63.

² Там же, стр. 41, 54.

ротке и два-три дня квасили в кислом молоке или сыром твороге. После этого шкуру снова сушили и размягчали специальным ножом — *кирге*. Обработанную шкуру обычно натирали мелом.

Описание способа выделки кож у башкир в XVII—XVIII вв. имеется в трудах И. Лепехина, П. Палласа¹. Сырую шкуру растягивали на земле (на колышках), соскабливали с нее шерсть и, высушив, прокапчивали в особых копильнях (*мыстык*) в течение нескольких недель. П. С. Паллас, побывавший в 1770 г. по дороге из Чебаркульской крепости в Екатеринбург в башкирских деревнях по р. Миассу, дает рисунок такой копильни и пишет, что подобные печи были там почти в каждом дворе². Этот способ выделки кожи к началу XX в. сохранился в немногих местах, преимущественно за Уралом, у табынцев и катайцев³.

К началу XX в. зауральские башкиры кожаную посуду изготавливали уже редко. Сосуды из кожи (*куняк*, *муртай* и др.), хотя еще и встречались, но их быстро вытесняла покупная (металлическая или деревянная) посуда. Из кожи домашней выделки шли обувь (*итек*, *сарык*, *ката*), различные сумки, чехлы (*кыч*) для ножей и топоров, пояса, конскую сбрую и т. д.

Из овечьей шерсти зауральские башкиры валяли войлоки и пряли нитки для тканья и вязанья. С. И. Руденко описывает два способа валяния войлока у башкир: ручной и при помощи катка, в который запрягали лошадей⁴. Войлок валяли раньше в каждой семье в большом количестве, так как он применялся не только для убранства дома, но шел на покрытие юрт (*тирма*), изготовление потников (*серге*) и т. д. Кошмы простые и узорные до настоящего времени являются обычным предметом в башкирских домах Зауралья.

Перебирали шерсть вручную. Пряли на обыкновенных пряхках (*колга*). Веретено (*урсык*) круглое, коническое, кверху постепенно утончалось, а книзу заканчивалось цилиндрическим утолщением с острым концом; применялось веретено обычно без прясла. При работе прядильщица крутила веретено пальцами, держа его на весу за тонкий конец, затем отпускала и держала за нитку, пока веретено вращалось по инерции. После снова ловила и давала новый толчок вращению.

¹ И. И. Лепехин, Указ. соч., т. II, стр. 38—39; П. С. Паллас, Указ. соч., ч. II, кн. I, стр. 157—158.

² П. С. Паллас, Указ. соч., ч. II, кн. I, стр. 157—158.

³ С. И. Руденко, Указ. соч., стр. 139—140.

⁴ Там же, стр. 143.

Для тканья ковров и вязанья шерстяные нитки ссучивали. Одинарная шерстяная пряжа шла только на тканье сукна. Ссучение ниток производилось следующим образом. Одинаковые нитки из двух клубков перематывали в один клубок; после этого конец двойной нитки прикрепляли к веретену, клубок перекидывали через перекладину (*һәндәрә*) и ладонями вращали веретено, поставленное на гладкую поверхность. По мере скручивания нить перематывалась на веретено. Перед вязанием или тканьем шерстяные нитки в мотках (*кәләп*) полоскали в горячей воде.

Крашенные шерстяные нитки служили цветным утком. Из них плели также разноцветные повязки (*кысмау*) для суконных голенищ обуви (*сарык*, *ката*). В конце XIX — начале XX вв. нитки красили покупными анилиновыми красками. Но еще в начале XX столетия иногда применялись растительные краски собственного изготовления¹. Иногда зауральские башкиры прибегали к помощи русских красильщиков. Например, жители дер. Сары и Аминеево (Кунашакский район) отдавали пряжу на покраску мастерам из русской дер. Куяш².

В ткачестве зауральских башкир широко применялись нитки из растительных волокон. В начале XX в. возделывание льна в Зауралье было распространено довольно широко, хотя посевы его даже в самых состоятельных хозяйствах занимали небольшие площади. Убирали лен вручную: выдирали с корнем и сушили в снопах. После обмолота зерна стебли льна тонким слоем стлали на целину, где они в течение месяца вымачивались под осенними дождями. Затем лен снова собирали в мелкие снопы, сортируя стебли по их длине. Сушили лен обычно в бане.

Наряду со льном широко использовалась конопля (*тараш*, *гарма*). До XX в. в Зауралье конопля была, видимо, единственным растением, волокна которого шли на изготовление ниток. В течение прошлого столетия конопля была постепенно вытеснена льном, волокна которого отличаются несравнимо лучшим качеством. В отличие от льна конопля, собранная осенью, специально вымачивалась в течение 10—15 дней в стоячей воде, что облегчало отделение волокон от стержня. С этой же целью коноплю и лен оставляли на всю зиму под снегом. Обычно использовалась не вся конопля, а только посконь (*маза*). Она шла в основном на изготовление суровых ниток, веревок, на тканье грубого холста.

¹ Архивный фонд ИНИЛ БФАН СССР. Научный отчет этнографической экспедиции за 1959 г., стр. 11—12.

² Там же, стр. 12.

Мяли лен (и коноплю) на обычных мялках (*талки*), сколоченных из досок. Мятые стебли очищали от стержней трепанием (*житен кагыу*) при помощи мечевидной дощечки (*каккыс*). Из отходов (*талкыш*), после очищения от обломков стебля, изготовляли толстую и довольно грубую пряжу; использовали их и при постройке домов (для конопатки стен).

му остальному Зауралью была распространена обыкновенная прялка (*колга*). Пряжу в мстках кипятили в щелоке, затем полоскали в чистой воде и сушили.

Перед тканьем нитки надевали на вороб и перематывали на катушки (*тырпыса*), представляющие полые цилиндры из бересты или дерева. Сновали (*озатыу*) на стеле, однак

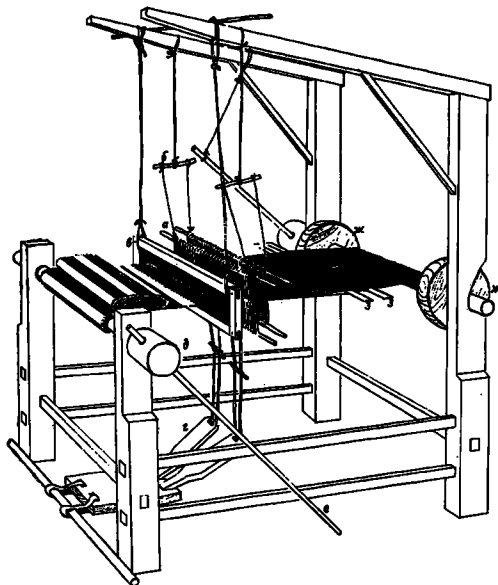

Рис. 4. Ткацкий станок (*урин*).
 а — корес, б — тейок, в — тарак, г — тарак, д — тарак, е — тарак, ж — алыу-баш, з — шобе,
 Дер. Сары Кунашакского района Челябинской области. Рис. художника
 Г. И. Мухаметшина, 1969 г.

Перед прядением кудель чесали щеткой из щетины (*шырт*) или гребнем (*тарак*). Длинная и тонкая кудель (*узак*) шла на тканье одежды (в Кунашакском районе) и предметов внутреннего убранства дома. Из короткой конопля (*субак*) ткали грубые холсты для мешков и т. д.

В Кунашакском районе для прядения льна применялись прялки с гребнем (*жаба*), но все-

употреблялись и специальные сновалки (*озаткыс*). В Кунашакском районе сновалка представляла четырехугольную раму длиной в 4 аршина, на коротких сторонах которой имелось по 5—6 колышков. На одной длинной стороне устанавливали на небольшом расстоянии друг от друга еще 2 колышка для образования зева, т. е. для разделения четных и нечетных

нитей основы. В зависимости от длины ткани основу (*буй*) растягивали между всеми кольшками рамы или только между частью их.

Нити, используемые в качестве утка (*аркаш*), с катушек перематывались при помощи сучила (*калтырса*) на цевки (*шуре*), вставляемые при тканье в челнок (*ноза*).

По всему Зауралью была распространена одна форма ткацкого станка (*урын*) — станок русского типа (рис. 4). Основу его составляла четырехугольная рама с двумя парами стоек. Задние стойки были намного выше передних и завершались перекладинами для подвешивания ниточек (*көрөс*); в вырезы стоек устанавливался крутящийся вал с утолщенными концами — навои (*айыубаш*), служивший для намотки основы. В вырезы передних стоек ставилась пришива (*боргоса*), представлявшая собой круглый валик с двумя сквозными отверстиями на головке, в которые для устойчивости продевалась тонкая палка (*тыггыса*), упирающаяся в пол. Ниточки подвешивались на перекладину посредством блоков (*шалтырак*) или балансирующих палочек (*төйәк*); к ниточкам прикреплялись подножки (*типке*, *типкесә*), с помощью которых ткачиха передвигала ниточки. Бердо (*тарақ*), представляющее гребень в четырехугольной раме, к перекладине или к потолку не подвешивалось.

Станок описанного типа, кроме Зауралья, встречался лишь на крайнем северо-востоке Башкирии. У большей части башкир и у татарского населения края были распространены более примитивные станки, без навои, а иногда и без рамы.

Основа натягивалась на станок следующим образом. Разделенные при сновании четные и нечетные нити подвязывались нитками или перекадывались планками (*шәбе*). С противоположного зеву конца основа снималась с кольшочков и свивалась в жгут узлами, напоминающими петли тамбурного шва. Не свито оставалась только небольшая часть с подвязками или планками, поддерживающими зев. Поскольку вся основа сновалась из одной нити, каждый конец ее состоял из парных ниток. Каждая пара ниток не свито в жгут конца основы пропускалась через расщелины между спичками берда, и основа равномерно растягивалась в ширину. Этот конец основы наматывался на навои. Путем расширения зева планки переносились через бердо ближе к навою. По мере намотки основы на навои жгут распускался, и бердо, а за ним и планки передвигались к переднему концу основы. Затем бердо снималось, парные нити разрезались и пропускались по одной через глазки между петлями ниточек. При этом одна ниточка

могла поднимать и опускать только четные нити, а другая — только нечетные. Наконец основу снова пропускали через бердо и привязывали несколькими узлами к палочке, прикрепляемой к пришиве. На этом завершалась подготовка основы к тканью.

Ткачество у башкир, в том числе и у зауральских, предполагает наличие не менее двух ниточек, прикрепленных соответственно к четным и нечетным нитям основы. Эта характерная черта башкирского ткачества делает его

Рис. 5. Концы полотнаца (заготовка). Браное ткачество. Дер. Сары Кунашакского района Челябинской области, 1906 г. ГМЭ, 1002—49 с.

однотипным с ткачеством народов Восточной Европы (финно-угорских народов, русских, тюркоязычных народов Поволжья) и Западной Сибири (западносибирских татар и обских угров)¹. Как известно, большинство народов Сибири, Алтая, казахи и киргизы ткали

¹ В. Н. Белицер. Очерки этнографии народов Коми. «Труды Института этнографии», XLV, М., 1958, стр. 110—112; Н. Н. Лебедева. Приядение и ткачество восточных славян. «Восточно-славянский этнографический сборник, Труды Института этнографии», т. XXXI, М., 1956, стр. 461—543; Н. И. Воробьев. Казанские татары, Казань, 1953, стр. 116 и далее; Чуваши. Этнографическое исследование, ч. I, Чебоксары, 1966, стр. 133—134; А. А. Попов. Плетение и ткачество у народов Сибири в XIX и первой половине XX столетия. МАЭ, XVI, стр. 41—147 и др.

на простейших станках без единой рамы, при помощи одной примитивной иголки и деревянного основоразделителя¹.

Большинство изделий ткачества у башкир производилось на двух игольчатых станках, как правило, простое полотняное переплетение. Саржевые переплетения ниток в тканях башкир Зауралья почти не встречаются. Многообразие ткачества, широко распространенное в прошлом у русских², некоторых финских народов (например, у коми³) и северо-западных башкир, по всей вероятности, зауральским башкирам в прошлом было неизвестно. В конце XIX — начале XX вв. на четырех игольчатых станках ткалось только сукно, что можно объяснить русским влиянием.

Белое сукно (*тула*), используемое для голенищ *сарык*, *ката*, чулок и головных уборов, валяло и внешне мало отличалось от войлока. Поэтому нередко русские путешественники принимали его за войлок. На пошив чекменей и другой одежды шло неваляное грубое сукно (*малла*).

Во второй половине XIX в., с проникновением в башкирскую деревню товарно-денежных отношений, дмотканина постепенно вытесняется фабричными тканями. Однако изделия художественного ткачества, связанные с национальным бытом, продолжают занимать прочное место среди предметов убранства дома, обрядовых подарков и т. д. По особенностям технических приемов и характеру продукции можно выделить следующие виды художественного ткачества зауральских башкир: изготовление дмотканины с рисунком в клетку и в полосу; браная техника; закладная техника; ковроткачество.

При изготовлении дмотканины с рисунком в полосу или в клетку ткачиха при сновании основы чередовала нити различных цветов. Из клетчатой пестряди делали скатерти, а в Кунашакском районе и передники. Во всем Зауралье были широко распространены полотенца с поперечно-полосатыми концами на красном фоне (*атыл нуфылган*).

Браная техника (*күтәрел нугы*) в Зауралье, по сравнению с северными районами Башкирии, не получила широкого распространения. Узорами, выполненными в технике бранья, украшались главным образом скатерти и поло-

тенца (см. рис. 5), а в северной части Зауралья также платья и рубахи. Орнамент браного ткачества у зауральских башкир геометрический, отличается несложностью рисунка. Как и во всей Башкирии, узоры набирались мечевидной дощечкой с заостренным концом. Но если в северо-западной Башкирии выбранные нити подхватывались иголкой или подхватывались специальными игольчатками, в Зауралье они закладывались прутиками (*шабе*). Каждому уступу на одной половине рисунка соответствовал один прутик. Чем больше прутиков применялось при ткачестве, тем сложнее был рисунок, тем больше в нем уступов и зигзагов.

Однако слабое распространение браного ткачества, сравнительно узкий круг его изделий и несложность рисунка позволяют думать, что браная техника у зауральских башкир не имеет древних корней, а является результатом позднего влияния русского населения края, а также башкир западных районов. Подтверждением последнего предположения может служить общность технических приемов бранья башкир Зауралья и бассейна р. Ай¹.

Незначительное место занимала также закладная техника ткачества, называемая *кыстырып нугы* в северном Зауралье и *булет нугы* — в остальной его части. Трудно судить, какое распространение имела эта техника в прошлом; в настоящее время она почти забыта и применяется лишь местами в орнаментации безворсовых ковров. В Зауралье известны безворсовые ковры из шерсти с продольно-полосатым (*палас*) и с ромбическим (*келәм, хәнеүәтте палас*) орнаментом. Различаются они не только формой рисунка, но и особенностями тканья и орнаментации. Первые ткались узкими полотнищами шириной в 20—24 см, а затем сшивались по 5—6 и более полотнищ. Чередование гладких и зубчатых разноцветных линий в рисунке достигалось еще при сновании. Основа их состояла из толстых крученых ниток из овечьей или козьей шерсти, уток — из тонких хлопчатобумажных или льняных ниток. Благодаря этому на поверхности ковра видны только нити основы, создающие рисунок узора.

Такие паласы в Зауралье ткались только в Курганской области, но они ничем не отличались от аналогичных паласов юго-восточной Башкирии. Особенности тканья узкими полотнищами, вероятно, связана с более архаичной формой ткацкого станка без завоя, близкой к станку юго-восточной Башкирии.

¹ Архивный фонд ИИЯЛ БФАН СССР, Научный отчет этнографической экспедиции ИИЯЛ за 1969 г., стр. 29—31.

¹ А. А. Попов, Указ. соч., стр. 41—147; А. Добролюбов, Киргизские изделия из шерсти и волоса, ИООРО, вып. 13, Оренбург, 1899, стр. 95—98, рис. 1—2; Б. А. Кудрявцев, Киргиз-казаки, М., 1926, стр. 37—41; Ю. А. Шибяева, Материалы по одежде мургабских киргизов, «Краткие сообщения Института этнографии», т. XXV, 1956, стр. 26—41 и др.

² Н. И. Лебедева, Указ. соч., стр. 523—527.

³ В. Н. Белицер, Указ. соч., стр. 112.

Ковры с ромбическим узором ткались утком из цветной шерсти на льняной или хлопчатобумажной основе. Они составлялись из 2—3 полотнищ шириной 55—60 см. Тканый орнамент этих ковров выполнялся цветной шерстью в складной или браной технике. Узоры представляли уступчатые косые линии, квадраты и ромбы. По орнаменту они близки к коврам южной Башкирии, особенно бассейна р. Демы, но значительно уступают им по степени отработанности и цветовому оформлению. В отличие от полосатых паласов ковры с ромбическим узором в Зауралье тклись и сейчас, правда, в небольшом количестве.

Вышивка (*һырыу, тегеу*) в Башкирии была распространена повсеместно. П. С. Паллас, описывая костюм башкирки Исецкой провинции XVIII в., упоминает о сарафане с вышитыми рукавами и воротом¹. В конце XIX в. Д. П. Никольский отмечал, что вышивание «весьма распространено среди башкир» и «вышивать должна уметь каждая девушка»². В коллекциях музеев страны хранятся сотни предметов вышивки, собранных у зауральских башкир в конце XIX — начале XX вв., свидетельствующих об искусной работе башкирских вышивальщиц. Большое место среди них занимают собрания С. И. Руденко в Государственном музее этнографии народов СССР в Ленинграде.

В одежде и в предметах убранства дома у башкир, в том числе и зауральских, вышивка занимает гораздо больше места, чем у соседних тюркоязычных народов — татар, казахов, киргизов. Обращает внимание довольно широкий круг вышиваемых изделий. Из предметов одежды шитым орнаментом украшались женские платья (*кундәк*) и передники (*альятыкс, фартук*), головные покрывала и полотенца (*кушыяузык, тастар*), набельные повязки (*һарауыс*), мужские рубахи (*кундәк*), тюрбетейки, свадебные пояса женихов (*кедәу билмәуе*). Вышивались также скатерти (*ашьяузык*), полотенца (*тастамал, сөлгө*), наволочки (*мендәр тышы*), молитвенные коврики, кисеты, носовые платки. Почти все перечисленные предметы украшаются вышивкой и по сей день.

Вышивку характеризует разнообразие технических приемов и связанных с ними форм орнамента. Швы, применяемые в вышивке башкир Зауралья, можно разбить на две большие группы: свободные и счетные. Стежки свободных швов делаются разной длины и имеют разные направления, что позволяет создавать узоры, в очертаниях которых преоб-

ладают плавно изогнутые линии, характерные для растительных мотивов. К свободным швам относятся тамбур (*элма*), косая сетка (*куш элма*), ковровый шов (*күптереп һырыу*), стебельчатый шов (*яңы теген*), несчетная односторонняя гладь, которую на северо-востоке Башкирии и в Зауралье называют, по аналогии со старинной счетной гладью, *нағыш*. ...

Тамбур и косая сетка являются наиболее древними приемами вышивания у башкир. В этой технике выполнены многие старинные вышивки. Примечательно, что башкирские вышивальщицы часто вышивание тамбуром отождествляют с вышивкой в целом, называя их одним и тем же словом (*кайыу и сисеу* — во всей северной части Башкирии; *һырыу* — в Зауралье). Подтверждением древности тамбура может служить повсеместное бытование его у башкир, а также у родственных тюркоязычных народов.

Раньше для вышивания тамбуром пользовались обычной иглой. Такой прием выполнения тамбура местами (Курганская область, юго-восточные районы Башкирии) сохранился и поныне. Со второй половины XIX в. на большей территории Зауралья тамбур выполняется крючком (*кирге знәһе*) на пядлях (*кирге*). Машинный тамбур зауральским башкирам неизвестен.

Косая сетка напоминает по технике тамбурный шов, выполняемый обычной иглой. От тамбура она отличается более широкими и сложными, фактически двойными, петлями. Местное название этого шва в переводе на русский язык означает «двойной тамбур» (*куш элма*). Весьма вероятно, что происхождение косой сетки связано с широким тамбуром. Тамбуром вышивались обычно контуры рисунка, а косая сетка применялась для заполнения внутреннего поля узоров.

С выполнением тамбура крючком связано возникновение нового приема вышивания, названного Н. И. Воробьевым и Е. А. Адольфом ковровым швом¹. Если стежки тамбура располагаются в виде непрерывной цепи петель по принципу «петля в петлю», то петли коврового шва, не связанные между собой и стоящие вертикально, образуют рельефную ковровую поверхность. Ковровый шов применялся исключительно при вышивании внутренней части плоскостей листьев и лепестков в крупных растительных узорах намазлыков и передников.

¹ Е. А. Адольф, Вышивки казанских татар, Материалы Центрального музея ТАССР, № 1, 1927, стр. 5—10; Н. И. Воробьев, Некоторые данные о технике орнамента тканей у казанских татар, Материалы Центрального музея ТАССР, № 2, 1930, стр. 14 и далее.

¹ П. С. Паллас, Указ. соч., ч. II, кн. I, стр. 98—99.

² Д. П. Никольский, Указ. соч., стр. 96.

Таблица V. Женский передник. Вышивка гладью (*нагши*). Дер. Больше
Султаново, Сафакулевский район Курганской области.
Рис. художника Г. И. Мухаметшина.

Стебельчатый шов и несчетная гладь начали применяться сравнительно недавно и связаны, видимо, с влиянием городской культуры. В башкирских районах Челябинской области они почти полностью вытесняют тамбур и его разновидности — косую сетку и ковровый шов.

С тамбуром и другими свободными швами были связаны растительные мотивы орнамента. Такими узорами украшали женские платья, передники, подзоры, скатерти, наволочки, мужские тюбетейки и т. д. Для старинных узоров была характерна довольно сильная стилизация, абстрактность рисунка (см. рис. 28). Позднейшие вышивки более яркой расцветки и менее стилизованы в рисунке (табл. III). Сочетание цветов в старинных вышивках обычно контрастно. Довольно часто встречаются однотонные вышивки, выполненные только по контуру. В вышивках ковровым швом и художественной гладью появляется теневая расцветка, что говорит об отступлении вышивальщиц от традиционных норм орнаментации. Наиболее архаичные формы орнамента тамбурной вышивки довольно устойчиво держатся в Курганской области (табл. II, VIII).

Счетные швы выполняются по счету ниток ткани, поэтому узоры, вышитые ими, состоят из прямых или угловатых линий. В счетных вышивках даже реалистические мотивы принимают геометрические формы, что сближает их с узорами художественного ткачества.

К счетным швам у зауральских башкир относятся роспись, косой стежок, двусторонняя счетная гладь, крест, набор. Все эти швы называются *нагыш*. Дифференцированные названия имеют только определенные линейные узоры, вышитые росписью, например, меандр (*шаһвәдәр*), и относятся они прежде всего к узору, а не к технике вышивания.

Роспись относится к двусторонним швам; при вышивании росписью рисунок изнанки полностью повторяет рисунок лицевой стороны. Мелкие и тонкие линии стежков росписи могут идти в трех направлениях: вертикальном, горизонтальном и диагональном. Росписью вышивали контуры геометрического или геометризованного рисунка или отдельные линейные узоры на хараусах (*хараус* — налобная повязка из холста) и головных полотенцах. При вышивании росписью всегда употребляли черные или темно-коричневые нитки.

Стежки двусторонней счетной глади, параллельные друг другу, имеют направление по линии утка или основы. Настилы ее ложатся то ровной линией, то в виде квадратов или четырехугольников. Счетной гладью зашивалось внутреннее поле между линиями контура, од-

нако ровные линии краев гладевой вышивки позволяли вышивать узоры и без контура.

Косой стежок вышивается только по диагонали ткани, при этом узор на изнанке совершенно не соответствует лицевой стороне. Косым стежком вышивалось как внутреннее поле рисунка, так и самостоятельные узоры.

При вышивании набором, подобно бракетной технике, нить протягивается по всей ширине узора, проходя то по лицевой стороне, то по изнанке. На изнанке получается негативный рисунок узора.

В настоящее время техника вышивания косым стежком забыта на всей территории расселения башкир. Раньше в этой технике вышивалось большинство хараусов (рис. 6 — а, ж). В коллекции С. И. Руденко, собранной в 1906—1912 гг. и хранящейся в Государственном музее этнографии народов СССР, представлены вышивки косыми стежками из всех районов Зауралья и горно-лесной части юго-восточной Башкирии. Многообразие орнаментальных мотивов на хараусах и наличие между ними переходных вариантов позволяют думать, что хараусы и связанная с ними техника вышивания были распространены у башкир в течение длительного времени.

Узорами счетной вышивки украшались декоративные и головные полотенца, скатерти, мужские и женские рубахи, передники, свадебные пояса женкиха, кисеты и т. д. В музеях страны сохранилось множество предметов с узорами счетной вышивки XIX — начала XX вв. Орнамент на счетных вышивках обычно геометрический (табл. V, VII, VIII, IX; рис. 7), но встречаются узоры, близкие к растительным мотивам (рис. 8 — а). Основными элементами орнамента являются угловатые ромбические, X-образные, 8-образные фигуры, зубчатые линии, елочки, зигзаги, линии меандра и т. д. Излюбленным мотивом является восьмиконечная звезда, трактованная в отдельных случаях как цветочная розетка (рис. 8 — а, 10). На хараусах, наряду со звездой, очень распространен рисунок в виде двух противостоящих птиц и его стилизованные видоизменения (рис. 6 — а, г).

В начале XX в. изделия счетной вышивки встречались во всем Зауралье, на северо-востоке и юго-востоке Башкирии. Ныне эта форма вышивки сохранилась только на территории Курганской области (табл. V, VII, IX).

К группе счетных швов примыкают строчевые вышивки (*селтәр*), выполняемые по разреженному холсту. Они также предполагают счет ниток утка и основы при их выдергивании. Зауральскими башкирам были известны цветная перевить, белая строка и меретка. Ажур-

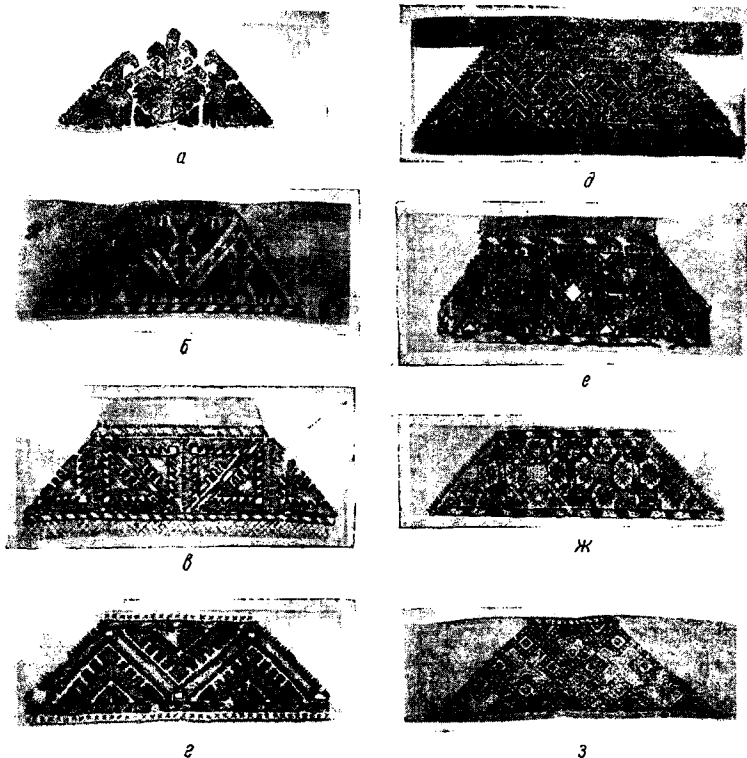

Рис. 6. Хараусы. Вышивки.

а — дер. Юламаново Курганской области, 1912 г., ГМЭ, 2881—261; б — дер. Сарт-Абаранитово Курганской области, 1912 г., ГМЭ, 2881—169; в — дер. Мурабаево Курганской области, 1912 г., ГМЭ, 2881—188; г — дер. Большое Султаново Курганской области, 1912 г., ГМЭ, 2881—196; д — дер. Юламаново Курганской области, 1912 г., ГМЭ, 2881—266; е — дер. Ноянгальдино Челябинской области, 1912 г., ГМЭ, 2881—238; ж — дер. Давлэбэево Челябинской области, 1912 г., ГМЭ, 2881—214; з — дер. Алабута Челябинской области, 1906 г., ГМЭ, 1002—53.

ными геометрическими узорами этих вышивок украшались раньше концы женских головных повязок — *тастар* (рис. 8 — б). Строчевые вышивки, в начале XX столетия распространенные по всему Зауралью¹, в настоящее время нигде не встречаются.

Некоторые предметы женской одежды (чекмени, платья, передники), обувь, суконные чулки украшались аппликацией из цветной ткани. На *сарык* и *ката* узоры аппликации из цветного сукна (*кайбу*) располагались обычно пополам на задней части голенищ; такие узорные нашивки широкой полосой обрамляли

¹ ГМЭ, колл. №№ 1002, 4234, 2881.

рая суконных чулок. В одних случаях составные части узоров вырезались из цельного куска ткани по карандашному рисунку или бумажному образцу (рис. 10). Чаще же они составлялись из тонких полосок сукна. Мастерница сначала разрезала сукно на узкие полоски, затем мелкими, почти незаметными стежками нашивала эти полоски на украшаемую поверхность, по-разному закручивая их концы. Недаром наряду со словом *кайыу* (украшать) для обозначения техники аппликации часто применяется слово *айзандырыу* (закручивать). Чтобы лучше оттенить узор, под узорные нашивки подкладывался кусок ткани другого цвета.

Узоры, вырезанные из цельного куска, представляющие живообразные линии (*киртлас*), фигуры в виде бегущих волн, сердцевидные фигуры, парные завитки, напоминающие рога барана, и более сложные элементы. Основные элементы узоров, составленных из тонких полосок сукна, представляют различные вариации завитков, называемых *кускар* (рога барана, улитка). Различные способы соединения их образуют фигуры в виде спирали, буквы S, знака интеграла, буквы X или ее части, свастики, квадратов с завитками на вершинах. Квадраты в свою очередь заполнялись X-образной фигурой, свастикой или разделялись на мелкие клетки.

В рисунке узоров преобладал красный цвет, сравнительно широко применялся зеленый и очень редко — синий цвет. Фон обычно был черным или желтым.

Аппликация на голенищах обуви, кроме Зауралья, где *сарык* и *ката* имели повсеместное распространение, встречалась в горно-лесных районах юго-восточной и отчасти центральной Башкирии.

Орнамент аппликации у башкир, прекрасно сочетающийся с техникой исполнения, отличается большим своеобразием и самобытностью. Однако отдельные мотивы обнаруживают сходство, с одной стороны, с узорами других видов изобразительного искусства башкир, с другой — с орнаментикой родственных народов Средней Азии. Узоры из парных завитков, S-образных, X-образных фигур, треугольников и т. д. характерны также для тамбурной

вышивки юго-востока Башкирии. Сердцевидные фигуры и линии в виде буквы S и знака интеграла, как отмечал С. И. Руденко, в различных комбинациях встречаются в резном

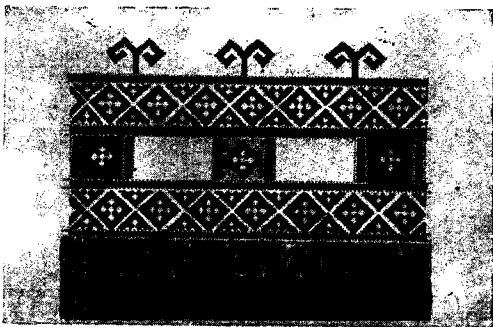

Рис. 7. Конец головного полотенца (*тартар баш*). Вышивка счетной гладью, росписью крестом. Дер. Исянгильдино Челябинской области, 1912 г., ГМЗ, 2881—76.

орнаменте башкир¹. Ромб или квадрат с парными завитками на вершинах, трактованный геометрически, — обычный мотив в счетных вышивках и браном ткачестве башкир. Фигуры в виде бегущих волн, узоры, изображающие парные рога барана, треугольники-амулеты широко известны в орнаменте казахов, киргизов и каракалпаков².

Нашивками из цветного сукна в виде треугольников, квадратов и спирально изогнутых полосок украшались женские белые чекмени. В Кунашакском районе Челябинской области и у башкир Курганской области аппликации из цветной ткани применялись в орнаментации женских платьев и передников. Узор аппликации на платьях представлял обычно извилистую линию (*дуға, дуғай*) по единственной обороте, в изгибах которой размещались восьми- и девятилепестковые розетки (*алма* — в Кунашакском районе Челябинской области, *кускар, кубалак, дуңгалак* — в Курганской области). Встречались также узоры в виде

¹ С. И. Руденко, Указ. соч., стр. 287.

² Казахский народный орнамент, М., 1939, табл. XIII, рис. 17; А. Добрымслов, Указ. соч., рис. 6—7; Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. III, М., 1956, рис. 15 (стр. 401), табл. VI, XII—XIV.

парных завитков (*кускар*, *бормаса* — завиток), напоминающих рога барана (см. рис. 29). Аналогичные узоры располагались на нижней части женских передников. Платя и передники, украшенные аппликацией, в Курганской области встречаются и ныне.

В конце XIX — начале XX вв. башкирки Зауралья вязали из овечьей шерсти белые чулки (*бэйзэм ойок*), варежки (*бейдэлэй*), а позднее и перчатки, носки, шарфы. Вязать умела каждая женщина. Вязали на пяти спицах (*бишэнэ*) простой вязкой или в резинку. Вязаные изделия башкир, как правило, одноцветные, иногда орнаментировались рельефным узором в виде косых параллельных линий, зигзагов и елочек¹.

а

б

Рис. 8. Концы полотенец, вышитые цветной перьевью, гладью и росписью.

а — дер. Уразбеково Челябинской области, 1912 г., ГМЭ, 2881—97;
б — дер. Юламаново Курганской области, 1912 г., ГМЭ, 2881—110.

Еще в прошлом столетии круг предметов вязанья был невелик, вязаные чулки и варежки бытовали наряду с суконными и меховыми. По-видимому, замена суконных и меховых чулок и варежек вязаными произошла в конце XIX — начале XX вв. С. И. Руденко отмечает, что в самом начале XX в. «вязаные шерстяные чул-

ки... женщины носили везде, суконные же чулки..., хотя и встречались повсюду, но в незначительном количестве и не во всех деревнях. На востоке их носили значительно чаще, чем на западе»². В настоящее время суконные чулки полностью вышли из употребления.

С начала XX в. появляются вязаные шали из овечьей шерсти, а позднее — в советское время — из козьего пуха. Этому способствовало разделение в Зауралье тонкорунных овец и пуховых коз. С шальями связано распространение в Зауралье узорного вязания с ажурным орнаментом.

Известную роль в хозяйстве и быте зауральских башкир играли плетеные изделия. Из ивовых прутьев плели рыболовные морды, различные корзины и коробы. В башкирских районах Курганской области, изобилующих заросшими озерами, большое распространение имели циновки из камыша, в бедных семьях почти полностью заменявшие войлок и паласы. В отдельных семьях занимались плетением рыболовных сетей. Из крашеной шерстяной пряжи плели цветные повязки (*кысмау*) для *сарык*, *ката* и чулок. В зажиточных хозяйствах ременные части сбруи (шлеи, уздечки, вожжи, нагайки) украшались узорным плетением.

Основным хозяйственным и промысловым деревянным материалом в Зауралье была береза. Из бересты делали примитивную посуду (*кяяҕ*), некоторые предметы бытового обихода (например, колыбели — *бишек*), гнали деготь (*дегет*). Береста использовалась также для кровли. Деревянные орудия труда, предметы хозяйственного и бытового обихода, деревянные детали оружия, транспортных средств делались обычно из березы. Березу также глгли на уголь.

Отдельные предметы упряжи (клящи хомута — *камьт ағасы*, дуги — *дуға*), ткацкого инвентаря (челноки, блоки), изредка донцы прядлок (*колға төбө*), ковши (*ижау*, рис. 11—12) орнаментировались несложными резными узорами. Говоря о резьбе по дереву, надо заметить, что этот вид прикладного искусства в Зауралье был представлен гораздо слабее, чем в горно-лесных районах юго-востока. Как известно, своеобразие резного орнамента и мастерство башкирских художников-резчиков на юго-востоке Башкирии нашли наиболее полное воплощение в оформлении предметов домашней утвари (*тәпән*, *батман*, *ижау*) и имевших, видимо, культовое значение деревянных цепей с изображением волка³. В Зауралье же дол-

¹ С. И. Руденко, Указ. соч., стр. 196.

² Архивный фонд ИИЯЛ БФАН СССР, Научный отчет этнографической экспедиции за 1958 г., стр. 124 и далее.

³ Архивный фонд ИИЯЛ БФАН СССР, Научный отчет этнографической экспедиции за 1959 год, стр. 145—168.

бленая посуда из цельного дерева почти не делалась, а редко встречававшиеся в прошлом ковши оформлялись очень скромно. В начале XX в. почти не встречались в Зауралье также подставки под сундуки, которые на юго-востоке Башкирии искусно оформлялись резьбой и росписью.

Выше мы отмечали, что башкирам издавна была известна обработка металла. Опасаясь вооруженных выступлений, царское правительство еще в XVI в. запрещало нерусским народам, в том числе и башкирам, иметь кузницы. Указом от 1736 г. царское правительство еще раз подтвердило свое запрещение¹. Такие

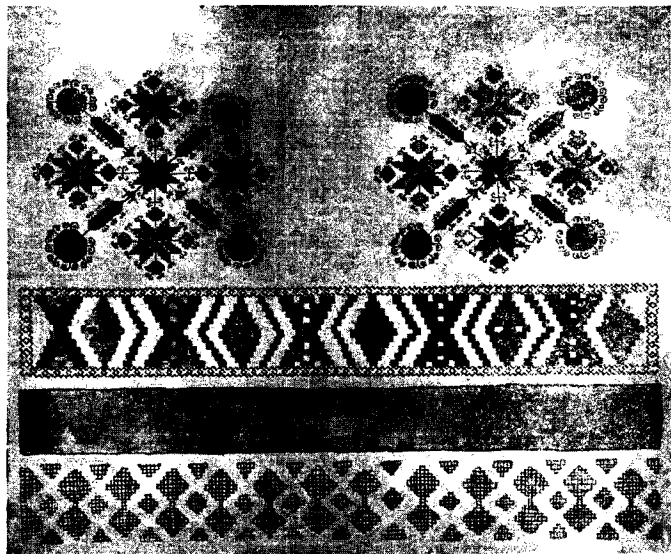

Рис. 9. Конец полотенца. Вышивка счетной гладью, росписью и цветной перевитью. Дер. Казырово Челябинской области, 1912 г., ГМЭ, 2881—75.

С развитием земледелия и окончательным переходом башкир к оседлости возрастает значение строительного дела и производства мебели. Среди башкир увеличивается число плотников и столяров. В оформлении мебели и предметов домашней обстановки (нар, столов, шкафов и т. д.), наряду с простой резьбой, начинают применяться точеные детали. В отличие от большинства промыслов башкир, плотничье и столярное дело с самого начала было прерогативой отдельных людей.

ограничительные мероприятия, наряду с другими причинами, в конце концов привели к сильному упадку кузнечного дела среди башкир. Как сообщает С. И. Руденко, «в конце XIX в. крайне редко можно было встретить башкирскую кузницу»². Сказанное в полной мере может быть отнесено и к Зауралью.

¹ Очерки по истории Башкирской АССР. т. I, часть первая, стр. 126—127.

² С. И. Руденко, Указ. соч., стр. 136.

Сохранившиеся в музеях и уцелевшие у населения металлические изделия зауральских башкир многочисленны. Это различные бляшки (*каш*) для украшения колчанов, налучий, ременных частей сбруи и поясов (рис. 13—а; табл. X), пластинки для покрытия луки женского седла (табл. X—5), застежки (рис. 14), подвески, браслеты (рис. 13—б), кольца и др. В изготовлении их применялись различные приемы: чеканка, гравировка, скань, серебряные, червие. Бляшки, подвески, браслеты и застежки очень часто украшались вставками из бирюзы (*фирузэ*), сердолика (*акых*) и под-

галлу, тем и ценны, что они донесли до последующих поколений замечательные образцы этой исчезнувшей отрасли народного прикладного искусства.

• ••

Домашние промыслы в Зауралье в конце XIX — начале XX вв. характеризовались рядом общих, специфических для всего этого района черт. Большое место занимала обработка животных материалов — шерсти и кожи. Ручное ткачество, особенно художественное, по сравнению с северными и западными районами Башкирии, находилось на низком уровне.

Наряду с тамбурной вышивкой, во всех районах Зауралья широкое распространение имели счетные вышивки. Нельзя не отметить, что лучшие образцы хараусов и счетных двусторонних вышивок башкир, хранящиеся в отечественных и зарубежных музеях, были собраны главным образом в Зауралье. В Зауралье получила наиболее яркое развитие такая своеобразная отрасль народного искусства, как аппликация. Плетение и вязание, техника обработки дерева на всей территории Зауралья не обнаруживают заметных локальных особенностей.

Вместе с тем в промыслах и прикладных искусствах отдельных групп зауральских башкир можно выявить и некоторые своеобразия. Кунашакский район Челябинской области, заселенный главным образом сальютами и катаяцами, отличался более развитым состоянием ручного ткачества. Применение прялок с гребнем, сновалок в виде четырехугольной рамы сближают эту часть Зауралья с северозападом Башкирии и, особенно, с бассейном р. Ай и верховьем р. Уфы.

Безворсовые ковры из овечьей или козьей шерсти, воспроизводящие в технике и орнаментике полосатые паласы юго-восточной Башкирии и бассейна р. Демы, бытовали, как указано выше, только у курганской группы зауральских башкир. В башкирских районах Курганской области, в отличие от остального Зауралья, сохранилась в наиболее полном виде самобытная вышивка башкир и аппликация на женских платьях и передниках. Помимо восточного Зауралья, отдельные экземпляры женских платьев с аппликацией встречались лишь в северной части Кунашакского района. Своеобразен и орнамент тамбурной вышивки башкир Курганской области. Для восточного Зауралья было также характерно плетение камышовых циновок. Все эти особенности, обусловленные историческими условиями раз-

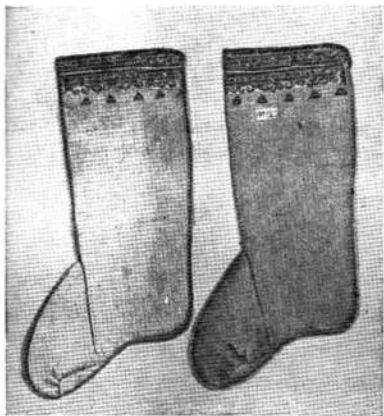

Рис. 10. Мужские чулки из белой овечьей шерсти, украшенные аппликационными нашивками. Дер. Сары Кунашакского района Челябинской области, 1906 г., ГМЭ, 1002—5д.

делок (рис. 13—14). В орнаменте их преобладающее место занимают растительные мотивы, то сильно стилизованные, то явно реалистические. Металлические изделия часто украшались надписями, выполненными арабским шрифтом и содержащими имя владельца или изречение из корана.

Художественная обработка металла у башкир к концу XIX в. была почти полностью забыта. Исследователям начала XX в. не удалось встретить мастеров-башкир по металлу. Музейные собрания, свидетельствующие о высоком мастерстве башкирских умельцев по ме-

вития восточного Зауралья, позволяют выделить башкирские районы Курганской области в особый подрайон.

Многие особенности в домашних промыслах и художественное творчество сближают зауральских башкир с юго-восточными баш-

кирскими районами Курганской области, т. е. преимущественно на территории расселения катайцев, табынцев и родственных с ними родов. Это дает основание утверждать, что имеющаяся близость в культуре Зауралья и некоторых юго-восточных

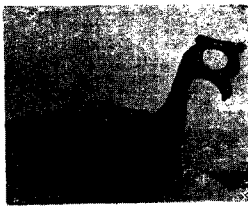

Рис. 11. Ковши.
а — дер. Тавчино Челябинской области, 1906 г., ГМЭ, 1002—121; б — дер. Мурзаватово Курганской области, 1912 г., ГМЭ, 2881—598.

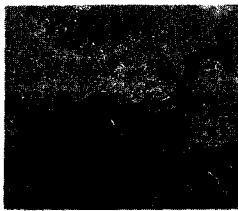

Рис. 12. Ковши.
Дер. Абдулмеево Курганской области, 1912 г., ГМЭ, 2881—601, 2881—606.

кирами. К числу признаков, связывающих Зауралье с южными и юго-восточными районами Башкирии, относятся широкое распространение изделий из кожи и шерсти, слабое развитие ручного ткачества, особенно художественного, производство полосатых безворсовых ковров, хараусы и аппликация на обуви. Однако далеко не все специфические черты в культуре зауральских башкир и населения юго-восточной Башкирии могут быть объяснены территориальной близостью и однотипным укладом хозяйства и быта этих районов. Например, аппликация на обуви характерна не для всего юго-востока БАССР и даже не для всех горнолесных районов этой зоны. В прошлом она за-

районов Башкирии является следствием общности этнической истории этих групп населения.

В домашних производствах и народном, в частности изобразительном, искусстве башкир в прошлом существовал ряд явлений, сближающих их с различными древними и современными народами. В домашних производствах зауральских башкир также своеобразно переплелись черты, родственные, с одной стороны, культуре тюркоязычных народов, с другой — оседлым народностям Поволжья и Урала. Если изделия из шерсти и кожи, техника аппликации и тиснения, тамбурная вышивка у башкир находят свои аналогии в промыслах

народов Средней Азии, Алтая и частично татар, то счетные вышивки и ручное ткачество башкир обнаруживают определенное сходство с соответствующими отраслями прикладного искусства финно-угорских народов. В территориальном размещении этих признаков в пределах Зауралья нет определенных закономерностей. Это и естественно, если учесть сравни-

тельно позднее заселение Зауралья башкирами и смешанное расселение различных родоплеменных групп. В то же время в XVIII—XIX вв. значительное влияние на содержание и характер домашних производств зауральских башкир оказывало русское население края.

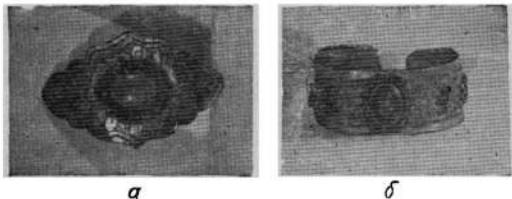

Рис. 13. Изделия из металла: а — бляшка (*кәжәр каш*), дер. Исянгильдино Челябинской области, 1912 г., ГМЭ, 2881—453; б — браслет (*беззек*), дер. Иткуль Уфалейского района Челябинской области, 1906 г., ГМЭ, 1002—43 с.

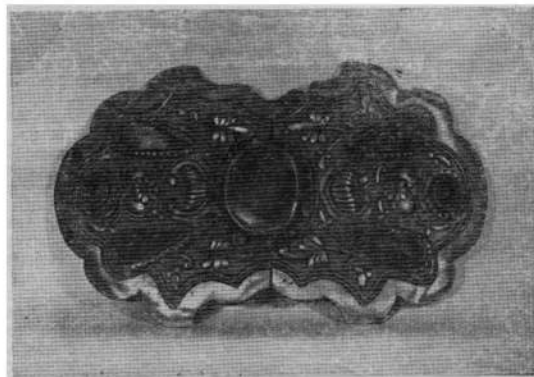

Рис. 14. Пряжка (*кәжәр каптырға*). Дер. Исянгильдино Челябинской области, 1912 г., ГМЭ, 2881—470.

ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА

Для башкирских районов Зауралья, в отличие от центральной и восточной Башкирии, характерна относительно равномерная плотность населения. В условиях горной местности зимовки предпочтительно устраивались на берегах рек, служивших основным средством

сообщения в зимнее время. Позднее на местах зимних жилищ были основаны деревни. Равнинная местность Зауралья, большое количество озер, болот, подземных ключей способствовали более равномерному заселению территории. По сведениям Д. Никольского, из

39 башкирских деревень Екатеринбургского уезда Пермской губернии 21 расположена на озере, 3 — около ключей, 1 — у болота и 14 — на берегах рек. Д. Никольский замечает, что такое же явление характерно и для Шадринского уезда Пермской губернии¹ (ныне территория Курганской области).

Однако в Зауралье, главным образом в Курганской области, немало деревень, расположенных на значительном расстоянии от водных источников. Таковы дер. Куйсан, Аскарново Курганской области и др. В прошлом эти деревни размещались на берегах небольших озер, которые со временем высохли или превратились в болота. Питательную воду жителям приходилось привозить издалека, лишь в немногих башкирских деревнях были сооружены колодцы. По подсчетам Д. Никольского, в конце XIX в. в Саринской волости Екатеринбургского уезда Пермской губернии из 23 обследованных деревень в семи существовали колодцы, но оборудованы они были очень плохо².

Число дворов в башкирских деревнях Зауралья было неодинаково. Наряду с большими населенными пунктами, насчитывавшими несколько сот хозяйств (дер. Ново-Соболево, Сары, Кулуево Челябинской области, Большое и Малое Султаново Курганской области)³, имелись деревни из нескольких десятков домов. Например, в дер. Старо-Соболево (Аргаяшский район Челябинской области) в конце XIX в. было всего 13 дворов⁴.

В конце XIX — начале XX вв. все башкирские деревни Зауралья имели прямолинейную планировку. Как правило, это была одна вытянутая вдоль реки или тракта улица с двухрядной застройкой. Улицу в нескольких местах пересекали проулки. В середине села была площадь, посреди которой возвышалось здание мечети. Пожилые башкиры, со слов отцов и дедов, рассказывают, что уличная планировка появилась лишь в первой половине XIX в. В значительной степени развитие уличной планировки в башкирских деревнях было связано с деятельностью царской администрации, считавшей, что правильное расселение облегчает учет населения при распределении денежных сборов и раскладке воинской повинности. В указе оренбургского военного губернатора от 1832 г. предписывалось перестроить деревни, расположив избы «прямыми и правильными линиями». Для изучения истории планировки башкирских

деревень Зауралья большой интерес представляют материалы геодезических съемок, проведенных в Башкирии в конце 30-х годов прошлого столетия. Из них видно, что в большинстве деревень уже успели сформироваться улицы и кварталы; в то же время в некоторых населенных пунктах все еще оставался характерный «беспорядок» в расположении жилищ, существовавший в прошлом¹. Описывая быт зауральских башкир в начале XIX в., Н. Попов отмечал, что «в деревнях их нет никакого порядка на улице...»². Рядом с дер. Колошбай Кунашакского района Челябинской области сохранилось место, где деревня была расположена лет 100 тому назад. По углублениям на местах прежних изб можно судить, что в расположении построек не было какой-либо закономерности³. Это находилось в прямой связи с пережитками патриархально-родового уклада у башкир, когда члены разных родовых подразделений или семейно-родственных групп селились в противоположных концах деревни⁴. Внутри подразделения выделившиеся новые семьи старались селиться рядом с родственниками. Именно поэтому трудно обнаружить одну общую для всей деревни систему в расположении изб и усадеб. При перепланировке деревень члены одного аймака по-прежнему стремились селиться рядом, занимая часть улицы. Деление деревни на «концы», за которыми закрепилось название бывших аймаков, как было сказано выше, сохранилось до наших дней.

Для башкирских деревень Зауралья были характерны широкие улицы, просторные усадьбы. Как и в большинстве других башкирских деревень, на их территории не было деревьев или кустарников. Большие зеленые лужайки перед домами создавали ощущение простора, как бы переключаясь с бескрайней ширью зауральских степей.

С наступлением периода летних кочевков население покидало свои деревни и перегоняло скот на летние пастбища в степи или в горы. На летних пастбищах башкиры, как указано выше, кочевали небольшими группами, основу которых часто составляли родовые подразделения. Большие деревни на период летних кочевков делились на несколько групп. Количество временных жилищ на летовках соответствовало числу семей, входящих в данную кочевую группу. В «Хозяйственном описании Пермской

¹ В. Г. Калимуллин, Планировка и застройка башкирских деревень, Уфа, 1959, стр. 39.

² Н. Попов, Указ. соч., стр. 8.

³ Полевые записи 1959 г., М-35, стр. 42.

⁴ Р. Г. Кузеев, Очерки исторической этнографии башкир, ч. I, стр. 99—101.

¹ Д. Никольский, Указ. соч., стр. 33—34.

² Там же, стр. 34.

³ Полевые записи 1959 г., М-41, стр. 60, 66.

⁴ «Пермские губернские ведомости», 1883, № 85.

1

2

Таблица VI. 1 — Аппликационный узор на женском сарме. Дер. Давлетбаево, Аргаяшский район, Челябинской области. 2 — Ката (женская обувь). Дер. Куйсан, Сафакулевский район Курганской области.

губернии» Н. Попова указывается, что в начале XIX в. число юрт на летовках зауральских башкир колебалось от 5 до 20¹. Не изменилось положение и к концу XIX в. Б. Г. Калимуллин, исследовавший временные поселения башкир, утверждает, что на летовках редко устанавливали более 20 кибиток². Временные жилища башкир располагались по определенной системе. Наиболее обычным и, видимо, традиционным был кольцеобразный план летних кочевых

куполообразный остов крыши. Палки, образующие верх тюркской юрты, выгибали в нижней части, поэтому купол был пологим. Юрты монгольского типа имели верх заостренной формы. Сверху кибитку покрывали несколькими слоями войлочных кошм, закрепляя их веревками (*аркан*). Входом служило прямоугольное отверстие в одной из решеток; к нему прикрепляли дверь. Посередине в полу вырывали углубление для очага. Иногда со-

Рис. 15: Бревенчатый дом. Аргаяшские башкиры. Фотоархив ИИЯЛ БФАН СССР.

поселений³. И сейчас еще старики хорошо помнят, что на летних кочевьях юрты располагали кольцом или полукругом, а часто — без всякого плана вдоль берега протекавшей рядом речки.

Основным временным жилищем в Зауралье была кибитка круглой формы (*тирма*), крытая войлочными кошмами.

Зауральские кибитки были двух типов: тюркского и монгольского. Остов как тех, так и других состоял из двух — трех, а иногда и больше пар решеток, сплетенных из тонких жердей или дранниц. Решетки устанавливались по кругу, скреплялись ремешками и деревянным кругом-ободом, надевавшимся на них сверху. Круг закреплялся в верхней части решетчатого остова. К нему прикреплялись тонкие палки (*ук*); они соединялись сверху вторым кругом меньших размеров, образуя

оружали небольшую глинобитную печь с небольшим прямым дымоходом. Дым от очага уходил в отверстие в центре купола, которое закрывали кошмами только в случае непогоды. В жаркие дни очаг устраивали снаружи, против дверей юрты.

Внутри занавесью (*шаршау*) кибитка делилась на две неравные части. Справа от двери была женская половина. Здесь выполнялись все хозяйственные работы, хранилась посуда и другая утварь. На этой части за занавесью прятались женщины и дети, когда в гостях был посторонний мужчина. Левая половина считалась мужской. Здесь у стен на подставках стояли сундуки, а около них были разостланы кошмы, положены подушки. По стенам мужской половины были развешаны седла, сбруя, полотенца, одежда и другие вещи. Нужно сказать, что разделение кибитки на две половины у башкир строго не соблюдалось¹. Когда не было посторонних, занавесь откидывалась.

¹ Н. Попов, Указ. соч., стр. 14.

² Б. Г. Калимуллин, Указ. соч., стр. 19.

³ Там же, стр. 19—20.

¹ П. И. Небольсин, Рассказы проезжего, СПб., 1854, стр. 249.

В небольших кибитках небогатых семей занавесь иногда отдергивалась и тогда, когда к хозяину собирались гости и места всем не хватало.

Монгольский тип кибитки был известен всем зауральским башкирам. Кроме них, он встречался у кочевых групп на северо-востоке Башкирии. Туркский тип был более распростра-

на полу поверх травы и ветвей. Если учесть связь в прошлом многих групп зауральских башкир с башкирами горных районов Урала наличие у них такого типа жилища станет понятным: *бурама* была широко известна в юго-восточной горно-лесной Башкирии¹. Подобные жилища существовали и на восточных склонах Уральских гор, в частности, у кубе-

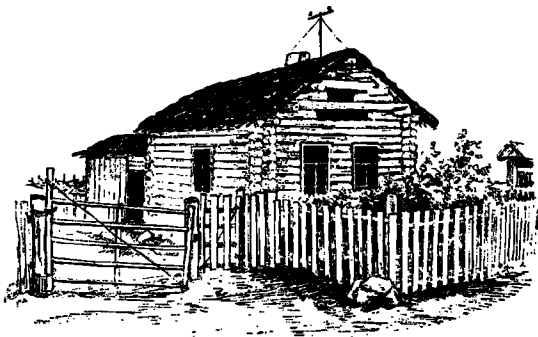

Рис. 16. Бревенчатый дом с дерновой крышей. Кунашакские башкиры. Фотоархив ИИЯЛ БФАН СССР. Рис. художника Г. И. Мухаметшина.

нен. Такие юрты ставили на юго-востоке Башкирии, в бассейне р. Демы и в других местах¹. В Зауралье он встречался наряду с юртами монгольского типа у барын-табынцев, сартов, калмаков, айлинцев и восточных катайцев, т. е. на территории Курганской области и части Челябинской, примерно до южных границ Кунашакского района.

Юрта была основным, но не единственным жилищем на летних кочевьях в Зауралье. Н. Попов сообщает, что зауральские башкиры Пермской губернии, откочевывавшие на лето в Уральские горы, жили в небольших избушках (*бурама*), срубленных из тонких бревен и крытых берестой². *Бурама* не имели окон; свет проникал лишь через низкие двери и щели между бревнами сруба. Один из углов, около двери, оставался непокрытым; здесь устраивался очаг в форме примитивной глинобитной печи, на которой готовили пищу. В глубине избушки, против печи, делали небольшой помост в виде нар. Иногда кошмы расстилались

ляк-телевцев в Верхне-Уральском уезде Оренбургской губернии. Обилие леса в горно-лесной Башкирии, а также не столь частые, как в степи, перекочевки делали *бурама* удобным и наиболее доступным типом летнего жилища. Башкиры, переселившиеся в Зауралье с Уральских гор и устраивающие летовки в степи, вынуждены были сменить прежние формы временных жилищ на более подвижные. Это привело к тому, что в восточных районах Зауралья *бурама* постепенно была забыта. Войлочная юрта стала здесь основным жилищем башкир на летних кочевьях.

**

Формы постоянных жилищ зауральских башкир были более разнообразны, чем времен-

¹ И. Георги, Описание всех в Российском государстве обитающих народов, СПб., 1776, стр. 90; Д. Никольский, Из поездки к лесным башкирам, «Землеведение», 1895, кн. IV, стр. 4—5; Л. Берггольц, Горные башкиры-катайцы, «Этнографическое обозрение», 1893, № 3, стр. 76—77.

¹ С. И. Руденко, Указ. соч., стр. 205—206.

² Н. Попов, Указ. соч., стр. 16.

ных¹. В конце XIX — начале XX вв. кроме бревенчатых срубов в Зауралье встречались саманные, пластиковые, различные виды глинобитных, плетневых и жердевых. Изб. Кроме того, дома различались по размерам, по внутренней планировке, по форме и способу сооружения крыш.

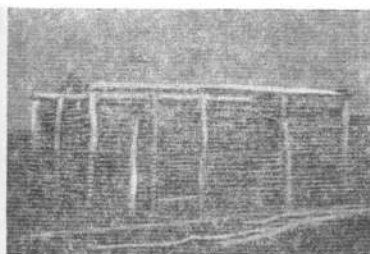

Рис. 17. Деревянный каркас, возведенный при постройке глинобитного дома. Курганские башкиры. Фотоархив БФАН СССР.

Для сооружения бревенчатых домов в Зауралье с давних пор использовалась наиболее распространенная здесь порода деревьев — береза, иногда применялась осина. В районах, расположенных ближе к горному массиву (особенно на юге Челябинской области), наиболее состоятельные семьи старались приобрести ценный по своим строительным качествам материал — сосну.

Единственным способом соединения венцов была рубка «в чашку», причем при наложении одного венца на другой делалась выемка вдоль нижнего бревна.

В большинстве случаев срубы ставились непосредственно на землю, что являлось одной из особенностей жилища зауральских башкир. Возможно, это объясняется отсутствием в Зауралье камня-плитняка и твердых пород древесины, которые можно было бы использовать при сооружении фундамента. Высота срубов в конце XIX — начале XX вв. колебалась от 2 до 3 м.

Пол в бревенчатых домах Зауралья поднимался от земли невысоко — обычно он врубался в первый-второй венец сруба. Полы были одинарные. В домах бедных семей пол делался глинобитным.

¹ Характеристика постоянных форм жилища дана на основе полевых материалов этнографической экспедиции ИИЯЛ БФАН СССР, 1959 г.

В целом для Зауралья были характерны четырехстенные избы (*һыңар йорт*) без пристрой или с легким пристроем — сенями из плетня или жердей¹. Например, в дер. Старо-Соболево Саринской волости Екатеринбургского уезда Пермской губернии в конце XIX в. все 22 избы были однокомнатные². Однако на территории Аргаяшского района Челябинской области и в некоторых крупных деревнях Курганской области у кулаков и части середняков были пятистенные, иногда шестистенные или даже крестовые дома. Некоторые из них сохранились до наших дней. Перед Октябрьской революцией в дер. Большое и Малое Султаново (Сафакулевский район Курганской области) из 500 домов 150 были пятистенными³. По переписи 1887 г. в трех волостях Екатеринбургского уезда, населенных башкирами, 75 процентов от общего числа жилых строений составляли однокомнатные дома, 19 процентов — пятистенные и 6 процентов — крестовые и шестистенные избы⁴.

От размеров сруба и в некоторой степени от количества комнат зависело число окон в доме. В обычном четырехстенке было 2—3 окна. Если дом стоял узкой стороной к улице, в фасаде прорубалось 2 окна, в боковой стене — 1. В том случае, когда дом ставили к улице боком, в боковой стене делали 2—3 окна. В домах с несколькими комнатами окон было больше. Размеры окон были небольшие: до 12 вершков (≈ 53 см) в ширину и до 18 вершков (≈ 79 см) в высоту. Вместо стекол в рамы вставляли слюду, промасленную бумагу или натянутую брешину животных. Двойные рамы встречались чрезвычайно редко.

Для Зауралья характерна двускатная форма крыш (*һыйыҡ баш*). Лишь на территории Аргаяшского района Челябинской области встречались четырехскатные крыши — *бөрмә баш* (рис. 15). Такие крыши еще и сейчас можно встретить на домах старой постройки в дер. Ново-Соболево, Мухаметкулево, Байрагмулово и других.

При сооружении крыш стропилы возводили редко, и то только в капитально поставленных домах зажиточных семей. Позднее появление стропил у зауральских башкир подтверждается и тем обстоятельством, что эта конструкция не имеет башкирского названия. При установлении стропил стропильные балки укрепляли на верхнем фасадном или бо-

¹ Н. Понов, Указ. соч., стр. 6; Д. Никольский, Указ. соч., стр. 36.

² «Пермские губернские ведомости», 1885, № 86.

³ Полевые записи 1959 г., М-36, стр. 31.

⁴ Д. Никольский, Указ. соч., стр. 40.

вом венце сруба. Кроме стропил, в бревенчатых домах крышу сооружали на самцах, однако во многих случаях часть самцов заменялась короткими бревнами; фронтоны таких домов не были закрыты наглухо, так как между бревнами оставались незакрытые пространства (рис. 16).

Для покрытия дома употребляли самый разнообразный материал: тес, дранку, кору, солому, дерн. Д. Никольский, исследовав постройки башкир Саринской и Кульмяковской волостей Екатеринбургского уезда Пермской губернии (северная часть современной территории Челябинской области), подсчитал процент использования каждого материала для покрытия крыш¹. Всего из 2018 строений тесом и драньем было покрыто около 40 процентов. Старики рассказывают, что хозяйственные постройки тесом крыли редко. Следовательно, строения, крытые тесом, были избами. Однако в некоторых небольших деревнях тесовые крыши встречались лишь на отдельных избах. Так, в дер. Старо-Соболево (Аргаяшский район Челябинской области) из 22 домов только два были крыты тесом². Из других материалов для покрытия изб употреблялись чаще всего дерн, береста, дрань. Береста и дрань использовались, в основном, в южных и западных районах Челябинской области, более богатых лесом. На севере Челябинской области и на территории Курганской самым распространенным материалом были дерн. В некоторых избах зауральяских башкир крышей служил плотный ряд жердей, положенных на верхние венцы сруба; на них накладывали пласты дерна. По Никольскому, таких изб в Екатеринбургском уезде Пермской губернии было 15,6 процента³. Большое число построек с дерновыми крышами встречалось и в других районах Зауралья.

На территории Челябинской области (имеются в виду Кунашакский и Аргаяшский районы) лес был единственным строительным материалом для возведения стен домов. Дерновые, саманные, глинобитные и другие избы были здесь редким исключением. Поэтому надо оговориться, что последующее описание всех остальных типов изб относится, в основном, к Курганской области.

Стены саманных изб клали из самодельных саманных кирпичей. Для производства самана смешивали размоченную глину с соломой. При помощи деревянной формы получали прямоугольные кирпичи размером 60×35×25 см. Саман сушили на солнце, переворачивая через

каждые три дня. Саманные дома, как и дома из других материалов, заменивших лес, строились как правило, без фундамента. Кирпичи накладывали друг на друга тесными рядами, соединяя их длинными сторонами. Таким образом ширина стен дома была равна длине самана, т. е. 60 см. На месте оконных проемов устанавливали

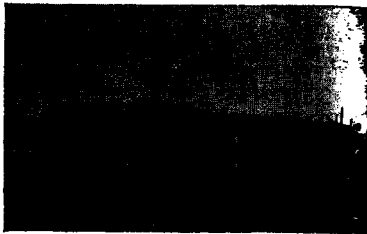

Рис. 18. Дерновый дом. Курганские башкиры. Фотоархив ИИЯЛ БФАН СССР.

ливали сбитые из широких досок коробки, обкладывая их саманными кирпичами. В некоторых случаях коробок не было; тогда ряд самана над окном опирался на доску, положенную вдоль стены и завершающую оконный проем. Стены саманной избы обмазывались с внешней и внутренней стороны глиной, перемешанной с песком и навозом.

К саманным избам близки по строительному материалу глинобитные дома. Для их сооружения приготавливалась глина, смешанная с соломой. Однако техника сооружения стен таких изб была иной.

В Зауралье встречалось два типа глинобитных изб: избы с жердевым каркасом (*кэртэ өй*) и без каркаса (*балсыт өй*). При постройке первых в углах будущей избы и между ними вкапывалось несколько столбов. Столбы врывались также и по бокам предполагаемого оконного проема. К столбам с внешней и внутренней стороны прибывались горизонтально тонкие жерди (рис. 17). Пространство между жердями забивали глиной. Место будущего окна жердями не закрывалось. В том случае, когда при постройке глинобитного дома постоянный каркас не устанавливали, пользовались временной формой — рамой, сколоченной из досок. По мере возведения стен раму передвигали все выше до тех пор, пока стены не были окончательно готовы.

В башкирских деревнях Курганской области было немало изб, целиком построенных из

¹ Д. Никольский, Указ. соч., стр. 37.

² «Пермские губернские ведомости», 1883, № 85.

³ Д. Никольский, Указ. соч., стр. 37.

платов дерна (*кәҫ өй*) (рис. 19). Техника возведения стен в таких избах не отличалась от сооружения саманных изб, но здесь вместо кирпичей использовались вырубленные куски дерна.

В некоторых деревянных встречались избы, основу стен которых составлял плетень (*ситән өй*). При установлении каркаса прутья оплетались вокруг нескольких тонких столбов, вры-

положенных на угловые опорные столбы избы. Но чаще стропила отсутствовали. В таких случаях коньковое бревно крыши опиралось на столбики, устроенные посередине верхних балок фасадных стен (рис. 19—а), или на столбы, врытые в землю. К коньковому бревну и к продольной балке, укрепленной на угловых столбах избы, прибивались плотно, одна к другой, жерди. На них накладывались куски дерна,

а

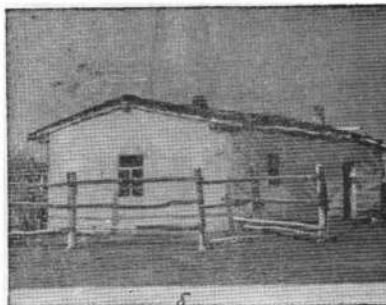

Рис. 19. Типы дерновых крыш.

а — кувашакские башкиры; б — курганские башкиры. Фотоархив ИИЯЛ БФАН СССР.

тых в землю по линии будущих стен избы. С внешней и внутренней стороны плетень обмазывался толстым слоем глины. Гораздо чаще в Зауралье строили дома несколько иной конструкции, так называемые *текмә өй*. По углам будущего дома и вдоль его стен вкапывались на равном расстоянии друг от друга столбы. Столбы устанавливались также по бокам двери и окон. К столбам в горизонтальном положении прибивались жерди (обычно их было 3). Жерди оплетали ивовыми или березовыми прутьями, при этом оставляли свободными плетень оконные и дверные проемы. Для устройства окон пространство между столбами от земли до подоконника закрывалось отрезками бревен. На верхнее бревно ставилась коробка, битая из досок, размер которой соответствовал размеру окна.

Форма крыши описанных построек чаще всего была двускатной или слегка покатой на два ската. Для покрытия использовали различные материалы. Распространены были дерновые крыши. Для возведения крыш пользовались самыми разнообразными строительными приемами. Иногда, правда очень редко, устанавливали стропила, укрепляя их на балках,

перевернутые травой книзу, чтобы земля не осыпалась. Сверху крышу обмазывали глиной, смешанной с навозом. В некоторых избах потолок и крыша совмещались. В этом случае матица располагалась вдоль дома и опиралась на поперечные бревна, положенные на угловые столбы избы. Жерди надрубались в середине, накладывались на матицу, обмазывались сверху и снизу глиной и для тепла покрывались кусками дерна (рис. 19—б). Наклон скатов таких крыш был небольшим, но они имели то преимущество перед плоскими крышами, что во время дождя вода легко с них стекала.

Как правило, дома, построенные из глины, самана, плетня и жердей, состояли только из одной комнаты с легким пристроем у входа, заменяющим сени. Стены пристроя делали из плетня. В большинстве изб оставляли земляной пол (*ер изән*). В тех случаях, когда пол делали деревянным, доски клали прямо на землю или на столбики, вкопанные около стен. Крыльца зачастую не устраивали. В бревенчатых же домах крыльцо заменяла каменная плита или доска, положенная на камни.

Характерная для Зауралья четырехстенная форма жилища, отсутствие деревянных перего-

родок обусловили простоту во внутреннем его устройстве. У некоторых авторов есть сообщение о разделении избы зауральских башкир занавесью на мужскую и женскую половины¹, подобно делению в юрте. В пятистен-

Рис. 20. Сувал, сложенный в плетневой пристройке к дому. Рис. художника Г. И. Мухаметшина.

ках и шестистенках в деревнях Аргаяшского района Челябинской области и в Курганской области роль мужской и женской половин выполняли различные комнаты.

Для отопления помещения и приготовления пищи слева, а чаще — справа от входа, на женской половине, устраивали различной формы и сложности очаги: так называемые хлебные печи (шкмак мейесе, оло мейес) или традиционные башкирские сувалы (сувал). Около тех и других сооружали небольшой подтопок с замазанным котлом для приготовления пищи; дым от котла уходил в трубу печи. Д. Никольский, исследовавший в конце XIX в. быт башкир Екатеринбургского уезда Пермской губернии (север Челябинской области), сообщал, что 48,6 процента башкирских изб отопливается сувалами². В некоторых деревнях почти во всех избах были сувалы. В дер. Старо-Соболево Екате-

бургского уезда из 13 домохозяев только у пяти были хлебные печи. Жилища остальных отапливались сувалами¹. Устройство башкирского сувала хорошо описано П. Палласом: «...таким камин сделан наподобие цилиндра, сверху к трубе сужен, а внизу чело вышиною с человека. Основа каминя состоит из жердей и хвороста, которые хорошо обмазаны глиной... Подле оно-го сделан шесток, на который поставлен котел для варки кушанья...»².

В конце XIX в., кроме Зауралья, сувалы встречались на юго-востоке и в горных районах Башкирии³. В деревнях Курганской области сувалы ставятся иногда и в наши дни, правда, здесь они объединены одним дымоходом с хлебной печью (рис. 20).

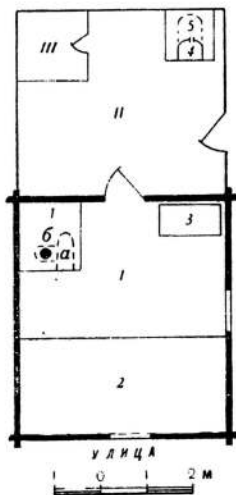

Рис. 21. План однокамерного дома. Дер. Куйсан Сафакулевского района Курганской области.

Хлебные печи Зауралья в начале XX в. были, как правило, глинобитными. Их остов, по-

¹ «Пермские губернные ведомости», 1883, № 86.
² П. Паллас, Указ. соч., кн. первая, СПб., 1809, стр. 649.
³ С. И. Руденко, Указ. соч., стр. 236—238.

¹ «Пермские губернные ведомости», 1895, № 95.
² Д. Никольский, Указ. соч., стр. 40.

добно остову сувала, делали из жердей и прутьев. Несколько тонких жердей, согнутых полукругом, укрепляли в основании и оплетали прутьями. Из жердей, установленных вертикально по кругу, оплетая их, сооружали прямой дымоход. Во внутрь остова накладывали камни, а в самую середину—несколько поленьев. Снаружи все сооружение обмазывали толстым слоем глины. После того, как печь была готова, поленья разжигали. Камни в печи нагревались до такой степени, что загорался деревянный остов. Таким образом, глина прокаливалась и приобретала прочность. Подобные печи в Зауралье делали еще недавно.

Печи и сувалы располагались таким образом, что топки их были повернуты к фасадной стене избы (рис. 21). Против топки во всю стену устраивали широкие нары, которые слу-

рой комнате была повернута устьем к двери, и нары располагались против печи по другую сторону от входа (рис. 22).

На нарах расстилали кошмы, тканые подушки, подушки. В одном из углов нар на дощатой подставке складывали постель: одеяла, подушки. Национальный колорит жилищи придавали также навешанные на жердь, прибитую в одном из углов над нарами или вдоль одной из стен избы, полотенца, молитвенные коврики, салфетки, одежда. Но наряду с этим на западе Челябинской области (Аргаяшский район) можно было встретить, правда, очень редко, элемент, совершенно не связанный с башкирским бытом: в некоторых домах устраивались полаты.

••

У зауральских башкир существовала определенная система в расположении хозяйственных построек. «Против юрты (избы.— *Ред.*), — пишет Н. Попов,— строят амбар, иные два; скотные дворы отделены от них на 30 и более сажен»¹. По-видимому, двор у башкир был разделен на части, причем строго отделялись так называемый «чистый» и скотный дворы. Подобное деление двора сохранилось в Зауралье до настоящего времени. Особенно это относится к западным районам Челябинской области (Аргаяшский район), где башкирские дворы отличаются многочисленностью хозяйственных построек. Здесь разделение двора по функциональному признаку еще более дифференцировано, а части отделены друг от друга жердевыми, плетевыми или дощатыми перегородками (рис. 23). Выделяется «чистый» двор, где находится дом, хозяйственный двор (сарай для хозяйственного инвентаря, клетки), скотный двор (хлева, сеновал, загоны, помещения для молодняка) и огород, на территории которого стоит баня. Нужно заметить, что тесная застройка двора существует в Аргаяшском районе издавна. До наших дней сохранились дома и дворы, построенные 50 и более лет тому назад². Вероятно, башкирское разделение двора на части соединилось здесь с русской покоеобразной застройкой усадьбы.

Вопреки башкирскому обычаю отделения дома от хозяйственных построек, на западе Челябинской области к избе часто примыкают клетки, сарай, или крыша дома бывает соедине-

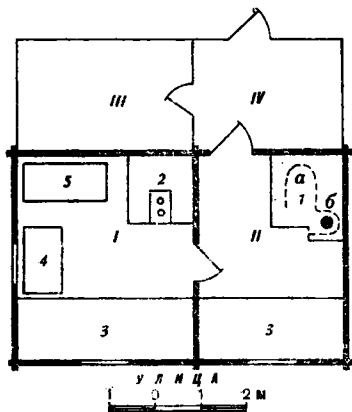

Рис. 22. План двухкамерного дома. Дер. Куйсан Сафакулевского района Курганской области

жили местом для сна, а во многих случаях — и местом для трапезы, заменяя тем самым столы и лавки. Правда, в домах зажиточных башкирских семей уже в начале XX в. появилась и городская мебель. Чаще всего это были столы, скамейки, шкафчики для посуды, кровати.

В многокомнатных домах в каждой из комнат устанавливали печь, сооружали нары. Положение печи и нар было в таких избах отличным от четырехстенных изб, особенно в том случае, если входная дверь была в задней фасадной стене: печь в первой, а часто и во вто-

¹ Н. Попов, Указ. соч., стр. 7.

² Полевые записи 1959 г., М-41, стр. 70, 71.

на навесом с крышей ближайшего хозяйственного строения.

В остальных районах Зауралья во дворах башкир хозяйственных построек мало, и пото-

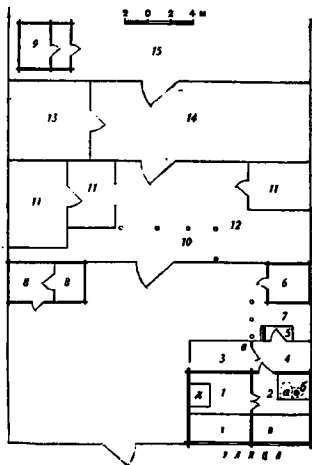

Рис. 23. План дома и усадьбы. Дер. Ново-Соболево Аргаяшского района Челябинской области.

му деление двора на части обозначено не резко. Однако хозяйственные строения, как правило, отделены от дома (рис. 24).

Н. Попов, а позднее Д. Никольский отмечали немногочисленность хозяйственных построек у зауральских башкир¹. По переписи 1887 г. в трех башкирских волостях Екатеринбургской губернии на один двор приходилось менее одного хозяйственного строения². В дер. Старо-Соболево Екатеринбургского уезда Пермской губернии из 13 домохозяев 5 не имели хозяйственных построек³. Самыми распространенными хозяйственными строениями были крытые и открытые загоны для скота, хлева. В большинстве хозяйств они были низкие, непрочные, кое-как сооруженные из плетня. Крылись они дерном, соломой, иногда — лубом. Примечательно, что в Кунашакском районе Челябинской обла-

сти и в районах Курганской области хозяйственные постройки, а в некоторых местах и хозяйственный двор башкиры называют «ограда»⁴. Словом *кэртэ* обозначался и навес для скота, сооружаемый около юрт. Это обстоятельство, а также малочисленность хозяйственных построек и примитивная техника их сооружения говорят о неразвитости хозяйственного двора, что не кажется удивительным, если учесть полукочевой образ жизни, характерный для зауральских башкир вплоть до начала XIX века.

Из других хозяйственных построек у башкир встречались клетки и бани. Клетки ставились более прочно, используя для сооружения стены тонкие бревна или жерди. Крыли, как и сараи, дерном, соломой. Бани строились далеко не в каждом дворе. По подсчетам Д. Никольского: в Саринской и Кульмяковской волостях Екатеринбургского уезда в 29 деревнях оказалось 74 бани⁵, т. е. в среднем по две — три в каждой деревне. К тому же, как заметил Никольский, число бань по деревням распределялось крайне неравномерно. Следовательно, в большинстве башкирских усадеб бань не было. Бани представляли собою сколоченные из березового леса срубы с земляным полом и потолком из жердей, на который насыпалась земля. В одном из углов помещения делали примитивную печь из камня-плитняка. Около нее или на противоположной стороне устраивали небольшой помост для мытья. У входа в баню устанавливали невысокую плетневую загородку, пространство за которой служило предбанником.

По сообщению Н. Попова, в начале XIX в. в каждой башкирской деревне было по одной — две сложенных из глины печи, на которых все население деревни выпекало хлеб⁶. Подобные печи общего пользования устраивали и на летовках⁷.

Усадьбы огораживались жердевыми изгородями, которые в зимнюю стужу часто использовали в качестве дров.

••

Постоянные жилища в башкирском Зауралье на рубеже XIX—XX вв. повторяли основные черты жилых конструкций, распространенных в этом районе среди русского и другого населения. Типы быта временных

¹ Полевые записи 1959 г., М-36, стр. 35; М-42, стр. 10.

² Д. Никольский, Указ. соч., стр. 36.

³ Н. Попов, Указ. соч., стр. 7.

⁴ Д. Никольский, Указ. соч., стр. 50.

¹ Д. Никольский, Указ. соч., стр. 35.

² Н. Попов, Указ. соч., стр. 7, 14.

³ «Пермские губерские ведомости», 1883, № 85.

жилищ к рассматриваемому периоду, как правило, не сохранились. Следовательно, материалы жилища трудно использовать при изучении этнической истории зауральских башкир, особенно на ранних и средневековых этапах. Однако материалы по жилищу могут быть широко использованы при исследовании истории расселения зауральских башкир и их культурно-исторических связей. Так, напри-

меры, как кора, дранка и пр. С другой стороны, влиянием соседнего русского горно-заводского населения Урала объясняется распространение здесь в прошлом пятистенных русских типа, шестистенных изб, четырехскатных крыш, замкнутой планировки усадьбы и т. д.

Среди башкир Курганской области можно наблюдать исключительное разнообразие в использовании строительных материалов. Недостаток леса заставил население искать более доступные материалы. В этом башкирам помог опыт соседних народов, в частности казахов, у которых преобладали саманные, глинобитные и дерюговые дома. Вместе с материалом была заимствована и техника сооружения жилищ. К примеру, башкиры применили технику возведения глинобитных стен при помощи передвижной рамы, которой широко пользовались казахи¹.

Наряду с этим башкиры создали и свою технику возведения домов из жердей и глины (жердевые дома — *текмә өй* и глинобитные дома с жердевым каркасом — *кәртә өй*).

Влияние извне меньше всего прослеживается на севере Челябинской области (Кунашакский район). Для этого района характерны четырехстенный план избы, двускатная форма крыши своеобразной самцовой конструкции, малочисленность хозяйственных построек. Поряду признаков к жилищу башкир этого района приближаются жилища башкирского населения Курганской области, где также широко распространены двускатные крыши, в качестве покрытия довольно часто (как и в Кунашакском районе) используется дерн, а для усадеб характерна малочисленность и разбросанность хозяйственных строений. В то же время бревенчатые избы башкир Курганской области многокомнатны, что сближает их с жилищем башкир Аргаяшского района Челябинской области. Создается впечатление, что при всем своеобразии в жилище башкирского населения Курганской области соединились черты двух других зауральских районов. В целом формирование жилища башкир Зауралья — длительный процесс, связанный с развитием истории и культуры зауральской группы башкир на протяжении последних более чем двух столетий.

¹ И. В. Захарова, Об итогах этнографических исследований 1955 и 1956 годов. «Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР», т. 6, Алма-Ата, 1959, стр. 8.

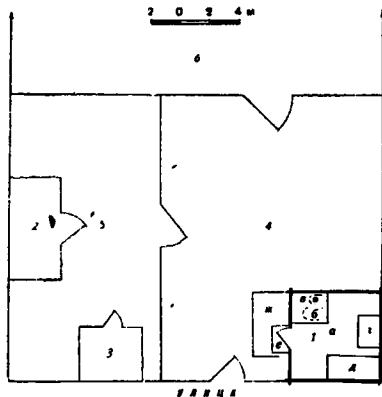

Рис. 24. План дома и усадьбы. Дер. Юлдашево (Забирово) Кунашакского района Челябинской области.

мер, тюркский тип юрты, бурама, сувал связывают Зауралье с горными районами юго-восточной Башкирии, в то время как юрта монгольского типа находит аналогии в культуре северо-восточных районов.

Особенности постоянных форм жилищ и хозяйственных построек различных районов башкирского Зауралья были обусловлены этническим окружением, в частности влиянием культуры русского сельского и горнозаводского населения, и в то же время в значительной степени зависели от природных условий. Например, близость аргаяшских башкир к горно-лесному району позволила использовать в строительстве сосну, а также такие мате-

ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ

Народный костюмный комплекс башкир Челябинской и Курганской областей в силу ряда причин в конце XIX — начале XX вв. сохранил многие самобытные черты, давно утраченные башкирами западных склонов Урала и горных районов Башкирии. Именно поэтому материалы по одежде зауральской группы башкир являются ценным источником для характеристики быта народа, а также для объяснения многих этнических и исторических моментов в его жизни.

Нательной одеждой зауральских башкирок были платье, штаны и нагрудник. На платье надевали фартук и камзол. На севере Челябинской области (Кунашакский район) камзол носили лишь пожилые женщины, начиная с 50 лет. Поверх платья или камзола надевали легкий матерчатый халат (*елэн*). Теплая одежда женщин была разнообразной: войлочный халат (*сәкмән*), ватное пальто (*бишмәт, көпә*), нагольная и крытая материей шубы (*куйтыр, тук*). Особенно ценилась шуба из лисьих лап (*бәсә тун, бәсә короҭка*). Повсеместно в башкирском Зауралье были распространены головные уборы типа покрывал: обычный небольшой платок (*яузук, һыңар яузук*), повязываемый под подбородком за два соседние угла; *кушъяузук* (покрывало невестки), ставший в Курганской области головным убором всей молодежи; различные шали. Сохранилось воспоминание о старинных полотенцеобразных уборах — *тастар* и *баш кейеме*. Под *кушъяузук* и обычный платок одевали головную повязку в виде косынки красного цвета, концы которой завязывались на затылке (*бәйзәмәс*). В Челябинской области эту повязку часто заменял невысокий круглый колпачок. На севере Челябинской и в Курганской области иногда носили и другой вид колпака — с полукруглым мягким мешкообразным верхом.

Пожилые женщины поверх *тастар* или платка, а молодые — под *кушъяузук* одевали теплую шапку — *кама бурек* с матерчатым верхом и околышем из меха выдры.

Были широко распространены по всему Зауралью *сарык* — сапоги с кожаными головками и подошвой и суконными голенищами. Их носили женщины всех возрастов. Праздничной обувью молодых женщин и девушек служили *ката* или *башай*. И те, и другие сапоги носили с суконными шерстяными чулками (*ойок*). В дер. Даулетбаево Аргаяшского района Челябинской области *ката* назывались кожаные глубокие туфли на низком каблуке. Старые женщины из богатых семей ходили в мягких кожаных сапожках (*ситек*), на которые при

выходе на улицу надевали резиновые галоши, купленные на рынке. Для зимнего времени в состоятельных семьях валяли валенки (*бузма*).

Женский костюм дополняют разнообразные украшения. До сих пор по всему Зауралью распространен массивный нагрудник *яга*, украшенный бисером и монетами. В прошлом с нагрудником было связано другое украшение — наспинник (*иңһәлек*), воспоминание о котором сохранилось в Челябинской области¹. Нагрудник и наспинник носили вместе, скрепив на плечах. Другим нагрудным украшением башкир Челябинской области была перевязь (*әмәйзек*). В северном Зауралье носили различные бусы (*кытай, гарәбә*). В дер. Старо-Соболево Аргаяшского района помнят о нашей-оном украшении (*муйыңса*)². Ушными украшениями женщин по всей территории Зауралья были серьги (*һырга, алка*). Девушки и молодые женщины в косы влетали шурки из низанного на нити бисера (*сәсмәу*) или шерстяные шурки с подвесками из монет (*сәстәңкә, суалы*). Все женщины носили браслеты, кольца, перстни.

Нательной одеждой мужчин были рубаха и штаны. Поверх рубахи мужчины надевали расклешенный кафтан (*казәки*) или матерчатый халат (*елэн*). В башкирских районах Челябинской области под халат поддевали безрукавку (*камзу*). Некоторые представители местной знати и муллы носили шелковые сапаны, сшитые из среднеазиатского шелка. Теплой мужской одеждой служили шерстяные халаты (*сәкмән, сәпкән*) и различные шубы. Верхнюю одежду подпоясывали шерстяным или матерчатым поясом (*билмәу*). Мужские головные уборы были разнообразны: тюбетейки, меховые шапки (*бурек*), войлочные шляпы, ушанки с высоким верхом (*колаксын*). Мужчины, как и женщины, носили *сарык*, одевая их на суконные чулки или портянки. На севере Зауралья под названием *сарык* бытовала обувь из невыделанной шкуры лошади или коровы. Мужчины из богатых семей носили кожаные сапоги на твердой подошве (*итек*), мягкие сапоги (*ситек*), галоши.

* *

В башкирских районах Пермской губернии фабричные ткани появились довольно рано. В «Хозяйственном описании Пермской губер-

¹ Полевые записи 1919 г., М-32 К, стр. 39, 69.

² Там же, стр. 40.

нии» (1813 г.) отмечалось, что в губернии находят распространение «разные китайские, российские и иностранные шелковые, бумажные, суконные и другие товары»¹. В начале XX в. покупные ткани становятся основным материалом при изготовлении одежды по всему Зауралью. Из них шили платья, фартуки, мужские рубашки, штаны, камзолы, некоторые из головных уборов; фабричным материалом покрывали шубы и меховые шапки. Наряду с различными хлопчатобумажными тканями производства фабрик центральной России использовали и красочные среднеазиатские шелка, которые шли на пошив камзолов и мужских халатов (*сапан*).

Но наряду с покупными тканями на северо-западе (Кунашакский район Челябинской области), а в некоторых местах и на юго-востоке Зауралья (дер. Большое Султаново Сафакулевского района Курганской области) продолжали носить платья и штаны, сшитые из холста, украшенного браным узором²; из белого холста делали старинные головные уборы.

Кроме тканей, для пошива одежды в начале XX в. зауральские башкиры использовали сукно, кожу, меховые материалы, характерные для кочевничьего мира. Теплые мужские и женские халаты (*сакман*) делали из сукна собственного производства. Сукно шло на изготовление чулок и голенищ для сапог. Из шерсти валяли валенки и мужские шляпы. Шапки, шубы, полушубки шили из меха. Самыми распространенными были шубы из овчины. Кожу употребляли на пошив обуви: сапог, башмаков и пр.

Наиболее распространенная форма женского платья у зауральских башкирок — рубаша с туникообразным верхом и пришитой к нему юбкой. Такие рубашки являлись одновременно нательной и верхней одеждой. Верхняя часть платья представляла собой полотнище ткани, перегнутое пополам, с вырезом для головы и клиньями, вшитыми по бокам. Воротник у платья был стоячий, нагрудный разрез обшивался полосками ткани; ворот завязывался с помощью шуруков или веревочек. Рукава выкраивались из прямых полотнищ и шивались в квадратную пройму. В угол между рукавом и боковым клином для удобства вставлялась квадратная ластовица, часто из ткани, отличной по цвету от материала платья. Широкая прямая юбка собиралась у талии в мелкие складки. Образцом такого покроя можно считать платье зауральских башкирок, ко-

торое хранится в фондах Государственного музея этнографии народов СССР (рис. 25).

Описанная форма платья явилась, видимо, результатом длительной эволюции женского костюма. У зауральских башкир, а также в некоторых районах Южного Урала, в частности

Рис. 25. Старинное женское платье. Дер. Сары, Кунашакский район Челябинской области. ГМЭ, 1002—5а.

у бурзян, ещё в начале нашего столетия встречался более древний покрой платья: туникообразный с неотрезной юбкой¹. Появление широкого подола и отрезной юбки надо связывать с проникновением в башкирские деревни фабричных тканей, более широких, чем холст домашнего производства. Однако фабричная ткань не сразу заменила домотканину. Это объясняется и тем, что широкие массы не всегда могли приобретать ткани на рынке, а также стремлением сохранить как можно дольше традиционные формы в одежде и способах ее укрощения. Вот почему покупная ткань использовалась вначале в основном в декоративных целях: из нее делали оборки, нашивки, ластовицы, иногда воротники. Но постепенно нижняя оборка расширилась; ситец вытеснял до-

¹ Н. Попов, Указ. соч., стр. 355.

² Полевые записи 1959 г., М-32, М-36, стр. 35; К, стр. 9.

¹ С. И. Руденко, Указ. соч., стр. 178.

мотканию и холст. Появились платья с широ-
ким подолом. Юбку платьев, которые шились
из покупной ткани, делали из одного полотни-
ща, собираемого у пояса в складки. Длина
юбки равнялась ширине ткани. Неодинаковой
шириной материала, видимо, можно объяснить
различное расположение линии талии в плать-
ях. Но постепенно в отдельных деревнях сло-
жились определенные традиции. Например, в
дер. Куйсан Сафакулевского района Курган-
ской области платья женщины всех возрастов
до сих пор шьют отрезными примерно по ли-
нии бедер (рис. 26).

Платья туникообразного покроя с отрезной
юбкой были характерны не только для одежды
пожилых женщин, но и для молодежи. Даже
женские рубашки северо-западного Зауралья,
сшитые из холста, кроились подобным обра-
зом.

Несколько отличались от общераспростра-
ненных платья башкирок в дер. Колошбай
Кузьяшакского района Челябинской области:
в начале XX в. старые женщины носили здесь
платья с пришитой выше талии широкой
оборкой¹, что облагает их со старинными жен-

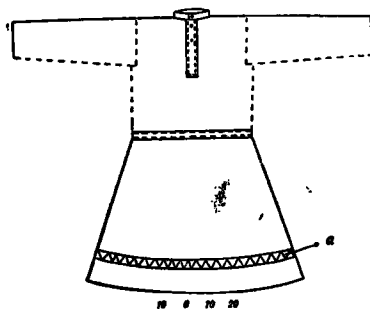

Рис. 26. Покрой женского платья. Дер. Куйсан,
Сафакулевский район Курганской области.
а — нашитая лента.

ским рубашками населения северо-востока
БАССР. Но и в таких платьях описанный выше
покрой в основе сохранялся.

Изменения в покрое одежды начинаются
обычно с платья молодежи, менее консерватив-

¹ Полевые записи 1959 г., $\frac{M-32}{K}$, стр. 37.

ной в своих взглядах и вкусах. Платья заураль-
ских девушек и молодых женщин начала XX в.
дают некоторое представление о дальнейшей
эволюции женского платья (рис. 27). Пышная
нашивка из лент вокруг нагрудного разреза

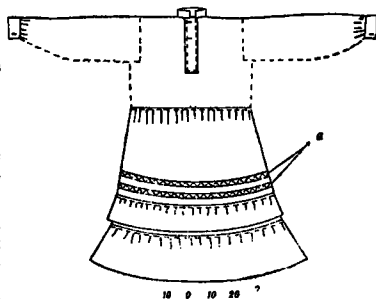

Рис. 27. Покрой платья молодой женщины,
Дер. Большое Султаново, Сафакулевский район
Курганской области.
а — нашитые ленты.

была заменена остронной планкой (ялма), от-
строченной фабричными нитками, ворот стал
застегиваться на пуговицы или крючки. Ис-
чезли ластовицы, появились манжеты, изме-
нился покрой рукава (он сузился книзу), но
тройма осталась по-прежнему прямоугольной.
Большое внимание стали уделять украшению
юбки. Особенно это было заметно в северо-
западном Зауралье, где на юбку нашивали
несколько оборок. В течение последующих
десятилетий юбки с оборками появились и на
юго-востоке Зауралья, в Курганской области¹.
Однако в основе своей в первое десятилетие
нашего века покрой женского платья на всей
территории Зауралья оставался довольно од-
нотипным, что подтверждают и фотоматериалы
С. И. Руденко².

Разнообразны и довольно самобытны спо-
собы украшения женских платьев зауральских
башкирок.

В Кузьяшакском районе Челябинской обла-
сти платья из дмотканный украшались браны-
ми розетками по краю подола, на стоячем во-

¹ Полевые записи 1959 г., $\frac{M-32}{K}$, стр. 63; $\frac{M-42}{III}$,
стр. 13, 24.

² ГМЗ, фототека, № 1022—35, 1022—37, 1022—39,
1022—60 и др.

воротнике, по нагрудной планке и краю рукавов (жиц осо)¹. Когда в этом районе появились платья из покупной ткани, их стали вышивать счетной гладью, а позднее — тамбуром². Примечательно, что узор, как и прежде, располагался по краю подола, нагрудной планке, вороту и концам рукавов или на манжетах.

Насколько была распространена вышивка на платьях на остальной территории Челябинской области, судить трудно. На фотографиях С. И. Руденко подола женских платьев украшает нашитая на некотором расстоянии от края юбки лента или полоска другого материала. Правда, старые башкирки помнят и вышитые платья. По их словам, основными швами были тамбур и косая сетка. Орнамент располагался по краю подола, концам рукавов и вокруг ворота³.

Вышивка на платьях башкирок Курганской области выполнена тамбуром и представляет собой сильно стилизованный узор, в котором можно найти черты и растительного и зооморфного орнамента (рис. 28, табл. II). Встречает-

Рис. 28. Старинное женское платье, вышитое тамбуром. Дер. Куйбаково, Сафакулевский район Курганской области, 1912 г., ГМЭ, 2881—435.

¹ Полевые записи 1959 г., $\frac{M-32}{B}$, стр. 85.

² Там же, стр. 38.

³ Там же, стр. 56.

ся, правда, редко, и счетная гладь. Располагали вышивку полосой по низу юбки, концам рукавов и вороту. Однако заметно, что украше-

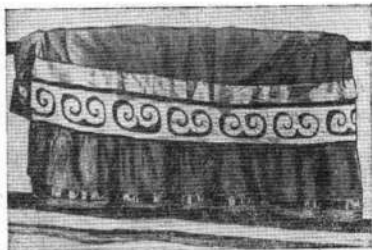

Рис. 29. Подол женского платья, украшенный аппликационным узором. Дер. Аскарново, Альменевский район Курганской области.

нию подола уделяли больше внимания, в то время как планку у ворота и воротник часто оставляли невышитыми.

На севере Челябинской и в Курганской области наряду с вышивкой было распространено и украшение одежды аппликацией. Простейшими видами аппликационного узора были нашитые по краю юбки ленты (*йатма*)¹. Кроме того, на подол платья нашивали зигзагом или волнистой линией (*дугай*) узкую ленту, а в углублениях пришивали многолепестковые розетки в виде цветов². В Курганской области существовал еще один узор аппликации в виде «рогов барана», завитков — так называемый «кускарный узор» (рис. 29).

Вышивкой и сложными узорами аппликации украшались, как правило, платья девушек и молодых женщин. На подол платьев старых башкирок нашивались лишь полоски ткани из другого материала.

Мужские рубахи зауральских башкир до начала XX в. сохраняли старинный туникообразный покрой, несмотря на то, что шили их, в основном, из покупных тканей. Они были довольно длинными (длина хранящейся в ГМЭ мужской рубахи 90 см)³, с прямыми длинными рукавами, цветными ластовицами и разрезом посередине груди. Наиболее распространены были широкие отложные воротники. Однако с начала XX в. к рубахам молодежи начали при-

¹ ГМЭ, фототека, № 1022—35, 1022—50.

² Полевые записи 1959 г., $\frac{M-32}{B}$, стр. 33.

³ ГМЭ, № 1002—15/а.

шить стоячие воротники и планки, прикрывающие разрез на груди¹. Мужские рубахи в Кунашакском районе Челябинской области, сшитые из ткани домашнего производства, украшались отдельными розетками, выполненными брадой техникой, по воротнику и планке². Ворот рубах из фабричной ткани вышивали цветными нитками счетной гладью (табл. VII—1), реже — тамбуром.

Мужские рубахи в Зауралье носили навывпуск и подпоясывали цветными полотенеобразными поясами — *билмау*, *билгау* (табл. IV, VII—2). Концы поясов украшали браным орнаментом (Кунашакский район Челябинской области) или вышивали счетной гладью, тамбуром.

Другая нательная одежда башкир обоих полов — штаны (*ыштан*, *салбар*). Мужчины и женщины носили штаны одинакового покроя. В Зауралье, как и по всему Уралу, штаны кроились из перегнутого пополам полотна; с боков к нему пришивались штанины. При надевании штаны собирались у пояса на шнурок. В Кунашакском районе Челябинской области и в Сафакулевском районе Курганской области (дер. Большое Султаново) помнят женские домотканые штаны с браными розетками. Мужские штаны шились из домотканной красного цвета в полоску.

Говоря о нательной одежде зауральских башкир, нельзя не упомянуть о нагруднике (*тушелдерек*), который женщины носили под платьем. Он представлял собой прямоугольный кусок фабричной ткани с подвернутыми верхними углами, к которым были пришиты завязки. На нагрудник нашивали квадрат из разноцветных лент или полосок ткани. Однако уже в начале XX в. нагрудник носили редко, так что к настоящему времени на территории Курганской области, за исключением Альменевского района, его забыли. Воспоминание об этом виде нательной одежды сохранилось в Челябинской области.

Во время выполнения домашних работ башкирки надевали фартук. В Зауралье известно два вида фартука: с суживающейся кверху небольшой грудкой и лямкой через шею; с широкой грудкой и спинкой. И тот, и другой покрой фартука был известен во всем Зауралье³. Однако они не одновременны по происхождению. В Челябинской области, в зависимости

от покроя, различают *алъялгыс* (передник: небольшой грудкой) и *фартук*, или *запун*, *зипун* (передник со спинкой). В Курганской области оба вида фартука называют одинаково: (*алъялгыс*, *алъялма*), но там преобладают передники с узкой грудкой. Другими словами, фартук с небольшой грудкой является более древним по происхождению. Это подтверждается еще и тем, что в северных районах Башкирии, где передник занимает прочное место в костюмном комплексе башкирских женщин, эта форма сохранилась в основном в старинных фартуках, сшитых из гладкой или пестрой домотканной или холста⁴. Башкиры Зауралья не знали фартуков из холста или домотканной даже в тех районах, где одежду шили из ткани собственного производства. Это является доказательством сравнительно позднего распространения фартука среди зауральских башкир.

Передники украшались вышивкой, а в Курганской области — еще и аппликацией (рис. 30, 31; табл. V). Техника выполнения вышивки или аппликации, стиль узора оставались теми же, что и на башкирских платьях этих районов. Узор на переднике располагался широкой полосой по подолу (если это был тамбур или аппликация) или в несколько полос (если это была счетная гладь). На фартуках башкир Челябинской и Курганской областей, вышитых гладью, украшалась и грудка. Вышивной пояс фартука выстрачивался во всю ширину одноцветными нитками. Передник в Курганской области до сих пор не стал праздничной одеждой молодежи, как это имеет место в Челябинской области. Но в начале XX в. передник по праздникам, видимо, не надевали и в Челябинской области. На фотоматериалах С. И. Руденко, на многочисленных семейных фотографиях прошлых десятилетий мы не увидим на женщинах передников. Пожилые башкирки во всех районах Зауралья до сих пор надевают их только во время домашних работ. Следовательно, передник у башкир являлся, в основном, рабочей одеждой и в качестве таковой получил у них признание.

Покрой верхней одежды зауральских башкир начала XX в. был двух видов: прямоспинный и расклешенный в талии. Правда, до нас дошли лишь отдельные экземпляры некоторых видов одежды, сохранившиеся в ГМЗ и в башкирских семьях. Из расспросов старых башкир довольно трудно установить точный покрой той или иной части костюма, поэтому наши сведен-

¹ Полевые записи 1959 г., $\frac{M-42}{III}$, стр. 18.

² Там же, $\frac{M-32}{B}$, стр. 38.

³ Там же, стр. 70; $\frac{M-42}{III}$, стр. 12.

⁴ Полевые записи 1959 г., $\frac{M-42}{III}$, стр. 30; $\frac{M-32}{B}$, стр. 53.

ния по этому вопросу могут быть не совсем полными.

Прямоспинными у зауральских башкир были женские и мужские чекмени (*сәкмән*), мужские матерчатые халаты (*елән*). Кроме того, были одежды, несколько расширенные в полах,

тюркоязычных народов Средней Азии, Сибири. Н. Ф. Прыткова, занимавшаяся изучением верхней распашной одежды народов Сибири, установила, что у шорцев, северных алтайцев, челканцев, кумандинов верхняя одежда одинакового прямоспинного покрова¹. Прямоспин-

Рис. 30. Женщины в фартуках, вышитых счетной гладью. Дер. Большое Султаново, Сафакулевский район Курганской области.

Рис. 31. Женщина в фартуке, украшенном аппликацией. Дер. Куйсан, Сафакулевский район Курганской области.

но покроя их оставался довольно свободным, близким к прямоспинному. Это — женский халат (*елән*), почти все женские и мужские шубы. Камзолы, мужской халат (*кәзәки*), бешметы; некоторые из шуб были сшиты в талию с сильно расклеванными полами.

Прямоспинный покроя одежды — древний. В прошлом он был характерен не только для непосредственных соседей башкир: финнов Поволжья¹, чуваш² и татар³, но и для многих

новый покроя характерен для старинных одежд казахов² и киргизов³.

Башкирские халаты (*сәкмән*), по-видимому, также являются старинной одеждой. В XVIII в. И. Лепехин, характеризуя одежду населения верховьев Ая, упоминает халат «шипкан»⁴. Раньше эти халаты были рас-

¹ Т. А. Крюкова, Материальная культура марийцев XIX в., Йошкар-Ола, 1956, стр. 131—133; В. Н. Белицер, Народная одежда удмуртов, «Труды Института этнографии», т. X, М., 1951, стр. 103.

² Чуваш, Этнографическое исследование, ч. I, стр. 260.

³ Н. И. Воробьев, Казанские татары, стр. 232, 233.

¹ Н. Ф. Прыткова, Типы верхней одежды народов Сибири, «Краткие сообщения Института этнографии», т. XV, 1952, стр. 20—21.

² А. Аргыбаев, Историко-культурные связи русского и казахского народов, «Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР», т. VI, Алма-Ата, 1959, стр. 70, 73.

³ С. М. Абрамзон, Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан, «Труды Института этнографии», т. 37, М., 1958, стр. 184.

⁴ И. Лепехин, Дневные записки, ч. III. Собрание путешествий по России, т. IV, СПб., 1822, стр. 168.

пространены среди башкир шире. В начале XX в. женский чекмень встречался в горах южного Урала и в степи — у бурзян, усерган и тамьян-таугаурцев¹. По описанию С. И. Руденко, на всей территории Башкирии (в том числе и в Зауралье) *сакман* был одного покроя: с прямой спинкой, прямыми рукавами и воротником шалью. Эта одежда, не имея ни пуговиц, ни крючков, запахивалась на правую сторону и подпоясывалась.

Рис. 32. Женский халат (елэн). Дер. Сары, Куншакский район Челябинской области, 1906 г., ГМЭ, 1002—5е.

Легкой мужской халат—*елэн* был одинакового покроя с *сакман*. Женский *елэн* зауральских башкир начала XX в. отличался от мужского более широким подолом, что достигалось путем сужения прямого полотнища в талии или вшивания в боковые швы узких клиньев (рис. 32, 33). Таким же путем расширялся и подол шуб. Подобные изменения в покрое верхней одежды, без сомнения, являются естественным развитием прямоспинного покроя.

Отличительная особенность башкирских халатов состоит в том, что все они (даже те, что расширены в подоле) широки и свободны в талии, довольно длинные, не имеют застежек.

¹ С. И. Руденко. Указ. соч., стр. 158—159.

Иного характера другая группа верхней одежды. Плотно облегающая талию, она сильно расклешена в подоле, в большинстве случаев имеет небольшой стоячий воротник и глухую

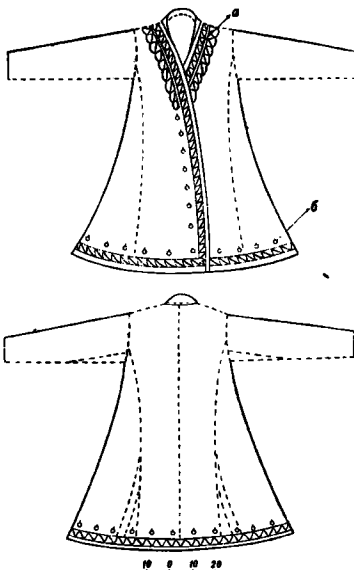

Рис. 33. Покрой женского халата (елэн). Дер. Куйсан, Сафакулевский район Курганской области. а — позумент; б — монеты.

застежку на несколько пуговиц на левую сторону. Именно так выглядят мужской *кээски* — легкий кафтан на подкладке (рис. 34, 35), *бишмат*, *көпө* — стеганое на вате пальто, мужские камзолы башкир Челябинской области и глухие женские камзолы, бытовавшие несколько десятилетий тому назад в Аргаяшском районе Челябинской области и в восточном Зауралье (рис. 36—а). Женские камзолы в Куншакском районе Челябинской области отличались от последних косо срезанными верху полами и отсутствием стоячего воротника (рис. 36 — б).

Появление расклешенного покроя повлияло на форму традиционных одежд. Именно этим

1

2

Таблица VII. 1—Фрагмент вышивки на мужской рубашке. Счётная гладь. Дер. Куйсан, Сафакулевский район Курганской области. 2—Вышивка на свадебном поясе женщины. Счётная гладь. Дер. Большое Султаново, Сафакулевский район Курганской области.

Рис. художника Г. И. Мухаметшина.

можно объяснить бытование у челябинских башкир, наряду с прямоспинным или слегка приталенным халатом, сильно расклешенного в подоле женского *елэн*. Та же эволюция произошла и с некоторой другой верхней одеждой: шуба из лисьих лап (*бэсэ корошэка*, *бэсэ тун*), крытая сверху среднеазиатским шелком, стала

Курганской области утверждают, что первоначально камзол, как и *елэн*, украшали мишурой (*ука*) и лишь позже на него стали нашивать монеты¹. Этим, видимо, и объясняется разнообразие в расположении монет на камзоле. В дер. Куйсан Сафакулевского района Курганской области и в настоящее время трудно найти кам-

Рис. 34. Мужчина в кафтане (*казэки*). Дер. Куйсан, Сафакулевский район Курганской области.

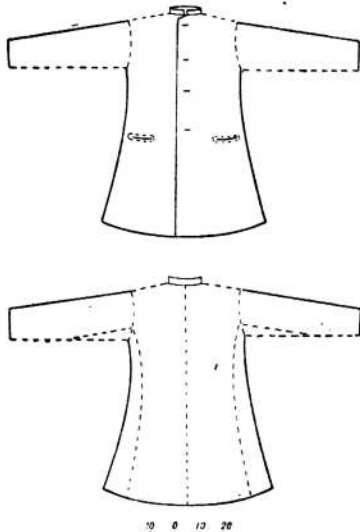

Рис. 35. Покрой кафтана (*казэки*). Дер. Куйсан, Сафакулевский район Курганской области.

шиться, подобно бешмету, в талию, с воротником-стойкой и застежкой на левую сторону.

Из всех видов верхней одежды зауральские башкиры украшали только женские халаты — *елэн* и камзолы. Халаты обшивали одной — двумя полосками позумента по краю рукавов, полам и подолу; небольшие кусочки позумента пришивали на спине у талии и на лопатках¹. Более богато были украшены камзолы: на их полы, подол нашивали позумент, мишур, пришивали монеты (*тэңкэ басылган*). Старожилы

зола, украшенные монетами совершенно одинаково (рис. 37; табл. I, II). Иногда монеты, заменяя позумент, пришиваются по краю полы в один — два сплошных ряда, иногда прикрепляются группами по две — три. Поскольку камзолы в Зауралье всегда имеют застежку, на нижнюю полу монеты нашиваются, отступая от края на глубину запаха. Камзол запахивается и налево, и направо. Это еще больше усиливает разнообразие в его украшении. Большое разнообразие можно видеть в расположении монет и

¹ ГМЭ, № 1002—5/с.

¹ Полевые записи 1959 г., $\frac{M-36}{K}$ стр. 9.

на камзолах в Челябинской области (рис. 38). Однако здесь сложились некоторые общие черты в украшении камзолов, характерные для определенной территории. В дер. Забирово, Колшобай Кунашакского района и в соседних населенных пунктах камзолы по бортам укра-

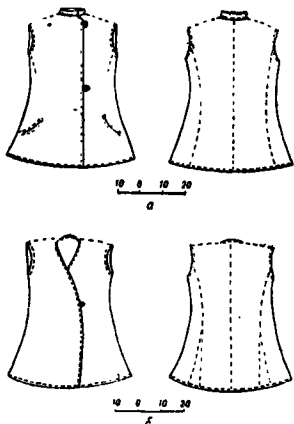

Рис. 36. Покрой женских камзолов зауральских башкир.

а — покрой камзола башкирок Курганской и юга Челябинской области; б — покрой камзола башкирок севера Челябинской области.

шены одним рядом монет. В Чокурово, Кызыл разбросаны по бортам и полам по одной. В дер. Сары Кунашакского района монеты пришиты группами по две—три. Дальше на юг и юго-восток монеты на камзолах прикрепляются только группами и никакими закономерностей, как и в Курганской области, установить здесь нельзя. На севере Челябинской области встречаются также камзолы, украшенные тремя тесными рядами монет, расположенными на верхней поле у нагрудного выреза (рис. 39). Интересно, что точно так располагали монеты на камзолах башкирок современной территории крайнего северо-востока БАССР¹, что лишний раз подчеркивает существование тесных культурных связей Зауралья с севером Башкирии.

¹ Архивный фонд ИИЯЛ ВФАН СССР; фототека этнографической экспедиции 1966 г.

Среди женских головных уборов зауральских башкир выделяется группа типа покрывала. Один из них, *кушъяузык* — покрывало, предназначенное для закрывания лица молодой женщины после замужества. На юго-востоке Челябинской и в Курганской области его носят и в настоящее время.

Кушъяузык состоит из двух неразрезанных фабричных платков, с белым или желтым крупным узором на красном фоне. Середина длинной стороны, покрывающей темя и лоб, изнанки украшается узкой полосой ткани, вышитым узором, нашивкой из позумента и лент с прикрепленными разбросанно несколькими монетками. *Кушъяузык* набрасывается таким образом, что вышитый край его обрамляет лицо (табл. I, II, III). Под подбородком *кушъяузык* закрепляется тесемкой с пришитыми к ней монетами, кораллами (*нагалдырок* — Челябинская область; *накал, зяксен* — Курганская). Имеются некоторые особенности в способах украшения подбородочной части убора по районам. В Курганской области к краю его около ушей прикрепляют длинные подвески из монет, плодов гвоздики, бисера, жемчуга, наанизанных на нити (*колахта сук, колаксын сук*). К середине подбородочной тесемки здесь пришивают полоску ткани с вышитым узором или ленточку, зашитую кораллами и монетами (*зйаксен; накал*). Иногда ее заменяют плетеные шнурки с кисточками на концах (рис. 29). *Колакhta сук и зйаксен* в Челябинской области не встречаются.

В прошлом *кушъяузык* носили башкирки на севере Абзелидовского района, в Учалинском районе², в деревнях, расположенных по среднему течению р. Ай и верхнему течению р. Уфы³. Как указывает С. И. Руденко, этот головной убор был распространен также в северо-западной и западной части Башкирии⁴.

Старинные головные уборы зауральских башкир — *тастар* и *баш кейеме*. Население давно уже их не носит. О *тастар* и *баш кейеме* сохранилось воспоминание в Аргаяшском районе Челябинской⁵ и в Курганской областях⁶, однако почти везде забыты способы их ношения, характер украшения. Сопоставляя рассказы информаторов с описаниями С. И. Руденко,

² Полевые записи 1958 г., $\frac{M-1}{B}$, стр. 60, 66.

³ См. раздел «Женская одежда северных башкир».

⁴ С. И. Руденко, Урал. соч., стр. 194.

⁵ Полевые записи 1959 г., $\frac{M-41}{III}$, стр. 74.

⁶ Полевые записи 1959 г., $\frac{M-42}{III}$, стр. 8.

можно всё же восстановить форму *тастар*. Это было белое полотенце метра три длиной с пришитыми концами (*тастар баш*), вышитыми красными нитками строчевыми швами и гладью. *Тастар* носили пожилые женщины и старухи. Им обматывали несколько раз голову вокруг лица, при этом один конец оставался на груди, а другой перекидывался на спину.

Рис. 37. Девушка в камзоле, украшенном монетами. Дер. Куясан, Сафакулевский район Курганской области.

В Курганской области знали и другой полотенцеобразный головной убор — *баш кейеме*, которым покрывали голову старухи и старики, особенно во время религиозных праздников, молений и пр. Его наматывали вокруг головы, оставляя открытой макушку, концы свешивались по обеим сторонам головы к плечам. Вышивкой *баш кейеме* никогда не украшали. Видно, такой головной убор знали и в Челябинской области, где нам показали способ ношения *тастар*, подобный ношению *баш кейеме* в Курганской области¹.

Видимо, *тастар* и *баш кейеме* — два однотипных по форме головных убора, способ ношения которых был различен. Известно, что *тастар* в прошлом носили башкиры и юго-востока Башкирии¹. *Тастар* юго-восточных башкир, в отличие от зауральского, представлял собою полосу светлого ситца, метра два длиной; способ ношения его тот же, что и в Зауралье. О ношении головного убора-чалмы типа *баш кейеме* на территории Башкирии мы не располагаем сведениями, и потому трудно сказать, насколько в прошлом он был характерен для башкир.

Под *кушгяузык* башкиры одевали небольшой платок обычно красного цвета (*бэйзэ-мес* — в Челябинской и в части Курганской области; *һыңар яузык* — в Сафакулевском районе — рис. 40) и небольшой колпачок с плоским верхом (рис. 41). Налобная часть ободка колпачка зашивалась бисером или подделкой под жемчуг. Такие колпачки были распространены среди казанских татар²; у башкир они появились, очевидно, под влиянием последних. До сих пор их носят башкирки на северо-востоке Белокатайского района БАССР. Можно предположить, что в Зауралье они появились в результате культурных связей с северо-востоком Башкирии. Именно поэтому колпачок у зауральских башкир не стал общепризнанным головным убором: в Челябинской области его одевали девушки и молодые женщины; в Курганской области он был почти неизвестен.

В Кунашакском районе Челябинской области нам встретился головной убор, напоминающий вышеописанный колпачок. Он представлял собой матерчатую шапочку в форме усеченного конуса, спереди обшитую монетами. Около ушей к шапочке были прикреплены подвески из монет (*тәңкәле сук*). Этот головной убор здесь называли *баштык* или *тәңкәле каллак*, т. е. колпак, украшенный монетами³. Вероятно, по своей природе эта шапочка является тем же татарским колпачком, переделанным населением по-своему в связи с распространением здесь украшением в виде ушных подвесок.

На севере Челябинской и в Курганской области знали и более древний вид колпака — с длинной тульей. Такой колпак зафиксирован на фотографии С. И. Руденко⁴. Молодая женщина надела его прямо на волосы и ничем не

¹ С. И. Руденко, Указ. соч., стр. 195.

² Н. И. Воробьев, Казанские татары, стр. 275—281.

М — 41

³ Полевые записи 1959 г., III, стр. 50.

⁴ ГМЭ, фототека, № 1022—39.

¹ Полевые записки 1959 г., М-41 III, стр. 74.

покрыла. Часть колпака, надвинутая на лоб, расшита бисером. Длинный конец его свешивается назад. На другой фотографии Руденко снят ребенок в возрасте около 2-х лет в колпачке со свешивающейся на бок тульей¹. Подобный детский колпачок (*токсайзы калпак*)

Рис. 38. Женщины в камзолах, украшенных монетами. Дер. Чокурово, Багарякский район Челябинской области.

мы встретили в Сафакулевском районе Курганской области (рис. 42). К твердому круглому ободку, расшитому спереди бисером, пришит полуовальной формы мягкий верх, при одевании отбрасываемый назад. К краю его прикреплены разноцветные нитяные кисточки. На ободке с двух сторон по бокам пришиты пуговицы, на которые навешивались подвески из бисера и монет (*колакха сук*), похожие на подвески у *кушъяузык*. Такой колпак ни женщины, ни дети платком обычно не покрывали. Колпак с полукруглой высокой матерчатой тульей в XIX в. был широко распространен у казанских² и сибирских³ татар и, видимо, от

них ведет свое происхождение, поскольку большей части башкир основной территории он был неизвестен. Позже в северном Зауралье его заменила новая форма колпака, чего не случилось в Курганской области. По всему Зауралью были распространены шали — пуховые, шерстяные или кашемировые. Как обычные платки (*яузык*), так и шали покупали готовыми в магазинах.

Мужские и женские меховые шапки (*бурек*) делали с широким околышем из меха; сверху их покрывали материей. Мужчины надевали их поверх *тубэтэй* — небольшой шапочки со сферическим верхом, сшитой из сукна или бархата. Но был и еще один вид *тубэтэй* — в форме невысокого усеченного конуса; их носила молодежь. Такие тубетейки украшались мишурой, а верх их богато вышивался цветными нитками⁴. В холодное время года мужчины одевали белые войлочные шляпы с небольшими полями, а в зимние бураны — меховые шапки с длинными ушами и назатыльником — *колаксын*. С. И. Руденко предполагает, что в прошлом *колаксын* встречался почти на всей территории Башкирии, за исключением бассейна Уфы и нижнего течения р. Белой⁵ (современная территория северо-востока БАССР).

Женские мягкие сапоги с холщевыми голенищами (*сарык*) богато украшались аппликацией и вышивкой (табл. III; VI—2). Кусочки материи нашивали на голенища сапог у задника; основным элементом узора на голенище был *кускар* — завиток. В отличие от женских, мужские *сарык* не украшались, но шили их с высокими кожаными задниками. В Башкирии в начале XX в. *сарык* можно было встретить на довольно ограниченной территории. Материалы этнографических экспедиций ИИЯЛ БФАН СССР дают основание утверждать, что раньше *сарык* носили и башкиры современной территории Белорецкого и Учалинского районов⁶. С. И. Руденко пишет, что *сарык* встречался также кое-где среди минцев, кудейцев⁷.

По внешнему виду к *сарык* близка женская обувь *ката* (Кунашакский район Челябинской

¹ Полевые записи 1959 г., $\frac{M-42}{III}$, стр. 133.

² С. И. Руденко, Указ. соч., стр. 168.

³ Полевые записи 1958 г., $\frac{M-1}{B}$, стр. 65, 66, 71.

⁴ С. И. Руденко, Указ. соч., стр. 161.

¹ ГМЭ, фототека № 1022—44.

² Воробьев, Казанские татары, стр. 227.

³ ГМЭ, № 7—7.

области, Альменевский и Сафакулевский районы Курганской области), или *башай* (Аргашский район Челябинской области). *Ката* и *башай* — разные названия одного и того же вида сапог с твердой подошвой и каблуком и с голенищами из сукна домашней выработки. Их задники, как и у *сарыж*, богато украшены

В Кунашакском районе Челябинской области существует еще один вид обуви, по простоте покроя напоминающий вышеописанные. Это мужская обувь из невыделанной шкуры, сшитая мехом наружу. Она напоминает *бышмылы кыйдырак* башкир северо-восточных

Рис. 39. Женщина в камзоле. Дер. Чокурово, Багарякский район Челябинской области.

Рис. 40. Современный костюм пожилой женщины. Дер. Юлдашево (Забирово), Кунашакский район Челябинской области.

цветной аппликацией (табл. VI). Подобная обувь под названием *ката* встречалась также у инзер-кагайцев¹ и у телевцев на территории теперешнего Учалинского района БАССР².

Другой вид *ката*, который носили в Аргаяшском районе Челябинской области (низкие кожаные галоши), был также у башкир, живущих по среднему течению р. Ай и в верховье р. Уфы. Небезынтересно отметить, что население, среди которого распространена эта обувь, в прошлом принадлежало к роду *эйзе* (айлинцы).

районов Башкирии и происхождением, видимо, связана с последними.

Все виды обуви надевались на чулки (*ойош*) из домашней шерсти. Иногда шерстяные чулки по верхнему краю украшались полосой аппликации.

Остальные виды обуви (сапоги, галоши) не отличались оригинальностью. Часто их приобретали на рынке, и потому встречались они, в основном, в зажиточных семьях.

••

Характерный для всего Зауралья нагрудник — *яга* представляет собой ткань трапециевидной формы, на подкладке, с лицевой стороны

¹ С. И. Руденко, Указ. соч., стр. 197.

² Полевые записи 1958 г., М-1, Б, стр. 65.

сплошь зашитою мелкой сеткой из кораллов или подделки под них. На коралловую сетку сверху в определенном порядке нашиты монеты (рис. 43): верхний ряд монет обведен рамкой из кораллов; ниже этого ряда прикреплены несколько подвесок из монет (*бау*). Иногда вместо монет используются ажурные подвески — *суллы*. С двух боковых сторон нагрудника нашито несколько вертикальных рядов мелких монет. К низу прикреплена бахрома (*тойак*) из кораллов с монетками на конце. Нагрудные украшения башкирок Курганской и Челябинской области различаются главным образом размерами. *Яга* Курганской области, широко закрывая грудь, спускается почти до бедер (табл. I, IV); его длина равна длине камзола. Поверхность, зашита монетами, гораздо больше, чем в нагрудниках Челябинской области. Подвески из монет прикреплены много ниже, а над ними пришито несколько горизонтальных рядов монет. Большую часть украшения занимают три ряда бахромы с монетами на концах. В Челябинской же области нагрудники спускаются чуть ниже талии, при этом завершаются они лишь одним, реже двумя рядами бахромы.

Нагрудники, украшенные кораллами и монетами, встречаются на большой территории Башкирии. В прошлом их не было только на севере (Таньпский бассейн) и северо-западе¹. Зауральские *яга* по общей форме, по материалу, характеру украшения, можно, пожалуй, сравнить с *яга* и *селтэр* башкир Учалынского, Абзелиловского и Баймакского районов². *Яга* Курганской области близок к ним и по размерам. Однако в нагрудниках башкир юго-восточных районов большую часть украшения занимают не монеты, а кораллы. Широкое использование монет сближает нагрудники Зауралья с аналогичными украшениями башкир северо-восточных районов. Нагрудники северных районов Челябинской области близки к северо-восточным и по размерам.

По форме сходен с *яга* наспинник *иңһәлек*. Это — ткань трапециевидной формы, сплошь зашита кораллами и монетами. Низ украшения заканчивается тремя короткими кистями (*тойак*). В настоящее время *иңһәлек* не носят и почти не помнят о его существовании. Возможно, в прошлом он был распространен не только в Челябинской области, так как С. И. Руденко пишет, что встречал его у сартамалков³.

Прямых аналогий, подобных наспиннику Зауралья, в культуре остальных башкир нет. Правда, по способу ношения с *яга* и наспинником можно связать так называемую *киндес-*

Рис. 41. Девушка в колпачке, украшенном бисером, и *кушляулыт*. Дер. Юлдашево (Забйрово), Кунашакский район Курганской области.

такья, которую С. И. Руденко видел у группы барын-табынцев южнее Златоуста⁴. Это почти прямоугольный кусок ткани с вырезом посередине для головы, служивший одновременно и нагрудным и наспинным украшением⁵.

Нагрудная лента — *эмәйзек* одевалась с левого плеча под правую руку. Это — полоса ткани с нашитыми на нее в несколько рядов монетами, обрамленными рядами кораллов. До нашего времени это украшение не сохранилось. В начале XX в. *эмәйзек* носили, в основном, в Кунашакском районе Челябинской области. Встречалась перевязь и в Аргаяшском районе, но редко. По свидетельству С. И. Руденко, нагрудная лента, или перевязь, в начале XX в. была характерна больше для северо-запада, меньше для севера и северо-востока Башкирии⁶. Однако в прошлом на северо-востоке и в Зауралье это украшение было, по-видимому, довольно распространено. Еще в XVIII в. Паллас, описывая женский костюм Исетской

¹ С. И. Руденко, Указ. соч., стр. 182—183.

² Полевые записи 1958 г., М — 1, Б, стр. 49, 61, 65.

³ С. И. Руденко, Указ. соч., стр. 185.

⁴ С. И. Руденко, Указ. соч., стр. 184—185.

⁵ ГМЭ, № 2881—440.

⁶ С. И. Руденко, Указ. соч., стр. 186—187.

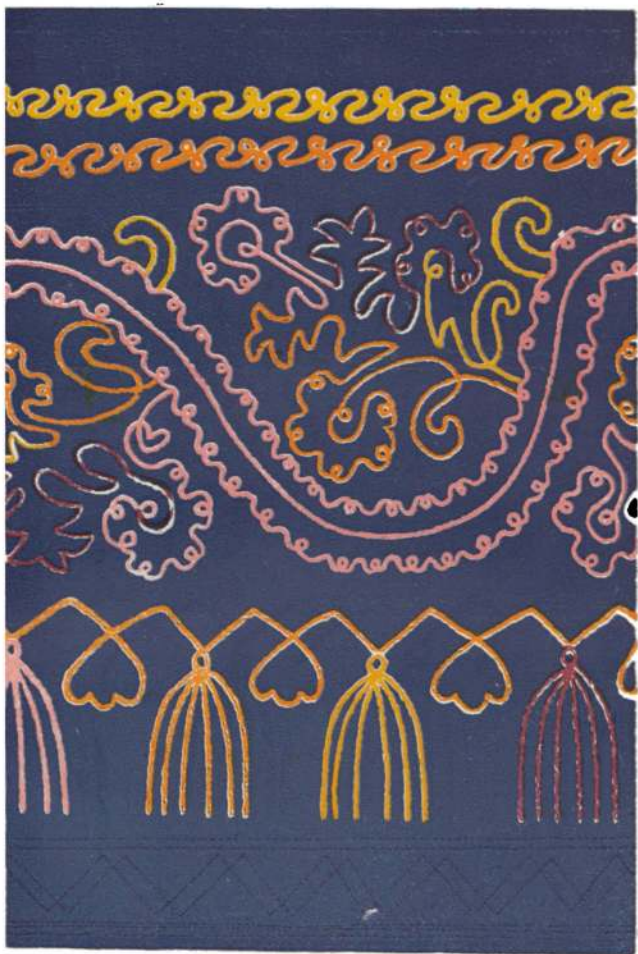

Таблица VIII. Фрагмент вышивки на платье. Тамбур. Дер. Куйсан, Сафакулевский район Курганской области.

Рис. художника Г. И. Мухаметшина.

ровинции, сообщал, что на восток от Урала генское одеяние отличается широким, висящим рез плеча, в виде ордена, украшением. В тих местах женщины носят его целый день, не вникая, и даже «всякую работу, сколь оно ни беспокойно и тягостно, в оном отправляют»¹.

Рис. 42. Детский колпак. Дер. Куйсан Сафакулевский район Курганской области. Рис. художника Г. И. Мухаметшина.

Шейное украшение — *муынсак* (шнурок с прикрепленными к нему несколькими рядами монет) в прошлом носили, кроме зауральских башкир, минцы, табынцы и другие группы в Западной Башкирии².

Во всех башкирских районах Зауралья существовало украшение в виде серег с подвесками, соединенных под подбородком цепочкой с подвешенными к ней монетами — *һырга*. В прошлом *һырга* носили также башкирки среднего течения р. Ай и верховьев р. Уфа³.

Обращает на себя внимание сходство зауральского украшения *һырга* с подбородничком *кушъяузык* в Курганской области. Нужно заметить, что в то время, как *кушъяузык* с подбородочной тесемкой, украшенной монетами и подвесками, носят и сейчас, *һырга* давно не существует. К тому же на территории Курган-

ской области нет твердо установленного обозначения подбородочной части *кушъяузык*. Возможно, самостоятельное украшение *һырга* постепенно стало частью украшения женского покрывала.

Обычные серьги (*алка*) башкирки Зауралья носили редко.

Накосники, кольца и браслеты в Зауралье не имели своих особенностей. Эти украшения встречались на всей территории Башкирии.

Описание одежды зауральских башкир позволяет сделать некоторые выводы.

В Зауралье в начале XX в. существовал единый костюмный комплекс. Характерной чертой его являлось сочетание в женской одежде таких элементов, как обувь — *сарык*, покрывало — *кушъяузык* и нагрудник — *яға*.

Однако, несмотря на большое сходство в одежде всех башкир Зауралья, можно заметить ряд отличий в деталях костюма по районам. При этом нужно оговориться, что материалы по одежде не позволяют разделить исследованную территорию Зауралья на подрайоны. Сложность исторических процессов, коснувшихся зауральской группы башкир, многообразный этнический состав населения являются причиной пестроты, которая обнаруживается при попытке картографировать отдельные элементы костюма. Одни черты в одежде башкир севера Челябинской области (Кунашакский район) объединяют башкир этой территории с населением Аргаяшского района, другие — с Курганской областью. Точно так же в башкирской одежде Аргаяшского района Челябинской области немало общих черт с одеждой башкир Кунашакского района — с одной стороны, с Курганской областью — с другой. Наряду с этим, в каждом из названных районов есть свои, местные черты, которые не встречаются на остальной территории Зауралья.

Из всей исследованной территории наиболее определено можно охарактеризовать лишь север Челябинской области (Кунашакский район). Только на севере Зауралья встречались платья и мужские рубахи из домотканны или холста с браным узором, меховая обувь с суконными голенищами. В отличие от остальных районов Зауралья, мужчины здесь носили камзолы; зато женщины надевали безрукавки только в пожилом возрасте; последние отличались косо срезанными у горловины передними полочками. Широко распространенным нагрудным украшением в Кунашакском райо-

¹ П. Паллас, Указ. соч., ч. II, кн. I, СПб: 1786, стр. 98.

² С. И. Руденко, Указ. соч., стр. 181.

³ См. статью «Женская одежда северных башкир» в настоящем сборнике.

не была перевязь, в то время как в остальных районах ее носили редко. Другие особенности в одежде этого района, обнаруживая отличия от одежды башкир Аргаяшского района, указывают на связь населения Кунашакского района с населением Курганской области. Имеются в виду обрядовые штаны из домотканнины с вытканными браными розетками; украшение одежды аппликацией и характер ее узоров, наличие колпака с длинным мешкообразным верхом. К чертам, объединяющим башкир Кунашакского и Аргаяшского районов, но отличающим север Челябинской области от Кургана, относятся: бытование украшений, одинаковых по форме (нагрудник, подбородник у *кушъяузык*, наспинник, перевязь, бусы); ношение *кушъяузык* в сочетании с татарским колпаком; одинаковое название двух видов фартука, одинаковый орнамент тамбурной вышивки на одежде.

Своеобразие одежды башкир Курганской области заключается прежде всего в оригинальном оформлении подбородника *кушъяузык*; в форме и украшении нагрудника; в характере орнамента тамбурной вышивки и некоторых узоров аппликации (например, «кукарный» узор); в отсутствии в качестве украшений бус, ожерелий, перевязи; в небольшой степени распространения в прошлом фартука с широкой грудкой и спинкой и небольшого, так называемого татарского, колпачка. О сходстве одежды Курганских башкир с башкирами севера Челябинской области говорилось выше. Отдельные черты, сближая башкир Курганской области с башкирами Аргаяшского района, подчеркивают отличие их от башкирского населения севера Зауралья. В основном это касается одного вида одежды — женского камзола, точнее его формы (глухой, со стоячим воротником), и обычая носить его девушками и женщинами всех возрастов без ограничения.

В одежде башкирского населения Аргаяшского района, как можно заметить, нашли отражение особенности костюма башкир и севера Челябинской области и территории Кургана. В то же время некоторые виды обуви и украшений не встречаются ни севернее, ни восточнее. Это глубокие кожаные туфли на низком каблучке (*ката*), ожерелье из монет (*муйынсак*). К особенностям Аргаяшского района надо отнести и название праздничной обуви с суконными голенищами (*башай* вместо общераспространенного *ката*).

Выше указывалось, что в одежде башкир Зауралья прослеживается сходство то с отдельными элементами костюма северо-восточных районов Башкирии, то с одеждой башкир

Учалинского, Белорецкого и севера Абзелиловского районов; некоторые детали находят аналогии в культуре юго-восточных башкир, а также небольших групп мишцев, табынцев, кудейцев, разбросанных с запада на восток по центру Башкирии.

Черты, сближающие Зауралье с северо-востоком БАССР: применение домотканнины или холста для пошива одежды; обычай украшать

Рис. 43. Женское нагрудное украшение (*наğ*). Дер. Байрамгулово, Аргаяшский район Челябинской области. ГМЭ, колл. № 1234—1.

одежду браным узором и характер расположения его на одежде; широкая оборка на платье, пришитая выше линии талии; растительный орнамент тамбурной вышивки; фартуки; сочетание *кушъяузык* с татарским колпаком; кожаные туфли-галоши (*ката*), меховая обувь, ношение перевязи, бус, ушного украшения, форма нагрудника (Челябинская область), широкое использование монет в украшениях.

Элементы одежды, общие для Зауралья и горной части центральной Башкирии: сапоги с суконными голенищами (*хата, сарык*), покрывало (*кушъяузык*), нагрудник (Курганская область), напсинник, полотенецобразный головной убор, мужской головной убор, (*колаж-сын*) ожерелье из монет (*муынсак*).

Учитывая особенности одежды башкир различных районов Зауралья, можно прийти к выводу: с северо-востоком Башкирии больше сходства обнаруживает север Челябинской области, в то время как Курганская область и юг Челябинской тяготеют к горной части центральной Башкирии.

СЕМЬЯ И БРАК

С конца XVIII в. опубликована довольно обширная литература о семье и семейной жизни башкир. Однако семейно-брачные отношения башкирского населения Зауралья нашли в ней очень небольшое отражение. К тому же исследователи, стремясь создать общую для всех башкир картину семейных обычаев и обрядов, часто не указывали границы бытования отдельных явлений; частные, локальные случаи они выдавали за всебашкирские. Этот недостаток не совсем преодолен и в работах последнего времени¹. Между тем семейные обычаи и семейно-брачные обряды башкир, при общности многих основных моментов, обнаруживают большое разнообразие в отдельных этнографических районах.

Этнографической экспедиции 1959 г. удалось записать несколько интересных семейных обычаев и воссоздать полный комплекс свадебной обрядности у башкир Зауралья конца XIX — начала XX вв. Последний, на наш взгляд, представляет значительный интерес, так как именно в свадебной обрядности башкир сохранилось много специфических черт духовной культуры различных этнографических районов Башкирии.

Основной формой семьи у зауральских башкир уже в XVIII—XIX вв. была малая семья. В восточной Башкирии, где, в отличие от земледельческих западных районов, в течение длительного времени сохранялось полукочевое скотоводческое хозяйство и, в связи с этим, реальное значение в общественной жизни имели родовые подразделения, большие семьи, хотя и встречались, представляли непрочные и непостоянные организации. Это объясняется тем, что сам факт существования родовых подразделений, члены которых были связаны узлами кровного родства, общностью экономических интересов, внутригрупповой солидарностью и взаимопомощью, ослаблял и нейтрализировал роль большой семьи, которая должна была бы нести те же функции². Это подтверждается и

письменными документами. В середине XVIII в. башкиры Ногайской дороги писали, что «сыновей боле 20-ти лет отцы при себе не держат, ибо, оженя и сделав особый дом, отпускают»¹.

Все же еще в конце XIX — начале XX вв. у башкир Челябинской и Курганской областей довольно частым явлением были так называемые неразделенные семьи. По данным Д. П. Никольского², во второй половине XIX в. в деревне Старо-Соболево Саринской волости Екатеринбургского уезда (ныне Аргаяшский район Челябинской области) было 13 домохозяйств, которые владели 22 жилыми домами. Из них две семьи в составе 12—13 человек каждая имели по три дома, а три семьи — по два дома. Кроме того, три семьи, каждая из 8 человек, имели по одному дому. Число взрослых членов шести семей составляло 30 человек, т. е. по 5—7 человек в каждой. Надо предполагать, что некоторые из этих семей, состояли из нескольких брачных пар, связанных, помимо родства, единым хозяйством. Это тем более вероятно, что неразделенные семьи существовали в Аргаяшском районе Челябинской области еще в 20-е годы XX в.

Имеющиеся материалы не позволяют определить удельный вес неразделенных семей по отношению к малым семьям не только по всему Зауралю, но и по отдельным волостям или даже населенным пунктам. Можно составить лишь приблизительную картину, опираясь на данные о количестве жилых помещений и числе членов в отдельных семьях, хотя ни один из этих показателей, взятый в отдельности, не может служить надежным критерием. В той же деревне Старо-Соболево семьи, владевшие двумя—тремя домами, составляли 38 процентов, семей из 7—13 человек было 46 процентов. Если предположить, что только половину этих семей могли представлять неразделенные

¹ Материалы, т. IV, ч. 2, стр. 44.

¹ С. И. Руденко, Указ. соч., тл. XII, стр. 259—285.
² Р. Кузеев, Очерки исторической этнографии башкир, ч. 1, стр. 116.

² Д. П. Никольский, Опыт санитарно-статистического исследования д. Старо-Соболево Саринской волости (башкирской), Екатеринбургского уезда, «Перские губерские ведомости», 1883, № 85—87.

семьи, то удельный вес последних равнялся бы 19—23 процентам. Среднее количество членов семей в деревне Старо-Соболево, по сведениям Д. П. Никольского, — 6,3 человека, а на одну комнату в среднем приходилось 3,7 человека. У нас нет сведений о средней численности семей по волостям и тем более по более крупным административно-территориальным единицам. Однако известно, что в 80-е годы XIX в. в Саринской волости в среднем на одну комнату приходилось 4,4 человека, в Кульмяковской волости — 4,1 человека¹. Если за основу взять соотношение между количеством людей на жилую комнату (3,7) и средней численностью семей (6,3) в дер. Старо-Соболево, то окажется, что в Саринской волости средняя численность семей составляла 7,5 человека, а в Кульмяковской волости — 7 человек. Даже в том случае, если эти цифры оказались бы преувеличенными, они говорят о сравнительно большой численности башкирских семей.

Природа неразделенных семей у башкир не исследована. По наличию в них нескольких брачных пар они фактически являются большими семьями. В то же время едва ли будет правильно проводить параллель между ними и патриархальными семейными общинами, например, земледельческих племен Средней Азии или народов Поволжья. В отличие от последних, неразделенные семьи у башкир характеризовались незначительностью и неустойчивостью: после смерти главы семьи — отца они всегда распадалась. Неразделенные семьи в прошлом — очень часто зажиточные семьи. Именно среди кулацкой прослойки башкирского общества, не в интересах которой было распыление имущества, чаще всего встречались крупные семьи. Сосредоточение в одних руках большого богатства позволяло башкирским баям занимать господствующее положение в общине и эксплуатировать своих сородичей. В упомянутой деревне Старо-Соболево, например, в 80-е годы XIX в. пять семей, в которых было 25 взрослых людей, имело 67 лошадей и, владея 35 десятинами земли, обрабатывало более 53 десятины². В связи с этим можно высказать предположение, что неразделенные семьи получили среди башкир широкое распространение сравнительно недавно, в связи с проникновением буржуазных отношений в башкирскую деревню и появлением тенденции к концентрации собственности в руках одной семьи.

Главой семьи, как неразделенной, так и малой, являлся отец, если даже он был стар и не работал в хозяйстве. Лишь в редких случаях взрослый сын становился главой семьи при жизни отца. Но и тогда родители привлекались к обсуждению всех наиболее крупных семейных вопросов. После смерти мужа, если сыновья были малолетние, семью возглавляла вдова, но близкое участие в жизни семьи принимали братья или ближайшие родственники мужа.

Глава семьи распоряжался имуществом и был ее юридическим представителем. При решении хозяйственных дел, а также вопросов женитьбы сына или замужества дочери глава семьи советовался с женой, женатым сыном или ближайшими родственниками.

Доходы от реализации сельскохозяйственных продуктов и заработка членов семьи по найму поступали в общую кассу, которой ведала старшая в семье женщина.

Все домашние работы в семье выполняли женщины. Переработка пищевых продуктов и приготовление пищи, пошив одежды, содержание дома составляли предметы их забот и обязанностей. Многие домашние промыслы, от которых в значительной степени зависело благополучие башкирской семьи, — выделка меха и кожи, изготовление войлока, прядение и ткачество, вышивание и аппликация — также лежали на женщинах. Башкирская женщина выполняла и такие работы, которые обычно считаются мужскими: ремонт дома, кладка печей и т. д. Очень много труда и сил зауральской башкирки уходило на работы, связанные со скотоводством: дойку кобыл и коров, приготовление кумыса и курута, уход за молодняком, заготовку сена и т. д. И земледелие не было «чисто мужским» занятием: женщина участвовала в посевных работах и жатве. Башкирские женщины принимали также участие в лесных промыслах и рыболовстве¹.

В дореволюционной литературе можно найти высказывания о том, что все хозяйство и все работы у башкир лежали на женщине, тогда как мужчины почти ничего не делали². В действительности мужской труд, носивший в известной степени сезонный характер, был сосредоточен на главных и наиболее производительных участках хозяйства, как скотоводство, земледелие, рыболовство, отхожие промыслы, и являлся основным источником благосостояния семьи. В то же время мужчины занимались

¹ Д. П. Никольский, Башкиры, стр. 41.

² Он же, Опыт санитарно-статистического исследования деревни Старо-Соболево...

¹ Д. П. Никольский, Башкиры, стр. 96—97.

² П. Н. Назаров. К этнографии башкир. Этнографическое обозрение, 1890, № 1—2, стр. 190; Д. П. Никольский, Башкиры, стр. 51.

кустарными промыслами и строительными работами.

По сравнению с другими мусульманскими народами, башкирская женщина располагала некоторой самостоятельностью. Надо, однако, говорить, что положение пожилых и молодых женщин было неодинаково. Д. П. Никольский, проводивший свои наблюдения главным образом среди зауральских башкир, писал, что «пожилые женщины пользуются у башкир уважением не только в семье, но и в обществе им оказывается всякий почет. Дети, хотя бы они и были взрослыми, относятся к матери с уважением. Со старыми женщинами часто совещаются в семье и голос их имеет иногда даже решающее значение»¹. Некоторую независимость женщине обеспечивало ее приданое, собственницей которого она являлась, и, в конечном счете, возможность получения развода.

Однако при всем этом мужчина в семье был полноправным господином; его господствующее положение было закреплено религией. «Ваши жены — ваше поле», — гласит одна из догм ислама. Жена должна была во всем угождать мужу, седлать ему лошадей, отворять ворота, покорино сносить унижения, оскорбления и побои. Хотя в литературе немало писалось о том, что башкир к своей жене добр, что он никогда ее не бьет, что родственники и представители мусульманского духовенства стоят на защите ее интересов, история башкирской женщины в прошлом полна страданий и трагизма. Особенно тяжелым было положение молодой женщины — снохи, о чем подробнее будет рассказано несколько ниже, в связи со свадебными обрядами башкир.

В состав башкирской семьи довольно часто входила дочь, разведенная с мужем. Положение такой женщины было намного легче, чем снохи. К ней с почтением относились родные братья и сестры, а жена ее младшего брата должна была подчиняться ей. При возникновении конфликтов родители и братья, как правило, принимали сторону разведенной².

Зятья-примакн для зауральских башкир нехарактерны. В тех редких случаях, когда неумиющий мужчина после женитьбы переходил в дом жены, его положение в обществе определялось экономическим состоянием новой семьи. Однако при разводе он уходил и

с чем, унося с собой только одежду и инструменты.

Раздел имущества семьи производился полюбовно. Старшие сыновья получали свою долю при выделе в самостоятельное хозяйство обычно при жизни родителей. Доля дочери практически определялась размером приданого. Дом отца и оставшееся в нем имущество доставались младшему сыну. В редких случаях (если наследники не достигли совершеннолетия или между ними были разногласия) прибегали к посредничеству муллы или аксакалов.

Как указывалось выше, разделившиеся семьи — члены одного родового подразделения — селились по соседству. Такие семьи поддерживали между собой самые тесные хозяйственно-экономические связи.

Однако с разложением патриархально-феодалных отношений родовые подразделения, как и роды, уже не представляли однородной родственной организации. В них все больше входило новых элементов из различных родоплеменных групп. В конце XIX — начале XX вв. башкирские семьи объединяли уже не кровнородственные связи, а экономические и соседские. Во многих случаях это были объединения вокруг одной зажиточной семьи нескольких смежных территориально соседних семей. В основе таких объединений лежало экономическое закабаление одних другими. Обычай всячески освещал взаимоотношения соседей. В обиход входили выражения: «курше хаты» (право соседа, доля соседа), «курше — хужаның уң кулы» (сосед — правая рука хозяина) и т. д. На деле это была мораль байской верхушки, призванная завуалировать и освещать эксплуатацию баями своих соседей-бедняков.

* *

Термины родства и свойства зауральских башкир в основном такие же, как и у башкир, расселенных к югу и западу от Уральского хребта¹. Вместе с тем имеются некоторые своеобразия.

У зауральских башкир нет специального термина для обозначения прадеда и праба-

¹ Впервые термины родства у башкир описаны в работах: Т. Г. Б а и ш е в, Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку, М., 1955; С. И. Руденко, Указ. соч., стр. 265—267; Х. Г. Юсупов, Термины родства в башкирском языке (из наблюдений над лексикой башкирских говоров), «Вопросы башкирской филологии», М., 1959, стр. 123—135 и др.

¹ Д. П. Никольский, Башкиры, стр. 98.

М—33

² Полевые записи 1959 г., Б—, стр. 64.

бушки¹. Правнуки обращаются к ним так же, как к делу (*картай*) и к бабушке (*картай*). А за глаза говорят и так: *атайымдың картайы* (дед моего отца), *картайымдың атайы* (отец моего деда), *картайымдың инаһе* (мать моей бабушки) и т. д. Дед и бабушка по линии отца и матери также *картай* и *картай*. Этими же терминами называют всех родственников старше деда и бабки.

Отца зауральские башкиры называют *атай*, мать — *инаһ*.

Старшие братья отца или матери — *буай*. Буай также все мужчины, члены данного родового подразделения или даже села, старшие родителей и моложе деда и бабки, если они не состоят в семье к данному лицу.

Младшие братья отца или матери (но не моложе говорящего) — *агай*. В то же время *агай* — все родственники мужчины, сородичи или односельчане старше говорящего и моложе его родителей, если они не состоят в семье к данному лицу.

Старшие сестры отца и матери, а также все женщины старше последних — *эбей*. Младшие сестры отца и матери, но старше говорящего, а также все женщины этого же возраста, родившиеся в данном подразделении или селе и вышедшие замуж в другие села или подразделения по отношению к говорящему являются *апай*. Если брак совершался в пределах села, или даже родового подразделения, т. е. между лицами, приходящими к данному лицу *апай* или *агай*, вопрос о том, как их называть после брака, решался в зависимости от того, насколько близки были родственные связи. Если более близким родственником оказывался мужчина, женщину называли *еңгә*, мужчина оставался *агай*. Если были ближе родственные связи женщины, то *агай* становился *еңгә* (зять), а женщина по-прежнему была *апай*. В редких случаях и после брака последних называли *апай* и *агай*.

Старших братьев и сестер разных степеней родства (двоюродных, троюродных и т. д.) также называли *агай* и *апай*.

Младший брат, племянник (сын старшего брата или сестры) и дядя моложе данного лица, а также все младшие представители родового подразделения или села моложе говорящего и старше его детей, если они не *каза*, *кедәу* и т. д., называются *эне*, *энекас*. Для того чтобы подчеркнуть кровную близость кого-либо из них, применяют понятия *тәһәем*,

туғаным, *бер туған энем* (родной братишка). Очень часто со словами *эне*, *энекас* говорящий обращается и к родственникам моложе собственных детей.

Младшая сестра, племянница (дочь старшего брата или сестры), тетя и все женщины-родственники моложе данного лица — *кәрәндәш* (если говорящий — мужчина), *һендәкәс*.

Сына зауральские башкиры называют *ул*, дочь — *кыс*. *Ул*, *кыс* означают также внук и внучка, племянник и племянница, сын и дочь младшего брата и дети всех младших родственников, которых данное лицо называет *энем*, *кәрәндәш*.

Как видно, в существующей терминологии родства зауральских башкир почти не различают родственников по боковым линиям. Все они объединены в возрастные группы, в которые иногда входят и родственники по прямой линии (например, *агай*, *апай*, *эне*, *һендәкәс*). Однако в прошлом башкиры выделяли детей своих сестер, дочерей. В этом плане весьма интересно бытование *ҡоятай жыған ул*, *жыған кыс*: так называют данное лицо старшие родственники его матери. Да и односельчане женщины, если она замужем в другой деревне, называют ее детей «*бестең жыған ул*», «*бестең жыған кыс*»¹. Хотя *жыған* или *ейән* в башкирском литературном языке и в некоторых башкирских говорах имеет значение «внук»², у зауральских башкир оно обозначает внука и племянника по женской линии. В этом отношении башкирский язык чрезвычайно близок к *жиен* у казахов³ и узбеков⁴, *жәэн* у киргизов⁵, *зәэ* и *зәэнсәр* у бурят⁶.

У башкир нет специального термина для дяди по матери. Неизвестно также о наличии у них особых отношений между племянником и дядей по матери. Однако существование таких отношений у бурят, киргизов и других тюрко-монгольских народов⁷ дает основание

¹ Полевые записи 1959 г., М.—33 Б, стр. 35.

² Башкиро-русский словарь, М., 1958; Х. Г. Юсупов, Указ. соч., стр. 128—129.

³ Русско-казахский словарь, под ред. М. Балакаева и др., Алма-Ата, 1946.

⁴ Русско-узбекский словарь, под ред. Р. Абдураманова, М., 1954.

⁵ А. Джумагулов, Указ. соч., стр. 22—23, 26, 88—89.

⁶ С. П. Балдаев, Бурятские свадебные обряды, Улан-Удэ, 1959, стр. 9 и др.

⁷ С. П. Балдаев, Указ. соч., стр. 10—11; А. Джумагулов, Указ. соч., стр. 22—23; Н. А. Кисляков, Пережитки матриархата в брачных обрядах народов Средней Азии, Краткие сообщения Института этнографии, XXVIII, 1957, стр. 26—27; К. Л. Задыхина, Узбеки дельты Аму-Дарьи, Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I, М., 1952, стр. 402.

¹ Раздел написан на основе материалов, собранных в Аргаяшском районе Челябинской области. Учитывая довольно пестрый родоплеменной состав башкир, можно допустить, что в различных районах Зауралья могут быть и локальные варианты тех или иных терминов.

предполагает, что в бытовании слова *жыян* в том его значении, в котором оно употребляется в Зауралье, мы имеем слабо сохранившийся пережиток института авункулата и тех норм общественной жизни, по которым братья женщины были ближе к ее детям, чем муж.

Мужа называют *ир*. Однако очень часто в значении «муж» употребляется слово *кейзү*. Жену называют по-разному: *бисэ, хатын, кэлэи*; первые два слова означают также женщину вообще. Нельзя не отметить, что раньше жена, обращаясь к мужу, никогда не называла его по имени, а говорила *нин* (ты) или *ата-ны* (отец моих детей). Говоря с кем-либо о муже, она подчеркивала его отношение к собеседнику: *агайың* (твой брат, твой дядя), *буыбайың* (твой дядя), *кейзүең* (твой зять), *атайың* (твой отец). Такое же правило распространялось и на мужчин. Обращаясь к своим женам, они говорили: *нин, эй, инәһе*. В то же время мужья называли своих жен и по имени.

Жены младших братьев отца или матери, жены всех *агай* по отношению к говорящему — *еңгә*. А жены всех *эне, энекәс*, детей и внуков — *килен*. Мужей всех старших родственников моложе родителей (*апай*) данное лицо называет *еңә* (зять), а мужей младших родственников (*һенде, кәрәндәш*), дочерей и внуков — *кейзү*.

Свекор и тесть — *кайын*; свекровь и теща — *кәйнә*. Со словом *кайын* обращаются также ко всем родственникам мужа или жены, если они старше родителей последних. Родители мужа и жены, вся родня мужа и жены называют друг друга *коза* (сват), *козагы* (сватья, жена свата), *козаса* (дочь или сестра свата). Слово *козагы* означает также женщину вообще.

Старшего брата мужа и младших братьев его родителей, всех тех, кто в отношении к мужу является *агай*, жена называет *кайнага*; старшую сестру мужа и всех женщин, являющихся *апай* для мужа, она называет *кәйнәбикә, кәйнәмикә*. С этими же словами муж обращается к старшему брату жены, к младшим братьям ее родителей, к ее старшей сестре и младшим сестрам ее родителей, т. е. ко всем старшим родственникам его жены моложе ее родителей. Жену *кайнага* невестка называет *еңгә*, а та, обращаясь к ней, говорит *килен*. За глаза жен родных или двоюродных братьев называют *афиндар*.

Мужа старшей сестры своего мужа и мужей всех тех женщин, кто является по отношению к ней *кәймика*, невестка называет *кәй-*

һеңсә. Жену *кайнага* и жен всех тех мужчин, кто приходится *агай* для жены, муж называет *кәйнәеңгә*, а мужей всех сестер и родственников жены, старших и младших, он называет *бажа* (своjak).

Младших братьев и всех тех, кто является *эне* для мужа, говорящая называет *кәйенне*, а жен их — *килен*. Младшие сестры и все младшие родственницы (*кәрәндәш*) мужа — *кәйһенде*, а их мужья — *кейзү* (зять).

Всех младших братьев и сестер жены, а также всех младших родственников и сородичей ее (*эне, һенде*), муж называет *балдус*, жену *балдус* — *килен*, а мужа *балдус*, как отмечалось выше, — *бажа*.

Если башкир имел двух жен, то старшая называлась младшую по имени, а младшая старшую — *апай*. За глаза они друг друга называли *көндәш* (соперница). Дети младшей жены старшую называли *оло* *инәй* (старшая мать), дети же старшей младшую — *апай*, точно так же, как и старшую сестру. Слово *апай* употребляется и в значении «мачеха», в чем Х. Г. Юсупов усматривает связь с ниситутом сородата¹. За глаза мачеху называют *угәй инәй*.

Как видно из приведенного обзора, степени родства различаются очень слабо. Все родственники, сородичи, члены одного родового подразделения, если они не состоят в свойстве с данным лицом, делятся на пять возрастных групп: 1) дед, бабка и все родственники старше их; 2) родители и родственники моложе деда и бабки, но старше родителей; 3) родственники моложе родителей и старше данного лица; 4) родственники моложе данного лица; дети второй и третьей групп моложе данного лица и 5) собственные дети и дети родственников, обычно входящих в четвертую группу.

Всех мужчин первой группы данное лицо называет *кәрттай*, всех женщин — *кәртнай*. Во второй группе все мужчины, кроме отца, — *буыай* и все женщины, кроме матери — *эбей*. Примечательно, что жены старших братьев отца или матери и мужья старших сестер последних называются так же, как и старшие сестры и братья родителей: *эбей, буыай*, т. е. по отношению к данному лицу они как бы приходятся кровными родственниками.

Членов третьей и четвертой групп говорящий называет братьями и сестрами, разделяя их на младших и старших. В отличие от первой и второй групп, данное лицо выделяет здесь жен своих братьев и мужей своих сестер как родственников по свойству и тем са-

¹ Х. Г. Юсупов, Указ. соч., стр. 127.

мым исключает их из числа кровных родственников. В нижних поколениях, в нашей схеме в пятой группе, он таким же образом выделяет жен и мужей своих потомков. К перечисленным группам можно было бы добавить и шестую, куда вошли бы внуки данного лица, но по терминологии эта группа ничем не отличается от пятой.

Таким образом, в системе родства у башкир своеобразно переплетаются, взаимно ограничивая и дополняя друг друга, возрастной и поколенный принципы.

Выделенные нами возрастные группы имеют внешнюю видимость поколений. Так, первую группу с известной оговоркой можно было бы назвать поколением дедов и бабок, вторую — отцов и матерей, третью и четвертую — братьев и сестер, а пятую — поколение детей. Однако возрастной принцип проведен более последовательно, чем поколенный, что, возможно, является следствием реорганизации ранее существовавшей поколенной системы. Нарушение, но не упразднение, поколенного принципа привело к тому, что каждая группа фактически представляет совокупность дядей и племянников, теток и племянниц. Но не все дяди и тетки и их племянники входят в одну группу: на границах групп стоит как ограничительная мера возраст говорящего лица, возраст его деда и бабушки, отца и матери и, наконец, его детей. Благодаря этой границе каждое поколение оказалось разделенным на две части, а каждая группа включила представителей двух поколений.

Выделенные группы находились между собой в определенных отношениях, и принадлежность к той или иной из них влекла за собой определенные права и обязанности. Поэтому выделенные группы можно рассматривать и как брачные классы. Весьма интересно, что возрастная классификация родственников по отношению к говорящему, его родителям, деду и бабушке находится в соответствии с особенностями левирата и сорората у башкир. Эти пережитки древних норм брака существовали у башкир в ограниченной форме: мужчина мог жениться на жене старшего брата, в случае смерти последнего, но не имел права на жену младшего. Женщина, если умирала ее старшая сестра, могла выходить за ее мужа, однако не имела права на брак с мужем младшей сестры¹. Таким обра-

зом, со своими старшими братьями, а также с дядьями и племянниками старше себя мужчина входил в одну брачную группу. Но эта группа не представляла уже какого-то постоянного коллектива: каждый старший мужчина был лишен права вступать в брак с женами всех младших¹. В свою очередь женщины вместе со своими старшими родственницами моложе родителей составляла другую группу. Но каждая старшая в группе не могла вступать в брак с мужем младшей сестры. Таким образом, муж фактически примыкал к группе младших сестер своей жены, а жена к группе младших братьев мужа.

Границы групп настолько подвижны, что порою как будто совершенно исчезают. Однако для каждого члена в отдельности эти группы были реальностью: у каждого мужчины была группа старших братьев², с женами которых он имел право вступать в брак, и, соответственно, каждая женщина имела старших сестер, с мужьями которых она также могла вступать в брак. Таким образом, в брачных отношениях данное лицо независимо от пола выступало вместе со своими старшими братьями или сестрами, а ее муж или его жена — с его младшими сестрами или братьями. Данное лицо представляло нижнюю границу своей группы.

Может показаться, что чем старше данное лицо в своем поколении, тем меньше у него старших братьев или сестер и, следовательно, возможных мужей или жен. И, наоборот, чем оно моложе, тем больше у него старших братьев или сестер и, соответственно с этим, мужей или жен. В действительности этого не было, ибо для каждого верхней границей группы являлись его родители. Поскольку для каждого существовало определенное возрастное расстояние между ним и его родителями, то имелся также известный круг родственников моложе его родителей и старше его самого, с мужьями или женами которых он мог вступать в брачный союз.

Границы следующих групп, как восходящих, так и нисходящих, также чрезвычайно подвижны, ибо они для каждого определялись возрастом его отца, матери, деда, бабушки и собственных детей. Правда, две верхние

¹ «Случай женитбы по левирату старших братьев покойной встречаются, но гораздо реже», — писал Д. К. Зеленин. (Указ. соч., стр. 81). Здесь речь идет или о редчайших исключительных случаях, или Д. К. Зеленин исходит из наблюдений среди приуральских башкир, где в рассматриваемый период почти не было ограничения левирата младшими родственниками.

² Здесь я далее термины «старший брат», «старшая сестра» использованы в значении, соответствующем башкирскому «агай» и «апай».

¹ Д. К. Зеленин, О левирате и некоторых других обычаях башкир Екатеринбургского уезда, «Этнографическое обозрение», № 3, 1906; С. И. Руденко, Указ. соч., стр. 267—268.

группы отличаются сравнительным постоянством своего состава. Например, для всех родных братьев и сестер первая и вторая группы по своему составу совершенно одинаковы. Но внутри группы для каждого ее члена, благодаря действию возрастного принципа, существовала определенная граница.

По тем же соображениям, по которым данное лицо мы включили в третью группу, т. е. в круг старших родственников, его отца и мать мы включаем во вторую группу. По обычаю левирата, по отношению к женам своих старших родственников (по моложе деда) отец выступал в числе возможных мужей. Точно так же и мать могла стать женой мужа любой из своих старших сестер. Отец и мать представляли нижнюю границу второй группы. Нижней границей первой возрастной группы являлись дед и бабка. Верхней границей четвертой группы были старший сын или старшая дочь говорящего лица.

Небезынтересно отметить, что ограниченный левират и сорорат, с одной стороны, и классификация родственников по возрастному принципу — с другой, сочетаются у башкир с институтом минората. Ограничение левирата младшими братьями (родственниками), сорората — младшими сестрами (родственницами) и минорат были известны многим тюркоязычным народам. О связи минората с аналогичной формой левирата можно встретить указания в литературе по тюркским народам¹.

По существующей терминологии свойства у зауральских башкир родственники мужа или жены делятся на три группы. Родители, дед, бабка и все родственники мужа старше его родителей составляют первую группу; в обращении к ним женщина говорит *кайным*, *кайнам* и оказывает им всеческое уважение. Ей запрещено показывать мужчинам этой группы свое лицо, разговаривать с ними лицом к лицу. В свою очередь и мужчина всех родственников своей жены старше ее родителей, включая и последних, называет теми же именами и держит себя по отношению к ним чрезвычайно скромно.

Во вторую группу входят родственники мужа или жены старше их и моложе их родителей. Сюда можно включить, с некоторой оговоркой, жен старших родственников и мужей старших родственниц мужа или жены. Интересно, что женщина первых называет просто *енгэ*, т. е. как лиц, состоящих в непо-

средственным свойстве с нею (без приставки *кайн-*), а мужчина обращается к ним со словом *кайнаңгэ*, как к лицам, имеющим с ним двойное, опосредствованное свойство. Зато мужей старших родственниц своего мужа женщина называет *кайнаңсэ*, а мужчина к мужьям старших сестер своей жены обращается со словом *бажа*. Казалось бы логичным жену *кайнага* во всех случаях называть *кайнаңсэ*, а мужа старшей сестры жены — *кайнаңсэ*. Не означает ли отсутствие приставки *кайн-*, что жены братьев, как и мужья сестер, когда-то должны были принадлежать одному и тому же роду?

По отношению к родственникам второй группы женщина ведет себя очень скромно: закрывает свое лицо от мужчин, может в их присутствии говорить вслух только после вручения им какого-либо подарка. Прямое и свободное общение с женами *кайнага* было легко доступно.

Третья группа свойства соответствует четвертой группе родства, т. е. включает всех, кого муж или жена называют *зем*, *кәрендәш*, *кендем*. Общение с представителями младшей группы чрезвычайно свободно, обычаем даже поощряются шутки, заигрывания женщины с *кайенне* и мужчины с *балдуз*. В случае смерти мужа женщина может выйти замуж за *кайенне*, мужчина может жениться на *балдуз* после смерти жены. Примечательно, что даже сейчас младшие братья мужа его жену в шутку называют *ярты хагын* (жена наполовину), а в западных районах Башкирии среди женщин бытует поговорка: «Жаинагай ярты ир, ирең юкта бөтөн ир» (Младший брат мужа — полумуж, коль нет мужа — полный муж)¹.

Жену *балдуз* (мужчины) говорящий называет *килен*, а мужа *балдуз* (женщины) — *бажа*. Для женщины же жены *кайенне* являються *килен*, а мужья *кайхенде* — *кайду*, т. е. по отношению к ним она выступала уже как представительница данного родового подразделения, а раньше, возможно, и рода. Последние названия могли сложиться в двух случаях: 1) когда мужчины из ее рода не женились на девушках того рода, откуда был ее муж и 2) когда брак стал патрилокальным.

В какую же группу свойства включить пятую группу родства? Этот вопрос кажется правомочным, если учесть, что три группы свойства соответственно охватывают лишь четыре группы родства. Дело, однако, в том, что пятая группа и для жены, и для мужа

¹ А. Бернштам, Социальный строй орхоненисейских тюрков в VI—VIII веках, М.—Л., 1946, стр. 95—96; А. Джумагулов, Семья и брак у киргизов Чуйской долины, Фрунзе, 1960, стр. 30.

¹ Полевые записи 1960 г., $\frac{M-47}{B}$, стр. 11.

остаются группой родственников, в которую входят их собственные дети — *ул* (сын) и *кыз* (дочь). Это и естественно: если для мужчины все младшие родственницы его жены являлись возможными женами, а для женщины младшие родственники мужа — возможными мужьями, то их дети должны были называться не иначе, как сыновьями и дочерьми.

При рассмотрении терминов родства как зауральских, так и всех башкир вообще привлекает внимание наличие в них моментов, отражающих наиболее древние формы семейно-брачных отношений. К их числу С. И. Руденко относит разделение родственников (не только членов семьи) по отношению к определенному лицу не по степени кровного родства, а главным образом по возрасту, на младших и старших, и по поколениям¹. Весьма характерно, что родственники старше деда и бабушки именуются так же, как дед и бабушка, а дети всех младших родственников, как собственные дети.

Следы ранних форм брачных отношений прослеживаются и в терминологии свойства. Выше отмечалось, что все родственники (а в прошлом, видимо, все сородичи) мужа и жены называют друг друга сватами, в то время, как все мужчины-сваты (*коза*), женщины-сваты делятся на две группы: *козаса* — родившиеся в данном родовом подразделении (а в прошлом, вероятно, в данном роде), и *козагы* — пришедшие в данное родовое подразделение из других подразделений. Не является ли это некоторым отзвуком дуальных отношений, когда определенные роды состояли во взаимных брачных связях и одна группа женщин в данном роде (матери, жены) состояла из выходцев другого, противоположного рода, а другая — из уроженок данного рода, являвшихся классом невест по отношению к противоположному роду? Примечательно, что и мужчина называет мужей всех родственниц своей жены свояками (*бажа*).

Пережитком древних отношений является и разделение на три группы родственников мужа или жены. Видимо, это сложилось в тот период, когда брачные связи с двумя старшими группами были запрещены и считались естественно разумеющимися с представителями младшей группы. Кроме того, наличие двух почитаемых старших групп свойства наталкивает на мысль, что одна из них (младшая) выделилась позднее из третьей группы в целях ограничения брачных связей.

¹ С. И. Руденко, Указ. соч., стр. 267.

Древность многих терминов родства башкир, как и у других тюркоязычных народов, засвидетельствована такими письменными источниками, как орхоно-енисейские рунические надписи. Башкирскому *ул* или *уль* (сын) в них соответствуют *огул* и *оглан*, башкирскому *кыз* (дочь) — орхонское *кыз* в том же значении. Правда, очень часто в сочетаниях *уры оглын*, *кыз оглын*¹, последнее слово употребляется в значении «потомство». Однако во фразе «*аки огланьма...*, *гакус кызьма*»² (двум сыновьям..., единственной дочери), а равно и в других местах смысл этих слов полностью совпадает с их значением в башкирском языке. Башкирским *эне*, *килен* в языке енисейско-орхонских тюрков соответствуют *ini*, *kain*. Слово *ана* в этих памятниках обычно означает «отец», «предок»³. В говорах юго-восточных районов Башкирии *ан* употребляется при обращении к старшим братьям отца и вообще к мужчинам преклонного возраста. В то же время в некоторых случаях С. Е. Малов переводит это слово как «старшая сестра»⁴, что опять же соответствует башкирскому *анай*. В орхоно-енисейских надписях слову «мать» соответствует *ог* (*огим* — мать моя, *огсуз* — без матери)⁵, в несомненной связи с чем находится башкирское *угэй инэй* (мачеха) и *укчез* (сирота). Иногда в значении «мать» употребляется слово *ана*⁶, вариации которого мы видим в казахском и татарском *ана*, в узбекском *она*, в казахском *эна*, в татарском *эни*, в башкирском *инэ* (*й*) и т. д.

Примечательно, что термин *инэй* у башкир имеет разные значения. У зауральских башкир, как и у некоторых родов в восточной и юго-западной части Башкирии (бассейн р. Демы, Учалинский, Кармаскалинский и др. районы) он означает мать, а на юге и юго-востоке — старшую тетку и вообще женщину старше матери⁷.

Это, возможно, свидетельствует о том, что раньше мать и старшую тетку называли одинаково.

* * *

В прошлом у башкир существовала строгая экзогамия рода, нарушенная несколько

¹ С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951, стр. 29.

² Он же, Енисейская письменность тюрков, М.—Л., 1952, стр. 38.

³ Там же, стр. 40, 41—42 и др.

⁴ Там же, стр. 21.

⁵ Там же, стр. 55, 81.

⁶ Там же, стр. 75 и др.

⁷ Х. Г. Юсупов, Указ. соч., стр. 124.

Таблица IX. Вышивка на скатерти. Счётная глазь и роспись. Дер. Большое Суданово, Сафакулевский район Курганской области.

Рис. художника Г. И. Мухаметшина.

столетий назад¹. В районах, где родовое подразделение потеряло свое экономическое значение и разложилось, преобладала поколенческая экзогамия. У зауральских башкир родовые подразделения долго еще играли большую роль в общественной жизни, и экзогамия рода сменялась экзогамией его подразделения². Вплоть до 30-х годов XX столетия в Зауралье редко заключались браки внутри деревни, тем более в пределах родового подразделения. Женились обычно на девушках из деревень, расположенных в 40—50 и более километрах. Преобладание экзогамии родового подразделения отразилось, как упоминалось выше, и в разговорном языке: у зауральских башкир нет специальных терминов для внуков, не говоря уже о пра- и прапра-нуках.

Довольно часто встречались перекрестные браки башкир с мишарями. Этому способствовали культурная и языковая близость, общность религии. Характерной чертой этих браков являлось то, что башкиры чаще женились на мишарских девушках, нежели выдавали за мишарей своих дочерей.

Пережитком давно исчезнувших брачных связей, перекликающихся с временами матриархата, являются левиратные и сороратные браки, о которых немало писалось в литературе о башкирах. В начале XX в. случаи женитьбы на вдове умершего старшего брата или дяди не были редкостью. Не являлось помехой и то, что младший брат или племянник умершего мужа был уже женат, ибо ислам не только разрешал, но и поощрял многоженство. Иногда на вдовах женили несовершеннолетних. Мораль всячески освящала левиратные браки. «Еңгә хатын алган кеше бахетле була» (женившийся на вдове старшего брата будет счастливым), — говорят старцы. Браки же с младшей сестрой умершей жены, несмотря на то, что они освящались обычаем до самого последнего времени, встречались чрезвычайно редко.

Разводы совершались обычно по инициативе мужа. Поводом для развода, как писал Д. П. Никольский, служили самые различные причины: непознание мужа, неспособность вести хозяйство и т. д. Религия стояла на защите интересов мужчины. Однако иногда разводы происходили и по инициативе жены. При разводах дети оставались при отце³.

Основной формой брака в рассматриваемый

период⁴ был брак по сватовству. В большинстве случаев судьбу сына и особенно дочери решали родители. Однако уже в конце XIX в. положение стало меняться. «...теперь, — пишет Д. П. Никольский в конце XIX в., — молодые люди могут до брака познаться и решить свою судьбу, но все-таки в конце концов с согласия родителей»⁵. Между родителями и молодыми нередко возникали конфликты, разрешавшиеся или смирением молодых, или их активным протестом против произвола родителей. В начале XX в. браки вопреки воле родителей невесты становятся довольно частыми.

Обычный брачный возраст у зауральских башкир — 16—20 лет для ююшей и 15—18 лет для девушек. Но встречались и более ранние браки. Еще в 20-е годы были известны случаи, когда девушек 13—14 лет выдавали за пожилых мужчин и стариков.

По сообщению Б. Юлуева⁶, богатые башкиры в XIX в. просватывали своих детей еще в колыбели. В знак заключения договора родители жениха и невесты пили *бата*, разведенный водою мёд или кумыс. С этого момента девочка становилась невестой, и отец не имел права выдавать ее за другого. В противном случае невесту нужно было «откупить» от жениха, отдав ему или его родителям скот и деньги в размере условленного калыма. У Ш. Сючелея имеется описание интересно обряда сговора малолетних жениха и невесты — *нырга һабаж*, относящегося, по-видимому, также к Зауралью. Сговорившись о помолвке малолетних детей, родители утащили друг друга и в закрепление состоявшегося соглашения заставляли мальчика кусать девочку за ухо. Считалось, что после этого мальчишка принадлежит друг другу. В случае смерти невесты жених имел право на ее сестру, после некоторого добавления к калыму, а если умирали жених, невеста освобождалась от договора⁷.

Свадьбы проходили как зимой, так и летом. В литературных источниках, относящихся к разным периодам, имеются расхождения

¹ Сведения о формах брака и свадебной обрядности записаны в Аргашском районе Челябинской области (деревни Ново-Соболево и Старо-Соболево) и Сифакулевском районе Курганской области (деревня Большое Султаноно и др.). Полевые записи 1959—1960 гг. М — 32 М — 33.

Б , Б

² Д. П. Никольский, Башкиры, стр. 112.

³ Б. Юлуев, К этнографии башкир, «Этнографическое обозрение», 1892, № 2—3, стр. 217.

⁴ Ш. Сючелея, Этнографические материалы о башкирах, стр. 47. (Хранятся в Рукописном фонде библиотечного фонда ЦС ССР).

¹ Р. Г. Кузеев, Указ. соч., стр. 38 и далее; С. И. Руденко, Указ. соч., стр. 260; Д. П. Никольский, Башкиры, стр. 115—116.

² Р. Г. Кузеев, Указ. соч., стр. 40.

³ Д. П. Никольский, Башкиры, стр. 116.

в освещении этого вопроса. И. Г. Георги писал, что свадьбы башкир, как правило, проводились летом¹. Описанная академиком И. И. Лепехиным башкирская свадьба, близкая к зауральской и географически и по обрядности, происходила также в летнее время². Имея в виду и свадьбу, Лепехин отмечал, что «у башкирцев отменные пирования отправляются тогда, когда их кумыс в совершенном бывает довольствием»³. Д. П. Никольский, проводивший свои наблюдения в конце XIX в. в северной части Зауралья и в горной Башкирии; утверждает, что «браки чаще бываю зимою, в это время у башкир есть и деньги, и хлеб, да и работ меньше. Летом реже свадьбы бываю потому, что родители невесты не хотят лишиться работника в лице дочери, а с другой стороны и средств в начале лета обыкновенно недостаточно для угощения»⁴. В то же время пожилые башкиры из Курганской области помнят, что свадьбы еще в начале века приурочивались к лету, ко времени между весенними работами и сенокосом⁵. Чем объяснить эти разногласия? Нельзя забывать, что имеющиеся сведения освещают состояние вопроса в разные времена. Сообщения Лепехина и Георги верны для XVIII в., когда башкирское хозяйство было кочевым, скотоводческим. Тогда и позднее лето у башкир считалось временем свадеб, джинов, майданов и т. д. К концу XIX — началу XX вв. полукочевое скотоводство потеряло свое прежнее значение, преобладающей формой хозяйства стало земледелие. Поэтому естественно, что башкиры вынуждены были устраивать свадьбы в зимнее время. Однако вся обрядность зауральской свадьбы, сохранившаяся до наших дней, связана с летом.

В начале XX в. родители жениха и невесты обычно сговаривались о женитбе детей незадолго до свадьбы. Решив женить сына и выбрав ему невесту, родители жениха засылали к родителям девушки свата (*димсе, яусы*). В качестве *яусы* в Аргайшском районе отправлялись иногда и родители или старшие родственники. После согласия родителей невесты начинались переговоры о размере калыма, приданого и свадебных подарков.

В Зауралье, как и в некоторых районах самой Башкирии, калым, т. е. скот, деньги и

предметы одежды, уплачиваемые женихом за невесту, называли *маһер*. Под словом *калым* понимается обычай, по которому родители жениха совместно со своими родственниками в течение нескольких дней угощают у себя родителей и родственников невесты. Число гостей на время *калым*'а и скот, забываемый на угощение, заранее оговариваются в брачном договоре.

Размеры калыма колебались в зависимости от состояния брачующихся, но никогда не падали ниже определенного минимума и включали известное число скота, денег, предметов одежды и убранства дома. В начале XX в. в дер. Сары Челябинской области в состоятельных семьях калым состоял из 15—20 голов скота (3—4 лошади, 2—3 коровы, 10—12 овец), не более 100 рублей, халата, платья, камзола и занавеси для невесты и лисьей шубы для её матери. В дер. Ново-Соболево в 20-х годах XX в. за невесту в средних семьях давали 25—30 рублей, 5—6 голов скота (1—2 лошади, 1—2 коровы и 2—3 овцы), кораллы и монеты для нагрудного украшения (*яға*), шубу из лисьих лап (*бәс тун*), платье, камзол, головное покрывало и занавесь. В зажиточных семьях денежная часть калыма доходила до 100 рублей, а поголовье скота — до 10 (2—3 лошади, 2—3 коровы и 3—4 овцы). Особо оговаривался скот (лошадь или корова, режа — бараны), привозимый отцом жениха специально для свадебного угощения¹.

В XVIII в., по сведениям И. И. Лепехина, калым доходил до 200 рублей²; по И. Г. Георги, размер калыма колебался от 15 до 200 голов скота, при этом лошади, крупный рогатый скот и овцы давались в равном соотношении³. Как отмечает Б. Юлуев, у юго-восточных башкир, в том числе и зауральских, в калым входили 5—20 голов лошадей, столько же коров и овец, три рубахи, пара сапог, платок, женский головной убор (*кашмау*), халат, занавесь и лисья шуба для матери невесты⁴. П. Назаров приводит минимальные размеры калыма: скот для свадебного угощения (лошадь, корова или баран), лисья шуба или халат для матери (*һөт хаты* — плата за материнское молоко), материя на платье невесты и 10 рублей деньгами⁵. Д. П. Никольский, наблюдения которого имеют непосред-

¹ И. Георг и, Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. I, СПб., 1799, Рукописный фонд библиот. БФАН СССР, машинописная копия, стр. 18.

² И. И. Лепехин, Указ. соч., ч. 2, стр. 150—154.

³ Там же, стр. 149.

⁴ Д. П. Никольский, Башкиры, стр. 113.

М — 32

⁵ Полевые записи 1959 г., М — 32, стр. 88.

¹ Полевые записи 1959 г., М — 32, стр. 58—60, 87—95.

² И. И. Лепехин, Указ. соч., ч. 2, стр. 150.

³ И. Г. Георг и, Указ. соч., стр. 18.

⁴ Б. Юлуев, Указ. соч., стр. 216—217.

⁵ П. Назаров, Указ. соч., стр. 186.

ственное отношение к обследованной нами территории, пишет, что размер калыма «бывает различен, от 5—10 до нескольких сот рублей деньгами и известного количества скота. В прежние время платили от 200 до 500 рублей и даже до 2000 рублей, кроме скота, но эти времена миновали и в настоящее время величина калыма значительно уменьшилась...»¹.

Формально весь калым, за исключением обязательных подарков матери и отцу, принадлежал невесте. Практически же деньги и одежда, кроме шубы для матери, шли в пользу невесты, а скот оставался у отца. В свою очередь, отец невесты выделял в приданое дочери почти столько же скота, сколько получал. Однако общая сумма приданого почти всегда оказывалась меньше размеров калыма. Приданое некоторых засидевшихся невест значительно превышало размеры калыма. В приданое входила также птица: гуси и куры. Кроме того, отец невесты дарил зятю молодого коня с седлом или с упряжкой.

Невеста везла с собой самовар, чайную и столовую посуду, сундук с личной одеждой, занавес, постельные принадлежности (перину, подушки, ватное одеяло), паласы, кошмы, скатерти, полотенца, платки и т. д. Она заранее вышивала рубашки для жениха и его братьев (в Курганской области), кушак и гобетейку для жениха. Большая часть полотенец и платков из приданого невесты шла на подарки родне жениха².

Обе стороны во время свадьбы раздавали подарки и несли расходы на призы победителям состязаний.

Переговоры о калыме велись через посредство *дмсе*, в них участвовали и ближайшие родственники. После выплаты калыма, или его части, родители невесты со своими старшими родственниками, а иногда и с соседями, ехали в гости (*калынга*) к родителям жениха. Число гостей в состоятельных семьях доходило до 15 пар, средним считалось 8—10 пар. Хозяев было столько же, сколько гостей. В первый день гостей угощал отец жениха (*теп коза*); к нему собирались и его родственники, принимающие участие в проведении свадьбы. После этого отец и мать невесты оставались у родителей жениха, а остальные гости разъезжались к родственникам жениха и соседям: старший брат невесты с женой *шел к старшему брату или дяде жениха и т. д.* Каждый хозяин, т. е. каждый родствен-

ник жениха, участвовавший в свадьбе, в течение трех дней угощал «своих» гостей и один раз собирал всех участников свадьбы. В последний (третий) день перед отъездом снова угощались у главного свата.

В Курганской области до обряда калыма проводился ряд церемоний. После предварительных переговоров о размере калыма к родителям невесты ехал отец жениха в сопровождении *дмсе*. Родители невесты, угостив приезжих, в подтверждение своего согласия на брак дочери дарили гостям по полотенцу. Через некоторое время (примерно через месяц) отец жениха снова ехал к родителям невесты и вез живого барана (*нылькен*), мясом которого угощались родственники и соседи невесты. Во время пребывания отца жениха девушка со своими подругами находилась у соседей. После его отъезда жены старших братьев и родственников (*енгелар*) переносили девушку на руках или перевозили на санках в дом родителей. Подруги невесты всячески препятствовали женщинам, приходившим небольшая погасовка, в результате которой побеждали женщины. Через 2—3 месяца отец невесты и родственники-мужчины (8—10 и более человек) ехали к родителям жениха на пир сватовства (*козальк эсерге*) и гостили в течение 2—3 дней. В отличие от свадьбы, на *козальк* в качестве угощения подавали главным образом бау.

Между обрядами *козальк* и калыма у курганских башкир проходило значительное время — от одного месяца до года, поскольку последний из них был обусловлен полной или частичной выплатой калыма.

В Курганской области венчание (*никах*) проводилось через несколько дней после калыма. Перед *никах* отец жениха привозил подарки — одежду для невесты и гостинцы. Интересно отметить, что если невеста дарила предметы собственного изготовления, то в подарках жениха преобладали фабричные изделия. Не случайно поэтому подарки жениха называются *тауар* (товар). В тот же день, или на следующий, приглашались подруги на *тауар сәйе* (чай благословения товара). Девушка во время чая показывала подарки, и подруги, в знак одобрения, на цветастый платок нашивали монеты. Более смелые девушки запевали песни, в которых высмеивались скудость и жадность свата, говорилось, что сват при его состоянии мог бы купить подарки по дорожке и т. д.

В день *никах* отец приезжал раньше сына. У родителей невесты собирались их родственники, представители духовенства. Женщины устраивались в отдельном помещении или за

¹ Д. П. Никольский, Башкиры, стр. 112.

² Полевые записи 1959 г., $\frac{M-32}{B}$, тр. 95.

занавесью. Гостям подавалось угощение, а двое свидетелей отправлялись к невесте и возвращались с неизменным ответом: «*Атайым биргэн ергэ риза тип эйтте*» (невеста не перечит воле отца). Обычно свидетели и не спрашивали согласия невесты. Закрепив брак молитвой и записью в книге, мулла, или любое другое сведущее в коране лицо, получал вознаграждение и удалялся. На этом заканчивался обряд венчания.

Приезд жениха и его первое свидание с невестой сопровождалось рядом церемоний. С женихом ехал дружка (*янаша егет* — в Курганской области, *кейәу егет* — в Челябинской) — один из его товарищей или младший брат, племянник. Останавливались они у знакомых.

Для молодых отводили отдельный дом или вторую половину дома отца, отгородив угол занавесью. Чаше для жениха и невесты освобождался дом старшего брата, дяди или одного из соседей. Хозяйка дома — *еңгә*, чаще всего жена одного из старших братьев. — узнав о приезде жениха, прибирала комнату, приводила в порядок подарки невесты (вышитые пояс, рубаху, тюбетейку, кошелек, носовой платок и чулки), ставила самовар и посылала за женихом, который приходил вместе с *янаша егет*. После чая *янаша егет* уходил из дома.

В этот день невеста и ее сверстницы собирались с утра у одной из подруг и к приезду жениха прятались в лесу или где-либо в деревне. После приезда жениха молодые женщины (*еңгәләр* — жены старших родственников невесты, но моложе ее родителей) отправлялись на поиски невесты. Поиски иногда длились до утра следующего дня. Разыскав невесту, *еңгәләр* кидались отбивать ее от подруг. Начиналась потасовка, в которой победа всегда оставалась за женщинами. В деревню и в дом, где уже дожидался жених, невесту вели под руку женщины в сопровождении девушек и мальчиков.

Хозяйка дома — *еңгә*, приставленная к молодым, от имени жениха раздавала монеты женщинам и девушкам, после чего посторонние покидали помещение. *Еңгә* угощала молодых чаем и затем оставляла их одних. Утром жених и невеста надевали одежду, полученную в подарок друг от друга. На чай собирались подружки, и начиналось посещение молодых младшими родственниками невесты. Каждую девочку жених отдаривал монетами, а мальчишкам раздавал ножи. В течение нескольких дней молодые ходили в гости к подругам невесты и в каждом доме жених оставлял на скатерти деньги. Через некоторое

время жених уезжал и после этого посещал невесту через каждые 7—10 дней. Во время этих приездов он не показывался родителям невесты и не разговаривал вслух в их присутствии. Право на открытое, гласное общение с ними он приобретал после свадьбы, подарив им по рубахе (*һөйҙәшеп биреү*), либо у себя дома, либо во время одного из визитов к тестю.

Обычай досвадебных посещений женихом невесты (*кейәүҙән йөрөү*) в Курганской области сохранялся очень долго. В Аргаяшском районе Челябинской области первый приезд жениха и венчание (*никах*) еще в конце XIX в. приурочивались к началу свадьбы. В дер. Сары Кунашакского района Челябинской области посещения жениха начинались даже до обряда *калын*, после выплаты *калыма*.

Через 15—30 дней после обряда *калын* назначалась свадьба (*туй*)¹. На свадьбу ехали родители жениха и те родственники с женами, которые участвовали в приеме гостей во время *калын*'а. Состав участников свадебных торжеств (гостей и хозяев) во время *калын*'а и свадьбы всегда одинаковый с той лишь разницей, что гости и хозяева менялись ролями. Исключение составлял *козальк*, в котором женщины не участвовали. Отец жениха вез хорошо упитанного коня для свадебного угощения (*туйзык*), мать — сундук с полотенцами, платками и т. д. для подарков родственникам невесты. В Аргаяшском районе Челябинской области, где свадьбы проходили иногда без *калын* и *козальк*, сваты привозили, кроме того, четверть водки для старших братьев и дядей невесты (*кайнага муртай*, *яммуртай*, или *ямуртай*).

Свадебный поезд (обычно из 8—10 подвод) заезжал во двор отца невесты. Затем гости (кроме отца жениха) разъезжались по домам родственников невесты, которые участвовали в *калын*. В первый день родители невесты устраивали угощение (*туй алыу*) для гостей и всех родственников и соседей — участников свадьбы. Женщинам, как всегда, отводилось отдельное помещение. В Курганской области во время *туй алыу* мать невесты раздавала своим родственникам подарки (*курнис*), привезенные сватьей: мужчинам — вышитые или тканые полотенца, носовые платки, женщинам — головные платки, нагрудные повязки, лоскутки, плетеные цветные повязки для обуви (*кысмау*), нитки и т. д. В Аргаяшском и Кунашакском районах задача подарков (*курнис тари-*

тм) происходила на второй день свадьбы, для чего женщины специально собирались на чай (*курнис сайе*) у матери невесты.

После *туй алыу* родственники невесты уводили к себе гостей, причем каждый приглашал того свата с женой, у которого он гостил во время *калым*'а.

На второй день забивали скот (в прошлом, как правило, лошадь), привезенный сватом для угощения. Поскольку свадьбы происходили летом, варили мясо (*туй ашы*) в поле, у реки или у рощи. Сюда стекался народ даже из других деревень, ибо собственнo свадебные торжества, начиная с состязаний и игр и кончая угощением, носили самый широкий общественный характер. Название *туй* (свадьба) в узком смысле относится к обрядам второго дня. В этот день проводились состязания по борьбе (*кержи*), скачки верхом (*ат сабыштырыу*), бег в запуски (*юзереу*) и всевозможные игры. Сильнейшим борцом в качестве призов (*бука* — в Аргаяшском районе Челябинской области, *хаба* — в Курганской области) давались голова, ребра лошади, чай и т. д. Призы для победителей скачек назывались *елег*, или *йадег*. Обычно это было полотенец, привязанное к шесту, а на богатых свадьбах победитель получал коня. *Елег* давались также сильнейшим бегунам. Небезынтересно отметить, что в Курганской области устраивались состязания по борьбе и между женщинами. В Аргаяшском районе во время *туй* женщины (гости и хозяйки) бывали на раздаче *курнис*, «*Ирээр туйза, хатындар курниста була*» (мужчины на свадьбе, женщины на курнисе), — говорят пожилые башкиры.

После угощения к отцу жениха в Курганской области являлись молодые родственники невесты и заявляли: «*Туйзык аз булды, коза, халык куп, өста*» (скота (мяса) оказалось недостаточно, сват, пришло много народу, прибавь). Отец жениха и его родня должны были положить на скатерть ту или иную сумму денег, иначе молодые уводили и резали пристязного коня главного свата.

Туй продолжался три дня, в течение которых все участники свадьбы по одному разу бывали у каждого родственника невесты, принимающего участие в свадьбе. Иногда, когда в свадьбе участвовало слишком много семей и не хватало времени для визитов в каждый дом, отдельные семьи объединяли свои угощения. Говоря об участии в свадьбе родственников или членов родового подразделения обеих сторон, нельзя не отметить, что в рассматриваемый период каждая семья выступала вполне самостоятельно. *Калым* и приданое составлялся, как правило, из имущества родителей

брачующихся, и последние чрезвычайно редко прибегали к финансовой помощи родственников. В то же время родственники, особенно женщины, принимали самое действительное участие в подготовке свадебных подарков и приданого.

Третий день проходил в очередных визитах и приготовлениях невесты. Накануне выезда отец еще раз собирал гостей и их хозяев на прощальный обед (*хуш ашы*). Во время *хуш ашы* во двор родителей невесты и на улицу стекалось почти все население деревни. Подруги выводили под руку невесту, одетую в наряд молодой женщины (*килен*). Главной принадлежностью этого наряда являлся *кушъяулык* (головное покрывало), надетый так, чтобы он закрывал все лицо. Концы *кушъяулык* спускались поверх верхней одежды и почти достигали земли. На *кушъяулык* нашивался кусок белой ткани, свисающий на лицо. Одна из подруг несла за невестой ворох полотенец, платков, лоскутков, ниток и т. д. Начинаясь обряд прощания невесты с родней — *сеңдәу*. Голосистые подруги заводили обрядовую песню (*һанак*), каждый куплет которой завершался хором причитаний (*сеңдәу*). В этих песнях пелось о несчастной доле молодой женщины, о жестоких родителях, насильно выдавших свою дочь за незнакомого или старого человека, о матери и старших братьях, которые не заступились за нее, о муках, которые ждут ее у скупого свекра и сварливой свекрови. В них невеста и ее подруги вкладывали свою тоску о девичьей воле и играх, нередко — о куклах. Под звуки *сеңдәу* невеста подходила к старшему брату, клала голову ему на плечо, обнимала за шею и с плачем произносила слова прощания (*курешеу*). В словах ее была и горечь разлуки, и упрек, и благодарность. В это время подруга клала на плечо или на руки старшего брата назначенный подарок — полотенце, скатерть или что-нибудь другое. Старший брат отглаживал тут же деньгами или скотом. В последнем случае он говорил: «Дарю тебе барана» (ягненок, гуся и т. д.). Таким же образом невеста прощалась с остальными братьями, дядями моложе отца и их женами, с подругами. Каждому она что-то дарила, и каждый чем-либо ее отдаривал. Ценность подарков зависела от состояния, степени родства, возраста. Сверстникам, детям и несостоятельным дальним родственникам она дарила обычно лоскутки ткани, а те в свою очередь нашивали монеты на белую ткань на головном покрывале. В Аргаяшском районе обряд прощания — *сеңдәу* происходил обычно на улице. Если кого-либо из родственников не оказывалось, невеста передавала ему свой подарок через отца, мать,

сестру и т. д. В Курганской области невеста, прощаясь с родней, ходила по домам и в память о себе привязывала нитку на перекладину (*һәндәрә*). Вероятно, обход невестой домов родственников при прощании с ними является наиболее древним обычаем, ибо сообщение об этом имеется еще у И. И. Лепехина и И. Г. Георги¹.

После *сеңдәу* невесту вводили в дом родителей. Сюда же собирались все женщины. Будущая свекровь перетягивала талию невесты поверх *кушъяулык*² а широким поясом. В этот момент начиналось песенное состязание (*һамак әйтешәу*) между сватьями, зачинщиками которого всегда были родственники невесты. В импровизированных сатирических куплетах они высмеивали сватью, ее детей, мужа, указывали на их (действительные и мнимые) нравственные и физические недостатки. Противники, конечно, старались не отставать от них. Немало обидного говорилось и в адрес жениха. В это время приданое невесты грузилось на подводу, и наступал момент выезда. Невеста, перед тем как ее выведут из дома, брала шнур или нитку и привязывала его к гвоздю, приговаривая: «*Мин байлаган ебемде сереп тә төшмәй сисмәгес, мин китмәйем кунакта, мине лә кайтыр тип кәтмәгес*» (привязанную мною ниточку не развяжите, пока не сгниет, я еду не в гости, не ждите меня, не вернусь)³. Когда ее выводили из дому, она обеими руками, как бы сопротивляясь, упиралась за косяки или верхнюю подушку двери и выходила из дома только после того, как мать громко заявляла о том, что дарит ей что-либо из скота. Одновременно с невестой выходили во двор и остальные. Там на несколько минут устанавливалась торжественная тишина и муэдзин совершал религиозный обряд *азан әйтеу*. После этого свадебный поезд трогался в путь.

На первую подводу садились родители жениха. За ними следовали остальные сваты. При выезде из ворот первой подводы к ней с возгласами «*кәт! кәт!*»⁴ бросалась толпа родственников и односельчан невесты. Это связано с бытовавшим среди башкир поверьем, что сваты вместе с невестой могут увести и все благополучие дома, аула. Для того, чтобы этого не

случилось, родители жениха при выезде из ворот обязаны бросать в толпу монеты, нитки и другие подарки, называемые также *кәт*. Нередко сваты, полагаясь на своих лошадей, старались выехать, не оставив *кәт*. Их задерживали у ворот, а если это не удавалось, мужчины устраивали погоню верхом. Догнав сватов, они избивали их и тем якобы отставали благополучие аула. В тех случаях, когда не удавалось догнать сватов, между родственниками жениха и невесты, практически между аулами, устанавливалась длительная вражда, могущая в любой удобный момент вылиться в столкновение.

Кәт — один из устойчивых элементов свадебного ритуала. Свадьбы с раздачей *кәт* до сих пор практикуются в Зауралье. Правда, забыта идеологическая подоплека этого обычая и нет прежней острой борьбы за *кәт*, обе стороны соблюдают его лишь следуя привычке, традиции.

Вслед за сватами в Аргайшском районе Челябинской области выезжал жених. Подводу на улицу он выводил один. Невесту выносил и сажал на подводу дядя (моложе родителей и старше невесты) или старший брат¹. Предпочтение отдавалось старшему из них. За женихом и невестой трогались провожающие — родственники невесты. В начале XX в. в Аргайшском районе обычно это были только женщины — мать и ближайшие родственницы.

В Курганской области жених уезжал на дель раньше невесты на подаренном ему тестем коне. Здесь в числе провожающих были и отец с матерью; невеста ехала на одной подводе с ними². Обычай дарить зятю коня бытовал и в башкирских районах Челябинской области. Однако неизвестно, уезжал ли здесь жених отдельно от невесты.

В Курганской области невесту встречали у околицы девушки из деревни жениха. Они высаживали ее из подводы и вели под руку до дому³. В Аргайшском районе Челябинской области подводу с невестой встречали у дома и клали под ноги невесте подушку. И там, и здесь вход в дом жениха перед невестой (а в Курганской области — и перед ее матерью) преграждали двое мальчиков (*ишек быуу*) и пропускали ее только после соответствующего вознаграждения (платок, деньги)⁴.

¹ И. И. Лепехин, Указ. соч., ч. 2, стр. 152; И. Г. Георги, Указ. соч., стр. 19.

² Полевые записи 1960 г., $\frac{М-34}{Б}$, стр. 35.

³ Слово «кәт» в прошлом имело, видимо, очень широкий смысл. В «Башкирско-русском словаре» (М., 1958, стр. 341—343) даны 25 производных от него слов и большое количество идеоматических выражений. На русский язык «кәт» переводится словами: душа, счастье, благополучие, уют.

¹ Полевые записи 1960 г., $\frac{М-33}{Б}$, стр. 37.

² Полевые записи 1959 г., $\frac{М-32}{Б}$, стр. 93.

³ Там же.

⁴ Полевые записи 1960 г., $\frac{М-33}{Б}$, стр. 41.

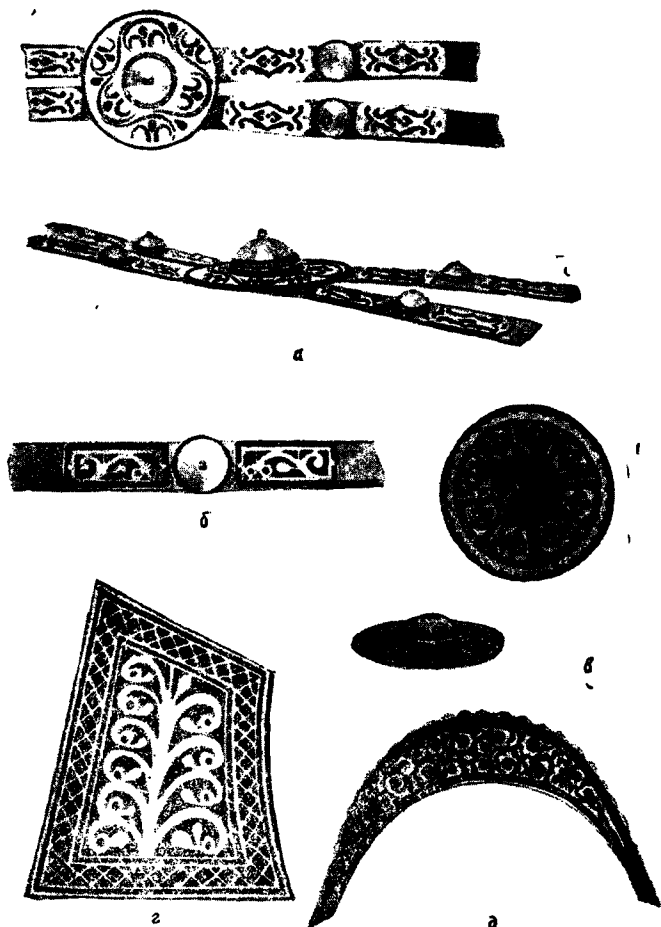

Таблица X. Металлические изделия.

а — покровостики. Дер. Исигилядио, Аргаяшский район Челябинской области. ГМЭ, № 2881—631;
 б — то же. Дер. Мухаметкулево, Аргаяшский район Челябинской области. ГМЭ, № 2881—633;
 в — металлическая бляха покровостики. Дер. Исигилядио, Аргаяшский район Челябинской области.
 ГМЭ, № 2881—637; г — металлическая пластинка для украшения колчана. Там же. ГМЭ,
 № 2881—708; д — металлическая пластинка, украшающая луку седла. Там же. ГМЭ, № 2881—708.

Невесту вводила в дом одна из женщин по выбору родителей жениха. Она провозжала невесту на женскую половицу дома, отгороженную занавесью, развязывала пояс на ее талии и тем поясом перетягивала талию одной из младших сестер (родной или двоюродной) или племянниц жениха. С этого момента женщина становилась *ина*, *морондок ина* (посаженная мать), а девушка — *нылыу* (в Челябинской области) или *бил кайһендеһе* (в Курганской области). Теперь *ина* и *нылыу* считались самыми близкими людьми молодой женщины в деревне мужа. Она могла делиться с ними своим горем и радостями, советоваться, а в случае необходимости, передавать через них и просьбы к родителям мужа.

На следующий день мать жениха собирала свою родню на чай (*курнис саһе*). Приглашенным женщинам она раздавала от имени сваты (матери невесты) подарки (*курнис*). В это время в сопровождении *ина*, *нылыу* (бил кайһендеһе), девушек и подростков молодая отправлялась за водой к источнику. Вся эта процессия называлась *ныу курһатеу* (показ воды). До источника коромысло с ведрами нес кто-либо из *кайһенде*. Она же доставала воду. Молодая бросала в источник серебряную монету, и с этого момента она обрела право ходить к источнику; обратно ведра несла она сама!

Вернувшись с источника, молодая раздавала подарки младшим сестрам и родственницам мужа: передники, платки, лоскуты ткани, нитки и т. д. в зависимости от степени родства и возраста. По вышитому носовому платку получали и мальчики — младшие родственники мужа. Отсутствующие получали подарки после или же они вручались им через третьи руки.

Погостив три дня, родственники невесты уезжали домой. Примерно через месяц новобрачные ехали в гости (*тәу кунакка*) к отцу невесты. Молодая иногда оставалась и подолгу гостила у родителей.

На этом можно было бы закончить описание зауральской башкирской свадьбы. Но чтобы получить более полное представление, необходимо остановиться на некоторых обычаях, связанных с принятием молодой женщины в круг родственников мужа и характеризующих ее положение в новой семье.

Килен не имела права говорить вслух, ходить босиком и без головного покрывала в присутствии свекра и старших родственников мужа. Эти запреты по отношению к последним

снялись после того, как *килен* дарила им (*һөвәҙәһен биреү*) какие-либо вещи: полотенце, скатерть, рубаху, молитвенный коврик. Для того, чтобы вручить подарок намеренному лицу, его с женой приглашали на чай, и молодая клала ему на колени приготовленный подарок. Тот отдаивал ее обычно скотом. По отношению к свекору указанные запреты имели силу в течение всей его жизни, и молодая никогда не имела права разговаривать с отцом мужа. Но уже к концу XIX в. запреты эти значительно ослабли. Их строго придерживались лишь в наиболее консервативных, зажиточных семьях. Стесненные условия жизни, совместный труд в хозяйстве и в поле приводили к установлению нормальных товарищеских отношений в семье. Поэтому в большинстве случаев через определенное время после брака, особенно после рождения первого ребенка, молодая женщина начинала ходить с открытым лицом и свободно общалась со свекором. Лишь для соблюдения обычаев старины она дарила ему рубаху или полотенце, и тем самым установившиеся отношения получали законную силу.

Таким же объектом почитания была свекровь. Однако необходимость постоянного общения, видимо, обусловила то обстоятельство, что со свекровью *килен* начинала разговаривать уже на второй день после приезда. Разумеется, и здесь не обходилось без подарка.

Уметь одаривать многочисленных родственников, знать когда и кому дарить для молодой женщины было довольно трудным искусством. Как описывалось выше, в определенной связи со свадебными обрядами *килен* делала подарки всем родственникам мужа — ближним и дальним. Делались подарки и во время посещения невесткой родни мужа. Впервые переступив порог дома кого-либо из родственников мужа, она должна была повесить на гвоздь тканое или вышитое полотенце, скатерть и т. д. Хозяева в ответ дарили скот или птицу.

Жизнь молодой башкирки после замужества, особенно до рождения первого ребенка, была беспросветной. Уже после церемонии показа источника, еще до отъезда своих родителей, она поступала в полное распоряжение свекрови и с утра до ночи выполняла почти всю женскую и неженскую работу в хозяйстве. Она должна была подниматься утром раньше всех и ложиться позже всех. Она поила скот, подавала ему корм, доила коров, приносила воду, рубила дрова, готовила пищу. Она же убирала всю постель в доме, стирала, следила за чистотой в жилище. Она грела воду для умывания, обслуживала во время завтрака, обеда и ужина, но за общий стол обычно не садилась. Летом она ходила на полевые работы наравне с муж-

¹ Полевые записи 1959 г., $\frac{M-32}{B}$, стр. 94; $\frac{M-33}{B}$, стр. 45.

чинами, а вернувшись с поля вечером, когда остальные члены семьи могли отдыхать и развлекаться, снова включалась в круг тех же домашних забот. За всей ее работой зорко следили строгие глаза свекрови, которая с приходом *килен* освобождалась от работ по дому. Обычно вменялось ей в обязанность, чтобы у *килен* не оставалось ни одной свободной минуты. Чтобы угодить мужу, нужно было прежде всего угодить свекрови, что было почти невозможно. Не случайно поэтому в основе многих семейных разладов у башкир в прошлом лежал конфликт между *килен* и *хайна*. Молва приписывает свекрови такие слова: «*Узденең килемен насар, тызымдың хайнаһе усал*» (У меня невестка непослушная, у моей дочери свекровь сварливая).

Положение молодой женщины заметно облегчалось после рождения ребенка и после женитьбы младшего брата мужа. С приходом в дом новой *килен*, она поднималась на один ранг на семейной лестнице. По отношению ко второй *килен* она была не только старшей женщиной, а выступала как представительница родни мужа. Кроме того, с женитьбой младшего сына старший обычно выделялся в самостоятельное хозяйство, что также существенно меняло положение женщины: из домашней рабыни она становилась хозяйкой дома.

***

Свадебные обычаи зауральских башкир в основных чертах мало отличаются от семейно-брачных обрядов других групп башкирского населения. Это и естественно, ибо к рассматриваемому периоду уже успела сложиться единая культура башкирского народа. В то же время в зауральской свадьбе содержатся отдельные моменты, которых нет в свадебных обрядах башкир других районов (например, южных или западных). Причтения невесты и ее подруг (*сендәу*), песенные состязания родни жениха и невесты, *козальк*, прятание невесты от жениха и розыски ее женщинами, *хайнага муртайы* и некоторые другие детали зауральской свадьбы или не встречаются в остальных районах, или наблюдаются, правда с различными вариациями, в небольших разрозненных группах башкир. И наоборот, некоторые обряды, характерные для основной массы башкир, в Зауралье отсутствуют.

В целом свадебная обрядность башкир в основных чертах схожа с семейно-брачными обрядами казанских татар и тюркоязычных народов Средней Азии и Казахстана. В ней, наряду с явлениями сравнительно позднего порядка, прослеживаются отзвуки давно исчезнувших семейных и общественных отношений.

Нам кажется чрезвычайно интересным обычай прятать невесту от жениха. Б. М. Юлуев описывает случай, когда жених должен был сам разыскивать невесту или с помощью подарков привлекать для этого женщин из деревни. Найденная невеста убегала от жениха насколько могла быстро, а жених должен был догнать ее и примерно 10 сажень нести на руках¹. Видимо, случай, описанный Юлуевым, весьма древний, ибо не только в Зауралье, но и по всей Башкирии пожилые люди не помнят обычая, когда жених сам искал невесту и, найдя ее, нес на руках. Примечательно, что девушки и женщины выполняли при этом разные функции: женщины выступали как сила, помогающая жениху, а девушки, подруги невесты, вместе с нею как бы сопротивлялись предстоящему браку. Случайно ли, что именно *еңәз* — жена старшего брата или дяди моложе отца — ищет невесту, приводит к жениху и, наконец, организует их встречи во время посещений жениха? Не имеется ли здесь прямой связи с тем, что одних из них (дочерей и сестер сватов) родня жениха называла *козаса*, а других (жен сватов) — *козағый*? На основании приведенного материала еще нельзя утверждать, что *еңәзләр* (они же *козағый*) своим происхождением были связаны с родом жениха, но то, что они в силу неизвестных обстоятельств действовали в интересах жениха и ее родни, не подлежит сомнению. Подобная роль жены старшего брата наблюдается и у других народов. Например, у киргизов и узбеков она также обслуживала молодых в первую брачную ночь и сопровождала невесту из дома отца в дом ее мужа².

С древними формами брака связан обычай досвадебных посещений невесты женихом в доме ее отца. И. И. Лепехин сообщает, что после соглашения о калыме и венчания (*никах*) молодых помещали за особый занавес, после чего до полной выплаты калыма жених посещал невесту тайком³. Как отмечает С. И. Руденко, такие посещения нередко продолжались довольно долго, и за это время у молодой мог родиться ребенок⁴. Несомненно, здесь мы имеем дело с пережитком той формы брака, когда невеста и после замужества оставалась в своем роде. Заслуживает внимания замечание Лепехина о том, что для «пазующего посещения» башкиры делали особую юрту⁵. В

¹ Б. Юлуев, Указ. соч., стр. 218—219.

² А. Джумагулов, Указ. соч., стр. 38, 40; Н. П. Лобачева, Свадебные обряды хорезмских узбеков. Краткие сообщения Института этнографии, 1960, 34, стр. 40—42.

³ И. И. Лепехин, Указ. соч., ч. 2, стр. 151.

⁴ С. И. Руденко, Указ. соч., стр. 263.

⁵ И. И. Лепехин, Указ. соч., ч. 2, стр. 151.

конце XIX и в XX вв. у башкир не ставили для молодых отдельную юрту, а отводили вторую избу отца (если она имелась), освобождали дом старшего брата или отгораживали угол занавесью. После переезда невесты к мужу часть комнаты в доме отца отделялась занавесью, привезенной невестой.

Устройство специальных юрт или других форм жилища для брачующихся в прошлом встречалось у многих тюркоязычных народов¹. Обычно эти жилища включались в приданое невесты и перевозились в род мужа. Если родители были не в состоянии надеть невесту юртой, ее заменял занавес. Во всем этом Ф. Фиельструп и Г. Бонч-Осмоловский видят одно из подтверждений матриликальности брака у тюрков в далеком прошлом. Раз муж переходил в род своей жены, сородичи жены должны были выделить для них вместе с другими вещами и жилище. С переходом к патрилокальному браку этот порядок исчез, по-видимому, не сразу, а долгое время сохранялся в виде обычая, по которому сородичи невесты давали ей в приданое и юрту, замененную позднее занавесью.

Широкое участие односельчан и сородичей в свадебных торжествах не является специфичной башкирской свадьбой. Устройство всевозможных игр и спортивных состязаний характерно также для свадеб у киргизов и казахов².

Интересен и обычай, заключающийся в том, что жених привозит специальное угощение (*кайнага муртабы*) для старших братьев и дядей невесты. Не связан ли он с тем, что при провах невесту сажает на подводу жениха ее дядя или старший брат? Это является, видимо, пережитком тех отношений, когда дядя по матери и старший брат были гораздо ближе невесте, чем родной отец. Аналогичную роль играет старший брат в свадебных обрядах народов коми. В день свадьбы у них проводится обычай «продажи» невесты, в этом «торге» в роли продавца выступает брат невесты, а в роли покупателя — жених, который прибавляет брату невесты до трех раз, пока наконец брат не подаст жениху руку невесты. В причитаниях невеста коми-зырянка обращается к старшему брату или дяде, называет его кормильцем, солнышком и милым братом, упре-

кает его за то, будто он лишает ее девичьей воли, отлучает от родителей и т. д.³

С переходом к патрилокальному браку связаны причитания невесты перед отъездом из родительского дома, состязания сватий в песенных импровизациях, борьба родни невесты за кот, возвращение невесты на время в дом своих родителей. Примечательно, что причитания приурочены не к моменту заключения брака и не к началу свадьбы. Брак сам по себе в то время, когда невеста оставалась в своем роде, не был драмой. Осложнения начались тогда, когда возникла необходимость перейти в род мужа: невеста отлучалась от матери, братьев, от своего рода, а ее род терял рабочую силу и часть имущества. Процесс перехода от матриликального к патрилокальному поселению не был быстрым и безболезненным; сородичи долго не могли смириться с уходом невесты. Конфликт между двумя родами или родовыми подразделениями нашел свое внешнее выражение в обряде *намак айтешеу*, когда родственники невесты всячески охаживали жениха, его родню и односельчан. Переход девушки в род мужа сначала, по всей вероятности, был обусловлен рядом уступок со стороны родни жениха, как возвращение домой, широко известное в этнографической литературе, обычай оставлять кот и т. д.

В обряде борьбы за кот отразились и первобытные поверья, когда считали, что сваты вместе с невестой могут увести и благополучие рода, аула. Вместе с тем в нем довольно четко выражена уступка родни жениха родственникам невесты: оставляя кот, они как бы гарантировали благополучие аула.

Отголоском первобытной идеологии является обряд показа источника, известный татарам и финнам Поволжья⁴. У зауральских башкир этот обряд сохранился в наиболее «чистом» виде: несет ведро до источника и достает воду «свой» человек — одна из сестер мужа, а невеста обретает право набирать и таскать воду только после того, как опустит в источник монету.

С древними поверьями, по всей вероятности, связано также и то, что невеста, прощаясь с родным домом, родителями и родственниками, привязывает нитку к гвоздю или к перекладине.

В прямой связи с вступлением невесты в род мужа находится институт *морондок инэ*, аналогичный *кыятматлык инэ* у западных

¹ Ф. Фиельструп, Свадебные жилища турецких народностей, Материалы по этнографии, т. III, вып. I, Этнографический отдел Государственного Русского музея, Л., 1926, стр. 100—122; К. Л. Задыкина, Узбекские дельты Аму-Дарьи, стр. 403.

² Ф. Фиельструп, Указ. соч., стр. 114; А. Джумагулов, Указ. соч., стр. 38.

³ В. Н. Белицер, Указ. соч., стр. 309—311.

⁴ С. М. Матвеев, Указ. соч., стр. 33; В. Н. Белицер, Указ. соч., стр. 308.

башкир, кряшен и татар, посаженному отцу матери у русских, *мурундук ене* у узбеков.

Таким образом, свадебная обрядность западных башкир сохранила отпечатки ранних периодов развития общества и соответствующих им общественного мировоззрения и семейно-брачных норм. Однако в своей совокупности эти обряды могли сложиться в период, непосредственно предшествовавший становлению моногамной семьи. Патрилокальное поселение и выкуп невесты составляют существенность башкирской свадьбы. Вся обрядность в

целом, вместе с ее калымом, приданым и многочисленными подарками, характеризует свадьбу как акт купли и продажи, как торговый договор, освященный вековыми обычаями и религией, хотя в нем имеются отдельные сценки, имитирующие похищение невесты. Кстати, похищение невесты как форма заключения брака могла иметь более или менее широкое распространение уже в период патриархальной семьи, как дополнение к браку куплей.

Р. Г. КУЗЕЕВ, С. Н. ШИТОВА

СОВРЕМЕННОЕ КОЛХОЗНОЕ ЖИЛИЩЕ СЕВЕРНЫХ БАШКИР

В настоящее время наша страна переживает бурный подъем экономики и культуры. После исторического сентябрьского Пленума 1953 г. в развитии социалистического сельского хозяйства достигнуты большие успехи. Благодаря успешному претворению в жизнь мероприятий, намеченных партией и правительством, ликвидировано отставание сельского хозяйства, укреплена экономика колхозов и совхозов. Следствием общего подъема социалистической экономики явилось повышение материального благосостояния колхозного крестьянства. Как указывалось в докладе Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС, реальные доходы крестьян из расчета на одного работающего в 1958 г. по сравнению с 1940 г. выросли более чем в два раза¹. Укрепление бюджета колхозной семьи влечет за собой изменения в быте и культуре сельского населения. В частности, увеличиваются масштабы жилищного строительства. Семилетним планом развития хозяйства страны предполагается силами колхозников и интеллигенции построить 7 млн. жилых домов в сельской местности².

Сейчас этот план претворяется в жизнь. В Башкирии нет деревни, где бы не строились десятки новых домов. Немало сел, где большая часть построек возведена в последние 3—4 года. Возросшие потребности населения не могут удовлетворить прежние размеры жилища, ста-

рая планировка, устаревшие строительные приемы. Крестьянство ищет и находит новые типы построек, новые формы планировки жилища и усадеб.

Вполне понятно, что изучение и обобщение опыта сельского строительства, выявление тех новых тенденций, которые наметились в строительстве жилищ на селе, представляет громадный научный и практический интерес. Необходимо, с одной стороны, выявить общие моменты, с другой — специфические, местные черты в строительстве жилищ, в их внутреннем устройстве, во внешнем оформлении. Накопленные факты и наблюдения, в совокупности с материалами по другим формам культуры народов, могут быть использованы для широкого изучения процессов развития и изменения социально-бытового и культурного уклада народов СССР в эпоху строительства коммунистического общества.

В условиях Башкирии задача изучения современного колхозного жилища усложняется тем, что жилые и хозяйственные постройки башкир последних десятилетий исследованы чрезвычайно слабо. Специальный раздел в работе С. И. Руденко посвящен характеристике башкирского народного жилища конца XIX — начала XX вв.³ В последние годы большое внимание изучению крестьянских построек уделяет Б. Г. Калимуллин. Однако в изданной работе Б. Г. Калимулина² исследована лишь часть проблемы: вопросы, связанные с плани-

¹ Н. С. Хрущев, О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, Материалы внеочередного XXI съезда КПСС, М., 1959, стр. 8.

² Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, Материалы внеочередного XXI съезда КПСС, М., 1959, стр. 238.

³ С. И. Руденко, Башкиры, Историко-этнографические очерки, М.—Л., 1955.

⁴ Б. Г. Калимуллин, Планировка и застройка башкирских деревень, Уфа, 1959.

зовкой башкирских деревень и усадеб. Мастабы научно-исследовательской работы в области изучения современного башкирского жилища явно недостаточны. Материалы этнографической экспедиции 1959 г. Башкирско-го филиала АН СССР являются некоторым вкладом в разрешение этой актуальной задачи.

Настоящая статья имеет целью обобщить экспедиционный материал, собранный в Калталинском, Янаульском, Татышлинском, Аскинском, Дуванском, Мечетлинском и Белокайтском районах БАССР и в дер. Арасланово Нязетуровского района Челябинской области и Шокурово Нижне-Сергинского района Свердловской области.

Северные и северо-восточные башкиры издавна различались по уровню хозяйственного и общественного развития. В то время, как в хозяйстве северных (таныпских) башкир уже в XVII — начале XVIII вв. большой удельный вес занимало земледелие, башкиры среднего течения р. Ай даже в начале XX в. хлеба сеяли очень мало. Характеризуя занятия башкир д. Сальзигутово, Трупкильдино, Сабанакوو, расположенных в долине р. Ай, И. Лепехин пишет, что они «нерадивы еще к пашне»¹. П. Паллас, проехавший по северу Башкирии в 70-х годах XVIII в., отметил наличие развитого земледелия у башкир, живущих в бассейне р. Танып². Башкирское население северо-востока, по свидетельству Палласа, было различно по образу жизни и занятиям: в то время как на р. Уфе башкиры были оседлыми, жители «степных пространств» соседних районов «ради великого скотоводства» летом оставляли свои избы и переезжали на летние пастбища³. Следует думать, что под «степными пространствами» Паллас подразумевал земли, расположенные к югу от р. Уфы, главным образом, по среднему течению р. Ай. Северо-восточнее, у башкир верховья р. Уфы (например, в дер. Шокурово) большой удельный вес в хозяйстве приходился на занятия земледелием⁴. Уже в начале XIX в. Н. П. Попов, автор «Хозяйственного описания Пермской губернии», разделил башкир Красноуфимского уезда, живших по р. Уфе и ее левым притокам, на юртовых (т. е. оседлых) и кочующих⁵. Во время работы экспедиции из расспросов старожидов выяснилось, что в то время как жители таныпских деревень

давно забыли о выездах на летовки, айские башкиры продолжали выходить на летние пастбища вплоть до конца XIX в.

Природные условия, особенности этнической истории, различия в хозяйстве явились причиной образования в культуре башкир на территории севера БАССР своеобразных черт, позволяющих выделить два этнографических района: северный (Калталинский, Янаульский, Татышлинский, Аскинский административные районы), который мы условно называем таныпским (р. Танып — основная водная артерия в этом районе) и северо-восточный (Дуванский, Мечетлинский и север Белокайтского района). Подразделение исследованной территории на два района подтвердили собранные в экспедиции материалы по одежде и, особенно, по изобразительному искусству башкир¹. Общие черты и специфические особенности этих областей нашли выражение и в развитии жилища.

В современных жилых постройках северных районов намечается два основных типа домов, отличных как по внешней архитектуре, так и по внутренней планировке. Для районов, расположенных по р. Таныпу, характерна пятистенная постройка с высокой двухскатной крышей. Как правило, такой дом имеет удлиненную форму (длина 5—8 м; ширина 3—4,5 м), причем пристрой часто является продолжением дома (рис. 1). Для северо-восточных районов, особенно для башкирских деревень, расположенных на границе БАССР с Челябинской и Свердловской областями, типичен также четырехстенный или пятистенный сруб, но здесь он в плане квадратной формы. Над такими срубками возводятся обычно шатровые крыши (рис. 2). Однако если в деревнях от Белянки до Шокурово новые дома имеют только такую форму, то в бассейне р. Ай встречаются избы, сходные с таныпскими (рис. 3).

В материале, из которого строят жилища, и в технике строительства между указанными областями различий нет. Дома повсеместно срубные. Сосна, ель, реже — осина, береза, как и прежде, являются основным материалом для строительства. Раньше в лесном таныпском районе для покрытия домов, кроме теса, использовали дранку, кору, а в приайских степях — дёрн. Теперь не встретишь новых домов с дерновой, корьевой или дранчатой крышей. В последнее время для кровли используются шифер, железо, черепица.

¹ И. Лепехин, Дневные записки, Полное собрание путешествий по России, т. IV, СПб., 1822, стр. 277.

² П. Паллас, Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. III, кн. II, СПб., 1788, стр. 25—26.

³ Там же, Указ. соч., стр. 21.

⁴ Там же, стр. 20.

⁵ Н. Попов, Хозяйственное описание Пермской губернии, ч. III, СПб., 1813, стр. 15.

¹ См. статью «Женская одежда северных башкир» в настоящем сборнике; Архивный фонд ИЯЛД ФОНА СССР, научный отчет по теме «Башкирское народное изобразительное искусство» за 1959 г.

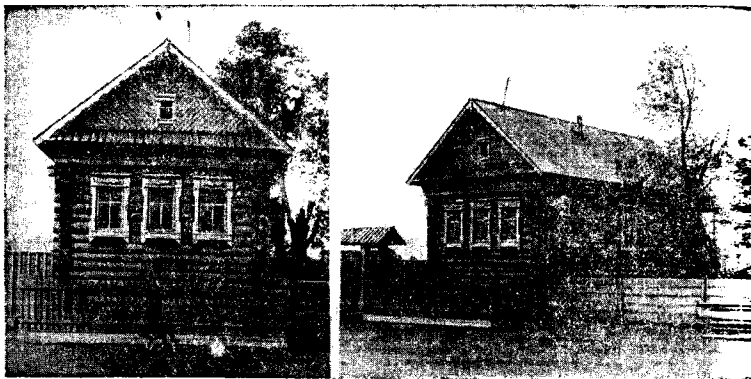

Рис. 1. Дом колхозника Касимова. Дер. Ямады, Янаульский район БАССР.

Рис. 2. Дом колхозника Гябадуллина. Дер. Арасланово, Нязепетровский район Челябинской области.

Почти единственным способом соединения углов сруба до сих пор остается рубка «в чашку». Лишь в некоторых домах углы срублены «в лапу» (рис. 4). Обычно срубы этих домов куплены на стороне и перевезены в деревню. Углы домов, срубленных «в лапу», обшиваются досками. В настоящее время обшивка домов получает все более широкое распространение.

Сравнительно с прошлым заметно улучшилось качество постройки домов, большего совершенства достигли некоторые строительные приемы. Этому способствует появление на селе квалифицированных мастеров-строителей, накопление строительного опыта, совершенствование мастерства. Если раньше в башкирских деревнях почти не было плотников и они, как

Рис. 3. Дом председателя колхоза Сахаутдинова. Дер. Ново-Мещерово, Мечетлинский район БАССР.

правило, приглашались из соседних русских или татарских сел, то теперь в каждом колхозе имеется строительная бригада, члены которой нередко прошли курс обучения в ремесленных училищах или специальных школах. Мастера-плотники, получившие специальное образование, принесли в село новые способы конструкции отдельных частей дома, а порой оказали влияние и на развитие внутренней планировки жилища.

Еще в начале XX в. во всех башкирских деревнях сруб ставили непосредственно на землю. В настоящее время дома устанавливают на прочный каменный или кирпичный фундамент, скрепленный цементом. Фундамент делают в виде каменных тумб по углам дома или же сплошной. В Калтасинском и Янаульском районах фундамент часто устраивают из плотно уложенных поперек стены дома коротких бревен, а под углы сруба вбивают толстые столбы.

Как видно из расспросов информаторов, на Таныше издавна была распространена двухскатная форма крыши, характерная для пританьпских деревьев и в настоящее время. В бассейне Ая, и далее на северо-восток, до верховья р. Уфы вплоть до конца XIX в. крыши делали двухскатные или их не возводили вообще. О «плоских крышах» айских башкир писал Н. Попов¹. В сообщении «Екатеринбургской недели» от 1882 г. о башкирах северо-востока Белокатайского района говорилось,

что «они никогда почти не кроют крышами своих хат...»¹. Однако уже в конце XIX, а тем более в первые десятилетия XX вв., на северо-востоке Башкирии получили распространение пятистенки с шатровой крышей. Этому способствовало то, что башкиры северо-восточных районов часто покупали срубы в соседних русских и татарских селах или приглашали плотников-строителей. Правда, и на купленных пятистенках еще долгое время продолжали сооружать крыши двухскатной формы. В настоящее время, как отмечено выше, на северо-востоке БАССР преобладают четырехскатные крыши.

Как раньше, так и теперь в северных районах Башкирии крыши укрепляют в основном на стропилах (*бәлкә*). Правда, в пограничных деревнях на стыке Башкирии с Свердловской и Челябинской областями можно встретить старинные дома, а тем более — хозяйственные постройки, с самцовыми (*самса*) крышами, которые принесли в эти деревни, видимо, русские плотники. Сейчас крыши на самцах сооружают лишь на клетях или амбарах.

В конструкции стропильных крыш за последние десятилетия произошли изменения. На старых домах стропилы укреплены на верхнем венце сруба, без подстропильных балок, поэтому у большинства домов, построенных в прошлом, нет карнизов. Скаты нависают над срубом, закрывая верхнюю часть наличников окон. Фронтоны двухскатных крыш оставляли

¹ Н. Попов, Указ. соч., ч. III, СПб., 1813, стр. 13.

² «Екатеринбургская неделя», 1882, № 15.

открытыми или же зашивали досками в одной плоскости с фасадной стеной. При строительстве новых домов стропилы в подавляющем большинстве случаев устанавливаются на подстропильной балке, причем высота крыши увеличилась (длина стропильной балки составляет немного меньше $\frac{1}{3}$ длины подстропильного бревна). При увеличении высоты крыш скаты их быстрее просыхают после дождя, и поэтому дольше сохраняются. Конек двухскатной крыши и ребра четырехскатной покрывают желобом (*жулап*) из двух досок, прибитых под углом.

В связи с тем, что подстропильные балки стали обязательным элементом в архитектуре жилища, вдоль стен домов появились карнизы (*гарниз*), под которыми прибивают подкарнизную доску. Карнизы в башкирских домах северной Башкирии, за редким исключением, росписью или резьбой не украшаются.

При возведении двухскатной крыши в наши дни большое внимание уделяют оформлению фронтонов, особенно фронтона главного фасада, который обшивают досками «в елочку» или полукругом. В домах с двухскатной крышей обязательно делают козырек (*кузрык*, *кузыр*), ширина которого зависит от того, насколько скаты крыши нависают над фасадной стеной. В главных фронтонах в последние годы часто прорезают слуховые окна, нарядно оформляя их в унисон с наличниками окон дома.

Капитально в новых домах оборудуют подложки. На потолочные доски иногда настилают толь или, чаще, мешковину, которую затем засыпают землей. На подложку из сены устраивают лаз. Подложка используется для хранения домашнего скарба, запасов некоторых продуктов и пр.

Многие элементы новых построек, общая конструкция новых жилищ опираются на традиции, на опыт, накопленный в башкирских селах за предшествующие десятилетия и даже века. Зачастую они унаследовали черты, сложившиеся в данном районе в силу специфических природных условий, особенностей хозяйства. Особенно характерны в этом смысле высота пола над землей и устройство подполья. Как в таньпском бассейне, так и на северо-востоке БАССР пол в новых домах расположен довольно высоко над землей. Однако высота пола на севере гораздо значительнее, чем в долине р. Ай и в Белокатайском районе. Здесь балки для настила пола врубаются в 4-й или в 5-й венец сруба, а иногда и выше. Большая приподнятость пола в этом районе традиционна. Она укоренилась, видимо, в силу хозяйственной необходимости. Бассейн р. Таньпы, особенно ее верховье, издавна являются районом

развитого пчеловодства¹. Здесь очень рано бортничество заменилось колодным пчеловодством, а затем и ульевым. Подпол (бассейн) служил местом сохранения пчел (в колодах или ульях) в зимние месяцы. Этому было посвящено и его устройство. В деревнях, распол-

Рис. 4. Строящийся дом. Дер. Кылау Елга, Аскинский район БАССР.

женных по Таньпу, подпол, кроме люка в полу дома, имеет дверцу во двор, через которую и заносили улья с пчелами (рис. 5). Эта дверь осенью утеплялась с внутренней стороны толстым слоем соломы, ветошью, наглухо забивалась снегом. Внутреннее устройство подвала также приспособлено для содержания пчел (рис. 6). Посередине его выкапывают яму. Чтобы уместить больше ульев, яма роется хотя и не очень глубокой, но широкой и длинной. Землю, которую вынимают из ямы, насыпают вдоль стен сруба, устраивая широкие завалинки (*дицгез*). Стены ямы в настоящее время часто укрепляют досками или жердями. Посередине дна подпольной ямы роется небольшое углубление, куда насыпают снег, благодаря чему в подполье поддерживается более или менее постоянная температура. Особенно это важно весной, в дни оттепели, когда пчелы, проснувшись, могут через щели пола ползти в комнаты. В XIX в., когда среди северных башкир некоторое распространение получило огородничество, в подполье стали хранить овощи. Несколько изменилось устройство подвала: яму стали рыть шире и глубже, отгораживая в ней место для овощей.

¹ П. Паллас, Указ. соч., ч. III, кн. II, СПб., 1788, стр. 25—26.

Описывая устройство подполья в домах татарских башкир, надо иметь в виду, что высокое расположение пола над землей, наличие выхода из подвала непосредственно во двор характерно для крестьянских жилищ Среднего Поволжья и севера России. От жилищ, распространенных в Башкирию русскими, татарами и другими народами, башкиры заимствовали те

требностей колхозников. В домах, где пол не стлан на значительном расстоянии от земли, нет сырости, в них легче поддерживать чистоту. Этому же способствует наличие специального выхода во двор. Колхозники находят и новое применение подполью. В домах северных районов БАССР, где из подвала есть выход во двор, подпол часто является местом хранения хо-

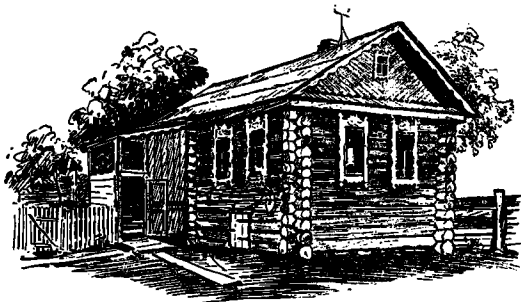

Рис. 5. Дом колхозника Ж. Нурмуева построен в 1957 г. Дер. Ямады, Янаульский район БАССР. Рис. художника Г. И. Мухаметшина.

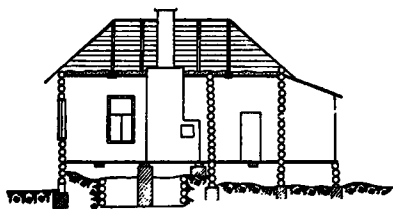
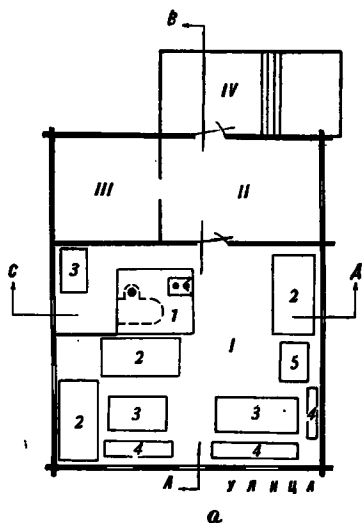
черты, которые в наибольшей степени соответствовали их формам хозяйства, особенностям их быта.

В башкирских деревнях на р. Ай, особенно расположенных ближе к Уралу, пчеловодство было менее развито. Подполье здесь стали использовать лишь в последние десятилетия для хранения овощей в связи с развитием огородничества. В старых домах пол настлали на балку, врубленную во второй или даже в первый венец сруба. Особенностью домов придийских деревень является то, что единственным входом в подпол служит люк, вырубленный в полу дома; выход из подпола во двор здесь встречается редко. Нет и сложного внутреннего устройства подпола: в земле под домом вырывают небольшую яму, которая и является местом хранения картофеля и других овощей.

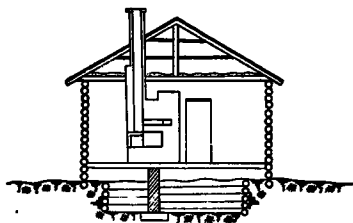
В наши дни, когда имеются колхозные пазеки, хозяйственная потребность в просторном подполе исчезает. Однако вошедшая в быт традиция строить дома с высоко расположенным полом не только не исчезает, но даже имеет тенденцию распространяться на другие районы. Это связано с повышением материального благосостояния, с ростом культурных по-

зайственного инвентаря и других хозяйственных предметов, которые раньше хранились в клети. Высокое расположение пола влияет и на конструкцию дома в целом. Оно ведет к тому, что пропорционально увеличивается высота дома. Поднятие пола над землей делает необходимым устройство крыльца (*ишек алды, күтәрмә*). В домах старой постройки на севере крыльцо часто заменяли каменная плита или наклонно положенный щит из тонких жердей либо бревен; на северо-востоке зачастую крыльцо не было вообще. Сейчас в пританыйских деревнях строят высокое крыльцо с перилами и крышей. Несколько более низким делают крыльцо в северо-восточной Башкирии, однако и здесь его устройству и оформлению придают большое значение. В домах, поставленных в последние годы, нередко крыльцо сочетается с просторной светлой верандой.

Вместе с большими изменениями в строительстве жилищ изменились и способы их архитектурного оформления, в частности украшения наличников. В дореволюционное время художественной резьбой украшали небольшое число жилищ: в основном, это были дома мулл, кулаков, купцов, а также мечети. Только нака-

б

а

Рис. 6. План и разрез дома А. Хабибуллина. Дер. Кылау-Елга, Аскинский район БАССР.

а — план: 1 — жилая комната (дорт); 2 — сени (солан); 3 — кладовая (кловина); 4 — крыльцо (шиггалды); 5 — печь (мебес); 6 — кровати; 7 — столы; 8 — лавки; 9 — сундук; б — продольный разрез по линии АВ; а — поперечный разрез по линии СД.

нуне революции наличники появились на некоторых середняцких домах. Большинство башкирских домов вообще не имело наличников. Фризы домов, фронтоны, а также ворота в обследованных районах Башкирии почти не украшались.

В современной архитектурной разьбе в северных районах Башкирии нет прочно установившихся традиционных рисунков. Это объясняется тем, что башкиры не имели древних традиций в строительстве жилищ и в их художественном оформлении. Резные наличники у башкир появились, главным образом, лишь в XIX в. Русские, татарские мастера, которые приглашались башкирами из различных мест, вместе с приемами строительной техники приносили с собой и различные способы ornamentации наличников. Сначала это были преимущественно накладные узоры, затем пропильные

(как накладные, так и ажурные). Приходя в башкирские деревни, расположенные по рр. Аю, Уфе, Таныпу с севера, с запада, с Камы, с Урала эти мастера приносили с собой и различные узоры для украшения наличников. В связи с отсутствием местных древних традиций в ornamentации наличников сложилось бесконечное разнообразие узоров. Даже в пределах одной деревни часто наблюдается чрезвычайная пестрота в оформлении домов. Однако в этом пестром разнообразии узоров есть элементы, которые в одном районе повторяются чаще, чем другие, постепенно превращаясь в местную традицию в ornamentации наличников. Например, в Янаульском, Татышлинском и Аскинском районах весьма популярна фигура в виде колец в различных вариантах и в различных сочетаниях. Этот узор настолько укоренился в практике строительных масте-

ров Таныпа, что традиция его не утрачена до наших дней. Например, плотником Кашфиевым Амиром из дер. Верхне-Кудашево Татышлинского района, построившим свой дом в 1958 г., сделан наличник, центральной фигурой которого являются пересекающиеся кольца (рис. 7). Таких примеров много.

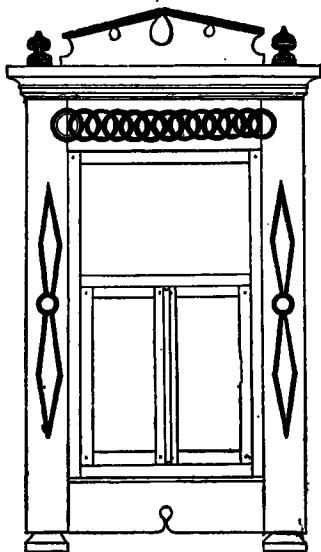

Рис. 7. Оконный наличник дома А. Кашфиева. Дер. Верхне-Кудашево, Татышлинский район БАССР. Рис. художника Г. И. Мухаметшина.

ные черты в художественном оформлении наличников окон на современных домах — это простота и строгость линий, рациональность в расположении и, особенно, в количестве узорных фигур, почти полное отсутствие сложных, дорогостоящих ажурных пропиленных украшений, которые с точки зрения сегодняшних вку-

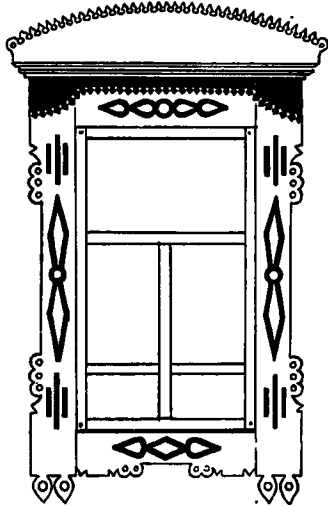

Рис. 8. Оконный наличник дома Р. Забирова. Дер. Кылау-Елга, Аскинский район БАССР. Рис. художника Г. И. Мухаметшина.

Таким образом, некоторые узоры, ставшие традиционными, находят применение в украшении наличников и в современных домах. Это весьма примечательный факт, свидетельствующий, что оформление наличников в наши дни опирается на опыт, накопленный в прошедшие десятилетия.

В то же время в оформлении наличников на современных домах складываются и новые, отличные от прошлого традиции, которые более отвечают сегодняшним вкусам колхозного крестьянства и соответствуют быстрым темпам жилищного строительства на селе. Характер-

сов колхозников уже не являются «красивыми». Красота в оформлении современных наличников достигается, с одной стороны, как сказано выше, простотой и строгостью основных линий накладных фигур, с другой — эффектной раскраской оконных рам и наличников. В раскраске обычно применяются темный и светлый тона. Если наличники раскрашиваются в темные тона (обычно темно-синие), то накладные фигуры — в светлые, или наоборот (рис. 8, 9, 10). Такое оформление новых домов с большими оконными рамами, на фоне зелени выглядит весьма эффектно. Сделать такой наличник под силу любому колхознику, что имеет большое значение при современных масштабах сельского жилого строительства.

Рис. 9. Оконный наличник дома В. Усманова. Дер. Ново-Мещеро, Мечетлинский район БАССР.

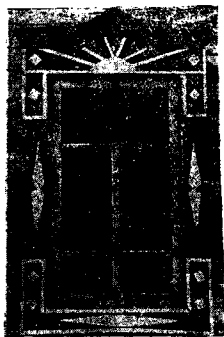

Рис. 10. Оконный наличник дома Г. Нурмухаметья. Дер. Ясы, Мечетлинский район БАССР.

Большие изменения, особенно за последние годы, произошли во внутренней планировке башкирского колхозного жилища. Основная линия развития внутренней планировки современного жилища в северной Башкирии — это стремление к многокомнатности, к рациональному расположению отдельных жилых помещений, к большому удобству в быту. Иначе говоря, пути развития внутренней планировки башкирского жилища такие же, как, скажем, у русского крестьянства и у других народов нашей страны. Однако у башкир изменения во внутреннем устройстве изб выступают особенно ярко, поскольку, в отличие от многих других народов, дореволюционное жилище основной массы башкирского населения было однокамерным. В начале XIX в. в «Хозяйственном описании Пермской губернии» Н. Попов отмечал, что жилище башкир Красноуфимского уезда состоит из срубной избы «без всякой к ней пристройки»¹. Картина мало изменилась и к концу XIX в. В 1882 г. в газете «Екатеринбургская неделя» была помещена заметка о башкирах теперешнего Белокатайского района. В ней сообщалось: «Избы их очень плохи, без сеней... Как бы ни велико было семейство башкир, все оно помещается в одной избе, другая же считается за особую роскошь и таковые имеются только у мулл, старост и других администраторских властей волости»². В северных районах Башкирии еще и сейчас нередко дом

состоит из одного жилого помещения (рис. 6). В прошлом четырехстенки на Таныпе были общераспространенным явлением.

Четырехстенный дом на севере имеет пристрой — холодные сени (*солан, чолан*); которые летом используются как жилое помещение. Комната в таких домах делится на несколько частей легкими короткими занавесками — *кашага*, прибитыми по матице и потолку. Иногда таких занавесок нет, однако сложившееся издавна разделение помещения на функциональные части сохраняется. Основная часть помещения, до линии печи, — *тур як, тур өй, хунак өй* — «чистая» половина, служащая для приема гостей. Часть жилища на стороне печи является кухней (*шаршау як, аш өйө, аш булмаһе, кашьяк як*). Небольшое пространство за печью, где хранится посуда, называют *эәмич, кэбэрткэ, кашьяк*. В старых домах над сенями (если они были) делали плоскую крышу. В домах, построенных в последние десятилетия, изба и пристрой подведены под одну кровлю. С ростом благосостояния семьи дощатый пристрой заменяется бревенчатым срубом и дом становится двухкомнатным. В этом случае первая от входа комната выполняет роль прихожей и кухни, а вторая — гостиной. Холодные сени пристраиваются к новой части жилища с заднего фасада дома или сбоку. Сейчас колхозники стремятся сразу ставить пятистенку с пристроем. При значительных размерах дома в первой половине сруба дощатыми перегородками отделяют прихожую от кухни. Во второй половине перегородок, разде-

¹ Н. Попов. Указ. соч., ч. III, СПб., 1813, стр. 13.

² «Екатеринбургская неделя», 1882, № 15.

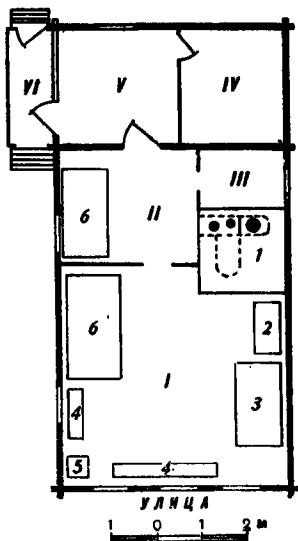

Рис. 11. План дома В. Усманова. Дер. Ново-Мещеро, Мечетлинский район БАССР.

I — «святая» комната (тур об); II — прихожая (кашиак як); III — кухня (мейес айды); IV — кладовая (кыюпка); V — сени (солма); VI — крыльцо (күтерме); 1 — печь (мейес); 2 — сулдук; 3 — деревянный диванчик; 4 — лавки; 5 — тумбочка; 6 — кровати.

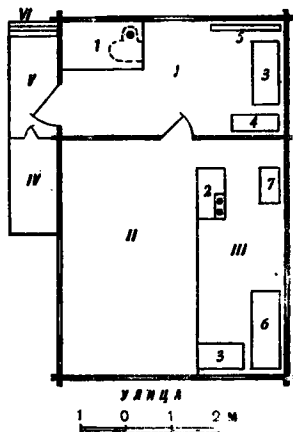

Рис. 12. План дома С. Ахметова. Дер. Маржангулово, Дуванский район БАССР.

I — кухня (ашкана); II — «святая» комната (тур об); III — спальня (доклау булмаке); IV — кладовая (кыюпка); V — сени (солма); VI — крыльцо (күтерме); 1 — хлебная печь (мейес); 2 — печь-голландка с плитой; 3 — столы; 4 — шкаф для посуды; 5 — скамейки; 6 — кровати; 7 — сулдук.

ляющих дом на комнаты, не ставят, ссылаясь на то, что они затемняют комнату и что в небольших помещениях тесно.

Таким образом, для северных районов Башкирии характерна однокомнатная изба с сенями или пятистенка с легким пристроем.

На северо-востоке пятистенку дощатыми перегородками делают на несколько комнат (рис. 11, 12): в первой половине дома кухню отделяют от прихожей, во второй половине нередко отгораживают спальню (доклау булмаке) от гостиной. В районе дер. Белянка — Арсланово — Шокурово даже четырехстенный сруб имеет довольно большие размеры, что дает большие возможности для развития внутренней планировки жилища. Деление дома на три, иногда четыре — пять комнат здесь довольно обычное явление (рис. 13). Как

правило, отделяют гостинную, спальню, кухню. Перегородки делают из досок, за исключением внутренней бревенчатой стены пятистенка. Но в новых домах довольно часто ставят лишь 2—3 венца от потолка и несколько венцов от фундамента, забывая оставшееся пространство досками. В северо-восточных районах внутреннее разделение на комнаты остается и в том случае, если сруб в плане имеет не квадратную, а удлиненную прямоугольную форму, что, казалось бы, затрудняет планировку жилища.

Деление помещения на комнаты приводит к увеличению числа окон в срубе. Если в старых домах было 2—3, редко 4 окна, то в новых домах их количество доходит до 8—10. В пятистенных домах число окон зависит и от расположения сеней. Если сени являются продолже-

нием дома, то окон бывает 5—7; если же они приставляются сбоку сруба, то на заднем фасаде дома прорубается дополнительно одно — два окна. Особенно много окон в домах приуральских деревень крайнего северо-востока (Белянка — Шокурово); здесь только на главном фасаде дома число окон доходит до 5—6 (рис. 2). Новые, недавно выстроенные дома отличаются обилием света, солнца. Это является одним из проявлений повышения культуры башкирского колхозного крестьянства.

Перемены в архитектуре и во внутренней планировке дома повлекли за собой и значительные изменения во внутреннем убранстве жилища. В 1887 г. на страницах «Пермских губернских ведомостей» можно было прочитать описание жилища башкир северных районов: «простая мебель: кровать, стулья, шкаф и проч.— принадлежность только зажиточных домов, у большинства же в избах устроены нары, которые заменяют... и стол для обеда и чаепития»¹. В современных башкирских домах, особенно в домах со сложной внутренней планировкой, прочно вошла в быт городская мебель: столы, стулья, металлические кровати, диваны, буфеты, шифоньеры и пр. Большой уют создают тюлевые занавески на окнах, репродукция картин известных художников на стенах. Во многих домах имеются радиоприемники, швейные машины. Обычным явлением для крестьянских домов стали этажерки с книгами. В убранстве многих домов черты нового удачно сочетаются с национальными особенностями в оформлении жилых помещений. Национальный колорит создают прибитые к матице вышитые короткие занавески (*кашара*) и тканые ковры (*балаг*), постланные на пол или на деревянные диваны.

Изменения в планировке дома, в его общей архитектуре не могли не отразиться и на устройстве печей. Как и в старых избах, во вновь построенных домах основным видом печи остается хлебная (*меес*) в комбинации с котлом (*казан*), а в последние годы — с плитой. Однако конструкция этой печи несколько изменилась. Хлебная печь довольно часто сочетается с плитой (*эсэк*), при этом для лучшего обогрева помещения значительно усложняют дымоход плиты, увеличивая число колен. В связи с этим внешний вид печи меняется, приближаясь к голландке. В пятистенке часто печь ставится посередине избы таким образом, что гладкая ее стена выходит в «чистую» половину, а топка с котлом и плитой — в кухню. В многокомнатных домах устанавливают две пе-

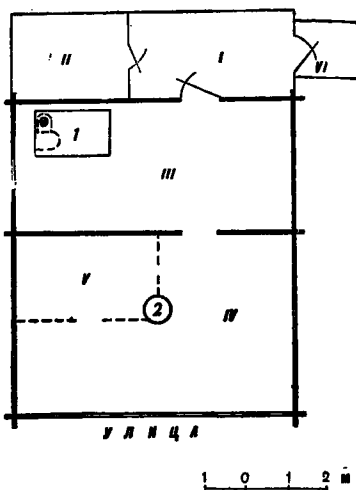

Рис. 13. План дома колхозника Гибадуллин. Дер. Арсланово, Нязелетровский район Челябинской области.

I — сени; II — кладовая; III — прихожая; IV — «чистая» комната; V — спальня (отделена дощатой перегородкой); VI — крыльцо; I — хлебная печь (оло меес); 2 — печь голландка.

чи, одна из которых, типа голландки, предназначена для обогрева жилища.

Некоторые изменения в башкирских деревнях севера претерпевает и планировка усадеб. Развитие идет, с одной стороны, по пути уменьшения размеров усадеб, с другой — по пути достижения больших удобств в устройстве и расположении хозяйственных построек, озеленения дворов.

Из источников известно, что еще в последние десятилетия XIX в. башкирская усадьба была мало застроена. «Надворных же строений ни у кого никогда не встретишь, разве только у муллы... Для скота на зимнее время никаких убежищ тоже не строится», — можно прочитать на страницах «Екатеринбургской недели» за 1882 г.¹ Правда, в самом конце XIX в., а тем более в первые десятилетия XX в., в связи с проникновением капиталистических отношений в башкирское деревенное положение изменилось. Не только у зажиточной верхушки дерев-

¹ «Пермские губернские ведомости», 1887, № 4.

¹ «Екатеринбургская неделя», 1882, № 15.

зи, но и в дворах середняков стали строятся амбары, клетки, хорошо оборудованные скотные дворы.

Планировку башкирских усадеб этого периода подробно исследовал Б. Г. Калимуллин. Он считает, что в конце XIX — начале XX вв. на севере и северо-востоке Башкирии получило распространение разделение усадьбы на дворы

по функциональному признаку¹. Усадьбу, как правило, делили на главный двор (*эй ады*), где размещались дом, пасека, погреб, летняя кухня (*аласык*); хозяйственный двор с амбарами для хранения зерна, навесами для хозяйственного инвентаря; скотный двор с загонem и помещениями для скота и, наконец — огород, где часто строилась бечя². Характерным для планировки башкирской усадьбы являлась разбросанность хозяйственных построек, незамкнутый план двора. Помещение для скота, как правило, всегда находилось в отдалении от жилых помещений. Четкое разграничение на главный, хозяйственный и скотный дворы наблюдалось далеко не всегда, однако различное назначение и использование разных частей двора всегда соблюдалось.

Планировка современных колхозных усадеб становится более компактной, так как в последние годы число хозяйственных построек по сравнению с первыми десятилетиями XX в. сократилось: из надворных строений чаще всего встречаются помещения для скота (*азбар, абзар, токон, арбаз*), навес для хранения инвентаря (*лапас, абзар*), баня (*мунча, мыса, мунса*), погреб (*бугароб*) (рис. 14, 15). Уменьшение числа хозяйственных построек объясняется более рациональным использованием подполей в северных районах. Кроме того, в новых домах в пристрое дома часто устраивают небольшую клеть — чулак (*казунка, казанка, карзинка*), отгораживая для этой цели часть сени.

В планировке современных усадеб, с одной стороны, сохраняются наиболее положительные особенности прошлого опыта, с другой —

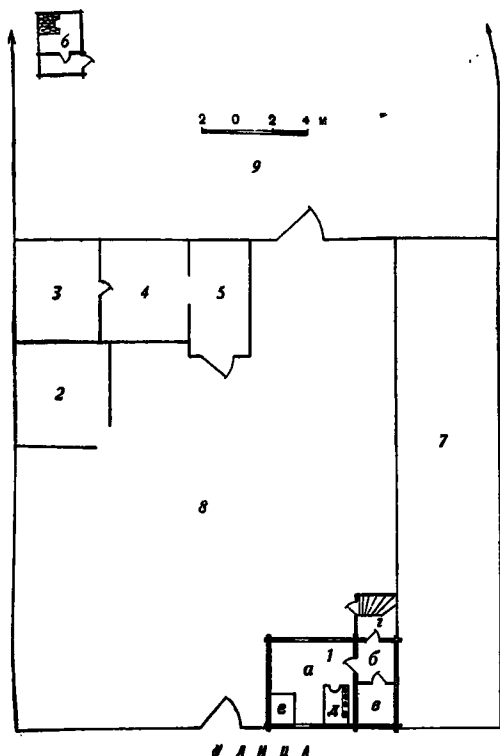

Рис. 14. План дома и усадьбы Ж. Нурыева. Дер. Ямады, Янаульский район БАССР.

1 — дом; а — жилая комната; б — сени (сени); в — кладовая (казунка); г — крыльцо (мивелды); д — печь (печес); е — кроватки; з — открытый загон для скота (почмак); 2 — конюшня; 3 — колодезь; 4 — сарайчик (абзар); 5 — помещение для овец; 6 — баня (мунча); 7 — пасека; 8 — двор (двора); 9 — огород (бачка).

¹ В. Г. Калимуллин. Указ. соч., стр. 78.

² Там же, стр. 79.

2 0 2 4 м

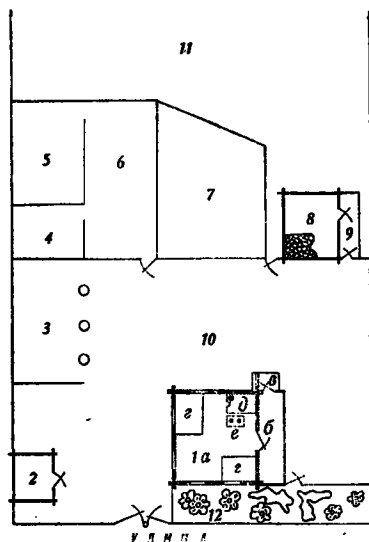

Рис. 15. План дома в усадьбе М. Биктимирова. Дер. Ново-Мещеро, Мечетлинский район БАССР.

1 — дом; а — жилая комната (ой); б — сени (солан); в — крыльцо (путьрме); г — нары (лике); д — хлебная печь (оло мейес); е — голландка с плитой (весе); ж — клеть (калет); з — навес (лапар); 4 — коровник (арбаз); 5 — сеновал (бесденек); 6 — крытый нагон для скота (лаи арбаз); 7 — участок, на котором посажены овощи (Ашшелев бакса); 8 — бани (мусли); 9 — предбанник; 10 — двор (урам); 11 — огород (бакса); 12 — палисадник (ой алды).

появляются черты нового, отсутствовавшие или почти отсутствовавшие в старой башкирской деревне. Так, прежде всего, отмечает Б. Г. Калимуллин, сохраняется традиционный принцип устройства в усадьбе главного двора. Просторный светлый двор является непременным условием любой башкирской усадьбы. Сохраняется также обычай размещать помещение для скота в некотором отдалении от дома. В последние годы в башкирских усадьбах увеличиваются площади под зелеными насаждениями. Иногда часть главного двора отгораживают под сад (балэкэй бакса), где

сажают яблоны, вишни, кусты смородины. Здесь же выращивают овощи: лук, огурцы и т. д.

В башкирских деревнях, расположенных на границе с Челябинской и Свердловской областями, наблюдается более близкая к русскому типу планировка усадеб. Этр можно, видимо, объяснить близким соседством русских сел. В башкирских дворах дер. Белянка, Каипово, Қиркеево и других больше хозяйственных построек и они расположены замкнуто образуя покоеобразную планировку. Эта система сохраняется и в планировке современных усадеб (рис. 16—17).

Если в технике постройки жилых домов сделаны значительные успехи, то хозяйственные сооружения в подавляющем большинстве все еще строят из тех же материалов и тем же способом, как и несколько десятилетий тому назад. Для возведения стен хозяйственные строения используют жерди, камень-плитняк, плетень и т. п. Кроют их соломой, дерном. В лесных районах — корой, реже — тесом. Стены помещений для скота строят, закладывая тонкие жерди в вертикальные пазы врытых на некотором расстоянии друг от друга бревен. Бани, клетки представляют собой обычный сруб. Конструкция крыш многих, даже построенных в последние годы, хозяйственных построек самцовая. Самцовые крыши особенно часто встречаются в районе дер. Белянка — Шокурово.

Дворы и улицы во всех северных районах тщательно огораживают: с фасада сооружают сплошные дощатые заборы с капитальными воротами, часто русского типа — с двухскатным покрытием (кала капканы). С остальных сторон устанавливают жердевые или плетневые изгороди.

Краткий обзор сельского строительства последних лет, небольшой сравнительный исторический материал, приведенный в тексте, позволяют выявить основные тенденции в развитии крестьянского жилища северных районов Башкирии в последние десятилетия.

Можно полагать, что направление развития современного жилища является общим для всех районов севера БАССР. Более того, эти тенденции характерны для развернувшегося сельского жилищного строительства в стране в целом.

Развитие жилищного строительства в последние годы обусловлено ростом материального благосостояния народа, повышением его культурного уровня, стремлением крестьянства к большему благоустройству в быту. Последнее находит свое выражение, прежде всего, в расширении жилой площади, в увеличении числа комнат. Этим же можно объяснить постройку

2 0 2 4 м

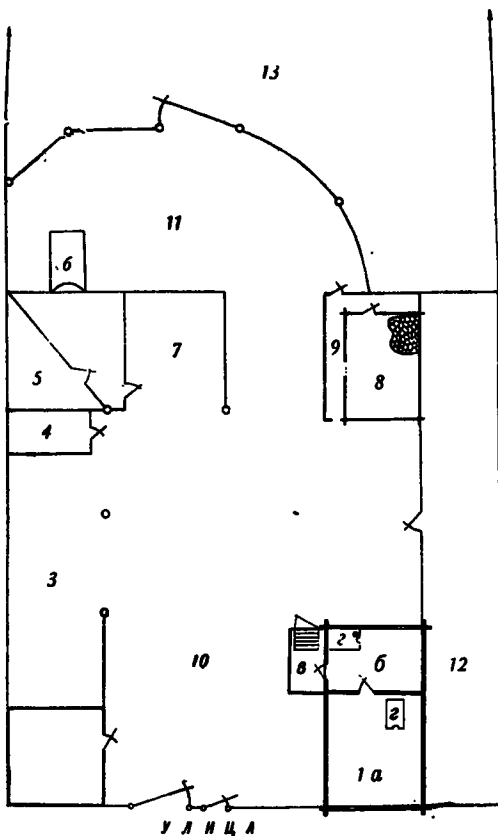

Рис. 16. План дома и усадьбы Г. Халикова. Дер. Капново, Белокатайский район ВАОССР.

1 — дом: а — оштукатуренная комната; б — кухня; в — окна; г — печь; 2 — крыльцо (кладовая); 3, 7 — навесы (лошад); 4 — помещение для кур (голуби); б — порожник (вагон арбара); 6 — помещение для молодки; 8 — баня (мыльня); 9 — предбанник; 10 — двор; 11 — загон для скота (для арбара); 12 — участок, выкопанный изгородью кустарников, с выездами (белая дачка); 13 — огород (белый).

Рис. 17. Усадьба М. Тагирова. Дер. Капново, Белокитайский район БАССР.

более высоких домов, устройство больших, светлых окон, двойных рам, форточек, пользование в быту предметами городской обстановки. С многокомнатностью связано изменение устройства печи, использование для обогрева «чистой» половины дома печей-голландок.

Повысились эстетические требования населения к архитектурному оформлению жилища: стали фигурно заделываться фронтоны домов, чаще украшаться резьбой или росписью оконные наличники и слуховые окна. Благоустраивается и озеленяется колхозная усадьба, сокращается число хозяйственных построек, располагаются они более компактно.

Многие из преобразований стали возможны лишь в результате повышения плотничьего мастерства местных строителей. Заметно усложнилась архитектура жилища: сложная система стропильных конструкций крыши, устройство карнизов, подложки, утепление чердака, обшивка углов, а иногда и всего сруба, тщательное оборудование подпола, сооружение веранды и крыльца — все это черты нового

в жилище башкир. Строительство домов и хозяйственных построек, внутренняя планировка их опирается во многом на положительный опыт прошлого, накопленный веками. Общая планировка дома, расположение и назначение различных частей жилого помещения, внутреннее убранство жилища — все это связано с установившимися в течение столетий местными традициями.

При описании было отмечено два основных типа новых домов, один из которых характерен для бассейна Таныпа, другой — для Ая и верховья р. Уфы. Были выделены некоторые особенности в жилище башкир крайнего северо-востока. Все это подтвердило деление севера Башкирии на два этнографических района: северный и северо-восточный с Беляковско-Шокуровским подрайоном в составе последнего. Большинство отличительных признаков, позволяющих выделить этнографические районы, как мы видели, сложились исторически и опирается на существовавшие в строительстве башкир этих районов традиции.

С. Н. ШИТОВА

ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА СЕВЕРНЫХ БАШКИР

Литература о женской одежде северных башкир ограничивается всего лишь одной работой — монографией С. И. Руденко «Башкиры»¹. Однако в обобщающей работе, каковой является указанная монография, невозможно в исчерпывающей полноте охарактеризовать или иные стороны материальной культуры отдельных этнографических групп башкирского народа. К тому же С. И. Руденко не удалось добывать в одном из интереснейших в плане рассматриваемой темы районов Башкирии — бассейне р. Ай.

Между тем изучение одежды башкир по отдельным этнографическим районам дает интересный материал, который можно использовать при исследовании многих вопросов этнической истории башкирского народа. Особенно большое значение имеет изучение женской одежды, сохранившей в себе много древних черт и проявившей большую консервативность в силу особого положения башкирских женщин в семье в прошлом.

В публикуемой статье автор стремился дать описание женской одежды башкирского населения северных районов БАССР с начала XX в. до наших дней, а также выяснить, насколько позволяют материалы, происхождение ее отдельных элементов.

В основу статьи легли полевые материалы, собранные во время этнографической экспеди-

ции 1959 г. НИЯЛ БФАН СССР. Материалы по одежде башкир собирались в дер. Калта-синского, Янаульского, Татышлинского, Аскинского, Дуванского, Мечетлинского, Белокатайского районов БАССР, а также в дер. Арасланово Нязепетровского района Челябинской области и в дер. Шокурово Нижне-Сергьинского района Свердловской области. В процессе работы над статьей были изучены богатые материалы Музея этнографии народов СССР в г. Ленинграде и республиканского краеведческого музея в г. Уфе. Большим подспорьем явились коллекции ГМЭ, собранные в последние годы старшим научным сотрудником музея С. А. Авижанской во время ее поездок по Башкирии.

В XVIII в. на всей территории, заселенной башкирами, основными материалами для изготовления одежды были холст и сукно домашней выработки. О «холщевом и шерстяном одеянии» башкир упоминает И. Георги, добавляя при этом, что «холст ткнут они больше из крапивы, а иногда и из пеньки, но всегда претолстой и узкой»¹. «Толстый холст на одежду ткнут они по большей части сами»², — читаем у Палласа. Правда, некоторые верхние женские халаты у башкир уже тогда шились, по словам Георги, из шелковых материй³, вероятно, сред-

¹ И. Георги, Описание всех в Российской государстве обитающих народов, СПб., 1776, стр. 93.

² П. Паллас, Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. I, кн. I, СПб., 1773, стр. 632.

³ И. Георги, Указ. соч., стр. 94.

¹ С. И. Руденко, Башкиры, Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1956, глава IX.

неазнатского происхождения. Однако в целом даже в середине XIX в., по сведениям В. М. Черемшанского, платье основной массы башкир состояло «из холщовых или бязиных рубах... с кумачевыми ластовицами»¹. В дальнейшем покупные ткани стали постепенно вытеснять холст, находя применение, в первую очередь, в одежде молодежи. В начале XX в. в деревнях, расположенных по р. Таныпу и находящихся в тесном соседстве с развитой в торгово-промышленном отношении Казанью, если женщины и занимались домашним ткачеством, материал их выработки шел, в первую очередь, на изготовление обрядовых одежд, например, свадебного подарка невесты жениху: рубахи и штанов. Впрочем, в бедных семьях женщины, не имея возможности купить фабричную материю, продолжали шить одежду из домашнего текстиля. До нас дошли отдельные вещи: фартуки, нижнее белье, в некоторых случаях верхние халаты (*сыба, чыба*), сшитые лет 40—50 тому назад. Но для пошива женских платьев материал покупали на рынке: ситец, сатин, различные шелковые и полушелковые ткани.

Довольно широкое применение в первые десятилетия нашего века домашнего текстиля находила лишь у северо-восточных башкир. Белые холщовые строчевышитые фартуки, тканые фартуки, украшенные браным узором, нижнее белье и даже платья из ткани домашней выработки были здесь обычным явлением; их носили наряду с одеждой, сшитой из фабричного материала. На северо-востоке Белокатайского района вплоть до 20-х годов нашего столетия платья шили из холста с браным узором, вытканым в форме небольших ромбов или квадратов, расположенных на расстоянии друг от друга. Фартуки делали из такого же холста или из пестряди. Примечательно, что при сохранении домашней основы платья оборки, ластовицы, манжеты кроились из ситца, сатина, шелка.

Из материалов собственной выработки: шерсти, сукна, войлока, овчины, меха, кожи, — изготавливали теплые халаты, шубы, головные уборы, обувь.

Легкие халаты — *елэни*, камзолы шили из покупных тканей. Зажиточные приобретали для этой цели плюш, бархат, пестрый среднеазиатский шелк «эдрэс». Материей покрывали меховые шапки, шубы. Из ткани фабричного производства делали и многие головные уборы.

¹ В. М. Черемшанский, Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении, Уфа, 1859, стр. 154.

Женский костюм северных башкир конца XIX — начала XX вв. можно восстановить на основании литературных источников, музейных экспонатов и полевых материалов.

Нательную одежду составляли платье (*кул-мэк, кундэк*), штаны (*ыштан*) и нагрудник (*күкрәкчә, түшелдерек*).

В форме платьев прослеживаются черты, общие для всего севера и в то же время характерные для одежды женщин всех возрастов: туникообразный покрой, квадратные цветные ластовицы, прямая юбка, сбранная у пояса в сборку, прямые рукава, прямоугольная пройма, разрез посередине груди, стоячий воротник. Холщовые или домотканые платья носили, в основном, пожилые женщины, а молодежь при первой возможности шила платья из фабричного материала. Однако в целом различия в покрое платья зависели не от материала, а главным образом от возраста женщин. Если девушки или молодые женщины были вынуждены шить платья из холста, они старались, насколько было возможно, отразить в них особенности современной им моды. Возрастные различия в покрое женских платьев сводились к следующему: у пожилых женщин рукава были широкие без манжет, нагрудный разрез украшен нашивкой из лент и полосок материи (*зеуе* — на *Ае*, *тазма сакма* — на крайнем северо-востоке), платье было отрезным несколько ниже линии талии и к юбке пришивалась одна широкая оборка или подол оставался ровным (рис. 1 — а); у молодых женщин и девушек низ рукава сужался с помощью мелких зашипов или собирался на манжет. Разрез на груди прикрывался широкой плакой, линия талии у платья была естественной, подол украшали неширокие оборки, количество которых доходило до 5—6, а к низу или к верху стоячего воротника пришивалась оборка из узкой полоски материи, заложенной в складку (рис. 1 — б). Число оборок на платье зависело от возраста: чем старше становилась женщина, тем меньше оборок нашивала на подол. Если платье носилось продолжительное время, оборки постепенно, одна за другой, отпарывались. Наблюдались различия и по районам. В платьях старух у айских башкир и на крайнем северо-востоке Башкирии выше талии пришивалась широкая оборка (*өскө этәк*) (рис. 1 — в). На платьях, сшитых из холста, оборки — верхнюю и нижнюю — делали из фабричной ткани, чаще всего из цветного ситца. По-разному украшалась грудь платья. В бассейне Таныпы вся грудь выстрачивалась узкими продольными складками. На *Ае* планка, прикрывающая разрез, простирачивалась одноцветными нитками, а чаще вышивалась тамбуром или украша-

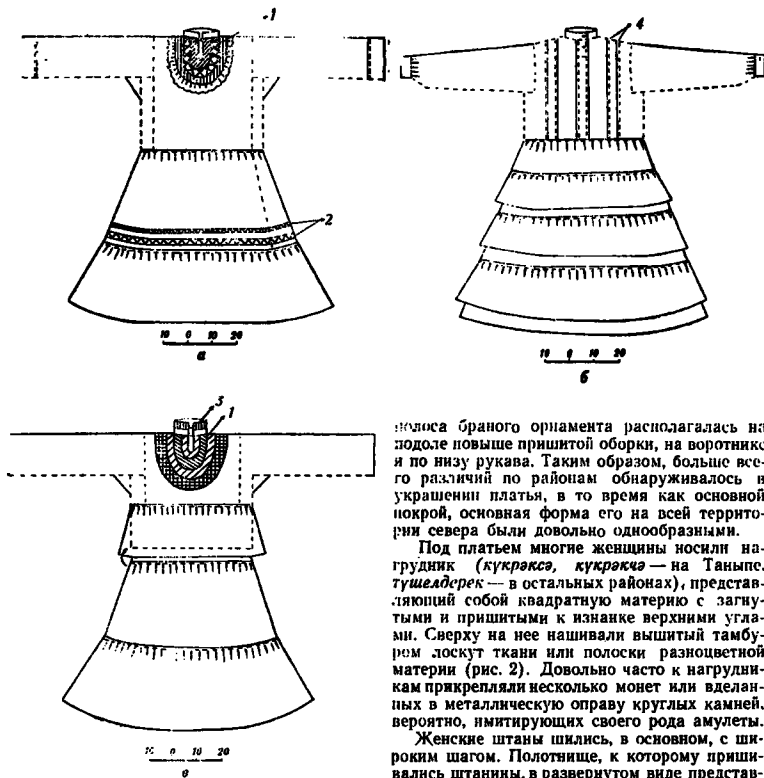

Рис. 1. Покрой старинных платьев.

а — платье пожилых женщин; б — платье девушек и молодых женщин; в — колдовское платье северо-восточных башкир. 1 — декоративная лента; 2 — декоративная лента; 3 — декоративная лента; 4 — декоративная лента; 5 — декоративная лента; 6 — декоративная лента; 7 — декоративная лента; 8 — декоративная лента; 9 — декоративная лента; 10 — декоративная лента; 11 — декоративная лента; 12 — декоративная лента; 13 — декоративная лента; 14 — декоративная лента; 15 — декоративная лента; 16 — декоративная лента; 17 — декоративная лента; 18 — декоративная лента; 19 — декоративная лента; 20 — декоративная лента.

тась продольной нашивкой из лент или фабричного материала. Оригинальным здесь было и формирование рукава: у плеча он собирался в мелкие складки, которые прошивались несколько раз поперек — получалась пышная буфа. На тканых платьях крайнего северо-востока

полоса браного орнамента располагалась на подоле выше пришитой оборки, на воротнике и по низу рукава. Таким образом, больше всего различий по районам обнаруживалось в украшении платья, в то время как основной покрой, основная форма его на всей территории севера были довольно однообразными.

Под платьем многие женщины носили нагрудник (*кукракса*, *кукрэксэ* — на Таныпе, *тушеддерек* — в остальных районах), представляющий собой квадратную материю с загнутыми и пришитыми к изнанке верхними углами. Сверху на нее нашивали вышитый тамбуром доскут ткани или полоски разноцветной материи (рис. 2). Довольно часто к нагрудникам прикрепляли несколько монет или вделанных в металлическую оправу круглых камней, вероятно, нитирующих своего рода амулеты.

Женские штаны шились, в основном, с широким шагом. Полотнище, к которому пришивались штанины, в развернутом виде представляло собой прямоугольник (рис. 3).

К горничной одежде у башкир относятся фартуки и камзолы.

Фартук в начале нашего столетия носили по всему северу Башкирии (*алъялтык* — в Басейне Таныпа, *алъялтык* — на Ае, *алсерак*, *алъялтык* — в районе Белянка — Шокурово). Надевали его на платье во время выполнения домашних работ. Покрой фартука был единообразен и довольно прост: прямоугольный подол, слегка собранный у пояса, небольшая грудка с веревочной лямкой, одеваемой на шею. К тканю фартуку пришивали

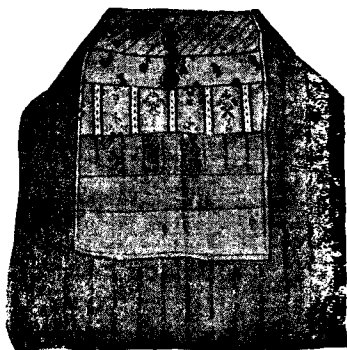

Рис. 2. Нагрудники (кукракче) башкирских женщин. Дер. Ямады, Янаульский район БАССР.

1—2 оборки из ситца (рис. 4). Край подола передника из фабричного материала украшала узкая полоса растительного орнамента, выполненного тамбурным швом. Со временем на северо-востоке фартук стал и праздничной одеждой: в деревнях Белокатайского района БАССР и в пограничных с ним районах Челябинской и Свердловской областей девушки начали надевать его на праздничное платье. В связи с этим его стали украшать гораздо богаче. Вышитый растительный узор постепенно заполнил всю свободную поверхность передника, причем им украшали не только подол, но и грудку. Произошли изменения и в покрое фартука: увеличился подол и грудка, появились фартуки со спинкой и карманами. Край фартука начали обшивать нарядной оборкой. Именно так выглядят современные фартуки башкирок (рис. 5—а, б).

Поверх платья пожилые женщины надева-

ли камзол. Молодежь носила его редко. Он представлял собой безрукавку, сшитую в талию и расклешенную при помощи вставленных в боковые швы клиньев, с косо срезанными запахивающимися полами, с одним или двумя прорезными карманами по бокам (рис. 6). Длинной он достигал линии бедер, причем у молодых женщин был короче, чем у старух. В том случае, когда камзол был сшит из одноцветной материи, по его бортам, полам, низу подола на некотором расстоянии от края нашивали одну-две полоски позумента. Монетами в начале XX в. камзолы украшались чрезвычайно редко и то только у башкир северо-восточных районов.

В населенных пунктах, расположенных вокруг дер. Арасланово (Нязететровский район Челябинской области), носили камзол с рукавами (*жицне камзул*). Он был несколько длиннее обычного безрукавного камзола.

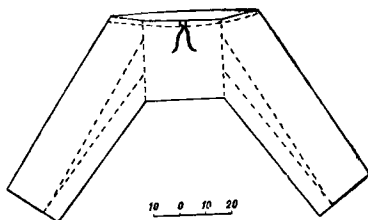

Рис. 3. Покрой женских штанов.

Верхняя одежда объединяет большую группу элементов костюма, довольно разнообразную по форме и назначению.

В прохладные дни при выходе на улицу поверх камзола надевали *бишмет*. Это был легкий халат с рукавами, расклешенный в талии, длиной ниже колен (рис. 7, 8). Шили его из фабричного однотонного материала темного цвета. Женщины из зажиточных семей носили бархатные бешметы, украшенные нашивкой из позумента. Иногда на пошив бешмета шел дорогостоящий пестрый среднеазиатский шелк «эдрэс». По крою с бешметом был сходен другой халат — *елэн*. В отличие от бешметов, *елэн* шились из тканей ярких расцветок (красного, зеленого цветов) или из среднеазиатских шелков. Эти халаты богато украшались позументом и служили праздничной одеждой замужних женщин. Иногда *елэн* носили, накинув на голову; в этом случае он служил покрывалом, которым женщины-мусульманки должны были закрывать лицо от посторонних мужчин. По свидетельству информаторов, камзолы, *елэны* и бешметы шили на заказ портные-татары, ходившие в поисках работы по деревням севера Башкирии.

В бассейне р. Танып носили короткий холщовый халат — *чыба* или *шыба*, сшитый в талию, с невысоким стоячим воротником; запаивался халат налево (рис. 9).

Теплой одеждой женщины служили халаты из белого домотканого сукна (*сакман*). Они были слегка расклешены в талии и в целом покроем не отличались от другой верхней одежды башкир. Суконовые халаты были почти в каждой башкирской семье северо-восточных районов. Их надевали, выходя на работу, отправляясь в дорогу или в гости. В бассейне р. Танып об их существовании не помнят. Однако у С. И. Руденко есть сообщение о том, что северо-западные башкиры шили чекмени

из покупного сукна¹. Земледельческий характер хозяйства, недостаток продуктов скотоводства, с одной стороны, с другой — бедность основной массы населения привели, по-видимому, к замене этого вида зимней одежды другими, более доступными и удобными. Башкирские женщины пританьпских районов стали шить ватные пальто, используя форму и покрой распространенных здесь матерчатых халатов. Именно поэтому зимние ватные пальто называются здесь одинаково с летними халатами — *бишмет*. Одежду, стеганную на вате, носили башкирки и северо-востока, но называлась она здесь иначе — *көлө*. Покрой *көлө* немного отличался от покроя таныпских бешметов: к нему пришивали отложной воротник, карманы; *көлө* имел глухую застежку на пуговицах.

В зимнюю стужу надевали меховые шубы. Наиболее распространена была овчинная шуба

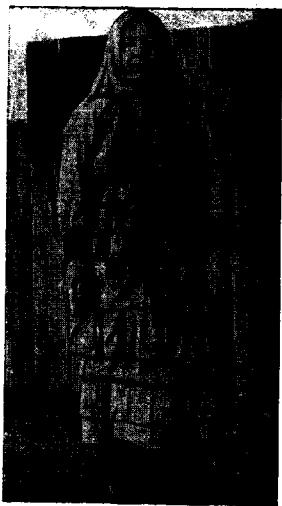

Рис. 4. Башкирская женщина в старинном тканом фартухе. Дер. Ясын, Мечетлинский район БАССР.

¹ С. И. Руденко, Указ. соч., стр. 158—159.

Рис. 5. Современные фартуки северо-восточных башкир.

(*һарык тун*), крытая материей. Богатые башкиры шили шубы из более дорогих мехов. На северо-востоке помнят о шубах, сшитых из лисьих лап (*баса тун*, *бәсә тун*), из меха выдры (*кама тун*). Существовал обычай, по которому жених во время свадьбы должен был подарить матери невесты шубу из шкурок ягнят, крытую среднеазиатским шелком.

Головные уборы, которые носили женщины северных районов Башкирии в начале нашего века, можно разделить на две группы: а) платки, б) колпаки.

Повседневным головным убором был небольшой платок белого цвета, повязываемый под подбородком за два соседние угла. В праздники пожилые женщины поверх него набрасывали матерчатые, шерстяные или пуховые шали, приобретенные на рынке. На Ае и в Белокатайском районе существовало свадебное покрывало (*кушъяулык*), которое женщи-

на должна была носить первые годы после замужества, закрывая лицо от свекра и других мужчин, по возрасту старше ее мужа. *Кушъяулык* представлял собой огромное полотнище из одного или даже двух неразрезанных фабричных платков характерной пестрой расцветки (с белым или желтым растительным узором на ярком красном фоне). Надевали его на обычный платок или небольшой колпачок и закрепляли под подбородком матерчатой тесемкой с нашитыми на нее монетами (*һаралдырык* — на Ае; *сағалдырык* — на крайнем северо-востоке).

Колпаки были нескольких видов. На Таныпе еще в начале XX в. пожилые женщины носили длинные (до 50 см) колпаки (*ак калпак*), связанные из белых ниток. К концу их пришивали кисточку. В дер. Кашлау-Елга Аскинского района на лобную часть вязаного колпака нашивали позумент (*ука чәчәк*). Молодые

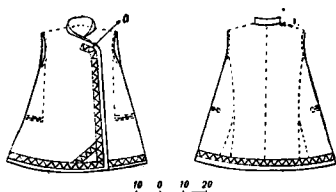

Рис. 6. Покрой женского камзола.

а — нашивка из галуна (ука),

женщины и девушки одевали бархатный колпак с овальной формы верхом, сантиметров 30 высоты (*баскан калпак* — таныпская группа; *артты калпак* — айские башкиры). На лобную часть его нашивали позумент, монеты или бисер (*сэйлэн*). В Мечетлинском и Дуванском районах мягкий верх колпака вышивали нитками тамбурным швом, а к краю его прикрепляли бахрому из цветных шерстяных ниток. На Ае такие колпаки были распространены широко. Их носили даже девочки с того момента,

как начинали ходить. Вместе с этими колпаками уже тогда начали носить небольшие плоские шапочки с матерчатым верхом, натянутым на твердый широкий (4—6 см) ободок. На ободок нашивали блески, бисер, крученую медную или серебряную проволочку. В районе дер. Белянка — Шокурово по способу украшения различались *мерден калпак* (колпак, украшенный бисером и кораллами) и *ука калпак* (колпак, украшенный позументом). Такие колпаки носили чуть набок и сверху обязательно покрывали платком. На Ае и дальше на северо-восток женщины старше 50 лет под платок одевали небольшие сферические шапочки — *тубэтэй* или стеганые ватные шапки, сантиметров 20 высоты — *туный*. В бассейне р. Танып в начале XX в. среди молодежи распространилась шапочка типа казанской «такия».

На северо-востоке Башкирии пожилые женщины помнят о существовании налобной повязки, состоявшей из полосы позумента с бахромой, пришитой к нижнему ее краю. Эту повязку на Ае называли *кашукка*, а в окрестностях дер. Белянка — Арсланово — Шокурово — *мангай сук*.

Повседневной обувью северных башкир бы-

а

б

Рис. 7. Пожилая женщина в старинном бешмете. Дер. Ново-Мещерово, Мечетлинский район БАССР.

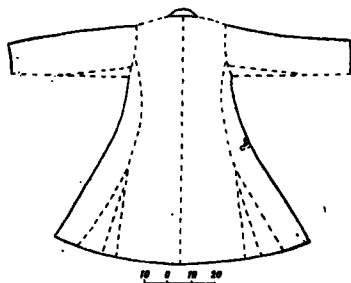
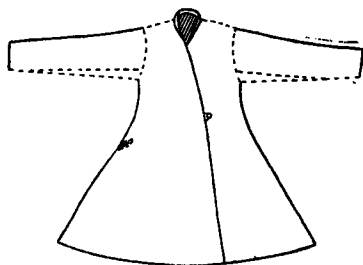

Рис. 8. Покрой женского бешмета.

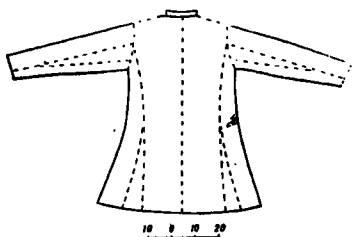
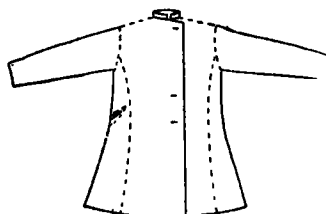

Рис. 9. Покрой_холщового хаата таштыских башкир.

ли кожаные глубокие башмаки на низком каблучке (*итек* — у таштыских башкир; *ката* — на северо-востоке). Их надевали на узорные шерстяные чулки. Повсеместно носили лыковые лапти (сабата, чабата) прямого плетения (с косыми клетками на подошве), сходные с татарскими. Шире они были распространены у таштыских башкир. Здесь их носили с олучами, завязывая веревку у самого колена. В верховье р. Уфы лапти носили только бедняки. Олучи здесь заменяли шерстяные носки или чулки. На северо-востоке помнят еще об одном виде обуви — так называемых *бышымлы кындырак* (*кынжырак*, *кындырак*), сделанных из невыделанной конской кожи мехом наружу, с низкими холщовыми голенищами, стягиваемыми шнурком у щиколотки (рис. 10). Кроме того, по всему северу встречались *итек* — кожаные сапоги на твердой подошве, *ситек* — мягкие сапожки. В окрестностях дер. Арасланово носили кожаные туфли на каблучке — *кун башмак*.

Однако кожаную обувь имели, в основном, состоятельные башкиры. Зимней обувью были валенки с высокими или с короткими голенищами (*буйма*, *тунный*).

Разнообразны женские украшения. Кольца (*балдак*), перстни (*йезек*), различные браслеты (*кич белазек*, *безелек* — широкие, из гравированной металлической пластинки; *шимэ белазек* — сплетенные из тонкой серебряной проволоки; *мэрйен белазек* — из связок кораллов; *сымтыратлы белазек* — из монет), маленькие без подвесок серьги (*алка*) были распространены по всему северу Башкирии. На Ае и на крайнем северо-востоке, кроме того, носили серьги с подвесками — *лырга*. В косы повсюду вплетали шелковые или шерстяные шнурки с подвесками из металлических монет и филигранных пластинок со вставкой из камня (*суллы*). В Татышлинском районе женщины прикрепляли к основанию косы на затылке специальный наконечник — бархатную или суконную

Рис. 10. Шерстяные носки и меховая обувь (ботинки *танып*) северо-восточных башкир.

ленту (ширина 9—10 см, длина 25—30 см) с нашитыми вдоль нее двумя — тремя рядами монет (*чачкал*). На севере, в бассейне Таныпа, общепризнанными украшениями были ожерелья (*муйнса*, *сырга*, *пырга*), которые представляли собой бархатный шнурок с рядом прикрепленных к нему крупных монет (рис. 11). На северо-западе Татышлинского района поверх платья некоторые башкирки надевали другое шейное украшение — *һайкэ*, это лента шириной в несколько сантиметров с нашитыми на нее двумя — тремя рядами монет. Иногда богатые женщины надевали на платье перевязь (*эмэйлек*) — широкую ленту, сплошь зашитую монетами. Ее закрепляли на левом плече и пропускали под правую руку. Наряду с украшениями из монет на Таныпе носили различные бусы (*тойма*). В противоположность пританыпским башкирам население северо-востока не знало шейных украшений из монет. На Ае и в верховье р. Уфы в праздники девушки и молодые женщины по-

верх платья или камзола надевали массивный нагрудник (*муйса*, *муйнса*), на изготовление которого нередко шло целое состояние, поскольку основным украшением его были монеты, плотно нашитые на двойную матерчатую основу трапецевидной формы (рис. 12). Для удобства к нижней части нагрудника пришивали пояс, которым он придерживался у талии.

Пожилые женщины надевали на праздничное платье другой нагрудник (*туштек*), полу-круглой формы, зашитый позументом и лентами. Иногда к лентам прикреплялось несколько районов начали проникать покупные бусы (*гараба*, *кытай*). Их носили девушки из бедных семей, не имевшие возможности шить себе дорогостоящий нагрудник.

Таким образом, женский костюм северных башкир обнаруживает черты, общие для одежды всего севера республики. Это подтверждается наличием одних и тех же основных элементов костюма, сходством основного покроя башкирской женской одежды на всей исследованной территории.

Наряду с этим имеются локальные особенности, позволяющие разделить север Башкирии на этнографические районы. Больше всего различий прослеживается между таныпским бассейном и северо-востоком Башкирии. Как указывалось при описании костюма, в этих районах по-разному украшались женские платья: широкая оборка, пришитая выше линии талии, характерная для платьев северо-востока, отсутствовала у таныпских башкир; платья старух нашивками из лент или позумента

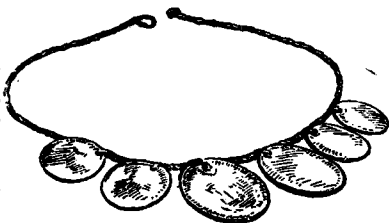

Рис. 11. Ожерелье из монет (*муйнса*), таныпские башкиры. Рис. художника Г. И. Мухаметшина.

украшались только на северо-востоке; планка, прикрывающая нагрудный разрез на платьях молодежи, на Таныпе никогда не вышивалась, в то время, как в северо-восточных районах это

было общераспространенным явлением. Существовали различия и в покрое зимних одежд, стеганных на вате. Холщовые халаты (*чыба*), характерные для северных башкир, никогда не носили на северо-востоке. Зато на Таныпе был мало распространен шерстяной халат *сакман*, без которого невозможно представить зимний комплекс одежды северо-восточных башкир. Различия касались и обуви. В то время как на севере лапти были почти в каждой семье, на северо-востоке их носили редко, причем здесь их надевали на чулки, тогда как башкиры таныпского бассейна ноги обертывали онучами. меховая обувь (*бышмылы кынйрак*) была характерна только для

Рис. 12. Старинный нагрудник (*муйнса*). Дер. Белянка, Белокатайский район БАССР.

северо-востока. Но основные различия связаны с головными уборами и украшениями. Свадебное покрывало (*жущяулык*), наlobные повязки (*кашук*, *мангай сук*) встречались только на северо-востоке. Здесь не помнят, чтобы носили белый вязаный колпак, бывший одним из самых распространенных головных уборов пожилых женщин таныпского бассейна. Вместо него на Ае старухи носили небольшие шапочки-тюбетейки и теплые ватные шапки — *тулпый*. В районах, расположенных по Таныпу, башкирские женщины носили ожерелья из монет, различные бусы и другие шей-

ные украшения. На северо-востоке Башкирии бусы надевали редко, ожерелья из монет вообще не встречались, зато повсеместно носили нагрудники с нашитыми на них монетами или лентами и позументом. Таких нагрудников на севере Башкирии не было. Перевязь из монет (*эмайлек*) совсем не помнят жители северо-восточных районов. На Таныпе же она часто дополняла праздничный наряд. Обычай украшать праздничный камзол монетами бытовал преимущественно на северо-востоке.

Все эти особенности в женском costume башкир позволяют разделить исследованную территорию на два района: пританыпский (Калтасинский, Янаульский, Татышлинский и Аскинский районы) и северо-восточный (Дуванский, Мечетлинский и Белокатайский районы БАССР и Челябинской и Свердловской областей).

Необходимо заметить, что в то время как первый этнографический район дает довольно цельное представление о культуре населения, северо-восток далеко не однороден. Несколько особняком стоит район дер. Белянка — Шокурово (крайний северо-восток Белокатайского района и граничащая с Башкирией территория Нижне-Сергинского района Свердловской области и Нязепетровского района Челябинской области). Некоторые элементы одежды башкир этой территории невозможно встретить за ее пределами. Только в этом районе домотканые платья украшали полосой браного орнамента, окаймляющей низ рукавов, воротник и подол платья повыше широкой нижней оборки. Только эта группа башкир носила камзол с рукавами, кожаные туфли на высоком каблуке (*кун башмак*). Однако отличительные черты немногочисленны. В культуре башкир этого района и среднеазиатского бассейна гораздо больше общего. Именно это обстоятельство позволяет говорить о белянковско-шокуровском подрайоне в северо-восточном этнографическом районе.

• • •

Изучение одежды северных башкир, ее истории, выяснение происхождения отдельных элементов показывает, что в costume башкирского населения нашли отражение наслоения различных времен и этнических влияний. Элементы costume, подобные башкирским, можно найти в одежде чувашей, татар и финнов Поволжья, у народов Западной Сибири, Средней Азии и Алтая. Аналогич, связывающие башкир с населением Алтая, нужно, по-видимому, считать наиболее древними по происхождению.

Сюда можно отнести следующие части костюма: шубы, суконные халаты (*сакман*), нагрудники, сапоги (*итек*), браслеты, кольца, ушное украшение (*нырга*).

Меховая шуба и суконный халат были, по всей вероятности, самой древней верхней одеждой кочевников-скотоводов. В одной из летописей Танской династии сообщалось, что тюрки Алтая носят распашную меховую и шерстяную одежду, застегивающуюся на правую сторону¹. В раскопках Катандинского могильника на Алтае обнаружена одежда алтайцев I тысячелетия до н. э.: шуба и халат². По мнению Л. П. Потапова, прямоспинная шуба (*тон*), сшитая из овчины, была распространена одеждой мужчин и женщин у телеутов и алтайцев³. Женская свадебная шуба под названием *идекты тон* существовала в старину у хакасов⁴. У многих тюркоязычных народов, в этногенезе которых участвовали отдельные племена, в прошлом связанные с Алтаем, шуба является обязательным элементом костюма. Меховые одежды под названием *тон*, *тун* имеются у казахов и киргизов⁵, узбеков⁶, казанских татар⁷, чувашей⁸. Вместе с шубой, по утверждению Л. П. Потапова, у алтайцев и хакасов издавна существовал халат из самодельного сукна — *чокпен*⁹, *сикпен*¹⁰. Подобные теплые одежды были также у северной группы тюркоязычных народов Средней Азии (*шекпен* — у казахов¹¹, *чепмен* — у каракалпаков¹²,

чекпен — у киргизов¹), у чуваш (*сохман*)² и казанских татар³.

Массивные нагрудные украшения, подобные северо-восточным *муйынса*, в прошлом носили на большой территории Башкирии. Их не было лишь у северо-западных башкир и населения западной Башкирии, исключая бассейна р. Дёмы⁴. В разных районах нагрудные украшения имели различные названия, но назначение и способ ношения их были везде одинаковыми. Л. П. Потапов на материалах раскопок Катандинского могильника и Газырьских курганов доказал, что нагрудник являлся необходимой принадлежностью распашного костюма древних алтайцев. Найденные нагрудники сшиты из меха и украшены аппликацией из кусочков кожи⁵. В одежде современных народов Алтая нет подобных меховых нагрудников. Правда, хакаские женщины поверх шубы или безрукавки надевали украшение *пого*, представляющее кусок кожи полуовальной формы, зашитый сплошь бисером, кораллами, пуговицами, бусинами⁶. Возможно, хакаский *пого* — результат эволюции древнего нагрудника. Из других тюркоязычных народов только у каракалпаков сохранилось воспоминание о старинном нагрудном украшении *хайкел*⁷.

Другой нагрудник северо-восточной группы башкир — *туштек* по своей форме напоминает нашивки из лент и полосок материи вокруг нагрудного разреза женских рубаш. На связь *туштек* с обшивкой ворота платья указывает и то обстоятельство, что это украшение, в отличие от *муйынса*, надевалось непосредственно на платье и носилось исключительно женщинами пожилого возраста. Подобные украшения были и у других башкир, в частности, на территории южной Башкирии (*изеу*)⁸. Обычай нашивать полоски материи около ворота существовал и у тюрков Алтая. В то же время у алтайцев было самостоятельное украшение, состоящее из двух берестяных полосок, обшитых матерей с нашитым сверху галуном.

¹ Л. П. Потапов, Одежда алтайцев, «Сборник музея антропологии и этнографии», т. XIII, М.—Л., 1951, стр. 7.

² Там же, стр. 5—6.

³ Там же, стр. 35.

⁴ Л. П. Потапов, Хакасы, «Народы мира. Народы Сибири», М.—Л., 1956, стр. 390.

⁵ А. Аргынбаев, Историко-культурные связи русского и казахского народов. «Труды Института истории археологии и этнографии Казахского филиала АН СССР», т. 6, Алма-Ата, 1959, стр. 73; С. М. Абрамзон и др., Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чинкай. «Труды Института этнографии АН СССР (новая серия)», т. 37, М., 1958, стр. 173; Ю. А. Шибяева, Материалы по одежде мургабских киргизов. «Краткие сообщения Института этнографии», т. XXV, М., 1956, стр. 26—27.

⁶ К. Л. Задыхина, Узбеки дельты Аму-Дарьи, «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. I, М., 1952, стр. 386.

⁷ Н. И. Воробьев, Казанские татары, Казань, 1933, стр. 249.

⁸ Чуваш, Этнографическое исследование, ч. I, Чебоксары, 1956, стр. 280.

⁹ Л. П. Потапов, Одежда алтайцев, «Сборник музея антропологии и этнографии», т. XIII, стр. 14.

¹⁰ Л. П. Потапов, Хакасы, «Народы мира. Народы Сибири», стр. 390.

¹¹ А. Аргынбаев, Указ. соч., стр. 70.

¹² Т. А. Жданко, Каракалпаки Хорезмского оазиса. «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. I, М., 1952, стр. 557.

¹ Ю. А. Шибяева, Указ. соч., стр. 31.

² Чуваш, Этнографическое исследование, ч. I, стр. 260.

³ Н. И. Воробьев, Указ. соч., стр. 234.

⁴ С. И. Руденко, Указ. соч., стр. 182—183.

⁵ Л. П. Потапов, Одежда алтайцев, «Сборник музея антропологии и этнографии», т. XIII, стр. 6—7.

⁶ Л. П. Потапов, Хакасы, «Народы мира. Народы Сибири», стр. 391; ГМЗ, колл. № 664—82.

⁷ У. Шалеженов, Быт каракалпакского крестьянства Чимбайского района, «Материалы и исследования по этнографии каракалпаков», т. III, М., 1958, стр. 342.

⁸ С. И. Руденко, Указ. соч., стр. 181—182.

падных, в том числе и таныпских башкир, ни у казанских татар¹ в начале XX в. не было.

Колпаки, являвшиеся обязательным элементом костюма северных башкир, не носили на юго-востоке и в центральной части Башкирии. Зато они широко бытовали у казанских татар². У татар колпаки заимствовались северо-западные башкиры, а под влиянием последних они появились у айских башкир и в других местах северо-востока республики. Распространению данного головного убора на территории северо-востока способствовало к тому же культурное влияние небольших групп татар, расселившихся по всему северу Башкирии. Так же, как и казанские татары, башкиры к налобной части колпаков пришивали позумент и бахрому.

К элементам одежды, заимствованным у татар, относятся и лапти. С. И. Руденко указывает, что в прошлом лапти носили только на крайнем северо-западе республики³. Позднее под влиянием таныпских башкир и групп татар, поселившихся на севере Башкирии, лапти появились и в северо-восточных районах. Однако здесь, особенно на территории современной Белокатайского района, лапти не стали такой универсальной и всеобщей признанной обувью, как у населения бассейна Таныпа. Их носили лишь в бедняцких семьях во время выполнения различных хозяйственных работ.

От татар ведут свое происхождение и некоторые особенности покроя и украшения женского платья. Платье с широкой оборкой, пришитой выше линии талии, были характерны для татар⁴ и крышен⁵. У северных башкир эта оборка появилась, видимо, поздно. На это указывает следующая деталь: верхняя оборка у северо-восточных башкир делалась из ситца, в то время как платье шилось из домотканнины или холста. С татарами своим происхождением связана прикрепляемая к стоящему воротнику складчатая оборка, появившаяся в женских платьях севера в начале XX в. Н. И. Воробьев сообщает, что у казанских татар носили высокие воротники «из цветных лент, в виде целой группы рюшей, скрепленных в средней части воротника узкой полоской позумента»⁶.

Сложен вопрос о происхождении таких видов верхней одежды, как камзол, бешмет, и

связанного с ними приталенного покроя. Камзол и бешмет, по всей видимости, у башкир появились поздно. О них нет упоминания в записках путешественников XVIII в. В конце XIX — начале XX вв. они встречались не во всех районах Башкирии. П. Назаров сообщал, что башкиры, жившие по р. Сакмаре, безрукавок не носили¹. С. И. Руденко подтверждает, что камзол и бешмет были не у всех башкир². Материалы этнографических экспедиций ИИЯЛ показывают, что у башкир в различных районах под названием «бешмет» подразумеваются довольно разные одежды (то есть легкий халат, то стеганое пальто), а в иных случаях происходит смешение понятий «бешмет» и «камзол» (в Учалуйском районе камзол называют «бешметом»). Все эти факты ставят под сомнение древность и традиционность этих видов верхней одежды.

Камзол и бешмет были у большинства народов Средней Азии: каракалпаков³, киргизов⁴, узбеков⁵, а также у казахов⁶. В Поволжье подобные одежды были известны чувашам⁷, татарам⁸.

Казанские татары носят камзолы, не застегивая их. Камзолы, бытовавшие на севере Башкирии, тоже принято было носить нараспашку. В том случае, когда их пытались застегнуть, полы их запахивались как на левую, так и на правую сторону. Иногда пришивали по пуговице и по петельке на каждой поле камзола. К тому же камзолы северных башкир, как и татарские, часто шились из пестрых среднеазиатских тканей. Юго-восточные башкиры для пошива камзолов использовали только однотонные ткани, преимущественно темных цветов. Их камзолы имели массивную застежку (*каптырма*) и в покрое были сходны с казахскими. Можно предположить, что в Башкирии было два источника распространения приталенных одежд: с одной стороны — Казань, с другой — Средняя Азия. Камзолы башкир северных районов, видимо, были заимствованы у казанских татар.

Под влиянием казанских татар, поселившихся на северо-востоке республики, в костюме башкир верхнего течения р. Уфы появились

¹ П. С. Назаров, К этнографии башкир, «Этнографическое обозрение», 1890, № 1, стр. 182.

² С. И. Руденко, Указ. соч., стр. 176.

³ Т. А. Жданко, Указ. соч., стр. 557—558.

⁴ С. М. Абрамзон и др., Указ. соч., стр. 173.

⁵ К. Л. Задыкина, Указ. соч., стр. 386.

⁶ А. Аргынбаев, Указ. соч., стр. 73.

⁷ Чуваша. Этнографическое исследование, ч. I, стр. 262.

⁸ Н. И. Воробьев, Казанские татары, стр. 228.

¹ Н. И. Воробьев, Указ. соч., стр. 286—314.

² Там же, стр. 275—279.

³ С. И. Руденко, Указ. соч., стр. 162.

⁴ Н. И. Воробьев, Происхождение казанских татар по данным этнографии, «Советская этнография», 1946, № 3, стр. 78.

⁵ Гос. музей ТАССР, колл. № 10278—1.

⁶ Н. И. Воробьев, Казанские татары, стр. 296.

тюркоязычных народов Поволжья. Под влиянием угро-финнов у башкир появились холщовые халаты — *шыба*, меховая обувь — *бышымлы кынырак*.

Происхождение холщового халата (*шыба*, или *сыба*), распространенного на северо-западе Башкирии, С. И. Руденко связывает с верхней одеждой (*шювр*, *шобур*) финнов Поволжья¹. Предположение С. И. Руденко, видимо, правильно. Однако в то время, как халаты марийцев и удмуртов прямоспинного покроя или с отрезной спинкой, собранной по талии в сборку, *шыба* башкир — одежда приталенная, слегка расклешенная. Видимо, холщовый халат *шыба* скопирован у финнов не полностью: переняв общую форму и название одежды, башкиры использовали при пошиве ее известный им покрой в талию.

Бышымлы кынырак — один из древних видов обуви. Под названием *коты*, *коты* эта обувь была известна многим таежным народам Сибири. У хантов и манси из шкуры животных (в основном, оленей) мехом наружу шили обувь *няра*². Зимние няра, как и *кынырак*, имели холщовый или суконный верх, собиравшийся у шиколотки на шурок. Можно предположить, что на северо-востоке Башкирии обувь подобного рода появилась под влиянием соседних оленеводов и скотоводов — хантов и манси.

Обращает на себя внимание существование у северных башкир такой части костюма, как фартук, нехарактерной для кочевников-скотоводов. Его нет ни у одного тюркоязычного народа Средней Азии. Отсутствует он и у большей части башкир. Зато имеется почти у всех народов среднего Поволжья и Прикамья: татар, чувашей, удмуртов, коми, марийцев. По покрою фартуки этих народов очень сходны. Как указывают многие авторы, в прошлом были распространены белые фартуки, преимущественно без грудки. Так, у коми до сих пор передник без нагрудника из белой дмотканной является принадлежностью праздничного костюма³. Удмурты, крышены и сейчас носят чаще всего белые передники (с грудкой), затканые браным узором⁴. Такие же фартуки были у марийцев, татар. Позднее их стали шить из пестряди, а затем и из покупных цветных тканей. Этнографы, исследовавшие

быт татар, чувашей, марийцев, указывают, что фартук не является древним элементом в костюме этих народов¹. Восстановленный по раскопкам могильника Чем-шай на р. Чепче костюм удмуртки IX—XI вв. н. э. также не включает фартука². Однако, появившись в костюме финнов, фартук прочно вошел в их быт. У тюрков же Поволжья в праздничный костюм старшего поколения и сейчас передник не входит. Ношение фартука противоречит обычаю кочевников не подпоясывать платье. Это подтверждает сравнительно позднее появление фартука у башкир. Труднее ответить на вопрос, непосредственно от финнов появился у башкир передник или от казанских татар, заимствовавших его раньше башкир у финских народов Поволжья. Одинаковое терминологическое обозначение этой части костюма у башкир и татар, существование у тех и других тканых фартуков с браным узором наталкивает на мысль, что татары сыграли далеко не последнюю роль в распространении передников среди северных башкир.

На всем протяжении исторического развития северные и, особенно, северо-западные башкиры испытывали на себе довольно большое влияние татарской культуры. По преданиям, таныпская группа башкир жила в прошлом несколько западнее. Старики в дер. Верхне-Кудашево Татышлинского района БАССР припоминают, что по истории их рода, передаваемой из поколения в поколение, предок их жил в прошлом по р. Ик. Население дер. Кшлау-Елга Аскинского района считает, что основатели деревни пришли со стороны Казани лет 300 тому назад. Информаторы в дер. Ямады Янаульского района утверждают, что местное население пришло со стороны Волги во времена Ивана Грозного. Словом, таныпская группа башкир в прошлом жила в близком соседстве с предками казанских татар. Культура тех и других развивалась в тесном контакте. Связь данной группы башкир с казанскими татарами не прекращалась и после переселения их на Танып. Все это и объясняет существование общих черт в одежде татар и северо-западных башкир. Примечательно, что у таныпских башкир, как и у татар, основными украшениями были шейные: ожерелья, бусы и т. д. Нагрудники, подобных *мубыса*, ни у северо-за-

¹ С. И. Руденко, Указ. соч., стр. 159.

² Е. Д. Прокофьева, Ханты и манси, «Народы мира. Народы Сибири», М.—Л., 1956, стр. 587.

³ В. Н. Беляндер, Очерки по этнографии народов коми, «Труды Института этнографии (новая серия)», т. XLV, М., 1958, стр. 266.

⁴ В. Н. Беляндер, Народная одежда удмуртов, «Труды Института этнографии (новая серия)», т. X, М., 1961, стр. 45.

¹ Т. А. Крюкова, Материальная культура марийцев XIX в., Йошкар-Ола, 1956, стр. 130; Н. И. Воробьева, Указ. соч., стр. 250; Чуваша, Этнографическое исследование, ч. I, стр. 276—277.

² В. Н. Беляндер, Народная одежда удмуртов, «Труды Института этнографии (новая серия)», т. X, стр. 33.

падных, в том числе и таныпских башкир, ни у казанских татар¹ в начале XX в. не было.

Колпаки, являвшиеся обязательным элементом костюма северных башкир, не носили на юго-востоке и в центральной части Башкирии. Зато они широко бытовали у казанских татар². У татар колпаки заимствовали северо-западные башкиры, а под влиянием последних они появились у айских башкир и в других местах северо-востока республики. Распространению данного головного убора на территории северо-востока способствовало к тому же культурное влияние небольших групп татар, расселившихся по всему северу Башкирии. Так же, как и казанские татары, башкиры к наложной части колпаков пришивали позумент и бахрому.

К элементам одежды, заимствованным у татар, относятся и лапти. С. И. Руденко указывает, что в прошлом лапти носили только на крайнем северо-западе республики³. Позднее под влиянием таныпских башкир и групп татар, поселившихся на севере Башкирии, лапти появились и в северо-восточных районах. Однако здесь, особенно на территории современного Белокатайского района, лапти не стали такой универсальной и всеобщей признанной обувью, как у населения бассейна Таныпа. Их носили лишь в бедняцких семьях во время выполнения различных хозяйственных работ.

От татар ведут свое происхождение и некоторые особенности покроя и украшения женской платья. Платье с широкой оборкой, пришитой выше линии талии, были характерны для татар⁴ и крышен⁵. У северных башкир эта оборка появилась, видимо, поздно. На это указывает следующая деталь: верхняя оборка у северо-восточных башкир делалась из ситца. В то время как платье шилось из домотканной или холста. С татарами своим происхождением связана прикрепляемая к стоящему воротнику складчатая оборка, появившаяся в женских платьях севера в начале XX в. Н. И. Воробьев сообщает, что у казанских татар носили высокие воротники «из цветных лент, в виде целой группы рюшей, скрепленных в средней части воротника узкой полоской позумента»⁶.

Сложен вопрос о происхождении таких видов верхней одежды, как камзол, бешмет, и

связанного с ними приталенного покроя. Камзол и бешмет, по всей видимости, у башкир появились поздно. О них нет упоминания в записках путешественников XVIII в. В конце XIX — начале XX вв. они встречались не во всех районах Башкирии. П. Назаров сообщает, что башкиры, жившие по р. Сакмарю, безразлично не носили¹. С. И. Руденко подтверждает, что камзол и бешмет были не у всех башкир². Материалы этнографических экспедиций ИИЯЛ показывают, что у башкир в различных районах под названием «бешмет» подразумеваются довольно разные одежды (то это легкий халат, то стеганое пальто), а в иных случаях происходит смешение понятий «бешмет» и «камзол» (в Учалинском районе камзол называют «бешметом»). Все эти факты ставят под сомнение древность и традиционность этих видов верхней одежды.

Камзол и бешмет были у большинства народов Средней Азии: каракалпаков³, киргизов⁴, узбеков⁵, а также у казахов⁶. В Поволжье подобные одежды были известны чувашам⁷, татарам⁸.

Казанские татары носят камзолы, не застегивая их. Камзолы, бытовавшие на севере Башкирии, тоже принято было носить нараспашку. В том случае, когда их пытались застегнуть, полы их запахивались как на левую, так и на правую сторону. Иногда пришивали по пуговице и по петельке на каждой доле камзола. К тому же камзолы северных башкир, как и татарские, часто шились из пестрых среднеазиатских тканей. Юго-восточные башкиры для пошива камзолов использовали только однотонные ткани, преимущественно темных цветов. Их камзолы имели массивную застежку (*кантирма*) и в покрое были сходны с казахскими. Можно предположить, что в Башкирии было два источника распространения приталенных одежд: с одной стороны — Казань, с другой — Средняя Азия. Камзолы башкир северных районов, видимо, были заимствованы у казанских татар.

Под влиянием казанских татар, поселившихся на северо-востоке республики, в костюме башкир верхнего течения р. Уфы появились

¹ П. С. Назаров, К этнографии башкир, «Этнографическое обозрение», 1890, № 1, стр. 182.

² С. И. Руденко, Указ. соч., стр. 176.

³ Т. А. Жданко, Указ. соч., стр. 557—558.

⁴ С. М. Абрамзон и др., Указ. соч., стр. 173.

⁵ К. Л. Задыхина, Указ. соч., стр. 386.

⁶ А. Аргынбаев, Указ. соч., стр. 73.

⁷ Чувашки, Этнографическое исследование, ч. I, стр. 262.

⁸ Н. И. Воробьев, Казанские татары, стр. 228.

¹ Н. И. Воробьев, Указ. соч., стр. 286—314.

² Там же, стр. 275—279.

³ С. И. Руденко, Указ. соч., стр. 162.

⁴ Н. И. Воробьев, Происхождение казанских татар по данным этнографии, «Советская этнография», 1946, № 3, стр. 78.

⁵ Гос. музей ТАССР, колл. № 10278—1.

⁶ Н. И. Воробьев, Казанские татары, стр. 296.

Рис. 13. Девушки в праздничных костюмах на сабантуе, Дер. Араслаино, Изюмнегроаский район Челябинской области.

такие нехарактерные для них элементы, как камзол с рукавами и женские туфли на каблучке.

На основании анализа костюма северо-восточных башкир видно, насколько различны истоки башкирской культуры. В башкирской одежде, наряду с элементами, близкими к культуре древнего Алтая, можно найти детали, появившиеся в течение последнего тысячелетия в процессе общения башкир с соседними финноязычными и тюркоязычными народами Поволжья. Некоторые особенности в одежде надо, по-видимому, связывать со временем великого переселения народов, с ассимиляцией тюркоязычными родоплеменными объединениями отдельных групп населения Средней Азии. Элементы финской культуры в одежде северных башкир довольно немногочисленны, причем многие из них появились под влиянием татар, воспринявших некоторые детали костюма у соседних финноязычных народов.

Учитывая особенности в одежде башкирок каждого из выделенных этнографических районов, можно сделать следующий вывод. Большинство элементов, характерных только для одежды северо-восточного этнографического района, имеет свои аналоги в культуре древних племен Алтая и народов Средней Азии. Сюда относятся суконный халат *сәкмән*, нагрудники, ушные подвески *һырга*, покрывало *кушъяулык*, теплые шапки *тупый*. В то же время особенности костюма пританьпского района находят отклик в материальной культуре северных соседей башкир: татар, чувашей и финноязычных народов Поволжья. Это подтверждается существованием у таныпских башкир холщового халата *шыба*, серег *алка*, шейных украшений, широким распространением различных видов колапов, лаптей. Существование же на северо-востоке некоторых частей костюма, связанных исторически с татарами, объясняется общением северо-восточных башкир с населением р. Таныпа и с теми из казанских татар, которые поселились на башкирских землях в последние столетия.

Таким образом, различия в одежде северных башкир конца XIX — начала XX вв., позволяющие говорить о наличии на севере двух этнографических районов, сложились исторически. Немалое значение имело и своеобразие географического положения каждого района, особенности его исторического и экономического развития. Сложность этнического процесса, особенности развития покроя одежды в каждом районе наряду с культурным влиянием со стороны соседних народов легли в основу

образования в одежде башкир различий, позволяющих говорить об этнографических районах на территории севера республики.

• • •

Современный башкирский костюм северо-востока БАССР является результатом дальнейшей эволюции национального костюма начала XX в. Деление территории севера Башкирии на этнографические районы прослеживается и в наши дни. Однако степень сохранения особенностей старинного костюма по районам неодинакова.

Рис. 14. Пожилая женщина в камзоле и колпаке, украшенном монетами. Дер. Кшлау-Елга, Аскинский район БАССР.

В бассейне р. Танып городская одежда в деревне стала общераспространенным явлением. Лишь в одежде старых женщин сохранились отдельные черты костюма конца XIX — начала XX столетия. Прежде всего это проявляется в покрое платья: сохраняется прямой

Рис. 15. Девушки в вышитых платьях и в передниках. Дер. Шокурово, Нижне-Сергинский район Сердловской области.

рукав, планка, прикрывающая нагрудный разрез, стоячий воротник. Некоторые старухи носят камзол и небольшой плоский колпачок, поверх которого надевают платок, завязывая его под подбородком за два соседних угла (рис. 14).

На северо-востоке Башкирии традиции прошлого в культуре башкир проявляются ярче. Правда, на Ае девушки и молодые женщины носят покулные платья, а если и шьют сами, стараются подражать городской моде. Однако обязательной принадлежностью костюма является вышитый фартук, а обычной обувью служат резиновые галоши, надетые на шерстяные вязаные чулки или носки. В то время как в башкирских деревнях, расположенных по Аю, женское платье молодежи испытало большое влияние города, в платье молодежи белян-

ковско-шокуровского района сохранились особенности, характерные для здешнего костюма начала нашего столетия (рис. 13, 15). Одной из них является большое число оборок на подоле платья, даже будничного. Праздничные платья молодежи богато украшены вышивкой (растительным орнаментом), выполненной тамбурным швом. Орнамент располагается широкой полосой по подолу и вдоль рукава. В редких случаях вышиваются и платья пожилых женщин, при этом рисунок располагается узкой полосой над пришитой к подолу оборкой. Общепринятой здесь является такая часть одежды, как фартук: из ситца — на будничном платье, из атласа или из темного сатина с вышитой грудкой и подолом — на праздничном. Для молодежи фартук настолько привычен, что даже на платье впереди девушки не

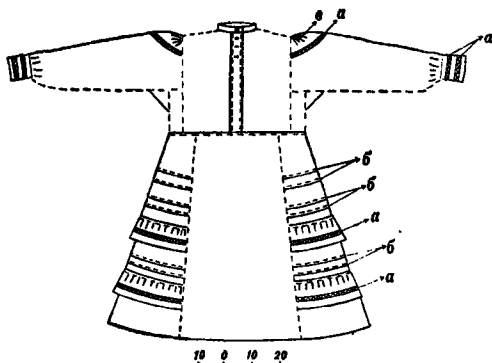

Рис. 16. Покрой современного платья молодежи северо-восточных районов БАССР: а — нашитые ленты; б — застроченные складки; в — буфа.

делают оборок (рис. 16), в то время как у пожилых оборки идут по всему подолу платья. Фартуки шьются с грудкой самой разнообразной формы: небольшой, как в старинных тканых фартуках; закрывающей всю грудь с вырезом под самую шею; с широкими бретелями, к краю которых пришивают оборки. Иногда оборками украшают середину грудки, а на невышитых фартуках и край подола. Костюм пожилых женщин сохранил больше своеобразия: как и несколько десятилетий тому назад, платья старух шьются с одной — двумя оборками на подоле, со стоячим воротником и нагрудной планкой; многие носят камзол, украшенный галуном или сшитый из пестрой среднеазиатской ткани, бешметы, а из обуви — мягкие сапожки (*ситек*). Но, как правило, все это шито много лет тому назад и в настоящее время надевается (кроме платья и камзола) лишь в торжественных случаях.

В то время как платье и фартук составляют обычной наряд молодежи, платье и камзол являются повседневной одеждой пожилых женщин (рис. 18). Правда, последнее время пожилые женщины из дер. Арасланово Нязепетровского района Челябинской области под камзол стали одевать фартуки; их шьют из гладкого материала или ситца, но никогда не вышивают.

Основными головными уборами башкирок северо-востока по-прежнему являются небольшие платки. Но в то время как пожилые женщины продолжают повязывать платок по-старинному, молодежь надевает его, складывая

по диагонали и завязывая концы под подбородком или на затылке. Плоский, круглый колпачок, совсем недавно широко распростра-

Рис. 17. Девушка в нагруднике *муймса*. Дер. Арасланово, Нязепетровский район Челябинской области.

ненный среди северных башкир, на Ае теперь почти не одевают. Зато на северо-востоке Бе-

Рис. 18. Пожилая женщина в праздничном костюме. Дер. Арасланово, Нязепетровский район Челябинской области.

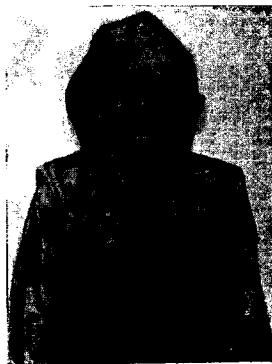

Рис. 19. Женщина в *кушчялык*. Дер. Арасланово, Нязепетровский район Челябинской области.

Сокатайского района такой колпак является обязательным элементом в costume молодежи. Женщины старше 50 лет вместо него под платок одевают небольшие шапочки — *тубатей*. Из украшений сохранились серьги, кольца, браслеты. Некоторые женщины и девушки северо-восточных районов на праздники одевают богатые нагрудники (*муынса*) (рис. 17), сохранившиеся от прошлого. В районе деревень Белянка — Шокурово некоторые женщины носят *кушчялык* (рис. 19).

* * *

Изучение современного костюма северных башкир, с одной стороны, подтверждает деление севера на этнографические районы, с другой обнаруживает общую тенденцию в развитии одежды башкир всего севера. Эта тенденция находит выражение в широком использовании фабричных товаров, что приближает костюм сельского населения к городскому типу.

МАНДОКИ ЛАСЛО, Р. Г. КУЗЕЕВ

**ПРЕДМЕТЫ НАРОДНОГО ИСКУССТВА В БАШКИРСКОЙ
КОЛЛЕКЦИИ ВЕНГЕРСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ**

В Венгерском этнографическом музее в г. Будапеште хранится коллекция башкирских вещей, собранная полстолетия тому назад венгерским ученым-тюркологом Дьюлой Месарошем (Gyula Mészáros).

Д. Месарош родился в Венгрии в 1883 г. Он окончил Будапештский университет. В 1904—1906 гг. неоднократно бывал в Турции, где в течение длительного времени (в г. Константинополе) изучал османские языки. В 1909 г., будучи учеником профессора Армина Вамбери, Дьюла Месарош удостоился звания доктора тюркской и персидской филологии. В 1908 г. Месарош совершил свою первую поездку в Россию, где собирал материал среди чувашей и, частично, среди казанских татар.

Уже в то время Д. Месарош планировал поездку к башкирам. Как и многие другие ученые Венгрии, Месарош придерживался тогда теории *мадяро-башкирского* этнического родства. Он предполагал собранный во время поездки материал использовать для дальнейшей разработки и фактической аргументации этой гипотезы. В докладной записке, с которой Месарош 20 января 1909 г. обратился к дирекции этнографического отдела Венгерского национального музея, он, обосновывая целесообразность поездки в Башкирию, ссылается на путешествие Юлиана, видевшего в XIII в. на Волге мадьяр, ассимилированных позднее, по мнению Месароша, башкирами. Во время пребывания в Башкирии Месарош предполагал прежде всего записать предания и легенды,

собрать материал по языку, составить коллекцию башкирских предметов быта. «Я был чувашей и татар,— писал он,— и мог бы то же самое сделать среди башкир». В марте 1909 г. Месарош снова обращается к дирекции этнографического отдела Венгерского национального музея, а также к Венгерской комиссии Международного Средне- и Восточного азиатского общества с просьбой поддержать и финансировать его поездку к башкирам¹. Здесь он развешивает более подробный план своей поездки. Месарош пишет, что он хотел бы собрать материалы среди башкир, живущих в районах гг. Челябинска, Златоуста и Осы. 29 июня 1909 г. Месарош наконец получил разрешение на поездку и 3600 крон на расходы и приобретение предметов башкирского быта (кроме упомянутых учреждений в финансировании экспедиции Месароша приняла участие и Венгерская Академия наук).

Месарош выехал в Башкирию в начале июля 1909 г. и вернулся в Будапешт в начале октября, т. е. поездка заняла в общей сложности около трех месяцев. Из Оренбурга, куда Месарош прибыл из Петербурга, он направился в долину р. Сакмары, где он работал в дер. Юмашево и Юлуково (значительную часть населения дер. Юлуково Баймакского района составляют переселившиеся сюда в XVIII в. татары). По Сакмаре он посетил, кроме того, дер. Исяново на южном берегу;

¹ «Keleti Szemle», X. 1909. стр. 173—174.

озера Талкас и большое село Темясово. Двигаясь из Темясова в северном направлении, он побывал в дер. Тупаково (в настоящее время входит в Абзелиловский район БАССР). Отсюда через гг. Верхнеуральск и Миасс он прибыл в Челябинский уезд Оренбургской губернии, где долгое время работал в Мухамет-Кулуево, Метелево, а также в других, расположенных вокруг, башкирских деревнях. Дальнейший маршрут Месароша лежал на север, в Екатеринбургский уезд Пермской губернии, где он недолгое время был в дер. Каникулево. Закончил Месарош работу в Осинском уезде Пермской губернии, откуда он выехал, через Петербург, в Будапешт.

За время поездки Месарошу удалось собрать большой материал по башкирскому языку и фольклору (предания и легенды, пословицы и поговорки, сказки и народные песни), а также по этнографии; кроме вещей Месарош привез значительное количество фотографий. Прибыв в Будапешт, Месарош написал дирекции Венгерского национального музея предварительный отчет, в котором кратко изложил результаты своей поездки. Ниже следует текст перевода этого отчета.

«БУДАПЕШТ

Его превосходительству господину
Директору!

Венгерский Национальный музей и Венгерский Комитет Международного Средне- и Восточноазиатского Общества в июле месяце этого года направил меня в командировку с целью этнографического и лингвистического обследования башкир Восточной Руси; эта командировка выполнена мной в рамках трехмесячной научной экспедиции; о выполнении полученного задания представляю следующий отчет.

Свою научную командировку по-настоящему я начал в Оренбурге, откуда направился на север по долине реки Сакмары. Я поставил целью пересечь в направлении с юга на север всю территорию, заселенную башкирами, а в небольших поездках посетить и близлежащие языковые острова. Дольше всего, почти полтора месяца, я задержался в долине реки Сакмары (Юмаш, Ихэн, Тимэш, Тулак), так как на этой территории башкиры устойчиво сохраняют свой исконный — кочевой, вернее, полукочевой — быт, который является самой интересной особенностью, с точки зрения этногра-

фии и лингвистики. Из Тупака через Верхнеуральск и Миасс, заехав в маленький городок Челябинск, я направился в Мухамет-Кулуево, на башкирскую территорию северной окраины Оренбургской губернии, где народ уже совсем оставил исконный (кочевой) быт и занимается земледелием. Оттуда (т. е. из Мухамет-Кулуево) я совершил неоднократные поездки в ближайшие деревни, а затем вновь направился на север, в Пермскую губернию; после больших и маленьких остановок я посетил башкир Екатеринбургской области, которые образуют на северо-востоке самый отдаленный от основной [башкирской] территории языковой остров. После обследования этой области осталась только одна маленькая группа [населения] в Осинской волости по Каме; [эта волость] обозначена на русской этнографической карте башкирской, но там я нашел народность, говорящую уже только по-татарски. Здесь я закончил свои исследования и 2-го октября возвратился в Будапешт.

В качестве научных результатов [поездки] я представил этнографические и лингвистические материалы. Мои этнографические изыскания были направлены, главным образом, на то, чтобы собрать материал по древним формам хозяйства [башкир]: рыболовству, охоте, скотоводству, так как этот материал наиболее ценен для исследования наших родственников. Однако я не забывал и о других сторонах материальной культуры [башкир]; сообразно сумме, представленной в мое распоряжение, я старался собрать возможно полную коллекцию для этнографического отдела Венгерского национального музея.

Наряду с этнографическими исследованиями, важное значение имеет моя работа по сбору лингвистического материала, которая охватила все диалекты на изъезженной мной огромной территории; хотя я прежде всего старался собрать словарный материал, однако не забывал записывать и фольклорный: пословицы, песни, сказки, суверьяры.

В нескольких словах можно следующим образом суммировать научные результаты моей поездки: распространенный среди русских ученых взгляд о том, что башкиры подразделяются на северных и южных, которые различаются в расовом отношении и, следовательно, с точки зрения лингвистики и этнографии,

по моим наблюдениям не соответствует действительности. Если не считать небольших различий, башкиры (в лингвистическом и этнографическом отношении) представляют единую картину; их наречия однородны; имеются различия в быте, которые объясняются тем, что в южной части Оренбургской губернии башкиры — скотоводы и полуномады, тогда как на севере они давно оставили исконное занятие, стали земледельцами... В лингвистическом отношении нет никаких доказательств о пребывании здесь венгров Юлиана, однако с точки зрения этнографии (между венграми и башкирами) так много несомненного сходства, что без всякого сомнения предполагает их былое соприкосновение или [даже] слияние, как бы это ни случилось.

Будапешт, 27-е декабря 1909 г.
др. Дьюла Месарош¹.

В 1910 г. Месарош опубликовал книгу «Великая Венгрия»², где дал более развернутое изложение своих взглядов об этническом тождестве венгров и башкир. Однако Месарош не включил в свою книгу описания собранного им этнографического материала. Более того, башкирская коллекция не была им обработана. Из собранного Месарошем лингвистического материала в книгу вошли часть словарного материала и несколько пословиц. Весь остальной лингвистический материал остался неопубликованным и, видимо, вместе с полевыми записями Месароша навсегда утерян, так как после второй мировой войны Месарош покинул Венгрию. Умер он в начале 1950-х годов на чужбине, а архив его не сохранился.

• • •

Коллекция Месароша в Венгерском этнографическом музее состоит из 225 вещей (инвентарные номера 79950—79992, 80106—80115, 83196—83393). Кроме того, в музее хранится 86 фотографий (с негативами), сделанных Месарошем во время поездки (инвентарные номера F 11177 — F 11253).

В сравнительно небольшой по размерам коллекции Месароша действительно представлены многие стороны материальной культуры башкир.

¹ Архив Венгерского этнографического музея, № 159/1909.

² Gyula Mészáros, Magna Hungaria (A. baskir — magyar Kévdés), Budapest, 1910.

Довольно разнообразен круг предметов, связанных с занятиями башкир охотой, рыболовством и собирательством. Здесь несколько охотничьих снарядов (*науыт, тәпә* — ударные ловушки)¹, приспособления для соколиной ловли, оружие — луки, стрелы, налучья и колчаны, ружейные принадлежности и т. д. Предметы рыболовецкого хозяйства: сети, наверхия, петли для ловли щук и др., имеется фотография долбленной лодки. Интересна нигде не опубликованная лопата (*сәлер*) для выкапывания сараны. Железный наконечник ее насажен на деревянную рукоятку длиной около 50 см, к которой крестом прикреплена небольшая поперечная деревянная планка. Домашние производства представлены прими-

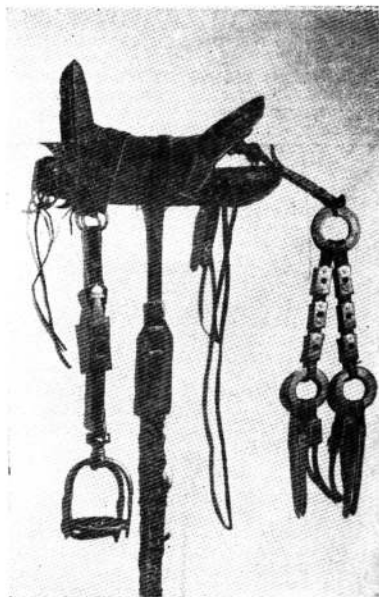
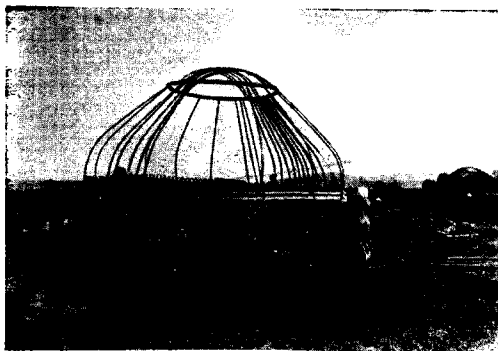

Рис. 1. Мужское седло, украшенное серебряными прорезными пластинками. Дер. Метелево Челябинского уезда Оренбургской губернии, № 79982.

¹ Аналогичные охотничьи снаряды описаны С. И. Руденко в книге «Башкиры», М., 1955, стр. 68—69.

[Рис. 2. Разборка юрты. Дер. Исяново Оренбургской губернии, № 11204.

тивным ткацким станом, прялкой, приспособлениями для скручивания ниток и т. д.

Очень интересна коллекция вещей и фотографий, связанных со скотоводческим хозяйством и полукочевым бытом башкир. Кроме таких предметов, как блоки, намордники, подойники и т. д., здесь представлены сбруи, уздечки, искусно сплетенные ногайки, металлические части которых нередко украшены. Сюда же относится седло вместе со стременами, подпругой, с ремешками для привязывания к седлу путевых запасов (рис. 1). В восьми фотографиях показана кочевка башкир, начиная от переселения башкир на летовку ранней весной и установкой войлочных юрт и кончая их возвращением поздней осенью. Особенно ценно то, что Месарошем запечатлен процесс сборки и разборки башкирской юрты (рис. 2). На нескольких фотографиях показаны занятия башкир на летовках: устройство ограды для скота, дойка кобылиц (рис. 3) и др.

Не оставил без внимания Месарош и постоянные баш-

кирские поселения. На нескольких фотографиях мы видим унылый вид башкирской дореволюционной деревни с покосившимися избышками, крытыми дранцей или корой, глинобитными печами — сувалами (рис. 4), которые служили и для обогрева и для освещения помещения.

Наиболее полно представлена в коллекции Месароша одежда и особенно женские украшения.

После этой общей характеристики башкирской коллекции Венгерского этнографического музея обратимся непосредственно к основной теме нашего сообщения. При этом мы хотим оговориться, что наша задача сводится лишь к тому, чтобы дать описание предметов народного искусства, имею-

щихся в коллекции, с тем, чтобы ввести в научный оборот до настоящего времени не опубликованные материалы.

Сравнительно-историческое изучение башкирских орнаментов, исследование их особенностей — задача будущего.

Резьба по дереву. Художественная резьба на деревянных изделиях — один из древнейших

Рис. 3. Дойка кобылиц. Дер. Исяново Оренбургской губернии, № 11207.

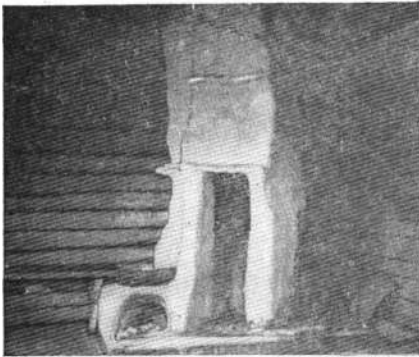

Рис. 4. Башкирский камин (с у а л). Дер. Юмашево Оренбургской губернии, № 11200.

видов народного искусства башкир. Резчики украшали резьбой предметы, которые повседневно находили употребление в быту: посуду для кумыса и других молочных продуктов, деревянные части юрты или военного снаряжения, позднее — наличники окон и т. д. С особым вкусом и пристрастием украшали башкиры деревянную посуду, связанную с производством, хранением и употреблением кумыса: ковши для разливания кумыса (*ижау*), кадушки (*тэлэн*), в которых кумыс подавали гостям, и т. д. В коллекции Месароша хранятся два ковша для кумыса (табл. 1—2), вырезанных из корней березы. Особенно интересен *ижау*, ручка которого представляет довольно сложную комбинацию спиралевидных и винтообразных фигур (табл. 1—1). Аналогичный ковш был опубликован С. И. Руденко¹, однако особенностью ковша из коллекции Месароша являются деревянные кольца, вырезанные вместе с ковшом из одного куска дерева. Искусство резьбы деревянных колец из одного куска дерева было довольно распространенным в юго-восточной Башкирии. Иногда резчики вырезали деревянные цепи, в которых было по сто и более звеньев².

Башкирские ковши для разливания супа или, например, сметаны имеют совершенно

другие формы. Ковш для разливания супа (*сумес*) имеет длинную изящную ручку с выступом для подвешивания к краю посуды (табл. 1—3). Ковш для сметаны с открытым носиком-сливом имеет более простую форму (табл. 1—4); на донце этой посуды вырезана

тамга, видимо, резчика. Тамга является одним из вариантов родового знака башкир племени Усерган.

Сосуд для кумыса (*тэлэн*) украшен резным елочным орнаментом и узором, который является, видимо, стилизованным изображением птицы. Совершенно аналогичный сосуд опубликован С. И. Руденко¹. *Тэлэн* из коллекции Месароша покрыт темно-зеленой краской, а резные узоры раскрашены в синий и красный цвета. В центре крышки сосуда красной краской нанесен узор в виде четырехлепесткового цветка.

Из других деревянных предметов привлекают внимание резные стремена (*вэзэге*), мужские и женские, причем последние также покрыты темно-зеленой краской.

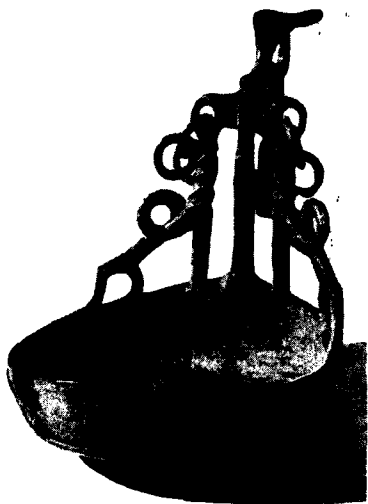

Рис. 5. Кожаный сосуд для дробы. Дер. Юмашево Оренбургской губернии, № 83239.

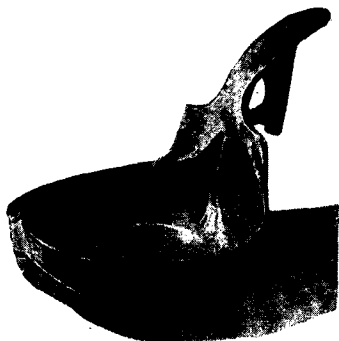
Орнаментация кожаных предметов. В описываемой коллекции всего четыре орнаментированных предмета из кожи, однако по характеру выполненных на них узоров они разли-

¹ С. И. Руденко. Указ. соч., стр. 287, рис. 239, а
² Такие деревянные цепи, которые завершаются скульптурным изображением волка, хранятся в Художественном музее г. Уфы и в Этнографическом музее Казанского государственного университета, а также в Музее этнографии народов СССР в г. Ленинграде.

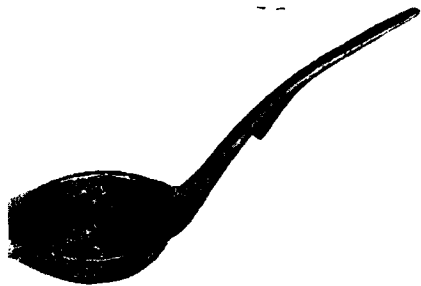
¹ С. И. Руденко. Указ. соч., стр. 148, рис. 111, а

1

2

3

4

Таблица I. Резные деревянные ковши.

1-2 — *ижгау*, № 83268 и 83202; 3 — *сумес*, Дер. Темясово Оренбургской губернии, № 83323;
4 — *ижгау*, Дер. Юлуково Оренбургской губернии, № 83203.

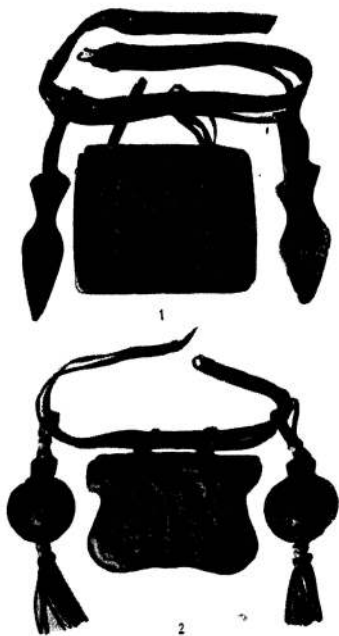

Рис. 6. Орнаментированные кожаные охотничьи сумки (*каптырга*).

1 — дер. Юлуково Оренбургской губернии, № 83199;
2 — дер. Тулаково Оренбургской губернии, № 83369

чаются. Тисненый узор в виде трехлепесткового цветка с чашелистиком выполнен на двух предметах: охотничьей сумке (*каптырга*) (рис. 6—1) и сумочке для дробей (рис. 5), приобретенных Месарошем в юго-восточной Башкирии. В фондах Башкирского краеведческого музея хранятся налучье и колчаны, украшенные совершенно аналогичным растительным орнаментом. С. И. Руденко, опубликовавший эти предметы¹, обращает внимание на то, что узор в виде трехлепесткового цветка с ча-

¹ С. И. Руденко, Указ. соч., стр. 293, рис. 249—250.

шелистиком весьма умело использовался мастерами для орнаментации различных по размерам и форме предметов. Это рождало множество различных композиций, что нетрудно заметить на примерах орнаментации публикуемых нами охотничьей сумки, ее стреловидных подвесок и сумочки для дробей.

Заметно отличается тисненый узор на тебеньке (*тибенге*), приобретенном Месарошем в с. Метелево Челябинского уезда (рис. 7). Орнамент здесь сильно стилизованный, растительный. На треугольных металлических бляшках по свисающим углам тебенька и на подчетырехугольных пластинках у обеих пряжек нанесены узоры, повторяющие основной мотив тисненого орнамента на самом предмете. В целом тисненые на тебеньке узоры (фигуры «кускар», те же трехлепестковые цветы по углам центральной фигуры, геометризованные узоры — видимо, чашелистики — по краям предмета) напоминают орнаментацию налучья, зафиксированного С. И. Руденко у башкир-сызгинцев¹, т. е. в том же примерно районе.

Своеобразны узор и техника его выполнения на охотничьей сумке из дер. Тулак (рис. 6—2). Сумка имеет лирообразную форму; через ремешковые петли круглых подвесок продеты костяные бусины. Орнаментом украшены крышка сумки и подвески. Узор не тисненый: на сырую кожу нанесен сначала контур орнамента, затем контур пропит льяной ниткой.

Художественные изделия из металла. В коллекции Месароша ювелирные изделия, предметы, украшенные серебряной чеканкой, представлены довольно многочисленной группой вещей. Башкиры стремились прежде всего украшать предметы, связанные с их основными занятиями и образом жизни: конскую сбрую и военно-охотничье снаряжение. Большое место занимали орнаментированные металлические украшения в женской одежде башкир. Имеющиеся в коллекции украшения из металла мы рассмотрим по этим двум большим группам.

Прекрасным образцом ювелирного искусства башкир являются серебряные накладки на передней и задней дуге седла (табл. II—1, 2). Накладки пробивные; они вырезаны из тонких серебряных пластинок. Растительный узор накладок отличается совершенством и изяществом. Выгравированные на пластинках контурами пансионированные поля, а также вделанное в накладку передней дуги седла узорное кольцо придают этим изделиям еще большую нарядность и легкость.

¹ С. И. Руденко, Указ. соч., стр. 74, рис. 34.

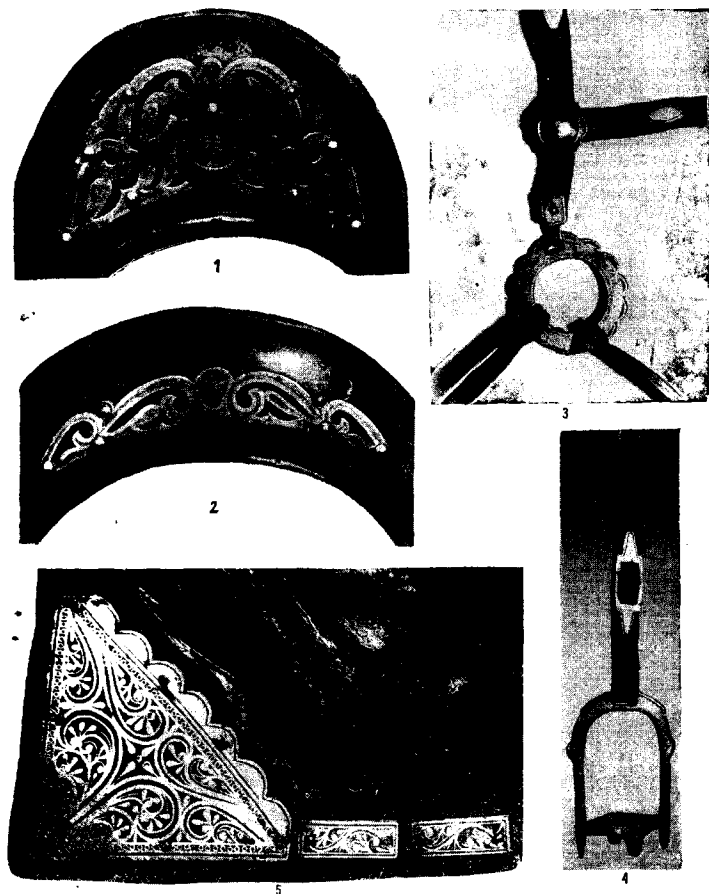

Таблица 11. Орнаментированные металлические части конского снаряжения.
 1—2—лука мужского седла, украшенная серебряными прозрачными пластинками, Дер. Метелево Челябинского уезда Оренбургской губернии, № 79982; 3—металлические блики на сбруе, Дер. Темасово Оренбургской губернии, № 83110; 4—железные стремена, Дер. Юлукво Оренбургской губернии, № 83196; 5—металлические орнаментированные пластины, украшающие подседельник, Дер. Метелево Челябинского уезда Оренбургской губернии, № 79983.

Металлические части уздечки и стремена (табл. II—3, 4) также украшались чеканкой. Узор, которым обычно украшались металлические стремена, прост как по форме, так и по выполнению. одному из авторов этой статьи удалось в 1958 г. наблюдать в юго-восточной Башкирии работу мастера, который, будучи в основном кузнецом, выполнял и ювелирные работы. Он сам (а еще раньше его отец) украшал металлические части конской сбруи орнаментом, совершенно аналогичным узорам на публикуемых нами стременах и кольце уздечки. Узор наносился следующим образом: сначала железная поверхность предмета (независимо от его формы и размера) делалась шероховатой. На подготовленную поверхность предмета накладывалась тонкая серебряная пластинка, которая вбивалась в него посредством холоднойковки. Затем особым чеканом или долотом наносился узор. Лишнее серебро счищали проволочной кистью или стальной щеткой. Зигзагообразный узор на стременах или других частях конской сбруи наносился и иным способом: на подготовленную поверхность предмета вбивалась серебряная проволока, которой придавалась форма желаемого узора,

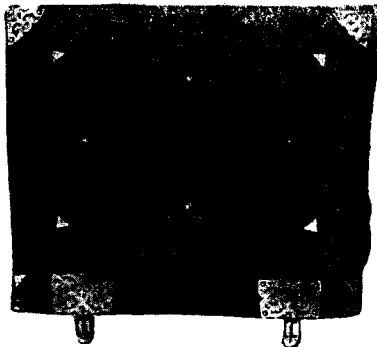

Рис. 7. Кожаный тисненый тебек (тибете) с металлическими пражками. Дер. Метелево Челябинского уезда Оренбургской губернии, № 79984.

обычно зигзагообразная. Затем поверхность предмета тщательно обрабатывалась и лишнее серебро счищалось. На предметах конского снаряжения и вооружения и тот и другой вид чеканки обычно сочетался, причем мастера-ювелиры достигали в этом искусстве высокой степени совершенства. Об этом свидетельству-

ет орнаментация металлических частей кожного подседельника (табл. II—5). Красивый растительный узор несколько напоминает тисненый узор на кожаной охотничьей сумке.

Особенно щедро украшалось чеканными узорами вооружение башкир: налудчя и колчаны. В коллекции Месароша имеется одно налудчье (*дайа назаж*) и три колчана (*ук назаж*). Примерно одинаково орнаментированы простыми растительными узорами круглые железные бляхи и пластины, которые украшают налудчье (табл. III—1) и один из колчанов (табл. III—2). В бляхи и пластины вделаны круглые украшения из латуни. Чеканные узоры в виде шестилепестковых цветков украшены разноцветными полудрагоценными камнями. Орнаментация другого колчана (табл. III—4) сложнее: узоры здесь более стилизованы. Настоящим произведением искусства являются чеканные узоры на третьем колчане, от которого сохранилась лишь нижняя часть (табл. III—3). Сложный растительный орнамент нанесен искусным мастером-ювелиром.

Красиво оформлена рукоятка охотничьего ножа: у лезвия она отделана бронзой, а далее — костяная (табл. III—5). Рукоятка завершается окантовкой из орнаментированной серебряной пластины. Узор нанесен так называемым графическим способом: сначала на поверхность серебряной пластины особым остроконечным чеканом наносятся точками контуры узора, затем резцом проводится сплошная линия, соединяющая все точки. В итоге получается четкий графический рисунок. Нельзя не обратить внимание на S-образный рисунок узора на рукоятке ножа. Это очень старый мотив, восходящий к изображению грифонов на предметах конского снаряжения у древних племен Алтая и Минусинской котловины.

Очень разнообразны женские украшения из серебра: это не только кольца, браслеты, серьги, нашейные украшения, но и всевозможные бляхи, пластинки, которые являются составной частью головных уборов, нагрудников, камзолов и других элементов костюма башкиров. В коллекции Месароша несколько десятков орнаментированных женских украшений из металла, поэтому мы перечислим здесь лишь наиболее, на наш взгляд, характерные для башкир предметы.

Большинство башкирских женских украшений из серебра имеет гравированный узор, нанесенный так называемым графическим способом или же простой ковкой на готовые трафареты (узор в виде дорожек). Таковы, например, кольцо (*балдаж*) (табл. IV—4), перстень (табл. IV—5) и браслеты (*белзек*,

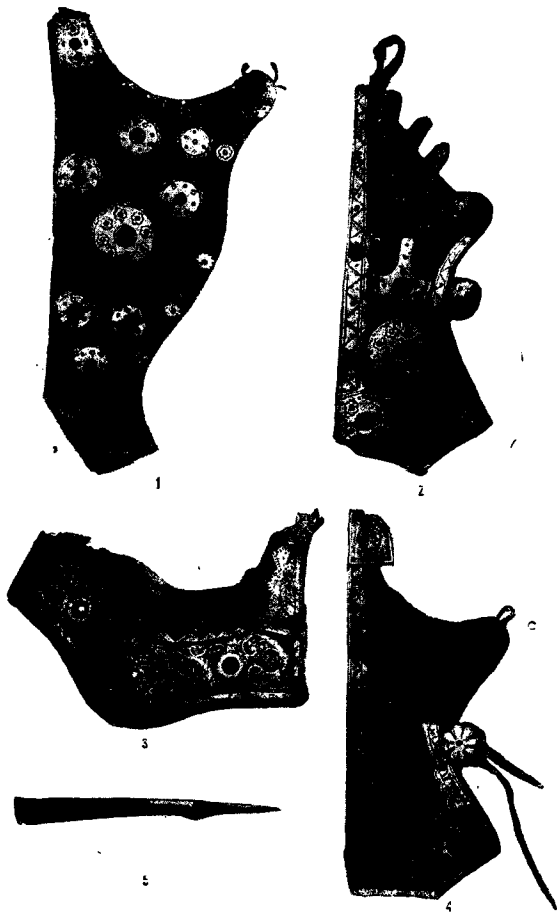

Таблица III. Ориентированные предметы вооружения башкир

1 — калчак и 2, 4 — молчакы, украшенные металлическими пластинками с серебром. Дер. Металево и Мукумет-Кулуево Челябинского уезда Оренбургской губернии, № 7960, 7966, 7966, 7968; 3 — часть колчана, украшенная металлическими орнаментированными пластинками. Дер. Темисково Оренбургской губернии, № 8336; 5 — нож, конец рукоятки с серебряной орнаментированной окантовкой. Дер. Юмашево Оренбургской губернии, № 8339.

Рис. 8. Нагрудное украшение (*селтер*). Дер. Темясове Оренбургской губернии, № 83339.

или *безелек*) (табл. IV—1, 2). Если один браслет имеет только гравированный узор, то другой, кроме того, украшен пятью вделанными в браслет драгоценными камнями. Узор на обоих браслетах растительный. Несложной гравировкой украшена застежка с тремя подвесками на ажурных кольцах (табл. IV—3).

Гравированными серебряными и медными бляхами и пластинами украшались женские нагрудники (*селтер*), старинные головные уборы (*кашбау*) и т. д. Характерен в этом смысле нагрудник (рис. 8), на красном бисерном фоне которого особенно нарядно выглядят растительные узоры из серебряных бляшек (табл. IV—6, 7). Такие же расти-

Рис. 9. Головной убор невесты (*кашбау*), № 83349.

тельные орнаменты (но стилизованные) украшают пластины и застежку головного убора невесты (рис. 9). Заметим, что и нагрудник и *кашбау*, украшенные разноцветным бисером, кораллами и орнаментированные серебром, представляют собой красивейшие образцы народного искусства башкир.

Большое место среди женских украшений башкирок занимали инкрустированные или

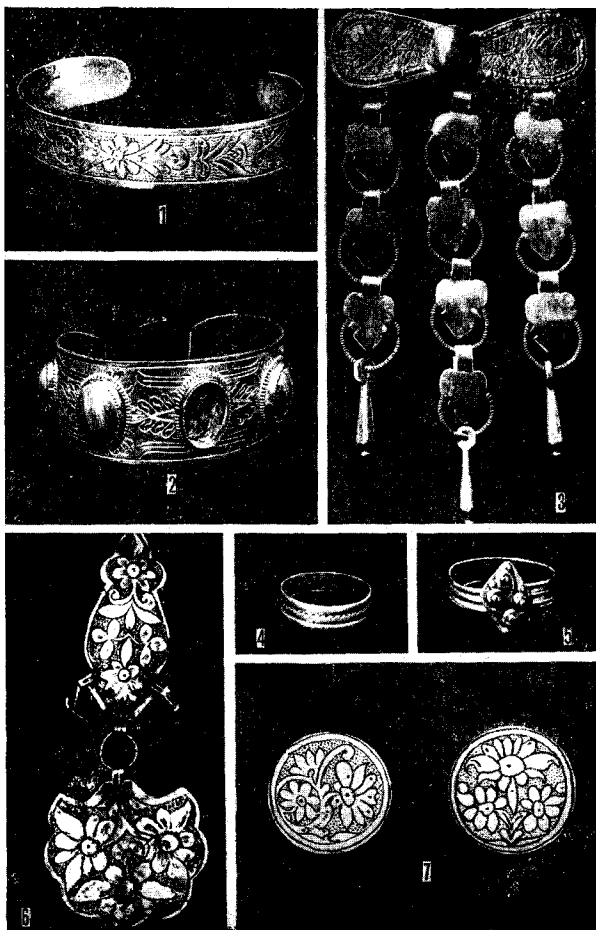
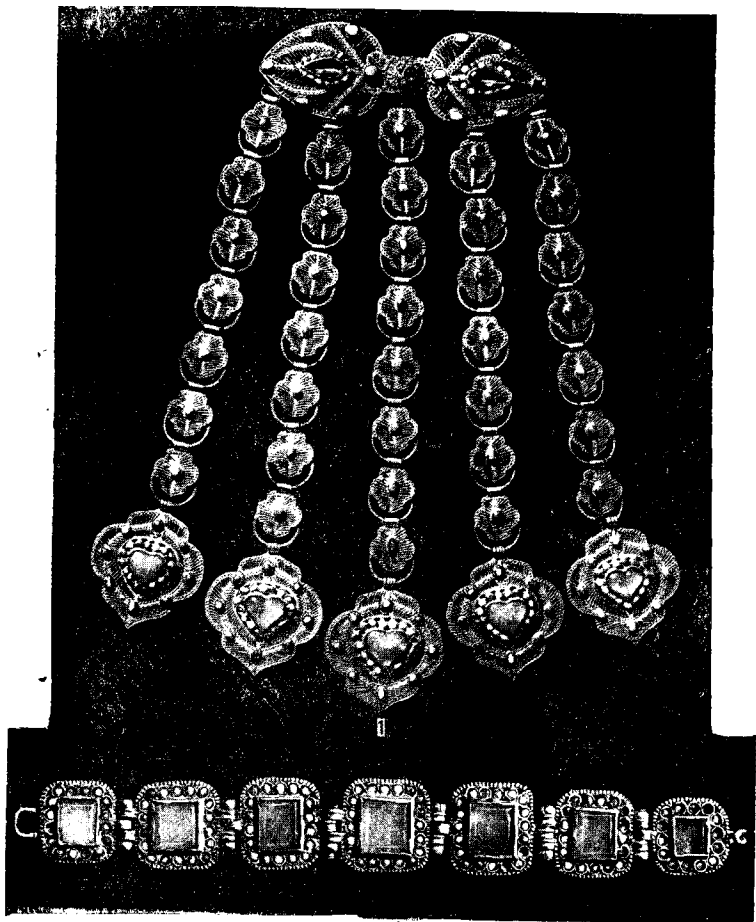

Таблица IV. Женские украшения.

1—2 браслеты (белозек). Дер. Метелево и Мухамет-Кулево Челябинского уезда Оренбургской губернии, № 80109; 3 — подвеска (нагрудное украшение). Дер. Юлуково Оренбургской губернии, № 83376; 4—5 — кольца (балдаки), № 83221, 83383; 6—7 — бляшки, украшающие нагрудник (серебро, гравировка).

2

Таблица V. Женские украшения.

1 — нашеее украшение (Мудынси), № 83375; 2 — браслет (Селадек), № 83378.

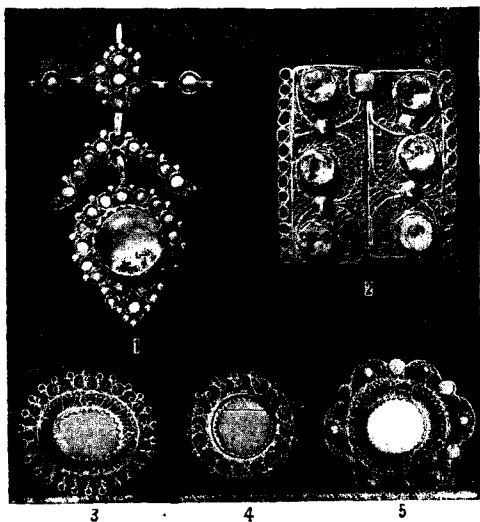

Таблица VI. Женские украшения.

1 — подвеска (алма), № 83379; 2 — застёжка (каптырга), № 79972; 3—5 — подвески, № 83381, 83382, 83380.

филигранные предметы. Таковы, например, нарядный браслет (табл. V—2) и подвеска (табл. VI—1) с серебряной инкрустацией, а также с голубыми и темно-голубыми стеклами, вделанными в круглые узоры украшений. Еще более изящны филигранной работы нашейные украшения (*муйынса*) (табл. V—1), застёжка (*каптырга*) (табл. VI—2) и различного вида подвески (табл. VI—3, 4, 5), украшенные драгоценными камнями или цветными стеклами. По всей вероятности, украшения, выполненные филигранью, привезены в Башкирию из Средней Азии или Казани. Месарош высказал также предположение, что многие ювелирные изделия, распространенные среди башкир, восходят еще к периоду расцвета болгарской торговли, а позднее связаны с распространением продукции татарских мастеров на территории Башкирии¹.

Ткачество и аппликация. Художественное

ткачество представлено в коллекции Месароша полотенцами (*тастамал*), скатертями (*ашъяулык*) и покрывалами. Наиболее распространен среди башкир браный узор, которым украшали концы полотенца (табл. VII—1, 2), скатерти (табл. VII—3) и другие изделия. Узоры при браном ткачестве геометрические, но при внешнем однообразии орнаментов искусство ткачей создавало бесконечное множество вариантов различных фигур, которые, в сочетании с однотонной или многоцветной расцветкой, создавали своеобразный, неповторимый национальный колорит. Не менее эффектно выглядят полотенца, концы которых вытканы закладной техникой (табл. VIII—1, 2). В тканых изделиях башкир преобладают красные, желтые, зеленые и белые цвета.

Техника аппликации представлена в коллекции Месароша одной вещью — нарядным чепраком к женскому седлу (*сергегиш*). Светлый узор нашит на красную суконную основу (табл. VIII—3). Орнамент растительный, до-

¹ Gyula Mészáros. Magna Hungaria, стр. 30.

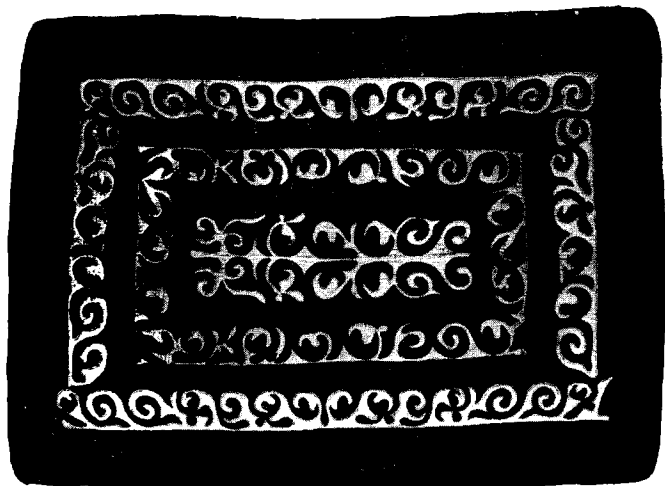
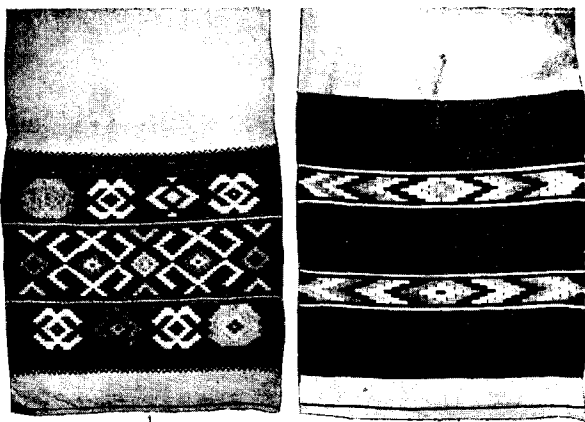

3

Таблица VII. Изделия ткачества.

1—2 концы полотенца (гастрар), браное тканье. Дер. Мухамет-Кулуено Челябинского уезда Оренбургской губернии, № 80110, 79981; 3 — скатерть (ашьядулык), браное тканье. Там же, № 79629.

3

Таблица VIII. Изделия ткачества и аппликации.

1-2 - концы полотенца (*тартамал*), закладная техника. Дер. Юзуколо Оренбургской губернии. № 83386.
 №3389. 3 - поседельный женский (*серестши*). Дер. Темжово Оренбургской губернии. № 83316.

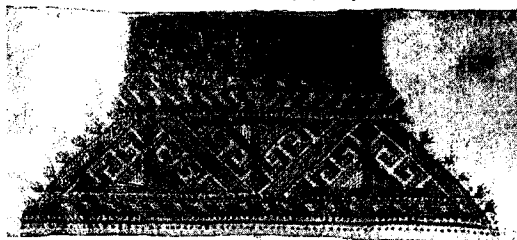

Таблица IX. Хараусы (хараус.) № 83333, 83290, 83330, 83332.

зольно сильно стилизованный. Некоторые мотивы узора напоминают характерную для тиснения по коже фигуру в виде трехлепесткового цветка.

Вышивка. В башкирской коллекции Венгерского этнографического музея более четырех десятков предметов с различными образцами народной вышивки. Вышитые орнаменты на предметах можно подразделить на две большие группы: вышивки по счету ниток, к которым относятся геометрические узоры, и вышивки свободным рисунком, к которым относятся растительные, хотя часто сильно стилизованные, узоры. В пределах этих групп можно видеть изделия, выполненные различными способами вышивания (гладь, тамбур, косая стежка, ковровый шов и др.), которые мы здесь не рассматриваем. Ниже дается обзор вышитых изделий из коллекции, причем вещи сгруппированы нами по их применению в быту, независимо от техники вышивания и характера орнаментации.

Башкирские женщины украшали вышивкой довольно широкий круг предметов: хараусы (*хараус* — налобные повязки, как предполагает С. И. Руденко; согласно Месарошу, зауральские башкиры нашивали хараусы по обеим сторонам ворота белых холщовых рубах); нагрудные повязки (*түшелдерек*), кистети (*яксык*), концы полотенец (*тастамал баш*, или *тастар баш*), скатерти, верхнюю женскую одежду (*камзул, елэн*), ленты для перетягивания постели (*тартма*), молитвенные коврики (*намазлык*) и т. д.

В коллекции 12 хараусов. На десяти из них вышивка исполнена гладью по счету ниток холста. Как правило, хараусы вышивались шелком, хотя контур рисунка исполнялся обычно черными бумажными или шерстяными кручеными нитками. Геометрические орнаменты, вышитые на хараусах, аналогичны основным мотивам узоров на башкирских хараусах, выделенных С. И. Руденко¹, или приближаются к ним (табл. IX—1, 2, 3, 4).

Привлекает внимание тонким и изящным исполнением гладевая вышивка на концах полотенца (табл. X—1). Весьма своеобразен геометрический орнамент: центральные узоры, вышитые черными и белыми нитками, представляют собой антропоморфные фигуры. Красочны и разнообразны сложные растительные узоры, вышитые на скатертях (табл. X—2), концах полотенец (табл. XI—1), нагрудниках (табл. XI—2) тамбуром в сочетании с косой сеткой или ковровым швом. В

Рис. 10. Лента для перетягивания постели (*тартма*). № 83372.

¹ С. И. Руденко, Указ. соч., стр. 293—297. рис. 262—267.

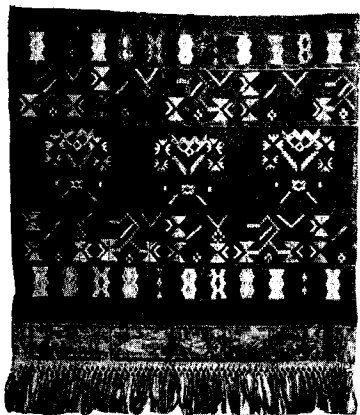

Таблица X. Вышитые изделия

1 — конец полотенца (гастомал). Дер.
Мухамет-Кулуено Челябинского
уезда Оренбургской губернии,
№ 79975; 2 — скатерть (амьмулак), № 79973

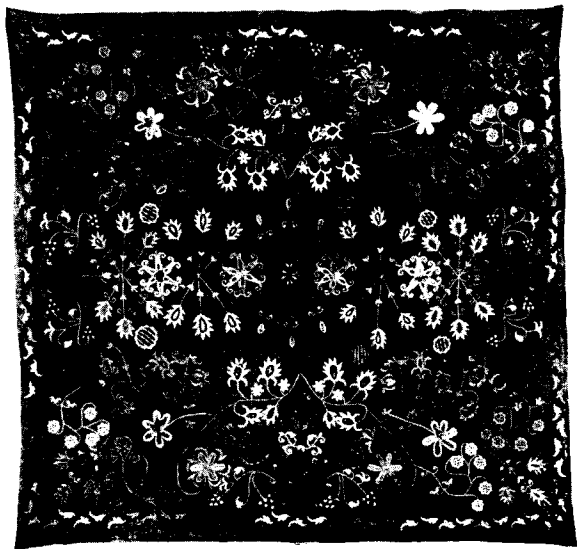

Таблица XI.
Вышитые
изделия.

1 — полотенце (тагма);
№ 79974; 2 — нагрудник
(тушладерек), № 83595.

Рис. 11. Кисет (лясык), № 83297.

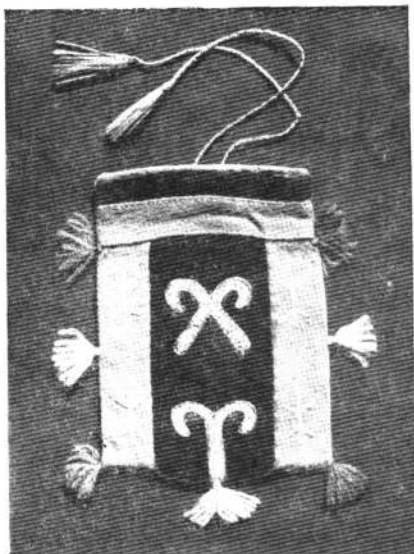

Рис. 12. Кисет (лясык), № 83334.

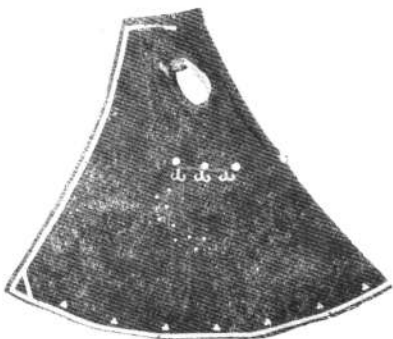

Рис. 13. Камзол, украшенный вышивкой, № 83371.

(рис. 13) и на ленте для перетягивания постели (рис. 10). Нередко на кисетах и лентах повторяется также узор в виде фигуры интеграла. Этот узор, как и фигура «кускар», характерен, с одной стороны, для казахов, киргизов, алтайцев, древних тюркских племен, с другой стороны, встречается в древневенгерских орнаментальных мотивах: в конечном итоге он восходит к искусству древних племен Минусинской котловины.

Из вышитых изделий надо еще упомянуть два молитвенных коврика, растительные узоры которых близки по мотивам к орнаментике аналогичных изделий казанских татар.

В кратком обзоре мы стремились, прежде всего, дать общее представление о коллекции башкирских вещей Венгерского этнографического музея, особенно о предметах искусства. Составление и публикация полного каталога коллекции с подробным описанием каждого предмета — задача ближайшего будущего.

коллекции Месароша шесть богато украшенных вышивкой кисетов. Наиболее характерным узором на кисетах является фигура «кускар» (рис. 11, 12), которая своим происхождением восходит к древнему кочевническому миру. Этот же узор, выполненный тамбуром и кошой сеткой, мы видим на женском камзоле

Т. М. ГАРИПОВ, Р. Г. КУЗЕЕВ

ОТЧЕТ О НАУЧНОЙ КОМАНДИРОВКЕ В ВЕНГЕРСКУЮ НАРОДНУЮ РЕСПУБЛИКУ

Описываемая командировка была осуществлена в марте-апреле 1959 г. по плану научно-сотрудничества между Академиями наук Советского Союза и Венгрии. Главной целью нашей поездки был сбор и изучение материалов по так называемой «башкиро-магьярской» проблеме, возникшей в исторической науке на основании сведений средневековых писателей и путешественников о совместном пребывании предков современных венгров и башкир в I тысячелетии нашей эры на территории между Волгой и Уралом.

В качестве самостоятельных задач командировки выдвигались ознакомление с новейшими достижениями венгерских историков и филологов в исследовании названной выше проблемы, установление научных контактов с ведущими работниками в этом направлении научно-исследовательскими учреждениями и специалистами и, наконец, поездка по стране для изучения, с одной стороны, постановки этнографической работы на местах и, с другой стороны, современного быта венгерского крестьянства (особенно — горных районов).

Основными пунктами, в которых протекала научная работа, были Восточный отдел библиотеки Венгерской Академии наук, Институт тюркологии и древней истории Венгрии Будапештского университета имени Лоранда Этвеша и Венгерский этнографический музей. Кроме того, были посещены Институт истории и Институт языкознания ВАН, кафедра этнографии Будапештского университета, Отдел антропологии Музея естествознания в Будапеште, а также (во время поездки по стране)

Красведческий музей и Музей народного искусства в г. Калоча, археологический и этнографический отделы Музея им. Януша Пяношуса в г. Печ, музей-крепость в г. Сигетвар и музеи в гг. Балашадьярмат, Вишеград и Эстергом.

В ходе работы программа командировки, составленная в Советском Союзе и уточненная в ВАН, была выполнена: были найдены и частично обобщены новые данные о венгеро-башкирском этническом и языковом взаимодействии в его истории, состоялись плодотворные беседы с ведущими венгерскими специалистами в области древней истории, археологии, этнографии, языкознания и фольклористики, выявившие общность взглядов на необходимость комплексного, всестороннего подхода к изучаемой проблеме. Вместе с тем обнаружилось и некоторые расхождения при оценке отдельных событий древней истории башкир и венгров, что является вполне естественным, если учесть всю сложность и слабую изученность названной проблемы. Более того, по ряду моментов выявилось отсутствие единства мнений даже между самими венгерскими учеными, — например, вопрос о путях продвижения венгерских племен с их родины на ныне занимаемую территорию до сих пор вызывает оживленные дискуссии среди венгерских историков.

Что касается других вопросов, связанных с командировкой, то венгерскими коллегами настоятельно подчеркивалась желательность организации регулярного обмена новинками историко-филологической литературы, а также

библиографией по интересующим обе стороны вопросам.

В целом авторы настоящего отчета склонны рассматривать скромные на первых порах результаты своей поездки в Венгерскую Народную Республику как начало установления международных научных связей одного из отрядов советской науки, а именно Башкирского филиала АН СССР, впервые направившего своих представителей в заграничную командировку подобного характера. Равным образом, многие видные ученые Народной Венгрии неоднократно высказывали положительную оценку визиту научных сотрудников Советской Башкирии в их страну, проявляя значительный интерес к встречам и беседам с последними.

Ниже приводятся некоторые конкретные результаты командировки, которые подразделяются нами на три основные рубрики:

1. Об изучении «башкиро-мадьярской» проблемы в Венгрии;
2. Об этнографической работе в Венгрии;
3. О языковедческой работе в Венгрии.

К отчету прилагается краткий список трудов по венгерскому башкироведению.

ОБ ИЗУЧЕНИИ «БАШКИРО-МАДЬЯРСКОЙ» ПРОБЛЕМЫ В ВЕНГРИИ

Как уже указывалось во вводной части нашего отчета, ознакомление с достижениями венгерских историков и филологов в области разработки «башкиро-мадьярской» проблемы составляло одну из главных задач описываемой поездки. Естественно при этом, что авторы особенно интересовали те аспекты данной проблемы, которые были связаны с этногенезом башкир. Как известно, в современной историко-этнографической литературе до настоящего времени продолжается начавшаяся еще в XIX в. дискуссия между сторонниками «тюркской» и «угорской» гипотез происхождения башкир. Если одни исследователи считают, что основу формирования башкирской народности составляли тюркоязычные племена, то другие относят башкир к «угро-финским по происхождению народам, ближе всего стоящим к венграм, но впоследствии тюркизированным»¹.

Венгерские историки, этнографы и особенно лингвисты проявляли раньше и проявляют сейчас значительный интерес к названной проблеме. В Восточном отделе Библиотеки Венгерской Академии наук представлены многочисленные работы по древневенгерской истории, большинство которых содержит некото-

рый материал, представляющий определенный интерес и в плане изучения древней истории и этногенеза башкир. Среди них можно назвать труды этнографа Месароша Дьюлы¹, автора известной «Истории венгров» Хомана Балинта², тюрколога Немета Дьюлы³, ориенталиста Цегледи Кароя⁴ и др.

Из работ, опубликованных после освобождения Венгрии от фашистского ига, необходимо выделить весьма интересную монографию Дьерффи Дьердя «Наши хроники и венгерская пранстория»⁵, а также опубликованную на русском языке и известную в Советском Союзе книгу Мольнара Эрика «Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа»⁶. В 1958 г. под редакцией Дьерффи Д. опубликованы на венгерском языке извлечения из сочинений восточных и западно-европейских писателей и путешественников, касающиеся древней истории Венгрии⁷. В нашу бытность в Венгрии Дьерффи Д. был занят подготовкой второго тома этого сборника, в который должны были войти сочинения Юлиана, Плано Карпини и Вильгельма де Рубрука.

Во время многочисленных встреч и бесед с ведущими венгерскими специалистами в области истории (директор Института истории ВАН академик Мольнар Эрик, заведующий кафедрой истории стран Восточной Европы Будапештского университета д-р Периньи Йожеф, старший научный сотрудник Института истории д-р Дьерффи Дьердь и др.), этнографии и (ректор Будапештского университета академик Ортутан Дьюла, заведующий кафедрой этнографии того же университета проф. Талоши Иштван и др.) и языкознания (академик-секретарь Отделения языка и литературы ВАН и директор Института тюркологии Будапештского университета академик Немет Дьюла, заведующий Восточным отделением Библиотеки ВАН проф. Рашоны Ласло и др.) неизменно затрагивались вопросы этнической истории как башкир, так и венгров.

Изучение научной литературы, а также бе-

¹ Meszaros Gyula. Magna Hungaria, Budapest, 1910.

² Homan Bálint, A magyarok honfoglalása és elhelyezkedése, Budapest, 1923.

³ Nédessmeth Gyula, Magna Hungaria. Leipzig, 1929.

⁴ Czeglédy Károly, Magna Hungaria, Budapest, 1943.

⁵ Györfly György, Krónikáink és a magyar történet. Budapest, 1948.

⁶ Эрик Мольнар, Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа.— Studia Historica. 13. Budapest, 1955.

⁷ A magyarok elődeiről és a honfoglalásról. Budapest, 1958.

¹ С. А. Токарев, Этнография народов СССР, М., 1959, стр. 192.

Рис. 1. Памятник Юлиану и Герарду в Будапеште

их формирования были угорские племена (Дьёрффи Д. полагает, что этноним *башкорт* этимологически связан с хантыйским словом *башкёр* «росомаха»). Последняя, по народным преданиям, вывела обских угров на их современную территорию). По мнению Дьёрффи Д., мадыарские племена исторически занимали территорию восточнее Волги, где в XIII в. Юлиан нашел своих соплеменников. Именно та часть мадыарских племен, которая оставалась на Волге (племена Дьярмат и Енё) и явилась, согласно Дьёрффи, основным ядром сформировавшегося позднее башкирского народа. Период пребывания мадыарских племен в древней Башкирии нашел отражение и в старых венгерских хрониках. Древняя родина венгров в гесте XI в. носила название *Dentumoger*. Анализируя старые хроники, Дьёрффи приходит к выводу, что они располагают *Dentumoger* в Башкирии, которая, следовательно, и была «родиной первых венгров». Д-р Дьёрффи обосновывает далее интересную мысль о связи передвижений древних мадыарских племен с гуннским нашествием. Свои взгляды автор подробно изложил в упомянутой выше книге «Наши хроники и венгерская пранстория».

Иной точки зрения придерживается Периньи И.¹ Если Дьёрффи Д. считает, что из Приуралья венгры в VI—VII вв. н. э. двинулись на юг и переправились через Волгу южнее нынешнего Саратова, то, согласно Периньи И., венгры по крайней мере еще в V—VI вв. н. э. жили в лесостепном районе по Оке. В прямой зависимости от этого основного исходного положения Периньи И. находится оценка им и других вопросов древней истории мадыар и башкир. Потомками венгерских племен на восточной окраине Европы Периньи считает не башкир, которые, по его мнению, являются тюркским по происхождению народом, а мишарей. К этой точке зрения склонны присоединиться и некоторые венгерские археологи и антропологи, например, кандидат биологических наук д-р Тот Тибор². Согласно Периньи И. в приокской низменности был создан племенной союз, во главе которого стояло племя *Мадыар*.

седы с названными специалистами показали, что хотя по истории мадыаро-башкирского этнического взаимодействия венгерскими учеными накоплен значительный материал, однако прочно установившейся концепции по этой проблеме в Венгрии еще не существует. Степень разработанности древней истории мадыарских племен пока не представляет, к сожалению, возможности дать удовлетворительные ответы на такие вопросы, как, например, откуда и когда пришли в Поволжье мадыарские племена, когда и каким путем они перекочевали на запад, насколько велик угорский компонент в составе башкир и т. д.

Тем не менее мнения венгерских ученых о различных аспектах древней истории мадыарских племен, и особенно об этногенезе башкир, несомненно представляли для нас большой интерес. Так, выяснилось, что д-р Дьёрффи Д. придерживается точки зрения, близкой к гипотезе акад. Д. А. Хвольсона, согласно которой основным этническим ядром башкир в период

¹ Некоторые свои выводы автор опубликовал в статье «Венгерско-восточнославянские взаимоотношения» («Studia Slavica», Budapest, 1956, т. II. Основной же свой материал автор предполагает включить в большое монографическое исследование о мишарах, над которым он работает.

² В 1959 г. Тот Тибор приезжал в Башкирию и выступил на заседании Ученого совета ИИЯЛ БФАН СССР с интересным докладом на эту тему. Некоторые выводы изложены им в работе «Profilation horizontale du crane facial de la population ancienne et contemporaine de la Hongrie. Probleme de e'origine des Hongrois» — «Crania Hungarica», Budapest, 1958, т. III, №. 1—2.

После миграции основной массы венгерских племен на запад оставшаяся часть мадьяр разделилась постепенно на две ветви. Западная ветвь стала известна в русских летописях под названием *мещера*, восточная получила название *можары*. Если *мещеры* постепенно ассимилировались в русском этническом массиве, то *можары*, продвигаясь на восток, подвергались тюркизации¹. Но еще в XIII в. они сохраняли венгерский язык. По мнению Периньи, монах Юлиан встретил на правом берегу Волги именно *можар*. Начиная же с XIV в., в связи с монгольским нашествием, *можары* под давлением внешних сил перешли на левый берег Волги и продолжали продвигаться на восток, подвергаясь одновременно сильному влиянию со стороны тюркских племен. В XV—XVI вв. *можары* были известны уже как тюркоязычная народность под названием *мишар*. Значительная часть *мишарей* в XVI в. поселилась в Башкирии и ассимилировалась в составе башкирских племен. С этим обстоятельством Периньи склонен связывать распространенные представления о родстве башкир и венгров².

Гипотеза академика Мольнара Э. о саяно-алтайской прародине венгров, изложенная им в упомянутой выше монографии, не встретила поддержки среди значительной части венгерских ученых в силу недостаточной аргументации археологическим и лингвистическим материалом выдвинутых автором положений.

Венгерские языковеды, как правило, отвергают «угорскую» теорию происхождения башкир, но в толковании многих вопросов древней истории венгров и среди лингвистов нет единого мнения.

Академик Немет Дьюла полагает, что основным компонентом, определившим главные этнические особенности башкир и татар, были *кыпчаки*. Роль угорского компонента в этногенезе башкир, по его мнению, ничтожна. Аналогичной или очень близкой точки зрения придерживаются многие другие лингвисты, причем часть их гипотетически называет пра-

родиной мадьярских племен Приаралье, а не Башкирию, куда, по их мнению, некоторые мадьярские племена попали только в VIII—IX вв. в период набегов на приволжские земли.

Так, проф. Рашоньи Ласло считает, что мадьярские племена ушли из Прикамья в VI в. на юго-запад в приазовские степи. На территории между Уралом и Волгой в этот период и позднее шел процесс сложения башкирской этнической общности, причем в этом процессе мадьярские племена не участвовали. Однако мадьярские племена до их ухода в IX в. в Паннонию совершали частые набеги из южных степей на богатые области их бывшей «прародины». Во время этих набегов небольшая часть мадьярских племен осталась в Поволжье и Приаралье, впоследствии ассимилировавшись в составе башкир и казанских татар.

Нельзя не сказать, что венгерскими языковедами довольно тщательно исследованы тюрко-венгерские и вообще восточно-венгерские языковые связи, а также топонимический материал, начиная с эпохи заселения венграми их современной родины. Однако в своих исследованиях многие венгерские лингвисты склонны базироваться только на языковых данных, не учитывая фактов, добытых другими смежными дисциплинами. Поэтому, несмотря на значительный фактический материал, которым оперируют венгерские языковеды, их выводы по этногенетическим вопросам иногда вызывают сомнения, будучи слабо аргументированы в историческом плане.

В целом пребывание в ВНР позволило нам, во-первых, более четко сформулировать ряд положений, в общих чертах известных и ранее, а во-вторых, отметить перспективы дальнейшего исследования этногенеза башкир.

Мы полагаем, что получившие новые подтверждения гипотезы о довольно значительном удельном весе тюркского (в том числе, очевидно, и башкирского) компонента в формировании венгерского народа и обратно — об участии венгерских родо-племенных групп в этногенезе башкир, особенно на его ранних стадиях. Об этом свидетельствуют как материалы родо-племенного состава (племена Дьярмат и Енё у венгров; Юрматы и Еней — у башкир), так и топонимики (с. Сакмар, Тазлар, Токсаба, местность Орманшак и другие в Венгрии и венгерских районах Румынии; с. Можар, Унгар, станция Урман, р. Сакмара, род Тазлар, уран Токсаба и т. п. в Башкирии) и т. д. Однако мы, как и до поездки в Венгрию, считаем, что нет достаточных оснований отстаивать в настоящее время «угорскую» теорию происхождения башкир.

¹ Советские антропологи Т. И. Алексеева и Б. А. Васильев опубликовали недавно интересную статью «К вопросу о генетическом родстве русской мещеры и татар-мишарей» («Краткие сообщения Института этнографии», М., 1959, т. XXXI), в которой довольно убедительно показали принадлежность русской мещеры и мишарей к различным по происхождению этническим общностям. Однако, анализируя антропологический материал, они также пришли к выводу, что мишары являются тюркизированными потомками угорских племен.

² В обобщенном виде критику сторонников башкиро-венгерского родства содержит работа Периньи П. «К вопросу о Великой Венгрии», о которой см. в нашей статье «Башкиро-мадьярская» проблема».

В самых общих чертах картина башкиро-мадьярского этнического взаимодействия в начале I тысячелетия н. э. представлена нами в публикуемой в данном сборнике статье «Башкиро-мадьярская» проблема», к которой мы и отсылаем заинтересованного читателя. Здесь же остановимся подробнее на ближайших перспективах изучения интересующего нас круга вопросов.

Важной задачей исторической науки является сбор и обобщение новых фактических материалов, которые позволили бы проверить и уточнить одну из выдвинутых точек зрения (или создать новую схему) относительно истории мадьяро-башкирских этнических взаимоотношений. При этом важно подчеркнуть необходимость комплексного, всестороннего подхода к изучаемой проблеме. Однако у нас создается впечатление, что многие наши венгерские коллеги, хотя декларативно и признают эффективность комплексного изучения вопросов, в действительности применяют его далеко не всегда. Мы уже упоминали, что некоторые языковеды в своих научных выводах мало учитывают или вообще не учитывают данные других смежных дисциплин. Слабо привлекаются к исследованию этнической истории и этнографические материалы. Отдельные историки недооценивают роль археологических источников. Правда, в данном случае приходится с сожалением констатировать, что имеющиеся археологические материалы пока еще в очень малой степени могут помочь в выявлении истоков башкирского этногенеза, хотя в будущем их роль будет, видимо, все более возрастать.

В целях дальнейшего изучения одного из важных этапов этногенеза башкир мы считали бы целесообразным расширить начатые в последние годы исследования археологических памятников железного века Приуралья (в частности, Башкирии). Целесообразно также организовать этнографическую экспедицию в западные районы Башкирии для изучения в сравнительно-историческом плане материальной и духовной культуры башкир и мишарей.

Особое значение имело бы исследование венгерско-башкирских языковых связей. Заметим, кстати, что если вопрос о тюркских заимствованиях в венгерском языке исследован довольно обстоятельно, то изучение венгерских заимствований в горских языках (в частности, в башкирском) практически еще не начато.

Можно надеяться, что комплексное изучение этой сложной проблемы даст возможность уже в ближайшие годы намечать научно аргументированные пути ее решения.

Этнографической работой в Венгрии руководит Главная этнографическая комиссия при Венгерской Академии наук. Комиссия централизует работу трех институтов этнографии (при Будапештском, Дебреценском и Сегедском университетах), Этнографического музея в Будапеште и этнографических отделов многочисленных провинциальных краеведческих музеев. Комиссия издает журнал «Acta ethnographica» (с 1951 г.).

Кроме того, в стране функционирует Венгерское этнографическое общество, основанное в 1889 г. Общество издает журнал «Etnographica» (с 1890 г.). Хотя общество является добровольным и члены его платят взносы, оно получает материальную и научную помощь от ВАН. Регулярно, раз в неделю, общество проводит заседания, где заслушиваются доклады, большинство которых затем публикуется.

В общий план научных исследований, составленных Комиссией, включаются только наиболее крупные, в основном коллективные работы. Такой работой, например, является Венгерский этнографический атлас, в составлении которого наряду с коллективом этнографического музея в Будапеште участвуют многие видные ученые страны. Работой по составлению атласа руководит специальный Совет, под наблюдением которого подготовлены и отпечатаны подробные анкеты по отдельным разделам материальной и духовной культуры. Вопросы сгруппированы в 200 небольших комплексах, так что в целом анкеты содержат более тысячи пунктов. Для удобства пользования анкеты отпечатаны в виде четырех книжек соответственно наиболее крупным разделам материальной и духовной культуры венгров. В атласе даны также схематические рисунки различных типов жилищ, одежды, предметов быта и т. д. (образцы анкет, полученные нами в ВНР, отпечатаны в «Сборнике археологии и этнографии ИИЯЛ БФАН СССР»).

Исследования по менее значительным темам планируются только в пределах тех учреждений, где данная работа ведется. В работах этнографов большой удельный вес занимает разработка узких, специальных вопросов венгерской этнографии.

* *

Как мы уже упоминали в начале отчета, значительная часть времени в Будапеште была посвящена нами работе в Венгерском этнографическом музее (директор — профессор Домановски Д.).

Рис. 2. Музей народного искусства в г. Калоча.

Этнографический музей в Будапеште является самым крупным в стране. Музей состоит из 5 отделов: венгерской этнографии, народной музыки, этнологии, архива и библиотеки.

Отделы венгерской этнографии и этнологии подразделяются на тематические группы, за которыми закреплены соответствующие коллекции из богатейших фондов музея. Принципы рубрикации на тематические группы различны. Венгерский отдел включает коллекции: земледелие, скотоводство, жилище, одежда и т. д. Отдел этнологии, или международный, подразделяется по частям света (Африка, Австралия и Океания и др.) или по отдельным народам. При этом коллекции по башкирам, татарам и чувашам (тюркоязычные народы Европейской части СССР) относятся к азиатскому подотделу, в то время как мансийские и хантыйские коллекции (обские угры) — к европейскому. Каждая коллекция имеет своих хранителей.

Музей издает с 1900 г. свой ежегодник «Nepgázi Közlemények» («Этнографические записки»). Всего в музее работало в 1959 г. 70 человек, из них 30 научных сотрудников и 40 научно-технических и административных работников.

В научной тематике музея преобладают вопросы венгерской этнографии. Ими занято большинство научных сотрудников. Специальных этнографических экспедиций музей не организует. В соответствии с разрабатываемой тематикой научные сотрудники выезжают в

села для сбора материала в индивидуальном порядке. Значительную роль в сборе материала играют до 500 корреспондентов (или, как их называют, «общественных собирателей») музея.

Постоянных экспозиций музей не имеет. Их заменяют временные тематические выставки. Во время нашего посещения в музее была открыта выставка венгерской народной мебели, где ее различные образцы были показаны в историческом развитии.

В фондах музея мы детально познакомились с башкирской коллекцией, собранной д-ром Месарошем Дьюлой во время его пребывания в Башкирии в июне—августе 1909 г. Коллекция башкирских вещей, собранная Месарошем Д., состоит из 225 предметов. Она сравнительно невелика, но весьма разнообразна. В ней имеются орудия рыболовства (сеть, остроги), охотничьи снаряды, луки со стрелами и колчанами, седла, украшенные орнаментированными металлическими (с серебряным) пластинками сбруи, тканые полотенца, скатерти, замечательные образцы народной вышивки, орнаментированные тиснением кожаные предметы (подседельник, сосуд для пороха, сумки), резные деревянные изделия (ковши, сосуд для кумыса, стремена), женские головные уборы и украшения (браслеты, перстни, наkosники) и т. д. Довольно полно представлена женская и мужская одежда зауральских башкир. Необходимо отметить, что ряд вещей, давно вышедших из употребления в современном быту башкир (колчаны

для лука, кожаные предметы с тисненым узором и т. д.) и представленных в коллекции Месароша замечательными образцами, в музеях СССР почти отсутствует.

Значительный интерес представляют фотографии, сделанные Месарошем во время пребывания в Башкирии. В архиве музея хранится 86 фотографий (с негативами). Особенно интересны фотографии, изображающие жизнь башкир на кочевках: сборка и разборка юрты, доение кобылиц, народные празднества башкир и т. д.

Описание башкирской коллекции Месароша пока не опубликовано¹. Более того, до последнего времени хранение вещей было организовано неудовлетворительно. Лишь в 1958 — 1959 гг. коллекция приведена в должный порядок сотрудником музея Мандоки Ласло. Карточки на предметы, очень коротко составлен-

Наш отчет о работе в Венгерском этнографическом музее будет неполным, если коротко не упомянуть о системе картографирования хранящихся в фондах коллекций. Как и в музеях СССР, на каждый предмет составляется карточка. В провинциальных музеях карточки на предмет составляются в 2-х экземплярах, один из которых хранится в центральном каталоге этнографического музея Будапешта. Таким образом, не выезжая из Будапешта, можно ознакомиться с содержанием этнографических коллекций любого музея в Венгрии.

В провинциальных музеях карточки имеют размер (в см) 15×21, в Будапештском музее — 11,5×19,5. На левом углу карточки ставится номер предмета, на правом — место приобретения. Карточка содержит восемь вопросов:

Рис. 3. Здание Краеведческого музея в г. Балашадыармат.

ные Месарошем (на них указаны только места приобретения и башкирские названия вещей), уточнены и дополнены более обстоятельным описанием вещей. При содействии Мандоки Ласло мы составили карточки на 53 наиболее интересных для нас предмета и 19 фото. Дирекция музея любезно согласилась предоставить нам фотоснимки с этих вещей и негативов (всего 72 снимка). В настоящее время они получены и используются в нашей работе.

¹ Статью венгерского этнографа Мандоки Ласло и Р. Г. Кузеева «Предметы народного искусства в башкирской коллекции Венгерского этнографического музея» см. в настоящем сборнике.

1. Литературное название предмета (в скобках указывается народное название);
2. Описание предмета (материал, техника изготовления, состояние предмета и т. д.);
3. Размеры;
4. Данные, касающиеся изготовления предмета (имя и фамилия мастера, название местности, где предмет изготовлялся);
5. Другие данные, касающиеся предмета (назначение предмета, употребление в быту и др.), — обычно со ссылкой на архивный номер полевых записей собирателя, где содержится подробная характеристика назначения предмета;

6. Литература, касающаяся данного предмета (если сведения о предмете не опубликованы, то пункт 6 не заполняется);

7. Имя и фамилия собирателя, а также дата приобретения;

8. Имя и фамилия составителя карточки, а также дата составления.

На обороте карточки прикрепляется фотография предмета (размером 6×9).

Кроме того, в музее имеется два общих каталога вещей. На каждый предмет составляется две карточки: белого и зеленого цвета. На белой карточке указано название предмета и местность его изготовления, на зеленой карточке, наоборот, — местность и название предмета. В правом углу пишется номер предмета. Таким образом, по этим каталогам легко выбрать комплекс предметов из какого-то определенного района или, наоборот, найти аналогии интересующей вещи из других районов.

В целом необходимо подчеркнуть, что в Венгерском этнографическом музее придается огромное значение систематизации собранного материала, составлению сводных каталогов, картографированию предметов и т. д.

Обстоятельные указатели и справочники составлены или составляются к обширным фондам устного и музыкального народного творчества. Эта трудоемкая работа вполне оправдывает себя, так как в результате ее создается прочная фактологическая база для дальнейших научных исследований.

* * *

В задачу нашей непродолжительной поездки по стране (всего семь дней) входило также ознакомление с работой провинциальных краеведческих музеев и современным бытом венгерского крестьянства. Первый маршрут охватил южную и юго-западную Венгрию (г. Калоча, Печ, Сигетвар, сс. Сакмар, Хомокмедь и др.). Второй маршрут проходил по северной Венгрии (гг. Балашадьярмат, Эстергом, Вишеград, сс. Бернецебарат, Дрейтепаланк, Ноград, Сючи, Херемчи и др.). В поездке нас сопровождал сотрудник Этнографического музея Мандоки Ласло. Несмотря на кратковременность поездки, благодаря ее четкой организации со стороны Венгерской Академии наук, мы смогли многое увидеть и узнать.

В г. Калоча мы побывали в небольшом Музее народного искусства, который представляет собой обычный крестьянский дом, построенный в конце XIX в. Внутренние стены дома украшены народной росписью. Орнамент растительный. Стены расписаны женщинами — хранительницами народных традиций. Убранство дома полностью сохраняет интерьеры

крестьянских жилищ конца XIX — начала XX вв. Здесь же экспонируются изделия народного прикладного искусства (вышивка, керамические изделия), которые производятся артелями, объединяющей крестьянок окрестных сел. Часть продукции артели экспортируется в другие страны. Музей народного искусства, таким образом, является своеобразным пропагандистом народных традиций в изобразительном искусстве и одновременно исполхой рекламой для сбыта продукции артели.

Большое впечатление осталось у нас от осмотра богатых, прекрасно оформленных экспозиций Археологического музея в Пече — главном городе области Б́аранья (директор музея д-р Домбан Янош). Экспозиция целиком посвящена древнейшей и древней истории Б́араньи — центру бывшей римской провинции Паннонии. Область Б́аранья и особенно сам г. Печ, которому более 2000 лет, чрезвычайно богаты историческими памятниками древности. В области ведутся довольно значительные археологические раскопки. В музее представлены результаты раскопок исключительно местных археологов (д-р Домбан, д-р Пап и др.), однако значение выставки выходит далеко за пределы истории Б́араньи.

Экспозиции в музее построены по хронологическому принципу, причем каждому историческому периоду отведен отдельный зал, стены которого и стенды выполнены в определенном цвете. В расположении предметов, в оформлении схем и карт, существенно дополняющих выставку, много выдумки и изобретательности. Главные достоинства метода показа археологического материала в Песчом музее — доходчивость, логичность и чрезвычайная наглядность экспозиции.

Своими успехами археологическая наука в области Б́аранья обязана энтузиазму д-ра Домбан Я., который до последних дней своей жизни отдавал все силы любимому делу. Немало лет д-р Домбан посвятил изучению символики в изобразительном искусстве древних племен и народов. По его мнению, в узорах, которые первобытные художники наносили на керамические изделия, металл и т. д., они выражали свое представление о внешнем мире. Многие фигуры орнамента связаны, как утверждал д-р Домбан, со стихийными материалистическими представлениями наших предков, с их неосознанным пониманием поступательного развития окружающей жизни. Таким образом, почти каждый узор или его элемент, которые мы видим на предметах, добытых археологами, был символом, отображающим определенное отношение древних к какому-либо явлению природы или к одной из ее

закономерностей. Впоследствии эти символы, усложняясь, стали развиваться в геометрические фигуры, а утратив первоначальный смысл, превратились в абстрактную орнаментку, специфичную для каждого народа. Свои оригинальные взгляды, которые, кстати, поддерживаются далеко не всеми венгерскими археологами, д-р Домбай изложил в большой монографии, недавно выпущенной издательством Венгерской Академии наук¹.

Этнографический музей г. Печ имеет фонды, содержащие более 15000 предметов. Здесь собраны богатейшие коллекции по венгерской народной одежде, гончарному делу, замечательные образцы изобразительного искусства и т. д. Музей, однако, не имеет постоянных экспозиций. Так, во время нашего пребывания в Пече в залах музея была развернута выставка работ местных художников.

В г. Сигетвар мы осмотрели музей, расположенный в старинной венгерской крепости, основанной в XII в.

Город Балашадьярмат — центр расселения этнографической группы венгров *палочи*. Многие венгерские лингвисты и историки считают этнографическую группу палочи потомками половцев — куманов и на этом основании ищут в материальной и духовной культуре современного местного населения следы тюркского племени. Существует, однако, и другая точка зрения, согласно которой палочи — венгры, испытавшие сильное словацкое влияние. Само слово *палоч* по-словацки означает «светлый», «блондин». Сторонником этой последней точки зрения является д-р Монго Янош — директор Крайовского музея в г. Балашадьярмат².

В небольшом, но очень насыщенном и интересном этнографическом отделе этого музея мы осмотрели выставку народной одежды. Нам показался интересным метод показа этнографических материалов: на одной из стен зала была дана схематическая карта распространения различных типов одежды в области. Вместо родовых знаков на карте нарисованы мужчина и женщина в costume данного этнографического района. Здесь же в стеклянных шкафах установлены манекены, одетые в тот или иной тип одежды. Посетитель получает полное представление как о комплексе того или иного типа одежды, так и о его территориальном распространении.

¹ János Dombay. Die Siedlung und das Gräberfeld in Zengővárnagy (Beiträge zur Kultur der aeneolithus kunst in Ungarn), Budapest, 1960.

² János Mongó. Die Hochzeitsbräuche der Paloczen und ihre slowakischen Analogien — «Acta ethnographica», Budapest, t. VI, f. 1—2.

В гг. Вишеград и Эстергом мы ознакомились с историческими памятниками средневековья (дворец Арпадов в Эстергоме, дворец короля Матиаша в Вишеграде, развалины крестовых сооружений эпохи турецкого господства и др.).

Одновременно с изучением музейных фондов мы старались наблюдать, насколько это было возможно за столь короткое время, современную жизнь венгерского крестьянства, ведение хозяйства, занятия ремеслами, в частности, народным зодчеством.

Большинство венгерских сел, которые мы посетили, имеют правильную уличную планировку. Кроме одной магистральной улицы, по которой обычно проходит шоссе, все улицы узкие.

Планировка домов на первый взгляд довольно однотипна. Построены дома из саманного или жженого кирпича. И с внутренней, и с внешней стороны стены оштукатурены, а жилые комнаты пестро раскрашены традиционным народным орнаментом. Обычный крестьянский дом, построенный в прошлом веке, имеет сени (здесь же находится и кухня), откуда дверь направо ведет в чистую половину дома, палово — в «черную избу». В чистой половине налево от двери печь, покрытая керамическими плитками. Топка печи выходит в сени (кухню). Пол в большинстве домов глинобитный. Продолжением жилой части дома является кладовая. Далее в ряд к дому пристроены хозяйственные помещения для скота и хранения сельскохозяйственного инвентаря. Крыша дома двухскатная, с высоким коньком. На чердаке хранится зерно, мелкие сельскохозяйственные орудия и т. д. Особенностью подавляющего большинства крестьянских домов в Венгрии является открытая терраса, построенная во всю длину дома. Террасы эти отделаны напоминают узбекские айваны. Крыша террасы держится на каменных или деревянных колоннах. На некотором расстоянии от дома имеется еще одна кирпичная постройка — конюшня.

Обязательной принадлежностью почти каждого двора является колодец с журавлем. Двор — открытый. Обычно сразу же за хозяйственными постройками начинаются виноградник или поле.

Этот старинный тип планировки крестьянского жилища во многих селах сохраняется и поныне, однако если в домах, построенных 70—80 лет тому назад, маленькие окна, расположенные невысоко от уровня земли пол и низкий, едва ли не в рост человека, потолок, то

Рис. 4. Типичный прием застройки венгерской деревни (вид сверху).

в недавно построенных домах большие стандартные окна, высокий фундамент и т. д.

Более современные дома, которые начали строить лет 10—15 тому назад, имеют уже другую планировку. Из небольшой прихожей одна дверь ведет прямо в кухню, дверь направо — в жилые помещения, которые состоят из двух смежных комнат. Таким образом, в отличие от домов со старой планировкой, здесь кухня выделена в особое помещение, а жилые комнаты сделаны смежными. Топка печи, расположенная в простенке между двумя комнатами, выходит в кухню. Из кухни есть вход в кладовую, которая, как и в домах старого типа, является продолжением жилой части дома. Характерно, что традиционных террас у этих домов уже нет.

В последние годы в селах Венгрии немало домов строится по типовым проектам, разработанным в городских проектных организациях. Обычно это кирпичный дом из трех комнат и кухни. Пол расположен высоко от земли, выложен керамическими плитками. Окна стандартные. Крыша четырехскатная, крытая черепицей или листовым железом.

Весьма разнообразны типы женской национальной одежды в Венгрии. Даже в пределах одной области (в горном районе Бёржень, например) праздничные костюмы крестьянок соседних сел различны. Наряды девушек и молодых женщин богато украшены яркой вышивкой.

О ЯЗЫКОВЕДЧЕСКОЙ РАБОТЕ В ВЕНГРИИ

Как известно, вся филологическая работа в Венгрии направляется Отделением языка и литературы Венгерской Академии наук (академик-секретарь Немет Дьюла). Высшим координирующим центром тюркологической деятельности (в ее лингвистической части) являются Венгерское лингвистическое и Венгерское ориенталистическое общества, имеющие свои печатные органы «Acta linguistica» (редактор — академик Немет Дьюла) и «Acta orientalia» (редактор — академик Лигети Лайош). Кроме них издается специальный журнал по венгерскому языку «Magyar Nyelv» под редакцией академика Паиша Дежё. Основные научные учреждения — Институт языкознания ВАН и Институт тюркологии и древней истории Венгрии Будапештского университета имени Лоранда Эвтыша.

Институт тюркологии (директор — профессор Немет) состоит из 2 кафедр: тюркологии (зав. кафедрой — он же) и османистики (зав. кафедрой — профессор Фекете Ласло). Сотрудники первой из них в составе 6 преподавателей, 1 аспиранта и 10 студентов заняты изучением тюркской филологии, прежде всего турецкой. Еще более скромный персонал второй кафедры посвятил себя исследованию в области османской истории и палеографии, видным специалистом которой является профессор Фекете Л.

За коллективом работников института закреплена официально одна тема, которую возглавляет профессор Немет — «Библиография советской тюркологии» (издание на русском языке). В работе принимают участие кандидат филологических наук Хазан Дьёрдь и несколько нештатных сотрудников (лаборантов). К весне 1959 г. было собрано до 2000 названий работ по тюркской лингвистике, этнографии и истории. Башкироведческая часть этого собрания выглядела в то время еще неполной, однако по возвращении в СССР мы выслали, по

чительной степени не являются официально плановыми.

Институт языкознания ВАН (директор — академик Немет) объединяет в своем составе 7 секторов: венгерского языка, угро-финского языкознания, диалектологии, толкового словаря, словаря венгерского языка, иностранных языков и экспериментальной фонетики (с лабораторией). Тюркологические исследования

Рис. 5. Улица в с. Сакмар.

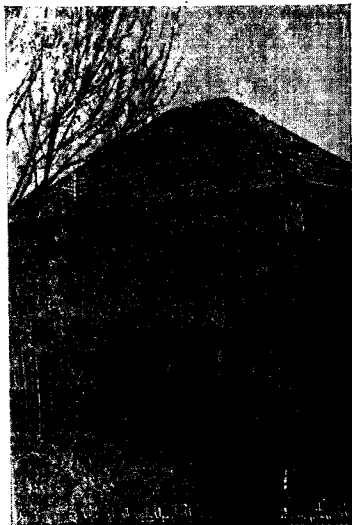

Рис. 6. Тип дома новой планировки, часто встречающийся в сельских районах республики; на переднем плане крестьянки в будничной одежде.

просьбе венгерских коллег, некоторые недостающие в этой части материалы. Выпуском в свет данной библиографии Будапешт делает серьезную заявку на то, чтобы стать одним из координирующих центров международной научной информации в области тюркологии¹.

Остальные сотрудники института трудятся над индивидуальными темами, которые в зна-

в секторах, как видно, не ведутся. Всего в институте 55 научных сотрудников, в том числе 2 академика, 1 профессор и несколько кандидатов наук. Их обслуживают 15 научно-технических сотрудников и значительное число нештатных работников. Нам были показаны некоторые результаты исследований в области составления диалектологического атласа венгерского языка и отдельные приемы лексикографической работы.

Венгерские диалектологи пользуются в экспедиционных исследованиях вопросниками

¹ В настоящее время этот капитальный труд под общим названием «Sovietico-Turcica» вышел в свет в серии «Bibliotheca Orientalis Hungarica» (Budapest, 1960).

и небольшими альбомами с иллюстрациями, отпечатанными типографским способом и считающимися в общей сложности несколько тысяч пунктов из области фонетики, морфологии и лексики (образцы таких вопросников, любезно преподнесенные нам руководством института, мы передали Сектору языка ИИЯЛ БФАН СССР).

Лексикографическая работа осуществляется с помощью ротатора, причем методика ее в общих чертах совпадает с таковой же, применяемой у нас.

К сожалению, специально интересовавшая нас «кыпчакская» проблематика в исследованиях венгерских тюркологов, хорошо известная по довоенным трудам Немета Д., Телегди Ж. и других, в настоящее время почти не разрабатывается, если не считать весьма интересных, но в основном узко топонимических штудий профессора Рашоньи Ласло¹.

Поэтому и башкироведческая традиция в венгерском языкознании, представленная в прошлом известными сочинениями Вамбери Армина, Прёле Вильмоша, Месароша Дьюлы и других, к сожалению, в наши дни почти не продолжается, сравнительно медленно пополняясь новыми работами и именами их авторов. Правда, венгерские лингвисты проявляют значительный интерес к современному состоянию башкирского языкознания и к его отдельным достижениям. Так, в Венгрии высоко ценят «Граматику башкирского языка» члена-корреспондента АН СССР Н. К. Дмитриева, хорошо знают работы других советских башкироведов, живо интересуются довольно регулярно поступающими из Советского Союза новинками литературы по башкирскому языку, в частности «Башкирско-русским словарем».

Венгерские коллеги показали свое искреннее желание организовать систематический книгообмен с Башкирским филиалом Академии наук СССР, передав в его адрес несколько весьма ценных изданий и выразив готовность присылать все новые книги и журналы, интересующие башкирских филологов и историков.

Оценивая состояние и уровень венгерского языкознания в целом, следует иметь в виду, что исследования в области лингвистики (преимущественно по тюркским и угорским языкам), как и прежде, до установления народной власти в Венгрии, занимают наибольший удельный вес среди других гуманитарных

наук. Однако беседы с ведущими языковедами — академиками Неметом, Лигети и другими, а также с молодыми учеными, создали у нас впечатление, что лингвистическая наука в Венгрии, несмотря на ряд несомненно крупных конкретных достижений, продолжает развиваться в значительной мере в рамках традиционных канонов. Особенно популярно увлечение многих исследователей вопросами происхождения отдельных слов и т. п. при весьма ограниченном количестве обобщающих работ.

Рис. 7. Венгерская крестьянка в праздничном наряде.

В заключение мы считаем своим приятным долгом отметить тот исключительно радушный прием и в Будапеште, и в провинции, который был оказан нам, представителям советской науки и советским гражданам, со стороны самых различных слоев народа братской социалистической страны.

¹ См., например, L. Rásonyi «Les noms toponymiques Gomanes du Kiskunság» — «Acta linguistica», Budapest, 1957, t. VII, fasc. 1—2.

БИБЛИОГРАФИЯ
ОСНОВНЫХ РАБОТ ПО ВЕНГЕРСКОМУ БАШКИРОВЕДЕНИЮ

Ború Urísi. Besprechung von: Fahrtdin G. Basqurt Tarihi. Kazan, 1925 — Ungarische Jahrbücher VI (1926) 159—161.

Hunfalvy Pal. Magyarország Ethnographiaja. Budapest, 1876, 554 s. (Baskirok, 335—336).

Lach R. und Jansky F. H. Gesänge russischer Kriegsgefangenen. II. Türkatarische Völker. 2. Baschkirische Gesänge. Wien, 1939, 121 S.

Melich János. A baskir-magyar rokonság. — Magyar Nyelvőr. 1901. XXX, 28,1.

Mijatev Peter. Beiträge zur Erklärung der Baschkirischen Stammesnamen. Budapest, 1931, 48 S.

Némäti Kál. án. Nagy-Magyarország baskir titka. 1901.

Németh Gyula. Magna Hungaria. Leipzig — Wien, 1921, 92—98.

Quidam Hungarus. Die ON. *Ung* und *Csap* bedeuten in der baschkirischen Sprache: *rechts* und *links* — Nemzeti Kultura II (1934) 114—115.

Rásonyi László. Contribution à l'histoire des premières cristallisations d'Etat des Roumains. L'origine des Basaraba. Budapest, 1936, 38 p. (basqurt — p. 15).

Rásonyi Nagy L. Zu den türkischen Eigennamen mit Beziehungen zum landnehmenden Ungarn. — Magyar Nyelv, XXVIII (1932) 100—105.

Vámbéry Armin. A török faj ethnologiai és ethnographiai tekintetben. Budapest, 1885 (III. Baskirok, 592—617; VI. Mescerek és tepterek, 618—625).

Wastl J. Archiv für Rassenbilder. 2. Baschkiren. München, 1926.

Wastl Josef. Baschkiren. Ein Beitrag zur Klärung der Rassenprobleme Osteuropas. Wien, 1938, 106 S.

Примечание составителя. В настоящий список не включены труды, известные авторам еще до их поездки в Венгрию, равно как и уже цитированные в отчете о научной командировке (Т. Г.).

Т. М. ГАРИПОВ, Р. Г. КУЗЕЕВ

„БАШКИРО-МАДЬЯРСКАЯ“ ПРОБЛЕМА*(Краткий обзор основных источников)*

Этногенез башкир принадлежит к числу наименее изученных и наиболее сложных проблем современной исторической науки. До настоящего времени остаются нерешенными вопросы о составе, территории обитания и соотношенности между собой во времени тех древних племен, которые положили начало башкирскому этносу. Еще более неясным остается вопрос о степени участия представителей различных языковых общностей в процессе сложения башкирской народности.

По этому поводу в науке не утихают споры и разногласия на протяжении по крайней мере двух последних столетий. В ходе этой дискуссии десятки ее участников образовали как бы два лагеря — защитников гипотезы о тюркском происхождении башкирского народа и сторонников угорской теории этногенеза башкир.

В прямой связи с этой последней и возникла так называемая проблема башкиро-мадьярского родства, или, как ее чаще именуют, «башкиро-мадьярская» проблема. В главных своих чертах она сводится к следующему.

Известно, что первые письменные упоминания о башкирах, как определенном этническом образовании, относятся к 922 г. н. э. Уже тогда их принадлежность к тюркам не вызывала сомнений — во всяком случае, у автора этих сведений, Ахмеда ибн-Фадлана, эмиссара багдадского халифа ал-Мухтадира¹. Позднее (в 1073/1074 г.) в энциклопедическом «Словаре

тюркских языков» известного филолога восточного средневековья Махмуда ал-Кашгари башкиры со всей определенностью назывались среди 20 «основных» тюркских народов, а язык башкир безоговорочно причислялся к тюркским¹. С тех пор многие поколения исследователей принимали за непреложный факт достоверность этих и аналогичных им указаний ал-Масуди (X в.), ал-Балхи (X в.), Идриси (XII в.), Якута (XIII в.), Казвини (XIII в.), Рашид-ад-Дина (XIII—XIV вв.) и других данных. Как мы увидим далее, вполне подтверждаются они и доказательствами современной науки, особенно лингвистики.

Что же касается происхождения и древнейшей истории венгров, то сведения об этом весьма скудны и достаточно противоречивы.

Собственно письменная история венгерского народа начинает создаваться с «эпохи завоевания отчизны», т. е. с конца IX в. н. э. Однако очень незначительное число сохранившихся источников (свидетельства путешественников средневековья, древние венгерские хроники и др.) позволяют проследить, правда очень отрывочно, историю древних венгерских племен за несколько предшествующих столетий. Есть основание предполагать, что в самом начале I тысячелетия н. э. крайний восток Европы, т. е. приблизительно территория Западного и Южного Приуралья, включая обширные заволжские степи, населяли угорские (древне-венгерские) племена. Примерно в середине I тысячелетия основная часть древневенгер-

¹ А. П. Ковалевский, Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 г. Стат., переводы и комментарии, Харьков, 1956, стр. 130.

¹ Махмуд Кошгари, Туркий сузлор девони (Девону луготит Турк), Тошкент, 1960, I том, 66 б.

ских племен, подхваченная волной «великого переселения народов», двинулась в путь, который, заняв несколько столетий, завершился далеко на западе. Маршрут, выбранный древними венграми для своего продвижения, остался неизвестным. Дискуссия, которая велась по этому вопросу между Н. Я. Данилевским и К. Я. Гротом в конце XIX в., в сущности так и не завершилась¹. Достоверно лишь известно, что в начале IX в. сильно трансформировавшиеся от долгого соприкосновения с тюркскими и иранскими племенами мадыарские племена кочевали в Лебедни — стране, точное местонахождение которой также пока еще нельзя считать окончательно установленным. Затем они были зафиксированы в Этелькёзе, этой предпоследней стоянке перед окончанием великого пути, и, наконец, после ожесточенной схватки с древними насельниками плодородной Дунайской котловины — славянами и аварами венгерские кочевники прочно осели на территории своей нынешней родины.

Что же случилось с теми древневенгерскими племенами, которые не пошли на запад, а остались в Предуралье? Судя по теперешнему состоянию этнического расселения в этом обширном районе, они должны были постепенно раствориться в составе древнетюркских племен, населявших эту территорию по крайней мере с конца первой половины I тысячелетия н. э., и прежде всего тех из них, которые впоследствии составили основное этническое ядро башкирского народа. Но процесс этот, если данное предположение верно, развивался крайне медленно и еще в первой половине XIII в. за Волгой жили люди, говорившие по-мадыарски.

Там их обнаружил венгерский монах Юлиан, который дважды (в 1235—1237 и 1237—1238 гг.) предпринимал рискованные путешествия на Восток с целью найти своих соплеменников и обратить их в христианство. Выйдя в путь из одного доминиканского монастыря в Венгерском королевстве, Юлиан с невероятными лишениями достиг Булгарского царства, где на р. Этыль (Итиль, Идель, Изел) встретил кочевавших там восточных венгров, которые могли объясняться с ним на своем родном языке². Столь успешно завершившийся первый визит побудил Юлиана ко второму путешествию, но оно оказалось безрезультатным из-за разразившегося монгольского нашествия. Таким образом, Юлиан остается не только первооткры-

вателем, но и единственным очевидцем «Великой Венгрии» (Hungaria Major), так как другие миссионеры — доминиканец Отто, мнорит Иоганна Венгр и другие получили о ней сведения опосредованным путем. Но Юлиан, вернее Рихард, составивший описание его путешествий, ничего не сообщил о башкирах — скорее всего потому, что он до них не добрался. С другой стороны, никто больше, кроме Юлиана, никогда не встречал восточных венгров, что не удивительно, ибо пронесшийся из Азии монгольский смерч быстро развеял малочисленные группы мадыарских кочевников.

Отсюда весьма вероятной представляется возможность всякого рода преувеличений и домыслов (в том числе и идентификация башкир с венграми), которые допускали в своих сообщениях последующие авторы, лично с представителями упомянутых народов не сталкивавшиеся и выдававшие за свои наблюдения лишь различные слухи или нечеткие представления случайных информаторов. Все это не могло не внести (и действительно внесло) в историческую науку множество несобязанных противоречий и произвольных толкований, связанных с изучаемым вопросом.

Особенно большую путаницу вызвали путевые записки западноевропейских воителей середины XIII в. — католических миссионеров Плао Карпини, Бенедикта Полония и Гильома де Рубрука.

Как доказано последними изысканиями историков, Карпини и Бенедикт, а тем более Рубрук, проехали на несколько сот километров южнее страны, которую они в своих записках называли то Баскарт, то Баскурд, то Паскати, во всех трех случаях отождествляя ее с Великой Венгрией. Не могли знать они и разговорной речи тамошнего населения, чтобы делать широковещательные заявления о тождестве языков башкир и венгров. Стало быть, мы имеем дело в данном случае с типичными для средневековой науки компилятивными методами умозрительных заключений и абсолютной некритическим использованием источников.

Тем не менее эти шаткие основания впоследствии, уже в новейшую эпоху, дали некоторым ученым повод выступить с серией догадок и предположений об определенной общности древних башкир и мадыар. Прежде всего это относится к известному семитологу академику Д. А. Хвольсону. В своем труде «Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадыарах, славянах и русах Абу-Али Ахмед-бен-Омар ибн-Дастан» (СПб., 1869) на основе сугубо филологического анализа этнонимов *башкорт* и *мадыар* в сочинениях восточных авторов от Ибн-Руста (X в.) до Шокраллаха (XV в.)

¹ Н. Я. Данилевский и К. Я. Грот, О пути мадыар с Урала в Лебедни, СПб., 1883.

² См. С. А. Аннинский, Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе, «Исторический архив», III, М.—Л., 1940, стр. 81.

Д. А. Хвольсон пришел к выводу об их идентичности в форме *баджард* для обозначения группы угорских племен, обитавших на Южном Урале и впоследствии разделившихся на две ветви. Автор полагал, что одна из них двинулась на запад и, сохранив свой язык, дала начало мадьярской народности, а другая осталась на месте и постепенно «отгоречилась», составив ядро современных башкир.

Сходные точки зрения высказывали в разное время и другие историки и филологи прошлого, например Ф. Страленберг, И. Фишер, В. Гумбольдт, М. Кастрен, И. Н. Березин, М. К. Уйфальви, А. Вамбери, Д. Месарош и др.

Отдельные сторонники угорской теории имеются и в наши дни. Так, в изданной в 1958 г. книге «Этнография народов СССР» профессор С. А. Токарев пишет, что «башкиры относятся к угро-финским по происхождению народам, ближе всего стоящим к венграм, но впоследствии тюркизированным»¹. К сожалению, еще менее убедительным выглядит утверждение и другого апологета этой теории, редактора нового издания записок Карпини и Рубрука, Н. П. Шастинной: «Согласно новейшим исследованиям, между средневековыми башкирами Приуралья и венграми существует племенное родство. Под напором кочевых народностей часть башкир ушла на запад и осела в Венгрии, оставшиеся же башкиры смешались с турками и монголами, потеряли свой язык и в конце концов дали совсем новую этнически народность, называвшуюся также башкирами»².

Наша задача состоит в том, чтобы на основе обзора новейших достижений отечественной и зарубежной науки попытаться наметить пути, в направлении которых, на наш взгляд, надо работать, чтобы найти удовлетворительное решение изложенной проблемы.

Для удобства восприятия и в целях сохранения последовательности в рассуждениях уместно расположить основные группы источников по соответствующим смежным дисциплинам, как-то: история в широком смысле слова (с археологией и этнографией), антропология и языкознание.

В обобщенной форме интересующие нас сведения содержатся в изданных за последние годы трудах по древней истории Башкирии, а также в некоторых статьях, затрагивающих отдельные вопросы башкиро-мадьярского этнического взаимодействия. Сюда относятся,

прежде всего, «Очерки по истории Башкирской АССР», том I, часть первая (Уфа, 1956) и прилагающаяся к ним работа профессора А. П. Смирнова «Железный век Башкирии» (МИА, 58). Из них следует, что при современном состоянии изучения древнейшего периода башкирской истории можно лишь с большей или меньшей степенью достоверности констатировать, какие этнические образования и в какой последовательности сменяли друг друга на территории исторической Башкирии за последние три тысячелетия.

Об этно-культурной принадлежности древних насельников Башкирии и вообще Приуралья можно говорить, и то со значительной долей предположения, лишь начиная с эпохи бронзы, т. е. применительно к тем этническим комплексам, к которым принадлежали носители так называемых срубной, андроновской, абашевской, ананьинской (и ее локального варианта — уфимской) культур.

Археологи относят предшественников этих, равно как и последующих, культур, возникших уже в эпоху железа, по крайней мере к трем большим языковым общностям: индоевропейской (в частности, иранской), финно-угорской и, позднее, тюркской. Таким образом, территория Башкирии издавна явилась ареной постоянных и многочисленных контактов между разноязычными этническими группами, часть из которых в дальнейшем вошла в состав племен, положивших начало башкирскому этносу. Следы этого длительного и во многом противоречивого процесса мы обнаруживаем во многих элементах материальной и духовной культуры башкир, а также, что еще более показательно, в самом башкирском языке. Известно, например, что топонимика отдельных районов Башкирии, особенно на северо-западе республики, имеет сходные черты с географическими названиями обширного Волго-Окского бассейна, большая часть которых финно-угорского происхождения³. С другой стороны, заслуживает внимания гипотеза Н. К. Дмитриева, сближавшего ряд фонетических особенностей башкирского языка, например, наличие интердентальных спирантов *ʒ* и *ʃ*, переход *с* в *h* и др., с аналогичными явлениями в иранских языках. Таким образом, в современном башкирском языке можно проследить вполне определенные субстратные (а может быть, и суперстратные) слои, восходящие к указанным разнородным языковым воздей-

¹ С. А. Токарев, Этнография народов СССР, М., 1958, стр. 173.

² Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука, М., 1957, стр. 211.

³ Serebrennikov B. Ortsnamen der Wolga-Oka-Gegend im europäischen Teil der Sowjetunion — Acta Linguistica, Budapest, 1956, t. VI, fasc. 1—3. (Резюме на русском яз.: «Волго-Окская топонимика на территории Европейской части СССР»).

ствиям. Впоследствии из них выкристаллизовались основные черты его структуры, относящейся, бесспорно, к тюркской типологии.

К сожалению, привлекаемый исследователями фактический материал еще настолько скуден и неравноценен, что основывать на нем какие-либо окончательные суждения об этногенезе башкир представляется преждевременным. Между тем многие из предпринимавшихся попыток разрешения этого сложнейшего вопроса страдали именно такой слабой аргументированностью, односторонним подходом к изучаемой проблеме, недоучитыванием всего комплекса данных, добытых с помощью смежных наук. Таковы были бесплодные поиски «прародины» башкир (чаще всего в Зауралье и Прииртышье) или весьма любопытные догадки (но остающиеся только догадками) о существовании некоего мифического «прарода» в лице геродотовских аргиппеев, тиссагетов, ирков и т. п.

Все эти высказывания обеднялись еще и тем, что были ограничены лишь ранними этапами этногенеза башкир и не учитывали решающей роли его поздних периодов, датированных уже первой половиной II тысячелетия н. э. В частности, не был достаточно принят во внимание такой решающий, на наш взгляд, фактор в становлении башкирской народности, как проникновение в Приуралье многочисленных кыпчакских племен, оставивших неизгладимый след в дальнейшем формировании как башкир, так и других тюркских народов Поволжья и Приаралья. В этой связи следует отметить, что принадлежность кыпчаков и древних башкир к одной и той же языковой общности и сходство их основных способов ведения хозяйства (очевидно, кочевого) существенно сказались на интенсивном внедрении кыпчакского компонента в башкирскую среду — порой настолько, что они становятся трудно различимыми. (Заметим в скобках, что если бы башкиры принадлежали бы происхождению исключительно к угорским племенам, такое эффективное взаимопроникновение не имело бы места — ведь не случает тот факт, что наука не знает ни одного «тюркизированной» угорского народа на всем огромном пространстве Дешти Кыпчак.)

В то же время нельзя недооценивать и некоторого участия угорского (в данном случае древнемадьярского) этнического элемента в окончательном оформлении башкирских племен. Тесное соседство и контактирование древних башкир с мадьярами в течение ряда столетий как раз и привело упомянутых выше поверхностных наблюдателей из числа современников этого длительного процесса к смеще-

нию и даже отождествлению обеих народностей.

Наиболее строгую и убедительную критику взглядов об идентичности башкир и мадьяр мы находим в солидно аргументированной и логически последовательной работе венгерского историка Переньи Йозефа «К вопросу о Великой Венгрии»¹. В ней автор детально излагает историографию вопроса в венгерской науке. Большинство отечественных исследователей, пишет Переньи, видит в восточных венграх потомков тех народностей, которые в конце IX в. из-за быстрого и неожиданного нападения печенегов оторвались от основной массы союза венгерских племен, расположенной в Етелькёзе, и ушли на запад. Некоторые же полагают, что восточные венгры отделились еще в VI—VII вв., когда все мадьяры жили в Башкирии. С этой трактовкой неразрывно связано довольно твердо установившееся мнение «Великая Венгрия = Башкирия», которое воспринимается теперь как едва ли не столетняя догма в венгерской исторической науке. Упоминанное отождествление является именно тем краеугольным камнем, на котором зиждется теория башкиро-венгерского родства, против чего и выступает в своей работе автор.

Главный огонь критики Переньи Й. сосредоточил на отмеченных выше записках папских послдов (Карпини и Рубрука), которые впервые дали повод для отождествления «Великой Венгрии» с Башкирией. С доводами автора трудно не согласиться. Действительно, и Карпини, и Бенедикт, и Рубрук пользовались в пути указаниями предшественников, т. е. Юлиана и Рихарда. Но к тому времени никто уже не знал о судьбе самостоятельного племени восточных венгров, так как они вошли в состав этнически смешанного государства волжских булгар. От своих же информаторов папские миссионеры слышали о существовании неизвестных для себя доселе башкир, которые жили рядом с булгарами. Помня, что Юлиан из Булгарии попал к соседним венграм, Карпини «просто» отождествил последних с башкирами, чем по средневековым масштабам не совершил большой ошибки, но очень затруднил работу потомкам. Бенедикт же попросту заимствовал это «открытие» у своего метра. Наконец, Рубрук, по мнению Переньи Й., в своих записках свел воедино данные Рихарда (о том, что у венгров нет городов) и Карпини (о тождестве языков), после чего сделал собственный вывод о происхождении дунайских венгров от «пакхатир». О методе подобной работы Рубрука

¹ Perenyi József, A Magna Hungaria kérdéséhez. — Magyar Nyelv. Budapest, 1959, LV. évf. 3(411) és 4(412) szám.

наглядно говорит и то, что рядом с Башкирией он поместил и Валахию, откуда соответственно произвел... румын. Этим критическим исследованием источников, связанных с записками папских послдов, автор доказывает полную несостоятельность сообщений Карпини, Бецедикта и Рубрука по интересующему нас вопросу.

Во второй части статьи Перенья И. обращается к следующей группе источников — на этот раз восточного происхождения. Он выделяет среди них «Тайную историю монголов» (1240 г.), в которой башкиры (Batschigit) и мадьяры (Matscharat) четко дифференцированы между собой. Но уже жившие при дворе монгольских владык персидские историографы Джоейши и, особенно, Рашид-ад-Дин в своих сочинениях «подправляют» папзанный источник и переселяют в первом случае башкир на Дунай, а во втором — объединяют западных и восточных венгров в один народ.

В заключение Перенья И. называет в качестве надежных и достоверных источников для определения точного местоположения «Великой Венгрии» записи Юлиана и Рихарда, а также русские летописи. Из них явствует, что Юлиан вообще не перешел Волгу¹ и отыскал мадьяр на ее правом берегу, южнее устья Камы, в районе Тетюшей, где около 1552 г. упоминалось о можарах, т. е. потомках венгров Юлиана. Башкиры же в то время жили на территории, во многом совпадающей с современной, т. е. в бассейне Белой. Следовательно, границы «Великой Венгрии» можно было бы постулировать как Волга на востоке и страна мордвинов на западе.

Обратимся к данным антропологии. Здесь на первый план выдвигаются хорошо известные работы советского этнографа С. И. Руденко и ряда венгерских антропологов, в первую очередь д-ра Липтака П.

Профессор С. И. Руденко касается интересующего нас вопроса в двух изданиях своей монографии «Башкиры»². В первом из них автор устанавливает, что многие черты господствующего физического типа башкир, особенно в юго-восточной половине Башкирии, общи с типом населения ближайшей части Средней Азии (интенсивная пигментация, средний или немного ниже среднего рост, ко-

ротоголовость, наклонность к широколинейности).

Смешанная же пигментация, средний или немного выше среднего рост, весьма умеренная короткоголовость и относительная узколицесть северо-западных башкир, по мнению С. И. Руденко, есть результат примеси соседей, говорящих ныне «на языках турецкого и финского корня». В последующем издании своей работы С. И. Руденко, обобщая эту характеристику, пишет: «... не может быть и речи о едином типе, характерном для всех башкир. Народ этот образовался... в результате смешения разнородных, как европеоидных, так и монголоидных племен» (стр. 330).

С другой стороны, мы располагаем весьма интересной работой по антропогенезу мадьяр, принадлежавшей перу венгерского исследователя Липтака П.¹ Автор на основе изучения многочисленного (всего несколько десятков находок) краниологического материала эпохи завоевания и установлений советских ученых Г. Ф. Дебца, Т. А. Трофимовой, В. В. Гипзбурга, М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова приводит к следующему выводу:

«Важнейшим элементом расы древних венгров-завоевателей был южносибирский (или туранский) тип, который представлен в находках почти до 50%. Непосредственно за ним следует уральский (угорский или европеосибирский) тип, составляющий свыше 20%. Кроме того, продолжает Липтак П., есть основание предполагать и наличие памирского (памиро-ферганского) типа. Балтийские элементы... сыграли только второстепенную роль Среднеазиатский монголоидный элемент также не был существенным компонентом...

Туранская или южносибирская (с переднеазиатским арменоидным элементом) разнородность тюркского компонента венгров принадлежит к европеоидному типу с переходом к монголоидному, а уральский (европеосибирский) тип связан с угорским компонентом. У венгров — завоевателей страны преобладает туранский элемент по сравнению с уральским, из чего можно заключить, что к венграм угорского происхождения с течением времени примыкали тюркские племена, превышавшие в численном отношении угорские элементы, без того, чтобы венгерский народ потерял свой исконный язык»².

Из сопоставления данных, полученных двумя авторами, можно заключить, что хотя пами-

¹ Здесь Перенья И. солидаризируется с известным специалистом по данному вопросу — Бромбергом (см. его критическое сочинение «Zur Geographie der Reisen des Dominikaners Julian». — Anzeiger der FuF, XXVI, S. 60—73).

² С. И. Руденко, Башкиры. Опыт этнологической монографии, часть I, Пгтр. Физический тип башкир, «Записки ИРГО», т. 43, вып. I, Пгтр., 1916; Он же, Башкиры. Историко-этнографические очерки, М.—Л., 1955.

¹ Lipták Pál, An anthropological survey of magyar prehistory.—Acta linguistica, Budapest, 1954, t. VI, fasc. 1—2, pp. 133—170. (Резюме на русском языке «Антропологический очерк этногенеза венгерского народа».)

² Там же, стр. 169.

более распространенные антропологические типы древних мадьяр и башкир в ряде моментов обнаруживают некоторое сходство, в целом говорить об общности происхождения расовых признаков обоих народов не приходится. Необходимо, однако, иметь в виду, что было бы весьма актуальным продолжить и углубить антропологическое изучение башкир, что позволит более убедительно обосновать высказанное мнение.

Остановимся на третьей группе доказательств, добытых с применением лингвистических методов. Частично об этом говорилось при оценке смешанного состава башкирского языка. К сказанному можно было бы добавить замечание о ряде известных заимствований из угорских языков в области башкирской родоплеменной ономастики: *Нанэй* (венг. *Jenő*), *Юрматы* (*Gyarmat*), *Булар* (*Bular?*), *Тазлар* (*Tazlar*), *Унгар* (*Hungar*) и др.

Однако следует подчеркнуть со всей определенностью, что сам по себе факт лексического заимствования, хотя бы и весьма обильного, в языкознании далеко еще не означает идентичности или скрещенности языков. Критерием здесь служит взаимопроникновение элементов их структур в сфере фонетики и особенно грамматики, что применительно к башкиро-мадьярскому языковому взаимодействию остается совершенно недоказанным¹.

Равным образом установленное в венгерской лексике довольно значительное количество жизненно важных понятий тюркского происхождения (учитывая проделанный ими многотысячakilометровый путь, необязательно возводить их непосредственно к башкирскому источнику; скорее всего это результат кипчакского влияния) отнюдь не колеблет общего тезиса о независимом происхождении и спонтанном развитии каждого из двух языков. Об этом убедительно говорят и приведенные в монографии «Венгерский язык» видного советского финно-угриста профессора К. Е. Майтинской примеры тюркских заимствований. Воспроизведем некоторые из них: *хорок* "песок" (ср. башк. *ком* в том же значении), *szél* "ветер" (башк. *ел*), *sár* "грязь" (*сун-сар мусор*"), *kút* "колодец" (диал. *коток*), *balta* "топор" (*балта*), *orso* "веретено" (*орсок*), *büza* "пшеница" (*бойзай*), *arpa* "ячмень" (*арпа*), *dara* "мавная крупа" (*тары* "просо"), *borso*

"горох" (*борсок*), *bors* "черный перец" (*борос* "перец"), *alma* "яблоко" (*алма*), *kender* "копля" (*кундер*), *torma* "хрен" (*торма* "редька"), *bika* "бык" (уст. *буга* "бык"), *tyúk* "курица" (*тауык*), *vátor* "храбрый" (*батыр*, "храбрец"), *tanu* "свидетель" (*танну* "опознать") и др.¹

Все эти слова представляют собой сравнительно поздний пласт в венгерском языке, проникший в него тогда, когда уже формирование как имманентной системы уже определилось. Это обстоятельство совершенно опровергает теорию тюркского происхождения венгров, а тем самым и угорского происхождения башкир.

В данной связи уместно ознакомиться с методикой работы самих венгерских лингвистов в области этногенеза мадьяр.

Наиболее отчетливо это видно на примере весьма содержательной работы Хайду Петера «К этногенезу венгерского народа»². Автор широко применяет в ней так называемый «биогеографический» метод, заключающийся в учетывании географического размещения всех совпадающих для финно-угорских языков названий животных и растений и, соответственно, неучитывания несовпадающих слов. Опираясь на этот метод, Хайду П. показал, что наиболее древние языковые корреляты обозначают только тех животных и растения, которых нет в Сибири, но которые наличествуют в Прикамье и Среднем Поволжье. Из этого делается вывод, что угорская этническая и языковая общность возникла не в Азии, а в Восточной Европе. Правда, автор усматривает угорское этническое ядро и в башкирской народности, так как она сложилась в таковую на части территории «прародины» угров, но это положение аргументировано явно недостаточно.

Чтобы показать, насколько предыдущий вывод является субъективным мнением его автора, приведем высказывание патриарха венгерской лингвистики Гомбоца Золтана, с которым солидаризируется большинство современных исследователей: «Теория башкиро-венгерского родства — предание, в научном отношении лишенное всякой основы»³.

Итак, языки венгров и башкир, принадлежащие к двум разным семьям, не дают сколь-

¹ К. Е. Майтинская. Венгерский язык, часть I. Введение. Фонетика, морфология. М., 1955, стр. 12.

² Acta linguistica, Budapest, 1953, t. II, fasc. 3—4; см. также Vértés Edit. Randbemerkungen zu den neuesten Forschungen auf dem Gebiete der ungarischen Vorgeschiede. Ibid., 1954, t. IV, fasc. 3—4. (Резюме на русском языке: «Заметки к новейшим исследованиям в области древнейшей истории венгерского народа»).

³ Gombocz Zoltán. A magyar őshaza és a nemzeti hagyomány — Нук. XLVI. 31.

¹ К моменту написания данной статьи автор не располагала интересной работой финского алтаиста М. Рясилена «Gibt es im Baschkirischen etwas Ugrisches?» (Acta orientalia, Budapest, 1960, t. XII, fasc. 1—3, S. 73—78), в которой достаточно авторитетно отрицается идея башкиро-мадьярской языковой общности.

ко-нибудь доказательной основы для теории башкиро-мадярского родства. В то же время в словарном запасе каждого из них содержится немало элементов, свидетельствующих об их довольно тесном сосуществовании в течение ряда веков. Но от сосуществования языков до единого глоттогенеза — «дистанция огромного размера».

* * *

Этим можно было бы закончить наш обзор, но нам представляется целесообразным попытаться хотя бы в первом приближении набросать картину мадяро-башкирского этнического взаимодействия в его истории.

Среди целого ряда гипотез о территории и времени формирования угорской этнической общности наиболее аргументированным, на наш взгляд, является мнение Л. Р. Кызласова, который пишет: «К раннетагтыкскому времени (Изыкский этап) в пределах Хакасско-Минусинской котловины сложилась угорская этническая группа племен»¹. Сложение этой общности начинается в конце III в. до н. э., «если не считать прямых предков (угров) — тагарских диглинов (VIII—III вв. до н. э.), говоривших на угорском языке»².

Уже в середине I в. н. э. угорские племена уходят из Хакасско-Минусинской котловины на Северный Алтай и далее на Среднюю и, позднее, Нижнюю Обь, где формируются обские угры.

Когда и каким путем попала часть угорских племен в Приуралье и Поволжье? По всей вероятности, нужно отвергнуть распространённое мнение о том, что угорские племена, двигаясь с Приобья на запад через Уральские горы, поселились на территории левобережья Камы (в пределах северо-западной Башкирии). Бахмутинская культура, исследованная А. В. Шмидтом на севере Башкирии и гипотетически связываемая им с угорскими (мадярскими) племенами³, согласно новейшим археологическим исследованиям, восходит к местным культурам предшествующей эпохи. Новые материалы доказывают автохтонное происхождение основных черт бахмутинской культуры, ее преемственную связь с пеньюборской и ананьинской (кара-абызовской) культурами⁴.

¹ Л. Р. Кызласов, *Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины*, М., 1960, стр. 166.

² Там же.

³ А. В. Шмидт, *Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии наук*, — *Хозяйство Башкирии*, Уфа, 1929, № 8—9.

⁴ См. А. П. Смирнов, *Указ. соч.*, стр. 62; а также «Башкирский археологический сборник», Уфа, 1959, стр. 143—151.

Наиболее вероятно, на наш взгляд, следующее предположение: угорские племена переселились в Восточную Европу обычным и издавна известным кочевникам путем — через огромные степные ворота между Уральскими горами с севера и Каспийским морем с юга. Южное Приуралье с юго-западной Башкирией и левобережье Волги были территорией обитания угорских племен в начальный период после их переселения в Европу. Появление угорских племен на этой территории относится, видимо, к первым векам нашей эры, а возможно связано, как полагает венгерский историк д-р Дьерффи Дьердь, с началом гуннского нашествия. Ссылаясь на исследованную им *Gesta Hungarorum* (XI в.), Дьерффи Д. говорит о распространённом в средневековой Венгрии предании, в котором повествуется о древних связях венгров с гуннами и, в частности, о происхождении Арпада из дома Атилы. В связи с нашим предположением уместно обратить внимание на то, что, по данным археологии, в Южном Приуралье, на территории современной Оренбургской области, начиная с первых столетий н. э. появляются многочисленные разнохарактерные памятники, определение этнической принадлежности которых составляет задачу будущего. Не исключена возможность, что на этой территории будет выделен культурный комплекс, характерный для угорских племен.

Угорские племена вступили на вновь занятых территориях в этнический контакт с сармато-аланскими племенами, а возможно, и с отдельными тюркоязычными группами. Однако тюркоязычные племена, составившие основное ядро башкирской этнической общности, пришли позднее, примерно в VII—VIII вв., когда основная часть угорских племен уже передвинулась на запад. Археолог А. А. Берс говорит о связи, существовавшей между переселением мадяр на запад и выдвиганием башкир из-за Урала. Возможно, что последние вынудили венгров покинуть насиженные места, а сами заняли их земли¹.

Изложенная схема является, однако, — и мы это подчеркнём — чрезвычайно общей и носит характер рабочей гипотезы. Она вызвана к жизни фактами, которые требуют дальнейшего изучения и уточнения, что в свою очередь может подсказать, разумеется, совершенно иные пути решения указанной проблемы.

Как бы то ни было, на современной стадии изученности всей совокупности затронутых здесь вопросов можно с уверенностью констатировать, что существование в исторической

¹ А. А. Берс, *Прошлое Урала*, М., 1930, стр. 108.

науке особой «башкиро-мадьярской» проблемы, как отражение определенных взглядов, трактующих родство и даже тождество этих, в действительности разных, народов, лишено научного смысла и является своеобразным анахронизмом.

Общая цель отечественных и зарубежных исследований заключается в поисках наиболее эффективных путей к решению этногенетических процессов как у башкир, так и у венгров,

каждый из которых имеет свою специфику (в этом плане логичнее употреблять термины «башкирская проблема» и «венгерская проблема»). Выяснение же конкретных обстоятельств, при которых протекало взаимодействие и взаимовлияние предков современных башкир и венгров, существенным образом будет способствовать построению подлинно научной национальной истории этих своеобразных и самобытных по их судьбам народов.

С. А. АВИЖАНСКАЯ, Р. Г. КУЗЕВ

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ ПО БАШКИРАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ
ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ СССР

Среди коллекций Государственного музея этнографии народов СССР в Ленинграде (ГМЭ) имеются значительные собрания по этнографии народов Поволжья и Приуралья, в том числе 16 коллекций (около 1400 предметов) по этнографии башкир.

Сбор коллекций по башкирам начался в самом начале XX в. Первым поступлением являются два башкирских музыкальных инструмента «курай» (коллекция № 4—12, 13), приобретенные в 1902 г. у известного русского музыканта-этнографа и композитора Сергея Гавриловича Рыбакова (1867—1922 гг.), который в конце XIX в. предпринял несколько этнографических поездок в Приуралье, Сибирь и Среднюю Азию.

Следующие две небольшие коллекции поступили в 1905 г. Первая из них (№ 691) состоит из четырех деревянных украшенных резьбой предметов, вторая (№ 751) представляет собою мужской костюм. Время и место приобретения обеих коллекций не указаны.

Главным собирателем башкирских коллекций ГМЭ является известный русский советский ученый Сергей Иванович Руденко. Первая его поездка в Башкирию, организованная Этнографическим отделом Русского музея (Этнографический отдел был преобразован в 1934 г. в Государственный музей этнографии), состоялась в апреле—сентябре 1906 г. С. И. Руденко являлся в то время студентом Петербургского университета, однако к этому времени хорошо знал быт и обычаи северных башкир. «Студент С.-Петербургского университета Сергей Иванович Руденко, — говорится

в удостоверении, выданном Пермским научно-промышленным музеем, — будучи еще гимназистом, обстоятельно лично ознакомился с бытом башкир во время своих каникулярных поездок по башкирским волостям четырех уездов Пермской губернии, результатом чего явилась целая серия фотографий башкир и их обстановки, пожертвованных Пермскому музею, а в 1906 г. Руденко в этом же музее сделал подробное сообщение о башкирах Пермской губернии» (Архив ГМЭ, № 991/1, л. 1).

Взяв на себя поручение собрать этнографические коллекции, С. И. Руденко начал работу уже в знакомых ему местах среди башкир бывшего Шадринского и Екатеринбургского уездов Пермской губернии и отчасти Челябинского уезда Оренбургской губернии (по современному административно-территориальному делению — в пределах Каслинского, Аргаяшского и Кунашакского районов Челябинской области). Здесь, среди зауральских башкир, им была собрана коллекция из 59 предметов преимущественно народной одежды.

Затем он переехал на северо-запад, к так называемым «тулвинским» башкирам, в бывший Осинский уезд Пермской губернии (ныне Куединский и Бардымский районы Пермской области). Здесь были собраны орудия охоты, пчеловодства, сельскохозяйственные орудия, предметы одежды — всего около 60 номеров. Отсюда через Шайтан-Кудейскую башкирскую дачу Златоустовского уезда бывшей Уфимской губернии С. И. Руденко проследовал на юго-восток. В Катайской, Кубеляк-Телевской, Тамьян-Тандаруской башкирских дачах Верх-

не-Уральского уезда Оренбургской губернии, в Карагай-Кипчакской и Бузянской башкирских дачах Орского уезда, в Гирей-Кипчакской даче Стерлитамакского уезда Уфимской губернии (ныне Белорецкий, Абзелиловский, Бузянский, Макаровский районы Башкирской АССР) было собрано около 40 предметов.

На обратном пути он остановился в деревнях Ирехтинской башкирской дачи Бирского уезда Уфимской губернии (ныне Татышлинский район БАССР), где также приобрел коллекцию, состоящую примерно из двух десятков номеров.

Всего в эту поездку было собрано 153 номера (205 предметов). Среди них оружие и орудия охоты, рыбной ловли и пчеловодства, сельскохозяйственные орудия, средства передвижения, одежда и украшения, утварь и предметы убранства жилища, музыкальные инструменты, разные деревянные изделия, модели жилищ и др. (коллекция № 1002).

Кроме того, было сделано значительное количество фотографий (около 150 штук) по этнографии и антропологии башкир (коллекция № 1022).

Поездка 1907 г. была посвящена исключительно восточным башкирам. Сбор материалов продолжался с апреля по июнь и проходил в Мякотинской башкирской даче Екатеринбургского уезда Пермской губернии (Каслинский и Аргаяшский районы Челябинской области), Урман-Кудейской башкирской даче Уфимской губернии, Китайской (на р. Инзере) и Тамьян-Тангаурской башкирских дачах Верхне-Уральского уезда, Бузянской, Тамьянской и Усерганской башкирских дачах Орского уезда Оренбургской губернии. Таким образом, в 1907 г. основная работа проходила в юго-восточной Башкирии (по современному административно-территориальному делению в Белорецком, Абзелиловском, Баймакском, Хайбуллинском и Зиянчуринском районах, а также в некоторых пограничных с Башкирией деревнях Оренбургской области). Собранная в этих районах коллекция (№ 1234) состоит из 100 номеров и включает в себя предметы домашнего обихода и убранства жилища, одежды и украшений, конской упряжи, снаряжения, средств передвижения, домашнего качества, образцы искусства — главным образом вышивки и т. д. Отдельно зарегистрирована *жытун* (№ 1265—1) — шуба из шкур молодых жеребят, также приобретенная С. И. Руденко в Оренбургской губернии во время экспедиции 1907 г., но присланная в музей уже в декабре 1907 г. старшиной Тангаурской волости¹. Ма-

териалы, собранные С. И. Руденко в 1906—1907 гг., составили основу башкирской коллекции этнографического отдела Русского музея. Оценивая свое собрание, он писал в «Кратком отчете о поездке 1907 г.: «...в этих двух коллекциях довольно хорошо представлена вся Башкирия»².

В 1912 г. С. И. Руденко, теперь уже магистрант географии и антропологии С.-Петербургского университета, решает приступить к обработке собранных коллекций и материалов по башкирам с целью их опубликования, также произвести в крупном масштабе планомерное антропологическое исследование башкир и собрать дополнительно новые этнографические материалы. «Опыт последних пяти лет, — пишет С. И. Руденко, — показал мне, что в первых двух экскурсиях к башкирам (1906 и 1907 гг.) мною были сделаны невольные упущения. Поэтому я предложил этнографическому отделу собрать дополнение к первым двум коллекциям». В том же 1912 г. была осуществлена новая экспедиция к башкирам, которая позволила С. И. Руденко весьма существенно дополнить ранее собранную коллекцию. В 1912 г. он приобрел более чем в два раза больше предметов, чем в 1906 и 1907 гг. вместе взятых. «Собранная коллекция, — пишет С. И. Руденко в отчете, — превзошла мои ожидания, и по количеству предметов она вдвое превышает ранее собранные»³.

В 1912 г. коллекции собирались в Челябинском уезде Оренбургской губернии (Сарт-Калмакская, Каратабынская, Китайская, Каратабыно-Баратабынская башкирские дачи), Троицком уезде Оренбургской губернии (Куваканская башкирская дача и Тунгарская волость), Верхнеуральском уезде Оренбургской губернии (Инзер-Китайская башкирская дача), Орском уезде Оренбургской губернии (Карагай-Кипчакская башкирская дача), в Уфимском уезде Уфимской губернии (Урман-Кудейская и Шайтан-Кудейская башкирские дачи), Бирском и Стерлитамакском уездах Уфимской губернии (Гирей-Кипчакская и Юрмакская башкирские дачи), Белебеевском (Куль-Минская и Слы-Минская башкирские дачи) и Златоустовском уездах Уфимской губернии. (По современному административно-территориальному делению Сафакулевский и Альменевский районы Курганской области, Аргаяшский район Челябинской области, Мечетлинский, Учалинский, Белорецкий, Архангельский, Бузянский, Чишминский, Дюртюлинский, Макаровский, Стерлибашевский, Мия-

¹ Архив ГМЭ, № 991/1, л. 58.

² Архив ГМЭ, № 911/1, л. 50.

³ Там же, № 911/2, лл. 34—35.

а

б

Рис. 1.

а — конец подотенца (*тастамал*). Браное ткање современной работы. Дер. Мелекасово, Мечетлинский район БАССР, № 6910—12; б — конец полотенца (*тастамал*). Вышивка (тамбур) современной работы. Дер. Маржамгулово, Дуванский район БАССР, № 6910—13.

кинский и Бижбулякский районы Башкирской АССР). В 1912 г., таким образом, работа и сбор материалов производились в зауральских, в юго-восточных и, в меньшей степени, в юго-западных придемских районах.

Собранная коллекция (№ 2881) состоит из 712 номеров (773 предмета). В нее входят, как и в прежние коллекции, оружие и орудия охоты, пчеловодства, рыбной ловли, скотоводства, средства передвижения и конское снаряжение, одежда и украшения, утварь — деревянная и кожаная, предметы убранства жилища, тканье, вышивка и другие предметы народного искусства. Около половины всех приобретений этого года составляют предметы вышивок.

К сожалению, коллекция 1912 г., в отличие от двух предыдущих, зарегистрирована не самим собирателем, а другим сотрудником музея, что повлияло на доброкачественность реги-

страции. При регистрации коллекция не была систематизирована; описание предметов составлено чрезвычайно лаконично, без достаточных научных данных и без раскрытия назначения предметов. Много неточностей и ошибок допущено в терминологии, связанной с предметами, и в названии деревень.

Но даже при этих досадных недостатках регистрации коллекции, собранные С. И. Руденко в 1906—1907 и 1912 гг., и по количеству предметов, в которых отражены различные стороны материальной культуры народа, и по полноте вариантов многих форм являются уникальным собранием и дают довольно полную этнографическую характеристику башкир в конце XIX — начале XX вв. Примерно с тех же позиций оценивал накопленные материалы сам собиратель, когда он писал о поездке 1912 г.: «В настоящее время собранные мною

коллекции по этнографии башкир я считаю настолько значительными, что полагаю своевременным приступить к научной обработке этих коллекций, вместе с рукописными материалами и антропологическими измерениями, с целью монографического описания башкир»¹.

С. И. Руденко, как известно, обобщил собранные им материалы в монографическом исследовании «Башкиры», вторая часть которого, посвященная этнографической характеристике башкирского народа, вышла в двух изданиях².

Вместе с тем было бы неверно считать этнографические коллекции С. И. Руденко исчерпывающими. Несмотря на то, что исследования проводились на обширной территории, они все же не охватили всех районов, заселенных башкирами. Подавляющая часть предметов собрана в зауральской и юго-восточной Башкирии, в то время как северо-восточные (долина р. Ай) и особенно западные районы оказались представленными в коллекциях очень слабо.

С другой стороны, далеко не все темы представлены в коллекциях одинаково равномерно: мало полных комплектов одежды (всего один женский и два мужских), совершенно отсутствуют богатые женские украшения, неполно даны предметы, характеризующие земледелие, рыболовство, ткачество и т. д. К сожалению, отсутствует в коллекциях и юрта (*тирмә*), хотя в начале XX в. многие башкиры еще продолжали выходить на кочевки. Приобретение многих предметов, особенно дорогих женских украшений, лимитировалось небольшой суммой денег, предоставляемых музеем в распоряжение собирателя. Поэтому пробелы в коллекциях С. И. Руденко восполнены весьма подробными описаниями, а также фотографиями многих предметов хозяйства и быта, опубликованных в упомянутой выше монографии.

После экспедиции 1912 г. систематический сбор коллекций по башкирам прервался на долгие годы, хотя имели место случайные поступления от различных лиц. Коллекции №№ 3075, 4531, 5250 и 6801 содержат все вместе 19 предметов. Это головные уборы и их части, одежда, упряжь, утварь, сабан, предметы убранства жилища, полученные в различные годы, главным образом, от дореволюционных коллекционеров-любителей Ф. М. Плюшкина и Шабельской. Научной документации эти вещи не имеют.

Не проводилась научно-собираТЕЛЬская работа среди башкирского населения и в после-революционные годы. Великая Отечественная война 1941—1945 гг. и связанная с нею эвакуация музея приостановили экспедиционную деятельность, которая была возобновлена только в послевоенные годы.

В 1948 г. по решению Правительства РСФСР Государственному музею этнографии были переданы этнографические коллекции бывшего Музея народов СССР в Москве. (С тех пор Государственный музей этнографии стал именоваться Государственным музеем этнографии народов СССР.)

Башкирские коллекции бывшего Музея народов СССР состоят из 156 предметов. Следует отметить ценность некоторых орудий охоты, четырех полных костюмов зауральских башкир, женских украшений: Совершенно уникальным, например, является головной убор *калдуш* (№ 1334 и 1335). Этот сложный головной убор, украшенный кораллами, бляхами и серебряными монетами, вышел из употребления уже в первой половине XIX в. Он опубликован в монографии С. И. Руденко¹.

Способы поступления предметов в музей были различны: дар, приобретение на местах, передача с выставок и т. д. Например, ряд вещей (боевые луки и стрелы, предметы одежды и утвари, вышивки) были принесены в дар музею известным ученым-этнографом П. С. Назаровым, который изучал культуру башкирского народа в конце XIX в. Около двух десятков вещей (охотничьи ловушки, предметы пчеловодства, утварь, латы) музей получил в 1923 г. с выставки Башкирской АССР. Некоторое представление о коллекциях этого музея и об использовании их в экспозициях дает каталог В. Ф. Миллера².

После Великой Отечественной войны экспедиционно-собираТЕЛЬская работа Государственного музея этнографии возобновилась. В связи с задачами экспозиционной работы был организован ряд выездов и в Поволжские автономные республики — Марийскую, Удмуртскую, Мордовскую. С 1955 г. Отдел народов Поволжья и Приуралья приступил к сбору коллекций среди башкирского населения.

В 1956—1957 гг. были проведены поездки в северо-восточные и юго-западные районы БАССР, организованные совместно Отделом народов Поволжья и Приуралья ГМЭ и Инсти-

¹ Архив ГМЭ, № 99/2, лл. 34—35.

² С. И. Руденко. Башкиры, Опыт этнографической монографии, ч. II. Быт башкир, Л., 1925; Башкиры, Историко-этнографические очерки, М.—Л., 1955.

¹ С. И. Руденко. Башкиры, 1955, стр. 192.

² Систематическое описание коллекций Дагестанского этнографического музея, составленное хранителем музея профессором В. Ф. Миллером, М., 1887, стр. 85—89.

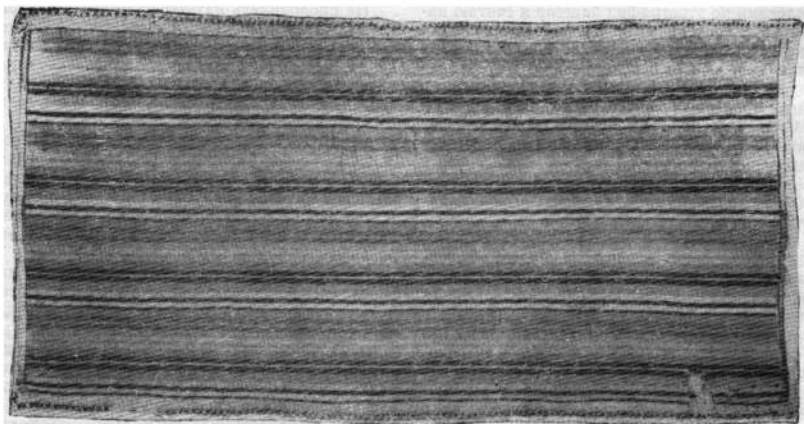

Рис. 2. Безворсовый ковер, нашитый на войлок (эслэ, балаг). Дер. Кабыккушево, Стерлибашевский район БАССР, № 6973—1.

тутю истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР. С 1958 г. сектор археологии и этнографии ИИЯЛ БФАН СССР проводит ежегодные этнографические экспедиции, в работе которых в 1958—1959 гг. участвовал и Отдел народов Поволжья и Приуралья ГМЭ. Экспедиции работали в юго-восточных районах республики (1958 г.), в северной Башкирии, а также в башкирских районах Свердловской, Челябинской и Курганской областей (1959 г.)¹.

В результате этих поездок и экспедиций собрано четыре этнографических коллекции по башкирам с общей численностью номеров 231, предметов — 279.

Маршрут двухнедельной полевой работы 1956 г. проходил по северным и северо-восточным районам Башкирской АССР: Караидельскому, Аскинскому, Дуванскому, Мечетлин-

скому, Белокатайскому. Коллекция этой поездки (№ 6910) состоит из 39 номеров.

Среди предметов убранства жилища следует отметить два больших домотканых занавеса — *шаршау* дореволюционной работы (6910—1/а, б; 2). Они употребляются в быту и в наши дни, отделяя кухню от жилой и более нарядной части дома. Оба занавеса украшает богатый браный узор. В дореволюционных собраниях ГМЭ имелся всего один большой занавес (1234—60); между тем в различных местностях они весьма разнообразны по узору. Свообразны также *кашага* (6910—3) — короткая занавеска на матицу, тканые полотенца (рис. 1 — а) с браными концами старинной и современной работы (6910—4/а, б; 8—12), а также вышитые полотенца (рис. 1—б) (6910—11—17) и скатерть (6910—18). Среди предметов домашнего обихода приобретены также прялка (6910—38) и швейка (6910—37), ложкарик (6910—20), колыбель (6910—19) и т. д.

Все эти вещи интересны также и тем, что указанные районы в коллекциях ГМЭ почти не были представлены. Собранный коллекция показывает, что северо-восточная Башкирия — своеобразный и интересный район современной национальной башкирской культуры. Этнография района характеризуется сохранением национальных традиций в убранстве жилища, сохранением и развитием некоторых отраслей народного прикладного искусства, а именно:

¹ В поездке 1956 г. участвовали два сотрудника ГМЭ: заведующая Отделом народов Поволжья и Приуралья Т. А. Крюкова и старший научный сотрудник С. А. Авижанская; в последующей поездке и экспедициях участвовала только С. А. Авижанская. Научные сотрудники ИИЯЛ БФАН СССР Р. Г. Кузев (начальник отряда), Н. В. Бикбулатов, С. Н. Шитова, С. Ф. Миржанова и другие, работавшие в составе этнографических экспедиций, активно содействовали сбору материалов для ГМЭ, поэтому собранные в течение этих четырех лет коллекции можно считать результатом совместных усилий Ленинградского музея и ИИЯЛ БФАН СССР.

Рис. 3. Ворсовый ковер. Артель «Текстильщик», № 6973—45.

художественного ткачества, узорного вязания и в еще большей степени — тамбурной вышивки.

Тамбурная вышивка носит в северо-восточных районах характер пышного стилизованного растительного узора в виде изгибающейся ветки с крупными яркими цветами. Ею украшают не только предметы убранства жилища,

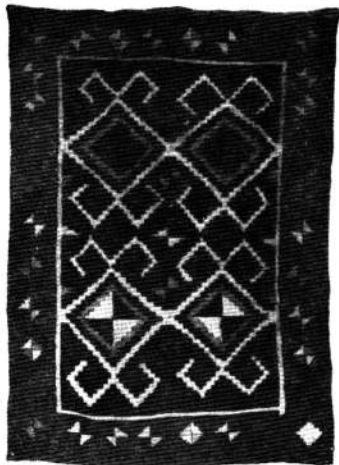

Рис. 4. Безворсовый ковер (балац). Дер. Ниж. Тюкуново, Кармаскалинский район БАССР, № 6973—10.

но и одежду. Если в Дуванском, Мечетлинском районах можно встретить, наряду с вышитыми полотенцами, скатертями и занавесками, и вышитые передники (6910—23, 26), то восточнее, в Белокатайском районе, вышиваются также праздничные женские платья и мужские рубахи. Два комплекта современной женской вышитой одежды (6910—21—24) были приобретены нами в дер. Ашаево Маскаринского сельсовета Белокатайского района БАССР.

Работа и сбор материалов в 1957 г. производилась в юго-западных районах Башкирии: Альшеевском, Давлекановском, Кармаскалинском, Миякинском, Стерлибашевском и в г. Уфе. Коллекция (№ 6973) содержит 51 номер. Первые одиннадцать номеров этого сбора — коллекция полшерстяных двухсторонних безворсовых ковров балац, широко бытующих в этих районах. Центром производства ковров является Миякинский район, где в настоящее

время на базе народной традиции организована артель. Паласы широко бытуют в юго-западных районах и являются обязательными в приданом невесты. Ковры постилают на кровать, нары, а в доме сельской интеллигенции — на пол и вешают на стены. В старину таким ковром обшивался войлок (рис. 2), служивший постелью. Старинный балас, как правило, имеет рисунок в полосу (6973—1), реже — в виде простого геометрического узора (6973—2) спокойных расцветок (рис. 4). В настоящее время преобладают яркие геометрические (6973—3, 5, 7) или растительные (6973—6, 8, 11) рисунки на черном, реже красном фоне. За последние 10—12 лет растительные узоры приобретают все более широкое распространение. Этому содействуют специально изготовленные тканые образцы (6973—11), переходящие от одной ткачихи к другой.

Для убранства жилища в юго-западной Башкирии до некоторой степени используются вышитые тамбуром занавески на матицу орзок шаршау (6973—13, 14), полотенца вышитые (6973—16) и тканые (6973—17—20), скатерти (6973—22—24); вещи эти изготавлились еще в начале XX в.

Удалось приобрести предметы женской национальной одежды начала XX в. В настоящее время они не употребляются. Это — вышитое платье (6973—25), передник (6973—26) и два халата — елан (6973—27, 28), украшенные полосами цветного сукна, позумента, металлическими подвесками и бляшками, кораллами и серебряными монетами, и нагрудное украшение — селтар (6973—29). Особую ценность представляет верхняя одежда типа халата (елан), которая в настоящее время встречается очень редко. Оба халата красивы и интересны, как образцы народного искусства (6973—27, 28).

В г. Уфе в артели «Текстильщик» нами приобретена небольшая коллекция ворсовых шерстяных ковров (рис. 3) (6973—45—46) и дорожек (6973—47/1, 2), а также орудий труда ковровщиц (6973—48—50) и образцы ниток (6973—51). Производство ворсовых ковров — новый для башкир вид искусства, но в узорах ковров, созданных художниками артели, уместно использован традиционный башкирский орнамент, в частности орнамент тканья. Народные мастерицы-ткачихи быстро освоили новое производство и дают хорошие образцы.

В южных и юго-восточных районах Башкирской АССР — Абзелиловский, Баймакский, Знандуринский, Макаровский, Белорецкий, Хайбуллинский, Юмагузинский, Мелеузовский, — в которых проводилась полевая работа 1958 г., собрана коллекция из 44 номеров. Это

Рис. 5. Женский халат (сам). Дер. Иткулово, Зяночуринский район БАССР, № 7082—10.

прежде всего три полных современных национальных костюма для взрослой девушки и молодой женщины (7082—1—3); девочки 8—9 лет (7082—4—6); девочки 3—4 лет (7082—7, 8). Каждый комплект состоит из сатинового платья — *күлдәк* с отрезным лифом и оборками по подолу, черной безрукавки — *камзул*, украшенной пуговками, бисером, бляшками и монетами, и покупного платка с печатным узором, который повязывается различными способами.

Национальный костюм носят девочки и женщины всех возрастов, особенно в Хайбуллинском, Баймакском и Абзелиловском районах; взрослые надевают его по праздникам и вообще в нерабочее время, девочки — постоянно.

Собрания музея пополнились также предметами старинной, вышедшей из употребления одежды. Это два женских халата: *сәкмән* из зеленого сукна (7082—9) и *елән* (рис. 5) из черного бархата с украшениями (7082—10).

Повсюду на юго-востоке женщины носят косники — *каралык* или *сәстәңкә* (7082—16), а также кольца и браслеты — *бәзәлек* (7082—14/1, 2; 15/1, 2). В деревнях Абзелиловского района часто встречаются нагрудные украшения из кораллов, блях, монет — *селтәр* и *накал* — не только старинной, но и современной работы. Нам удалось приобрести одно из таких вновь изготовленных украшений с большим количеством монет советской чеканки (7082—11).

Из предметов, характеризующих убранство современного жилища, были приобретены домотканые полосатые безворсовые ковры — *балаҫ* из козьей и овечьей шерсти (7082—29, 30), тряпичные ковры — *сепрәк балаҫ* (7082—28) и перетяжка для сложных нарах постельных принадлежностей в виде длинных полос — *урын тартмаһы* или *тушәк тартмаһы* (рис. 8—а, б, в) (7082—32, 34).

Для домашнего ткачества на юго-востоке, кроме общераспространенного ткацкого станка с рамою, используется и более примитивный стан без станины, называемый по своей основной части *кәрвәс* (7082—26). Пуховые шали на

Рис. 6. Кисет (ясык). Вышивка (тамбур и косая сетка). Дер. Ташбулатово, Абзелиловский район БАССР, № 7082—18.

таким стане ткётся при помощи обычного челнока, а шерстяные пальсы — с помощью дощечки — *калак* (7082—27).

Декоративные полосы-перетяжки для постелей украшаются бусами, бисером, монетками, галунами, цветными лоскутками и, главным образом, разноцветной вышивкой тамбурным швом, сочетающимся здесь с определенным типом орнамента — *хускар* (рис. 8—а). Эту вышивку можно видеть и на кисетах (рис. 6) (7082—17—24). Узор для вышивки предварительно вырезается из бумаги (7080—25/1—5). Большой известностью как хорошая вышивальщица пользуется колхозница дер. Ташбулатово Абзелиловского района Мезмура Хабрахманова, 60 лет, у которой и приобретена нами коллекция предметов, показывающая весь процесс этой вышивки.

Вышитые вещи, особенно кисеты, имеют большое значение в свадебном обряде. В деревнях Абзелиловского района бытует обряд раздачи свадебных подарков — *булак*. В каждый комплект подарков (7082—39/1—4) для родственников жениха входят нагрудник — *тушелдерек*, вышитый кисет — *янык*, вышитый *һарауыс* (7082—20, 41) или лоскуток ткани вместо него и моток цветных ниток.

Этнографическую характеристику района, в хозяйстве которого большое место занимает животноводство, пополняют и такие вещи, как *төйәк* — намордник для жеребенка (7082—43), гребень для вычесывания козьего пуха — *тарак кәзә* (7082—41). Из старинных деревянных резных изделий нами приобретен сосуд — *кымыс тәпәне* (рис. 7) (7082—35/а, б) и ковши — *ижау* (6973—42, 43).

В коллекцию входят также два музыкальных инструмента: *курай* (7082—37) и *кумыз* (7082—38).

Поездка 1959 г. дала материалы для характеристики северных и, в большой степени, северо-восточных башкир. Приобретались вещи в Калтасинском, Янаульском, Татышлинском, Дуванском, Белокатайском, Мечетлинском районах Башкирской АССР, в Нижне-Сергинском районе Свердловской области, в Нязепетровском и Аргаяшском районах Челябинской области и в Сафакулевском районе Курганской области.

Собрано 97 предметов, характеризующих народную одежду и украшения, убранство жилища, ткацкое производство.

Прежде всего большой интерес представляет полный современный женский праздничный костюм из дер. Арасланово Нязепетровского района Челябинской области (7175—1—6).

Он состоит из черного сатинового платья с яркой тамбурной вышивкой (рис. 9) и такого

же передника; головного убора в виде колпака, вышитого бисером, и платка; нагрудного украшения из монет — *муйынса* и шерстяных белых чулок узорного вязанья. К этому костюму могут надеваться разные передники контраст-

Рис. 7. Сосуд для кумыса (*тәпәне*). Дер. Ибраево, Зиянчуринский район БАССР, № 7082/35 а, б.

ных цветов, украшенные тесьмою (7175—15) или мелкими складками (7175—11) (рис. 11).

Такого рода одежда с некоторыми вариантами характерна для ряда деревень, находящихся на границе Башкирской АССР, Челябинской и Свердловской областей (например, передник из дер. Белянка, рис. 10).

Разрозненные части одежды: платье (7175—7), нагрудники (7175—8, 9), передники (7175—10—18), безрукавка — *камзул* (7175—19), верхняя одежда — *башмәт* (7175—29), головные уборы (7175—21—25) приобретались в различных пунктах.

Особенно интересным нам кажется головной убор молодой женщины — *кушъяулык* (7175—24/а, б) в виде двойного печатного неразрезанного красного ситцевого платка с *һа-*

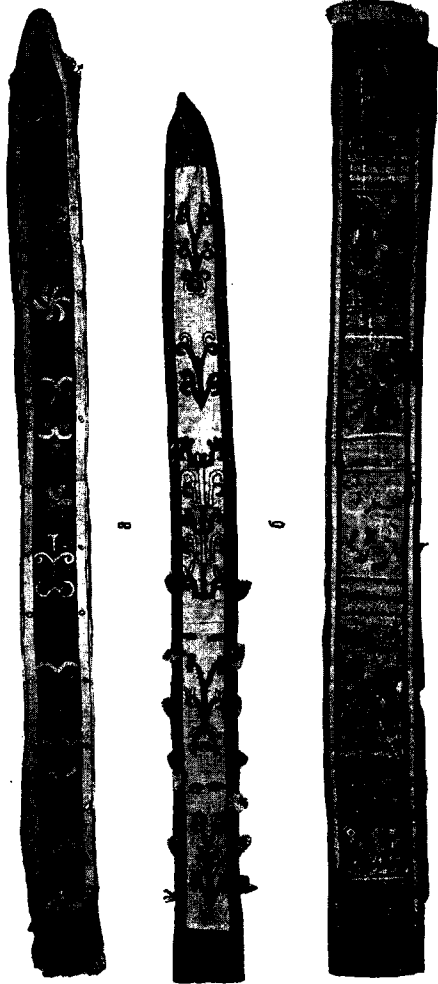

Рис. 8. Декоративные ленты (мушак, тарт, майя). Вышивка (тамбур и косая сетка).
 а — дер. Хусеиново, Бозорский район БАССР, № 7082—33; б — дер. Ташбулатово, Абдускилский район БАССР, № 7082—34; в — дер. Каскиново, Кугарчинский район БАССР, № 7082—32.

Рис. 9. Платье (*хаймган кулдж*). Украшено вышивкой (тамбур) современной работы. Дер. Арасланово, Назепетровский район Челябинской области, № 7175—1.

Рис. 10. Передник (*амъялык*). Вышивка (тамбур) современной работы. Дер. Беянка, Белокатайский район БАССР, № 7175—14.

галдырык, т. е. пришитым к нему украшением — подбородником, унизанным двойным рядом монет. Этот старинный головной убор местами еще надевается во время свадьбы.

Для характеристики мужской одежды имеют значение рубахи: старинная домотканая пестрядиная (7175—26) из Татышлинского района и современные сатиновые вышитые (7175—27, 28) из Белокатайского района; штаны браного тканья (7175—29) из Янаульского района БАССР. Повсеместно бытуют в наши дни вязаные из овечьей шерсти варежки и носки (7175—30—34).

У зауральских башкир, в Аргаяшском районе Челябинской области, до сих пор можно встретить женщин в национальной обуви — *сарык* (рис. 13) (7175—36/1, 2; 37/1, 2), *ката* или *башай* (7175—35/1, 2) с суконными голенищами, украшенными яркой аппликацией в виде различных завитков.

Мужская рабочая обувь — *кыйдырак*

(7175—38/1, 2) из телячьей шкуры и холста местами в тех же районах бытовала даже и после Великой Отчественной войны и окончательно вышла из употребления всего 3—5 лет назад.

Среди женских украшений этой коллекции, представленных шестью номерами (7175—39/1, 2,—45), особую ценность имеют два нагрудника — *яга* (рис. 12) (7175—43, 44) из дер. Метелево Аргаяшского района Челябинской области. По художественным достоинствам и даже материальной ценности они превосходят все украшения, имеющиеся в собраниях музея.

Если среди предметов одежды коллекции 1959 г. явно преобладают северо-восточные, поскольку на севере национальный костюм вышел из употребления, а старинные вещи почти не сохранились, то в отношении убранства жилища обе группы районов дали в равной степени интересный материал.

Рис. 11. Девушки в национальных костюмах на сбантуе. Дер. Арасланово, Нязепетровский район Челябинской области.

В Янаульском, Татышлинском, Калтасинском районах в украшении жилища широко используются старинные и отчасти современные декоративные домашнего изготовления ткани. Из старинных вещей браного тканья нам удалось приобрести прекрасный занавес — *чуптарлы шаршау* (рис. 14) (7175—47) размером 218×266 см, вытканый в 1912 г. из белых и красных хлопчатобумажных ниток в дер. Ямады Янаульского района. Очень красив сложный ромбический узор браных розеток, повторяющийся в каждой клетке центрального поля этого занавеса. Длинные узкие полотенца для украшения стен и матицы — *кашага* (7175—49—53) сшивались из концов полотенца, вытканых из хлопчатобумажных и шерстяных гарусных разноцветных ниток. В еще большей степени для украшения жилища используются тканые полотенца (7175—58—61)

и концы полотенца (7175—68—77). Для скатертей изготавливалась клетчатая пестрядь (7175—79, 80).

В настоящее время браного тканья не делают, но многие женщины на домашних станках производят простые и узорные ткани: пестрядинные, выкладные и другие, о чем свидетельствуют образцы современного тканья (7175—93—95), скатерть (7175—82), полотенце (7175—74), палас (7175—87), пестрядинные полотенца — утиральники (7175—65—67).

На Севере нами приобретены и некоторые орудия ткачества: мотовила (7175—87, 90), блоки (7175—91/1, 2), челнок (7175—92).

Иногда в убранстве жилища на северо-западе встречаются и вышитые вещи, например, *өрзөк шаршау* — занавеска на матицу (7175—55), а также молитвенные коврики — *намазлык* (7175—88).

На северо-востоке Башкирской АССР (Дуванский, Мечетлинский, Белокатайский районы) из тканых вещей употребляются в основном браные скатерти (рис. 15) и полотенца старинной и современной работы (7175—62—64; 80—82), но в большей степени распро-

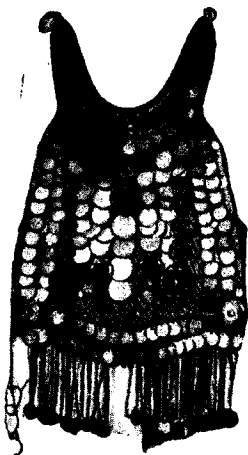

Рис. 12. Нагрудное украшение (*лира*) старинной работы; добавлены советские монеты. Дер. Метелево, Аргайский район Челябинской области, № 7175—43.

странены вышитые предметы. Вышиванию предметов убранства жилища здесь уделяется наибольшее внимание, тогда как дальше на восток преобладает вышитая одежда (Челябинская область). Коллекция 1956 г., собранная в этом районе, пополнилась в 1959 г. занавесками (7175—55—57) и скатертью (7175—83). Восточнее, в Челябинской области, приобретено покрывало на сундучок (7175—84), наволочки на подушки (7175—85, 86).

В Аргаяшском районе Челябинской области и особенно в Курганской области башкиры украшают полотенца и отчасти скатерти, мужские пояса — *билбау* и рубахи, передники и иногда платья счетными гладевыми швами. К сожалению, ограниченные средства на приобретение не позволили нам составить коллекцию подобных предметов, мы приобрели только детский передник в Сафакулевском районе Курганской области (7175—18).

В период экспедиционной работы 1956—1959 гг. было сделано также значительное количество фотографий — всего около 500 (коллекция ф. 163, ф. 213, ф. 214 и ф. 305), отражающих различные стороны хозяйства и быта современной башкирской деревни.

Рис. 13. Суконная женская обувь (*сарык*), украшенная аппликацией. Аргаяшский район Челябинской области, № 7175—36/1, 2.

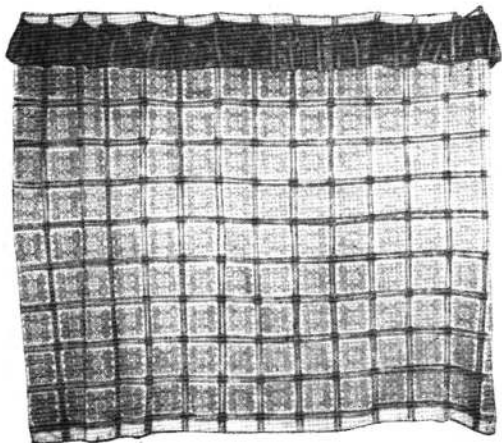

Рис. 14. Занавес (*култарлы шаршау*). Браное тканье старинной работы. Дер. Ямады, Янаульский район БАССР, № 7155—47.

Заканчивая характеристику коллекций 1956—1959 гг., необходимо сказать, что в процессе сбора материалов мы стремились к тому, чтобы самым тщательным образом зафиксировать все данные, относящиеся к научному паспорту каждой вещи. Полученные сведения со всею возможной полнотой переносились затем, в процессе регистрации предметов, в коллекци-

К сожалению, за весь период существования музея в его стенах не было специальной экспозиции, посвященной этнографии башкирского народа. Некоторые из дореволюционных собраний в 1930-х годах были экспонированы на выставке, посвященной тюркоязычным народам СССР. Ряд предметов включался во временную выставку «Одежда народов Поволжья и Приуралья» (1955—1959 гг.), небольшая часть приобретенный советского периода пред-

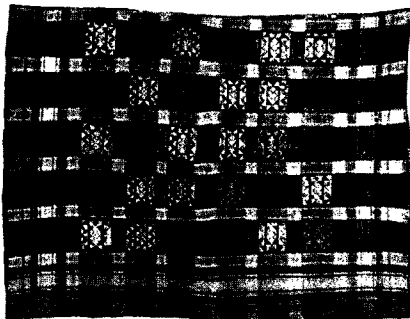

Рис. 15. Скатерть (*ашьлулак*). Браное тканье современной работы. Дер. Белянка, Белокатайский район БАССР, № 7176—82.

онные описи музея. Коллекции 1956—1959 гг. охватывают значительную территорию и, восполняя некоторые пробелы старого собрания, в основном отражают изменения в быте и культуре башкир, произошедшие за годы Советской власти.

Ближайшей задачей мы считаем публикацию и экспонирование хранящихся в Государственном музее этнографии народов СССР коллекций по башкирам.

ставлена в экспозиции «Искусство народов РСФСР», существующей в Государственном музее этнографии народов СССР с 1958 г.

В настоящее время отдел народов Поволжья и Приуралья готовит постоянную этнографическую экспозицию «Башкиры», которая будет открыта в 1961—1962 гг. Ведется также работа по публикации башкирских коллекций.

АНТРОПОЛОГИЯ

М. С. АКИМОВА

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ БАХМУТИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В основу настоящего сообщения положен краниологический материал, собранный в 1959 г. Н. А. Мажитовым при раскопках Бирского и Каратамакского могильников. Оба памятника автором раскопок датируются III—VII вв. н. э.¹

Из Бирского могильника после проведенной реставрационной работы пригодными для исследования оказались 29 черепов: 17 мужских и 12 женских, а из Каратамакского могильника 5 мужских и 1 женский.

В собранной серии имеется четыре мужских искусственно деформированных черепа. Деформация двух разновидностей. На двух черепах из Бирского могильника (погребения 77 и 79) сильной деформации подверглась лобная кость, благодаря чему угол изгиба этой кости, измеренный по способу, предложенному Жировым и Гинзбургом², очень большой — соответственно 146 и 150°. Затылок на этих черепах не уплощен, и конусовидного возвышения в области темени нет. Заметны следы и теменной деформирующей повязки, от которой имеется позадивечечное углубление. На других двух черепах деформирующая повязка вызвала покатость лба и уплощение затылка, имеется небольшое конусовидное возвышение в области темени. Степень деформации на этих двух черепах небольшая.

Бирская серия черепов в антропологическом отношении характеризуется сравнительно

большими размерами длины и высоты при средней ширине (табл. 1). По указателю черепа мезокранны, а в мужской серии наблюдается тенденция к долихокрании. Следует отметить, что большая часть черепов имеет низкий указатель и только в четырех случаях отмечается хорошо выраженная брахикрания. Лоб средней ширины, умеренно наклонный. Область надбровья имеет более развитое, но на некоторых встречается сильная выраженность глабеллы и надбровных дуг. Лицо на мужских и женских черепах широкое. Высота его средняя, но в мужской серии имеется тенденция к большой. Профилировка лица в горизонтальной плоскости на верхнем и среднем уровне средняя. Область носа характеризуется средней высотой и значительной шириной. Также большую ширину имеет и переносье при сравнительно большой высоте его. Угол выступающего носа небольшой. В нижнем крае носового отверстия преобладают заостренные формы. Высота орбит в мужской серии средняя, в женской малая. Глубина кльковых ямок умеренная. В целом по имеющемуся материалу можно говорить о смешанном составе населения Бирского могильника. По суммарным данным и при рассмотрении отдельных черепов выявляется монголоидная примесь. О ней свидетельствуют широкое и сравнительно высокое лицо, несильно выступающий нос, а на некоторых черепах и уплощенность всего лица.

Наряду с этим типом в Бирском могильнике выделяются и чисто европеоидные черепа с невысоким и нешироким лицом с сильно или умеренно выступающим носом.

Что касается серии черепов из Каратамакского могильника, то о ней трудно сказать что-

¹ Н. А. Мажитов, Пооселения бахмутинской культуры, Башкирский археологический сборник, Уфа, 1959.

² В. В. Гинзбург, Е. В. Жиров, Антропологические материалы из Кенкольского катакомбного могильника в долине р. Талас Киргизской ССР, Сб. МАЭ, X, 1949.

либо определенное, так как материала очень мало. Соотношение размеров мозгового отдела примерно такое же, как и на бирских черепаха, а на лице бросается в глаза значительно меньшие величины всех высотных размеров при значительной в общем скуловой ширине (табл. 2). Так, у них значительно ниже верхняя высота лица, высота носа и орбит; ширина носа, напротив, большая. На двух черепаха отмечается также уплощенность лица, особенно на черепе из первого погребения. Носовые косточки на этом черепе очень мало выступают над плоскостью лица. Таким образом, низкие величины высотных размеров лица при значительных величинах широтных, слабое развитие рельефа являются отличительными особенностями каратамакских черепов. Но в виду того, что материала мало, говорить с уверенностью о различиях в составе населения этих двух могильников не приходится. Можно только сказать, что и в населении Каратамакского могильника монголоидная примесь имеется.

Каково же происхождение населения рассматриваемых могильников? Известно, что в IV в. н. э. появление гуннов в Южном Приуралье вызвало значительное передвижение южных сарматских племен к северу. А. П. Смирнов¹ отмечает, что сарматы несомненно внесли изменения в этнический состав на территории северной части Башкирии. Однако аборигены не были вытеснены окончательно. По его мнению, бахмутинская культура создана смешанным населением финно-угров и пришлых сарматских племен. Местное население в свою очередь по своей культуре восходит к более ранней, пьяноборской, с которой оно генетически связано².

На связь бахмутинской культуры с местной предшествующей культурой указывает также и Н. А. Мажитов³.

Рассмотрим антропологические данные в этом плане. К сожалению, антропологических материалов предшествующих эпох с территории Башкирии пока нет. Имеется серия черепов пьяноборской культуры со смежной территории правобережья Камы (Удмуртская АССР), из Чегандинского могильника.

Сопоставление бирских черепов с пьяноборскими из Чеганды показывает явный сдвиг в направлении увеличения монголоидности в бирской серии. Это отмечается в увеличении на бирских черепаха высоты и ширины лица, углов горизонтальной профилировки, высоты

орбит, в уменьшении угла выступления носовых костей. Различия по указанным признакам наблюдаются и на мужских и на женских черепаха. Обратное направление изменчивости в женской серии имеет только один признак — угол выступления носа, который на бирских черепаха несколько выше. Из отличий между сравниваемыми сериями следует также отметить более высокий указатель и более наклонный лоб на бирских черепаха.

Определенный интерес представляет сравнение бирского материала с черепаха мазунинской культуры Прикамья. В. Ф. Генниг⁴ считает, что памятники указанной культуры принадлежат пришлым племенам с юга. Культура этих племен, по мнению В. Ф. Геннига, близка бахмутинской. Исходя из этого, мы должны предполагать также наличие сродства и в антропологическом составе населения этих культур. Однако имеющийся материал не подтверждает высказанного предположения. Цифровые данные указывают на значительные различия между мазунинскими и бирскими черепаха. Различия идут в том же направлении, как между пьяноборскими и бирскими, а именно: бирская серия более монголоидная. Мазунинские черепаха обнаруживают сближение с бирскими только по черепному указателю, который в обеих сериях почти одинаков. По ширине и высоте лица черепа мазунинской культуры занимают промежуточное положение между пьяноборскими и бирскими. По остальным признакам мазунинская серия обнаруживает большое сродство с пьяноборской. Таким образом, имеющийся материал указывает на определенные различия в антропологическом составе населения Прикамья и северной части Башкирии в период IV—VI вв. н. э., причем для области Прикамья можно говорить об очень близком сродстве населения указанного периода с предшествующим пьяноборским. Как давно возникли эти различия на довольно близких территориях Среднего Прикамья и Северной Башкирии, в настоящее время не представляется возможным выяснить из-за отсутствия достаточного материала. Пока можно высказать лишь предварительные соображения. Если предположить, что население пьяноборского времени по антропологическому типу было сходным в Северной Башкирии и Удмуртском Прикамье, то в таком случае можно говорить о проникновении монголоидных племен с востока на территорию Башкирии в период существования бахмутинской культуры. Но возможно и другое предположение, а имен-

¹ А. П. Смирнов, Железный век Башкирии, МИА, 58, 1957.

² Там же.

³ Н. А. Мажитов, Указ. соч.

⁴ В. Ф. Генниг, Археологические памятники Удмуртии, Ижевск, 1958.

но, что территория Северной Башкирии была издавна заселена племенами, близкими по типу к населению Луговского могильника. Смешение их с пришлыми сарматами могло дать тип, представленный в Бирском могильнике.

Однако эти вопросы можно окончательно решить при наличии антропологического материала с территории Башкирии более раннего времени.

Большой интерес представляет вопрос об отношении населения бахмутинской культуры к древним венграм. В свое время А. В. Шмидт¹ высказывал предположение о принадлежности памятников бахмутинской культуры предкам венгров. В последние годы вопрос о происхождении венгров с территории Восточной Европы подвергся обсуждению Т. Тотом². На основании сходства по некоторым признакам черепов древних венгров с черепами из могильников Зливки и Воровского Врага автор полагает, что эти могильники оставлены народами, близкими к древним венграм. Не обсуждая в настоящем сообщении эту проблему, для чего еще нет достаточных данных, остановлюсь только на антропологическом материале Бирского и Зливкинского могильников.

Как известно, этническая принадлежность Зливкинского могильника до сих пор остается неясной. По матеральной культуре он близок к Верхне-Салтовскому, относительно которого также нет твердого мнения, кому он принадлежал. Антропологический материал Зливкинского могильника изучался Д. Н. Анучиным, Т. А. Трофимовой, Г. Ф. Дебецом³. В последнее время зливкинские черепа были заново изучены К. Н. Наджимовым⁴. Этот автор особое внимание обратил на признаки горизонтальной профилировки, что привело его к выводу о промежуточном положении этой серии между монголоидами и европеоидами. В формировании населения этого могильника, по мнению К. Н. Наджимова, принимали участие монголоидный компонент, представленный в курганах поздних кочевников, приписываемых торокам, половцам и другим тюркским народам, и европеоидный, известный у сармат низовьев Волги, а позже — в древних погребениях станицы Цымлянкой. На вопрос об этнической принадлежности этого могильника

К. Н. Наджимов не дает ответа. Новый материал с территории Башкирии, вероятно, даст возможность ответить на этот вопрос. Цифровые данные табл. I указывают на большое сходство между черепами Бирского и Зливкинского могильников по всем признакам за исключением одного — черепного указателя, разница по которому составляет почти семь единиц. Зливкинская серия брахикранный, причем в ней не только долихокранный, но даже ни одного мезокранный черепа нет. В Бирской серии, напротив, преобладают долихокраничные черепа, брахикранные же известны в единичных случаях. В чем тут дело, сказать трудно. Возможно, разницу в черепном указателе можно объяснить брахикефализацией, принимая во внимание, что разница во времени существования могильников составляет около трех столетий. Кроме черепного указателя можно отметить небольшую разницу в углах вертикальной профилировки. Черепа из Зливкинского могильника имеют более прямой лоб, слабее развитое надбровье, более ортогонатное лицо. Область переносья у них несколько выше. По другим важным признакам разница совсем незначительна. Все это дает основание высказать предположение о принадлежности обоих могильников к единой этнической группе. Правда, сходные типы могли образоваться и параллельно на этих территориях. Но в таком случае следует предполагать и наличие близких исходных компонентов на территории Башкирии и в степной полосе Восточной Европы. Это мало вероятно. Так или иначе основания для обсуждения вопроса о единстве этнического состава Бирского и Зливкинского могильников имеются. Большая роль в решении этого вопроса принадлежит данным археологии. Изучение Бирского могильника только начинается и можно надеяться, что в ближайшее время в распоряжении археологов и антропологов будет достаточно материала для решения поставленного вопроса в положительном или отрицательном смысле.

В каком отношении изученный материал бахмутинской культуры стоит к современным башкирам — вопрос, на который не представляется возможным ответить в настоящее время, потому что по башкирам нет краинологического материала. Сбор такого материала следует считать одной из первоочередных задач.

Выдвинутые положения в настоящем сообщении следует считать предварительными. Совместная работа археологов и антропологов, а возможно, и лингвистов, накопление большого материала позволит дать более четкую картину истории формирования современных башкир.

¹ А. В. Шмидт, Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии наук. Уфа, 1929.

² Т. Тот, Горизонтальная профилировка лицевого скелета древнего и современного населения Венгрии, Автореферат кандидатской диссертации, 1958.

³ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, М., 1948.

⁴ К. Н. Наджимов, О черепах Зливкинского могильника. Краткие сообщения Института этнографии, XXIV, 1955.

ТАБЛИЦА 1
Сравнение черепов из Бирского и Зливинского могильников

		Бирский могильник				Зливинский могильник			
		мужские		женские		мужские		женские	
		N	M	N	M	N	M	N	M
1	Продольный диаметр	13	184,1	9	176,3	9	177,8	7	165,7
8	Поперечный диаметр	14	140,1	9	138,3	9	147,8	7	142,3
17	Высотный диаметр	9	137,6	5	131,2	6	136,0	7	126,4
8:1	Черепной указатель	13	76,3	8	78,6	9	83,0	7	85,7
17:1	Высотно-продольный указатель	9	75,2	5	74,3	6	76,0	7	76,0
5	Длина основания черепа	10	100,1	5	98,6	6	102,3	7	93,4
9	Наименьшая ширина лба	16	97,4	10	95,0	9	95,6	7	89,9
9:8	Лобно-поперечный указатель	16	61,5	9	68,7	9	61,7	7	63,1
45	Скуловой диаметр	14	138,2	8	132,8	8	137,3	7	125,6
40	Длина основания лица	10	94,2	5	95,2	6	97,5	7	90,4
48	Верхняя высота лица	15	72,6	10	66,2	9	72,1	7	65,9
40:5	Указатель выступания лица	10	94,0	5	96,6	6	95,5	7	97,1
48:45	Верхний лицевой указатель	14	52,5	8	50,9	8	52,8	7	52,6
55	Высота носа	15	52,5	9	49,9	9	53,3	7	49,0
54	Ширина носа	15	26,1	8	26,0	8	27,0	7	24,7
54:55	Носовой указатель	15	49,6	8	52,1	8	51,0	7	48,7
51	Ширина орбиты от максиллофронтальной точки	15	42,5	8	40,8	9	43,5	7	41,1
51 a	Ширина орбиты от дакрiona	10	39,9	7	39,0	9	40,1	7	37,6
52	Высота орбиты	16	33,4	10	31,5	9	32,5	7	32,1
52:51	Орбитный указатель	15	78,2	8	78,5	—	—	—	—
ДС	Докриальная хорда	9	24,5	5	23,3	—	22,5	—	20,7
ДС	Докриальная высота	9	11,9	5	10,8	—	12,6	—	10,3
ДС:ДС	Докриальный указатель	9	48,8	5	47,1	—	58,5	—	49,6
SC	Симотическая хорда	11	8,69	7	7,54	—	8,9	—	8,1
SS	Симотическая высота	11	3,46	7	3,31	—	4,8	—	3,0
SS:SC	Симотический указатель	11	40,6	8	42,8	—	52,6	—	37,4
	Назомаллярный угол	14	140,4	10	145,1	—	140,0	—	143,2
	Зигмаксиллярный угол	14	132,9	7	132,0	—	132,8	—	132,2
32	Угол лба назнон-метоннон	13	81,5	8	83,8	8	83,1	7	87,2
	Угол лба глабелла-метоннон	13	75,0	8	79,3	8	79,1	7	83,7
72	Общий угол лица	13	85,5	7	81,3	8	88,0	7	87,6
73	Угол средней части лица	13	87,4	7	86,3	8	90,6	7	90,0
74	Угол альвеолярной части лица	12	78,4	7	77,6	8	77,4	7	77,2
75(1)	Угол носовых костей к линии профиля	10	24,6	5	23,0	7	24,9	7	22,2
	Надпереносье (1—6)	17	3,29	12	1,75	9	2,86	7	1,14
	Надбровные дуги (1—3)	17	2,47	12	1,50	—	—	—	—
	Клыковая ямка в мм	14	5,48	7	4,23	—	—	—	—
	Нижний край грушевидного отверстия	11	73,3	7	77,8	8	88,8	5	71,4

ТАБЛИЦА 2

Индивидуальные измерения черепов из Каратамского могильника

Инвентарный номер		11213	11213	11213	11214	11217
Номер погребения		1 чер. 2	3	3	3 чер. 2	7
П о л		ж	ж	ж	ж	ж
Возраст		30—40	25—30	40—45	40—50	30—40
1	Продольный диаметр	182	175	185	191	—
8	Поперечный диаметр	142	152	138	—	138
17	Высотный диаметр	139	—	137	—	—
8:1	Черепной указатель	78,0	86,9	74,6	—	—
17:1	Высотно-продольный указатель	76,4	—	74,1	—	—
5	Длина основания черепа	105	—	102	—	—
9	Наименьшая ширина лба	100	100	95	94	92
9:8	Лобно-поперечный указатель	70,1	65,8	68,8	—	66,7
40	Длина основания лица	107	—	99	—	—
45	Скуловой диаметр	132	—	138	145	129
48	Верхняя высота лица	67	—	64	67	66
40:5	Указатель выступа лица	101,9	—	97,1	—	—
48:45	Верхний лицевой указатель	50,8	—	46,4	46,2	51,2
55	Высота носа	45	—	48	53	52
54	Ширина носа	27,5	—	27,3	27,5	31
54:55	Носовой указатель	61,1	—	56,9	51,9	59,6
51	Ширина орбиты от максиллофронтальной точки	41,8	—	41,5	43,9	40,3
51a	Ширина орбиты от дакриальной точки	39,5	—	—	43,3	—
52	Высота орбиты	30,8	—	27,9	29,9	33,6
52:51	Орбитный указатель I	73,7	—	67,5	68,1	83,4
52:51a	Орбитный указатель II	78,0	—	—	68,8	—
ΔC	Дакриальная хорда	26,5	—	—	—	—
ΔS	Дакриальная высота	8,4	—	—	—	—
ΔS:ΔC	Дакриальный указатель	31,7	—	—	—	—
SC	Симотическая хорда	12,5	—	—	9,5	6,4
SS	Симотическая высота	1,4	—	—	4,2	2,0
SS:SC	Симотический указатель	11,2	—	—	44,2	31,3
	Назномаллярный угол	145	—	141	138	145
	Зигомаксиллярный угол	151	—	132	135	—
32	Угол лба назион-метоннон	87	—	86	72	80
	Угол лба глабелла-метоннон	83	—	79	68	74
72	Общий угол лица	81	—	86	84	84
73	Угол средней части лица	88	—	88	86	86
74	Угол альвеолярной части лица	65	—	79	75	75
75(1)	Угол носовых костей	45	—	—	35	19
	Форма черепа	ов.	сфер.	эл.	ов.	ов.
	Надпереносье (1—6)	2	2	3	2	2
	Надбровные дуги (1—3)	—	1	3	2	1
	Клыковая ямка в мм	0,8	—	4,9	6,4	6,7
	Передненосовая ость (1—5)	1	—	—	2	—
	Наружный затылочный бугор (0—5)	1	1	1	—	—
	Сосцевидный отросток (1—5)	2	2	3	3	1
	Нижний край грушевидного отверстия	l.p.r.	—	l.p.r.	ant	ant

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АС — Археологический съезд.
ВДИ — Вестник древней истории.
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры.
ГИМ — Государственный исторический музей.
ГМЭ — Государственный музей этнографии народов СССР.
ГЭ — Государственный Эрмитаж.
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua.
ЗУОЛЕ — Записки Уральского общества любителей естествознания.
ЗРАО — Записки Русского археологического общества.
ИИМК — Институт истории материальной культуры.
ИА — Институт археологии АН СССР.
ИАК — Известия Археологической комиссии.
ИИЯЛ БФАН СССР — Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР.
ИООРГО — Известия оренбургского отдела Русского географического общества.
КИЧП — Комиссия по изучению четвертичного периода.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МАЭ — Музей антропологии и этнографии АН СССР.
МАК — Материалы по археологии Кавказа.
МАР — Материалы по археологии России.
ОАИЗЕ — Общество археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском университете.
ОАК — Отчет Археологической комиссии.
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
СА — Советская археология.
СОГА — Свердловский областной государственный архив.
СЭ — Советская этнография.
ТИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР.
ТИЭ — Труды Института этнографии.
ТСАРАНИОН — Труды Секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук.
УЗ — Ученые записки.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.
ЦГА БАССР — Центральный государственный архив Башкирской АССР.

ОГЛАВЛЕНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

О. Н. Бадер, Следы палеолита на Южном Урале	9
К. В. Сальников, Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы	16
А. В. Збруева, Затонское селище	59
К. В. Сальников, К истории древней металлургии на Южном Урале	62
Л. Я. Крижевская, Поселения эпохи железа на северо-востоке Башкирии	75
М. Х. Садикова, Сарматский курганный могильник у дер. Старые Кишки	88
М. Х. Садикова, Новые памятники железного века Башкирии	123
Г. Н. Матиюши, Новые археологические памятники в окрестностях города Уфы	133
<u>П. Ф. Ищеряков</u> , Н. А. Мажитов, Городище Уфа II	140
Н. А. Мажитов, Поселение Ново-Турбаслинское II	151
В. С. Стоколос, Курган на озере Синеглазово	163

ЭТНОГРАФИЯ

Р. Г. Кузеев, Н. В. Бикбулатов, С. Н. Шитова, Зауральские башкиры (этнографический очерк быта и культуры конца XIX — начала XX вв.)	171
Р. Г. Кузеев, С. Н. Шитова, Современное коххозное жилище северных башкир	268
С. Н. Шитова, Женская одежда северных башкир	283
Мандоки Ласло, Р. Г. Кузеев, Предметы народного искусства в башкирской коллекции Венгерского этнографического музея	302
Т. М. Гаринов, Р. Г. Кузеев, Отчет о научной командировке в Венгерскую Народную Республику	323
Т. М. Гаринов, Р. Г. Кузеев, „Башкиро-мадьярская“ проблема (краткий обзор основных источников)	336
О. А. Авижанская, Р. Г. Кузеев, Этнографические коллекции по башкирам Государственного музея этнографии народов СССР	344

АНТРОПОЛОГИЯ

М. С. Акимова, Антропологические материалы бахмутинской культуры	361
Список сокращений	368

Академия наук СССР
Вашкирский филиал
Институт истории, языка и литературы

**АРХЕОЛОГИЯ И ЭПИГРАФИКА
БАШКИРИИ, I**

*Утверждено к печати Редакционно-издательским советом
Вашкирского филиала АН СССР*

Отв. за выпуск *М. В. Сурина*

Служебный набор 88. VI. 2001 г. Подписано к печати 28.IV 1982 г. Формат 84x109/16. Физ. печ. л. 20+0,25 бум. л. (23 нол.). Усл. печ. л. 27.
+ 0,25 бум. л. (23 нол.). Уч.-изд. л. 28,45+0,25 бум. л. (23 нол.)
Тираж 1000 экз. П 00226. Заказ 26 283. Цена 2 руб. 66 коп.

Полиграфический Комбинат Министерства культуры БАССР.
г. Уфа, проспект Октября, 2.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Столбец	Строка	Напечатано	Следует читать
91	правый	21 сверху	(табл. II, 1,7)	(табл. II, 17)
126	—	рис. 3	<i>a</i> —огач	<i>a</i> —огач
126	левый	17 снизу	(табл. II, 11)	(табл. I, 11)
142	.	26 сверху	(табл. VI, 1—5)	(табл. IV, 1—5)
229	.	1 .	(рис. 19)	(рис. 18)
242	правый	31 .	(рис. 29)	(рис. 30)
339	.	2 снизу	<i>Magvor</i>	<i>Magyar</i>
341	левый	18 .	<i>hоток</i>	<i>hоток</i>

Заказ № 253